

РЕЙГАН

Георгий
Чернябский
Лариса
Дубова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Рональд Рейган (1911–2004), 40-й президент США, по данным опросов общественного мнения этой страны являлся одним из наиболее авторитетных государственных деятелей за всю ее историю. Он был инициатором важных хозяйственно-социальных реформ, которые привели к выходу США из длительного экономического застоя, способствовали стимулированию предпринимательской деятельности среднего и крупного бизнеса, оздоровлению налоговой системы, позитивным изменениям в социально-культурной области. Многие его политические идеи были противоречивыми: он искренне стремился к ядерному разоружению, что не помешало ему объявить стратегическую оборонную инициативу, которая не только в международных кругах, но и в США рассматривалась как программа «звездных войн»; предпринял значительные шаги к прекращению холодной войны и в то же время стремился оказать давление на Советский Союз. Его администрация была замешана в шумном политическом скандале «Ирангейт». Предлагаемая читателю книга ставит своей целью объективно и всесторонне осветить жизненный и политический путь видного американского государственного деятеля на основе документальных первоисточников, прежде всего из архивов Соединенных Штатов.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Георгий Чернявский](#)
 -
 -
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)

- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [INFO](#)

- [comments](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)

- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)

- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)

- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)

- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)

- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)

- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)

- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)

- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)

- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)

- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)

- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)

- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)

- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)

- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)

- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)

- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)

- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)

- [780](#)
- [781](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)

- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1942

(1742)

**Георгий Чернявский
Лариса Дубова**

РЕЙГАН

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Чернявский Г. И., Дубова Л. Л., 2018
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2018

*Сказать, что человек состоит из силы и слабости,
из разума и ослепления, из ничтожества и величия,
— это значит не осудить его, а определить его
сущность.*

Дени Дидро

ВВЕДЕНИЕ

В самом центре Вашингтона, на Пенсильвания-авеню — главной улице города, примерно на полпути между Капитолийским холмом, где располагается Конгресс США, и Белым домом находится громадное представительное здание, носящее имя Рональда Рейгана (Ronald Reagan building). В вестибюле этого дома возвышается бесформенная глыба железобетона, а перед ней надпись: «Генеральный секретарь Горбачев, если вы стремитесь к миру, если вы стремитесь к процветанию для Советского Союза и Восточной Европы, если вы стремитесь к либерализации, приезжайте сюда, к этим воротам, мистер Горбачев, откройте эти ворота. Мистер Горбачев, снесите эту стену! (Рональд Рейган)».

Слова эти были сказаны президентом США Рейганом во вторник 12 июня 1987 года в Западном Берлине, на самой границе со столицей тогдашней Германской Демократической Республики, перед Бранденбургскими воротами, где находился основной пропускной пункт между двумя Берлинами, двумя Германиями, двумя мирами.

Рональд Рейган по праву считается одним из тех деятелей, которые сыграли ведущую роль в ликвидации этой стены и в узком, и в широком смысле слова. Но его деятельность отнюдь не сводилась только к этому, она была продолжительной, широкой и многообразной. По свидетельству журналистов, по данным опросов общественного мнения, он являлся одним из наиболее авторитетных государственных деятелей Соединенных Штатов за всю историю этой страны.

Серьезная американская историческая литература об одном из самых популярных президентов США, единственном, кто вторично был избран на этот пост в возрасте семидесяти трех лет, причем победив в сорока девяти штатах из пятидесяти (его противник У. Мондейл получил большинство также в столице страны), невелика. Большинство книг о Рейгане составляют легковесные пропагандистские издания, которые в зависимости от партийной привязанности и личного настроения авторов то воспевают, то ядовито ругают этого героя.

То же относится и к литературе общего характера. При этом подчас доходит до парадоксов. Ларри Швейкарт и Майкл Аллен, авторы «Патриотической истории Соединенных Штатов» (уже само название книги вызывает законное сомнение в ее объективности), предлагают некий тест, чтобы определить, правдиво или лживо то или иное пособие по

истории: если автор приписывает инициативу окончания холодной войны Горбачеву, а не Рейгану, это значит, что не только по этому, но и по другим вопросам книга написана нечестно!^{1}

Подобные наивные, до предела субъективные утверждения содержатся и во многих других хвалебных публикациях о Рейгане.

Лишь в нескольких изданиях предпринята попытка более или менее объективно проследить жизненный и политический путь Рональда Рейгана. Как нам представляется, наиболее адекватно, хотя и кратко все этапы деятельности 40-го президента Соединенных Штатов освещены в недавней работе биографа Рейгана Джекоба Вейсберга, опубликованной в серии «Американские президенты»^{2}. Однако и этот труд явно страдает нехваткой системного анализа деятельности Рейгана, особенно в годы его президентства, напоминая, скорее, хронику его жизни. При этом круг источников, на которые опирается автор, узок. Многие факты вообще остаются без документального подтверждения, видимо, в связи с тем, что Вейсберг использовал работы более ранних авторов, но старался не акцентировать на этом внимания. В книге встречаются неточности. Некоторые из них, наиболее существенные, мы отметим ниже.

Из других серьезных изданий следует отметить опубликованный в 2015 году в Великобритании сборник статей, посвященный основным этапам жизни и деятельности Рейгана, в котором особое внимание уделено его экономической политике и взаимоотношениям с СССР, причем авторы стремятся по возможности дать объективный, взвешенный анализ рассматриваемых ими проблем. Статьи сборника отчасти носят историографический характер: в них критически рассмотрена ранее опубликованная литература о Рейгане^{3}.

Многие книги о Рейгане представляют собой более или менее добросовестно подготовленные хронологические повествования без сколько-нибудь проблемного подхода и без анализа его идейной и политической эволюции, государственных инициатив, их замыслов, характера выполнения, результатов и значения. В то же время такие работы в ряде случаев полезны приводимым в них фактическим материалом. Заслуживают быть отмеченными в этом смысле книги журналиста Лу Кэннона, который заинтересовался Рейганом и его семьей, когда тот был еще губернатором Калифорнии, а позже в течение всех лет президентства Рейгана был корреспондентом газеты «Вашингтон пост» при Белом доме и написал несколько книг о Рональде Рейгане^{4}. В значительной степени его работы основаны на беседах и интервью с Рейганом и на материалах пресс-

конференций.

В то же время американская литература изобилует различными сенсационными изданиями, не основанными на какой-либо документальной базе, в которых сообщаются всевозможные слухи и сплетни, вплоть до того, что Рейган фактически был фиктивным президентом, что реально страной правила его жена Нэнси, которую якобы даже называли «миссис президент». Особо отличилась в этом смысле некая Китти Келли, автор нескольких книг о женах американских президентов, единственная цель которой — привлечь к своим публикациям внимание любителей «клубнички» и обеспечить их высокие тиражи. Келли посвятила специальную книгу Нэнси Рейган, в которой утверждает, что вся жизнь первой леди была цепью фальшивок, что она не просто вмешивалась в государственные дела, а диктовала свои решения мужу.

Дополнительный «аромат» этой книге придает утверждение, что Н. Рейган имела длительную сексуальную связь с певцом Фрэнком Синатрой, о которой знал ее муж, но ничего не мог с этим поделать. Ни одним документальным источником сенсации К. Келли не подтверждаются, вся книга основана на «свидетельствах» не называемых ею очевидцев^[5]. К сожалению, вкусы читающей публики оказались таковыми, что книга Келли стала бестселлером и переиздавалась несколько раз.

Подобных изданий в США немало, и они крайне затрудняют восприятие объективного облика Рейгана.

Есть несколько книг, посвященных Рейгану и его эпохе, написанных российскими авторами. Наиболее значительна из них работа бывшего дипломата, а затем историка Э. А. Иваняна^[6], опубликованная накануне распада СССР, но готовившаяся, разумеется, на протяжении не одного года. Книга содержит в основном более или менее достоверные факты, излагаемые в пределах, можно сказать, остаточной марксистской концепции, без излишней идеологизации и тем более пресловутого «классового подхода», на базе в основном американской литературы и мемуаров. При этом старательно пересказываются (обычно без ссылок) всевозможные слухи и сплетни, выставляющие Рейгана не с лучшей стороны, в частности обвиняющие его в финансовых махинациях. Опубликованные документальные источники Иванян использовал в незначительном количестве, а к архивам не обращался вообще. Немало в работе лакун. Ни слова не говорится, например, о мероприятиях администрации Рейгана и его лично против наркомании и СПИДа, об американской космической программе, о проблемах иммиграции и

экологии. В то же время подробно освещаются сюжеты, не имеющие отношения к герою повествования (например, о применении системы К. С. Станиславского в американском театре и кино, об истории спорта в США, о деятельности комиссии по расследованию антиамериканской деятельности до свидетельств в ней Рейгана). Что же касается главного этапа жизни Рейгана — его пребывания на президентском посту, то ему посвящена лишь треть книги (две главы из десяти), причем этот текст явно не украшают пространные цитаты из сочинений американских авторов и мемуаров самого героя, в основном подобранные таким образом, чтобы представить Рейгана в негативном свете (то же относится к освещению деятельности Рейгана на посту губернатора Калифорнии). Неуместны в книге некоторые иронические высказывания по адресу героя повествования, вроде заявления: «Для того чтобы вызвать у американцев впечатление нормального хода дел, одной президентской улыбки было уже недостаточно»^{7}. Несостоятельно, как мы увидим, стремление Иваняна оценить взгляды Рейгана начиная с 1960-х годов как ультраконсервативные и даже экстремистские. В работе встречаются неточности, ошибочные данные и даже противоречащие друг другу хронологические сведения. На некоторые из этих ошибок мы обратим внимание читателей. В то же время можно полагать, что часть недостатков работы Иваняна связана с его смелой попыткой обратиться к биографии Рейгана фактически сразу после его ухода с президентского поста.

В нескольких других изданиях внимание сосредоточено на социально-экономической и внешней политике США во время президентства Рейгана. Хотя его имя упоминается в заголовках, речь идет именно о тех или иных моментах истории страны, а не о деятельности определенной личности^{8}. Представляет некоторый интерес очерк киевского журналиста А. Пидлуцкого о Рейгане^{9}. Это, однако, чисто публицистическое произведение, основанное на ранее вышедших изданиях и, как уже показывает название, посвященное только одной стороне внешнеполитической деятельности Рейгана, значение которой в немалой степени преувеличивается (другие аспекты затрагиваются лишь от случая к случаю).

Предлагаемая читателю книга ставит своей целью по возможности объективно и всесторонне осветить весь жизненный и политический путь видного американского государственного деятеля на основе документальных первоисточников, прежде всего комплекса документов из архивов Соединенных Штатов, и с учетом имеющейся литературы о нем.

Разумеется, нам придется рассказывать не только о Рейгане, но и о жизни страны в его эпоху, но мы будем стремиться совместить при этом два подхода: освещать развитие США сквозь призму взглядов и деятельности Рейгана и давать представление о том, как американская действительность оказывала влияние на эволюцию позиций Рейгана и на принятие его решений.

Ценные источники, связанные со всем жизненным путем и особенно с деятельностью Рейгана на посту президента, хранятся в Библиотеке Рональда Рейгана — своеобразном научно-просветительном учреждении, являющемся одновременно его архивом и музеем, а также библиотекой изданий, связанных с его именем и деятельностью. О Библиотеке Рейгана в городке Сими-Вэлли (Калифорния) мы расскажем в конце книги — в разделе, посвященном ее созданию.

Многие ценные документы, особенно связанные с подготовкой законодательных актов и внешней политикой Рейгана, хранятся в Национальном архиве Соединенных Штатов в Вашингтоне.

Важным для нас оказался Центр Миллера Вирджинского университета, который с 2001 года проводит беседы с людьми, сотрудничавшими с президентом, являвшимися его помощниками или входившими в его правительство. На этой базе создан фонд так называемой «устной истории», в котором хранятся стенограммы бесед с несколькими десятками деятелей, в том числе государственным секретарем 1980-х годов Джорджем Шульцем, министром обороны Каспаром Вайнбергером, министром юстиции Эдвином Мизом, руководителем аппарата Белого дома, а затем министром финансов Джеймсом Бейкером. Каждый из них сообщал интервьюерам — специалистам в области современной американской истории те или иные подробности о деятельности президента и давал свою оценку. Наиболее ценными, на наш взгляд, являются сведения Дж. Шульца.

Чрезвычайно интересны некоторые материалы, связанные со скандалом, возникшим в середине 1980-х годов и получившим название дело «Иран-контрас», которые мы обнаружили в Архиве национальной безопасности Университета имени Джорджа Вашингтона в столице США.

Нами были использованы также материалы Архива Федерального бюро расследований, Архива Центрального разведывательного управления, рукописных фондов Библиотеки Конгресса США, Нью-Йоркской публичной библиотеки, библиотеки Стэнфордского университета в Беркли.

Серьезным дополнением к архивным материалам являлись опубликованные первоисточники: законодательные акты и их проекты,

стенограммы дипломатических переговоров, статьи в газетах и журналах.

Важными источниками, характеризующими Рейгана не только как государственного деятеля, но еще в большей степени как личность, являются его дневники и воспоминания. Он был одним из немногих президентов, кто вел дневник, и единственным президентом за всю американскую историю, кто делал записи почти ежедневно. В результате рукопись дневников составила пять объемистых томов. Даже в тот день, когда на Рейгана было совершено покушение и он был тяжело ранен, в дневнике появилась запись (по всей видимости, продиктованная) об этом событии. Дневниковые записи в основном краткие, о событиях дня, включая совершенно рутинные дела вроде посещения врача или парикмахера. В то же время по ним можно проследить, как проходили совещания в Овальном кабинете Белого дома (официальном кабинете президента), как выработывались ответственные решения, подбирались сотрудники на высокие должности и т. д. Лишь иногда в записях проскальзывают сентиментальные нотки, в основном связанные с чувствами по отношению к жене, особенно когда она отсутствовала в Вашингтоне. Любопытно, что в подлиннике дневников немало грамматических ошибок. В высокой степени овладеть грамматикой родного языка Рейган так и не смог. Естественно, при издании ошибки в правописании были устранены, что же касается неуклюжих стилистических оборотов, то публикатор Дуглас Бринкли сохранил их в полной мере, сделав в необходимых случаях соответствующие оговорки^{10}.

Интерес американской публики к личности Рейгана оставался настолько высоким, что эта книга заняла первое место в перечне бестселлеров за 2007 год, когда она была опубликована. Главный архивист Библиотеки Рональда Рейгана Майк Дюгэн констатировал: «Я не назвал бы эту книгу глубоко проникновенным дневником, но он отстаивает свою позицию. То, что вы читаете, подтверждает вещи, которые можно было бы увидеть в лице самого Рейгана»^{11}.

Р. Рейган опубликовал несколько автобиографических книг, из которых наиболее важным изданием являются его фундаментальные воспоминания «Американская жизнь»^{12}.

Воспоминания о Рейгане оставили его дети, сотрудники, друзья. Большею частью они описывают Рейгана явно идеализированно, а некоторые даже восторженно. Естественно, что для авторов этой книги представляли интерес не всевозможные, подчас даже почти нелепые

оценки, а приводимые в тексте документы, факты, свидетельства очевидцев. Особенно отличается такого рода противоречием — между ценными фактами и многократно повторяющимися восторженными оценками — книга приемного сына Рейгана Майкла, окрашенная к тому же всякими религиозными преувеличениями (вроде «божественного вдохновения» отца) и невероятной переоценкой политической роли Рональда Рейгана, который якобы единолично разрушил советскую «империю зла». Она, эта «империя», согласно книге М. Рейгана, неизвестно как долго продолжала бы существовать, если бы не его отец. Сам М. Рейган признает, что его книга — это не воспоминания в прямом смысле слова, а своего рода книга чести. «Он [его отец] был стандартом, в соответствии с которым я измерял себя»^{13}.

К воспоминаниям Рейгана и воспоминаниям о Рейгане полностью относится простое и в то же время точное и оригинальное определение известной современной актрисы Ингеборги Дапкунайте: «Как только человек начинает что-то рассказывать, правда растворяется в его интерпретации, субъективном взгляде на вещи»^{14}. У любого мемуариста невольно возникает некий «угол отклонения» от истины^{15}, который необходимо учитывать при работе с воспоминаниями.

Наша книга не могла бы быть написана, если бы мы не получали добросердечные и весьма квалифицированные советы и суждения коллег и друзей, если бы нам не оказывали столь же плодотворную помощь коллективы архивов и библиотек, материалы которых необходимо было изучить.

Всем им наша сердечная благодарность.

Глава 1

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Джек, Нелл и их дети

Будущий 40-й президент Соединенных Штатов Америки Рональд Уилсон Рейган родился 6 февраля 1911 года в крохотном городке Тампико в штате Иллинойс. Он появился на свет в маленькой квартире двухэтажного дома, на первом этаже которого находился филиал какого-то банка. Когда ему исполнилось уже 73 года, Рональд в апреле 1984 года то ли с жалостью, то ли гордо, то ли с оттенком иронии заметил: «Других контактов с банками у меня не было»^[16]. В городке, который скорее следовало считать селом, было всего 850 жителей, включая новорожденного. Ни одного врача в Тампико не было, а роды ожидались нелегкими. По счастью, в городке случайно оказался проезжавший мимо врач, который согласился помочь почти безвозмездно.

Отец ребенка Джон Эдвард, которого обычно называли Джеком, был по происхождению ирландцем и, как большинство его соплеменников, исповедовал католицизм. Его сравнительно недавние предки эмигрировали с родного острова в середине 1850-х годов, изменив свою родовую фамилию О'Риган на Рейган, звучащую более по-американски. Они, однако, сохранили преданность своей бывшей родине и своей религии.

Родившийся в 1883 году в городке Фултон на Среднем Западе страны, в штате Иллинойс, где находится второй после Нью-Йорка по численности населения экономический и культурный центр США — Чикаго, Джек остался сиротой в шестилетнем возрасте. Его родители жили в нищете и умерли один за другим от туберкулеза. С десятилетнего возраста он вынужден был зарабатывать на жизнь, выполняя различные мелкие поручения и принося деньги родственникам, в семьях которых рос, а с шестнадцати лет стал разносным продавцом обуви.

Джек был человеком противоречивым: стремился разбогатеть в чисто протестантском штате, но упорно отказывался сменить религиозную принадлежность.

Между тем до второй половины XX века католицизм не пользовался в стране (особенно в центральных штатах и на западе) каким-либо

уважением. Более того, католиков часто не считали патриотами, упрекали в том, что они более привержены римскому папе, нежели американскому народу. Глава клана Кеннеди, отец знаменитых братьев, один из которых, Джон, являлся президентом США, сам принадлежавший к католической религии, вспоминал, что о католиках говорили, будто они служат не своей стране, а «антихристу из Рима». Лишь постепенно численность католического населения в Иллинойсе возрастала, чтобы к настоящему времени превратиться в наиболее массовую конфессию (в 2016 году в Иллинойсе проживало 3,9 миллиона католиков, то есть около 30 процентов населения штата)^{17}.

В начале же XX века католики, в том числе отец Рональда, чувствовали себя отверженными, открыто говорили об этом, но, как правило, не желали менять религию^{18}.

У матери, которую звали Нелл Уилсон, были шотландские и английские корни, и принадлежала она к протестантской церкви. Родилась она в том же городке Фултон в том же 1883 году, что и ее будущий супруг. Отец ее, наплодив семерых детей, сбежал в Чикаго, всю ораву детей воспитывала мать, работавшая прислугой в богатых домах не только Фултона, но и других городков поблизости.

Джек и Нелл встретились и поженились в 1904 году, когда обоим было по двадцать одному году. Несмотря на принадлежность к различным ветвям христианства их брак оказался прочным, хотя Нелл постепенно становилась фактически главой семьи, самостоятельно решая нелегкие семейные проблемы.

Был у Ронни старший брат Нил, который, несмотря на общественные успехи младшего на три года Рональда, по социальной лестнице продвинулся незначительно. Он стал актером, снялся в нескольких фильмах, но не получил известности, играя обычно второстепенных персонажей. Нил оказался настолько незаметной фигурой, что в русской версии Википедии его даже по ошибке назвали рекламщиком^{19}, которым он не являлся, хотя действительно недолгое время работал в рекламных клубах Голливуда и Лос-Анджелеса. Позже Нил занимал самые разные административные должности в компаниях и попечительских советах различных организаций, не связанные с карьерой младшего брата. Скончался он в 1996 году^{20}.

Вспоминали, что, впервые увидев новорожденного младшего сына, Джек, любивший выпить и на этот раз позволивший себе проглотить изрядную порцию спиртного, произнес: «Он выглядит как маленький

толстенький голландец, но, кто знает, когда вырастет, он, может быть, станет президентом»^{21}. Окружавшие роженицу и младенца родные шикнули на отца, чтобы он не говорил глупостей. Да он и сам понял, что сказал нелепость, не ведая, что его слова окажутся пророческими. Вторые роды Нелл были очень тяжелыми, и врач предупредил ее, что еще одна беременность может привести к роковым последствиям^{22}. В отличие от многодетных соседских семей Рейганы ограничились двумя наследниками.

Семья Рейган отнюдь не была богатой. Отец, не имевший определенной специальности и часто менявший работу, временами неплохо зарабатывал, но вскоре терял основную часть нажитого и в связи с тем, что его увольняли и он какое-то время оставался безработным, и в результате выпивок, которые со временем становились все более частыми. А это приводило к неоднократным переездам семьи из одного города штата Иллинойс в другой. Когда Ронни было три года, отец попытался обосноваться в Чикаго. Ему удалось получить работу в крупном обувном магазине. Но однажды он был арестован за то, что в пьяном виде приставал к людям и вообще вел себя плохо, «устроив беспорядок». Через несколько дней его выпустили на свободу, но с работы он был уволен и вместе с семьей возобновил переезды.

Джек, впрочем, считал, что он, когда-то окончивший некие курсы, является специалистом по продаже обуви. Он мечтал, что когда-нибудь разбогатеет и сможет открыть магазин модной обуви. Осуществить эту светлую мечту ему так и не удалось. Более того, у Рейганов не было собственного дома, который в Америке считался символом стабильного положения. Только в 1938 году Джек и Нелл смогли наконец обосноваться в собственном небольшом домике на западном побережье страны, в Голливуде. Дом был подарком младшего сына, который к концу 1930-х годов стал довольно успешным актером кино. Это, однако, произойдет сравнительно нескоро.

Пока же в результате тяжелейшего экономического кризиса, разразившегося в конце 1929 года, семья почти разорилась, но в последующие годы ей удалось достичь прожиточного уровня жизни. Сам Рональд комментировал: «Мы не были нищими, но жили так близко к этому печальному состоянию, что часто можно было услышать громкий свисток тревоги»^{23}. Это, однако, была оценка из будущего. Тогда же, по воспоминаниям Рейгана, они «были бедными, но не знали, что бедны»^{24}.

Мать, однако, воспитывала сына в духе оптимизма, уверенности в том, что он добьется всего, к чему будет стремиться, если, разумеется, станет

прилагать к этому нужные усилия. Ярко оптимистичны, в определенной мере даже окрашены в розовые тона воспоминания Рональда о своих детских годах. Он описывал свое детство как «идиллию Гека Финна»^[1]. Он, по его словам, любил бродить по окрестностям, искать гнезда птиц, ловить ярких бабочек. Преодолевая страх, уже в раннем подростковом возрасте вместе с товарищами (они часто менялись в связи с переездами семьи из одного городка в другой) забредал в лесную глушь и даже оставался там на ночь. Зимой река Рок, протекавшая поблизости, замерзала и превращалась в великолепный каток, где Ронни оттачивал свое конькобежное мастерство, которым он в зрелом возрасте неоднократно хвастал. Он даже придумал своеобразный парус: снимал пальто и держал его таким образом, что попутный ветер просто нес его по гладкой ледяной поверхности^{25}.

Через много лет Рейган, любивший всякие поучительные притчи, в одной из политических речей рассказал историю двух сыновей неких родителей: один сын был чрезмерным пессимистом, а другой — безграничным оптимистом. Чтобы привести в норму того и другого, родители обратились к психиатру. Последний поместил пессимиста в закрытую комнату с яркими игрушками, а оптимиста — в комнату с засохшим конским навозом. Когда же родители явились за результатами, они обнаружили, что пессимист рыдает: он не осмеливался прикоснуться к игрушкам, опасаясь, что они разобьются; оптимист же объявил, что он радовался, так как навоз означал, что где-то поблизости есть красивая лошадка^{26}.

В этом рассказе явно чувствуется намек на него самого и его брата. Ронни относился к тем подросткам, которые постоянно надеялись увидеть поблизости красивую лошадку. Безграничным оптимизмом отличаются две главные книги его воспоминаний. Даже признавая, что его отец любил выпить, он всячески восхвалял его «любовь к обуви» и выражал уверенность, что тот добился бы безусловного коммерческого успеха, если бы жил в другую эпоху. Тот факт, что отец оказался неудачником, он относил только к объективным обстоятельствам, но отнюдь не к его личным качествам, о чем он не только писал, но и многократно повторял в своих интервью^{27}.

Такого рода мыслям в значительной степени благоприятствовало то, что Джек действительно любил своих сыновей и иногда приносил в дом игрушки и игры, цена которых явно не соответствовала материальному положению семьи. Ронни был буквально потрясен, когда отец однажды пришел домой с большим ящиком, в котором оказался невероятно дорогой

подарок — игрушечная электрическая железная дорога. Одного этого подарка было достаточно, чтобы сохранить о родителе самую добрую память на многие годы.

Старший брат Нил отнюдь не был столь оптимистичен. Он вспоминал, что семья постоянно находилась в состоянии неопределенности, что она просто блуждала в поисках лучших условий заработка и жизни, что они с братом спали на одной кровати и оба страдали детским ночным недержанием мочи. Вот что рассказывал Нил о том времени, когда ему было семь лет, а Ронни — четыре с половиной года, то есть в конце мировой войны. Это было как раз тогда, когда семья ненадолго перебралась в Чикаго, надеясь устроиться там, но этого не произошло, и Рейганы находились на грани нищеты. «Мне давали десятицентовую монету и посылали на мясной рынок... купить кости для супа. В те дни... печень продавалась за бесценок. Мне говорили, чтобы я попросил у мясника печень для кошки. Кошки у нас не было. Нашим праздничным обедом в воскресенье всегда была жареная печенка. Всю остальную неделю мы ели суп из костей. Мама клала их в кастрюлю, добавляла немного картошки и моркови, и мы ели этот суп, пока не наступала суббота»^{28}.

Что же касается подарков, то Ронни на всю жизнь запомнил историю с железной дорогой, а его старший брат запомнил год, когда отец пропил деньги, предназначенные на рождественские подарки, и не принес в дом ничего^{29}.

Детские мечты и реальные перспективы

С ранних лет героями, которым стремился подражать Ронни, были не просто люди, добившиеся в жизни каких-либо выдающихся результатов, а именно те, кто совершил личный подвиг на войне, — и даже не командующие войсками, а находившиеся на передовой линии боев и проявившие невероятную личную храбрость. Ронни родился за три года до начала Первой мировой войны, которую в Соединенных Штатах, да и в ряде европейских стран именовали Великой войной, — до тех пор, пока не разразилась Вторая мировая, которая во много раз превысила и подвиги, и жертвы, и разрушения Первой мировой войны. На главной улице городка Тампико, которая так и называлась — Главная улица (*Main street*), по окончании Великой войны возвели незамысловатую триумфальную арку, возле которой часто собирались отставные солдаты, недолго, в течение

года, воевавшие на европейских полях сражений. Нередко, взбодрившись стаканчиком-другим виски, они рассказывали о боевых эпизодах, изрядно привирая и почти всегда преувеличивая собственную храбрость.

Ронни, которому было лет девять-десять, часами не отходил от этих людей, жадно слушал их истории, верил каждому слову, старательно запоминал все подробности, тренируя таким образом свою память, которая своей цепкостью удивляла и взрослых, и сверстников, и мечтал о том, как он последует примеру героев и прославится. «Я был молокососом и молился о том, чтобы стать героем»^{30}, — писал Рональд Рейган в 1977 году.

Живые свидетельства участников недавней войны дополнялись воспоминаниями ветеранов Гражданской войны 1861–1865 годов, которых в Иллинойсе через полвека с лишним оставалось совсем немного и которых тем более чествовали как носителей американской свободы, сохранивших единое государство, не дав ему распасться.

Пока его брат и другие мальчишки играли в войну, Ронни внимательно слушал рассказы ветеранов, а затем живо представлял, как он повел бы себя в реальной боевой обстановке.

По всей видимости, основной причиной того, что у Ронни в детстве не сложились товарищеские отношения ни с одним из сверстников, являлись частые переезды семьи. Правда, сам Рональд позже убеждал свою жену Нэнси, что он в подростковом возрасте чуждался общества и предпочитал проводить время в одиночестве, бродя по окрестностям, купаясь в речках и даже занимаясь верховой ездой^{31}.

Эти рассказы, однако, выглядят фантазией, особенно если иметь в виду, что карманные деньги у Ронни водились очень редко, так что он был не в состоянии позволить себе конные прогулки.

В то же время взрослым американцам того времени перспектива военных подвигов казалась крайне отдаленной, если не иллюзорной. США принадлежали к числу стран — победительниц в мировой войне. Они, правда, не вошли в Лигу Наций — созданную после войны международную организацию безопасности, но сотрудничали с ней и считали, что разгром Германии и ее союзников обеспечил длительный мир.

Разумеется, обычные общественные трудности были налицо. Социальное неравенство, эксплуатация труда, преступность, заразные болезни и прочие негативные факторы омрачали жизнь основной массы американцев. Корь и дифтерия, с которыми через несколько десятилетий стали быстро и сравнительно легко справляться, в то время были

смертельными болезнями. Когда Ронни было семь лет, его мать стала жертвой эпидемии гриппа и едва не умерла. Грипп тогда называли «испанкой» по названию страны, где, как считалось, началась пандемия, он быстро распространился и на Американский континент. В США от «испанского гриппа» умерло около 675 тысяч человек, или 0,6 процента всего населения страны.

Семья Рейган принадлежала к тем кругам низшего социального класса, представители которого смотрели в будущее с оптимизмом. Ронни воспитывался в обстановке, которую в последующем стали называть временем «американской мечты»: каждый человек, обладающий даже средними способностями и не имеющий никакого состояния, может добиться осуществления своих чаяний, если приложит к этому все свои силы и энергию. При этом проповедовалось, что реализовывать свои цели следует только честным путем, что абстрактное «добро» всегда побеждает умозрительное «зло».

Это были, разумеется, утопические грезы в реальном мире борьбы за существование, но на юного Ронни, как и на огромную массу его сверстников, они оказывали мощное воздействие. Постепенно книги о боевых героях и их подвигах сменялись литературой о жизни подрастающего поколения в американской глубинке, о том, как юноши мужают, преодолевают невероятные жизненные трудности. Но в конце почти всегда был «хеппи-энд» — герой становился сенатором, или владельцем крупной компании, или удачливым актером и т. п.

Постепенно мечта стать военным и прославиться подвигами на поле боя сменилась желанием рассказывать, а затем писать забавные истории. Примером в этом отношении был отец, любитель выпить, которого затем невозможно было удержать от длинного, обычно запутанного повествования, где действительные воспоминания смешивались с выдумкой, порой красивой, чаще примитивной, но воспринимались они как взрослыми, так и детьми, в том числе и собственным сыном, с неизменным вниманием.

Один из таких рассказов особенно понравился Рональду, и позже он неоднократно его повторял. Это была притча о скромности. В ней говорилось о том, как некий человек, выживший во время сильного наводнения, попал в рай, где был встречен святым Петром. «Что нового на земле?» — спросил старец. «Самое главное — это наводнение, которое произошло давным-давно, и то, что я оказался единственным, кто остался в живых, прожил долгую жизнь и теперь отправился в рай». Святой Петр представил новопривывшего райским старожилам, а когда тот с похвальбой

рассказал им свою историю, прошептал ему на ухо: «Видишь того человека, который скромно сидит в последнем ряду? Это Ной»^[32].

Но постепенно все большее влияние на подростка оказывала мать, которая обожала сцену и мечтала, что Ронни когда-нибудь станет знаменитым актером. Материнская мечта передалась сыну. Он узнал о существовании Голливуда, с удовольствием смотрел первые, тогда еще немые фильмы и рано, примерно в возрасте 11–12 лет, стал считать, что будет знаменитым актером.

Постепенно выработалась сохранившаяся на всю жизнь привычка измерять все жизненные явления, всю свою деятельность, включая общественную и политическую, мерками актерского мастерства. В 1966 году, когда Рейган впервые выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора, его спросили, как он поведет себя в качестве главы администрации штата. Он небрежно бросил: «Не знаю. Я никогда не играл губернатора»^[33].

И позже, даже будучи президентом, Рональд по-прежнему относился к общественным явлениям, даже самым серьезным и сложным, словно они происходили на сцене, были ярким действием, заслуживающим восторга толпы. В конце 1975 года, включившись в борьбу за президентское кресло, он в одном из выступлений следующим образом описал преодоление сегрегации негров в вооруженных силах, приписав это, без каких-либо оснований, конкретному событию Второй мировой войны: «Когда японцы сбросили бомбы на Пёрл-Харбор, там был моряк-негр, который работал на кухне. Он схватил ручной пулемет, с которым справиться было нелегко, и до конца стоял на пирсе, ведя огонь по японским самолетам, которые устремлялись вниз и обстреливали его, и именно таким образом с ней [сегрегацией] было покончено». Когда же репортер возразил, что на самом деле сегрегация в войсках продолжалась до 1948 года, когда президент Трумэн издал исполнительное распоряжение о ее запрещении, Рейган продолжал настаивать на своем: «Я помню это очень хорошо. Это была мощная штука»^[34]. Так на всю политическую жизнь у Рейгана сохранялось упрощенное, кинематографическо-сценическое представление о сложнейших общественных явлениях.

Идеальные сцены из фильмов и повестей для юношества причудливым образом откладывались в сознании ребенка, а затем подростка, оставив след на всю жизнь. В отличие от подавляющего большинства тех, кто вступал на политический путь, Рейган сохранил в себе следы этой причудливой смеси. Она оказывала влияние на его

деятельность как губернатора, а позже президента, побуждала его верить в простые решения. До конца своей исполнительной власти он сохранил веру в то, что бюджет США может быть сбалансирован, а налоги понижены путем восстановления простой «справедливости» — прекращения бесплодной траты государственных средств, обмана со стороны представителей государственного аппарата, их злоупотребления властью.

Когда президента Рейгана спрашивали, какие книги он предпочитал в подростковом возрасте, он часто называл романы Перла-Зейна Грея, писателя, популярного в 10—20-е годы XX века, но подвергавшегося суровой критике со стороны литературоведов и сравнительно быстро потерявшего популярность. В его многочисленных книгах, выдержанных в стиле вестернов, фигурировали мужественные ковбои и другие герои освоения Запада, благородные рыцари, выполняющие волю дам. Особенно Рональду нравился роман об одном из таких героев. Этот человек спас девушку, стоявшую на грани грехопадения, прошел трудный путь на Западе и в конце концов был избран в Конгресс. «Так или иначе, — вспоминал Рейган, — когда я оглядываюсь назад, я вспоминаю, что мое чтение оставило глубокую веру в триумф добра над злом. Там остались герои, которые жили по стандартам морали и честной игры»^[35].

Но все это произойдет через много лет. Пока же Рональд Рейган рос в бедной семье американца ирландского происхождения, который себя бедным отнюдь не считал и был уверен, что наступит время, когда он и его семья каким-то образом окажутся в высшем обществе.

Если в раннем детстве образцом для Ронни был отец благодаря его бесконечным захватывающим историям, то постепенно он начинал понимать, что за красивыми речами Джека не скрывается ничего путного, хотя, по крайней мере внешне, относился к отцу с глубоким почтением. Мать же все больше становилась образцом для подражания.

Нелл была женщиной религиозной, принадлежала к Ученикам Христа, одному из многочисленных течений протестантской церкви. Она настояла на том, чтобы Ронни был крещен именно в этой конфессии (старший брат по настоянию отца стал католиком). Нелл была убеждена, что высший долг религиозного человека — оказывать помощь ближним. От этого принципа она не отступала, вплоть до того, что давала приют в своем доме бывшим уголовникам, освобожденным из заключения, несмотря на нужду собственной семьи.

Нелл снисходительно относилась к запоям своего супруга и убеждала детей, что его пьянство — это хроническая болезнь, с которой следует смириться и воспринимать ее как некую данность. Рональд вспоминал:

«Она уговаривала нас помогать ему и любить его»^{36}. Далеко не всегда эти увещевания оказывали действие. На всю жизнь запомнил он, как в одиннадцатилетнем возрасте, придя домой из школы (Рейганы жили в то время в городке Диксон в том же Иллинойсе), он застал отца мертвецки пьяным, лежащим на пороге дома. Пришлось приложить немалые усилия, чтобы затащить отца в комнату и уложить в постель. О том, что произошло, он не рассказал ни брату, ни матери, посчитав этот эпизод началом осознания им ответственности за родных и близких. Он понял также, что далеко не всем можно делиться даже с самыми близкими людьми. Чувство отвращения к крепким спиртным напиткам осталось на всю жизнь. Повзрослев, Рональд с удовольствием выпивал за обедом бокал хорошего вина, но для него было пыткой, если приходилось по какому-то поводу проглатывать рюмку виски или водки.

По инициативе матери никакого почитания родителей в семье не было. Дети называли старших по имени, а Нелл в свою очередь дала мальчикам прозвища, которые нравились обоим. Нила называли Мун (Луна) по имени героя карикатур известного художника Фрэнка Вилларда, Рональда с ранних лет звали Датч (Голландец), ибо так назвал его отец сразу после рождения.

Сами родители не имели образования. Рональд писал: «Ни она [мама], ни мой отец не имели никакого образования, кроме начальных классов. Никакие дипломы не нужны, как она считала, для доброты, точно так же, как мой отец верил, что только энергия и самоотдача в работе являются ингредиентами, необходимыми для успеха»^{37}.

Это, однако, было не совсем так. Нелл считала, что, невзирая ни на какие материальные трудности, ее дети должны получить высшее образование. Она особенно радовалась успехам младшего сына, который рано, до поступления в школу, научился бегло читать, легко запоминал прочитанное, особенно стихи, придумывал, следуя примеру отца, разные истории, но в отличие от него отнюдь не выдавал их за нечто, происшедшее в действительности, стал рисовать, особенно увлекся комическими сюжетами.

В городке Диксон, где семья задержалась на довольно продолжительное время, мама вместе с обоими сыновьями записалась в труппу самодеятельного театра водевилей, который считался гордостью местных жителей. На его сцене состоялся дебют Рональда Рейгана как актера в нескольких комедиях, названия которых, как и авторов, он не запомнил.

Взросление

В 13 лет, весной 1924 года, Рональд поступил в «высшую школу», как в США по сей день называют старшие классы общеобразовательной школы. Он был невысок, худощав. Незадолго перед этим у него была обнаружена близорукость, и с этого времени он вынужден был, как предполагалось, постоянно носить очки. Впрочем, это было только до того времени, когда в начале 1960-х годов появились мягкие контактные линзы. Рейган был в числе первых, кто стал ими пользоваться, и больше его в очках не видели. Но было это еще далеко впереди.

Пока же, до 1924 года, ни родители, ни сам Ронни не замечали близорукости. Подростку казалось, что все люди видят так, как он. Лишь когда он пожаловался, что ему трудно читать, мать повела его к доктору. Рейган писал в своих мемуарах: «Мне не приходило в голову, что я близорук. Я просто считал, что мир состоит из цветных пятен, которые становятся четкими, когда к ним приближаешься. Я был уверен, что такими же были остальные люди»^{38}.

Естественно, и внешность подростка, и очки поначалу не делали его популярным среди одноклассников, которые ценили прежде всего физическую силу и то, что они считали мужественностью. Рональд же поначалу был тощим и физически слабым. Он, однако, с детских лет проявлял упорство и настойчивость в достижении тех целей, которые ставил перед собой.

Быть отличником учебы в эти цели не входило, Рональду достаточно было твердого «си» — оценки, равнозначной российской тройке. Но стать натренированным, физически сильным было для него исключительно важно. Именно эту цель он выдвинул на первый план и за школьные годы превратился в неплохо сложенного, представительного юношу, отличным дополнением к этому были приятные черты лица.

В наиболее распространенный в школах бейсбол Рональд играть не мог из-за плохого зрения, но обнаружил, что, хорошо закрепив очки специальными шнурками, чтобы они не слетали с носа на бегу, он отлично видит футбольный мяч и вполне может участвовать в соревнованиях по этому второму по значению виду группового спорта.

Это был именно американский футбол, сильно отличающийся от футбола европейского и южноамериканского. В американском футболе игроки могут бежать с мячом в руках и бить его ногами. Разрешены многие силовые приемы, которые в традиционном футболе категорически

запрещены. Это довольно травматичный вид спорта, причем особую опасность представляют травмы черепа, когда игроки сталкиваются головами. Травмы при этом обычно небольшие, но действует накопительный эффект, и нередки случаи, когда у спортсменов возникает хроническая энцефалопатия, приводящая даже к преждевременной смерти^{39}.

Именно таким нелегким видом спорта решил заняться Рональд, прежде всего для того, чтобы его не считали маменькиным сыночком. Он стал усиленно тренироваться, проявив недюжинную усердность и волю. Он проводил многие часы с продолговатым футбольным мячом, пользуясь тем, что неподалеку от дома находилось спортивное поле, быстро овладел искусством нападения. Его приняли в команду игроков легчайшего веса (до 135 фунтов, то есть чуть больше 60 килограммов). Более того, он вскоре стал капитаном команды.

О том, что с ними учится маменькин сынок, одноклассники забыли. Рональда «зауважали» как смелого парня и хорошего спортсмена. Он начал учиться создавать свой собственный имидж. В зрелые годы Рональд не раз говорил о том, какую роль сыграл футбол в его становлении как личности, как участника в борьбе с другими людьми и самыми разнообразными коллективами^{40}.

Рональд был сообразителен, у него, как уже отмечалось, была хорошая память, он прилично учился, особенно не утруждая себя приготовлением уроков, которыми, кстати, учителя не сильно обременяли старшеклассников. Основное время и силы он уделял футболу.

Однако, к огромному его сожалению, понравившаяся ему одноклассница Маргарет (Мэг) Кливер, очаровательная дочь местного священника, была к футболу равнодушна. Стремясь завоевать сердце девушки, Рональд вспомнил о своем увлечении театром, о котором почти позабыл, увлекшись спортом. В единственной школе Диксона был театральная кружок, в котором ведущие роли обычно исполняла Мэг. Рональд записался в кружок. Он был высоким, спортивным парнем, на него засматривались девушки, поэтому неудивительно, что в первом же спектакле он получил главную роль. Это была пьеса Филипа Барри «Ты и я», которая с успехом шла на нью-йоркском Бродвее (и на протяжении многих лет считалась одной из лучших пьес Соединенных Штатов). В ней рассказывалось о талантливом художнике, который ради любимой женщины пожертвовал своим искусством во имя финансового успеха.

Рональд и Мэг в главных ролях этого спектакля выглядели чуть ли не

как жених и невеста. Они действительно понравились друг другу и даже целовались в укромных местах. Мэг, дочь пастора, однако, не позволяла большего: нравы в провинциальном городке были строгими, и она сознавала свое положение, требовавшее целомудренности. О добром сексе тогда не могло быть и речи.

Выступления на школьной, а затем и городской сцене в труппе самодеятельного театра не только давали Рейгану возможность общаться с девушкой, которая ему нравилась, но и позволяли на время забыть о том, что в его собственном доме не всё благополучно. Перевоплощаясь на сцене, он становился увереннее, проникая в образ героя, проникал в самого себя. Театральное действие становилось праздничной альтернативой мучительной реальности жизни, которую Рональд, становясь все большим оптимистом, учился просто не замечать^{41}. Успехи Рейгана на сцене были таковы, что его избрали президентом школьного драматического клуба.

Будучи капитаном футбольной команды и главой самодеятельного коллектива (разумеется, в обоих случаях были и старшие руководители — тренер футбольной команды и театральный режиссер), старшекласник получал организационный опыт, в какой-то степени овладевал навыками руководства как коллективом, так и отдельными людьми.

Его благожелательно принимали в семье Мэг. Отец девушки пастор Бенджамин Кливер скоро стал для него вторым отцом. Он научил юношу водить машину, подолгу говорил с ним о жизненных проблемах, рекомендовал продолжить образование в том же колледже, куда собиралась поступать Мэг.

Под влиянием религиозной матери и, очевидно, чтобы произвести хорошее впечатление на отца Мэг, Рональд стал давать уроки в воскресной церковной школе. Он не вел какой-то определенный предмет. Задача состояла в том, чтобы пояснять детям сущность библейских заветов, излагая их в доходчивой и интересной форме. Вначале эту задачу он выполнял с большим трудом, дети скучали. Но однажды юный учитель попробовал связать библейские истории с рассказом о спортивных состязаниях, причем тех, в которых сам принимал участие. Очень быстро все изменилось: уроки стали занимательными, дети внимательно слушали не только спортивные сюжеты, но и библейские истории. Об этом своем опыте, явно считая его поучительным не только для себя, для собственной карьеры, но и для других, Рональд рассказывал через годы сыну Майклу^{42}.

В 1926 году Рональд окончил школу. На коллективной фотографии

выпускников — жизнерадостный, широко улыбающийся молодой человек в галстукe, небрежно завязанном модным узлом, а под фото не только его настоящее имя, но также кличка — Датч (она неведомыми путями перекочевала из семьи в школу) и девиз (его каждый выпускник должен был для себя придумать): «Жизнь — это большая прекрасная песня, так что пусть звучит музыка».

Эти слова были основным мотивом юношеского стихотворения Рональда под названием «Жизнь», написанного незадолго до окончания школы, в котором говорилось:

*I wonder what is all about, and why
We suffer so, when little things go wrong?
We make our life a struggle,
When life should be a song.
Our troubles break and drench us,
Like spray on the cleaving prow
Of some trim Gloucester schooner,
As it dips in a graceful bow...
But why does sorrow drench us
When our fellow passes on?
He's just exchanged life's dreary dirge
For an eternal life of song^[43].*

*Нас вечно заедают мелочи и быт,
Они нас топят, и вполне успешно,
Мы, молодые, не поем — душа молчит,
Когда под борт подводим пластырь спешно.
Идем, еще идем рутине вопреки,
Хотя нас «глостер»^[2] умоляет — только в док!
А сами кто мы? Волки? Горе-моряки:
Ведь под килем промер-то неглубок!
Но отчего ж тоска берет, когда корму
Пряатель нам со смехом показал?
И как мы все завидуем ему:
Он не скулил, он песню распевал!^[3]*

Не привыкший к спиртным напиткам, Датч на выпускном вечере позволил себе выпить бокал вина, пришел в возбужденное состояние, во

время традиционной для выпускников ночной прогулки влез на светофорный столб (тогда они были невысокими и стояли посреди проезжей части) и стал распевать песни. Подъехавший на машине полицейский спросил, что он делает, и получил в ответ: «Ты мигаешь, звезда ночная. А ты, как думаешь, кто такой?» Это были переделанные стихи из известной колыбельной песни на слова британской поэтессы Джейн Тейлор^[4].

Полицейский не был склонен ни к юмору, ни к лирике, ни к сочувствию юноше. Его песенку он счел оскорблением, заставил Рейгана слезть со столба, отвел его в участок, где ему назначили наказание: штраф в один доллар, что по тем временам было для юноши приличной суммой.

Оптимистичный жизненный настрой Рональд сохранил на всю жизнь и никогда не жаловался на нелегкое детство или материальные трудности в юности. Этим консерватор Рейган существенно отличался от некоторых либеральных демократов из богатых семей, занявших высший государственный пост, которые не без доли лицемерия упоминали о своем детстве. Выходец из семьи миллионера Линдон Джонсон заявлял избирателям, что в детстве ему приходилось голодать. Джимми Картер, владелец крупной плантации, называл ее крохотной фермой. В противоположность им Рейган всегда говорил о своих детских и юношеских годах как о достойных и счастливых. Впрочем, зачастую он использовал свои рассказы в политических целях: стремясь к сокращению государственных расходов на содержание тех, кто вполне мог работать, но уклонялся от этого, президент напоминал, что ни он сам, ни его семья никогда не пользовались подачками властей.

Спасатель и студент

Вначале Рон, помогая родителям, нанимался на всякие временные работы. Но вскоре он поступил на курсы спасателей на воде, созданные популярной религиозной международной молодежной волонтерской организацией И МКА (YMCA, Young Men's Christian Association), и по окончании их в течение нескольких лет работал спасателем на пляжах реки Рок в парке Лоуэлл. Заработанные за первое лето деньги он отложил для первого взноса за будущее обучение в университете.

Работа спасателем, тем более для семнадцатилетнего юноши, была нелегкой. Рейган вспоминал, что являлся единственным спасателем на водной станции, хозяева которой были людьми более чем экономными.

Река Рок, впадающая в Миссисипи, была коварной. Купавшиеся подчас попадали в холодные и стремительные подводные течения, и Рональду приходилось бросаться на помощь тонущим людям. Работа юноше чрезвычайно нравилась, он не думал о том, что и сам подвергается смертельной опасности, оказывая помощь попавшим в беду людям, которые подчас вели себя неадекватно, хватали его за руки и могли утянуть на дно. Рональду был приятен сам факт того, что на него смотрели сотни людей. В одном из интервью через много лет он говорил: «Вы знаете, почему я получал от нее [работы спасателем] такое удовольствие? Потому что я был единственным, кто находился на спасательной станции. Это было какое-то подобие сцены. Каждый просто вынужден был смотреть на меня»^{44}.

По его собственным подсчетам, Рейган за время нескольких летних сезонов, в течение которых он работал в парке Лоуэлл, оказал помощь или фактически спас от вероятной гибели более семидесяти человек. Несколько раз ему приходилось делать потерпевшим искусственное дыхание. Рональд отмечал любопытную особенность поведения спасенных: лишь один из них тепло поблагодарил его за оказанную помощь. Все остальные либо молча удалялись, либо ограничивались сухими словами. Всем им было крайне неловко, что какому-то мальчишке пришлось их спасать. Из этой своей работы Рональд сделал вывод не очень утешительный, в общем противоречивший его оптимистической натуре, но важный для дальнейшей жизни: «Люди обычно не любят, когда их спасают»^{45}.

Именно в период этой работы имя Рональда Рейгана впервые появилось на первой странице газеты, правда, сугубо провинциальной. 3 августа 1928 года газета «Диксон ивнинг телеграф» сообщила под крупным заголовком, что семнадцатилетний спасатель Рональд Датч Рейган «вытащил из челюстей гибели» молодого человека по имени Джеймс Рейдер. Позже эта газета информировала, что Рейган спас еще несколько человек. Как бы насмехаясь над самим собой, через много лет Рональд говорил своему сыну, что некоторые из спасенных были девушками, которые только притворялись, желая оказаться в крепких объятиях юного спасателя^{46}.

Через два года, в 1928 году, без каких-либо помех Рональд смог поступить в Юрика-колледж, расположенный в городке под таким же названием, в родном штате Иллинойс, сравнительно недалеко от Диксона.

Двухлетний перерыв в образовании был связан с тем, что Рональд окончил школу слишком юным, в 15 лет, тогда как в университеты и

колледжи принимали с 17 лет. Собственно говоря, диксоновская школа отнюдь не предполагала, что ее выпускники будут сразу же продолжать обучение; их ориентировали на трудоустройство, в лучшем случае с перспективой возможного медленного продвижения по карьерной лестнице.

Юрика-колледж был либеральным центром высшего образования, основанным аболиционистами (сторонниками отмены негритянского рабства) в 1848 году, и являлся частным учебным заведением, связанным с религиозным протестантским течением Учеников Христа. Его основатели и их преемники провозглашали, что их задача состоит в том, чтобы не только дать слушателям гуманитарные знания с определенной специализацией, но и сформировать их характер в духе равенства людей различного национального происхождения, религиозной принадлежности, цвета кожи, в духе развития и углубления американской демократии. Это было одно из первых высших учебных заведений, которое с самого своего основания открыло двери женщинам на равных основаниях с мужчинами. В колледже сохранились традиции аболиционистов, и в него охотно принимали негров^[47].

Правда, колледж был учебным заведением, связанным с протестантской церковью, и в нем действовали жесткие правила: студенты были обязаны регулярно посещать молитвенный дом, им категорически запрещалось курить, употреблять спиртные напитки, играть в азартные игры и даже танцевать.

Рональд учился в колледже четыре года. Он завершил свое гуманитарное образование в июне 1932 года, получив диплом, в котором в качестве его специальностей указывались экономика и социология. Рейган получил самую начальную ученую степень бакалавра — к званиям мастера и доктора он не стремился.

В течение всей последующей жизни, занимаясь самыми различными делами — от съемок в кино до президентства, — он сохранял связь с колледжем, многократно его посещал, являлся членом попечительского совета. Трижды — в 1957, 1982 и 1992 годах — присутствовал на торжествах в честь окончания учебного года и очередного выпуска, выступал с приветственными речами. По инициативе Рейгана не раз организовывался сбор денежных средств на развитие колледжа. Естественно, такие акции, проводимые под патронажем президента страны, да и отставного президента также, давали немалые результаты.

Однако годы, проведенные в колледже, не были легкими. Родители были не в состоянии помогать молодому человеку. Ко времени поступления

он скопил 400 долларов, но эта сумма не составляла и половины того, что требовалось уплатить даже за первый год обучения. К счастью, местные спортивные организации Диксона согласились взять на себя часть расходов. Учиться приходилось на займы, проценты на которые нарастали, и их необходимо было погашать по окончании обучения. Но это было в будущем, которое казалось далеким, а пока Рональд мог себе позволить не думать о погашении долга. Кроме того, он сразу же нанялся в местную столовую мойщиком посуды и таким образом обеспечил себе даже небольшие карманные деньги.

Через много лет Рейган, заняв высший государственный пост, неоднократно хвастал, что стал первым президентом Соединенных Штатов, получившим высшее экономическое образование.

В предыдущие годы отец в какой-то степени смог вырваться из нищеты и даже стать совладельцем небольшого обувного магазина. Однако уже в самом начале экономического кризиса, осенью 1929 года, Джек вынужден был за бесценок продать свою долю в предприятии и вновь стать разносным торговцем обувью. Более того, в конце 1931 года он лишился и этой работы и стал получать нищенское пособие по безработице.

Лишь в незначительной мере положение Рейганов компенсировалось тем, что Нелл каким-то чудом нашла работу продавщицы в магазине одежды, что в условиях кризиса было крайней редкостью. Ее заработок — 14 долларов в неделю — приходилось распределять на все нужды семьи.

Рональд тоже был вынужден заниматься все новыми подсобными работами, как-то совмещая их с занятиями, и даже ухитрялся кое-что посылать родителям. Когда в 1980 году журналист Л. Кэннон спросил Рейгана, какое конкретное событие оказало наибольшее влияние на его жизнь, он, не задумываясь, ответил: Великая депрессия^{48}.

Рейганы, однако, смогли существенно улучшить свое материальное положение и общественный статус, когда в середине 1932 года развернулась президентская избирательная кампания губернатора штата Нью-Йорк Франклина Рузвельта, выдвинутого Демократической партией. Рузвельт выступил с широкой программой «нового курса», включавшей масштабные общественные работы, систему социального обеспечения, расширение прав профсоюзов и т. д. Безработный Рейган-отец активно включился в кампанию, а после избрания Рузвельта на высший государственный пост в ноябре 1932 года получил должность руководителя местного отделения Федеральной администрации чрезвычайной помощи — своего рода временного учреждения социального обеспечения, в основном занимавшегося предоставлением бесплатных талонов на питание

самым бедным жителям. Эта должность давала небольшой, но стабильный доход.

И в связи с тем, что его семейные привязанности оставались сильными, и в силу своих тогдашних убеждений Рональд считал себя сторонником Рузвельта и в колледже активно участвовал во всех мероприятиях, связанных с «новым курсом». Консервативное руководство колледжа относилось к общественной деятельности неодобрительно. К Рейгану внимательно присматривались, ни на какие поправки он рассчитывать не мог, тем более что несколько раз был в числе организаторов студенческих забастовок против действительных или кажущихся недостатков преподавания.

Более того, Рональд отличился уже на первом курсе, став одним из инициаторов студенческой забастовки против закрытия одного из отделений колледжа и, следовательно, лишения его студентов возможности продолжать обучение. Рейган вошел в студенческий комитет как представитель первокурсников и под бурные аплодисменты присутствующих выступил с призывом прекратить посещение занятий. Он говорил о том, насколько ужасными окажутся последствия решения администрации для людей, которые вынуждены будут прервать занятия, об ущербе репутации колледжа в результате этого. Он вспоминал, что именно тогда ощутил, какая огромная сила заключается в ораторском искусстве^[49].

Забастовка продолжалась неделю. Встретив сопротивление студентов, руководство колледжа отменило принятое решение. Надо сказать, что свое поражение оно восприняло по-джентльменски: никаких мер против организаторов забастовки, включая Рональда, принято не было.

Свою узкую специализацию Рональд выбрал не сразу. Вначале его привлекала история, однако вскоре он в ней то ли разочаровался, то ли счел слишком сложной для восприятия и изложения и решил заняться социологией, скорее всего, по двум причинам: здесь требовалось меньше запоминать и, соответственно, трудиться, к тому же этот предмет позволял заниматься делами, близкими к непосредственным, повседневным нуждам простых американцев. Экономика стала своеобразным придатком к главному предмету.

Но особого внимания изучаемым наукам Рональд, как и в средней школе, не уделял. Он позже, несколько красуясь, говорил журналисту, что обычно перед контрольной работой или другой проверкой знаний вечером брался за учебник и тратил не более часа, чтобы затем получить удовлетворительную отметку. На высокую оценку своих знаний студент не

претендовал^[50].

Как и в средней школе, юноша значительно больше внимания, чем учебным предметам, уделял американскому футболу. Профессиональным спортсменом он, однако, становиться не собирался. Что же касается сцены, то она все больше оказывалась в центре его внимания.

Уже на первом году обучения в колледже он вместе с семейством Кливер поехал в город Рокфорд, третий по численности населения, экономике и культуре центр штата Иллинойс, где был профессиональный театр «Коронадо», на спектакль «Конец пути» по пьесе британского драматурга Роберта Шериффа. Пьеса была антивоенной, ее действие разворачивалось в окопах Первой мировой войны. Она была написана в 1928 году, и сначала возникли трудности с ее постановкой: театры отказывались от нее, так как в числе персонажей были только мужчины. Когда же наконец состоялась первая постановка в Лондоне, оказалось, что пьеса соответствует настроению публики: не допустить больше войн.

Спектакль произвел на Рональда глубокое впечатление. В течение некоторого времени он чувствовал себя пацифистом, противником любых войн. По его инициативе студенческий театр колледжа также подготовил постановку этой пьесы, причем Рональд исполнял роль одного из главных героев — капитана Стэнхопа. В этом спектакле его девушка Мэг не участвовала по причине отсутствия женских ролей, но в следующей постановке самодеятельного коллектива — спектакле по пьесе «Ария де Капо» Эдны Миллэй, также с антивоенным сюжетом, Мэг и Рональд играли основные роли.

Этот спектакль молодежная труппа показывала даже в соседних городах. Он занял третье место на студенческом фестивале штатов Среднего Запада^[51]. Рассказывали, что после конкурса один из членов жюри подозвал Рональда к себе и спросил, не хотел бы он заняться театральным искусством профессионально. Растерянный юноша ответил отрицательно, после чего его собеседник заявил: «Жаль, вам бы этим заняться следовало».

В школьные, а затем студенческие годы у Рональда, скорее всего под влиянием религиозных убеждений родителей (несмотря на различные вероисповедания, отец и мать жестко придерживались принципов равенства всех людей перед Богом), выработались не разделявшиеся значительной частью белых американцев антирасистские взгляды. Когда в Диксон приехал на гастроли какой-то театр с пьесой Д. Гриффита «Рождение нации», в которой позитивно говорилось о Ку-клукс-клане,

Рональд демонстративно отказался пойти на спектакль, хотя ему, как он позже признавался, очень хотелось увидеть игру актеров.

Некоторые биографы полагают, что Рональд не пошел смотреть расистский спектакль, так как ему запретил отец. «Я прокляну того из этой семьи, кто сделает это»^{52}, — якобы заявил Джек. Но ведь Рональд был уже взрослым, самостоятельным человеком, и угроза проклятия в устах Джека в данном случае была, безусловно, пустой фразой. Рональд действовал и поступал теперь в соответствии с личными взглядами. Прочные антирасистские убеждения Р. Рейган сохранял в течение всей своей жизни. Единственный случай, когда он, выйдя из себя, демонстративно хлопнул дверью, покинув зал заседания, произошел в 1966 году, когда на съезде черных американцев он был безосновательно обвинен в расизме^{53}.

На протяжении всех лет учебы в колледже Ронни и Мэг считались женихом и невестой. Оформить брак они в соответствии с американской традицией не спешили. Сначала необходимо было получить образование, найти хорошую работу, основательно устроиться в жизни и только затем заводить семью. По окончании колледжа состоялось официальное обручение.

Однако, по всей видимости, к этому времени чувства Мэг охладели. В отличие от Рональда, который плелся где-то в конце по успеваемости, она оказалась первой в студенческом списке. В ответ на вопрос, последовавший через много лет, какова для него личная польза от того, что он стал президентом, Рейган в шутку ответил: «Я могу отдать ФБР приказ строго засекретить мои школьные оценки»^{54}. Добавим, что он, скорее всего, не возражал бы и против засекречивания оценок в колледже, настолько они были посредственными, но осуществить это в США было просто невозможно. Да и само заявление по этому поводу звучало не очень остроумно — открытое признание, что он слабо учился, в Америке отнюдь не было аргументом в пользу соответствующего лица.

Мэг постепенно охладевала к Ронни, считая его парнем без больших карьерных целей, человеком, слишком радующимся текущей жизни и не ставящим перед собой новых задач. Ее, девицу строгих нравов, раздражали попытки Рональда добиться близости до брака. Мэг даже строго выговаривала жениху, когда он позволял себе выпить кружку пива, и считала недопустимым, что он иногда пропускал воскресные церковные службы^{55}.

По окончании колледжа она вскоре отправилась в путешествие по

Европе, во Франции познакомилась с молодым человеком, который показался ей более привлекательным, чем Рональд. По возвращении из долгого путешествия Маргарет возвратила жениху обручальное кольцо. Позже она так объясняла одному из биографов Рейгана причину, по которой дала ему «отставку»: «Он был не способен отличить реальность от фантазии»^{56}.

Глава 2

ГОЛЛИВУД

Путь в кино

По окончании колледжа встал вопрос о дальнейших планах, о том, как найти достойную работу.

Экономический кризис постепенно преодолевался, начиналось оживление промышленности и других отраслей народного хозяйства. Однако в данном случае речь шла о человеке с гуманитарным образованием. На преподавательскую или научную работу в какой-либо университет Рональд попасть не мог: его оценки в период обучения были решающим к этому препятствием. Да он и не стремился стать ученым или профессором. Работа школьного учителя казалась ему нудной. Стать профессиональным спортсменом он не мог из-за близорукости. Участие в самодеятельных коллективах школы и колледжа без какого-либо профессионального образования или более солидного опыта делало актерскую перспективу также пока безнадежной.

Знакомые и родственники посоветовали ему попытаться устроиться на радио диктором или даже комментатором. Эти советы основывались на том, что у Рональда был приятный звучный голос, он был способен легко импровизировать, рассказывая всевозможные были и небылицы, — дар, который он унаследовал от отца. Особую привлекательность голоса Рейгана отмечали всегда. Когда он был главой исполнительной власти, журнал «Тайм» фиксировал: «Ни у одного президента со времени Кеннеди не было такого характерного и одновременно великолепного голоса. В соответствующие моменты он становится то тихим, чуть слышным, то обретает сочность и звучит напряженно»^[57].

Последовала поездка в Чикаго, на центральную радиостудию, где молодому человеку дали от ворот поворот, посоветовав избрать менее значительный город для начала карьеры на радио.

Помогла случайность. В одной из газет Рональд прочитал объявление, что в городе Девенпорте, штат Айова, требуется спортивный комментатор для местной радиостанции, которой владел врач, занимавшийся хиропрактикой и имевший лицензию на радиовещание. Радиостанция

называлась Дабл Ю-оу-си (WOC) — буквосочетание, которое никак не расшифровывалось и было продолжением неординарного поведения все того же местного хиропрактика.

Рональд немедленно отправился в Девенпорт, встретился с управляющим радиостанцией Питом Макартуром, понравился ему и был немедленно нанят на работу в качестве спортивного комментатора для проведения передач о футбольных соревнованиях. Так осенью 1932 года Рональд Рейган начал трудовую деятельность в качестве радиообозревателя. Ему была назначена месячная заработная плата в 100 долларов — сумма невысокая, но достаточная для удовлетворения элементарных потребностей.

Более того, вскоре Дабл Ю-оу-си стала филиалом более мощной радиостанции, расположенной в главном городе штата Де-Мойне, и Рейгану вдвое увеличили зарплату. Он быстро подружился с немногочисленным коллективом радиостанции, произведя на сотрудников весьма благоприятное впечатление своими импровизациями, которые, как оказалось, сочетались с умением подражать знаменитым людям.

Вскоре после этого новый президент Франклин Рузвельт, стремившийся донести до американцев свою программу «нового курса», решил наряду с официальными выступлениями с трибуны использовать беседы на радио, что для того времени было новинкой. Через неделю после инаугурации, 12 марта 1933 года, Рузвельт выступил с первой полуофициальной беседой с американцами, которая транслировалась радиоканалами. Так начались знаменитые «беседы у камина», в которых Рузвельт как бы вел душевную беседу не с массовой аудиторией, а с каждым американцем в отдельности, как будто беседовал с друзьями или хорошими знакомыми.

Почти вся Америка (кроме явных политических противников президента) восторгалась непринужденным стилем общения Рузвельта с населением. Рональд Рейган однажды в присутствии своих старших коллег попробовал подражать «беседам у камина» и, к собственному изумлению, увидел, что у него это получается. Сотрудники восприняли вроде бы шутливую попытку адекватно, посмеялись, но взяли это умение на заметку. Со второй половины 1933 года Рейгану стали поручать не только спортивные, но также политические и культурные комментарии^[58].

Но главными оставались спортивные передачи. В 1933–1934 годах происходили футбольные баталии на завоевание кубка Чикаго. Руководство местной радиостанции решило поручить Рейгану комментарии на базе телеграмм, которые он получал из Чикаго и других городов, где

происходили матчи. Он стал вести мнимые репортажи с футбольных полей на основании поступавших одна за другой телеграмм, причем ухитрялся рассказывать об играх настолько подробно и живописно, что у слушателей создавалось полное впечатление, что они сами присутствуют на соревнованиях^{59}. Одного дикторского «репортажа», однако, было недостаточно. Звуки ударов игрока по мячу и другие шумовые эффекты, особенно рев толпы болельщиков, были заранее записаны и подавались в нужный момент звукорежиссером^{60}.

Жизнерадостный Рейган приобретал на радио житейский и в известном смысле политический опыт, который в огромной степени пригодится ему в будущем. В то время он отнюдь не собирался стать государственным деятелем, не заглядывал в будущее, плыл по воле волн. Он не понимал, что и копирование Франклина Рузвельта, и полуфиктивные репортажи с футбольного поля (фиктивные лишь в том отношении, что он не присутствовал на соревнованиях, а преобразовывал в квазирепортаж правдивые новости, которые ложились на его стол) вооружали его тем опытом, который был крайне необходим политику самого высокого ранга. Когда придет пора вступить в политику, простой парень Рональд окажется неожиданно для себя вооруженным искусством общаться с толпами людей самого различного положения, отвечать по существу на поставленные вопросы, если он владел информацией, или отделяться ничего не значащими словами, или, наконец, произносить в ответ незамысловатую шутку, которая обычно удовлетворяла невзыскательную публику.

Рональд Рейган объективно, но пока еще отнюдь не субъективно готовил себя к роли политика, хотя играл на радио роли совершенно иного свойства.

Общительность Рональда, его привлекательная внешность, приятный голос, часто звучавший по местному радио, постепенно превращали его в видную провинциальную личность, чуть ли не в знаменитость.

Его известность в Девенпорте еще больше возросла, когда ему удалось в рассрочку приобрести хороший автомобиль «Нэш-400», новинку того времени — машину с откидывающимся верхом производства компании Чарлза Нэша, которая наряду с фирмой Генри Форда пользовалась широкой популярностью среди зажиточных американцев. Рональд отнюдь еще не был зажиточным, но ему важно было произвести впечатление на окружающих, и он сэкономил деньги, чтобы предстать перед ними во всем великолепии юного, но уже процветающего обозревателя.

Девенпортские девицы стремились познакомиться с ним, а некоторые

даже рассчитывали связать его брачными узами. Рональд легко поддерживал знакомства, но был осторожен в выборе партнерш, предпочитая проводить время в обществе тех дам, которым было достаточно простого общения с молодым человеком, приятным во всех отношениях. Он хорошо помнил свою первую любовь, которая едва не окончилась браком, ее неудачный финал и относился к связям с девушками крайне осторожно.

Большое удовольствие доставляли ему конные прогулки, обычно в одиночестве. Это было дорогое развлечение. Однако Рональд нашел выход, записавшись рядовым солдатом в кавалерийский резервный корпус, размещавшийся в городе Де-Мойне. А это давало ему возможность пользоваться хорошими лошадьми из конюшни корпуса якобы для тренировок, а на самом деле просто для прогулок по окрестностям.

Позже Рейган называл работу на радио в Девенпорте и отчасти в Де-Мойне лучшими годами своей жизни^{61}. Это понятно: он был молод, беззаботен, к громкой славе еще не стремился. Все это будет впереди.

Успехи на местном радио пробудили дремавшие мечты о кинокарьере.

Рональд не без труда уговорил администрацию радиостанции весной 1937 года командировать его на западное побережье страны, на остров Санта-Каталина в Тихом океане, в 35 километрах к юго-западу от Лос-Анджелеса, где проходили тренировки футбольных команд перед предстоящими соревнованиями.

Молодого человека в самой малой степени интересовало освещение тренировок. Это был лишь предлог, чтобы попытаться проникнуть в «Святой Лес» — Голливуд (именно так переводится на русский язык название этого киногорода). Там у Рональда уже была знакомая — бывшая сотрудница радиостанции в Де-Мойне Джой Ходжес, которая теперь стала джазовой певицей и иногда привлекалась к исполнению песен в фильмах. Перед поездкой Рональд связался с ней, и она обещала свести его со своим агентом Джорджем Уордом.

Приобщение к киногрезам

При первой же возможности Рон (его теперь часто называли сокращенным именем, отказавшись от уменьшительного Ронни) отправился в город киногрез. Знакомая выполнила свое обещание, а ее агент быстро организовал для приятного молодого человека пробы на киностудии братьев Уорнер (Уорнер Бразерс) — одной из наиболее

влиятельных, если не самой влиятельной в то время студии Голливуда.

Студия была основана в 1918 году братьями Уорнер — Гарри, Альбертом, Сэмом и Джеком, родители которых эмигрировали из Российской империи. Руководители компании применяли самые разнообразные новинки формировавшейся киноиндустрии, и фирма процветала, расширяя производство и поглощая другие компании. С середины 1920-х годов Уорнеры начали выпускать звуковые фильмы и фильмы со звуковыми эффектами. С конца 1920-х годов стали производиться в основном звуковые фильмы, а в следующие годы появились мультипликационные ленты.

В то же время фирма нуждалась в молодых актерах, так как актеры немого кино с большим трудом переходили на звуковые фильмы. Так что время, когда Рейган пришел на киностудию, было для него весьма удачным. Уже не в первый раз он оказался, как говорят американцы, в нужном месте в нужное время, не очень надеясь на успех.

Джордж Уорд уговаривал Рональда дожидаться приговора, который должен был произнести один из совладельцев фирмы Джек Уорнер, просмотрев кинопробы. Однако командировка на западное побережье заканчивалась, а рисковать службой на радиостудии Рональд никак не желал.

Он возвратился на свою радиостанцию и, не получая никаких сведений из Голливуда, был убежден, что его затея провалилась. Через несколько недель от Уорда неожиданно пришло письмо, извещавшее, что кинокомпания готова заключить с ним контракт с заработной платой в 200 долларов в неделю, то есть в четыре раза больше, чем он получал в Девенпорте. Оказалось, что Джек Уорнер просто забыл о пробах молодого человека, просмотрел их после напоминания Уорда и счел, что Рейган подходит в качестве актера легкого жанра, правда, для исполнения главным образом ролей второстепенных или даже эпизодических персонажей.

Ответная телеграмма Рона гласила: «Подписывайте, пока они не передумали»^[62]. 1 июня Уорд, ставший агентом Рейгана, подписал от его имени контракт на работу в фирме с указанной зарплатой и обязательством играть все предназначенные ему роли по указаниям режиссеров и администраторов.

Так почти случайно Рональд Рейган превратился в киноактера. Он проработал на студии Уорнер Бразерс 15 лет, снялся в сорока одном фильме, но оставался актером второго плана: его считали недостаточно талантливым для воплощения сложных характеров и передачи глубоких чувств героев. Режиссеров в основном привлекало то, что Рональд был

хорошим всадником. Такие актеры ценились высоко, и за каждый день съемок с верховой ездой им платили дополнительно 25 долларов^{63}.

Уже осенью 1937 года на экраны вышли первые два фильма с участием Рейгана — «Любовь в эфире» и «Отель «Голливуд».

Фильм «Любовь в эфире» повествовал о радиодикторе, каковым Рейган был перед этим в действительности, о его любовном увлечении, которое не помешало ему выступить с разоблачениями коррумпированных отцов города. Герой оказывается в одиночестве, его отстраняют от работы, он вынужден заниматься неинтересным для него делом.

В следующих фильмах Рейган играл простых парней, не очень разбирающихся в сложных материях, но честных и справедливых, готовых поделиться с ближним всем, что имеют. В мелодрамах Рон обычно играл третьего лишнего, в ковбойских лентах его часто убивали первым. В какой-то степени он играл самого себя. Кинокритики не раз отмечали, что Рональд Рейган играет в кино Рональда Рейгана. Через годы его покровитель Джек Уорнер, узнав, что Рейган баллотируется на пост губернатора Калифорнии, сострил: «Вы ошиблись. Это Джимми Стюарт (в то время звезда Голливуда. — Г. Ч., Л. Д.) избирается губернатором, а Рейган баллотируется на роль его ближайшего друга»^{64}.

В фильме «Отель «Голливуд» Рейган играл настолько второстепенную, эпизодическую роль (опять радиодиктора), что даже не был назван в титрах. Правда, во время съемок он познакомился с известной актрисой Луэллой Парсонс, которая почти по-матерински стала опекать молодого человека, учить его правильно вести себя в Голливуде. Парсонс была влиятельной личностью, у нее была своя колонка в популярных газетах концерна Херста, где она давала представление о жизни Голливуда со своей точки зрения. Нередко Парсонс в своих статьях просто сплетничала. По этой причине многие актеры и даже режиссеры заискивали перед ней, чтобы не быть выставленными в невыгодном свете.

Луэлла познакомила Рона с юной, но уже опытной актрисой Джейн Уайман, однако вначале они не обратили особого внимания друг на друга.

Рейган и Уайман вновь встретились на съемочной площадке в 1938 году во время съемок фильма «Братец крыса» о жизни курсантов военного училища первого года обучения (именно их называли «крысами»). Это вновь (как и предыдущие два) был фильм малобюджетный. Для съемок даже не были созданы специальные декорации, и проводились они в военном училище в городе Лексингтоне (штат Вирджиния). Во время съемок Рональд и Джейн неожиданно понравились друг другу и вскоре

стали любовниками.

Джейн родилась в 1917 году (ее девичья фамилия была Мейфилд), с пятнадцати лет снималась в кино, прибавив себе три года, чтобы иметь право заниматься актерской профессией. Ко времени встречи с Рональдом она снялась более чем в тридцати фильмах¹⁶⁵ и успела дважды побывать замужем.

24 января 1940 года в церкви города Глендейл (Калифорния) состоялось бракосочетание Джейн и Рональда. 4 января 1941 года Джейн родила дочь, которую назвали Морин.

Тем временем Рональд Рейган, актер среднего дарования, расширял круг знакомых и друзей в Голливуде. К нему хорошо относился могущественный совладелец киностудии Джек Уорнер, пригласивший его на работу; ему покровительствовала весьма влиятельная Луэлла Парсонс; третьим его благодетелем стал один из главных коммерческих агентов киноиндустрии Луис (Лев) Вассерман, включивший Рейгана в число актеров, от имени которых он заключал выгодные контракты.

Жизнерадостность, живость Рона, его обаятельная улыбка привлекли Вассермана, как и многих других. У Вассермана был большой опыт отбора актеров, он прекрасно знал пределы способностей Рейгана, но подружился с ним (он был двумя годами моложе Рона) и пристраивал его в прибыльные фильмы при любой возможности.

Помимо работы коммерческим агентом Вассерман был крупным администратором в компании Эм-си-эй (Music Corporation of America), которая в 1930-е годы стала одним из крупнейших производителей фильмов в Голливуде. Сохраняя связи с братьями Уорнер, Рейган с их согласия стал сниматься также в фильмах этой компании.

Большинство фильмов обеих компаний производилось для массовой аудитории среднего уровня, представители которой ходили в кино, чтобы отвлечься от повседневных забот, отдохнуть и развлечься. Сюжеты фильмов были предельно просты: добро побеждало зло, мужественный и обязательно внешне привлекательный герой, часто из бедной семьи, боролся за справедливость, терпел лишения, но в конце концов добивался победы. Хеппи-энд был обязателен для таких незамысловатых поделок.

При этом киностудии стремились выпустить как можно больше фильмов, особенно тех, которых относили к «классу Б», то есть требовавших минимальных затрат, но собиравших большое число зрителей и, следовательно, обеспечивавших сравнительно высокие кассовые сборы.

Рейган отлично понимал эти особенности киноиндустрии и стремился им соответствовать. О таких поделках американцы говорят: «Мы не хотим,

чтобы это было обязательно хорошо, мы хотим получить это в среду (или четверг)». Рейган любил повторять эту житейскую мудрость. В 1938 году появились семь фильмов с его участием, в 1939 году — еще семь. К концу 1940 года для рядовых американцев он в полном смысле слова стал кинозвездой.

Особенно популярной стала детективная серия об агенте секретной службы Брассе Бэнкрофте, снятая режиссером Ноэлем Смитом на киностудии братьев Уорнер в 1939–1940 годах. Серия открывалась фильмом «Секретная служба в воздухе», завершалась лентой «Убийство в воздухе» (между ними были еще картины «Код секретной службы» и «Разгром денежного ринга») и повествовала о мужественной борьбе тайного агента, который проникает в преступные группировки, торгующие людьми и занимающиеся шпионажем в пользу некой иностранной державы. Ему недостаточно разоблачить рядовых участников, он стремится добраться до центра преступной сети и вывести его на чистую воду. В этом ему помогают не столько ум, сколько смелость, надежные связи, народная поддержка и просто удача. Вся эта незамысловатая серия ожидалась кинозрителями с нетерпением, при появлении нового фильма к кассам кинотеатров выстраивались длинные очереди.

В последнем фильме, вышедшем на экраны, когда уже шла Вторая мировая война, открыто говорилось о борьбе Бэнкрофта против германских шпионов, которые пытаются остановить разработку в США мощного оружия, способного уничтожить вражеские самолеты на немыслимом расстоянии. Разумеется, главному герою это вполне удастся, и Рейган торжественно провозглашает его устами: «Оно не только сделает Соединенные Штаты непобедимыми в войне, но станет величайшей силой в обеспечении всеобщего мира».

Вся серия была проникнута ура-патриотическим духом, глубоким одобрением внешней политики президента Рузвельта, направленной на то, чтобы не допустить вовлечения США в мировую войну.

Вполне сознавая возможности своего актерского дарования, свою неспособность стать исполнителем, которого по достоинству ценили бы наиболее подготовленные зрители, Рейган в то же время мечтал сниматься в фильмах группы А, которые определяли развитие американского кинематографа, выводили его на международную арену. В 1940 году он наконец получил (надо полагать, не без поддержки покровителей) роль в серьезном фильме «Кнут Рокне — настоящий американец».

Фильм был посвящен норвежскому футболисту и тренеру, ставшему заметным представителем спорта в Соединенных Штатах, человеку,

который пытался внедрить в американскую практику европейский футбол, обладал незаурядными педагогическими качествами и пользовался в США заслуженным уважением. Он трагически погиб в 1931 году в авиационной катастрофе. Фильм о нем — художественная лента с элементами документалистики, с использованием писем и дневников героя — оказался удачным. Рональд играл в нем роль знаменитого игрока 1920-х годов Джорджа Гиппа. Она Рейгану в целом удалась, хотя критика отмечала, что подлинной глубины образа он достичь не смог^[66].

Но широкая публика была в восторге. Рейган стал известен всей стране как один из популярных актеров. По имени своего героя он получил прозвище Гиппер (дружески-покровительственное «старик» — обращение обычно старших по возрасту или положению к молодым людям).

Вскоре последовали новые высокобюджетные фильмы, которые закрепили известность киноактера. На афишах даже тех фильмов, в которых Рональд не играл главных ролей, часто красовался красивый молодой человек с обаятельной улыбкой, излучавший энергию, бодрость и в то же время простоту и доступность.

Три фильма, в которых играл Рейган, критики и историки кино считают вершиной его кинокарьеры. Это «Дорога на Санта-Фе», «Девушка из дансинга» и особенно «Кингс Роу».

«Дорога на Санта-Фе» был историческим вестерном, снятым Майклом Кёртисом, в нем действовали реальные исторические лица — участники радикального аболиционистского восстания Джона Брауна (сам он также появлялся в фильме). Действие происходило за несколько лет до Гражданской войны в США 1861–1865 годов. Названа была картина по действительно существовавшему нелегальному пути транспортировки беглых негров с Юга на Север, где они становились свободными людьми. Рейган играл одну из главных ролей — Джорджа Кастера, молодого офицера с анархическими наклонностями, вступающего по сугубо личным причинам ревности в конфликт с другим офицером и его друзьями, в результате чего ранее поддерживавшие дружбу военные оказались по разные стороны баррикад.

Кастер был действительно историческим лицом, но его изображение в фильме мало соответствовало подлинным перипетиям его жизненного пути. В исполнении Рейгана он был предельно идеализирован и драматизирован. Но ведь именно это и нравилось широкой публике^[67].

Кинокартина «Девушка из дансинга» рассказывала о нелегкой судьбе девушек, которых эксплуатируют предприимчивые дельцы, заставляя их

выступать на сцене дешевых забегаловок за мизерную плату при постоянных насмешках и приставааниях пьяных посетителей. Рейган играл роль великодушного спасителя Стива Толбота, который вмешивается в судьбу танцовщицы Лолы Мирс из благородных побуждений. Но история, естественно, завершается страстной любовью и счастливым браком^{68}.

Наибольшим успехом пользовался фильм «Кингс Роу» (название населенного пункта), смесь мелодрамы, детектива и триллера, в котором вроде бы рассказывалось о жизни в небольшом городке на рубеже XIX–XX веков, но на самом деле речь шла о таких явлениях, как инцест, гомосексуализм, врачебная преступность. Рональд играл беззаботного юношу Дрейка Макхью, который соблазнил дочь местного доктора-садиста (тот получал удовольствие, оперируя пациентов без анестезии). Последний, воспользовавшись тем, что парень оказался на койке его больницы с легкими ранениями в результате несчастного случая, в отместку за приставание к дочери объявил его серьезно раненным и ампутировал ему обе ноги. Следуют тяжкие переживания юноши, который постоянно думает об одном и том же: «Где остальная часть моего тела?» О том, что Рейган придавал этому фильму и своей роли в нем большое значение, свидетельствует тот факт, что именно так он назвал автобиографию, на которую мы уже ссылались.

Отклики на фильм были самые противоречивые. Тем не менее он был номинирован на Академическую премию (правда, выдвигался только режиссер Сэм Вуд). Премия получена не была, но Рейган после демонстрации картины закрепил свое положение кинозвезды массового проката^{69}. После выхода картины он получил контракт на семь лет с ежегодной оплатой в миллион долларов. Это была по тем временам огромная сумма.

В августе 1942 года появилась первая статья Р. Рейгана, в которой он подводил некий, весьма предварительный, итог своей актерской карьеры. Статья носила несколько ироническое название «Как сделать себя важным». Он писал, что с самого начала актерской деятельности не сомневался в правильности выбранного пути: «Я был уверен, что поднимусь на вершину, если буду работать и учиться». Он не проявлял особой скромности, заявляя, что играл в фильмах категории Б так, как будто это были роли в лучших фильмах группы А. Именно это, мол, и позволило ему добиться успеха^{70}.

В своей статье Рейган впервые заявил, что наряду со спортом и киноискусством интересуется политикой. Впрочем, сколько-нибудь

значительных политических интересе — сов у него тогда еще не было. Он интересовался новостями не более, чем основная масса американцев. Рональд, правда, отмечал, что в то время был охвачен либеральными настроениями и не был настроен «сколько-нибудь остро» по отношению к коммунистам.

Война и после нее

Фильм «Кингс Роу» появился в 1942 году, в то время когда США уже вступили в войну, после того как 7 декабря 1941 года Япония совершила нападение на американскую военную базу Пёрл-Харбор на Гавайском архипелаге.

После войны Рейган не раз высказывал сожаление, что фильмы категории А с его участием стали появляться уже в военные годы, непосредственно перед тем, как он был призван на военную службу, что прервало его актерскую карьеру. Когда же он возвратился с военной службы, зрители о нем уже позабыли. Рональд говорил Эрлу Данкелу, своему помощнику по работе в фирме «Дженерал электрик», что чувствует себя человеком, «у которого отрезали ноги»^[71].

В качестве младшего лейтенанта кавалерийского резерва Рональд Рейган (он состоял в этом резерве, как мы помним, со времени работы на радио — сначала рядовым, а позже был произведен в низшее офицерское звание) подлежал призыву в армию. Трижды он получал отсрочку по просьбе кинофирмы братьев Уорнер для завершения работы над фильмом «Кингс Роу». В конце концов терпение армейского начальства истощилось, и в марте 1942 года Рейган был призван на военную службу. Месяц он провел на подготовительных курсах в порту Форт-Мейсон под Сан-Франциско, затем медицинская комиссия признала, что из-за сильной близорукости он может выполнять «лишь ограниченный круг обязанностей». В действие вновь вступили сильные покровители, связанные с киноиндустрией.

Более того. Как раз весной 1942 года при командовании Военно-воздушных сил было образовано «киноподразделение», командиром которого был назначен не кто иной, как Джек Уорнер, получивший звание подполковника. Естественно, одним из первых, кого затребовал Уорнер в свою «боевую часть», был Рональд Рейган. Он сразу же был включен в команды, которые готовили агитационно-пропагандистские фильмы, предназначенные для новобранцев, для их разносторонней подготовки, а

также для представления населению американских вооруженных сил в самом выгодном свете.

Рональд играл роли в незамысловатых фильмах, читал тексты, повествующие о славных боевых традициях американцев, и т. п. Он носил военную форму младшего офицера, но на поля сражений и вообще за пределы страны так и не отправился. Это его устраивало в полной мере. Впрочем, Рейган позже был склонен существенно преувеличивать свою деятельность во время войны. Обычно он говорил, что служил на одной из военно-воздушных баз. Формально это было так, но отнюдь не отражало существа того, чем он занимался. Однажды ему даже привиделось, что он фотографировал нацистские лагеря смерти, хотя, повторим, пределов Калифорнии в период войны он не покидал^{72}.

Порой Рональд играл в агитационных картинах с запоминающейся музыкой. Некоторые исполнявшиеся им песни проникали за рубеж, даже в СССР — благодаря содействию посольства США в Москве в частности и духу союзничества в целом. Таковой была, например, песня «Здесь вы в казарме» из фильма «Это армия» (1943 год, музыка Ирвинга Берлина — известного американского композитора-песенника, выходца из семьи эмигрантов из России).

В СССР песню многократно исполнял джаз-оркестр Всесоюзного радиокомитета под управлением Александра Цфасмана (пел Ефрем Флакс). В 1945 году песня была записана на пластинку и распевалась по всей стране и в армии. В наши дни ветераны войны и труда, дети военного времени помнят строки из нее:

*Пятнадцать новобранцев,
Неловко вставши в ряд,
На бравого сержанта
Испуганно глядят.
А сердце сильно бьется,
У всех смущенный вид.
Сержант в усы смеется,
Но строго говорит:
«Здесь вы в казарме, мистер Ред!
Здесь телефонов личных нет.
Завтрак в постели и в кухне газ —
Эти блага теперь не для вас!»^{73}*

Но Рональд был недоволен, что братья Уорнер, имея право использовать его и в игровых фильмах, не поручали ему серьезных ролей. Трагически-разоблачительный фильм «Кингс Роу» оказался исключением. Зрителям Рейган в нем понравился, но он опять играл красивого удачливого простака, и серьезно менять его амплуа фирма не собиралась.

Тем временем его жена Джейн Уайман (сначала она взяла фамилию очередного мужа, но затем возвратила себе прежнюю) добивалась успеха в серьезных фильмах.

Особенно успешным стал фильм «Потерянный уик-энд», вышедший на экраны в 1945 году. Снятый Билли Уайлдером по мотивам одноименного романа Чарлза Джексона, он рассказывал о трагедии опустившегося писателя, страдающего алкоголизмом, и его подруги (именно ее играла Джейн), которая старается помочь своему возлюбленному, на выходные дни хочет увезти его за город, о неудаче этой попытки: под предлогом желая поработать писатель отказывается уехать и опять начинает пить. «Потерянный уик-энд» стал событием в истории американского кино, получил «Золотую пальмовую ветвь» первого послевоенного Каннского кинофестиваля 1946 года и четыре премии «Оскар», в том числе как лучший фильм года. В 2011 году «Потерянный уик-энд» был включен в американский Национальный реестр фильмов, обладающих «культурным, историческим или эстетическим значением»^[74].

Супруга явно «переигрывала» Рона. Его попытки получить серьезные роли, создать новые, запоминающиеся образы наталкивались на упорное сопротивление киноконцернов, которые никак не отказывались от желания использовать его почти исключительно в дешевых фильмах категории Б, которые давали неплохие кассовые сборы, но забывались зрителями, как только они покидали зал кинотеатра. Об этом Рейган не раз с обидой говорил в своих интервью^[75].

В сентябре (по другим сведениям — в декабре) 1945 года Рональд был демобилизован из армии, хотя ни к каким существенным изменениям в его жизни это не привело.

Первые послевоенные годы характеризовались для Соединенных Штатов неизбежными внутренними сложностями. Особенно большой проблемой стали отношения между предпринимателями и организованной рабочей силой, объединенной в профсоюзы. Сам президент Гарри Трумэн, сменивший в апреле 1945 года скончавшегося Франклина Рузвельта, объявил, что окончание войны освобождает заемных работников от их обязательства не прибегать к стачкам. Президент не мог не понимать, что

сам способствует значительному обострению социальных столкновений^{76}.

В Голливуде волнения развернулись еще до окончания войны, вылились в острую конфронтацию между конкурирующими профессиональными объединениями и продолжались в острой форме до 1949 года.

Борьба в основном развернулась между Интернациональным союзом работников театра и сцены (ИСРТС)^{5} и Конференцией союзов студий (КСС).

Первая организация была крупнее и организованнее, обладала возможностью даже устраивать бойкот кинотеатров, однако не была лишена элементов коррупции и в ряде случаев шла на сделки с кинофирмами. В прессе не раз выдвигались обвинения в связях ИСРТС с чикагским гангстером Вилли Байоффом^{77}.

Второе объединение было малочисленнее, но носило более боевой характер. Им руководил бывший боксер Герберт Соррелл, о котором говорили, что он связан с Коммунистической партией. В конце 1945 года КСС организовала забастовку декораторов сцены, которая вылилась в кровавое столкновение с охраной концертна братьев Уорнер и полицией. День столкновения активисты этого союза называли «черной пятницей»^{78}. После этого членов КСС при содействии конкурирующего союза стали выдавливать из всех предприятий Голливуда.

Наряду с этими союзами в Голливуде действовала Гильдия актеров сцены (ГАС), в которой членствовал и постепенно становился все ббльшим активистом Рональд Рейган. По мере того как его актерская карьера оказывалась под угрозой, он все больше интересовался общественными делами, в частности острыми спорами и конфликтами в профсоюзной среде. Вместе со своими коллегами Рейган обратился к руководству Американской федерации труда (АФТ) — одному из двух мощных общенациональных объединений профсоюзов (оба враждующих союза, как и ГАС, примыкали к этому объединению) с просьбой вмешаться в конфликт и выступить в качестве посредника. После того как руководство АФТ отказалось от вмешательства, гильдия объявила о своем нейтралитете, но ее позиции были явно ближе к более консервативному ИСРТС. Поддержать выступления, организуемые КСС, гильдия постоянно отказывалась.

Дело дошло до того, что во время «черной пятницы» Рейгана, занятого на съемках, позвали к телефону, и кто-то, не назвавший себя, заявил, что, если он будет выступать в роли штрейкбрехера, наемные бандиты навсегда

испортят его красивую физиономию кислотой. По совету сотрудников службы безопасности фирмы братьев Уорнер Рейган некоторое время даже ходил с пистолетом в кармане.

Эти драматические события означали, что в условиях послевоенного обострения социальной напряженности Рейган стал все больше поворачивать вправо, отказывался от конфронтации с предпринимателями, решительно защищал политику соглашения с кинофирмами. Большинство членов гильдии поддерживали эти настроения. Вскоре, в январе 1947 года, состоялись очередные ежегодные выборы председателя Гильдии киноактеров. Рейган выдвинул свою кандидатуру и получил одобрение большинства членов. Рейгану удалось победить других кандидатов — Джина Келли и Джорджа Мерфи^{79}.

Победа над обоими соперниками была весьма показательной. Джин Келли был известным хореографом и актером, завоевавшим большую известность, чем Рейган, правда, в основном в интеллектуальных кругах. Он был сторонником Демократической партии, причем примыкал к ее левому крылу. Вскоре после описываемых событий он станет одним из наиболее активных борцов против маккартистской реакции.

Более правые позиции занимал Джордж Мерфи, который с 1944 года возглавлял актерскую гильдию. Именно его на посту председателя сменил теперь Рейган. В качестве актера Мерфи также считался мастером более высокого уровня. За свой профсоюзный пост он особенно не боролся, стремясь как можно скорее возвратиться к творческой работе. Позже, правда, он вступит в политику, став первым актером, занявшим пост сенатора США^{80}.

Так начался новый этап в карьере Рейгана — из успешного актера он стал превращаться, полагая, по-видимому, что это лишь временный перерыв в творческой работе, в профсоюзного чиновника.

В 1949 году Рональд был привлечен к съемкам совместного британско-американского фильма «Горячее сердце», посвященного событиям Первой мировой войны, и на несколько месяцев выехал в Великобританию. Там он получил солидный гонорар, но, согласно британским законам, введенным правительством лейбористов («рабочим правительством», как оно себя называло), должен был потратить основную его часть на месте, так как не имел права вывозить крупную валютную сумму. Эта неудача вызвала немалое раздражение, оказавшее явное влияние на поворот Рональда к тем, кто решительно выступал против ограничений частнособственнической деятельности^{81}.

После этого Рейган снялся еще в нескольких фильмах, но его привлекали к съемкам все реже.

В последний раз он попытался возвратиться в киноиндустрию в 1964 году, сыграв в фильме «Убийцы» (по рассказу Э. Хемингуэя под тем же названием) босса организованной криминальной группировки, который предстал перед публикой как респектабельный бизнесмен. Критика оценила фильм весьма сдержанно (в рецензиях говорилось, что он имеет самое слабое отношение к произведению Хемингуэя), а игру Рейгана в основном отрицательно, полагая, что он не был естественным, что создал скорее маску героя, а не живой образ^{82}. Впрочем, сын Майкл, обожающий своего отца, утверждает, что эта неудача была связана с тем, что его отец был хорошим человеком, а в фильме ему пришлось играть «плохого парня»!^{83}

После этой неудачи Рейган больше в кино не снимался, да и нет сведений, что ему предлагали какие-либо роли. В качестве актера его уже не воспринимали.

Тем не менее позже, став губернатором Калифорнии, а затем президентом, Рональд не раз вспоминал о своей актерской карьере, считая, что она способствовала его политическому продвижению. В одном из выступлений он отмечал: «Некоторые из моих критиков в течение последних лет утверждают, что я стал президентом, потому что был актером, который знает, как произносить хорошие речи. Думаю, что это недалеко от истины, потому что актер знает две важные вещи — как быть честным в том, что он делает, и как находиться в контакте с аудиторией. Это также неплохой совет для политика. Мой актерский инстинкт просто подсказывал мне, чтобы я говорил правду, как я ее видел и чувствовал... То, что я говорил, имело смысл для простого парня с улицы, а ведь именно эти парни с улицы и избирают президентов Соединенных Штатов»^{84}.

Профсоюзный босс и его поворот вправо

На пост председателя киноактерской гильдии (подчеркнем: лишь одного из нескольких конкурирующих профобъединений, в которые входили работники экрана) Рейган переизбирался и в последующие годы, вплоть до 1953-го.

Сотрудничество гильдии с руководством студий сделало Рейгана крайне непопулярным в среде тех деятелей киноискусства, которые

занимали левые позиции и которых без каких-либо оснований называли «коммунистами» и «подрывными элементами». Наибольшие упреки и просто ругательства со стороны ГАС и ее руководителя раздавались в адрес Гильдии сценаристов, большинство членов которой симпатизировали левому крылу Демократической партии, а некоторые, оставаясь беспартийными, проявляли интерес к различным социалистическим теориям. Гильдия сценаристов не оставалась в долгу: в адрес Рейгана стали раздаваться обвинения, граничившие с прямыми оскорблениями. Его называли штрейкбрехером, слугой киноиндустрии и даже фашистом. Заметим попутно, что слово «фашист» еще до Второй мировой войны из названия правившей в Италии фашистской партии превратилось в грубое политическое ругательство, после войны эта тенденция еще больше усилилась, а сам термин фактически потерял первоначальный смысл.

Рейган включился в политическую борьбу и в рамках других общественных организаций.

Сразу после окончания войны в Европе, летом 1945 года, был создан Независимый гражданский комитет искусства, науки и других профессий с центром в Голливуде, поставивший своей целью борьбу за недопущение новой мировой войны и сохранение сотрудничества с СССР. После атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки деятельность комитета сосредоточилась на борьбе за запрещение атомного оружия. В комитет вошли видные актеры, писатели, ученые, журналисты — в основном те, кто ранее поддерживал Рузвельта и его «новый курс». Самыми знаменитыми членами комитета были великий ученый Альберт Эйнштейн и столь же великий актер и режиссер Чарли Чаплин. В то же время, как выяснилось позже, комитет был использован в качестве организации прикрытия для нелегальной деятельности Коммунистической партии США, чему способствовали некоторые его члены, в частности певец Поль Робсон и драматург Лиллиан Хелман.

Рональд Рейган, явно в это время повернувший вправо, но еще не вполне отрешившийся от влияния «нового курса», также вошел в комитет, в его исполнительный совет и даже недолгое время был в числе директорского совета организации. Его участие в Независимом гражданском комитете стимулировалось тем, что его активным членом был старший сын покойного президента Джеймс Рузвельт, который решительно осуждал коммунистическое влияние, но по основным вопросам внешней политики был близок к левым деятелям.

В комитете развернулась внутренняя борьба, которая усиливалась и обострялась по мере развития холодной войны между западными

державами и СССР. На первом же заседании исполнительного совета Рейган вместе с Дж. Рузвельтом и актрисой Оливией де Хэвилленд внес проект заявления с осуждением коммунистического проникновения в организацию. Проект был отвергнут как нарушающий принципы демократии. В то же время прокоммунистические деятели все более активно выступали с осуждением «британских и американских поджигателей войны» и в поддержку сталинской внешней политики. Диссонансом тем и другим крайним группам звучали утопические заявления нобелевского лауреата химика Лайнуса Полинга с призывом создать миролюбивое «мировое правительство»^{85}.

Именно в это время сравнительно широко развернулось начатое ранее сотрудничество Рейгана с американскими спецслужбами, в частности с ФБР, которое он никогда не афишировал, хотя прямо и не отрицал. В то же время его брат Нил не просто признавал, а открыто хвастал тем, что выполнял некие «шпионские задания» ФБР^{86}. Наиболее вероятно, что именно Нил «вывел» агентов ФБР на своего брата.

Частично досье Рейгана было рассекречено в 1985 году и впервые использовано в материалах одной из калифорнийских газет^{87}. Позже на основании закона о свободе информации 1966 года общественности были предоставлены обширные дополнительные материалы о сотрудничестве Рейгана со спецслужбами. Правда, приводимые некоторыми журналистами данные о численности документов (точнее, о количестве листов рассекреченной информации) — называют подчас многие тысячи листов — могут ввести в заблуждение, так как зачастую один и тот же документ повторялся в копиях, передаваемых по инстанциям десятки раз.

Но тот факт, что Рональд Рейган в послевоенные годы использовался ФБР в качестве голливудского информатора под кодовым номером Т-10 (под буквой «Т» фиксировались второстепенные агенты, не представлявшие особой ценности), безусловен. Многие из этих документов были использованы в книге журналиста С. Розенфельда «Подрывные элементы: Война ФБР против студентов-радикалов и восхождение Рейгана к власти»^{88}.

Агенты ФБР установили первые контакты с Рональдом Рейганом еще в 1941 году, когда встречались с ним для получения сведений о человеке, работавшем в Голливуде и симпатизировавшем нацистам. Эпизодические встречи с целью сбора информации происходили в следующие годы, а в 1946 году предоставление информации агентам внутренней безопасности стало регулярным. В своих мемуарах Рейган лишь упоминает, что в этом

году его посетили представители ФБР: «Мы разговорились. Я должен признаться, что они мне на многое раскрыли глаза»^[89].

Вместе со своей женой Джейн Уайман Рейган сообщал имена актеров и других работников Голливуда, которых они подозревали в коммунистической деятельности, сообщая при этом в ряде случаев факты их подрывной работы, в других же случаях ограничиваясь лишь своими субъективными ощущениями.

Как видно из рассекреченной документации, Рейган продолжал сотрудничество с ФБР также на протяжении последующих лет, вплоть до избрания его губернатором штата Калифорния.

Возвратимся, однако, в первые послевоенные годы. Осенью 1947 года созданная еще до Второй мировой войны с целью противодействия нацистской пропаганде комиссия палаты представителей Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности, которая непосредственно после войны сосредоточила свое внимание на деятельности компартии и особенно на проникновении ее влияния в круги интеллигенции, начала следствие о влиянии коммунистической пропаганды на киноиндустрию. Безусловно, по рекомендации ФБР Рейган был приглашен на слушания в Вашингтон в качестве «дружественного комиссии свидетеля»^[6].

Он вел себя хитро и лицемерно, ибо теперь речь шла не о тайном сотрудничестве, а о публичной акции, широко освещаемой прессой. Значительная часть последней оценила выступление Рейгана как достойное и даже смелое (имея в виду начавшуюся в стране «охоту на ведьм»). Он защищал Голливуд, заявлял, что подавляющее большинство его деятелей настроены антикоммунистически и не допустят распространения подрывных идей при помощи кино, что Голливуд сам справится с коммунистической опасностью без помощи административных органов. Он призывал сохранять в США основы демократии и высказался против объявления Коммунистической партии вне закона, цитируя Джефферсона и других авторитетов. «Если американский народ будет знать все факты, он никогда не допустит ошибки», — провозглашал он. В ответ на вопрос о проникновении коммунистов в Конференцию союзов студий Рейган уклончиво ответил, что в этой организации имеется группа, следующая тактике, которая «может быть ассоциирована с коммунистической», но отказался признать, что кто-то из ее членов действительно может оказаться коммунистом.

В свете того, что стало известно через много лет, особенно фальшиво (правда, в то время мужественно!) прозвучал его решительный отказ

назвать хотя бы одно имя коммуниста, работающего в Голливуде. Единственным, кто был назван как радикальный деятель, был Поль Робсон, который отнюдь не скрывал своих левых политических симпатий. Да и это имя прозвучало в косвенном свидетельстве, что его, Рейгана, «завлекли» в группу людей, которые всего лишь фигурировали в числе нескольких организаторов одного из концертов Робсона.

Создается впечатление, что, заботясь прежде всего о своей актерской и профсоюзной карьере, Рейган в то же время еще колебался в своих предпочтениях между Демократической и Республиканской партиями, между либерализмом и консерватизмом. Юность влекла его к либералам, жизненный опыт и практические цели предопределяли все больший поворот к консервативному крылу Республиканской партии.

В первые послевоенные годы эти колебания проявлялись в явной непоследовательности действий. Став негласным сотрудником ФБР и выступив в Комиссии по антиамериканской деятельности в качестве «дружественного», хотя и не вполне послушного свидетеля, он определенно повернул вправо. В то же время в 1947 году неожиданно присоединился к явно либеральной организации «Американцы за демократическое действие», которую определил как «единственное выражение подлинного либерализма», а в следующем году высказался за избрание президентом США Гарри Трумэна, представителя Демократической партии. Напомним, что Трумэн стал президентом в 1945 году после смерти Рузвельта, будучи вице-президентом, что тогда он не избирался на президентский пост и выборы 1948 года были для него первыми. Участвуя в трумэновской избирательной кампании, Рейган полностью поддержал его выступления против сокращения расходов на социальные нужды и за сохранение высоких налогов для наиболее богатых американцев^{90}.

Однако основной вектор политического развития Рональда Рейгана был все же направлен вправо.

В наибольшей степени это выразилось в том, что он включился в деятельность Совета кинопромышленности, образованного в самом начале 1949 года. Это было зонтичное объединение нескольких групп кинопромышленников, актеров и других работников Голливуда. Официально Совет кинопромышленности ставил своей целью добиваться прочных связей киноиндустрии с общественностью страны, но по существу стремился к обеспечению более благоприятного имиджа Голливуда перед законодательной и исполнительной властью в условиях, когда с легкой руки проведенного в Конгрессе расследования о Голливуде

стали говорить как об «откровенно коммунистическом гнезде». Вначале этот совет возглавляли второстепенные фигуры, но в марте 1949 года его председателем был избран Рейган.

Это был важный момент в начавшейся политической карьере Рональда. Если раньше он занимал посты в относительно небольших профессиональных объединениях, то теперь, по существу дела, стал представлять весь Голливуд — как его предпринимателей, так и актеров и всех других работников. Рональд отныне выступал с многочисленными речами, в которых проповедовал гармонию интересов в кинопромышленности, стремление к достижению баланса между трудом и капиталом, администрацией, актерами и вспомогательным персоналом, единство целей, вроде бы признаваемое всей отраслью.

Тон его выступлений был умиротворяющим. Рейган осуждал так называемую «голливудскую десятку» — тех режиссеров и сценаристов, которые, будучи вызванными на заседание комиссии по антиамериканской деятельности, отказались отвечать на вопрос, являются ли они членами компартии. Все они за «неуважение к Конгрессу» были приговорены к году заключения и крупному штрафу. Значительная часть американской общественности сочла и обвинение, и приговор нарушением конституции страны.

Отрицая, что эти деятели были коммунистами, Рейган в то же время упрекал их за вызывающее поведение перед лицом высшего органа власти. Но подавляющее большинство голливудских работников, говорил он, «являются трудолюбивыми, регулярно посещающими церковь, имеющими семьи мужчинами и женщинами»^[91]. Он всячески хвалил деятелей своей профессии, которые, по его словам, отличались высоким уровнем образования, участием в благотворительных акциях, заботливым отношением к близким и друзьям. Рейган осуждал прессу, обильно публиковавшую скандальные материалы о Голливуде, за раздувание сплетен. Отвергая слухи о засилье в Голливуде коммунистов, Рейган утверждал прямо противоположное: киноиндустрия играла выдающуюся роль в борьбе демократии против коммунизма.

В то же время антикоммунистические взгляды Рональда усиливались. Если в 1946 году он еще отстаивал право компартии на легальное существование и допускал лишь политико-идеологические методы борьбы против коммунистических и прочих, связанных с ними подрывных идей, то, став во главе Совета кинопромышленности, высказался за запрещение компартии как организации, стремящейся к разрушению демократических учреждений США и являющейся агентурой иностранного государства.

Оставаясь президентом актерской гильдии наряду с новой должностью, Рейган в 1950 году выступил с инициативой, чтобы ее члены «добровольно» выступили с клятвой лояльности Соединенным Штатам.

Такая «добровольность», которая с самого начала была фиктивной, через несколько месяцев уступила место решению руководства гильдии, что каждый ее член должен подписать декларацию, что никогда не являлся и не является членом Коммунистической партии или другой организации, ставящей целью свержение законно избранного демократического правительства Соединенных Штатов.

В этот период Рейган объявил о полной поддержке антикоммунистических и антисоветских кампаний, развернутых в международном масштабе радиостанцией «Свободная Европа» и движением под названием «Крестовый поход за свободу». От имени киноактерской гильдии он направил председателю этого движения отставному американскому генералу Люсиусу Клею письмо в поддержку этого движения членами гильдии. В том же духе он выступил по телевидению: «Крестовый поход за свободу — это и ваш, и мой шанс победить коммунизм. Присоединяйтесь к нему тотчас»^[92].

Не порывая полностью с Демократической партией, Рейган во время избирательной кампании 1952 года поддержал кандидата республиканцев генерала Дуайта Эйзенхауэра, активно включившись в группу «Демократы за Эйзенхауэра». По существу дела, это означало его все большее приближение к Республиканской партии, подготовку перехода к республиканцам.

Рональд косвенно поддержал создание голливудскими фирмами «черных списков», в них включались актеры, режиссеры, сценаристы, композиторы и представители других профессий, связанных с кинопроизводством, от услуг которых отказывалось теперь большинство студий и которые лишь изредка могли получить низкооплачиваемую работу на мелких предприятиях. Эти фирмы заключали контракты с преследуемыми представителями искусства главным образом по экономическим соображениям.

Гильдия, руководимая Рейганом, постепенно превращалась из профессионального объединения, представляющего и защищающего интересы своих членов, в организацию политического характера, все более склоняющуюся к правому крылу социально-политического спектра. Правда, такая ориентация подчас прикрывалась соображениями хозяйственного порядка. Рейган заявлял, что киноиндустрия — это часть свободного рынка и что гильдия просто не имеет права представлять

интересы тех актеров, фильмы которых дают низкие кассовые сборы. Естественным, продолжал он, является то, что студии не проявляют интереса к таким лицам и в их коммерческую деятельность и интересы гильдия не может вмешиваться. На тот факт, что в незавидном положении оказываются актеры левых, хотя отнюдь не коммунистических убеждений, руководство гильдии внимания не обращало.

Таким образом, Рейган фактически способствовал созданию «черных списков», хотя не раз уверял, что таковые не существуют. Непосредственно не сотрудничая с оголтелым сенатором Джозефом Маккарти, который пытался найти «красных» в различных правительственных учреждениях вплоть до Государственного департамента и министерства обороны, Рейган, по существу дела, способствовал разжиганию маккартизма, который подавляющее большинство американцев считает позорной страницей в истории страны, хотя подчас в различных целях масштабы маккартизма некоторыми авторами невероятно раздуваются и даже сравниваются со сталинским Большим террором в СССР^{93}.

Позже Рональд стремился провести резкую границу между своими взглядами во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х годов и маккартизмом. Такая грань действительно существовала. Рейган никогда открыто не преувеличивал коммунистическую угрозу, весьма удобно для себя делая вид, что он не доносил ФБР на левых либералов как тайных коммунистических симпатизантов. В 1962 году он писал издателю газеты «Нью-Йорк таймс» Орвилу Драйфусу, что «никогда не указывал пальцем ни на одну личность», и жаловался, что до сих пор его совершенно необоснованно именуют «оракулом правого крыла»^{94}.

Расставание с Джейн и появление Нэнси

Между тем чувства Рональда и его супруги постепенно охладились. В то время как Рон все более увлекался административными и политическими делами, Джейн строила успешную карьеру, становясь кинозвездой первой величины. Они пока не расставались, но все чаще проводили время порознь. Рон приобрел привычку проводить отпуск в одиночестве, тогда как Джейн почти не позволяла себе отдыха, заключая все новые контракты. За роль в фильме «Олененок», в котором она играла главную героиню с прославленным уже Грегори Пеком (это была психологическая драма о коллизиях фермерской семьи, которая нашла

некоторое успокоение, приняв в свой дом олененка), Уайман была номинирована на премию «Оскар».

Достоверно неизвестно, существовала ли у Джейн интимная связь с Пеком, о чем твердили сплетники Голливуда, но творчески они с партнером были очень близки. А это, в свою очередь, вызывало недовольство Рона, к тому же Пек в 1944 году сыграл роль русского партизана в фильме «Дни славы», в котором его партнершей была известная балерина русского происхождения Тамара Туманова^{95}. По окончании войны этот фильм был объявлен коммунистической пропагандой, и даже распространились слухи, что Пек по происхождению русский, как и Туманова.

Успехи жены, ее нежелание отказаться от съемок, чтобы родить еще одного ребенка, вызывали раздражение Рона. В конце концов Джейн забеременела и в июне 1947 года родила недоношенную девочку. Ее назвали Кристин, но она умерла через несколько часов после появления на свет. Каким-то компромиссом было усыновление мальчика по имени Майкл, родившегося 18 марта 1945 года, от которого отказалась незамужняя мать-актриса по имени Ирэн Флотер. Рональд и Джейн забрали ребенка прямо из родильного дома. Морин рассказывала через годы (тогда ей было четыре года), что вначале она была очень разочарована тем, что ее братик оказался таким маленьким, она хотела иметь брата-ровесника, подобного ее друзьям. Позже между детьми установились теплые отношения, Морин всячески опекала братишку^{96}. Особого внимания к воспитанию приемного сына родители не проявляли, Майкл был доверен попечению няни. Ребенок глубоко переживал развод приемных родителей, этому обстоятельству он, став довольно известным радиокомментатором и актером второго плана, посвятил значительную часть своей мемуарной книги под названием «Дважды приемный»^{97}.

Джейн была недовольна политическими увлечениями Рона, не одобряла его участия в антикоммунистических кампаниях. После того как он в очередной раз в мае 1948 года возвратился из Вашингтона, где выступал свидетелем в комиссии по антиамериканской деятельности, она просто выставила его из дома, заявив, что их брак завершен. Расторжение брака она объясняла не неверностью супруга, как поступали многие женщины, а тем, как утомительно было ей ожидать мужа, занятого своими делами до поздней ночи, как оскорбительно было видеть его, завтракающего с газетой в руках и восклицающего: «Она не интересуется политикой и думает, что ее муж не принимает во внимание ее мнение!»^{98}

Эти упреки были, безусловно, справедливыми: Джейн действительно

не увлекалась политическими играми, после бурной юности она серьезно занималась артистической карьерой и добивалась немалых успехов.

Отношения супругов завершились бракоразводным судебным процессом, проведенным по требованию Джейн. Она заявила на суде: «Между нами не осталось ничего общего, что могло бы сохранить наш союз»^{199}. Дети были оставлены с матерью, но получили право общаться с отцом. Рейган должен был выплатить бывшей супруге крупные алименты.

Видимо, расставание с Рональдом стало для Джейн своего рода стимулом к новым творческим успехам. Вскоре после этого она сыграла главную роль в фильме «Джонни Белинда» о юной глухонемой девушке, которая была изнасилована, забеременела, родила ребенка и посвятила ему всю свою жизнь. Фильм был выдвинут на многие премии, получил «Оскар», а Джейн, кроме того, была награждена «Золотым глобусом» за лучшую женскую роль.

О браке с Рейганом актриса предпочитала не вспоминать. Когда в 1980-е годы она подписала договор об участии в ряде интервью, связанных с ее творческой деятельностью, по ее настоянию в документ был вписан пункт о том, что, если ей будет задан вопрос о Рейгане, ставшем президентом США, она немедленно прервет общение с журналистами^{100}.

Трудно сказать, каковы были истинные чувства Рональда в связи с разводом, на который он согласился немедленно. Вряд ли он испытывал к жене сколько-нибудь глубокие чувства, но уход Джейн, безусловно, сильно задел его самолюбие: в отличие от нее он не стал серьезным актером, сменил артистическую карьеру на деятельность профессионального чиновника, тогда как его бывшая жена преуспевала в своей профессии. Человек амбициозный, Рональд не мог не чувствовать себя уязвленным тем, что жена не только обогнала его как актриса, но и выставила из дома.

Можно согласиться с мнением Дж. Вейсберга, что он «похоронил в своем сознании» первый брак наряду с другими неудобными моментами своей биографии: алкоголизмом отца и собственным тайным сотрудничеством с ФБР^{101}. Действительно, в своих мемуарных книгах Рейган лишь мельком и весьма сдержанно упоминал имя Джейн Уайман и свой первый брак.

Начался непродолжительный период холостяцкой жизни Рональда. Он поселился в Лос-Анджелесе в дорогом отеле под звучным названием «Сады Аллаха», свободное время проводил в ночных клубах, часто вместе с голливудскими старлетками (иногда просто подбирал старлетов, выступавших в этих клубах). Английский термин «старлетка»

(«звездочка») стал входить в обиход именно в эти послевоенные годы. Так называли самых юных и весьма претенциозных актрис, которые обычно прибавляли себе возраст и были готовы почти на любой сексуальный контакт, чтобы получить роль. Подчас это были даже девочки 14–15 лет, которые пытались скрыть свой возраст, пряча лицо под толстым слоем макияжа.

Рональда не смущало, что своим поведением эти девочки (подчас он расставался с такой девицей, даже не узнав, как ее зовут) напоминают его первую жену. Он был убежден, что теперь связать его брачными узами ни одна из старлеток не сможет^{102}. По существу, Рейган, несмотря на активную интимную жизнь, оставался человеком одиноким.

Однако одиночество Рональда продолжалось недолго. В 1949 году он встретился с актрисой кинокомпании «Метро-Голдвин-Майер» (Эм-джи-эм) 28-летней Нэнси Дэвис. Сама встреча была связана с «охотой на ведьм». Нэнси попросила Рейгана принять ее для того, чтобы уладить серьезное недоразумение: ее стали подозревать в участии в «антиамериканской деятельности». Рейган быстро выяснил, что у Дэвис была однофамилица левых взглядов, сама же Нэнси, «настоящая Нэнси», как часто затем называл ее Рон, была вполне благонадежной, придерживалась консервативных взглядов и происходила из семьи известного врача-нейрохирурга и бизнесмена^{103}.

Урожденная Анна Фрэнсис Роббинс, она была дочерью актрисы средних способностей и автомобильного торговца. Родители ее разошлись вскоре после рождения дочери, которую воспитывали родственники в штате Мэриленд, пока мать ездила по стране в поисках работы и выступала по краткосрочным контрактам. Через несколько лет мать вышла замуж за врача Лойала Дэвиса, который удочерил девочку. Она приняла фамилию Дэвис и имя Нэнси, к которому привыкла, ибо именно так называли ее родственники в раннем детстве. Отчим со временем стал известным нейрохирургом и предпринимателем, основателем системы специализированной подготовки хирургов высшей квалификации, университетским профессором. Он заботился о Нэнси как о родной дочери, и росла она в полном комфорте.

Нэнси получила высшее образование в колледже в штате Массачусетс, где специализировалась в области искусствоведения и написала выпускную работу по истории британской драмы. Работать по специальности ей не пришлось. Так как она стремилась к самостоятельности и независимости, пришлось идти в крупный универмаг продавщицей, а затем, окончив

соответствующие курсы, стать медицинской сестрой. Однако девушка была артистична, обладала привлекательной внешностью и звучным голосом, и мать и знакомые актеры рекомендовали ей попробовать свои силы в киноиндустрии, несмотря на то, что никакого профессионального образования и сценического опыта у нее не было.

За нее похлопотали известные актеры, в том числе знаменитый Спенсер Трейси, единственный из артистов, еще до войны два года подряд получавший премию «Оскар» за лучшую мужскую роль.

В 1948 году Нэнси, которая по меркам Голливуда была не такой уж юной (28-летний возраст считался временем артистической зрелости), приняли на студию Эм-джи-эм для исполнения ролей в малобюджетных фильмах, не предназначенных для массового показа. Именно вскоре после этого и состоялась первая встреча Нэнси и Рона.

В следующие месяцы выяснилось, что, в отличие от первой жены Рональда, артистические амбиции Нэнси не были значительными. Она явно предпочитала тяжкому труду киноактрисы роль верной жены и хранительницы семейного очага. Оказалось, что Нэнси разделяет консервативные ценности, к которым все более склонялся Рональд. В то же время она уже познала изнанку Голливуда, неплохо разбиралась в искусстве, могла на должном уровне поддержать профессиональную беседу.

Рональд и Нэнси стали встречаться. Период ухаживания продолжался более года, когда Рон наконец сделал ей предложение. «Я думаю, что ему потребовалось некоторое время, — рассказывала Нэнси, — чтобы почувствовать, что он может мне полностью доверять»^{104}. Приемному же сыну Майклу Рональд говорил через годы: «Я был воспитан в убеждении, что развод между супругами немыслим. Так что когда твоя мама развелась со мной, я не мог представить себе худшей судьбы. Я не думал, что когда-нибудь смогу выйти из состояния тоски, — до тех пор, пока в мою жизнь не вошла Нэнси. И с тобой однажды произойдет нечто чудесное»^{105}.

В самом конце 1950 года состоялась помолвка. Нэнси безоговорочно приняла все привычки и образ жизни своего будущего супруга. Она даже научилась верховой езде и по выходным дням стала выезжать с Рональдом на прогулки. Когда 4 марта 1952 года в городке Студио-Сити в долине Сан-Фернандо (фактически пригороде Лос-Анджелеса) состоялась скромная свадьба, Нэнси была беременна. Через семь месяцев родилась дочь Патрисия, которую обычно называли Пэтти, в 1958 году на свет появился сын Рональд-младший.

Хотя на протяжении всей последующей совместной жизни между Рональдом и Нэнси возникали размолвки, в целом это был образцовый брак, в котором явно доминировал супруг. Нэнси, сознавая, что между ней и Роном порой не было подлинной душевной близости, воспринимала это как данность, безоговорочно одобряя все его действия, порой и противоречивые. Она говорила журналисту Лу Кэннону, не конкретизируя и не приводя примеров: «К Ронни можно было совсем приблизиться, но затем что-то обязательно происходило»^{106}. В другом интервью, уже в старости, когда Рональду исполнилось 90 лет, Нэнси говорила: «Бывало так, что мы не соглашались друг с другом, но мы никогда не кричали и не хлопали дверьми»^{107}. Дочь, принявшая фамилию матери, с оттенком иронии характеризовала ее поведение как «мягкую стадию восторга»^{108}. Сам же Рональд на протяжении всей жизни считал свой второй брак удачным во всех отношениях, о чем свидетельствовали его записи в дневнике. 4 марта 1981 года он записал: «Годовщина нашей свадьбы. 29 лет большего счастья, чем любой человек действительно заслуживает»^{109}.

Тот факт, что у Рональда появилась новая семья, не привел к отчуждению от него детей от первого брака. И Морин, и Майкл по-прежнему проводили с ним многие выходные дни, бывали на его ранчо. Джейн и Нэнси оказались на высоте положения, вели себя цивилизованно, не препятствуя Рональду проявлять сдержанное внимание ко всем четверым своим детям, тратя на общение с ними меньше времени, чем на общественно-политические дела. Это, в частности, многократно отмечал в своей книге М. Рейган: «Он никогда не забывал свою первую семью, после того как женился во второй раз и у него появилась вторая семья»^{110}. Сам же Рональд в предисловии к первой книге Майкла писал: «Для меня он всегда оставался моим любимым маленьким сыном, и с того момента, как он впервые мне улыбнулся, я никогда не вспоминал, что он был приемным. Я любил его точно так же, как и остальных моих детей»^{111}.

Глава 3

НА ОБЩЕСТВЕННОЙ АРЕНЕ

Новые связи и формирование

политической личности

В какой-то степени Нэнси способствовала углублению правоконсервативных взглядов Рональда. Конечно, если принять во внимание характеры обоих — самодостаточность, в которой все более утверждался Рейган, и мягкость, податливость его жены, — это не было непосредственное влияние. Однако Нэнси, которую ранее опекали богатые калифорнийские знакомые ее отчима, вовлекла Рональда в новый круг влиятельных предпринимателей, не связанных с миром кино.

Рейганы стали встречаться с крупным газетным предпринимателем Уолтером Аннанбергом и его женой Ли. Издания Аннанберга выходили не только на западном побережье, но и на востоке страны. Влиятельной была, в частности, его газета «Филадельфия инкуайрер», известная своей борьбой против коррупционных схем. Бизнесмен расширил сферу своих коммерческих интересов, включив в нее радио и телевидение. Аннанберг впервые стал издавать справочники телевизионных передач, которые имели миллионы подписчиков. Общение с этим крупным бизнесменом вовлекало Рейгана в финансовые дела, в интересы сильных мира сего.

Другим крупным калифорнийским предпринимателем, с которым стали регулярно встречаться Рейганы, был Эрл Джоргенсон, занимавшийся торговлей стальными изделиями и смежными товарами. По воспоминаниям Нэнси Рейган, именно Джоргенсон позже побудил Рейгана выдвинуть свою кандидатуру на пост губернатора Калифорнии. Когда этот деятель скончался в 1999 году, Нэнси сказала о нем: «Он был старейшим и одним из самых дорогих друзей, который оставил нам в наследство массу чудесных воспоминаний»^{112}.

Не менее тесные отношения сложились с семейством Блумингдейл, глава которого Алфред был основателем собственной сети универмагов и впервые ввел в практику кредитные карточки в фирме под названием «Пообедай и распишись» («Dine and sign»).

Эти, а также некоторые другие предприниматели, которых мы еще упомянем, позже вошли в группу неофициальных советников Рейгана из среды деловых кругов. Некоторые из них стали членами группы его ближайших консультантов, которую называли «кухонным кабинетом».

Пока же оживленные беседы с ними на приемах и частных встречах давали возможность Рейгану проникнуться заботами и тревогами большого бизнеса. Как и его новые знакомые, он стал противником высоких подоходных, тем более прогрессивных налогов, тщательно изучал законодательство, прежде всего с практической целью: стараясь найти в нем лазейки, позволяющие ему понизить налоговые ставки на собственные доходы.

Обнаружилось, что при помощи создания фиктивных «временных корпораций» актеры и другие работники киноиндустрии, получающие высокие доходы и в некоторых случаях платящие в казну более половины заработанных денег, могут сократить выплаты до 25 процентов. Естественно, Рейган немедленно воспользовался этим.

Однако такого рода лазейки в любой момент могли быть закрыты: президент Трумэн, как и его Демократическая партия в целом, высказывался за сохранение высоких прямых налогов и ликвидацию каких-либо изъятий из них.

Определяя основы внутренней политики после войны, Трумэн решительно отстаивал и сохранение государственного контроля за частной экономикой, поощрение мелкого бизнеса, что явно рассматривалось как его противопоставление крупному предпринимательству.

Всё больше становясь в оппозицию правительственному курсу, Рейган опирался на позиции своих новых знакомых и прежде всего на собственный опыт кинодеятеля. Выступая в 1951 году в известном Международном благотворительном клубе Кивание в городе Сент-Луис, он сетовал: «Ни одна другая отрасль не подвергалась таким дискриминационным налогам, как кинематограф. И дело не в том, что каждый может сказать: «Им всем в Голливуде платят слишком много, пусть они и раскошелятся», а в том, что если властям это сойдет с рук, то они скоро доберутся и до вашего кармана»^{113}.

Вместе с тем Рейган все больше проникался чувством величия своей страны. Идея американской исключительности была им впервые четко выражена в приветствии, с которым он выступил в городе Фултон, штат Миссури, в колледже Уильяма Вудса в июне 1952 года и которое было опубликовано под заголовком «Прекрасная Америка». Немаловажно, что эта речь была произнесена в том самом небольшом городке, где шестью

годами ранее Уинстон Черчилль произнес свою знаменитую речь о том, что над Восточной Европой опустился «железный занавес». Тем самым сравнительно еще молодой и малоизвестный Рейган вполне сознательно как бы уподоблял себя знаменитому британцу, вступал в некое соревнование с ним.

Рональд говорил: «Я думаю об Америке как о том месте в Божьем замысле, которому была отведена роль Земли благословенной. Она была специально выделена, и входная плата была простой; средства отбора тех, кем ей предстояло быть населенной, были очень простыми. Здесь приветствовали людей из любого места на земном шаре, любого храброго человека, который был готов вырвать свои корни, стремясь к свободе, кто осмеливался начать жить в чуждом и далеком месте, преодолев половину мира... Я верю, что Господь в своем Божественном Промысле, благословив эту страну, всегда наблюдал за ней и руководил ею как благословенной Землей для этих людей»^{114}.

Рейган не был далек от истины, когда в той же речи говорил, что великой мечтой для огромного большинства жителей земного шара было жить в Соединенных Штатах. Использование идеи Божьего Промысла дополняло идею американской исключительности, придавало ей некий полуфантастический романтизм.

Говорилось это фактически о послевоенном времени, когда экономический подъем США был действительно грандиозным. Бурное развитие производства военной техники и сопутствующей продукции привело к ликвидации безработицы. В некоторых отраслях рост занятости был просто фантастическим. Так, в авиационной промышленности число рабочих за военные годы увеличилось с 63 тысяч до 1 миллиона 345 тысяч, то есть более чем в 20 раз. В связи с ростом доходов рабочих, мелких и средних служащих, мелких предпринимателей цены на сельскохозяйственные продукты за это же время выросли на 131 процент, а доходы фермеров увеличились в два с половиной раза. Резко понизилась фермерская задолженность, являвшаяся бичом американской экономики на протяжении многих десятилетий^{115}.

Дж. Вейсберг полагает, что Рейган заимствовал идею об американской земле, наделенной особым Божьим благословением, из пропагандистского фильма 1943 года под названием «Во имя Бога и страны». В этом фильме он играл роль военного католического священника, друзьями которого были такие же военные священнослужители: протестантский капеллан и иудейский раввин^{116}. Вряд ли, однако, случайная кинороль оказала на

Рейгана столь значительное влияние. Скорее всего, само развитие Соединенных Штатов в первые послевоенные годы подсказало ему этот пропагандистский прием, который будет им использоваться на протяжении всей дальнейшей политической карьеры. Сам Дж. Вейсберг отмечает, что идею американской исключительности разделяли многие политические ораторы, что она все больше входила в «политическую риторику».

Между прочим, именно в выступлении в Фултоне Рейган впервые опробовал практику, широко затем применявшуюся им, использования вымышленных, псевдоисторических событий, поучительных мифологических историй, которые он выдавал за подлинные.

В названной речи фигурировали два таких мифа. Один состоял в том, что во время дебатов по поводу подписания американской Декларации независимости в 1776 году среди делегатов Первого Континентального конгресса появился какой-то простой человек, имя которого так и осталось неизвестным, и призвал делегатов немедленно подписать декларацию, ибо «их дети и дети всех следующих поколений» будут судить о них именно по тому, что они сделают сегодня.

Вторая вымышленная история, которая, видимо, особенно понравилась ее автору, так как позже он не раз ее повторял, касалась времен недавних. Рейган говорил о том, как во время Второй мировой войны германский снаряд попал в американский бомбардировщик, возвращавшийся на свою базу после успешной атаки. Командир приказал своим подчиненным прыгать с парашютами, сам же произнес, обращаясь к раненому стрелку, который был не в состоянии прыгнуть: «Ничего, сынок, мы поведем самолет вниз вместе»^{117}. Увлеченный этим вымыслом Рейган даже не подумал о том, что его могут спросить, как ему стала известна вся эта история, если ее участники через несколько мгновений погибли. Как оказалось, подобная сцена была в каком-то голливудском фильме, и героический вымысел в его сознании, скорее всего искренне, превратился в реальность.

Еще одной своего рода притчей, на этот раз не исторической, а связанной с повседневной жизнью, причем также явно вымышленной, был рассказ о некоей матери, которую вызвал в школу учитель в связи с плохим поведением ее сына. Эта дама заявила, что ее ребенок очень впечатлителен и было бы хорошо, если бы учитель на его глазах наказал кого-то другого — побил, но не очень больно. Можно полагать, что история эта — о тех эгоистичных родителях, которые оправдывают дурные поступки своих детей, сваливая вину на других или на обстоятельства. Вряд ли прав М. Рейган, который считает, что здесь был заложен некий более глубокий

смысл — критика «либерального патерналистски настроенного правительства»^{118}.

Речь в Фултоне была первым полностью застенографированным выступлением Рейгана. Сам факт того, что его выступление было зафиксировано от начала до конца, свидетельствовал, что он стал превращаться в политика, на которого следовало обращать внимание.

Карьера на телевидении

Постепенно Рейган убеждался в том, что работа в качестве профсоюзного чиновника, хотя и связанная с кинопромышленностью, не имеет значительных карьерных перспектив. Возвращаться в актерскую профессию было уже просто невозможно: там ему сулили лишь второстепенные роли, а это уже было ему не по возрасту — в 1951 году ему исполнилось 40 лет.

Между тем с начала 1950-х годов в США стало бурно развиваться телевидение. Этот бизнес быстро распространялся с восточного побережья, главным образом из Нью-Йорка, на запад. Весьма предприимчивый Л. Вассерман включил телевидение в область своих интересов. Он образовал специальную телекомпанию «Ревю продакшн». Рейган в двойном качестве — бывшего клиента Вассермана и председателя Гильдии киноактеров — провел решение гильдии предоставить новой фирме Вассермана исключительное право на включение ее членов в свои передачи. Так Рональд обратил свои взоры на телевидение, с которым на несколько лет свяжет свою судьбу.

Пока, однако, Вассерман только разворачивал свое телепроизводство, и этот процесс должен был неизбежно занять несколько лет. Рейган же, который привык за последние годы жить на широкую ногу, стал остро нуждаться в средствах. Он не превратился в бедняка, но его расходы увеличились весьма сильно, а оклад руководителя гильдии отнюдь не возрастал.

Рональд приобрел большой дом в Пасифик Пэлисейдс — богатом прибрежном пригороде Лос-Анджелеса, который необходимо было оборудовать, ранчо в долине Сан-Фернандо, расположенной в невысоких горах Санта-Айнез неподалеку от тихоокеанского побережья. На ранчо были лошади, которых, как и все ранчо, требовалось содержать. Помимо этого он выплачивал Джейн Уайман деньги на содержание детей и оплачивал обучение Морин и Майкла в частных школах. В результате

Рональд — сравнительно уже богатый человек — впервые в жизни оказался в долгах. За короткий срок долг вырос до 18 тысяч долларов.

Чтобы его покрыть, он был вынужден даже отправиться на несколько недель в Лас-Вегас, где выступал в качестве конферансье в ночном клубе на главной улице Стрип. Хотя оплата была высокой (впервые в Лас-Вегасе выступал сравнительно известный киноартист) — 15 тысяч долларов в неделю, Рейган рассматривал эту работу как вынужденную и нежелательную, о чем Нэнси вспоминала через много лет. Считалось, что для актера работа в ночном клубе «города греха» — это свидетельство заката карьеры, и, прежде чем отправиться туда, Рейган просто не мог не задуматься о своем реноме^{119}. Но оплата была такая, что он смог легко рассчитаться с долгами. Сам он со свойственной ему нарочитой самоиронией начинал очередной вечер в клубе словами: «Мне приходится представлять других артистов, потому что сам я ничего не умею делать».

Он стремился теперь проводить выходные дни на ранчо. Условия жизни здесь были примитивными. Для жилья кое-как приспособили небольшой сарай. У Рональда был только один работник — мексиканец Нино Пеппетоне, который был скорее не слугой, а помощником и приятелем, занимавшимся лошадьми в отсутствие хозяина. К тому же рачительный Нино обзавелся козами и курами. Рональд часто привозил на ранчо Морин и Майкла, старался приучить их к труду, уходу за животными. При этом воспитание осуществлялось на основе рыночных принципов: в зависимости от выполненного труда дети получали денежное вознаграждение. Майкл, например, с ранних лет приучался ремонтировать и красить забор и дворовые постройки^{120}.

В 1951 году Рейган смог приобрести новое ранчо, более обширное и благоустроенное, с жилым домом и даже бассейном. Расположено оно было неподалеку от городка Малибу, пригорода Лос-Анджелеса, по соседству с павильонами кинокомпании «20 век Фокс», что давало возможность поддерживать связи с бывшими коллегами. Однако и здесь Рональд прежде всего стремился сохранять свою физическую форму, занимаясь трудом на свежем воздухе, к чему приучал и детей. Майкл писал, что не знал никого, кто получал бы такое удовольствие, рубя топором дрова для камина, ремонтируя хозяйственную утварь на ферме, как его отец^{121}. Майкл рассказывал, что однажды отец поручил ему покрасить забор, а сам отправился по своим делам. Скоро мальчику надоела нудная работа, и он договорился с двумя местными ребятами, что они выполнят эту работу за него за половину той суммы, которая была ему

обещана отцом. Сам же отправился на пляж. Когда возвратившийся Рональд с удивлением увидел, что вместо сына порученной работой занимаются чужие дети, он быстро выяснил, что произошло. Возвращавшийся домой Майкл считал, что отец еще не вернулся и ни о чем не узнает. Увидев во дворе отцовскую машину, он понял, что попался, и ожидал наказания. Каково же было его удивление, когда Рональд не только не отругал, а даже похвалил его за «предприимчивость». Это был важный урок свободных «рыночных» отношений, которым, как оказалось, Рейган был верен не только в теории, но и в воспитании собственных детей. Он и сам позже с удовольствием рассказывал эту историю^{122}.

В начале 1950-х годов Рональду поступали предложения сниматься в первых телесериалах. Он, однако, отказывался от участия в них, а однажды назвал телесериалы «поцелуем смерти» для актеров. При этом имелось в виду не столько низкое художественное качество сериалов (к низкопробным фильмам он давно привык и не считал зазорным в них сниматься), сколько тот факт, что для просмотра телесериалов не надо было идти в кинотеатр, платить деньги за билет, их можно было смотреть дома на диване. Именно в это время в США появилось выражение *coach potato* («диванная картошка») для обозначения тех людей, которые массу времени проводят у телевизионного экрана. Такое развлечение Рейган, становившийся все более консервативным, поначалу считал недостойным. Однако вскоре стал относиться к телевидению более снисходительно и нашел в нем применение своим силам.

В 1954 году Вассерман подыскал ему приличную работу в телеотрасли. Рейган подписал контракт с одной из крупнейших корпораций США фирмой «Дженерал электрик» на работу в качестве ведущего на собственном телеканале этого объединения, который вначале мыслился только как рекламный, но постепенно расширял свои функции, хотя в основном продолжал служить пропаганде этой фирмы.

Начальная зарплата составляла 125 тысяч долларов в год, что было намного меньше, чем недельная оплата в Лас-Вегасе. Но это была постоянная работа, причем в солидной фирме, в которой Рейган рассчитывал продвинуться, правда, не имея четкого плана, как это осуществить и каковы будут результаты.

Рейган проработал в «Дженерал электрик» восемь лет. Он начал свои выступления как относительно либеральный антикоммунист, а завершил их, находясь на умеренно правом фланге республиканцев. Именно по этой причине руководство не продлило с ним контракт: откровенно консервативные взгляды не соответствовали коммерческой политике

фирмы, которая стремилась находиться в середине политического спектра, что было наиболее перспективным с хозяйственной точки зрения. Это, между прочим, стало определенным уроком для самого Рейгана, позиция которого в следующие годы несколько смягчилась. Он стал глубже понимать, что широкие массы американцев не любят крайностей, что обычный гражданин страны — сторонник «золотой середины».

Сам Рейган описывал работу в телесети «Дженерал электрик» как свой «аспирантский курс в области политической науки», как время, когда складывались его убеждения^{123}. С этим можно в основном согласиться, внеся поправку в том смысле, что период формирования умеренно консервативных взглядов Рейгана начался ранее, а завершился скорее не во время, а после работы на фирме, но не без влияния этой работы.

На телевизионном канале фирмы Рейган выступал в двух качествах. Во-первых, он был постоянным ведущим «Театра Дженерал электрик», где выступали актеры, ставились короткие спектакли, сценарии которых представляли собой адаптированные версии романов, рассказов, пьес. Это были значительно упрощенные вариации используемых произведений, в основном посредственного качества, авторы которых соглашались на сценарную обработку их творений за соответствующие гонорарные отчисления.

Во-вторых, Рейган сам участвовал в некоторых спектаклях, а иногда, очень редко, выступал в качестве исполнителя в своеобразном театре одного актера.

Все представления сопровождалось многократно повторявшейся рекламой как самой фирмы, так и тех передач, которые демонстрировались на телеканале. Американское телевидение проходило еще этап своего становления, и такого рода приемы, ставшие позже обычными, в то время воспринимались как новинка и, как ни странно, привлекали немалое внимание аудитории. Рекламные объявления, например, гласили: «Попытка неверной жены убить своего мужа дает неожиданный обратный результат», «Спортивный журналист едет в Рим для освещения борьбы на первенство мира и неожиданно влюбляется в дочь археолога. Чем же завершится этот роман?», «Бывший актер пытается возвратиться на сцену, но становится жертвой разгневанного режиссера, который пытается отомстить каждому, Кто когда-либо ему не угодил».

И такого рода анонсы, и сами спектакли привлекали массовую аудиторию, особенно когда в качестве исполнителей выступали известные актеры Джуди Гарланд, Джек Бенни, Джимми Стюарт, которые охотно принимали предложения: каждый спектакль щедро оплачивался.

Естественно, все представления пронизывала пропаганда самой фирмы. Лозунгом «Дженерал электрик» была фраза: «Самым главным нашим продуктом является прогресс». Соответственно каждую передачу Рейган завершал одними и теми же словами: «До свидания, до следующей недели, приятной ночи «Дженерал электрик», в которой прогресс в продукции идет рука об руку с прогрессом человеческих ценностей, которые обогащают всю нашу жизнь. Вот почему для «Дженерал электрик» самым главным продуктом является прогресс»^{124}.

Вскоре правление «Дженерал электрик», к собственному удивлению, установило, что его театр оказался в сезоне 1956/57 года по популярности на третьем месте при опросе зрителей о качестве телевизионных шоу после двух программ одного из основных телевизионных каналов страны Си-би-эс. Признано было, что немалая заслуга в этом принадлежала ведущему Рональду Рейгану.

Совершенствование ораторского искусства

и интеллектуальное развитие

Однажды президент «Дженерал электрик» Ральф Кординер предложил Рейгану попробовать выезжать в города, где находились предприятия фирмы. Планировалось, что он будет выступать перед рабочими и служащими, и эти выступления будут транслировать по телевидению. Предприятий фирмы было множество, они охватывали самые различные производства от домашних электрических приборов до электрооборудования самолетов.

Уже первые поездки, когда Рональд, известный зрителям по телевизионным передачам, умело изображая искренность, разыгрывал роль свойского парня, почти такого же, как те, перед кем он выступал, прошли на ура. С этого времени подобные выезды стали регулярными, причем Рейган не только представлял свою телевизионную программу, но и нередко выступал с речами, которые должны были отражать официальную позицию «Дженерал электрик» по тому или иному вопросу.

Рейган становился официальным оратором фирмы, проводил до трех месяцев в году в разъездах по филиалам, выступая не только на предприятиях, но и в различных клубах и других общественных местах. Некоторые слушатели начинали даже воспринимать его как одного из

руководителей объединения, а не просто служащего. На его имя стали даже поступать официальные письма.

Рональд в основном отдавал себе отчет в своем реальном месте в отрасли, однако постепенно стал позволять себе отступления от официального курса руководства, высказывая собственные мысли, главным образом политического характера. Вначале на это особого внимания не обращали, но постепенно такое своеволие стало вызывать все большее раздражение совета директоров.

Вместе с тем выступления в качестве представителя фирмы, которые становились все более политизированными, способствовали дальнейшему развитию ораторского мастерства Рейгана. Он учился говорить просто, коротко, то повышая, то понижая голос, что создавало впечатление, что он просто беседует с аудиторией и даже советуется с ней.

Рейган убедился в том, что живая речь перед массовой аудиторией значительно отличается от радио-и даже телевизионных выступлений, что слушатели во время долгих и серьезных речей нуждаются в разрядке, в живом примере, близком значительной части аудитории, в шутках, которыми, однако, злоупотреблять не следует, чтобы не показаться слишком легковесным: можно рассказать анекдот, иногда даже не очень остроумный, но вполне понятный аудитории, вызывающий ее смех и затем повторяемый как «анекдот Рейгана», хотя он отнюдь не был его автором. Все это было достаточно тривиально, но способствовало неуклонному развитию Рейгана как оратора и, следовательно, политика.

Рональд продолжал совершенствовать свои голосовые данные, берег голос, так как во время поездок он подчас должен был выступать, иногда даже без микрофона, по несколько раз в день перед большим количеством людей как в помещениях, так и на открытом воздухе.

Удержать в памяти постоянно изменяющуюся информацию, множество фактов и цифр было невозможно, несмотря на великолепную память, и Рональд выходил из положения двумя способами. Подчас, когда приводимые им сведения было нелегко проверить, он просто фантазировал, используя накопленный опыт. В то же время он стал использовать карточки, на которые крупными буквами заносил необходимые сведения. Карточки были небольшими, их было удобно держать и на ладони, и на столе. Рейган научился так располагать карточки на трибуне, что мог пользоваться ими несмотря на близорукость, так что слушателям это было почти незаметно.

Такими в общем-то нехитрыми способами Рональд Рейган все более превращался в первоклассного оратора. Подчас ему удавалось держать

внимание разношерстной аудитории несколько часов.

В тот период Рональд боялся летать на самолете и предпочитал перемещаться по стране главным образом по железной дороге. Вот что он говорил о своих поездках этого периода: «За восемь лет я проскакал по всей стране на поезде и автомобиле, работая в Дж[енерал] э[лектрик], посетил каждое из ее 139 предприятий, некоторые из них по несколько раз... Оглядываясь назад, я понимаю теперь, что это было неплохое ученичество для того, кто однажды решился вступить в общественную жизнь. К 1960 году я завершил процесс самообразования»^{125}.

В связи с тем, что Рейган все более превращался в публичную фигуру, он по требованию и за счет компании воплотил и в своем прибрежном доме, и на горном ранчо второй лозунг «Дженерал электрик»: «Жить лучше, пользуясь электричеством». По телевидению показывали двор его дома, прежде всего бассейн с подогревом и подводным освещением, сложную систему освещения в доме и во дворе, винный подвал, электрический прибор для приготовления барбекю, посудомоечную машину и электрическую машину для уборки комнат и сбора мусора. В одной из передач отец трехлетней Пэтти рассказал о «наших электрических слугах», которые делают легче «работу нашей мамочки». Передача завершалась обращением к зрителям, в котором Рональд убеждал: «Пользуясь электричеством, вы живете лучше, ведете более богатую, полную, более разнообразную жизнь»^{126}.

Во время довольно долгих железнодорожных переездов, а также в редкие свободные часы Рейган продолжал читать. Но художественная литература его теперь почти не интересовала. Важнейшими изданиями, которые способствовали формированию его взглядов на окружающий мир, были три книги, содержание которых запомнилось ему на всю жизнь. Каждая из них заостряла его внимание на одной из трех проблем, особенно его волновавших.

Одной из них была книга Виттакера Чемберса «Свидетель»^{127}. Это был рассказ американца, который в молодости стал членом компартии и был завербован советской разведкой (он даже получил, разумеется секретно, советский орден Красной Звезды). Позже, однако, он порвал с коммунизмом и выступил свидетелем по ряду следственных дел против коммунистической агентуры. Книга Чемберса была важна для Рейгана тем, что показывала методы проникновения в США советской агентуры и использования ею тех, кто поверил в коммунистические идеи. Читая воспоминания Чемберса, Рональд становился все более убежденным и

решительным антикоммунистом.

Второй настольной книгой стала работа журналиста Генри Хэзлита «Экономика в одном уроке»^{128}. О том, что собой представляла эта работа, свидетельствует ее оценка видным современным экономистом Милтоном Фридманом: «Объяснение Генри Хэзлитом, как работает система цен, является в полном смысле слова классическим, точным и весьма поучительным». Хотя Рейган имел экономическое образование, за годы после окончания колледжа он основательно растерял свои знания, к тому же весьма посредственные. Да и трудно сказать, насколько серьезно преподавались экономические дисциплины в провинциальном колледже. Книга Хэзлита вооружала его основами политической экономии, показывая многообразные и теснейшие связи хозяйственных явлений с остальными сторонами функционирования общества.

Но самое большое влияние на Рейгана оказал классический труд Фридриха Августа фон Хайека «Дорога к рабству», впервые вышедший в США в 1944 году и переведенный на многие языки мира^{129}. Автор книги — германский, а затем британский экономист и социолог, ставший позже лауреатом Нобелевской премии по экономике, проанализировал антидемократические политические и экономические течения и обнаружил в них общее — отрицание абсолютной ценности человеческой личности, измерение этой ценности в зависимости от определения коллективной цели, которая после прихода определенной группы к власти превращается в государственную цель. Хайек выступал как страстный защитник свободной экономики без каких-либо существенных государственных ограничений. Уже ранее фигурировавшее, но только в качестве хлесткого определения понятие тоталитаризма Хайек превратил в научную категорию, показав его связь с социалистическими учениями, и попытался проанализировать причины вырождения «великой социалистической утопии».

Книга Хайека являлась апофеозом свободы личности и мира свободных людей, свободной экономики и общественной жизни. Она была пронизана предостережениями против угрозы тоталитаризма на Западе, которая, как стремился показать автор, не ослабела, а усилилась к концу Второй мировой войны. Этим, в частности, следует объяснить весьма сдержанное отношение к труду Хайека в кругах западных интеллектуалов в первые годы после публикации.

Позже, однако, подавляющее большинство объективно мыслящих обществоведов убедилось в правильности многих выводов Хайека, в частности о том, что все социалистические теории, ставящие целью

радикальную трансформацию общества, создание принципиально новой социальной структуры, свободной от «капиталистического ярма», в конечном счете чреватые тоталитарными результатами независимо от того, носят они умеренный или радикальный характер.

Хотя Хайеку были свойственны некоторые преувеличения и чрезмерно заостренные обобщения (прежде всего по поводу отрицания необходимости ограниченного государственного контроля за хозяйственной деятельностью), работа стала манифестом рыночников, сторонников личной независимости, неприкосновенности частной собственности.

Работа Хайека являлась первым, ставшим классическим трудом, в котором раскрывались зловещие черты тоталитарной системы, обосновывались решающие преимущества демократического общества свободного предпринимательства.

Многие положения книги Хайека уже были созвучны взглядам и настроениям Рейгана. Однако знакомство с ней благоприятствовало укреплению того идейного и интеллектуального базиса, который стал прочным фундаментом всей последующей политической деятельности нашего героя.

Ее логика и выводы закрепляли в сознании Рейгана те основные представления об обществе, которые необходимо было защищать и развивать не только в США, но и в масштабе всего мира.

На окончательное формирование мировоззрения Рейгана глубокое влияние оказывала не только социологическо-политологическая литература, но и сама обстановка в «Дженерал электрик», позиции ее ведущих сотрудников. Особо значительным было воздействие вице-президента компании Лэмюэла Булвара, который с 1956 по 1961 год занимался взаимоотношениями с профсоюзами, проблемами условий труда, переговорами с рабочими коллективами, общественными связями компании. Его позиции и методы работы были настолько значимыми, что в американской социологии даже возник термин «булваризм».

Политика Булвара состояла в том, что компания в переговорах с рабочими коллективами и профсоюзными организациями рассматривала поступившие требования, изучала детали, анализировала ситуации в сходных и конкурирующих производствах, промышленные стандарты и вносила свои предложения, которые считала окончательными и не подлежащими обсуждению.

Булвар выдвинул лозунг «Принимай их или уходи!». Позиция компании согласно его представлениям могла быть изменена только в том случае, если на рассмотрение подавались новые факты. Булвар не исключал

возможности игнорирования профсоюзов и обращения к рабочим напрямую, называя их «массовыми собеседниками» компании^{130}.

Естественно, профобъединения пытались вести борьбу против такой практики, многократно подавали в суд на «Дженерал электрик», однако проигрывали дела, так как с 1947 года в США действовал закон Тафта — Хартли, значительно ограничивавший права профсоюзов, в частности в организации забастовочного движения.

С самим Булваром Рейган встречался редко, но постоянно общался с его помощниками, администраторами среднего уровня, руководителями предприятий, которые считали, как правило, что линия Булвара — вполне естественная тактика предпринимательства и с ней необходимо считаться.

Рейган одобрял закон Тафта — Хартли и вместе с тем все более осуждал государственное вмешательство в частнохозяйственную жизнь, значительно расширившееся в годы рузвельтовского «нового курса» и сохранявшееся в мероприятиях «справедливого курса» Трумэна. Хотя новый президент Дуайт Эйзенхауэр представлял Республиканскую партию, он в основном сохранял законодательство, введенное в действие прежними президентами. Эйзенхауэр полагал, что такие меры государственного регулирования, как минимальная заработная плата, пенсии по старости и нетрудоспособности, элементарные права профсоюзов при найме и увольнении рабочих, следует сохранять. В ограничении этих мер, по мнению администрации, не было необходимости, так как послевоенные годы оставались в Америке периодом быстрого экономического развития^{131}.

Рейган постепенно все более переходил на позиции критики «нового курса» и его последствий. Он считал теперь, что рузвельтовская внутренняя политика была вынужденной мерой, необходимой для преодоления Великой депрессии 1929–1933 годов, но ее сохранение, хотя и в трансформированном виде, в условиях успешного экономического развития страны являлось анахронизмом.

Особое его недовольство вызывало сохранение высоких прогрессивно-подходных налоговых ставок. Теперь, когда власти ликвидировали возможность создания «временных корпораций», позволявших уменьшать налоговые ставки, это направление правительственной политики крайне отрицательно сказывалось на его личном материальном положении, ибо он как высокооплачиваемое лицо вынужден был отдавать государству почти половину своих доходов.

В своих выступлениях Рейган все чаще подвергал критике

хозяйственную политику правительства и временами говорил о неэффективности, иррациональности и даже «надоедливости» федерального правительства, несмотря на то, что это было правительство Республиканской партии. Он не раз повторял, что, по существу дела, правительство Эйзенхауэра в вопросах экономики следует линии демократов^{132}.

Ближайший сотрудник Рейгана по «Театру Дженерал электрик» Эрл Данкел, являвшийся менеджером его поездок по территории страны и почти всегда сопровождавший его, в своих воспоминаниях, стенограмма которых хранится в библиотеке Стэнфордского университета, отмечал, что уже в 1955–1956 годах Рейган «стал понимать, что он более не является демократом, что трещина между ним и демократами стала настолько широкой, что преодолеть ее уже было невозможно»^{133}.

Рейган более или менее четко сформулировал свои утвердившиеся взгляды в выступлении на выпускном празднестве в Юрика-колледже, куда был приглашен в качестве почетного гостя в 1957 году. Сам факт такого приглашения свидетельствовал, что Рейгана уже хорошо знали в стране, главным образом по его работе на телеканале «Дженерал электрик». Он выступал 1 июня как ответственный деятель и высказал обеспокоенность общей атмосферой в стране, тем, что в ней существуют «безразличие и апатия». Он рассуждал: «Помните, что каждая правительственная услуга, каждое предложение финансируемой государством помощи оплачивается потерей личной свободы. В ближайшем будущем, когда вы услышите голос, призывающий вас позволить государству это сделать, серьезно подумайте, стоит ли приобретаемая услуга той личной свободы, которой вы должны пожертвовать в обмен на нее»^{134}.

Рейган вроде бы исходил из предостережений Хайека, что рост правительственных учреждений с их бюрократией опасен, что это «путь к рабству». Вместе с тем он сильно преувеличивал тот отрезок, по которому уже прошла страна, вступившая на этот путь. В какой-то мере преувеличение было не более чем ораторским приемом, когда он говорил, что его страна уже ступила на путь, «ведущий к социализму». Это было совершенно неверно для Соединенных Штатов, в которых сохранялись фундаментальные основы рынка и частного предпринимательства. Сам термин «социализм» фигурировал в речи Рейгана не более как энергичное политическое ругательство.

Однако, используя его, он, скорее всего, уже искренне верил в опасность расширения государственных учреждений и их функций, прежде

всего государственного регулирования экономики. Не занимая никаких административных постов, он был не в состоянии оказывать какое бы то ни было воздействие на этот процесс, затормозить или тем более остановить его. Он мог только предупреждать, чему, собственно, и служила его речь в колледже.

Оратор высказывал опасение, что американцы, пытаясь создать опору, фундамент, чтобы продолжать строить свои жизненные стандарты, на самом деле сооружают потолок, выше которого они никогда не смогут подняться. По выражению Дж. Вейсберга, рейгановская «прекрасная Америка» 1952 года в 1957 году превратилась в «правительство ужасов»^[135]. Он же продолжает: «Именно здесь произошел решающий разрыв Рейгана с либерализмом «нового курса» и появилось первое развитое выражение философской альтернативы ему. Рузвельт, происходивший из американского высшего класса, видел в нерегулируемой власти бизнеса угрозу народу, а в правительстве — героя, спасающего его. Рейган, происходивший из низшей прослойки американского среднего класса, видел теперь эти роли в противоположном смысле: налоговая система и регулирование представляли собой злодеев, корпорации и рынок являлись героями... Рейган видел в продолжавшемся расширении федеральной власти факт не только бессмысленный, но главную опасность для индивидуальной свободы».

Финал работы в «Дженерал электрик»

Сформировав свои новые позиции, Рональд Рейган начал делиться взглядами с руководством корпорации, которое относилось теперь к Рональду не как к бывшему актеру, нанятому на работу. Он постепенно превратился в одного из самых авторитетных выразителей принципиальных интересов компании как важной составной части американского крупного бизнеса, хотя подчас и выходил за те рамки, которые для него были очерчены.

Не случайно Рональда пригласили выступить с докладом на ежегодном собрании руководящего состава «Дженерал электрик», состоявшемся в мае 1959 года в отеле «Уолдорф-Астория» в Нью-Йорке. Он назвал свое выступление «Бизнес, голосования и [государственные] учреждения». На этот раз термин «социализм» был заменен «коммунизмом». Основная идея доклада состояла в том, что расширение государственных учреждений и опасность коммунизма для Соединенных Штатов тесно связаны между

собой. Оратор весьма сожалел о том времени, когда основная масса американцев общалась с правительством только через почтовые отделения. «Сегодня вряд ли существует хотя бы какой-то элемент повседневной жизни, который не сводился бы на нет государственным регулированием и вмешательством». Он называл этот переход от индивидуализма к власти бюрократических институтов «основой тоталитаризма». Сильно преувеличивая реальную власть государственных институтов, но в основе верно отмечая значительный рост их влияния, оратор и на этот раз использовал терминологию в качестве некой красной тряпки, призванной максимально напугать аудиторию.

Правда, теперь перед Рейганом сидели не рабочие электростанций или выпускники колледжа, а опытные менеджеры крупнейшей корпорации. Однако их социально-политологическую подкованность не следовало преувеличивать, и Рейган, по всей видимости, хорошо понимал это, используя страшную терминологию, включавшую в качестве непосредственных угроз «коммунизм» и «тоталитаризм».

Для того чтобы придать своему выступлению еще бóльшую значимость, он процитировал Маркса, заявившего в первом томе «Капитала» (Рейган не называл сочинения Маркса и, по всей видимости, обнаружил соответствующую цитату в каком-то вторичном печатном материале) о предстоявшем уничтожении среднего класса при помощи налогов. Оратор, однако, то ли не заметил, то ли скрыл от своей аудитории, что Маркс говорил об уничтожении среднего класса капиталистическим, а не социалистическим государством! Правда, если бы Рейган прочитал такую основополагающую работу Маркса и Энгельса, как «Манифест Коммунистической партии», он мог бы более обоснованно сослаться на то, что в качестве одной из основных мер победившего пролетариата намечалось ввести «высокий прогрессивный налог». Но на такой подвиг, как чтение «Манифеста» или других подобных сочинений, он отнюдь не был способен. Ему легче было сослаться на слова, якобы сказанные Н. С. Хрущевым (это была чистая выдумка, ибо Хрущев никогда не говорил, да просто не мог произнести приписываемого ему заявления), что США становятся «настолько социалистическими, что через пятнадцать лет причины для конфликта между нашими двумя странами исчезнут»^[136].

Рейгана слушали доверчиво. Он в очередной раз убеждался, что главное при произнесении публичных речей — говорить авторитетно, выглядеть уверенно. Он все более утверждался в своей роли будущего видного политика. Пока это еще действительно была почти актерская игра, но приближение к реальности становилось все более очевидным.

Переход в лагерь республиканцев был четко зафиксирован позицией Рейгана на президентских выборах 1960 года. Он выступил с поддержкой кандидата этой партии Ричарда Никсона, которого считали представителем наиболее консервативного крыла республиканцев. Рональд принял участие, правда не очень активное, в созданной в предвыборный период организации «Демократы за Никсона». В том году он произнес несколько речей в разных городах в поддержку Никсона, а в 1962 году выступил по телевидению с резкими обвинениями против либералов, подчеркивая, что они свили себе гнездо именно в Демократической партии. Одновременно было объявлено, что Рейган переходит в Республиканскую партию.

При этом Рональд поступил так, как было проще всего: он произнес свои инвективы по телеканалу «Дженерал электрик». Речь шла не просто об угрозе социализма или коммунизма для Америки, а о том, что именно либералы, вольно или невольно, несут эту опасность для собственной страны. «Если кто-то поджигает свой дом, нет большой разницы, является он сознательным поджигателем или только глупцом, играющим со спичками», — утверждал он. Торжественно и театрально Рейган заявил: «Не я покинул Демократическую партию. Демократическая партия покинула меня»^{137}.

Рональд, однако, ожидал удобного случая, чтобы объявить о переходе к республиканцам. Такой случай представился в самом начале 1962 года, когда он, не оставляя работы в «Дженерал электрик», вновь включился в избирательную кампанию Никсона, на этот раз баллотировавшегося на пост губернатора штата Калифорния. Во время одного из выступлений в этом штате некая женщина из толпы спросила его: «Вы уже зарегистрировались как республиканец?» Рональд ответил: «Еще нет, но я собираюсь это сделать». Женщина с вызовом объявила: «Я регистратор», подошла к нему и положила на стол регистрационную карточку, уже заполненную на его имя, которую оставалось только подписать. Рональд поставил подпись на глазах собравшейся толпы и заявил: «Ну а теперь я там, где надо!»^{138} Вполне возможно, что это был всего лишь заранее подготовленный спектакль — один из многих, которые любил разыгрывать бывший актер.

Пока сравнительно высокопоставленный сотрудник «Дженерал электрик» выступал против коммунистических идей, даже до тех пор, пока он обвинял либералов в содействии коммунизму, к его ремаркам относились в компании сочувственно, хотя подчас с некоторой опаской. Однако с того времени как Рейган стал прямо обвинять в содействии

проникновению коммунизма одну из ведущих политических партий, отношение к нему со стороны руководства компании стало изменяться в худшую сторону. «Дженерал электрик» занималась крупным бизнесом, и ее владельцам важно было поддерживать хорошие отношения с массовой клиентурой независимо от ее политических предпочтений. Рейган же начинал отталкивать от компании тех, кто активно поддерживал Демократическую партию.

Не соответствует истине утверждение Э. А. Иваняна, что компания «Дженерал электрик» «традиционно» занимала консервативную линию во внутренней и внешней политике^{139}. Никакой четко обозначенной позиции у компании не было — это было крупнейшее хозяйственное объединение, стоявшее вне конкретных политических предпочтений.

Положение Рейгана в корпорации стало еще менее устойчивым, когда он в качестве примера социализма, «тайком наползающего на Америку», стал приводить Администрацию долины реки Теннесси.

Преобразование территории по течению этой реки было одним из наиболее широкомасштабных проектов администрации Ф. Рузвельта. Проект этот продолжал реализовываться и после Второй мировой войны. До начала 1930-х годов долина Теннесси была одним из наиболее отсталых районов США, основу экономики которого составляло сельское хозяйство с примитивной техникой. Частые наводнения оказывали разрушительное влияние на весь регион, охватывающий несколько штатов на юге центральной части страны. В 1933 году в рамках «нового курса» Рузвельт после ожесточенной борьбы в Конгрессе провел закон о создании Администрации долины реки Теннесси (Tennessee Valley Authority, TVA). TVA получила право осуществлять контроль за водным режимом, за землями на территории бассейна, приобретать энергетические объекты, оказывать помощь штатам на данной территории и т. д. В результате деятельности администрации в долине была создана значительная энергетическая база, основанная на сотрудничестве частного бизнеса с государственными учреждениями, которая стимулировала развитие в регионе современных отраслей промышленности, в частности химическую индустрию^{140}.

Критика Рейганом деятельности TVA, которая действительно была порождением государственной администрации Демократической партии, но никакого отношения к социализму не имела, явно была не с руки руководству «Дженерал электрик», являвшейся одним из основных поставщиков электрооборудования, в частности турбин, для системы

электростанций, функционировавших и строившихся в долине. Только за поставку турбин компания получала в год не менее 50 миллионов долларов. Рейган рассказывал в мемуарах, что, когда в руководстве компании узнали о его критических выступлениях в адрес ТВА, стали раздаваться голоса недовольства, о чем ему исправно сообщали.

Рональд, по его словам, позвонил президенту компании Ральфу Кординеру, чтобы выяснить отношения. Кординер заявил, что имеет право выражать свое личное мнение, подчеркнув, что оно является именно личным и никак не связывает компанию. По всей видимости, Рейган уловил в словах президента признаки недовольства и пообещал, что впредь будет приводить другие примеры «социалистической угрозы», которые имеются в его распоряжении в изобилии. Кординер ответил, что такое поведение облегчит жизнь его собеседника^{141}.

Так Рональд Рейган получил, правда, косвенное, но бесспорное внушение со стороны высшего руководителя «Дженерал электрик».

Вместе с тем Рейган ни словом не упоминал о том деликатном положении, в котором оказалась его компания к началу 1960-х годов во взаимоотношениях с правительственными органами. Как было установлено в 1960 году в результате сенатских слушаний, на протяжении нескольких предыдущих лет представители «Дженерал электрик», «Вестингауз» и некоторых других крупнейших компаний встречались, чтобы совместно выработать тактику для получения от государства наиболее выгодных заказов, используя при этом уголовно наказуемые приемы — «монополистическую практику» (идентичные требования при заключении контрактов) и даже прямую коррупцию. В результате министерство юстиции начало судебное преследование ряда лиц, в числе которых были и руководители «Дженерал электрик», компания вынуждена была уплатить крупные штрафы, и ее акции упали в цене на 40 процентов^{142}.

Несмотря на то что его отношения с корпорацией явно зашли в тупик, Рейган не желал видеть, что в ней присутствовали, если не процветали, попытки выйти за рамки федерального законодательства. В его сознании все более утверждалась в общем-то догматическая идея, что в любом споре между государством и частным бизнесом правительство просто не способно принимать правильные решения. Идея «малого правительства», власти, которая служит лишь «ночным сторожем», охраняющим частную жизнь американцев, приходя им на помощь только в самом крайнем случае, — идея, которая в свое время пестовалась классической политической экономией, но отступала на второй план под влиянием жизни, теперь

всячески муссировалась Рейганом.

1962 год стал для Рональда Рейгана нелегким. Он оказался под огнем как со стороны правительственных и юридических органов, так и собственной компании.

В начале года администрация президента от Демократической партии Джона Кеннеди начала расследование деятельности кино-и телевизионной компании Эм-си-эй, с которой в свое время был связан Рейган и как актер, и как руководитель Гильдии киноактеров. Компанию обвиняли в применении незаконных методов с целью вытеснения из бизнеса конкурентов. Рейган был заподозрен в том, что использовал свое влияние и власть в гильдии для содействия в этом, в частности, чтобы угодить Л. Вассерману, одному из руководителей компании, который являлся одновременно коммерческим агентом Рейгана. Министерство юстиции заподозрило Рейгана также в том, что он скрывал часть своих доходов, уклоняясь от уплаты налогов.

Ходом дела заинтересовался министр юстиции (эта должность в США называется «генеральный прокурор», но к прокурорской деятельности в европейском смысле никакого отношения не имеет) Роберт Кеннеди, родной брат президента и фигура весьма влиятельная. По инициативе Кеннеди в Лос-Анджелесе было собрано заседание Федерального большого жюри — независимого правового органа, целью которого является расследование возможного криминального поведения лиц и организаций, определяющего, следует ли возбуждать в каждом отдельном случае уголовное дело. На рассмотрение этого жюри обычно передаются дела особого общественного значения.

5 февраля 1962 года Рейган был вызван в качестве свидетеля на заседание Федерального жюри. Он приложил все силы, чтобы произвести на членов этого правового (но не судебного) органа максимально благоприятное впечатление. Начал он с того, что принес извинение за то, что появился без галстука: он пришел прямо с передачи, где должен был вести себя раскованно. Но на все вопросы отвечал однозначно: «Я не помню». Он объяснял свою забывчивость прежде всего тем, что вопросы касались событий, происшедших в 1952 году, когда у него был медовый месяц. Некоторые эпизоды, касавшиеся событий 1954 года, он не мог вспомнить, потому что как раз в это время участвовал в съемках фильма, происходивших в штате Монтана. В то же время по вопросам, которые касались его современной деятельности, он напомнил Федеральному жюри, что компания «Дженерал электрик» своевременно избавилась от сотрудников, которые были замешаны в противозаконной деятельности и

позже были осуждены^{143}.

Первоначально неприязненное отношение Федерального жюри к Рейгану в ходе следствия сменилось в основном на благоприятное. В результате эта часть неприятностей вскоре оказалась в прошлом: Эм-си-эй в сентябре того же года достигла соглашения с министерством юстиции, которое согласилось с необоснованностью части обвинений, а по другим обвинениям получило от компании денежную компенсацию. В числе необоснованных были и обвинения в адрес Рейгана. Вся эта история только усилила его неприязнь и раздражение по отношению к государственным органам вообще, по отношению к администрации Демократической партии в особенности, прежде всего в том, что касалось подоходных налогов на отдельных граждан.

В то же время трудно согласиться с Майклом Рейганом, который в своей книге об отце обвиняет администрацию Демократической партии, в частности министра юстиции Роберта Кеннеди, в том, что она возненавидела Рейгана и что именно министр юстиции потребовал закрыть «Театр Дженерал электрик» и уволить его руководителя^{144}. Рональд Рейган начала 1960-х годов был не такой уж крупной фигурой для правительства, чтобы один из самых авторитетных его деятелей считал нужным требовать увольнения именно его.

Хуже обстояло дело с самой «Дженерал электрик». Именно в руководстве компании были недовольны политическими заявлениями Рейгана, направленными против Демократической партии. Однако официально требовать, чтобы он это прекратил, считалось некорректным. Руководство корпорации воспользовалось новыми обстоятельствами, связанными с рейгановской телевизионной программой. Она постепенно становилась все более дорогостоящей, на что ранее совет директоров не обращал внимания, так как в общем балансе расходы оставались ничтожными. В то же время рейтинг передач становился ниже, что было естественно: к Рейгану зрители привыкли, его поведение и манера говорить существенно не менялись. К тому же политические выступления Рональда, становившиеся все более консервативными, не нравились части аудитории. В довершение ко всему, увлекшись политикой, Рональд стал обращать на передачи и выступления по линии компании все меньше внимания.

Воспользовавшись всем этим, руководство «Дженерал электрик» решило ликвидировать свой телевизионный театр и отказаться от услуг Рейгана. Об этом его известил в конце марта 1962 года старший вице-президент компании Стэнфорд Смит не очень любезным письмом, в

котором не была выражена обычная в таких случаях благодарность за службу, но Смит, упрекая Рейгана, сравнил его телевизионные программы с фирмой «Кадиллак», изготавливавшей образцовые модели машин только для сохранения общественного интереса^{145}.

Рейган посчитал такое решение несправедливым, принятым под давлением правительственных органов. Обиженный Рональд писал многим своим корреспондентам, что его вначале заставляли замолчать, прекратить выступления по политическим вопросам, заниматься только рекламой тостеров, на что он никак не мог согласиться. Так как его письма стали предметом общественного обсуждения, руководство компании в лице того же Смита в апреле обратилось к Рейгану с новым письмом, тон которого был более примирительным. Смит, разумеется, отрицал, что на компанию было оказано давление. В качестве материальной компенсации предлагалось заменить все электрические приборы в доме Рейгана новейшими моделями^{146}. Неизвестно, согласился ли Рейган на это предложение: в его архиве ответ Смигу нам обнаружить не удалось, скорее всего его и не последовало.

Так завершилось сотрудничество с мощной корпорацией. Несмотря на это у Рейгана остались теплые воспоминания о годах работы в «Дженерал электрик». За это время он значительно обогатил опыт общения с разнообразной публикой. Именно в этот период Рейган завершил свое политическое становление в качестве правого республиканца, защитника интересов частного бизнеса, сторонника минимального вмешательства государства в жизнь и особенно в экономическую активность американцев.

В своем увольнении Рейган обвинял правительство и новое руководство «Дженерал электрик». Он многократно повторял, что ни в коем случае не был бы уволен, если бы не ушел в отставку президент компании Ральф Кординер. На новое руководство оказали давление власти, полагал он. Его мало волновало, что на самом деле его уволило руководство во главе с Кординером, который ушел в отставку только в конце 1962 года, то есть более чем через полгода после этого события.

Глава 4

НА ПУТИ К ВЛАСТИ

Политическая интермедия

Рейган оказался безработным. Но к этому времени он уже не был тем малозначимым человеком, который не мог найти себе применения. Собственно говоря, к началу 1960-х годов он имел достаточно средств, чтобы жить вместе с семьей на банковские проценты и выгодные акции прибыльных фирм. Но такой образ жизни полный сил и здоровья Рональд, которому едва исполнилось 50 лет, просто не в состоянии был переносить.

К тому же разнообразные предложения следовали одно за другим. После некоторых раздумий и довольно длительного (почти два года) отдыха Рейган избрал, явно в качестве временной, работу, знакомую ему по последним годам. Он стал ведущим и актером программы «Дни Мертвой долины» — давней (начатой еще в 1930 году) серии сначала радио-, а затем телевизионных передач, которые продавались различным телевизионным компаниям и приносили значительную прибыль. В финансировании серии и продаже ее материалов активно участвовала мощная корпорация — Тихоокеанская береговая компания «Борэкс», руководимая Фрэнсисом Смитом по прозвищу Борэкс (в переводе — бурильщик). Именно по его прозвищу и была названа компания.

Рейган работал над серией «Дни Мертвой долины» недолго — в 1964–1965 годах. Это была его последняя телевизионная работа, перед тем как он стал профессиональным политиком. Всего он выпустил 62 передачи.

Однако саму работу на телевидении он считал теперь лишь повторением пройденного. Он занимался ею вполне добросовестно, но без прежнего энтузиазма. Рональд считал себя теперь «политическим животным» и всячески искал себе применения в этом качестве.

В личной жизни он чувствовал себя почти одиноким.

В 1962 году в возрасте 79 лет умерла его мать, страдавшая в последние годы жизни болезнью Альцгеймера. Отец скончался еще в 1941 году после нескольких сердечных приступов, вызванных, скорее всего, его алкоголизмом. Смерть матери оборвала связь со старшим поколением.

Жене Нэнси он был, по всей видимости, верен (во всяком случае,

какие-либо достоверные сведения о его внебрачных связях в прессе не появлялись). Нэнси всячески демонстрировала заботу о своем супруге и идентичность своих взглядов с его установками. Однако она все более становилась просто тенью Рональда, не считала возможным высказывать собственное мнение ни по одному вопросу (вероятно, она его просто не имела). Это в целом удовлетворяло Рейгана, но подчас и раздражало.

Не было близости и с подраставшими детьми. Рейган сохранил лишь некоторую связь с детьми от первого брака, однако не чувствовал к ним сердечной привязанности. Более того, само их существование являлось для него постоянным напоминанием о первом неудачном супружестве и разводе.

Жизнь старшей дочери Морин сложилась не очень благоприятно. Она пыталась стать актрисой, но таланта не оказалось, и замысел пришлось оставить. Трижды она выходила замуж, но все браки оказывались неудачными. Детей у Морин не было (со своим третьим мужем Морин удочерила девочку по имени Рита). Два раза она выдвигала свою кандидатуру от Республиканской партии в высшие органы власти: в 1982 году в сенат и в 1992 году в палату представителей, но оба раза терпела поражение. Скончалась она в 2001 году от лейкемии в возрасте 60 лет, еще при жизни своих родителей^{147}.

Контакта с приемным сыном Майклом тоже не получилось. Ему разрешали посещать дом Рейганов на тихоокеанском побережье, но отправляли назад к матери при первой возможности. Майкл вспоминал, что когда он окончил среднюю школу и не дождался поздравления отца, то сам позвонил ему и услышал в ответ на приветствие: «Мое имя Рональд Рейган. А как вас зовут?» — «Я твой сын Майкл». Ничуть не смутившись, Рональд продолжал: «Да? Я не узнал тебя»^{148}. Майкл также не получил высшего образования, пробовал себя в роли киноактера (в фильме, где главную роль играла его мать), но в киноиндустрии не закрепился. В дальнейшем он стал радио-и телекомментатором, получил довольно широкую известность, в основном благодаря имени своего приемного отца. Он был два раза женат, во втором браке у него родилось двое детей: сын Камерон и дочь Эшли. Майкл Рейган выпустил две книги воспоминаний.

В печати широко освещалась его полемика с младшим сыном Рейгана Рональдом-младшим, который в 2011 году опубликовал мемуарную книгу, в которой высказывал мнение, что уже во время президентства у Рональда Рейгана отмечались некоторые признаки болезни Альцгеймера^{149}. В связи с тем, что это утверждение встретило активный отпор не только со стороны

Майкла, который решительно отвергал эту версию^{150}, Рон выступил с заявлением, что его мнение ни в коем случае не означало, что отец уже в те годы впал в старческое слабоумие^{151}.

Дочь Рональда и Нэнси Патрисия (Пэтти), получившая высшее образование в Южнокалифорнийском университете (Лос-Анджелес), где она специализировалась в области драматического искусства, была единственным ребенком Рональда, кто сделал успешную карьеру в актерском ремесле. Сменив свою фамилию на девичью фамилию матери и став Патрисией Дэвис, чтобы чувствовать себя независимой, она снялась в ряде фильмов, пользовавшихся популярностью. С середины 1980-х годов Патрисия стала публиковать художественные произведения (рассказы, романы, частично носившие автобиографический характер). В 1992 году она выпустила книгу воспоминаний, в которой раскрыла многие семейные секреты и конфликты^{152} (частично они были опровергнуты, в том числе позже самой Патрисией, которая выразила сожаление в связи с тем, что вообще выступила с этой книгой^{153}). Она активно участвовала в движении за полное одностороннее запрещение ядерного оружия, что вызвало недовольство отца и, как следствие, конфликты с ним.

Патрисия Дэвис вела свободный образ жизни, неоднократно сходилась и расходилась с собратьями по художественному творчеству. Детей у нее нет. Как видно из ряда публикаций Патрисии (не только из книги воспоминаний), близких отношений с отцом у нее никогда не было. «Я не могла найти своего отца, — писала она. — Он был рядом, и в то же время его не было»^{154}. Сам же Рональд крайне отрицательно относился к общественным взглядам младшей дочери и особенно к ее более чем современным представлениям об отношениях между полами. Обычно он сдерживался, но однажды заявил Пэтти, что факт ее сожительства с неким молодым человеком без регистрации брака аморален и что этот господин не будет принят в его доме. В ответ на негодующий вопрос Пэтти, что же аморального в том, что ее сожительство с мужчиной произошло без благословения церковников, отец ответил, не прибегая к аргументам, а вполне в духе традиционного клерикализма: «Это — грех в глазах Бога. Так записано в Библии»^{155}.

Подобные чувства и воспоминания остались в памяти младшего сына, которого звали так же, как отца. Отчасти из чувства мальчишеского противоречия, отчасти под влиянием знакомых, Рон (так он называл себя всю жизнь, чтобы его не путали с отцом) в возрасте двенадцати лет объявил, что больше не верит в Бога, что стал атеистом. Это, как и его

позднейшее намерение выступать в балете в качестве профессионального танцовщика, было встречено родителями с негодованием. Рон действительно стал артистом балета и успешно выступал на сцене в течение почти полутора десятилетий. В прессе нередко писали, что родители ни разу не посетили спектакли с его участием. Лишь один раз, когда Рейган-старший был президентом, он вместе с Нэнси побывал на выступлении сына, о чем была оставлена сухая запись в «Дневнике Белого дома», который велся постоянно^{156}.

Прекратив балетные выступления, Рон занялся журналистикой и политической публицистикой либерально-демократического характера. Он стал чаще и резче выступать после того, как его отец оставил Белый дом в 1989 году. В одном из интервью он заявил, что активно не выступал по политическим вопросам во время президентства отца, так как «пресса никогда не интересовалась моим мнением как таковым, интерес возникал только в связи с моими отношениями с ним». В 1990-е годы и в следующее десятилетие Рон Рейган вел целый ряд политических передач на различных телевизионных каналах. Он также представлял еженедельную передачу о политических событиях в США для Британской вещательной корпорации (Би-би-си). Активную политологическую и публицистическую работу в рядах Демократической партии он продолжал и во втором десятилетии нового века.

Вступление на национальную политическую арену

Кратко рассказывая о судьбе детей Рональда Рейгана, мы невольно ушли далеко вперед, вплотную приблизившись к нашим дням. Возвратимся в 1960-е годы.

В 1964 году Рейган впервые выступил на национальной политической арене, активно поддержав одного из кандидатов в президенты. Однако для этого ему необходимо было представить себя в должном виде широкой аудитории. Рональд решил написать первые воспоминания. Оказалось, однако, что, умея складно говорить, он в должной мере не владел пером. Пришлось нанять того, кого на английском языке называют *ghostwriter* (буквально — писатель-призрак, фактически — человек, который пишет за кого-то другого). В качестве такового согласился участвовать в подготовке книги старый знакомый — сценарист и писатель, автор как художественных произведений, так и исторических трудов Ричард Хублер. Нам неизвестно, каков был гонорар, выплаченный из личных средств

Рейгана, но главной наградой было то, что фамилия Хублера была обозначена на обложке книги и в результате стала еще более известной.

Рейган с присущим ему темпераментом и красочностью рассказывал Хублеру о своей жизни, а тот, застенографировав рассказанное, писал текст книги.

Будучи уверен в своей великолепной памяти, Рональд не проверял сведения по каким бы то ни было семейным документам и тем более историческим источникам. Он не размышлял и на тему, о чем следует поведать подробно, а о чем и умолчать. В результате появилась довольно откровенная книга, носившая явно эгоцентрический и порой довольно сумбурный характер.

Собственно говоря, автобиография как один из жанров воспоминаний предназначена именно для того, чтобы поведать о жизни автора, но большинство мемуаристов рассказывают о своих решениях и поступках неотрывно от той среды, в которой они развивались. В этой же книге, которая носила оригинальное название «Где остальная моя часть?» (мы уже упоминали, как возник этот заголовок), был только один герой — сам автор. Его мягкий характер, добрая воля во всех действиях, активная благотворительность, успехи во всех видах деятельности и т. п. стояли буквально за каждой фразой.

Рейган уже вступил на политическое поприще с далекоидущими планами, и советники и приятели отговаривали его широко использовать эту книгу в тех избирательных кампаниях, в которых он намеревался участвовать. Окружающие полагали, в частности, что в книге слишком откровенно рассказано о его разводе с первой женой, о которой Рональд писал, точнее рассказывал Хублеру, высокомерно-снисходительно. Причины развода он, правда, с известной показной стеснительностью сводил к недостойному поведению своей супруги. Так как Джейн Уайман была к этому времени известной актрисой, советники полагали, что поклонники ее таланта могут организовать против Рейгана энергичную кампанию, буквально травлю.

Рональд не посчитался с советами. Экземпляры воспоминаний с дарственными надписями раздавались журналистам, и большинство из них в своих публикациях откликнулись на книгу весьма позитивно. Фактически первая мемуарная работа способствовала дальнейшей популяризации личности Рейгана. На фрагмент о разводе критики почти не обратили внимания.

По существу дела, опыт с изданием и использованием первой мемуарной книги убедил Рейгана в правильности его настроев на

самоутверждение, на уверенность в том, что, используя советников и считаясь с их мнением, ему в большей степени следует доверять собственному мироощущению. Он убеждался, что лучше других может судить, что ему благоприятствует, а что противоречит его интересам.

В 1964 году проходили очередные президентские выборы. За год до них, 22 ноября 1963 года, Америку потрясло страшное преступление — убийство популярного президента Джона Кеннеди, за которым последовали странные кровавые события: убийство арестованного предполагаемого убийцы и смерть того, кто это совершил. Начатые расследования (государственных органов и проводимые по частной инициативе) упирались в огромное число противоречий и не смогли дать сколько-нибудь однозначного результата. Убийство Кеннеди осталось одной из крупнейших загадок в мировой истории, и весьма сомнительно, что эта загадка когда-либо будет разрешена^{[7]{157}}.

В соответствии с американским законодательством Кеннеди сменил вице-президент Линдон Джонсон, являвшийся, как и Кеннеди, представителем Демократической партии. Избирательная кампания 1964 года проводилась под знаком происшедшей недавно трагедии, которую в собственных целях стремились использовать обе ведущие партии.

Демократическая партия выдвинула своим кандидатом Джонсона, которого рассматривали как продолжателя тех преобразований, которые были начаты или намечались его предшественником. Его правительство резко усилило преследование расистской организации Ку-клукс-клан. 2 июля 1964 года Джонсон подписал закон о гражданских правах, который объявлял уголовным преступлением дискриминацию по расовому признаку при найме на работу и увольнении, приеме в учебные заведения и в ходе обучения в них, при аренде жилья^{158}.

В преддверии выборов Джонсон выдвинул программу «великого общества», которая намечала серьезные меры по преодолению нищеты, совершенствованию здравоохранения и просвещения. Правда, критики программы (не только из среды Республиканской партии, но и из партии президента) отрицательно оценивали не столько содержательную сторону программы (республиканцы ее просто отвергали), сколько пропагандистские лозунги, начиная с названия: действительно, современное государство должно считать поставленные задачи само собой разумеющимися, не именуя себя «великим обществом»^{159}. Тем не менее эта программа стала главным инструментом демократов во время предвыборной кампании 1964 года.

Кампания Голдуотера

В качестве претендента на пост президента от Республиканской партии выступил бывший генерал-майор, сенатор от штата Аризона Барри Моррис Голдуотер. Решительно выступая против расширения гражданских прав (уже принятые законы с явной неохотой обещал соблюдать) и призывая к жесткой политике по отношению к СССР, объявляя о готовности использовать силу оружия для защиты демократических ценностей, видя в любом просчете американской политики происки мирового коммунизма, Голдуотер в то же время красноречиво, порой чуть ли не истерически вещал об утрате американских идеалов, духа пионерства, простой религиозности. Одновременно он демонстрировал приверженность техническому прогрессу и даже сам пилотировал собственный самолет, что широко рекламировалось в прессе и по телевидению.

Голдуотер был влиятельным политиком, однако стараниями как демократов, так и своих соперников из Республиканской партии вскоре превратился в своеобразную карикатуру на самого себя или, как писал историк Хофстедер, стал похож на «европейскую карикатуру американца с Запада своими ковбойскими чертами, своей осторожной, несколько старомодной моралью, которая не исключает любви к современным техническим новинкам»^{160}.

Ко времени избирательной кампании Рональд Рейган был знаком с Голдуотером уже нескольких лет. Они впервые встретились в доме отчима Нэнси, известного чикагского хирурга, который лечил сенатора и установил с ним личные отношения. Оказалось, что взгляды Голдуотера и Рейгана близки, но не тождественны. Теперь Голдуотер предложил Рейгану принять участие в его избирательной кампании в качестве представителя «художественных кругов». Планы же самого Рейгана были значительно шире. Он задумал использовать кампанию Голдуотера прежде всего для собственного продвижения на политической арене.

Хотя политические взгляды Голдуотера не всегда совпадали со взглядами Рейгана, который с полным основанием считал его крикливым и безответственным (ему, например, не нравились отрицательные оценки сенатора президентства республиканца Эйзенхауэра, которого тот называл «десятицентovým сторонником нового курса»^{161}), в целом политический курс арizonского сенатора, ставшего кандидатом в президенты, соответствовал основным позициям Рейгана.

Наиболее осторожно Рейган относился к внешнеполитической программе Голдуотера, его критике мероприятий Кеннеди и Джонсона по смягчению международной напряженности и улучшению отношений с СССР. Голдуотер буквально проклинал Кеннеди из-за того, что тот не использовал кубинский кризис осени 1962 года, чтобы изгнать коммунизм из Западного полушария, а точнее говоря, с Кубы. Тот факт, что отказ от компромисса между Кеннеди и Хрущевым мог привести к ядерной войне и гибели человечества, Голдуотера не смущал. Однако в условиях намечавшейся разрядки международной напряженности, роста левых и даже левацких настроений в США доктрины Голдуотера были явно неприемлемы для большинства американцев.

Рейган считал, что в отношении СССР и его сторонников следует проводить жесткий курс, но ни в коем случае не провоцировать войну с применением ядерного оружия, он даже задумывался о создании в США таких средств противоракетной обороны, которые могли бы предотвратить ядерное столкновение.

В период этой избирательной кампании Рейган перечитывал книгу Ф. Хайека «Дорога к рабству», вновь убеждаясь в обоснованности и актуальности основных ее положений. Голдуотера, не задумывавшегося над теоретическими вопросами, все эти «умные» выкладки не волновали. Бывший генерал был человеком, не жаловавшим философов, смотрел на них сверху вниз, сам мыслил прямолинейно и в значительной степени примитивно.

Тем не менее конечные цели обоих политиков — победа над мировым коммунизмом и максимальное ограничение исполнительной власти в США — совпадали. Во всяком случае, активная поддержка Голдуотера в полной мере соответствовала интересам Рейгана, все более упорно продвигавшегося по политической стезе.

Рональд несколько раз выступал с речами в поддержку Голдуотера, но наибольший отклик получило его выступление за неделю до выборов, 27 октября 1964 года, которое было названо «Время избирать». На средства калифорнийского миллионера Холмса Таттла было куплено эфирное время на ряде телевизионных каналов, и речь Рейгана в поддержку Голдуотера прозвучала по всей стране. На тот факт, что речь передавалась по расценкам рекламы, зрители и слушатели особого внимания не обратили (такая информация должна сообщаться, но обычно это делается практически незаметно).

В речи, продолжавшейся 28 минут, были изложены основные постулаты консервативного крыла Республиканской партии^[162]. Оратор

дебатировал два основных тезиса: угрозу тоталитаризма, нависшую над Америкой, и необходимость максимального расширения индивидуальных свобод в сочетании с минимальным правительством, необходимым для поддержания элементарного порядка.

Вместе с тем Рейган всячески разоблачал безответственную, по его мнению, политику Джонсона, тратившего огромные средства попусту. В качестве примера он приводил яхту стоимостью два миллиона долларов, якобы подаренную императору Эфиопии Хайле Селассие. Откуда Рейган почерпнул эти данные, соответствовал ли истине сам факт такого подарка, неизвестно, никакими документами он не подтвержден. Можно почти с уверенностью утверждать, что это была очередная выдумка Рональда, которая произносилась с артистической искренностью, театральной драматичностью и вызывала доверие аудитории.

Другие факты были более достоверными. Речь шла о высочайшем, «конфискационном» уровне прямых налогов, которые вынуждены были платить американцы, о тяжелом положении фермеров и т. д. Напомнив, что он долгое время поддерживал Демократическую партию, но теперь осознал ошибочность своих взглядов (правда, только применительно к настоящему, а не к прошлому времени)^{[8]{163}}, Рейган пришел к выводу, что понятия «левые» и «правые» неправильны, что никаких «левых» и «правых» не существует, что в действительности есть только те, кто ратует за подъем Америки путем максимального расширения индивидуальных свобод, и те, кто тянет ее вниз — в «муравьиную кучу» тоталитаризма.

При всей поверхностности и в то же время искусственности, формальности такого рода сентенций, их несоответствия политическим и просто жизненным реалиям, они оказывали воздействие на рядовых американцев, которые нуждались в прямых оценках и решениях, не желали особенно утруждать свои мозговые извилины.

Рейган завершил свою речь пафосным и в то же время «роковым» предупреждением: «Вы, как и я, встречаетесь теперь с судьбой. Мы сохраним для наших детей эту последнюю надежду людей на Земле или приговорим их к тому, чтобы они сделали последний шаг в тысячелетнюю темноту. Если мы потерпим поражение, пусть, по крайней мере, наши дети и дети наших детей скажут, что мы поступали правильно. Мы сделали все, что могли сделать». Эти последние слова отнюдь не звучали оптимистично. Рейган явно предчувствовал поражение Голдуотера.

В то же время при всей своей поверхностности и напыщенности это была яркая речь, произнесенная человеком, который владел ораторским искусством и умело сочетал фактические (хотя и не всегда достоверные)

данные с широковещательными и непривычными выводами. Достаточно сказать об «открытии» Рейгана по поводу отсутствия в Америке «левых» и «правых» течений!

Можно полагать, что речь Рейгана прибавила Голдуотеру некоторое число голосов, хотя и не обеспечила ему победу.

В прессе выступление Рейгана не просто упоминалось, а анализировалось и цитировалось. Внимание к выступлению со стороны различных политических течений, как левых, так и правых, существования которых сам оратор не признавал, но которые действовали невзирая на его мнение, свидетельствовало, что он стал политической фигурой национального масштаба. Обозреватель влиятельной газеты «Вашингтон пост» Д. Броудер заявил, что для Рейгана «это был наиболее успешный политический дебют с того времени, как Уильям Дженнингс Брайан наэлектризовал съезд Демократической партии 1896 года своей речью о кресте из золота»^{[9]{164}}. Показательно, что в Библиотеке Р. Рейгана коллекция его важнейших речей начинается именно этим выступлением^{165}.

Но произнесена эта речь была тогда, когда подавляющее большинство американцев уже сделали свой выбор в пользу кандидата Демократической партии Джонсона, а не республиканца Голдуотера. Основная часть избирателей поддержала программу «великого общества», которая повсеместно воспринималась как программа борьбы против бедности, выдвинутую Джонсоном внутри страны, и его внешнеполитическую деятельность, в частности предложения по сокращению вооружений в глобальном масштабе и в то же время меры по «сдерживанию» коммунизма. Команде Джонсона удалось настроить избирателей против Голдуотера, позиции которого воспринимались как явно опасные для страны.

Итоги выборов были для Голдуотера катастрофическими. Он добился победы только в шести южных штатах. В коллегии выборщиков Джонсон получил 486 голосов, а Голдуотер — 52 голоса. Такого результата в истории Соединенных Штатов никогда до этого не было^{166}.

Лишь внешне парадоксальным оказался тот факт, что поражение Голдуотера и, следовательно, провал республиканцев на выборах 1964 года явились стартовой площадкой для восхождения Рейгана к высшей власти. Он не только стал надеждой тех республиканцев, которые, разочаровавшись в Голдуотере, искали нового, надежного лидера. На него обращали все большее внимание и те, кто колебался между обеими

главными партиями, кто не имел четкой политической ориентации, подобно самому Рейгану в длительный период его перехода от демократов к республиканцам.

Глава 5

ГУБЕРНАТОР КАЛИФОРНИИ

Предвыборная схватка

Во время избирательной кампании Голдуотера Рейган стал известен всей стране. Теперь предстояло реализовать этот пропагандистский успех на практике — если не на национальном, то хотя бы на локальном уровне.

В 1966 году предстояли губернаторские выборы в Калифорнии. Собравшаяся сразу после избрания Джонсона на калифорнийском курорте Палм-Спрингс группа крупных бизнесменов, сторонников Республиканской партии, решила, что на этот раз они могут противопоставить Рейгана Эдмунду Брауну (по прозвищу Пэт), руководившему штатом с 1959 года и собиравшемуся вновь выдвигать свою кандидатуру от демократов.

Встреча в Палм-Спрингсе означала появление той влиятельной группы, которую Рейган называл своим «кухонным кабинетом». Эта группа не только и, пожалуй, не столько давала советы по конкретным политическим вопросам, сколько побуждала Рейгана к тем или иным действиям. С середины 1960-х годов, то есть с того времени, когда он включился в активные политические игры, у него появилась привычка представлять перед публикой в качестве человека не вполне решительного, колеблющегося, склонного принимать ответственные решения под давлением, словом, приносить себя в жертву во имя общественных интересов^[167]. Именно этой цели — быть своего рода катализатором действий Рейгана — и служил «кухонный кабинет».

На этот раз Рейган откликнулся на обращение к нему бизнесменов не сразу. Хотя он и решил принять участие в губернаторских выборах, потягаться с Э. Брауном, но несколько раз отказывался от этого предложения и в конце концов якобы «сдался», согласившись с необходимостью очистить огромный штат от разного рода бездельников, свивших гнезда в управленческом аппарате.

Конкурировать с Брауном действительно было нелегко. Его поддерживала значительная часть населения штата, и не только те, кто был связан с Демократической партией, но и масса беспартийных. На руках у

Брауна были явные козыри. Именно по его инициативе был начат масштабный «водный проект», целью которого являлось обеспечение питьевой водой всего штата, особенно его засушливой южной части^{168}. За последние годы Браун ликвидировал ряд административных учреждений штата, объединил другие учреждения, сильно сократив аппарат. Заслугой Брауна считалась реформа высшего образования в штате: были введены новые специальности, в первую очередь связанные с высокими технологиями (эти меры рассматривались как ответ на успехи СССР в освоении космического пространства). Ему удалось значительно уменьшить плату за обучение в университетах, особенно в таком престижном, как огромный Калифорнийский университет с большим количеством филиалов в различных городах штата. К заслугам Брауна относили и введение преемственности между средним, средним специальным и высшим образованием при помощи так называемого мастер-плана, который начал осуществляться в 1960 году (этот план создавал единую ступенчатую систему учебных заведений). Инициатива была поддержана в других штатах и вскоре приобрела общенациональный характер^{169}.

Другие мероприятия Брауна, в частности отмена смертного приговора по ряду преступлений, в том числе за убийство, предложения по ограничению права владения оружием, были намного более спорными и могли послужить отправной точкой для предвыборной кампании Рейгана.

По ряду показателей Калифорния, огромный штат, протянувшийся вдоль тихоокеанского побережья, лидировал в стране: это был самый населенный штат (по переписи 1960 года здесь проживало 15,7 миллиона человек из 179,3 миллиона общего числа американцев), он занимал первое место по валовому внутреннему продукту, являясь центром не только субтропического сельского хозяйства, но и аэрокосмической индустрии, которая как раз в начале 1960-х годов стала интенсивно развиваться, добычи и переработки нефти, был известен на весь мир своим шоу-бизнесом и киноиндустрией, сосредоточенной в Голливуде. Важную роль в политической жизни Соединенных Штатов играли калифорнийские мегаполисы Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Сан-Диего. Считалось, что результаты выборов в этом штате во многом определяют конечный итог национальных избирательных кампаний.

Согласившись вступить в борьбу за губернаторское кресло, Рейган должен был сначала преодолеть сопротивление в рядах собственной партии. На первичных выборах он конкурировал с мэром города Сан-

Франциско Джорджем Кристофером. Этот этап удалось благоприятно завершить без особых трудностей. Рейган пользовался тем, что Калифорния стала его почти родным штатом со времени работы в Голливуде. Уже тогда Рональд установил тесные связи с прессой, которые теперь эффективно использовал. Он умело обходил упоминания имени своего внутривнутрипартийного соперника, но фактически обвинял его в сотрудничестве с губернатором, то есть в предательстве партийных интересов, на чем пресса всячески спекулировала. Когда же Кристофер, не разобравшись в тактике Рейгана, стал отвечать на его критику, на свет была извлечена некая «одинадцатая заповедь», сформулированная председателем республиканской организации штата Гэйлордом Паркинсоном и осуждавшая политические нападки на однопартийцев^{170}. Произносил ли что-то подобное партийный шеф штата, осталось неизвестным, но в любом случае при столь позитивной ссылке на его мнение он считал целесообразным не вмешиваться в спор.

Что же касается Брауна, то ранее он заявлял, что не собирается выставлять свою кандидатуру на очередной срок. Тот факт, что он изменил свое решение и включился в борьбу, был охотно использован Рейганом и его помощниками, которые теперь стали обвинять губернатора в карьеризме, непоследовательности, нарушении обязательств и прочих смертных грехах. Кроме того, были обнаружены и умело использованы свидетельства, что в прошлом Браун покровительствовал Рейгану на его актерском поприще и в профсоюзной деятельности, теперь же — что было естественно — резко его критиковал за административную неопытность и даже называл его «опасным элементом», естественно, связывая его с потерпевшим поражение на президентских выборах Голдуотером. О том, что Браун все более оказывается в незавидном положении, свидетельствовали результаты первичных выборов (праймериз), организованных демократами. На них Браун получил чуть больше половины голосов, а другой демократ, мэр Лос-Анджелеса Сэм Йорти, набрал 48 процентов.

За сценой упорно работали опытные политики, мобилизуя все пропагандистские и организационные силы на помощь Рейгану. Немалую поддержку ему оказал Ричард Никсон, будущий президент США, у которого были свои счеты с Брауном, так как на предыдущих губернаторских выборах он боролся против него и проиграл. Переехавший теперь на восточное побережье страны и создавший там свою юридическую фирму, Никсон часто бывал в Калифорнии, и каждый раз Рейган встречался и советовался с ним как с опытным политиком.

Между тем Браун продолжал допускать одну ошибку за другой. Видимо, наиболее серьезной из них была попытка связать Рейгана с Обществом Джона Берча, к которому тот не имел никакого отношения. Это общество, основанное в 1959 году, было названо по имени американского баптистского миссионера и одновременно офицера военной разведки, убитого в Китае коммунистами в 1945 году. Хотя в программных установках организации, которая рассматривалась в США как крайняя праворадикальная, было немало общего с тем, что проповедовал Рейган, существовали и серьезные отличия^{[10]{171}}.

Для Рейгана были неприемлемы антисемитские взгляды руководителей этого общества, их заявления о том, что миром постепенно овладевает «конспиративный кагал интернационалистов и коррумпированных политиков», их призывы к выходу США из Организации Объединенных Наций и т. п.^{172} На это последнее обвинение Рейган ответил изящно. Стремясь не оттолкнуть от себя тех, кто прислушивался к крайне правым радикалам, и имея в виду определенное сходство установок с ними, он заявил: «Каждый член этого общества, который меня поддержит, будет заимствовать мою философию. Я заимствовать их философию не буду»^{173}.

Браун явно усугубил свою ошибку, когда сравнил Рейгана, «также актера», с актером Джоном Бутом, убившим президента Линкольна. В пропагандистском фильме Брауна изображалась сцена, в которой он, демократический кандидат, внушал девушкам-негритянкам: «Я веду борьбу против актера. Вы же знаете, кто убил Авраама Линкольна, не так ли?»^{174} Такое грубое и неправомерное сравнение явно не понравилось массе избирателей^{175}. Сам же Рейган оценил заявление Брауна так: «Экстремистская фраза со стороны того, кто выставляет себя разоблачителем экстремизма»^{176}.

В то время как в предвыборной агитации демократов, в выступлениях самого Брауна Рейгана, как правило, причисляли к крайне правым, сам он стремился продемонстрировать свою принадлежность к центру Республиканской партии, но воздерживался от какой-либо критики тех, кого считал более правыми. Процитированное его высказывание по поводу Общества Джона Берча представляется весьма показательным.

Совершенно иначе обстояло дело с группами сторонников Демократической партии и тем более с ее левым крылом, а также со стоявшими вне этой партии леворадикальными деятелями, которые находили опору в Голливуде и особенно ярко проявлялись в движении

новых левых, в частности в призывах к свободному употреблению наркотиков и «сексуальной революции». Назвав зародившееся в Калифорнийском университете в городе Беркли Движение за свободу слова «движением за грязное слово», Рейган приписывал этому движению организацию наркотических и сексуальных оргий и вообще «такое поведение, которое я не в состоянии вам описать»^{177}.

Таким образом, кандидат в губернаторы стремился предстать перед общественностью как человек высочайшей морали, который не осмеливается даже смутить своих сограждан описанием той «грязи», которую творят развращенные калифорнийские студенты.

Между тем в Движении за свободу слова действительно участвовали юноши и девушки, которые считали предрассудками всякие сексуальные ограничения и нарочито провозглашали свободу половых связей, отвергая их интимный характер, подчас даже демонстрируя половые акты на публике. Но в основе этого движения лежали иные требования: отмена запрета на политическую деятельность на территории университетских кампусов, признание за студентами права на свободу слова, включая не только кампусы, но и учебные аудитории^{178}. Правда, никто из лидеров движения не мог толком объяснить, что именно подразумевается под «свободой слова в аудиториях», означало ли это срыв лекций и других занятий или только возможность высказывать собственные взгляды по данной дисциплине, не соответствующие позиции преподавателей. Что же касается внешней политики, то калифорнийские студенты оказались во главе движения за вывод американских войск из Вьетнама и прекращение вьетнамской войны.

Фактически почти всю избирательную кампанию Рейган посвятил критике губернатора Брауна и левых течений, сосредоточив значительную часть своих нападок на студенческих выступлениях. О том, какова будет его деятельность на высоком посту, он предпочитал не говорить. Отсюда и проистекало его знаменитое заявление, которое мы уже приводили в другой связи, по поводу того, что он «никогда не играл губернатора».

Лишь изредка и весьма сдержанно Рональд указывал, что он резко сократит и ограничит административные органы, однако это никак не затронет сферу социального обеспечения, в частности широкую программу помощи безработным, введенную Брауном.

В основном, когда заходила речь о положительной программе, Рейган говорил о намерении создать «общество, основанное на творчестве», «креативное общество», явно противопоставляя этот лозунг программе

«великого общества» президента Джонсона. Некоторые наблюдатели видели в этом президентские амбиции политика, который еще даже не выиграл губернаторские выборы.

Рейган постоянно совершенствовал свои ораторские способности, продолжал записывать основные тезисы выступлений на карточки, располагая их в определенном порядке, а затем репетировал особенно важные речи, иногда даже перед зеркалом. При этом он выработал собственную систему сокращений, что позволяло поместить на одну карточку немалый текст, чтобы потом создать впечатление у аудитории, что оратор говорит импровизированно, не пользуясь заранее написанным текстом^{179}.

Его агитация в сочетании с актерской харизмой и умением свободно держаться на публике в полной мере сработала. Многие избиратели, ранее голосовавшие за Брауна, от него отвернулись. На выборах, состоявшихся 8 ноября 1966 года, Рейган получил 3,7 миллиона голосов (57,5 процента), тогда как Браун — 2,8 миллиона (42,2 процента)^{180}.

Так Рональд Рейган вышел на первый план американской политической жизни, став губернатором одного из крупнейших и важнейших во всех отношениях штатов Америки.

Начало губернаторства.

«Кухонный кабинет»

Первые шаги на губернаторском посту не были, однако, легкими.

В легислатуре (законодательном органе) штата большинство было у демократов, которые всячески препятствовали инициативам губернатора. Фактически демонстративными и в то же время совершенно безответственными были действия большинства законодателей, связанные с расходованием бюджетных средств. Было принято постановление, распределявшее расходы таким образом, что средства, рассчитанные на 15 месяцев, должны были иссякнуть через 12, в июне 1967 года. Иначе говоря, третий квартал 1967 года оставался вообще без средств (финансовый год начинается в США 1 октября). Таковым было, по словам Дж. Вейсберга, «добро пожаловать» Рейгану в столицу штата город Сакраменто^{181}.

Ранее не сталкивавшийся с финансово-хозяйственной деятельностью (экономические знания, полученные в колледже, были давно позабыты),

фактически бойкотируемый большинством легислатуры, Рейган был, однако, полон оптимизма или по крайней мере делал вид, что никакие препятствия ему не страшны.

Став губернатором, он в качестве ближайшего плана объявил прежде всего не необходимость разрешить тот финансовый кризис, который должен был неизбежно наступить через полгода, а две задачи преимущественно политического характера — «устроить бездельников, живущих на социальные пособия, на работу» и покончить с неразберихой в Калифорнийском университете^{182}.

Через несколько минут после полудня 2 января 1967 года Рональд Рейган принес клятву верно служить народу Калифорнии и всему народу Соединенных Штатов на посту губернатора, соблюдая конституцию страны и законы и традиции штата.

Население штата то ли с сочувствием к новому губернатору, то ли испытывая злорадство, но все же с волнением за свою судьбу следило за тем, как справится Рейган с той финансовой пакостью, которую подсунули ему депутаты теперь оппозиционной партии. Вначале губернатор склонялся к десятипроцентному сокращению всех административных расходов. Это, однако, означало увольнение части сотрудников аппарата, что, как разъяснили ему советники, неизбежно вызовет недовольство и раздражение уже в самом начале его работы.

Тогда он внес прямо противоречившее его собственным обещаниям предложение о разовом повышении налогов, которое было принято и погасило предстоящую денежную недостачу. Создав, таким образом, впечатление о своей компетентности в финансовых проблемах и одновременно несколько утихомилив оппозицию, Рейган в следующие годы проводил курс на осторожное понижение налогов в соответствии со своими исходными установками.

Однако очень скоро оказалось, что некоторыми исходными установками приходится жертвовать или следовать им крайне осторожно, чтобы не нарушить межпартийное согласие, которое, казалось бы, начало складываться в штате.

В качестве руководителя личной администрации губернатора и его помощника в первые месяцы служил молодой юрист Филипп Батталья, который участвовал в предвыборной кампании и проявил себя с самой лучшей стороны как находчивый и исполнительный человек. Однако в самом штабе возникла конкуренция, Батталья недооценил происходившие в администрации внутренние склоки. Кто-то из второстепенных помощников (позже называлась фамилия малоизвестного Линна Нотцигера) донес

губернатору, что Батталья — гомосексуалист^{183}. В то время нетрадиционная сексуальная ориентация считалась в США моральным преступлением, нарушением Божьих заповедей. Ее даже сравнивали с «красной опасностью», особенно в среде республиканцев. Конкуренция в администрации явно прикрывалась требованием сохранения «моральных ценностей».

Перед Рейганом встал нелегкий выбор: не обращать внимания на недоказанные обвинения или уволить руководителя личного штаба как нарушившего «моральные ценности» с непредсказуемыми последствиями — возможностью личной компрометации, судебным процессом с обвинением в клевете и т. п.

Рейган нашел третий, более спокойный вариант. По его просьбе крупный предприниматель Холмс Таттл, который фактически возглавил к этому времени «кухонный кабинет», провел с Баттальяй «душеспасительную» беседу, после которой тот «добровольно» подал в отставку. Не без цинизма Рейган говорил по этому поводу: «Никогда не стреляйте в своих лошадей. Ваш сосед сделает это за вас»^{184}.

Уже в первые месяцы 1967 года в основном завершилось формирование «кухонного кабинета». Его состав отражал умеренно консервативные позиции Рейгана, которые подкреплялись конкретными предложениями и действиями членов «кабинета». В основном члены этой неофициальной структуры не занимали постов ни в администрации губернатора, ни, позже, в правительстве президента Рейгана, но были исключения, о которых мы упомянем.

Холмс Таттл (1906–1989) был старейшим и наиболее почтенным членом этого неофициального политического инструмента. Он не был уроженцем Калифорнии, куда переселился из Оклахомы в 1926 году. Вначале он работал на автомобильных предприятиях Форда, несколько набил себе руку в дилерстве, а в 1945 году открыл свою дилерскую фирму, которая постепенно расширялась и приобретала все новых клиентов. В 1950-е годы его предприятие распространило свою деятельность на другие штаты. Одновременно он стал проявлять политическую активность в составе Республиканской партии. Он никогда не занимал официальных постов ни в партии, ни в административном аппарате, но участвовал во всех республиканских съездах с 1960 по 1984 год^{185}. Во время губернаторской избирательной кампании, а затем в качестве губернатора Таттл призывал поддерживать Рейгана именно потому, что тот опирался на успешно функционирующий капитал, который создает массу рабочих мест,

на людей, которые знают, как добиться успеха в рамках американской системы^{186}. В будущем Х. Таттл останется одним из основных неофициальных советников Рейгана в годы его президентства.

Другими видными членами «кухонного кабинета» являлись Томас Роу, Джозеф Курс, Эдвин Миз, Джастин Дарт, Уильям Уилсон, Уильям Смит.

Томас Роу (1927–2000) — крупный промышленник из Южной Калифорнии, владелец строительной фирмы, инициатор создания мощной телекоммуникационной компании. Занимался бизнесом и за рубежом, в частности в Доминиканской Республике. Являясь вице-президентом организации Республиканской партии в Южной Калифорнии, Роу вначале активно поддерживал кандидатуру Голдуотера на пост президента, а затем стал влиятельным советником Рейгана^{187}.

Джозеф Курс (1917–2003) — наследник и продолжатель бизнеса в пивной индустрии. Его считают инициатором программы использования в производстве материалов, уже бывших в употреблении (его фирма выплачивала по одному центу за пустые алюминиевые банки). Познакомившись с Рейганом, когда тот уже стал губернатором, Курс отличился тем, что предложил покрыть значительную часть бюджетного дефицита из своих средств (действительно, он внес в фонд губернатора 250 тысяч долларов, а в следующие годы прибавил к ним еще 300 тысяч)^{188}. Став членом «кухонного кабинета», Курс проявил наибольшую активность в образовании общественных организаций Свободный фонд Конгресса и Совет национальной политики, сыгравших значительную роль в обосновании курса Республиканской партии и формулировании консервативных ценностей. Более значимым оказался Совет национальной политики, который в прессе определялся как «клуб нескольких сотен наиболее мощных консервативных деятелей страны», собиравшийся трижды в год на конференции за закрытыми дверями^{189}.

Эдвин Миз (род. 1931) являлся одним из двух членов «кухонного кабинета», который в конце концов сменил неофициальную деятельность консультанта на работу в одной из ветвей государственной власти — в течение нескольких лет (1985–1988) он был министром юстиции. До этого, получив высшее политологическое образование в Йельском университете, а затем окончив юридический факультет Калифорнийского университета в Беркли, он занимался правовой практикой. Встретившись с Рейганом в 1967 году, он обратил на себя его внимание деловыми советами, которые дал уже при первом randevu. Вначале, правда, Миз отказался присоединиться к команде губернатора, так как стоял вне партий. Он,

однако, принимал приглашения и встречался с членами «кухонного кабинета», фактически войдя в его состав. В конце губернаторства Рейгана он стал неофициальным руководителем губернаторской команды, по существу дела, перейдя на позиции Республиканской партии, хотя так и не стал ее членом. О Мизе говорили, что он — единственный человек, который был способен давать Рейгану советы с такой аргументацией и в таком стиле, которые были присущи самому Рейгану^{190}.

Джастин Дарт (1907–1984) был калифорнийским бизнесменом средней руки, но отличался способностью объединять вокруг себя людей богатых и влиятельных, организовывал сборы средств на общественные мероприятия и был полезен «кухонному кабинету» именно этими своими качествами. Он относился к наиболее правым кругам республиканцев, поддерживал Голдуотера и только после поражения последнего перешел в лагерь Рейгана, хотя был не-, плохо знаком с Рональдом и даже называл себя его другом еще со времени актерской карьеры в Голливуде. Но Дарт порой позволял себе чуть ли не расистские высказывания, которые доставляли Рейгану немало хлопот, поэтому его скорее держали в «кухонном кабинете» как человека, способного собирать средства, но не как советника^{191}.

Уильям Уилсон (1914–2009), по профессии инженер (он получил специальное образование в Стэнфордском университете в Калифорнии), был близок к Рейгану еще с молодых лет. Они часто встречались, их политические взгляды развивались в одном русле — от установок демократов к позициям умеренно консервативного течения в Республиканской партии. В составе «кухонного кабинета» Уилсон, ставший предпринимателем в нефтяной промышленности, был одним из главных советников губернатора, а затем президента. Некоторое время он, католик по вероисповеданию, служил личным представителем президента Рейгана, а затем послом США при папском престоле в Ватикане. Когда Уилсон умер в возрасте 95 лет, бывшая «первая леди» США Нэнси Рейган заявила журналистам: «Много лет он был дорогим другом и важным советником моего мужа»^{192}.

Уильям Смит (1917–1990) в отличие от других членов «кухонного кабинета» родился и вырос на восточном побережье (в штате Нью-Гемпшир), но высшее образование по экономическим наукам получил в Калифорнийском университете в Беркли (затем в Гарвардском университете получил специальность юриста). Занявшись юридической практикой в основанной им фирме, которая стала одной из наиболее влиятельных в Калифорнии, он познакомился с Рейганом в 1966 году,

включившись в его избирательную кампанию. Проверив организаторские качества Смита и полностью доверившись ему в политическом отношении в составе «кухонного кабинета», губернатор назначил его в состав совета регентов (управляющих) Калифорнийского университета. Вскоре Смит возглавил этот совет. Он сыграл значительную роль в успокоении студенческих страстей, о ходе и исходе которых будет рассказано ниже. Став президентом, Рейган назначил Смита министром юстиции, и этот пост тот занимал до 1985 года^{193}.

Время от времени в «кухонный кабинет» привлекались и другие бизнесмены, юристы, экономисты, но на долгое время они не задерживались, уступая место новым советникам.

В то же время Рейган по-настоящему никогда не был близок ни с одним из членов «кухонного кабинета», хотя нередко называл их своими друзьями. Выработанная с юношеских лет привычка демонстрировать непринужденность в отношениях, внимание к людям не означала подлинной близости, тем более искренней дружбы. Рейган запросто мог отстранить советника от дел, даже не объяснив ему причин.

Еще во время предвыборной кампании были в основном подобраны наиболее ответственные представители официальной администрации.

Ушедшего в отставку Ф. Батталья сменил Уильям Кларк (1931–2013), владелец крупного ранчо в Калифорнии. Работа на ранчо не позволила Кларку завершить образование на юридическом факультете Стэнфордского университета. Однако в порядке исключения он был допущен к экзамену на право заниматься юридической практикой и проявил такие высокие знания, что был допущен в коллегия юристов без диплома о высшем образовании.

Рейгана и Кларка в какой-то мере сближала любовь к конным прогулкам, во время которых они обычно обсуждали проблемы штата. Губернатор особенно ценил способность Кларка изложить самые сложные проблемы на одной-двух страницах, не вдаваясь в детали, которые не терпел Рейган. Лаконичность руководителя администрации отмечалась всеми, кто имел доступ к губернатору^{194}.

Определенной противоположностью ему был его заместитель (его должность называлась директор администрации) Майкл Дивер — человек несколько суетливый, словоохотливый, но в то же время исключительно точный. Его главной заботой было определение распорядка дня губернатора и его соблюдение. Это не всегда легко было осуществить, так как Рональд подчас, забыв о повседневных делах, увлекался беседой, стремясь произвести впечатление на человека, с которым общался.

Хотя в обязанности губернатора отнюдь не входили международные дела, Рейган, уже в это время задумывавшийся о взлете на самую вершину, стремился создать о себе яркое впечатление в международных кругах.

Он был первым и единственным американским губернатором, который принял советского журналиста, корреспондента центральной газеты КПСС «Правда» Юрия Жукова. Юрий Александрович Жуков, журналист-международник, был ведущим обозревателем «Правды». Вторая половина 1960-х годов была временем, когда советское руководство стремилось к разрядке международной напряженности, и Жуков, командированный в США, исходил прежде всего из этого факта.

В предисловии к тексту интервью Жуков писал: «Мне была дана аудиенция губернатором Калифорнии Рональдом Рейганом, человеком, в определенной степени известным своими по крайней мере крайне правыми взглядами. Рональд Рейган принял представителя «Правды» вполне благосклонно — чувствовалось, что ему приятно показать советскому коммунисту, как велик и богат его штат»^{195}. Интервью было бы интересно советским читателям именно характеристикой одного из наиболее значимых штатов, жизнь которого Рейган очерчивал в основном в общих словах, но с высоким подъемом. Видимо, по этой причине в советской печати опубликовано оно не было. Его явно сочли восхвалением американского империализма — тенденцией, которой сам журналист отнюдь не страдал. Так этот любопытный на то время документ остался только в американском архиве (по всей видимости, он сохранен и в архивном фонде «Правды»). Любопытно, что менее чем через десять лет, когда разрядка стала сменяться новым обострением международной напряженности, тот же Жуков опубликовал в «Правде» статью, клеймившую Рейгана как «политического динозавра»^{196}.

Усмирение студенческого движения

Советская пресса еще до появления статьи Жукова развернула энергичную атаку на Рейгана в связи с тем, что он в качестве калифорнийского губернатора поставил одной из своих основных задач наведение порядка в университетах штата, где уже в первой половине 1960-х годов развернулось протестное студенческое движение, поддерживаемое значительной частью профессуры. Исходным моментом были продолжавшаяся война во Вьетнаме, расширявшееся участие в ней

вооруженных сил США и, соответственно, все более увеличивавшееся число цинковых гробов, которые американские самолеты доставляли на родину. Постепенно движение протеста охватывало и внутренние проблемы, в частности свободу студенческого самовыражения.

Центром движения стал Калифорнийский университет, имевший крупные подразделения в ряде городов штата. Наибольшую активность проявляли студенты в Беркли. Как мы уже знаем, одной из главных тем Рейгана во время предвыборной кампании были студенческие протесты, с которыми он считал необходимым покончить как можно скорее. Однако легче было об этом говорить, чем предпринять что-либо существенное.

Университеты обладали автономией, было запрещено вводить в университетские кампусы вооруженные отряды полиции, частей Национальной гвардии (это было полувоенное формирование, предназначенное для подавления внутренних беспорядков, которое состояло из гражданских лиц, периодически призываемых на учебные сборы) и тем более регулярные армейские части.

Кандидату на выборную должность, а затем губернатору приходилось ограничиваться пышными ругательными заявлениями, которые не воспринимались всерьез. Один из сотрудников калифорнийского департамента образования в то время, когда новый губернатор приступил к исполнению своих обязанностей, вспоминал, что Рейган «считал, что университеты безответственны, так как не осмеливаются наказать непослушных студентов. Он говорил: «Прогоните их прочь. Выбросьте их. Они испорчены и не заслуживают того образования, которое получают. Они не имеют права пользоваться преимуществами нашей системы образования»^[197].

Это, однако, были лишь фразы, они не соответствовали реальным действиям губернатора, который был не в силах нарушить сложившуюся систему университетских вольностей, и никак не способствовали его авторитету.

Но надо признать, что Рейган почти сразу после вступления в должность научился различать два потока в студенческих выступлениях: собственно политический (его вскоре стали называть движением «новых левых»), который сочувственно изучал и оправдывал профессор Калифорнийского университета в Сан-Диего Герберт Маркузе^{[11]{198}}, и внешне аполитичный (он получил название «хиппи»). Если первое течение Рейган считал необходимым решительно искоренять, то по отношению ко второму проявлял известную высокомерную снисходительность, в

основном ограничиваясь презрительными насмешками. Как-то он заявил, используя образы модного фильма о Тарзане, что хиппи «одеваются, как Тарзан, носят прически, как Джейн, и пахнут, как Чита»^{199}.

Однако наряду со словесными нападками не только на студентов, но также на либеральных профессоров, особенно отделений социологии и философии, которые считались рассадниками беспорядков, у губернатора были и более весомые средства воздействия: кадровые перестановки и финансирование.

С 1964 года в Беркли активно действовало Движение за свободу слова, которое распространилось и в других университетах. Федеральное бюро расследований, проведя соответствующую работу, высказало убеждение, что это движение является филиалом Коммунистической партии и даже советской агентурой. В этом утверждении была изрядная доля преувеличения, хотя крохотная компартия Соединенных Штатов действительно пыталась включить в движение своих агентов. Директор ФБР Эдгар Гувер призывал президента университета в Беркли, видного экономиста Кларка Керра, изгнать из него не только мятежных студентов, но и левых профессоров. Керр упорствовал, требуя сохранения автономии университета. Тогда в 1966 году Гувер передал соответствующую информацию кандидатам в губернаторы, в частности Рейгану, который отнесся к ней предельно серьезно.

В конце января 1967 года, то есть через три недели после вступления на губернаторский пост, Рейган настоял на том, чтобы университетский совет выразил Керру недоверие, и тот был вынужден подать в отставку. Как показало проведенное через много лет (после рассекречивания архивов ФБР) расследование Сета Розенфельда, агентура ФБР и губернатор действовали совместно, буквально «выкручивая руки» членам совета, которые неохотно поддавались давлению (некоторые из них давно недолюбливали Керра за его левые убеждения и диктаторские манеры)^{200}.

Фактическое увольнение президента вызвало в университете бурю. Эрл Чейт, являвшийся вице-президентом университета в Беркли в 1965–1969 годах, рассказывал: «Увольнение Кларка Керра (обратим внимание, что отставка президента даже руководством университета воспринималась именно таким образом. — Г. Ч., Л. Д.) действительно привлекло внимание всех на кампусе и в большой степени объединило студентов и преподавателей. Это было очень эмоциональное время. Мысль о том, что губернатор может заставить уйти президента в условиях университетской конституционной независимости, вызвала чувство глубокого

беспокойства»^{201}.

Вслед за этим Рейган внес предложение, чтобы легислатура штата сократила финансирование Калифорнийского университета на десять процентов. Одновременно губернатор предложил, чтобы университет продал редчайшую коллекцию инкунабул, которые хранились в его Бэкрофтской библиотеке, для возмещения своих расходов. Это предложение было воспринято как издевательство и над университетом, и над высшим образованием, и над наукой, и над американской историей. Легислатура отвергла предложение Рейгана о сокращении финансирования. Было проведено лишь постановление о незначительном, чисто символическом сокращении расходов штата на высшее образование.

Негодование по поводу действий губернатора охватило значительную часть студенчества штата. В этих условиях Рейган пытался сохранить лицо. В самый разгар студенческих беспорядков он осмелился отправиться в университет, где его автомобиль был окружен демонстрантами, которые выкрикивали: «За нами будущее!» На всякий случай окно машины было закрыто, и Рейган, написав на бумаге весьма пессимистическую фразу: «В таком случае я продам свои акции», прислонил ее к стеклу, чтобы окружившие машину студенты могли ее прочитать.

Признав, что губернатор не утратил мужества и остроумия, студенты расхохотались и дали возможность ему проехать к административному корпусу^{202}. Там состоялся довольно острый разговор: университетские профессора выразили особое недовольство тем, что губернатор вывесил в своем кабинете табличку с вызывающей надписью «Соблюдайте правила или убирайтесь вон!».

Высшей точкой конфликта между губернатором и университетским студенчеством стали события мая 1969 года, уже во время второго года губернаторства Рейгана (губернатор избирался на два года). В Беркли был выдвинут призыв превратить большой участок пустующей земли, принадлежащий университету, в так называемый народный парк. Что подразумевалось, было не вполне ясно — то ли место для отдыха, то ли для выступлений и демонстраций. Собственно говоря, организаторов выступления это не особенно интересовало — им было важно подхлестнуть студенческое недовольство, возбудить страсти.

Чтобы не допустить открытого бунта, руководство университета, которое теперь находилось под влиянием консерваторов и сотрудничало с администрацией губернатора, в ночь на 15 мая организовало создание проволочного ограждения вокруг территории, предназначенной для

народного парка. Решение было не самым разумным. Вместо того чтобы успокоить студентов, оно вызвало открытый бунт, который начался с митинга утром 15 мая. Университетское руководство вызвало полицию.

То, что затем произошло, запечатлелось в истории Калифорнийского университета в Беркли настолько глубоко, что этот эпизод даже занял место в современном путеводителе для новых студентов. Там рассказывается: «Собрание, в котором участвовало около трех тысяч человек, вскоре превратилось в волнения. Толпа двинулась по Телеграф-авеню к парку. В этот день, получивший название Кровавого Четверга, три студента получили ранения в легкие, у одного был перелом ноги, 13 человек поступили в больницу с ранениями, один полицейский офицер получил колотую рану. Джеймс Ректор, который наблюдал за бунтом с крыши, был ранен полицейским; он умер через четыре дня».

По просьбе мэра города Беркли Рейган объявил в городе чрезвычайное положение и направил туда части Национальной гвардии численностью в 2,2 тысячи человек. Для разгона студентов был использован слезоточивый газ. В следующие дни было арестовано около тысячи человек, почти исключительно студенты. Правда, они были отпущены через несколько дней, но около двухсот человек были оштрафованы за неподчинение властям, что являлось уголовным преступлением.

Недовольство в Беркли пришлось скрывать. В основном пресса штата поддержала жесткие меры, принятые губернатором, хотя в самом университете их считали явно излишними.

Происшедшие события оказали на Рейгана бесспорное влияние. С одной стороны, он утвердился в необходимости поддерживать внутренний порядок в штате (позже в стране) путем применения жестких административных мер, включая насильственный разгон демонстрантов под предлогом, что их выступления нарушают спокойствие граждан. С другой стороны, он постепенно утверждался в мысли, что такого рода акции вызывают чувство еще большего протеста, иногда открытого, чаще скрытого, которое может оказать самое неоднозначное влияние на его политическое будущее. Э. Чейт не без основания полагает: «Политическая карьера Рейгана во многом связана с судьбой тех людей, которые использовали кампус как базу для своей политической деятельности. Звучит иронией, но это действительно помогло его избранию президентом»^{203}.

Рейган понимал, что конфликт со студенчеством резко снизил его авторитет в молодежной среде. Он пытался восстановить свое влияние на юношество разными способами, в том числе отнюдь не тривиальными.

Как-то он получил письмо от солдата-новобранца, отправленного во Вьетнам. Юноша сообщал, что вскоре первая годовщина его свадьбы, и просил губернатора от его имени поздравить по телефону его жену. Вместо звонка Рейган отправился к молодой женщине с огромным букетом роз и вместе с ним передал поздравительное письмо от ее супруга. Рассказывая эту историю, Майкл Рейган сообщает, что она не публиковалась в прессе, что его отец так поступил только из доброго отношения к людям^{204}.

Формально, по всей видимости, так и было. Но ведь молодая женщина, конечно же, немедленно рассказала о поступке губернатора своим близким, те, в свою очередь, — своим знакомым. Так эта история пошла «по городу и миру», бесспорно придавая популярности Рейгану, и именно на это он рассчитывал прежде всего.

Той же цели служили многочисленные рукописные ответы на письма и небольшие денежные суммы, которые губернатор посылал нуждающимся из своих собственных средств. Было немало случаев, когда получатели этих денег на всю жизнь сохраняли чеки в качестве сувенира.

Такие же приемы Рейган подчас использовал и став президентом.

Первое выдвижение в президенты

Естественно, губернатор Рейган занимался отнюдь не только студенческим движением. Он, как правило, стремился к крупным действиям, сходным с театральными или экранными представлениями, объявлял о широкомасштабных мероприятиях, играл роль заботливого «отца» своего штата, оставляя помощникам и руководителям департаментов возможность разбираться в деталях. Это был определенный стиль поведения человека, который рассматривал свой пост не как завершение, а как этап карьеры, рассчитывая на нечто большее. А бóльшим было президентство.

Рейган впервые выдвинул свою кандидатуру на президентский пост в 1968 году, то есть всего лишь через два года после того, как стал губернатором.

Во время предвыборной кампании Рейган, известный как ведущий политик в родном штате, все еще не имел достаточно широкой общеамериканской известности, чтобы соперничать с Ричардом Никсоном, уже накопившим длительный опыт государственной деятельности в Конгрессе США, где он выступал как умеренно консервативный республиканец.

Тем не менее Рональд согласился с выдвижением своей кандидатуры, главным образом с разведывательной целью. Если рассматривать его выдвижение именно с этой стороны, то он вполне добился реализации своей задачи. Один за другим соперники Никсона выбывали из первичных выборов (праймериз), которые проходили в пределах обеих главных партий. К концу весны Рейган стал главным соперником Никсона, правда, сильно отставая от него по числу поданных голосов.

В ходе предвыборной кампании Рейган все более рассматривался как один из лидеров наиболее консервативного крыла Республиканской партии, хотя его действительные позиции были ближе к центру. Однако однопартийцы боялись, как бы не повторилась история с выборами 1964 года, когда Голдуотер потерпел сокрушительное поражение. В результате часть республиканцев, которые первоначально высказывались за Рейгана, перешла на сторону Никсона. В штате Небраска 14 мая Никсон получил 70 процентов голосов, Рейган — 21 процент, а 5 процентов голосов были поданы за Нельсона Рокфеллера, который слыл прогрессивным деятелем и остро критиковал не только Рейгана, но и Никсона. На следующий день Никсон вновь одержал победу над Рейганом в штате Орегон, собрав 65 процентов голосов. В родной для обоих Калифорнии Никсон демонстративно отказался баллотироваться, и Рейган легко победил, но на всех следующих предварительных выборах Никсон продолжал побеждать.

Ко времени предвыборного партийного съезда Никсон оказался безусловным кандидатом всей партии. Что же касается Демократической партии, то ее руководство находилось в состоянии хаоса в связи с гибелью от рук убийцы Роберта Кеннеди, родного брата президента Джона Кеннеди, который был убит в 1963 году. Демократы выдвинули своим кандидатом бывшего вице-президента Губерта Хамфри, которого значительная часть избирателей считала слабым политиком.

Обстановка в стране была нервной, жители Соединенных Штатов опасались новых покушений, подчас значительно преувеличивая существовавшую опасность террора. Не случайно местом своего съезда республиканцы впервые избрали не один из крупнейших городов, а курортный пригород города Майами в штате Флорида (Майами-Бич). Здесь, по крайней мере, можно было заседать, не опасаясь насилия. Съезд проходил 5–8 августа. В первом и единственном туре голосования Никсон получил 692 голоса, Н. Рокфеллер — 277, а Рейган — 182 голоса^{205}.

Из сказанного вытекает неверность утверждения Дж. Вейсберга, что «его [Рейгана] первая президентская кампания продолжалась менее

двадцати четырех часов»^{206}. На самом деле Рейган участвовал в праймериз во всех штатах, где они проводились, то есть его участие в кампании проходило примерно полгода. В результате развернувшегося затем второго этапа избирательной кампании (соревнования с кандидатом демократом Хамфри) Никсон был избран президентом США.

Первый губернаторский срок и участие в президентской кампании несколько изменили риторику и практические предложения Рейгана, что привело к некоторому улучшению во взаимоотношениях между губернатором и легислатурой, в которой продолжали преобладать демократы. В оценке этих взаимоотношений Рейган был несколько противоречив. Он говорил одному из помощников: «В любое время, когда я прошу 70 процентов того, чего я желаю от враждебно настроенных законодателей, я это получаю. Я думаю, что таким образом я смогу работать и в будущем и даже получить несколько больше в одном и несколько больше в другом [вопросе]^{207}». Как оказывалось, законодатели были не такими уж врагами губернатора, если ему в основном удавалось добиваться одобрения ими его законодательных предложений.

Губернаторская практика

Вряд ли имеет смысл подробно рассказывать о всех умеренных реформах, которые были проведены в Калифорнии в соответствии с предложениями Рейгана. Лишь краткое перечисление их позволит убедиться, что проводились они на основе определенного компромисса губернатора с законодателями.

Уже в 1967 году Рейган отказался в своем штате от важной принципиальной установки Республиканской партии — категорического отрицания абортов, ибо они рассматривались как убийство человека. Он дал согласие на принятие закона о так называемых «терапевтических абортах», то есть связанных с состоянием здоровья женщины. Фактически это была легализация абортов в штате, и она явилась примером, на который ссылались во многих других штатах, где вносились аналогичные предложения. Рейган мотивировал свое решение подписать закон тем, что он резко сокращал количество нелегальных абортов, крайне опасных для жизни пациенток, как и тем, что эта мера позволяет сохранить здоровье женщин. Позже он не раз высказывал сожаление, что подписал этот закон, но представляется, что эти заявления были несколько лицемерными,

делались в основном во имя удовлетворения позиций консервативной части республиканцев, ибо никаких контрмер губернатор не предпринимал^[12]
{208}.

После конфликта, связанного со студенческими выступлениями, особенно после расправы со студентами в Беркли, Рейган считал целесообразным установить более тесный и продуктивный контакт с руководством Калифорнийского университета и других высших учебных заведений. Хотя в ходе переговоров шли упорные дискуссии по поводу платы за обучение и сокращения финансирования университетов, на протяжении его пребывания на губернаторском посту расходы администрации штата на высшее образование выросли более чем в два раза.

Положение в университетах штата было в течение всего периода губернаторства Рейгана настолько острым, что он занимался университетскими делами в значительно большей мере, чем другими проблемами, хотя они вначале не очень волновали губернатора. Сохраняющаяся в архиве президентской библиотеки Рейгана огромная документация по этому комплексу проблем свидетельствует, что он регулярно занимался вопросами финансирования университетов, строительством новых учебных корпусов и других помещений, включая госпитали, составом преподавателей и административного персонала и, разумеется, студенческими выступлениями. Особенно его интересовали те профессора и преподаватели, которых он относил не просто к политическим оппонентам, а к подрывным элементам.

В архиве можно найти данные о взглядах и политической позиции не только Герберта Маркузе, но и его ученицы Анджелы Дэвис, которая вскоре станет всемирно известной своими связями с активистами негритянской экстремистской организации «Черные пантеры», получавшими при ее помощи оружие, и с компартией, судебным преследованием и осуждением по обвинению в участии в терроризме^{209}.

Несмотря на риторические возражения против вмешательства государства в живую природу, Рейган пошел навстречу предложениям о расширении сети парков, финансируемых штатом (их площадь увеличилась примерно на 54 тысячи гектаров), о совершенствовании охраны водных ресурсов.

Когда Рейган вступал в должность, значительная часть бедного населения опасалась, что под угрозой окажется действовавший в штате закон о справедливом распределении жилья, предусматривавший субсидии

на жилье семьям с низкими доходами, который был проведен ранее губернатором Брауном. Их просто пугали заявления Рональда, что люди вправе продавать свои дома когда угодно и кому угодно.

Демократы в легислатуре ожидали по этому вопросу немалых столкновений с администрацией нового губернатора. Однако Рейган как бы позабыл о своих заявлениях и вопроса об отмене или изменении этого закона не поднимал^{210}.

Несравненно сложнее обстояло дело с мероприятиями в области социального обеспечения. Как мы уже знаем, Рейган занимал весьма воинственную позицию по этой проблеме, требуя во время предвыборной кампании принятия мер, чтобы заставить бездельников, получавших пособия, искать работу.

Он действительно стремился сократить число лиц, получавших пособие по безработице, считая эти пособия несчастьем как для налогоплательщиков, так и для тех, кто их получает. Он ставил под сомнение само понятие государства (или общества) всеобщего благосостояния, которое пропагандировали либеральные экономисты и социологи. Однако практика мощно вторгалась в теорию, и губернатору приходилось считаться с тем, что безработица в его экономически развитом штате является хронической, что вызвана она отнюдь не только тем, что бездельники не желали работать, но и другими — экономическими, социально-психологическими и прочими обстоятельствами.

Число лиц, которые по разным причинам могли получать государственное или штатное пособие, непрерывно росло. В 1970 году оно увеличивалось примерно на 40 тысяч человек ежемесячно. Аналогичное положение было и в других штатах. В этих условиях президент Р. Никсон выступил с инициативой, сущность которой состояла в том, что всю тяжесть расходов по социальному обеспечению должны взять на себя федеральные власти.

Хотя Рейган был верным и активным республиканцем, всеми силами поддерживая Никсона, он счел это предложение неоправданным и даже опасным. Калифорнийский губернатор полагал, что федеральное правительство окажется чересчур снисходительным по отношению к получающим пособия, что их число будет неоправданно расти еще более высокими темпами, а это приведет к повышению налогового обложения и в конечном счете крайне негативно отразится на благосостоянии честно работающего населения. Считая предложения Никсона не только ошибочными, но и вредными для всей страны, Рейган отправился в Вашингтон и выступил на заседании сенатской комиссии против

предложений президента. Разумеется, в том, что они были отвергнуты, была заслуга (или отрицательная роль) далеко не только Рейгана, но он уже был настолько авторитетен, что с его позицией в верхней палате считались.

Избавившись от необходимости действовать в строгом соответствии с федеральным законодательством по вопросу социального обеспечения, Рейган смог договориться с депутатами от Демократической партии в легислатуре. Совместно были выработаны мероприятия по одновременному сокращению числа лиц, получающих пособия, и увеличению сумм, выделяемых для наиболее нуждающихся. Вместе с тем устанавливались дополнительные льготы для тех безработных, которые приступали к активному поиску работы, стремились преодолеть структурную безработицу (она была вызвана тем, что в одних отраслях наблюдался избыток рабочей силы, в других — нехватка), овладевая новыми профессиями.

Еще одним приоритетом для Рейгана было сокращение налогов. По этому вопросу конфликты с оппозиционными депутатами легислатуры были особенно жесткими. В 1973 году губернатор предложил внести в конституцию штата поправку, которая представляла собой сложную систему определения размеров подоходного налога, но в целом значительно его сокращала. «Предложение № 1» губернатора предусматривало понижение налогов в штате в 1974 году на 7,5 процента, а в дальнейшем систематическое снижение налогов на уровне штата путем внесения в его конституцию поправки с установлением предельных процентов доходов населения, которые могут облагаться налогами, и максимальных размеров этих обложений.

Поправка к конституции, согласно законодательству, была поставлена на всеобщее голосование избирателей. За нее выступило около двух миллионов человек. Однако большинство (54 процента) проголосовало против внесения поправки в конституцию. Рейган посвятил провалу его предложения специальную статью, которая появилась в журнале «Нэйшнл ревю»^[211].

Автор отнюдь не считал, что он вместе со своим «кухонным кабинетом» потерпел поражение. Он был убежден, что подавляющее большинство населения Калифорнии вместе с ним считает, что администрация штата слишком велика, а правительственные расходы непомерно высоки для карманов налогоплательщиков. Почему же в таком случае его предложение не прошло? Ответ был прост: виной была кампания фальсификаций, организованная хорошо оплачиваемой и хорошо организованной оппозицией, которая отчаянно стремилась утопить

центральную проблему, по которой население поддерживало губернатора, в технических мелочах, использованных оппозицией для того, чтобы уговорить низший и средний классы населения, что в конечном итоге реформа приведет только к повышению налогового бремени. Это было довольно примитивное рассуждение, но в тонкостях экономических процессов Рейган пока не разбирался.

Губернатор был крайне расстроен своим поражением и не скрывал раздражения: «Отказ от принятия Предложения № 1 не может считаться победой защитников высоких налогов и безграничного роста правительства. Это — победа политической демагогии, триумф неосновательных претензий, которые кажутся убедительными только в третьесортных телевизионных рекламах, которые не столько убеждают, сколько дезинформируют».

Рейган не сдавался. Он вместе со своей администрацией и «кухонным кабинетом» готовил новые инициативы по вопросу о реформе налоговой системы. В результате этого в 1978 году на свет появилось «Предложение № 13», которое резко сокращало налоги на недвижимую собственность и требовало квалифицированного большинства (две трети голосов) для решения любого вопроса в легислатуре, связанного с каким-либо повышением налогов. Официально названное «Народная инициатива по ограничению налогов на собственность», это предложение было внесено от имени губернатора и от имени республиканских членов легислатуры.

Опираясь на негативный опыт предыдущего предложения, республиканцы теперь развернули всестороннюю агитацию в пользу новой поправки к конституции, которая на референдуме 6 июня 1978 года была одобрена 4,3 миллиона избирателей (62,6 процента) и вступила в силу. Рейган торжествовал, чувствуя глубокое удовлетворение, что в конце концов он одержал победу в нелегкой борьбе. Во многих выступлениях он называл и предыдущее предложение, проваленное на референдуме, и новое, получившее одобрение, «биллем о правах налогоплательщиков».

Опыт Калифорнии во многом служил примером для других штатов, а позже, в период президентства Рейгана, широко использовался им при решении общенациональных проблем.

Глава 6

НА ПУТИ К ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

Раздумья о будущем

и «Уотергейтское дело»

На посту губернатора Рональд Рейган в полной мере использовал свое ораторское искусство, часто служившее продвижению тех или иных конструктивных идей по развитию экономики, социальной жизни, культуры штата, подчас представлявших собой всего лишь мыльный пузырь. Накапливая опыт, губернатор все более убеждался, что подавляющая часть населения, озабоченная в первую очередь собственным благополучием, жизненным комфортом, продвижением по службе или успехами в бизнесе (в основном мелком), мало интересуется существом крупных проблем, доверяет пропагандистской машине, если ее творения облечены в красивую, убедительную форму, если громкие лозунги сопровождаются минимумом конкретных примеров и цифр — не важно, соответствующих истине или попросту взятых с потолка.

Проверять их масса не собиралась, а критический анализ отвергался с ходу, если ему подвергались высказывания признанного авторитета. Рейган убеждался, что чем более общий и в то же время чем более патетический характер носят его высказывания, тем лучше они запоминаются и повышают его авторитет, как и общие ура-патриотические настроения населения. В январе 1974 года на конференции Консервативного политического действия он провозглашал: «Если хотите, вы можете называть это мистицизмом, но я всегда верил, что существует некий Божественный план, который предоставил этот великий континент, расположенный между двумя океанами, в распоряжение тех, кто более всего любит свободу и обладает особым мужеством»^[212]. Подобные слова, вызывавшие слезы умиления у женщин и чувство гордости за свою страну у мужчин, Рейган повторял затем неоднократно. Скорее всего, вполне искренне он сам считал себя великим патриотом Америки.

Но все эти красивые слова произносились не только потому, что Рейган любил нравиться толпе и представлять перед ней во всей своей

красе. Они были рассчитаны на дальнейшее расширение его влияния в национальном масштабе.

Правда, в 1975 году, когда завершался второй срок пребывания на губернаторском посту, будущее Рональда не было ясным. Он приближался к 65-летнему возрасту, который считается в США началом старости. Это был возраст, когда у американцев появлялось право на получение пенсии, и почти все пользовались этим правом, если имели необходимый юридически оформленный трудовой стаж.

Неизвестно, по каким причинам (скорее всего, рассчитывая на продвижение в общеамериканском масштабе) он объявил, что не будет добиваться избрания на третий срок. Формально такое право он имел (запрет на третье выдвижение существовал только по отношению к должности президента), но решил им не пользоваться (в своих воспоминаниях он вообще не объясняет причин отказа от третьего выдвижения). Губернатором Калифорнии был избран представитель Демократической партии Джеральд (Джерри) Браун, сын того самого Брауна, который был предшественником Рейгана на губернаторском посту.

Рейган с повышенным интересом наблюдал за прошумевшим на весь мир скандалом, связанным с выборами 1972 года, который в следующие годы раскрывался во все большей полноте, получив название «Уотергейтское дело». Началось оно с того, что предвыборный штаб президента Никсона, баллотировавшегося на второй срок, пытался установить наблюдение и прослушивание в штаб-квартире Демократической партии (штаб-квартира располагалась в престижном гостинично-жилищном комплексе Уотергейт в Вашингтоне). Участвовавшие в этом скандале лица были задержаны полицией по вызову ночного сторожа, вскоре эта история была почти позабыта, и Никсон с триумфом был избран на второй срок.

Однако расследование, не без давления руководства Демократической партии, продолжалось, и вскоре вскрылись факты, свидетельствовавшие, что в центре незаконной деятельности стояли люди, близкие к Никсону, а затем стало выявляться участие и самого президента. Был образован сенатский Комитет по практике президентских выборов, который повсеместно почти сразу стали называть комитетом по расследованию «Уотергейтского дела». Следствие все ближе подбиралось к Белому дому. В конце концов Никсон был вынужден передать следователям записи бесед, которые происходили в его Овальном кабинете и других помещениях Белого дома, что позволило выявить личное участие президента в действиях, являвшихся уголовными преступлениями.

Была обнаружена запись разговора, в котором Никсон назвал происшествие «дымящимся ружьем» (то есть явной уликой) и советовался с помощниками, как воздействовать на ФБР, чтобы замять расследование. Начались аресты сотрудников Никсона. В итоге под прямой угрозой импичмента 8 августа 1974 года он был вынужден уйти в отставку и был помилован новым президентом (бывшим вице-президентом) Джеральдом Фордом^{213}.

Это был единственный в истории США случай, когда президентом стал человек, который не был избран ни на президентский, ни на вице-президентский пост (Форд стал вице-президентом после того, как вице-президент Spiro Agnew ушел в отставку в результате коррупционного скандала в штате Мэриленд, где он был губернатором).

В любом случае вся история «Уотергейта» и связанных с ним событий показывала прочность демократической системы, относительно свободной политической конкуренции, что значительно перевешивало свойственные ей внутренние пороки. Несмотря на коррупцию, воздействие крупных финансовых состояний система выборов и руководства государством на основе разделения власти между законодательными, исполнительными и судебными органами обеспечивала комплекс сдержек и противовесов, не позволивший США превратиться в первой половине 1970-х годов в «имперское государство», о чем предостерегали ряд авторов — как политиков, так и политологов^{214}.

На протяжении почти всего расследования Рейган, часто подчеркнуто критически относившийся к появлявшимся новым фактам, высказывал (по крайней мере, на публике) убеждение, что Никсон невиновен, а в частных беседах не раз повторял, что президента преследует «толпа линчевателей». На пресс-конференции в июне 1974 года губернатор Калифорнии заявил, что те, кого обвиняют в конспиративной деятельности, просто не могут являться преступниками^{215}.

В то время как почти вся страна неотрывно следила за передачами из Вашингтона, за прямой трансляцией заседаний следственного комитета, на которых раскрывались подробности «Уотергейтского дела», Рейган демонстративно заявлял, что эти слушания его не интересуют, что он просто не подходит к телевизору, когда по всем каналам передаются материалы расследования. Когда Рональд опоздал на пресс-конференцию 28 июня 1974 года и кто-то из журналистов спросил его, не потому ли он задержался, что следил за передачей из Вашингтона, он, чтобы показать свое якобы существовавшее презрение ко всему этому делу, ответил: «На

самом деле мне снился великолепный сон, когда в мою дверь постучали».

Журналист не удержался от второго вопроса: не был ли это сон о его будущей президентской избирательной кампании, на что Рейган на этот раз ответил однозначным и резким: «Нет!»^{216}

Когда же стало очевидно, что в центре преступной деятельности находится сам президент, Рейган просто замолчал. Он в очередной раз убедился, что, обладая способностями оратора и политического актера, не в состоянии глубоко анализировать происходившие события и тем более предвидеть их последствия. Он все же вынужден был признать, что бывший президент совершил преступные действия, но «наказание отставкой является для него более чем достаточным»^{217}.

В то время как скандал привел к общему падению авторитета и влияния Республиканской партии, позиции Рейгана в Калифорнии несколько не ослабели. Более того, в опросах населения его рейтинг даже чуть вырос. Связано это было, по всей видимости, с тем, что население с уважением отнеслось к тому, что оно считало смелой защитой слабого — в данном случае «преследуемого» президента. Многие жители штата считали, что принцип «подтолкни шатающегося» противоречит морали калифорнийцев.

Отставка Никсона и вступление Форда на пост президента породили у Рейгана новые надежды. Он считал Форда слабым политиком, лишь случайно оказавшимся на президентском посту. Вступить с ним в соревнование на предстоявших в 1976 году выборах становилось, по мнению Рейгана, делом его чести, отнюдь не лишенным шансов на успех. Несколько раз Рейган передавал прессе документы и заявления, которые свидетельствовали о его отрицательном отношении к Форду. 7 октября 1974 года он, например, предоставил газетам, представителям телевидения и радио свою телеграмму Форду с осуждением его предложения о повышении налогов для преодоления инфляции. «Мандат выборов 1972 года был ясен — никаких новых налогов в течение четырех лет и сокращение размеров и расходов федерального правительства. Этот мандат остается и ныне в действии. Любое повышение налогов противоречит этому»^{218}.

Как вернуть Америке былой престиж

Казалось, что у Рейгана есть возможность получить номинацию на

предстоявшем национальном съезде республиканцев. Правда, перспектива победы на национальных выборах была весьма сомнительной, так как Республиканская партия серьезно скомпрометировала себя уотергейтским скандалом, тем фактом, что Форд помиловал Никсона, а не дал ход судебной процедуре. Сказывался и нестабильный характер экономики США в этот период (она находилась в состоянии застоя, который рядом экономистов даже определялся как кризис).

Неустойчивое внутреннее положение страны дополнялось внешнеполитическими неудачами. Главными из них были уход американских вооруженных сил из Южного Вьетнама и подписание соглашения о прекращении военных действий и восстановлении мира во Вьетнаме, которое подавляющим большинством наблюдателей рассматривалось как первое в истории поражение США в войне, да еще против небольшого заокеанского, к тому же коммунистического государства.

Итоги войны на Индокитайском полуострове породили такое специфическое явление, как «вьетнамский синдром», который определяется исследователями как отвращение значительной части американцев к участию Соединенных Штатов в войнах, ведущихся далеко от американских границ, на других континентах, тяготение к более сдержанной внешней политике страны^[219].

Стремившийся поставить в центр политического внимания внутренние проблемы США, Рейган с пониманием относился к «вьетнамскому синдрому» как в конце своей губернаторской деятельности, так и после выхода на общеамериканскую арену.

Для республиканцев, понесших в предыдущие годы серьезные поражения и раздираемых внутренними противоречиями, в первую очередь между либеральным и консервативным течениями, а также внутри обоих основных направлений, выборы 1976 года являлись серьезным испытанием. Многие аналитики были убеждены, что единственным шансом на победу республиканцев на выборах были преодоление внутренних противоречий и выдвижение с самого начала единого кандидата. Таковым прежде всего рассматривался Форд. Он должен был, полагали эксперты, пригласить Рейгана в Белый дом и попытаться умерить его амбиции; признать его выдающиеся заслуги в руководстве Калифорнией и предоставить ему какой-либо почетный руководящий пост. Это могло сыграть определенную роль в возможном отказе Рональда от вступления в избирательную борьбу.

Вначале президент действительно попытался привлечь Рейгана на

свою сторону некими обещаниями. Однако все они носили характер своего рода подачек, а в одном случае — чуть ли не издевательства. Таковым было предложение назначить Рейгана на дипломатический пост, в частности посла США в Великобритании. Было ясно, что бывший актер, ставший политиком, это предложение с негодованием отвергнет, так как никогда не занимался международными делами и сознавал, что не обладает качествами, необходимыми для такого рода деятельности. Другие предложения, например стать министром транспорта, Рейган счел для себя недостаточными и усилил свои выпады против Форда.

Последний ответил своими презрительными или унижительными ремарками, которые только подстегнули бывшего калифорнийского губернатора принять решение включиться в президентскую гонку, выступив в рамках Республиканской партии в качестве главного соперника Форда.

Постепенно Рейган, отказавшись выдвигать свою кандидатуру на пост губернатора Калифорнии в третий раз и, как надеялись его политические противники, вначале вроде бы намеревавшийся уйти на покой, заняться коневодством на своем новом ранчо Дель Сиело (Небесное) в горах Санта-Айнез (он купил его в конце своего первого губернаторского срока), вновь вышел на первый план, произносил зажигательные речи, в том числе и в столице страны. На конференции Консервативного политического действия в Вашингтоне еще в феврале 1975 года он заявил: «Республиканцы должны поднять над собой знамя не в палевых, а в самых ярких красках, чтобы ясно показать, на каких именно позициях мы стоим»^{220}. Эту речь, произнесенную более чем за полтора года до очередных выборов, многие наблюдатели оценили как личную претензию на президентский пост.

В то же время Рональд сохранял вкус к жизни на природе, в скотоводческом хозяйстве, в небольшом и примитивно оборудованном домике, даже без современных удобств. Считая, что отдых в таких простых условиях не только полезен для здоровья и продлевает жизнь, он также стремился продемонстрировать свой простой образ жизни как американским, так и зарубежным гостям, которых часто приглашал на свое ранчо позже, когда стал президентом. У него побывали британский премьер Маргарет Тэтчер, королева Великобритании Елизавета II, советский лидер М. С. Горбачев. Все они признавали великолепие окружающей природы, вкушали горный воздух и вместе с тем удивлялись простоте нравов хозяина, возглавившего самую мощную державу мира^{221}.

Но все это в будущем.

Пока же Рейган фактически начал президентскую кампанию почти за полтора года до выборов: в середине июля 1975 года был образован комитет под названием «Граждане за Рейгана». Произошло это ровно через неделю после того, как Форд объявил, что сам он будет добиваться избрания на высший пост. В комитет входили главным образом калифорнийские деятели, за его спиной стоял «кухонный кабинет». Для того чтобы представить дело так, будто бывшего губернатора поддерживают по всей стране, в комитет были введены также представители других штатов, а возглавил его сенатор от штата Огайо Пол Лэкселт, старый знакомый Рейгана.

В то время как комитет приступил к сбору средств на кампанию и занялся другими организационными делами, сам Рейган также не дремал. Он устраивал ужины, обеды, банкеты, на которые собирал видных представителей бизнеса, культурной элиты, журналистики. Здесь он произносил речи, подчас продолжительные, в которых пытался формулировать свою предвыборную программу. Он стремился представить себя не каким-то теоретиком, изрекающим абстрактные истины, а практиком, добившимся крупных успехов в «родной» Калифорнии и теперь стремившимся направить накопленный опыт на то, чтобы вывести страну из тупика, в котором она оказалась. При этом, разумеется, Рейган ни словом не упоминал о собственных неудачах, в частности о невероятных трудностях, с которыми столкнулся при проведении налоговой реформы.

В то же время Рейган своими выступлениями производил благоприятное впечатление на аудиторию, которая состояла из приверженцев Республиканской партии. В отличие от различных сенаторов, да и от президента Форда, которые поднапорели в парламентских и прочих дебатах, в Рейгане видели практика, способного распространить калифорнийский опыт на всю Америку.

Необходимо отметить, что за Фордом стояли влиятельные в партии умеренные силы, опытные политики, которые считали, что сугубо консервативные взгляды Рейгана, если он будет выдвинут кандидатом, приведут к поражению Республиканской партии, что он просто повторяет взгляды Голдуотера.

Влиятельные республиканские деятели считали выступления Рейгана почти пустыми, не содержащими никакой позитивной программы, повторявшими тривиальные истины, которые на протяжении ряда лет

многokrратно произносились им в Калифорнии.

Типичным было выступление в одном из республиканских клубов в Чикаго 26 сентября 1975 года. Рейган назвал эту длинную речь звучно: «Пусть управляет народ». Главным ее положением было утверждение, что все беды нации проистекают из одного источника: «Веры, что власти, особенно федеральное правительство, имеют ответы на все наши вопросы и что верный метод решения всех наших социальных проблем состоит в передаче власти из рук частного в руки общественного сектора, а в пределах общественного сектора — от властей штатов и местных властей к обладающему всей властью центру в Вашингтоне». Оратор же требовал превратить Америку на третьем столетии ее существования в подлинно федеративную страну путем передачи основных властных полномочий на места — правительствам штатов, администрациям городов и других населенных пунктов^{222}.

По существу дела, это было требование решительно поменять государственное устройство Соединенных Штатов — превратить страну из федеративной в конфедеративную. Ни хозяйственная и политическая элита, ни следовавшая за ней основная масса населения не были согласны на такие кардинальные меры переустройства страны, которые могли иметь неопределенные и опасные последствия, вплоть до распада США на ряд государств.

Рейган считал, что такая передача полномочий приведет к уменьшению государственных расходов на 90 миллиардов долларов, однако ничем не обосновывал эту цифру. В памяти общественности, в частности журналистов, официальное название выступления было забыто, но сохранилось ироническое наименование — «Речь о 90 миллиардах баксов»^{223}.

От одного выступления Рейгана к другому число его сторонников то возрастало, то сокращалось. Однако в целом соотношение тех сторонников Республиканской партии, которые поддерживали его и Форда, оставалось примерно равным. С постоянно свойственным ему оптимизмом Рональд полагал, что в ходе внутривнутрипартийной кампании сможет, используя свое обаяние, актерское мастерство и громогласные обещания, привлечь на свою сторону основную массу и стать номинантом республиканцев, опередив президента.

В любом случае Рейган к 1975 году прочно вышел на общеамериканскую политическую арену. В том году была предпринята еще одна, оказавшаяся последней, попытка вернуть его на актерскую стезю.

Отставной бригадный генерал Фрэнк Маккарти, ставший кинопродюсером, задумал снять биографический художественный фильм об известном полководце времен Второй мировой войны Дугласе Макартуре и решил, что для роли главного героя более всего подходит Рейган. Продюсер попытался было вступить с ним в переговоры, но получил решительный отказ: Рональд заявил, что считает себя «актером на пенсии» и полностью занимается политикой^{224}. Роль Макартура в фильме сыграл актер Грегори Пек. Несмотря на участие выдающегося и популярного актера, фильм режиссера Джозефа Сарджента, вышедший на экраны в 1977 году, не оказался удачным и встретил у публики холодный прием. Фирма «Роттен томэйтоуз» («Гнилые помидоры»), специализировавшаяся на кинокритике, присвоила ему рейтинг в 63 процента^{225}. Вряд ли участие Рейгана в этой кинокартине внесло бы какие-то изменения.

Соперничество с Фордом

Рональд Рейган публично объявил о своем намерении участвовать в президентских выборах 20 ноября 1975 года, выступая в национальном пресс-клубе в Вашингтоне^{226}.

К этому времени его «речь о 90 миллиардах баксов» стала одной из главных тем обсуждения в прессе. Ее высмеивали сторонники демократов, ее критически анализировали эксперты Республиканской партии. Накануне выступления о выдвижении своей кандидатуры Рейган получил результаты анализа своей речи от экспертов, которые были привлечены его помощниками. Они были неутешительными. Наиболее вероятными итогами проведения в жизнь плана децентрализации назывались резкое повышение безработицы как следствия сокращения общегосударственных вложений в экономику, хозяйственное банкротство администраций некоторых городов, а возможно и штатов, застой в строительстве и других народно-хозяйственных отраслях. Доклад завершился так: «Наконец, вся эта высокая риторика полностью расходится с реальностями. Речь на самом деле идет о повышении уровня общественных ожиданий от способности федерального правительства действительно предоставить те блага, в чем <...> Рейган обвиняет ряд президентов»^{227}.

Понимая, что ему следует вести себя более осмотрительно, если он всерьез надеется получить партийную номинацию, Рейган 20 ноября выступил очень осторожно. Он неопределенно говорил о растущей

советской угрозе и даже о превосходстве СССР над Соединенными Штатами в новейших вооружениях, об ухудшении экономического положения в стране. О федеральном правительстве он говорил предельно обобщенно, почти не называя сенсационных цифр, которые должны были показать его крайнюю неэффективность (лишь в одном случае он сказал, что федеральное правительство, мол, поглощало 44 процента государственных доходов, но не пояснил, как распределялись эти проценты и какие именно органы он имел в виду под федеральным правительством^{[13]{228}}).

Непосредственно о Форде в речи не говорилось, лишь один раз был высказан намек на Белый дом: «По моему мнению, корень всех проблем находится как раз здесь — в Вашингтоне. Столица нашей страны стала местом «приятельской» системы, которая функционирует во имя собственного блага — все более нечувствительно к нуждам трудящихся Америки, которые поддерживают ее своими налогами». Многократно употреблялось понятие «творческий федерализм». Под ним теперь Рейган подразумевал нечто значительно более узкое, чем говорил раньше, а именно передачу некоторых секторов социальной помощи, в частности бесплатного лечения малоимущих, выдачу продовольственных талонов (их называли фудстемпами, то есть продуктами марками) руководству штатов и администрации населенных пунктов.

Аналитики Форда в свою очередь делали вывод: если бы такие мероприятия были осуществлены, это привело бы только к росту безработицы и углубило застой.

На следующий день после выступления Рейган начал свою первую агитационную поездку, посетив пять штатов восточного побережья, где его знали меньше всего и где обычно поддерживали демократических кандидатов. Поездка прошла без особого энтузиазма слушателей. Собрания не были многочисленными. Подчас кандидату задавали нелегкие вопросы, тогда он либо отвечал в самой общей форме, либо отделялся шутками.

Широко комментировались лишь два эпизода. Во время одного из выступлений Рейгана во Флориде на него был направлен пистолет. Он не испугался и продолжал говорить, когда полицейская охрана схватила злоумышленника, который оказался мелким хулиганом: пистолет был детской игрушкой. Об этом случае вскоре позабыли, но дольше обсуждалось заявление оратора (в ответ на соответствующий вопрос) в городе Шарлотт (Северная Каролина), что с сегрегацией в вооруженных силах США было покончено сразу же после героического поступка черного солдата в Пёрл-Харборе (об этом заявлении, но по другому поводу, уже

говорилось в начале книги).

В Архиве ФБР имеются также сведения, что во время кампании Рейгана в штате Аризона в местную полицию поступил анонимный звонок о готовившемся покушении на него в городе Таксон. Ничего, однако, не произошло. Расследование ФБР по этому делу не дало никаких результатов^{229}.

На первых встречах избиратели задавали вопросы по поводу экономии 90 миллиардов долларов в случае передачи части полномочий от центра штатам и населенным пунктам. Рейган умело уходил от ответа, вновь отделяясь общими заявлениями, что дело не в конкретных цифрах, что данные могут меняться и т. п. Постепенно, поняв, что цифра не основана ни на чем конкретном, задавать подобные вопросы перестали, и проблема потеряла свою актуальность.

Л. Кэннон с полным основанием пишет: «Тигр стоимостью в 90 миллиардов долларов превратился в ручного котенка в форме плана проверки взаимоотношений между федерацией, штатами и местными властями»^{230}.

Во всех выступлениях Рейган подчеркивал, что он никогда не был и не является членом вашингтонского истеблишмента, что он никак не связан с бюрократией и является всего лишь простым американским гражданином.

Основные удары он стремился нанести по существовавшей и действительно страдавшей многими недостатками системе социального обеспечения. Оратор отнюдь не предлагал полностью от нее отказаться — это было для политика немислимо, так как в основном пособия получали люди, которым была необходима государственная помощь. Рейган понимал, что требования не только отмены соцобеспечения, но и его существенного сокращения вызовут отпор большинства населения и похоронят его амбициозные планы. Он осознавал и жизненную необходимость социального обеспечения безработных, неимущих, стариков. Поэтому речь шла только о ликвидации злоупотреблений, что привело бы к существенному сокращению государственных расходов.

В нескольких выступлениях повторялась история о некой чикагской «королеве соцобеспечения». Эта дама якобы имела 80 различных имен, под которыми представляла перед государственными органами, 30 адресов, 12 карточек социального обеспечения и получала пособия, предназначенные для ветеранов, от имени четырех своих мужей, на самом деле уже умерших, не говоря уже о пособиях на ее настоящее имя. В результате ее чистый доход, не облагаемый никакими налогами, составлял 150 тысяч

долларов в месяц — огромная по тем временам сумма^{231}.

Долгое время вся эта история представлялась чистым вымыслом. Сравнительно недавно, однако, было установлено, что мошенница, выступавшая как «королева соцобеспечения», действительно существовала именно в этом городе. Она не была афроамериканкой, как намекал в своих выступлениях Рейган, а принадлежала к белой расе^{232}.

Как видим, Рейган не всегда обманывал, прибегая к примерам. Но и в этом случае он сильно преувеличил как источники доходов названной женщины, так и ее реальные прибыли.

За поездкой по восточным штатам последовали туры по центральным и, наконец, по западным регионам страны. Форд, в свою очередь, ездил по различным городам, правда, не столь активно, как Рейган.

Вначале казалось, что Форд более или менее опередит Рейгана. На первых праймериз в штатах Айова и Нью-Гемпшир (19 января и 24 февраля) Форд одержал победу, за которой последовал сокрушительный разгром Рейгана в важном штате Массачусетс (Рональд получил всего около 34 процентов голосов), победы во Флориде и Иллинойсе (в обоих этих штатах, правда, отставание Рейгана было сравнительно небольшим). В крупном восточном штате Пенсильвания Рейган оказался в ситуации просто унижительной — ему отдали голоса всего 5,4 процента избирателей, участвовавших в первичных выборах. В прессе появились сообщения, что он подумывает о том, чтобы снять свою кандидатуру.

Помощники докладывали Рональду, что целый ряд поражений привел к тому, что поступления в его избирательный фонд почти прекратились и в случае новых поражений кампания просто рухнет из-за отсутствия денег.

Однако победы в Северной Каролине, Техасе, Джорджии, Индиане, Алабаме, Небраске, то есть в штатах, где организации Республиканской партии традиционно стояли на преимущественно консервативных позициях, возвратили Рейгану оптимистический настрой, и он решил продолжить борьбу. Особенно важной была победа в крупнейшем южном штате Техас, где Рейган получил две трети голосов.

В значительной степени эти победы были связаны с тем, что Рейган обратил свою воинственную риторику на международные отношения, прежде всего — с СССР. Он стал вновь и вновь повторять версию, что США сильно отстают от СССР в области ядерного и ракетного оружия, что администрация Форда, продолжая политику разрядки, начатую предыдущими президентами, ведет ко все большему отставанию США от СССР в военном отношении.

В свое время президент Дж. Кеннеди выступил с утверждением о «ракетном отставании» США. Этим Кеннеди пытался оправдать перед американцами свое решение пойти на компромисс с СССР по вопросу о Кубе, ликвидировать кубинский кризис 1962 года. Однако в том же году министр обороны США Роберт Макнамара признал, что отставания США не существует.

Тем не менее в США были созданы и запущены в производство новые программы создания стратегических ракетных комплексов — межконтинентальные баллистические ракеты «Минитмен», ракетные системы морского базирования «Поларис» и «Посейдон». Это привело к тому, что от имевшегося в начале 1960-х годов паритета произошел переход к решающему военно-техническому преимуществу США^{233}.

Рейган следующим образом определил свою позицию по отношению к СССР в разговоре с сыном: «Я хочу выиграть номинацию и выиграть выборы, чтобы иметь возможность сесть за стол переговоров с генеральным секретарем Советского Союза. Я покажу ему, куда следует сесть, за какой стол, и я выберу кресла... А когда генеральный секретарь будет говорить мне, американскому президенту, что мы должны сделать, чтобы договориться с ним, я поднимусь со своего кресла, перейду на другую сторону стола, наклонюсь и прошепчу ему на ухо — «нет» (по-русски. — Г. Ч., Л. Д.). Я хочу стать первым президентом, который скажет «нет» Советам»^{234}. Заметим, что особого знания истории Рейган в этой тираде не проявил, зато она отличалась избытком самоуверенности.

Обращение к международной проблематике, преимущественно путем подчеркивания непосредственной опасности США со стороны СССР, вновь привлекло на сторону Рейгана значительную часть республиканцев. Простым американцам явно нравились заявления Рейгана, по сути совершенно пустые, но связывавшие глобальные международные проблемы с тем, что было близко фермерам, рабочим, мелким предпринимателям. «Разрядка — это нечто другое, чем то, что хочет получить фермер вместе с индейкой на День благодарения!»^{235} — провозглашал он, впрочем, повторяя более раннее высказывание известного журналиста Майкла Конноли.

Рейган буквально обрушился на Форда, узнав, что тот отказался встретиться с изгнанным из СССР писателем-диссидентом, лауреатом Нобелевской премии Александром Солженицыным. Впрочем, писатель вроде бы «отомстил» Рональду, когда тот стал президентом. Когда Рейган пригласил в Белый дом группу видных советских правозащитников,

находившихся на Западе, единственным, кто отказался приехать, был Солженицын. В ответном письме он написал, что он не диссидент, а русский писатель, который не считает для себя возможным беседовать с главой государства, чьи генералы разрабатывают идею уничтожения русского народа (откуда писатель это взял, непонятно). В то же время Солженицын пригласил Рейгана по истечении срока его полномочий приехать к нему в штат Вермонт, чтобы в спокойной обстановке побеседовать о судьбах обеих стран, и добавил, что президентскую должность в Америке одно лицо может занимать не более восьми лет, призвание же российского писателя пожизненно^{236}.

Неудача на выборах 1976 года

Ко времени национального съезда республиканцев в Канзас-Сити (штат Миссури), состоявшегося 16–19 августа, шансы обоих кандидатов были примерно равными. В значительной мере Форд переиграл Рейгана накануне и во время съезда тем, что избрал в качестве кандидата в вице-президенты влиятельного сенатора Роберта (Боба) Доула, известного своей умеренной, центристской позицией. Однако этот факт был обнародован в самый последний момент. В исторической и политологической литературе постоянно упоминается, что это был последний съезд одной из двух крупных партий, на котором продолжалась острая борьба между кандидатами. Ко времени же всех следующих партсъездов вопрос о номинанте был уже практически решен.

Действительно, съезд собрался в нервной обстановке, когда Форд и Рейган имели примерно равное число сторонников. Считалось, правда, что за Фордом следует чуть большее число делегатов, но сторонники Рейгана утверждали, что некоторые из тех, кто вроде бы поддерживал Форда, все еще колебались.

Оба соперника приехали в Канзас-Сити заблаговременно, чтобы «встречать» прибывающих делегатов и попытаться обеспечить себе их поддержку. Рейгана особенно энергично поддерживала группа делегатов из Техаса, которые называли себя «рейдерами Рейгана» и считали политику Форда, особенно в области международных отношений, неоправданно мягкой.

В качестве основных уступок Советскому Союзу назывались, во-первых, подписание заключительного акта международного совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (в нем помимо европейских стран

участвовали США и Канада), исходившего из принципа мирного сосуществования двух систем и нерушимости границ в Европе, сложившихся после Второй мировой войны (последнее воспринималось как согласие на господство СССР в Восточной Европе на вечные времена), во-вторых, отказ США прийти на помощь Южному Вьетнаму в связи с оккупацией его территории войсками северного, коммунистического Вьетнама (делегаты даже называли это предательством), что привело к захвату Сайгона войсками с Севера в апреле 1975 года и объединению Вьетнама под властью коммунистов.

Во время своей кампании Рейган неоднократно утверждал, что в области внешней политики Форд проявляет неслыханную слабость, соглашается на военное превосходство СССР и даже якобы председательствует при уходе Соединенных Штатов на второй план.

В свою очередь Форд в полной мере использовал свой президентский авторитет и власть для того, чтобы привлечь колеблющихся делегатов на свою сторону. Использованы были даже экскурсии делегатов на борт президентского самолета, фигурировавшего под номером один военно-воздушных сил США. Немалую роль сыграл руководитель аппарата Белого дома Дик Чейни, убеждавший делегатов, что Рейган — лишь второе издание Голдуотера, что он неминуемо проиграет выборы демократам, если будет выдвинут.

Сторонники Рейгана в свою очередь выступали с угрозами, что, в случае отказа выдвинуть их ставленника, в партии может произойти раскол и возникнет новая крупная партия консервативного толка. Влиятельная газета «Чикаго трибюн» писала во время съезда: «Консерваторы стремятся к созданию новой партии, которая будет образована, если Рейган проиграет»^[237].

Это, однако, были лишь фиктивные угрозы. Никаких намерений уходить из Республиканской партии у Рейгана не было. Он действительно продолжал оставаться на правом крыле партии, но стремился сохранить ее единство, понимая, что образование новой политической организации почти неизбежно приведет к тому, что он окажется маргиналом и вообще сойдет с арены общественного соперничества.

Тем временем на съезде разыгрывались открытые и закулисные баталии, в значительной степени связанные с проблемой вице-президентства. Сама по себе должность вице-президента была, согласно американскому законодательству и традициям, маловлиятельной: он председательствовал в сенате (но имел право голосовать только в том случае, если возникала такая ситуация, что от его голоса зависело принятие

решения). В остальном он являлся просто помощником президента, выполнявшим его поручения.

Однако роль вице-президента становилась совершенно иной в случае возникновения чрезвычайного положения: если президент умирал, досрочно уходил в отставку или оказывался по тем или иным причинам неспособным выполнять свои обязанности. А в предыдущие двадцать с лишним лет такая ситуация возникала неоднократно: в 1945 году, когда внезапно умер Ф. Рузвельт и высший пост занял вице-президент Г. Трумэн; во время президентства Д. Эйзенхауэра, когда Р. Никсон дважды замещал президента во время его тяжелой болезни; когда погиб Дж. Кеннеди; наконец, когда сам Никсон ушел в отставку под угрозой импичмента и президентом стал Дж. Форд.

Так как Форд уже определил своего спутника по выборам, но официально об этом не объявлял, Рейган решил разыграть карту, которую считал козырной. Он объявил, что в случае выдвижения на президентский пост изберет в качестве кандидата в вице-президенты сенатора от Пенсильвании Ричарда Швейкера, который считался либералом (напомним, что во время первичных выборов почти все пенсильванские республиканцы голосовали против Рейгана). К тому же у Швейкера были прочные связи с профсоюзами квалифицированных рабочих, и Рейган рассчитывал на этом сыграть. Этот жест привлек на сторону Рейгана часть партийных центристов, но в то же время вызвал гнев крайних консерваторов. Сенатор Джесси Хелмс, который перед этим поддерживал Рейгана, даже призвал отказаться от его кандидатуры и предложил в качестве номинанта другого сенатора — представителя Нью-Йорка Джеймса Бакли.

Продолжая попытку обыграть Форда при почти равном числе поддерживавших их делегатов, Рейган по подсказке советников потребовал, чтобы Форд объявил наконец своего кандидата в вице-президенты, полагая, что официальное выдвижение Р. Доула внесет растерянность в стан противников, ибо последний, будучи весьма авторитетным политическим деятелем, по ряду вопросов был близок к правому партийному крылу.

Форд ответил обвинениями в адрес Рейгана, назвав его попытки изменить партийное правило, согласно которому фамилия кандидата в вице-президенты называется после выдвижения главного претендента, «кампанией нищенствующих»^{238}.

Этот взаимный обмен нападками продолжался вплоть до момента голосования 18 августа, в результате которого Форд победил в первом же туре, лишь незначительно опередив Рейгана. За действовавшего президента было подано 1187 голосов (52,5 процента), за Рейгана — 1070 (47,4

процента). Один делегат голосовал за случайного кандидата^{239}.

Хотя Форд победил незначительным большинством голосов, это была бесспорная победа, с которой Рейган не мог не считаться. Что ему оставалось делать? Он избрал совершенно беспроблемную линию — произнес якобы импровизированную речь (она была написана заранее, в предчувствии отрицательного результата голосования, и накануне Рональд репетировал ее).

Речь, с которой он выступил сразу после того, как Форд объявил, что он с благодарностью принимает номинацию, действительно была эмоциональной и производила впечатление искренности. Тут уж ничего не поделаешь: даже тогда, когда профессиональный актер говорит искренние слова, невольно создается впечатление игры. В любом случае все сказанное Рейганом свидетельствовало, что за последние годы и особенно за последние месяцы он многому научился.

Существует мнение, что до самого момента голосования Рейган надеялся, что выберут именно его. Он готовился к такому событию и со своими помощниками написал эмоциональную речь на этот торжественный случай. Теперь же, когда был выдвинут соперник^ Рональд, по оценке ряда делегатов съезда, превратил ее в слова поддержки другого кандидата, точнее, даже не его самого, а утвержденной съездом предвыборной платформы^{240}. Представляется, однако, что такой поворот не был возможен, что Рональд заранее подготовил два варианта речи — победный и с признанием поражения.

Выступления кандидатов, потерпевших поражение, не были в традиции республиканцев. Подняться на трибуну Рейгана попросил Форд, который, видимо, надеялся, что соперник, не готовый к выступлению, еще более потеряет свой авторитет. Однако президент ошибся: речь Рейгана показалась слушателям настолько яркой, что некоторые из них выражали сожаление, что проголосовали «не за того» кандидата. Позже Рейган назвал это выступление «Сияющий город на холме»^{241}, хотя в тексте речи такое сравнение было сделано лишь мимоходом.

Центральным моментом выступления были слова о том, что будет представлять собой Америка через 100 лет, точнее, как американцы того далекого времени отнесутся к своим предкам. Имея в виду одобренную съездом партийную платформу, которую Форд в случае победы на выборах должен был выполнять, Рейган поведал о людях конца XXI века. Им предстояло повторять: «Мы благодарим Господа за тех людей в 1976 году, которые предотвратили потерю нами свободы; кто сохранял эту свободу на

протяжении следующих ста лет; кто уберег наш мир от ядерного разрушения». Оратор продолжал: «Сохранят ли американцы [через столетие] свои свободы, зависит от нас, от того, что мы делаем».

Мало кто заметил тогда, что в этом кратком выступлении Рейган в общей оценке международного положения и перспектив внешней политики своей страны перешел от лозунга разрушения противостоящей системы к выражению тревоги по поводу угрозы ядерного разрушения. Никто не мог предположить, что этот тезис станет одним из ключевых в международной деятельности будущего президента Соединенных Штатов.

На следующий день Рейган объявил о прекращении работы его штаба, размещенного в отеле «Аламеда плаза», поблагодарил своих советников и сотрудников. Некоторые из них с крайней неохотой расставались с рекламными футболками, на которых красовался портрет Рейгана или была его фамилия. Они плакали, полагая, что их шеф навсегда прощается с политикой. Рональд, однако, развеял их сомнения, заявив: «Мы проиграли, но дело, наше дело продолжается». И затем произнес четыре строки из старой английской баллады (ее автор неизвестен, она считается народной, хотя некоторые приписывают ее авторство британскому поэту XVII века Джону Драйдену). Рейган помнил эту балладу с детства:

*I'll lay me down and bleed a while;
Although I am wounded,
I am not slain.
I shall rise and fight again.*

*Я ранен. Кровь... Немного отдохну,
Но как тут полежишь, когда война?
Раз не убит, боец стремится на войну
Всегда, когда не грош ему цена^[14].*

Поражение на республиканском съезде оказалось, как это ни парадоксально звучит, исключительной удачей для Рейгана с точки зрения последующего хода событий. В 1976 году в результате уотергейтского скандала, помилования Никсона, фактического поражения США во вьетнамской войне Республиканская партия потеряла доверие. За месяцы до ноябрьских выборов 1976 года подавляющее большинство наблюдателей предрекало ей поражение в борьбе за пост президента независимо от того, какого кандидата она выдвинет. Положение не изменилось и после

партийных съездов.

Правда, Демократическая партия выдвинула своим кандидатом в президенты Джимми Картера — человека почти неизвестного в национальном масштабе. Перед этим он был членом сената штата Джорджия и последние четыре года (1971–1975) являлся губернатором этого штата. Картер занимал средние, примирительные позиции между либеральными демократами Севера и так называемыми диксикратами — консерваторами Юга. В Демократической партии были деятели значительно более известные, чем Картер, отличавшиеся несравненно более яркими публикациями и выступлениями. Однако все они или непосредственно принадлежали к вашингтонскому истеблишменту, или были с ним тесно связаны. Недоверие к столичной бюрократии перекинулось от республиканцев к демократам. Это и привело к тому, что большинство участников съезда поддержали Картера, выглядевшего как «серая мышка».

Ко времени съезда, состоявшегося в Нью-Йорке 12–15 июля 1976 года, в Демократической партии возникло движение «АВС», которое расшифровывалось как «Anybody but Carter» («Кто угодно, кроме Картера»). Но участвовали в нем только северные либералы, возникло движение слишком поздно, чтобы охватить всю страну, и протестовало против Картера только на том основании, что он представлял один из южных штатов. Повести съезд за собой это движение оказалось не в силах.

Хотя демократы и выдвинули на высокий государственный пост второстепенную фигуру, ей благоприятствовал весь комплекс предыдущих событий. За недели перед выборами Форд и его команда оказались не в состоянии изменить ситуацию в свою пользу несмотря на то, что проводили свою кампанию несравненно более энергично, чем Картер. На протяжении последних двух месяцев перед выборами (они состоялись 2 ноября) Демократическая партия, прежде всего по вине пассивного Картера и его аппарата, неуклонно теряла тот огромный перевес в опросах общественного мнения, который первоначально существовал. Выборы дали почти ничейный результат. За Картера подали голоса 50,1 процента избирателей (он получил 297 выборщиков), за Форда — 48 процентов (249 выборщиков). Около двух процентов голосовали за других кандидатов. В числе прочих оказался и Рейган, которого вписывали в бюллетени в родной Калифорнии.

В результате оказалось, что вопреки всей предыдущей практике американских косвенных выборов один из членов коллегии выборщиков не проголосовал ни за одного из официальных кандидатов двух ведущих

партий. В связи с этим по всей стране о Рейгане вспоминали как о деятеле, имя которого связано с нарушением американской традиции, что в какой-то степени сыграло ему на руку.

Можно полагать, что в том случае, если бы Рейган был выдвинут кандидатом в президенты, он скорее всего проиграл бы Картеру, что крайне затруднило бы его дальнейшую политическую карьеру. В реально сложившихся условиях он воспользовался, по существу дела, провальным президентством Картера для реабилитации Республиканской партии в глазах массы избирателей, для собственного политического авторитета, что позволило ему успешно выступить на следующих выборах.

Так неудача в кампании 1976 года оказалась стимулом к дальнейшему восхождению на политическую вершину.

Глава 7

ПРОВАЛЫ КАРТЕРА И ВЫБОРЫ 1980 ГОДА

Неудачи демократов и Рейган

Президентство Картера вначале не было однозначным. Казалось, что он приступает к исполнению демократических обещаний, которые в изобилии преподносились публике во время предвыборной кампании. Были продолжены начатые ранее переговоры с СССР об ограничении стратегических вооружений и выработан соответствующий договор ОСВ-2, подписанный Картером и Л. И. Брежневым в Вене 18 июня 1979 года.

Однако через полгода после этого СССР ввел свои войска в Афганистан, что было расценено во всем западном мире как откровенное вмешательство в дела другой страны. Тот факт, что эти действия были проявлением глобальной внешнеполитической стратегии, в которой СССР был силой, противостоявшей США, также ведущим политику с позиции силы, при этом игнорировался. Ответом правительства США было оглашение намерения начать широкомасштабное финансирование афганских антикоммунистических вооруженных формирований экстремистского мусульманского толка^{242}.

В результате сенат США отказался от ратификации договора с СССР и договор не вступил в силу.

В конце 1970-х годов началась новая волна обострения международной напряженности, которая обосновывалась президентом США как борьба за демократию во всем мире, против коммунистической угрозы, а в СССР официально трактовалась как агрессивная внешняя политика американского империализма, диктуемая военно-промышленным комплексом США. В идейно-политическом отношении советская внешнеполитическая позиция была несравненно более уязвима. В то же время предыдущие переговоры Картера с Брежневым и подписание ими договора ОСВ-2 оценивались большинством американских наблюдателей (прежде всего республиканцами, но также и рядом демократов) как беспринципная уступка коммунизму.

Пытаясь сохранить репутацию, Картер в 1980 году, в конце своего президентства, выдвинул «новую ядерную стратегию», которая не исключала возможности длительной ядерной войны, используя ядерно-ракетное преимущество США, которое после долгих лет отрицания было наконец признано. Предусматривалось нанесение ударов в первую очередь по ядерным объектам СССР, чтобы в случае необходимости произвести затем новые удары по крупным городам^{243}.

К новой стратегии в самих Соединенных Штатах относились с недоверием, имея в виду многочисленные заявления Картера о недопустимости ядерной войны. Ситуация продолжала обостряться в результате уничтожения советскими силами нескольких американских разведывательных самолетов, то ли действительно нарушивших воздушное пространство СССР, то ли оказавшихся поблизости от соответствующей линии. США и некоторые другие страны Запада бойкотировали летние Олимпийские игры 1980 года в Москве.

Именно во время президентства Картера США потерпели еще одну внешнеполитическую неудачу: произошла так называемая «исламская революция» в Иране, в результате которой был свергнут лояльный к западным державам шах Мохаммед Реза Пехлеви, в стране возник террористический средневековый режим, а новый фактический диктатор Ирана аятолла Хомейни объявил Америку «большим дьяволом». Более того, в 1979 году американское посольство в Тегеране было захвачено мусульманскими фанатиками, его сотрудники стали заложниками, а попытка освободить их военной силой окончилась полным провалом.

В прямом противоречии с предыдущими декларациями, но учитывая новые реалии, связанные с событиями в Иране, Картер в январе 1980 года объявил район Персидского залива зоной интересов США, где он был готов в случае необходимости применить вооруженные силы. Это заявление стали именовать «доктриной Картера», хотя носило оно частный и недолговечный характер^{244}.

Неудачи преследовали Картера и в Центральной Америке, в частности в Никарагуа, где после свержения диктатора Анастасио Сомосы к власти пришли левые силы, инспирируемые коммунистическими властями Кубы во главе с Ф. Кастро, хотя и не следовавшие коммунистическим принципам, остававшиеся на позициях общедемократических.

В области внутренней политики Картер по некоторым вопросам фактически следовал рекомендациям Рейгана, разумеется, не признавая этого факта. Он провел весьма ограниченное и частичное снижение

налогов. Попытка же отказаться от государственного регулирования в ряде отраслей дала ничтожные результаты: удалось провести соответствующие мероприятия, и то частично, только по отношению к авиаперевозкам и производству пива. Разумеется, эти «дерегуляционные акты» были несоизмеримы^[245].

Другие обещанные внутренние мероприятия (введение единой системы социального обеспечения, снижение стоимости лечения, реорганизация федерального аппарата, создание «открытого правительства» и пр.) остались на уровне деклараций, причем часто без разъяснения, в чем конкретно заключался их смысл.

Падению авторитета Картера способствовало случайное событие, непродуманно рассказанное им представителям прессы и затем издевательски раздутое враждебными Картеру силами. Случай получил название «инцидента с кроликом». Произошло следующее. Когда Картер отдыхал в родном городе Плейнс в августе 1979 года и отправился на лодке на рыбалку, к нему подплыл зверек, которого называют морской кролик (он обычно водится в болотах). Президенту показалось, что животное на него нападает, что это опасный хищник. Он несколько раз отгонял его веслом, чем, собственно, и завершилась вся эта история.

Однако, когда пресс-секретарь Белого дома Д. Пауэлл сообщил об этом прессе, у журналистов создалось впечатление, что Картер сильно испугался животного, счел его бешеным, удрал от него и т. д. В печати появились сатирические намеки, карикатуры и прочие подобные материалы. Газета «Вашингтон пост» опубликовала передовую статью под заголовком «Банни становится Багсом: Президент атакован кроликом»^[15]. От частного случая пресса переходила к обобщениям, называя Картера беспомощным и слабым политиком. Композитор и певец Том Пэкстон даже сочинил на эту тему язвительную песенку^[246]. Тот факт, что подобная мелочь комментировалась с таким шумом, был весьма показателен для характеристики итогов президентства Картера.

В условиях, когда все большее число американцев, голосовавших за Картера, разочаровывалось в практических результатах его политики, Рейган не только сохранял, но и расширял свое влияние. После выборов 1976 года он стал рассматриваться повсеместно в США и за рубежом как реальный лидер Республиканской партии, хотя официально такого поста не существовало.

Рональд отказался от предложения вести ежедневные политические комментарии на крупном телеканале Си-би-эс, заявив, явно заигрывая с

массами, что его лицо надоело телезрителям во время избирательной кампании. Вместо этого он возобновил сотрудничество с ведущими радиоккомпаниями, для которых уже начал писать комментарии непосредственно после того, как покинул столицу Калифорнии Сакраменто. Это было выгодно в материальном отношении и обеспечивало широкую аудиторию, так как радиоканалы были синдицированы между собой и с рядом газет, в которых затем публиковались тексты передач. Соответственно и гонорары были высокими.

Правда, в первые месяцы после избрания Картера ряд комментаторов высказывали предположение, что Рейган слишком стар, чтобы вновь включиться в активную политическую борьбу (ему пошел шестьдесят шестой год), что по американским законам он уже превысил пенсионный возраст (65 лет). Но уже первые материалы, переданные по радио и опубликованные в печати, показали, что к ним проявляет интерес самая широкая аудитория. По подсчетам биографа, тексты Рональда передавались по 286 радиостанциям и публиковались в 226 газетах, охватывая аудиторию примерно в 20 миллионов человек^{247}. Он уловил разницу между выступлением по телевидению, когда зрители видят лицо и манеры выступающего, и по радио, когда текст передается при помощи голоса. Об этом он позже неоднократно говорил своим сотрудникам. Рассказывал об этом, в частности, государственный секретарь Джордж Шульц^{248}.

Да и сам Рональд, безусловно, вспоминал свои радиодебюты в молодости и стремился использовать и совершенствовать свой опыт.

Анализ статей и комментариев Рейгана этого периода показывает, что его тяга к самообразованию, к развитию собственного интеллектуального потенциала оставалась высокой, несмотря на солидный возраст. Его статьи отнюдь не носили характера научных исследований, не базировались на разнообразных источниках, а опирались в основном на текущую прессу, в основном центральную, но подчас и местную. Они не содержали глубокого и разностороннего анализа и в то же время показывали стремление автора к выявлению фактов, его отказ от придуманных примеров, чем он ранее неоднократно грешил. Но главное — Рейган проявлял себя как сторонник сплочения республиканцев на базе умеренно консервативной платформы, все более отказываясь от наследия Голдуотера.

Он, однако, сохранял воинственную позицию и риторику, когда писал, например, что «правительство должно наконец закрыть свои двери; если все бюрократы уберутся через мраморные вестибюли, граждане этой страны будут совсем недолго скучать по ним и даже, возможно, не заметят,

что они ушли»^{249}.

Политологические штудии

В характеристике СССР и американско-советских отношений у Рейгана наблюдалась странная смесь старых представлений, навеянных отчасти мотивами холодной войны, беллетристикой и фильмами не очень высокого уровня, и стремлением разобраться в том, что действительно происходит в далекой огромной стране и существуют ли перспективы нового смягчения напряженности в двусторонних отношениях.

В одной из статей появилась «страшилка», явно заимствованная из кинофильмов о Брассе Бэнкрофте, в которых он сам когда-то играл. Рейган писал, что у СССР существует некое лазерное оружие, которое способно уничтожить любую воздушную цель, и что США должны сосредоточить усилия на том, чтобы создать такое же оружие и этим предотвратить собственную гибель^{250}.

Возможно, в каком-то низкопробном источнике Рональд обнаружил «цитату» из «Николая» Ленина (об установлении подлинного имени персонажа он не позаботился) по поводу того, что не важно, мол, если исчезнет три четверти человечества, зато оставшаяся четверть будет жить при коммунизме. Но скорее всего Рейган в данном случае перепутал Ленина с Мао Цзэдуном, который действительно говорил нечто подобное. Любопытно, что в мемориальной Библиотеке Рейгана эта цитата «из Ленина» приведена на одном из центральных стендов. Она же приводится крайними консерваторами в Интернете как одно из важнейших высказываний Рейгана^{251}.

Рональд не раз повторял, что ему известны некие «десять заповедей» Ленина, суть которых состоит в скорейшем низвержении мирового капитализма и установлении советской власти на всем земном шаре. Разумеется, такие «заповеди» не существовали, а сам Рейган в беседе с советским послом А. Ф. Добрыниным признался, что прочитал о них в какой-то из калифорнийских газет, названия которой не запомнил!^{252}

В то же время в статьях и заметках Рейгана, когда он писал о будущем того, что он называл социалистической системой, и о Советском Союзе, слышались, вначале очень слабо, а затем сильнее, и другие нотки. Он высказывал надежду, что неестественная, не соответствующая ни экономическим законам, ни моральным нормам система эволюционно

изменится в результате внутренних процессов или попросту рухнет, уступив место чему-то другому, что Рейган и не пытался описать: «Они увидят заблуждения, свойственные их пути развития, и откажутся от своих целей» или же «их система рухнет»^{253}.

С молодых лет Рональд любил слушать и рассказывать анекдоты. Теперь же, став видным политическим деятелем, он с интересом прислушивался к внутреннему содержанию и даже намекам, как он полагал, содержавшимся в советских политических анекдотах. Неизвестно, тогда или позже Рейган познакомился с коллекцией анекдотов, которую собирали диссиденты С. А. Тиктин и Д. М. Штурман. Почти через десять лет, когда Рейган уже был президентом, в Лондоне был выпущен их большой труд на эту тему, к которому Рейган написал краткое предисловие в форме письма к составителям^{254}.

Но Рональд знал и пытался толковать советские политические анекдоты уже в радио-и газетных комментариях второй половины 1970-х годов. Подчас он сильно преувеличивал их значение, считая проявлением более широкого внутреннего оппозиционного движения, чем они являлись на самом деле. Он, например, приводил анекдот, в котором рассказывалось, как некий «комиссар», приехав в колхоз наблюдать за сбором урожая, спрашивает крестьянина, как идут дела. Тот отвечает: «Если бы мы собрали весь картофель, его гора поднялась бы до Бога!» Комиссар отвечает: «Мы живем в Советском Союзе, и здесь нет Бога», на что следует реплика колхозника: «Пускай, но здесь нет и картофеля!» В этом элементарном, не очень остроумном анекдоте Рейган без каких бы то ни было оснований увидел крестьянскую оппозицию против коммунистической власти в СССР^{255}. Другой анекдот звучал не столь обнадеживающе. В нем говорилось, что трем собакам — американской, польской и советской — сказали, что они должны погавкать и за это получают мясо. Американская собака погавкала и получила мясо, польская собака спросила: «Что такое мясо?», а советская: «Что такое гавкать?» Когда Рейган рассказывал американской публике подобные анекдоты, зал содрогался от хохота, а авторитет оратора значительно повышался.

Рейган не мог не знать о возникшем в СССР диссидентском движении, но искал исходные моменты этого движения не там, где они реально существовали, а в анекдотах, которые обычно рассказывали на кухнях те, кто к диссидентству никакого отношения не имел. С их помощью просто выпускался пар, и начиная с хрущевских времен за них почти не преследовали или, точнее, преследовали только тогда, когда антисоветские

анекдоты было удобно пристегнуть к более весомым обвинениям.

Из публикаций Рейгана этого периода видно, что, сравнивая опыт СССР и других стран, он начинал понимать различие между понятиями тоталитаризма и авторитаризма. Впрочем, и то и другое понятие он, как и большинство тогдашних политологов, относил к характеру режимов, не учитывая, что авторитаризм действительно представляет собой диктаторский политический режим одного лица или группы лиц, тоталитаризм же — это социально-экономическая, политическая, идеологическая система, одним из компонентов которой является авторитарная власть. Последняя, однако, может существовать и вне тоталитаризма.

Рейган знакомился с идеями неоконсерватизма, который получил более или менее четкое оформление в первой половине 1970-х годов благодаря публикациям Ирвинга Кристопа, Дэниэла Белла, Джейн Киркпатрик в журналах «Комментари», «Энкаунтер» и других, которые печатали и материалы самого Рейгана. На него особое впечатление произвела статья Джейн Киркпатрик «Диктатуры и двойные стандарты»^[256], в которой впервые более или менее вразумительно была проведена разграничительная линия между тоталитаризмом и авторитаризмом. Киркпатрик относила коммунистические «режимы» (именно режимы, а не системы, что было бы намного точнее) к самым худшим режимам, существующим в мире, и считала, что они обречены на загнивание и гибель в неопределенном будущем, так как основаны на грубых нарушениях человеческой природы, естественных потребностей и желаний людей.

Рейган познакомился с Киркпатрик. Поняв, что их взгляды близки, он включил ее в свой «кухонный кабинет», а позже, став главой государства, назначил ее на высокий пост постоянного представителя США в ООН.

Рональд многое почерпнул и из политологических статей других неоконсерваторов. Он соглашался с ними в том, что характер внутренней политики каждого государства оказывает мощное воздействие на его внешнюю политику, что существуют принципы, которыми ни в коем случае нельзя жертвовать в международных переговорах. Он выражал согласие с их установкой, что следует осудить мнение «прагматиков», которые выражали готовность «торговать с людоедами», если считали это выгодным. Ему были близки позиции неоконсерваторов относительно необходимости использовать мощь США в «нравственных целях» (при этом отвергалась относительность понятия нравственности и последняя сводилась только к тому, что считали моральным представители взглядов,

сходных с его собственными).

Как единственная супермощная держава, считал Рейган вместе с неоконсерваторами, США несут ответственность за состояние дел в мире, имеют право вмешиваться в дела того или иного региона, если там нарушены «моральные принципы». К числу главных моральных принципов были отнесены уважение демократии, приверженность рыночной экономике, соблюдение «свободы» (последняя понималась по-разному у различных неоконсервативных авторов, но большинство из них связывали с этим понятием государственную независимость страны и суверенность ее населения). По существу дела, неоконсерваторы присваивали своей стране роль мирового жандарма, высказывали недоверие к проектам социального планирования, считали необходимым вести пропаганду патриотизма и милитаристских ценностей среди гражданского населения, «единение народа и армии»^[257].

Проблема выживания в ядерный век

И все же, подобно тем, кто разработал основные понятия неоконсерватизма, Рейган уделял основное внимание внешней политике, а в ее пределах — проблеме ядерного соперничества и в связи с этим — советско-американским отношениям.

В своих статьях Рейган критически высказывался о концепции «взаимного гарантированного уничтожения» в том случае, если будет применено ядерное оружие. Он писал, что эта концепция напоминает ему «двух ковбоев, стоящих друг против друга в кабаке, направив пистолеты в головы друг друга». Такое состояние не может продолжаться вечно, полагал он. Но дать ответ на вопрос, как следует поступить: выступить инициатором новых переговоров по ядерному оружию, готовиться к войне на уничтожение или же придумать что-то еще, он пока не был в состоянии.

В конце июля 1979 года Рональд посетил штаб-квартиру Североамериканского аэрокосмического оборонного командования. Во время визита ему в цифрах и фактах разъяснили, что другого способа «ответить» на советский ядерный удар, кроме нанесения превентивного удара, не существует. В присутствии Рейгана был проведен эксперимент: американские радары засекли приближение «советских ракет» (разумеется, некоего их искусственного варианта), но были не в состоянии предотвратить их полет. Рональд покинул штаб-квартиру в городе Чейен-Маунтин (штат Колорадо) в удрученном состоянии, убедившись, что, если

он будет избран президентом, у него не останется другого выбора, кроме как «нажать кнопку»^{258}.

Рейган сетовал: «Мы потратили такие деньги и создали такое великолепное оборудование и ничего не можем сделать, чтобы предотвратить удар ядерных ракет прямо по нашим головам». И все же мысли о том, чтобы найти какой-то другой, более благоприятный для его страны и всего мира вариант решения ядерной проблемы, причем с одновременным ослаблением СССР и гарантиями, что США не подвергнутся ядерному удару, его не оставляли.

Именно после этого визита помощник Рейгана Мартин Андерсон в разговоре со своим шефом высказал мысль, что, возможно, уже существуют или могут быть найдены способы создания противоракетных систем нового типа, которые были бы способны перехватывать и уничтожать межконтинентальные баллистические ракеты.

К этому времени Андерсон, который формально не входил в «кухонный кабинет», но пользовался у Рейгана все большим доверием, фактически стал его главным советником. Экономист по образованию и «креативщик» по призванию, раньше он являлся помощником президента Никсона, был фактическим автором идеи отказа США от обязательной воинской повинности и введения добровольной контрактной военной службы, привлек в администрацию в качестве советников ряд видных политиков и хозяйственников, в том числе знаменитого Алана Гринспена, который позже возглавил финансовую службу США.

Мысль Андерсона не была такой уж новой. К этому времени существовали более или менее надежные противоракетные системы (их называли зонтичными системами). Еще в 1963 году в США были начаты работы по программе «Сентинел» («Часовой»), которая по замыслу ее создателей должна была обеспечить защиту значительной части сухопутной территории страны от возможного нанесения ядерного удара. Система состояла из комплексов ракет-перехватчиков на дальних и ближних рубежах и соответствующих вычислительных систем. Но вскоре стали осознаваться трудности, связанные с реализацией этой программы, вполне возможные ошибки, которые могли привести к роковому исходу. Аналогичные работы велись и в СССР, где ученые, конструкторы и администраторы также стали понимать огромные трудности, стоявшие перед ними^{259}.

Главные проблемы состояли в том, что развертывание противоракет могло быть воспринято потенциальным противником как начало ядерной

войны, что эта программа была крайне дорогостоящей и не вполне надежной, что требовалось огромное количество систем и подсистем, размещенных на территории таких государств, как США или СССР, что не исключались взрывы противоракет над собственной территорией. Наконец, с политической точки зрения считалось, что развитие комплекса противоракет поставит под угрозу концепцию ядерного сдерживания, будет способствовать разрушению тех предварительных договоренностей и даже договоров, которые существовали между США и СССР.

В результате 26 мая 1972 года между СССР и США был подписан договор об ограничении систем противоракетной обороны. В соответствии с ним оба государства обязались ограничить свои системы противоракетной обороны лишь двумя комплексами в районе столицы и в другом месте по выбору правительства соответствующей страны (с уведомлением второй стороны о его местонахождении) с числом противоракет не более ста. Позже было договорено, что второй комплекс должен быть размещен в районе государственной границы.

Было очевидно, что достигнутое соглашение носит временный характер, что гонка вооружений, прежде всего ядерно-космических, будет продолжаться. Рейган неустанно размышлял, как в этих условиях должно вести себя руководство его страны, но, как и эксперты в данной области, никакого ответа пока не находил.

К самому же договору об ограничении противоракетных систем он относился скептически. С беспорным цинизмом он часто упоминал книгу Лоренса Бейленсона «Ловушка договора», в которой проводилась мысль, что государства соблюдают подписанные ими договоры только до той поры, пока последние соответствуют их интересам (как их понимают стоящие у власти правительства), что договоры о мирных отношениях никогда не ведут к миру^{260}.

Обращение к выводам Бейленсона во многом было связано с тем, что с этим человеком Рейган поддерживал товарищеские отношения в течение многих лет и считал его первоклассным аналитиком. Окончив Гарвардский университет и став адвокатом, Бейленсон служил юридическим представителем актерской гильдии в то время, когда ею руководил Рейган. Позже он стал личным адвокатом Рейгана и выиграл ряд дел, в которых тот был заинтересован. Рейган также ценил и рекомендовал своим знакомым и другим политикам вышедшую позже книгу Бейленсона «Выживание и мир в ядерный век»^{261}. Вскоре после этого, уже став президентом, Рейган не удержался и в выступлении в Военной академии в Вест-Пойнте,

процитировав обе книги Бейленсона, заключил: «Становится ясным, что никакая нация не может полностью доверять клочку бумаги, отказываясь в то же время от мощного оборонительного оружия»^{262}.

Время президентства Джимми Картера быстро подошло к концу. К началу 1980 года стало ясно, что Демократическая партия утратила свою привлекательность в глазах массы избирателей ничуть не меньше, чем перед предыдущими выборами партия республиканцев.

Кризис доверия Картеру

и разворачивание кампании

Фактически предвыборная кампания началась примерно за полтора года до выборов, уже в середине 1979 года.

К этому времени крайнее недовольство политикой Картера стало проникать и в высшую номенклатуру Демократической партии. Его упрекали в том, что, став президентом как признанный либерал, он все больше идет на уступки консерваторам во внутренней политике, а во внешней все дальше отходит от традиционной для демократов поддержки стабильности, в частности на Ближнем Востоке, где арабские фундаменталистско-мусульманские режимы не оставляли попыток стереть с лица земли единственную опору западной либеральной цивилизации в этом регионе — Израиль. Симпатии Картера все больше тяготели к мусульманским режимам, что было очевидно для серьезных наблюдателей.

На конференции демократов в Мемфисе в начале декабря 1978 года в ход была пущена тяжелая артиллерия: против Картера выступил сенатор Эдвард Кеннеди — родной брат президента Джона Кеннеди и кандидата в президенты Роберта Кеннеди. Эдвард Кеннеди после недолгих колебаний решил включиться в президентскую гонку.

Шли споры по поводу медицинского обслуживания населения. После конференции Кеннеди выдвинул новый план медицинского страхования, который привел бы к увеличению расходов государственной администрации не менее чем на 12 миллиардов долларов, что многими экспертами считалось непосильным для казны^{263}.

Другим направлением для атаки против Картера была избрана энергетическая отрасль.

Связано это было с тем, что во второй половине 1970-х годов

проблемы энергетики периодически обострялись. Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК) регулировала добычу нефти, чтобы не допустить снижения мировых цен на нее, и в ряде случаев использовала нефть и углеводородные продукты как грозное оружие давления. США, не привыкшие к такому положению и оказывавшие решающее влияние на мировые хозяйственные дела за пределами советской сферы господства, реагировали на внешний энергетический нажим болезненно. Летом 1979 года Картер обнародовал свою энергетическую программу, рассчитанную на десять лет, которая предусматривала понижение вдвое энергозависимости страны от внешнего рынка за счет огромных капиталовложений — до 140 миллиардов долларов^{264}. Э. Кеннеди выдвинул свой план развития энергетики, который за те же десять лет предусматривал достижение примерно таких же результатов, но при вдвое меньших затратах^{265}.

Дальнейший ход событий показал, что оба плана носили утопический характер. Дискуссии же по поводу зависимости США от ОПЕК продолжались.

Перед выборами демократы выдвинули в качестве двух главных кандидатов Картера и Эдварда Кеннеди. На первичных выборах в большинстве штатов победу одержал Картер. Против Кеннеди был использован сравнительно давний (произошел он 11 лет назад) инцидент, когда при странных обстоятельствах в неглубокой реке утонула его спутница и любовница, а он почему-то не оказал ей помощь^{266}.

На национальном съезде демократов кандидатом в президенты был выдвинут Картер, авторитет которого продолжал падать на протяжении года выборов^{267}.

Над страной как зловещая тень висела судьба заложников, захваченных в Тегеране исламскими экстремистами в посольстве США с фактического одобрения правивших кругов этой страны. Неспособность американских властей решить проблему ни переговорами, ни насильственным путем воспринималась во все большей степени как признак неспособности Картера руководить государственными делами. Многие американцы, отвечая на соответствующие вопросы во время исследования общественного мнения, высказывали уверенность, что у него просто отсутствуют способности руководить государством^{268}.

Такая ситуация в значительной степени облегчала положение Республиканской партии. Учитывая это, Рональд Рейган объявил о своем вступлении в борьбу за президентский пост 13 ноября 1979 года, причем

сделал это в весьма торжественной обстановке в знаменитом нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория», расположенном в центре Манхэттена.

Однако Рейган был не единственным кандидатом республиканцев. В первой половине 1980 года, когда обе партии проводили первичные выборы, то есть определяли, кто из претендентов действительно станет кандидатом, помимо Рейгана (он с самого начала считался наиболее перспективным) о своем выдвижении первоначально объявили еще десять кандидатов. Почти все они сошли с дистанции уже в первые месяцы. Серьезным соперником оставался бывший директор ЦРУ и член палаты представителей от штата Техас Джордж Буш (тогда он был просто Буш, таковым оставался и позже, когда сменил Рейгана на посту президента, и только после того, как его сын, также Джордж, в 2000 году был избран президентом США, отца стали называть Буш-старший). На первичных выборах Буш победил в важных штатах Пенсильвания и Мичиган, и с этим приходилось считаться.

Рейган проводил кампанию прежде всего под лозунгом сплочения Республиканской партии, в которой шли ожесточенные внутренние споры между либеральным крылом и неоконсерваторами. Первоначально он предполагал следовать неоконсервативному курсу, который в основном проводил в своей публицистике второй половины 1970-х годов. Однако советники, прежде всего Джон Сиарс, который возглавил его предвыборный штаб (он руководил его избирательной кампанией и четыремья годами ранее), настояли на том, чтобы он несколько смягчил свои установки во имя партийного сплочения.

Джон Сиарс, сравнительно молодой юрист (в 1980 году ему исполнилось 40 лет), к этому времени считался видным политическим технологом и деятелем с немалыми амбициями. Получив юридическое образование в Джоржтаунском университете в Вашингтоне, он некоторое время работал в юридической фирме Ричарда Никсона в Нью-Йорке, а затем являлся одним из организаторов его первой президентской кампании. Правда, пробыв помощником президента недолгое время, он был устранен из президентского штаба, так как его сочли слишком претенциозным и не терпевшим возражений.

В кампании 1976 года Сиарс стремился контактировать с членами «кухонного кабинета» и, по мнению его членов, провел эту кампанию успешно в тех пределах, в каких это было возможно. Возглавив штаб Рейгана в начале 1980 года, Сиарс убедил Рональда, что он должен вести себя осторожнее, что ему следует попытаться сплотить по крайней мере правое крыло и центр партии, чтобы гарантированно одолеть Буша, а затем

выиграть президентские выборы в борьбе, как предполагалось с самого начала, против Картера.

Однако, по мнению членов «кухонного кабинета», а затем и самого кандидата, Сиарс, убедив Рейгана в своей правоте, возомнил, что окажется способным определять основы политического курса республиканцев, это вызвало раздражение таких влиятельных советников Рейгана из «кухонного кабинета», как Эдвин Миз и Майкл Дивер. В результате им удалось убедить Рейгана, что в глазах информированной публики он подчас выглядит как «некто вроде выразителя взглядов Джона Сиарса»^{269}. Такого Рейган допустить не мог.

Раздражение несколько запутанными ходами Сиарса усилилось в ходе подготовки к праймериз в штате Нью-Гемпшир. Этот крохотный штат на восточном побережье страны считался показательным для определения позиций населения всего региона северной части восточного побережья. Обычно победившие на праймериз в Нью-Гемпшире получали номинацию на республиканском съезде.

Сиарс предложил, чтобы Рейган перед днем голосования вызвал на «поединок» Буша, с полным основанием считавшегося основным соперником. Такая практика в лагере республиканцев не была принята. Обычно дебаты происходили между несколькими кандидатами, но теперь, учитывая их количество, проводить полемику было, по мнению Сиарса, бессмысленно. Вняв доводам «кухонного кабинета», Рейган с ним не посчитался.

Буш принял вызов Рейгана. Однако, когда дискуссия, транслировавшаяся по телевидению, началась, в зале появились и другие кандидаты, что вызвало смятение не только аудитории, но и главного соперника Рейгана. Выступавший в качестве модератора (посредника) на дебатах издатель газеты «Телеграф» Джон Брин был возмущен поведением Рейгана и его штаба, грубо нарушивших условия встречи. Брин распорядился даже выключить микрофон Рейгана. «Я заплатил за этот микрофон, мистер Грин», — заявил Рейган, овладевший вниманием слушателей и сказавший фамилию модератора, скорее всего сознательно, чтобы его унижить. Очевидцы рассказывали, что никогда раньше не видели Рейгана, обычно выглядевшего весьма добродушно, таким разозленным^{270}. По этому поводу сенатор-демократ Джон Керри, которого считали явным врагом Рейгана, говорил: «Даже тогда, когда он пытался разорвать сердца демократов, он делал это с улыбкой и в духе честных и открытых дебатов»^{271}.

Что же касается Буша, то он просто растерялся. Лишь несколько овладев собой, он сделал вид, что ничего серьезного не произошло, пытался спорить, но в ответ на резкие, наступательные выпады Рейгана с трудом произносил общие фразы. Присутствовавший на встрече консервативный журналист из Нью-Гемпшира Уильям Лоеб писал, что Буш выглядел как «маленький мальчик, которого выгнали со дня рождения, куда он пришел без приглашения»^{272}.

Рейган выиграл праймериз в Нью-Гемпшире с огромным перевесом над Бушем. Однако пресса, не только демократическая, но и республиканская, остро критиковала его политическую технологию (по существу дела, противоречившую предложениям Сиарса), которую сочли нечестной, обеспечившей победу без должных оснований.

В результате после победы на праймериз в штате Нью-Гемпшир, достигнутой в немалой степени благодаря не той стратегии сплочения республиканцев, которую разработал Сиарс, а неожиданному трюку, спутавшему карты соперника, Рейган решил, что его репутация оказалась под угрозой, отстранил Сиарса с его поста и заменил другим политическим технологом, юристом с Уолл-стрит Уильямом Кейси, который, в отличие от своего предшественника, руководил только организационными делами, не вмешиваясь в содержание предвыборной агитации, что вполне удовлетворило и «кухонный кабинет», и самого Рейгана.

Рональд, таким образом, прилагал все силы, чтобы его избирательная кампания воспринималась как честная политическая игра, и в то же время стремился показать, что в первую очередь именно он, а не только советники и тем более сотрудники организационного избирательного штаба, определяет содержание тех идей, которые он провозглашал в качестве своей предвыборной программы.

Повышению авторитета и шансов Рейгана невольно способствовал Картер рядом своих крайних и неблагоразумных заявлений. Известный телевизионный журналист Лесли Стал комментировал: «Картер предупреждал, что слишком рискованно вручать столь серьезное дело, как руководство страной, в руки актера-ковбоя. Он говорил, что конфронтация в ядерную эру — это не просто экранная вспышка... Изображение им Рейгана как «сумасшедшего бомбометателя» и расиста производило впечатление бессмысленности... В течение нескольких месяцев образ Картера опустился с представления о нем как о малоэффективном политике, но достойном религиозном человеке до образа мстительного злодея»^{273}.

Любопытно, что Рейган и его советники использовали придуманный Картером образ ковбоя, чтобы представить Рональда в качестве выходца из народа, из американской глубинки. Была напечатана агитационная листовка, на которой Рейган был изображен в ковбойской шляпе, а подпись гласила: «Америка — страна^[16] Рейгана».

В следующие месяцы становилось все более ясным, что республиканцы большинства штатов высказываются в пользу Рейгана. Хотя Буш продолжал борьбу, все более определялось, что съезд поддержит его соперника. В конце концов уже к началу июня Буш отказался от дальнейшей борьбы, по всей видимости, заранее, еще до партийного съезда, согласившись выступить в качестве кандидата в вице-президенты от Республиканской партии.

Члены «кухонного кабинета» считали бывшего директора ЦРУ достойным кандидатом на вторую государственную должность, однако сам Рейган колебался. Негативное впечатление на него произвело поведение Буша на праймериз в Нью-Гемпшире, когда тот фактически спасовал под неожиданным давлением во время дискуссии с соперниками. Рейган задумал невиданное: выдвинуть в качестве кандидата в вице-президенты бывшего президента Форда. Он был убежден, что подобный ход значительно укрепит его связи с умеренным крылом республиканцев.

Рональд отправился на встречу с Фордом на курорт Палм-Спрингс, где тот отдыхал. Бывший президент колебался. С одной стороны, он стремился возвратиться в большую политику, хотя бы в качестве второго лица, с другой — отрицательно относился к Рейгану, считая его демагогом и некомпетентным политиком, которого он одолел на предыдущих выборах. Пытаясь сдержать свои эмоции, Форд говорил, что Рейган относится «к немногим политическим лидерам, чьи публичные выступления раскрывают больше, чем частные беседы»^[274].

Поколебавшись, Форд сухо заявил Рейгану, что его не интересует сделанное предложение. Вскоре, однако, у Форда вновь возникли сомнения в том, правильно ли он поступил. Выступая в Детройте, он фактически дал понять, что заинтересован в участии в высокой политике. Это побудило Рейгана вновь посетить Форда. На этот раз беседа прошла более дружественно. Однако бывший президент фактически поставил ультиматум: в случае избрания он должен участвовать в решении всех политических вопросов наравне с Рейганом. Такая позиция была расценена последним как стремление к «сопрезидентству» и решительно отвергнута. Рейган возвратился к плану сотрудничества с Бушем.

Официальное выдвижение и кампания

Окончательно вопрос о вице-президентстве не был решен вплоть до съезда Республиканской партии, которому предстояло официально номинировать обоих претендентов на высшие посты.

Съезд состоялся в промышленном Детройте, штат Мичиган, который в то время процветал. Приехавший в город заблаговременно, Рейган остановился в дорогом и знаменитом отеле «Плаза», который тогда считался самым высоким гостиничным зданием в мире.

Съезд начал заседания 14 июля и продолжался до 17 июля.

В первые два дня Рейган, кандидатура которого на президентский пост оказалась единственной, вел в своем отеле переговоры с Фордом, убеждая того принять номинацию на должность вице-президента без каких-либо условий. Форд, однако, продолжал настаивать на «сопрезидентстве» и выдвигал требования персонального характера: возратить Генри Киссинджера, в свое время крупнейшего специалиста по международным отношениям и влиятельного политического деятеля при Никсоне, на должность государственного секретаря и назначить экономиста Алана Гринспена министром финансов.

Ни на одно, ни на другое условие Рейган согласия не дал. Переговоры в «Плазе» затормозились, а затем были сорваны. Советник Рейгана Роберт Аллен в ответ на вопрос, как следует поступить кандидату, ответил: «Это была бы самая глупая сделка, о которой я когда-либо слышал». Такого же мнения придерживались и другие советники^[275].

Собственно говоря, ни против кандидатуры Киссинджера, ни против Гринспена особых возражений у Рейгана и его «кухонного кабинета» не было. Они, однако, полагали, что позиция Форда в случае избрания приведет к тому, что возникнет соперничество между президентом и вице-президентом, что сложится своего рода «двоевластие» и исполнительная власть может оказаться неработоспособной.

В этих условиях Рейган предложил Джорджу Бушу стать его «спутником» по предвыборной гонке, на что последний охотно согласился без каких-либо предварительных условий.

После этого было проведено голосование. В первом же его туре Рейган получил 1939 голосов (97,4 процента) и стал республиканским кандидатом в президенты.

Вечером 17 июля он выступил на съезде с большой речью, посвященной принятию им и Бушем номинации и предвыборной

программы Республиканской партии^[276].

Кандидат в президенты стремился избежать любой конкретики, ибо она просто отсутствовала в его предвыборном багаже. Да и имея он детальные планы руководства страной, он вряд ли поделился бы ими с делегатами съезда, так как это могло привести к возобновлению споров и даже конфликтов в партии не только между консерваторами и либералами, но также между представителями различных территориальных групп.

Речь отнюдь не была лишена противоречий. Чтобы продемонстрировать, что он будет не ставленником Республиканской партии, а президентом всего народа, Рейган цитировал заявление Франклина Рузвельта на съезде Демократической партии 1932 года, в котором содержалось обещание сократить правительственную бюрократию и значительно уменьшить расходы на нее. При этом ни словом не помянул, что мероприятия «нового курса» того же Рузвельта привели на самом деле отнюдь не к сокращению, а к резкому увеличению государственных расходов, появлению ряда новых правительственных учреждений с большим штатом, программ по преодолению кризиса, которые требовали крупных ассигнований, а в результате этого — увеличения налогов. Это был наиболее уязвимый момент речи, использованный в лагере демократов для того, чтобы как можно сильнее и язвительнее опорочить Рейгана.

В целом же речь шла о необходимости преодоления всеми признанных трудностей, каждая из которых могла разрушить Америку. В качестве таковых назывались дезинтегрированная экономика, недостаточность энергетических ресурсов и ослабленная боеспособность.

Несколько раз на протяжении речи кандидат повторял свое обещание «объединить страну, обновить американский дух и осознание цели». «Я хочу, — продолжал он, — довести это до сознания каждого американца, несмотря на его партийную принадлежность, каждого члена нашего общества, разделяющего наши общие ценности».

В то же время речь была воинственно враждебной по отношению к Демократической партии, давнего президента которой Рейган хвалил. Он, видимо, вспоминал свою прежнюю поддержку этой партии, пытался косвенно оправдать это тем, что ныне эта партия изменилась, не служит тем целям, которые когда-то выдвигал Ф. Рузвельт. Все современные беды Америки относились на счет четырехлетнего правления этой партии и ее президента Картера.

Рейган подчеркивал, что он и его партия не собираются следовать примеру демократов. «Американский народ, самый щедрый на земле, создавший самые высокие жизненные стандарты, не намерен принимать

утверждение, что мы можем добиться лучшего мира для других, отодвигая себя назад». Это не был призыв к отказу от руководящего участия в решении мировых дел. Рейган многократно подчеркивал величие американской нации, ее историческую уникальность, ее заслуги перед человечеством, ее намерение и далее вершить мировые дела.

Вместе с тем он заявлял, что собирается в первую очередь заниматься внутренними проблемами. Он обещал в самых общих словах, но в то же время в весьма образных выражениях добиться сбалансирования бюджета путем резкого сокращения государственных расходов, понизить налоги, укрепить вооруженные силы. Он говорил: «Мы намерены положить конец мнению, что американские налогоплательщики существуют только для того, чтобы содержать федеральное правительство. Федеральное правительство существует для того, чтобы служить американскому народу. 20 января мы намерены восстановить эту истину». Подобными высказываниями была полна вся его речь. Рейган завершил выступление до предела торжественно: «Мы начинаем наш общий крестовый поход молчаливой молитвой. Да благословит Бог Америку».

Как и ожидалось, на съезде речь была воспринята с энтузиазмом. В стране же ее восприняли по-разному. Пресса Демократической партии, президент Картер, который к этому времени стал одновременно кандидатом в президенты на второй срок, не без основания обращали внимание на отсутствие в выступлении Рейгана цифр и фактических данных. Как и ранее, повторялись утверждения, что Рейган остается публицистом и актером, что, несмотря на работу губернатором Калифорнии, настоящим, полноценным государственным деятелем он так и не смог стать.

В то же время развернувшаяся с лета собственно избирательная кампания, то есть борьба между кандидатами двух главных партий, показывала, что существовавшее вначале почти равное положение постепенно и все быстрее изменялось в пользу Рейгана. По данным Института общественного мнения Гэллапа, уже в сентябре за Рейгана высказывались 58 процентов опрошенных^{277}. В то же время, по данным некоторых других опросов, события последних лет привели к усилению недоверия к обеим партиям. В результате значительная часть опрошиваемых отзывалась негативно как о Картере, так и о Рейгане^{278}.

И все же, если Республиканская партия действовала более или менее сплоченно в поддержке своего кандидата, то в лагере демократов возник серьезный раскол, связанный с тем, что левая фракция этой партии по-

прежнему поддерживала Эдварда Кеннеди. Некоторые демократы высказались в пользу конгрессмена Джона Андерсона, который безуспешно пытался выставить свою кандидатуру от Республиканской партии, после чего объявил себя независимым кандидатом. Сколько-нибудь значительным влиянием Андерсон не пользовался, но разброд среди демократов в результате его действий усиливался.

Рейган произносил свои предвыборные речи осторожно, следуя собственному образцу — выступлению 17 июля о согласии на выдвижение. Вместе с тем политические наблюдатели почти единодушно отмечали свойственные ему уверенность и оптимизм^{279}. Рейгана противопоставляли в этом отношении Картеру, которого упрекали в том, что он сохранял пессимизм в отношении сложных проблем, перед которыми стояла страна, вместо того чтобы искать выход из ситуации. Некоторые авторы полагали, что именно такое поведение привело к тому, что Картер проиграл выборы^{280}. В этом мнении видного политического комментатора Дэвида Фрама было немало преувеличение, но какую-то роль пессимизм Картера, который явно был не по душе огромному числу американцев, свою роль сыграл.

В области внешней политики Картер представлял себя как решительного сторонника мира и морально-политического осуждения коммунистических режимов, сохраняя в то же время все подписанные с СССР соглашения. В платформе Республиканской партии и в выступлениях Рейгана также отмечалась необходимость не допустить ядерную войну, но в то же время подчеркивалось, что главным инструментом сохранения мира является наращивание американских вооруженных сил (это была единственная статья государственных расходов, которая, по мнению республиканского кандидата, нуждалась не в сокращении, а в увеличении).

Однако основное внимание уделялось внутренним делам. Картер сосредоточил свои усилия на том, чтобы убедить избирателей: Рейган отнюдь не является выразителем ожиданий рядовых американцев, он защищает интересы большого бизнеса, стремится ликвидировать гражданские права и социальные программы, начатые «новым курсом» Рузвельта и развитые его преемниками на высших государственных постах — от Трумэна до самого Картера, то есть только представителями Демократической партии.

Рейган же предпочитал не касаться вопроса о гражданских правах сколько-нибудь детально, заявляя только, что они являются незыблемой основой американского общества. Что же касается социальных программ,

то он считал необходимым их сохранение только в тех пределах, когда необходимость в социальной помощи была действительно доказанной.

В отличие от многих предыдущих избирательных кампаний, политические дебаты 1980 года имели выраженную религиозную окраску. Оба кандидата почти в каждой своей речи обращались к христианским мотивам. Согласно опросам, Картера вначале поддерживала мощная евангелическая церковь. Однако сторонникам Рейгана удалось создать в этой конфессии сравнительно крупную группу поддержки, которую возглавил важный южный проповедник консервативного толка Джерри Фолуэлл. Он ранее был инициатором создания нескольких религиозных учебных заведений в Виргинии, а в 1979 году основал движение под названием «Моральное большинство».

Вначале это движение и его лидеры, в первую очередь сам Фолуэлл, акцентировали внимание на проблеме абортов, требуя их запрещения за исключением доказанных случаев угрозы жизни женщины. Встретив одобрение в лагере правых республиканцев, Фолуэлл пошел на сближение с ними и по другим вопросам. За краткое время «Моральное большинство» стало действительно превращаться в наиболее мощную евангелическую группу благодаря выдвиганию внешне религиозных, а по существу, по насыщению их конкретным содержанием, политических лозунгов «за жизнь» (то есть против абортов), «за традиционную семью» (то есть за консервативные семейные ценности с осуждением «новых левых», добрачных и внебрачных сексуальных связей, легкого расторжения браков и т. п.), «за Америку» (то есть против действительно провальной политики Картера, за возрождение американского могущества и ликвидацию «вьетнамского синдрома» при будущем президенте Рейгане)^[281].

В результате, по подсчетам специалистов, движение Фолуэлла быстро завоевало влияние и привлекло на сторону Рейгана примерно две трети белых христиан-евангелистов Соединенных Штатов. Джимми Картер жаловался, что благодаря огромным денежным поступлениям от верующих движение Фолуэлла затратило 10 миллионов долларов на публикации в газетах и передачи по телевидению и радио южных штатов, чтобы «обозвать меня предателем Юга и вообще не христианином»^[282]. При безусловном преувеличении и смысловых натяжках это утверждение, видимо, в основном соответствовало истине.

Другой евангелистский проповедник, Уильям Грэм, который общался с рядом президентов США — от Трумэна до Обамы (Рейган не считал возможным приглашать его в Белый дом, видимо, потому, что между

Грэмом и Фолуэллом отношения были натянутыми), — критиковал «Моральное большинство» за бесцеремонное вмешательство в политику, за обычные высказывания о тех, кого оно поддерживало: «Мы не всегда и не во всем соглашаемся, но мы знаем, что это — человек Бога. Его достижения проходят мимо большинства священнослужителей его поколения»^{283}. Примерно так Фолуэлл и его последователи высказывались о Рейгане на протяжении второй половины 1980 года.

Постепенно предвыборные обязательства Рейгана хотя бы в некоторой степени конкретизировались.

В наибольшей степени это проявилось в экономической области. С подачи своего советника по хозяйственным вопросам, видного экономиста Роберта Манделла, который не был членом «кухонного кабинета», но оказывал глубокое влияние на эволюцию взглядов его членов и теории которого убеждали Рейгана, республиканский кандидат все более утверждался в необходимости резкого сокращения государственного вмешательства в эту решающую область жизнедеятельности человечества.

Канадско-американский ученый Р. Манделл, работавший в ведущих американских университетах, в 1960-е — начале 1970-х годов разработал свою теорию стабилизационной политики в открытых экономиках, которая исходила из необходимости минимального участия государства в экономических процессах. Его теория в популярной литературе получила название «эффект многостороннего вмешательства». Состояла она в том, что наиболее эффективно экономика может развиваться при максимальном снижении барьеров любого рода (налоговых, таможенных, регуляционных и т. д.). Он фиксировал внимание на основных валютных проблемах международных хозяйственных связей, на возможности создания валюты, объединяющей несколько стран. Он утверждал, что в рамках единой валютной системы ни у одной из стран, входящих в нее, не должно быть дефицита по долгам, и определял правила, соблюдение которых обеспечивает такую установку.

Не очень глубоко разбиравшийся в сложных экономических проблемах, Рейган быстро понял близость теории Манделла его собственным взглядам, неоднократно упоминал ее в своих выступлениях и гарантировал, что, придя к власти, будет проводить именно этот хозяйственный курс. Так зарождалось то явление, которое через несколько лет получит название «рейганомика».

Именно к этому времени избирательный штаб подготовил плакат, на котором красовалась улыбающаяся физиономия кандидата и провозглашалось: «Рейгана — в президенты! Сделаем Америку вновь

великой!» Эти слова затем тиражировались в других плакатах, чуть иного содержания. Они стали лейтмотивом до предела шумной, не очень глубокой кампании, которая привлекала под знамена республиканцев все бóльшие массы избирателей. Уже очень скоро политические аналитики констатировали удивительный феномен — подавляющая часть американцев при опросах уверенно отвечала, что будет голосовать за Рейгана.

В этих условиях важно было лишь поддерживать уже создавшуюся репутацию, что Рейган и делал, произнося краткие, простые и в то же время зажигательные речи, касавшиеся прежде всего экономических вопросов, которые преподносились как готовые рецепты будущего процветания.

Естественно, в выступлениях республиканского кандидата речь шла не только об экономических проблемах. Широкая палитра намерений была представлена в выступлении на ярмарке под Филадельфией 3 августа.

Здесь впервые в избирательной кампании был развернут курс на значительное расширение прав штатов и местных общин в противовес федеральному правительству. Кандидат говорил: «Я твердо верю, что ответ на все вопросы дает сам народ. Я верю в права штатов. Я верю в людей, которые делают все возможное для самих себя и на уровне общин, и на частном уровне, я верю, что мы разрушим баланс, созданный правительством, присвоившим себе власть, которую никогда конституция не предоставляла федеральным властям». Он продолжал нагнетать свое видение измененной ситуации, обещая «восстановить власть штатов и местных администраций, которая по праву должна им принадлежать»^[284].

Некоторые комментаторы видели в подобных пассажах обращение к Югу, штаты которого часто жаловались на ущемление их прав индустриальным Севером. Другие говорили о возрождении Рейганом либертарианских политико-экономических установок, запрещающих насилие как над человеческой личностью, так и над группами людей во всех отношениях, в том числе в ведении хозяйственной деятельности.

По всей видимости, Рейган да и его штаб не задумывались над всеми этими тонкостями. Они проводили заранее определенный программный курс республиканцев, который Рейган превратил в общепартийную, а затем почти в общеамериканскую установку.

Постепенно общие положения в какой-то мере заменялись более определенными обещаниями. В нескольких выступлениях Рейган взял обязательство в течение не более трех лет добиться полностью сбалансированного государственного бюджета, утверждая, что этим он

положит конец инфляции (он не посчитался с советниками, которые убеждали его, что небольшая контролируемая инфляция является стимулом экономического роста). Такого рода хозяйственные тонкости были ему чужды — он был убежден, что инфляция вредна всем слоям населения и этого было достаточно для того, чтобы объявить ей войну.

Вместо неопределенного обещания резко сократить или даже покончить с федеральными налогами в его выступлениях стала называться более или менее конкретная цифра — сокращение общегосударственных налогов на одну треть или на 30 процентов, причем на протяжении тех же самых первых трех лет его президентства.

При этом кандидат щедро использовал выражения, которые становились крылатыми независимо от того, имели или не имели они отношение к предмету, о котором шла речь. Рейгану было особенно приятно, когда ему удавалось уязвить Картера, который, в свою очередь, не жалел красок, чтобы представить своего соперника исчадием ада. Не доказывая это ни выдержками из его выступлений, ни сведениями очевидцев, Картер обвинял Рейгана в том, что он во внешней политике является поджигателем войны (это выражение охотно подхватывала пресса СССР, впрочем, обвиняя самого Картера в том же). Внутри страны основной огонь был направлен на предложения Рейгана сократить государственный бюджет, уменьшить налоги и расширить права штатов. Без каких-либо оснований заявляя, что при помощи «кодового термина права штатов» Рейган пытается возродить расизм, Картер пытался сыграть на сохранявшихся на Юге элементах расового неравенства, которые преодолевались законодательством предыдущих лет, но до конца искоренены не были.

Картер и другие демократы били тревогу, утверждая, что требования Рейгана неизбежно приведут к тяжелейшему экономическому кризису. При этом проводилось различие между понятиями «рецессия», под которой подразумевался застой или незначительное падение производства, и «депрессия», то есть катастрофическое падение производства и связанных с ним областей общественной жизни (невозможность расчетов по долгам, крах банковской системы, массовая безработица, социальные волнения и т. п.). На подобные обвинения Рейган обычно отвечал не по существу, а используя броские, подчас ходульные выражения, причем иногда заимствуя их у предшественников.

1 сентября он, например, выступил на праздновании Дня труда в городе Джерси-Сити, недалеко от Нью-Йорка. Затрагивалась масса вопросов по поводу того, как «вновь сделать Америку великой», но в

центре внимания прессы осталось только одно выражение, причем принадлежавшее президенту Трумэну, которое Рейган лишь слегка дополнил. Трумэн в свое время иронически говорил: «Рецессия происходит тогда, когда ваш сосед теряет работу. Депрессия происходит, когда работу теряете вы». К этому Рейган добавил весьма оптимистичные для себя слова: «Восстановление происходит тогда, когда работу теряет Джимми Картер»^{285}.

В среде республиканцев перед их съездом и на самом съезде шли оживленные дебаты по поводу прав женщин. Если в Демократической партии существовало определенное единство взглядов о необходимости специального законодательства, провозглашавшего равенство прав женщин, то у республиканцев раздавались энергичные голоса антифеминистов, в результате чего из документов съезда просто были изъяты пункты, посвященные этому вопросу.

Рейган, однако, отлично понимал, что в Америке второй половины XX века политику, претендовавшему на высший государственный пост, просто не удастся оставить этот вопрос в стороне. Коли так, он решил попытаться переиграть Картера и в этом. В нескольких выступлениях Рональд пообещал не просто провести закон о равных правах женщин, а оформить его в законодательном порядке на самом высоком уровне, подготовив соответствующую поправку к Конституции США.

Рейган пообещал ввести женщин в состав правительства и при освобождении места в Верховном суде США (судьи назначались пожизненно, но могли уходить в отставку, и место освобождалось только в случае смерти или добровольного ухода члена Верховного суда). Чтобы преодолеть дискриминацию женщин, в ряде выступлений выдвигалось обещание работать не только на федеральном уровне, но и на уровне штатов, совместно с их губернаторами, чтобы уравнивать местные законы о женских правах, провести соответствующие законы в тех штатах, где они отсутствовали.

Учитывая, что в широком общественном мнении Республиканскую партию обычно рассматривали как более правую, чем Демократическая, подчас как партию крупного корпоративного капитала, богачей с Уолл-стрит, Рейган прилагал усилия, чтобы развеять опасения, что он будет проводить антирабочую политику. С полным основанием он уделил вопросу о гармоническом сотрудничестве социальных групп особое внимание в уже упоминавшейся речи в День труда. Вот как он представил слушателям промышленного района, расположенного в Нью-Йорке и его окрестностях, свое видение этой жгучей проблемы:

«Когда мы говорим о сокращении налогов, когда мы говорим о том, чтобы остановить инфляцию там, где ее начинают — в Вашингтоне, мы говорим о путях свести вместе рабочих и управленцев во имя Америки. Мы говорим о работе, о производительности труда, о заработной плате. Мы говорим о том, чтобы покончить с политикой Джимми Картера, которая ведет не к росту, а сокращению экономического пирога, все уменьшая кусочки для каждого из нас... Мы можем иметь бóльший пирог с бóльшими кусками для каждого. Я уверен, что вы и я сможем испечь этот бóльший пирог. Мы можем добиться того, чтобы вновь ожила мечта, которая привела в эту страну многих из нас, или наших родителей, или наших дедов.

Будем же работать, чтобы защитить человеческое право приобрести собственный дом, владеть им и быть уверенными, что это право будет распространено на максимальное число американцев. Собственный дом — это часть нашей мечты.

Я хочу работать в Вашингтоне, чтобы отвратить сокрушительное бремя налогов, которые ограничивают инвестиции, производство, не дают нашему народу быть по-настоящему богатым. Работа, сбережения, надежда для наших детей — часть этой мечты.

Я хочу помочь американцам каждой расы, вероисповедания и наследия сохранять и развивать это чувство общности, которое является подлинным сердцем Америки, потому что достойное соседство — часть этой мечты».

Мы не случайно привели такую большую цитату из этого выступления. Она, на наш взгляд, ясно показывает, что за пышными общими словами скрывалось стремление угодить максимальному числу американцев различного материального положения, разных национальностей и вероисповеданий, развеять их опасения, что республиканский президент может действовать вопреки их интересам.

Во всех больших выступлениях содержались обещания не только сохранить, но и расширить гражданские права черных американцев, однако по этому вопросу кандидат отделялся самыми общими фразами.

Критика избирательной кампании Рейгана со стороны демократов была не такой уж аргументированной. Обвинения в том, что он представляет интересы только белого богатого меньшинства, слабели по мере поступления новой информации о выступлениях республиканского кандидата с самыми громкими обещаниями различным слоям населения, и враждебная пресса в основном стала обращать внимание на фактические ошибки и просто оговорки, которые действительно нередко допускал кандидат.

Следует признать, что, отступая от заранее подготовленных текстов, которые тщательно готовили сотрудники избирательного штаба, Рейган и в самом деле часто увлекался и говорил что-то если не совсем несуразное, то, во всяком случае, не соответствующее действительности. Так, он, явно стремясь отгородиться от наиболее правых элементов в американском обществе, несколько раз связал имя президента Картера с расистской организацией Ку-клукс-клан — только по той причине, что его родиной был южный штат Джорджия.

По этому поводу в прессе появился ряд карикатур, высмеивавших историческую неграмотность республиканского кандидата. Критически высказались по этому поводу и несколько губернаторов южных штатов. Своим случайным замечанием, не соответствовавшим истине, Рейган ослабил свои позиции в этом весьма чувствительном регионе страны.

Сам Картер был настолько оскорблен подобными пассажами Рейгана, что посвятил им несколько страниц в своем дневнике^{286}.

При подготовке текстов выступлений сотрудники Рейгана стремились придать им максимально разговорную форму. Но все же он почти в каждом выступлении выходил за пределы написанного текста, исключал из него целые выражения, что иногда приводило к серьезным огрехам. Вся страна смеялась, когда в одной из речей Рейган заявил, что «деревья загрязняют воздух». Что именно было написано в тексте и что взбрело ему в голову, когда он произносил эти слова, осталось неизвестным. Позже Рональд несколько раз заявлял, что имел в виду совершенно другое: он хотел сказать о вредности только некоторых пород^{287}.

Все эти нелепости, однако, производили впечатление только на некоторых избирателей, почти исключительно образованных, среди которых было распространено мнение, что Рейган, несмотря на неплохое образование, остался недоучкой.

Огромное большинство американцев волновали реальные, жизненные проблемы, на которые Рейган давал, как им казалось, простые и вразумительные ответы.

«Посольский кризис», дальнейшее ослабление

позиций Картера и дебаты

Позиции Картера резко ослаблял продолжавшийся международный

кризис, связанный с захватом мусульманскими экстремистами посольства США в Тегеране.

«Посольский кризис» продолжался четырнадцать с половиной месяцев. Во всем мире он рассматривался как свидетельство резкого ослабления влияния США, особенно на Ближнем Востоке, неспособности американского руководства и лично президента Картера спасти жизни своих соотечественников.

Посольство было захвачено студентами-экстремистами 4 ноября 1979 года. Они выдвигали ряд требований, из которых главным была выдача иранским властям бывшего шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, находившегося на лечении в Нью-Йорке в связи с тяжелой болезнью. Одновременно была развернута пропагандистская кампания, что захват посольства осуществлен для того, чтобы сорвать заговор американского империализма и международного сионизма против «исламской революции».

В заложники были взяты 66 человек, из которых через две недели были освобождены 13 (афроамериканцы и женщины), а позже еще один человек в связи с болезнью. Власти Ирана вначале отмалчивались, но вскоре официально заявили о поддержке террористов.

В ответ на эти действия Картер объявил о закрытии иранских счетов в банках США, запрете ввоза нефти из Ирана (несмотря на нехватку энергоресурсов), а затем разорвал дипломатические отношения с Ираном и ввел полное экономическое эмбарго этой страны.

В руководстве американской администрации шли споры о том, как следует действовать далее. Госсекретарь Сайрус Вене настаивал на отказе от военного вмешательства, полагая, что ему удастся решить проблему путем переговоров. Видимо, основной расчет Венса был связан с тем, что бывшему шаху, по прогнозам врачей, оставалось жить недолго, что после его смерти дело разрешится без особых трудностей. Шах, однако, не умирал. В результате Картер отверг предложение Венса о переговорах с захватчиками и согласился на проведение операции по захвату посольства, получившей название «Орлиный коготь». Вене выступил против военной операции и ушел в отставку в связи с тем, что его мирные инициативы были отвергнуты.

Существует, правда, мнение, которое, в частности, отстаивал посол СССР в США того времени А. Ф. Добрынин, что причины ухода Венса были значительно серьезнее, что события в Тегеране стали если не предлогом, то лишь одной из причин его ухода, что, в свою очередь, ослабило позиции Картера. Добрынин писал: «Скорее, этот эпизод стал лишь последней каплей, переполнившей чашу неудовлетворенности

госсекретаря общим курсом администрации в условиях международной напряженности и усиливающихся в этот период разногласий внутри администрации. В условиях, когда президент все чаще отказывался поддерживать позицию госсекретаря, Венсу было трудно эффективно выполнять свои обязанности»^{288}.

Что же касается операции по освобождению заложников, то она потерпела полную неудачу, фактически так и не начавшись. Некомпетентность проявили как сотрудники Пентагона и ЦРУ, которые разрабатывали операцию «Орлиный коготь», так и экипажи самолетов и вертолетов, привлеченные к операции. По плану предполагалось осуществить высадку в пустыне и одновременно захватить расположенный неподалеку от Тегерана небольшой аэродром. Но ни то ни другое осуществить не удалось. На части вертолетов, приземлившихся на территории Ирана 24 апреля 1980 года, обнаружился дефект, в результате которых их пришлось бросить, один из вертолетов столкнулся с самолетом-заправщиком, возник пожар, и группа военнослужащих (девять человек) погибла. В результате операция была отменена, а участвовавшие в ней американцы с огромным трудом покинули Иран и возвратились на родину^{289}.

Смерть шаха 27 июля, а затем начавшаяся война между Ираном и Ираком несколько облегчили переговоры об освобождении заложников, посредниками в которых выступали дипломатические службы Великобритании и Алжира. Переговоры, однако, шли крайне медленно, с перерывами и влияли на всю избирательную кампанию, укрепляя позиции Рейгана и ослабляя Картера и его администрацию, которых обвиняли в полной государственной импотентности, о чем с немалой обидой писал Картер в своем дневнике^{290}.

К рассматриваемому времени в обиход президентских избирательных кампаний уже прочно вошли дебаты между основными претендентами, транслируемые по телевидению. Впервые они были проведены в 1960 году между Д. Кеннеди и Р. Никсоном.

Между избирательными штабами Рейгана и Картера (посредником выступала Лига женщин-избирателей, в которой были представлены как демократы, так и республиканцы) почти три месяца шли переговоры о проведении встреч перед миллионной аудиторией. Отношения между кандидатами вкупе с их советниками были настолько напряженными, что вначале никак не удавалось договориться ни по одному вопросу о формате возможных встреч. С обеих сторон раздавались упреки, что соперник

боится проиграть на голубом экране.

Особенно остро по этому поводу высказывался Рейган. 21 сентября, выступая в Балтиморе, он заявил: «Картер знает, что не сможет выиграть дебаты, даже если они будут проведены в Розовом саду [Белого дома] перед чиновниками администрации, а вопросы будет задавать Джоди Пауэлл» (напомним: Джозеф Пауэлл являлся пресс-секретарем Белого дома при Картере)^{291}.

Когда же обе стороны пришли наконец к выводу, что такая ситуация крайне вредит каждой из них, до выборов оставалось совсем мало времени. Рейган, продолжая свойственные ему насмешки, заявил даже, что он может провести некое подобие дебатов перед телекамерами с пустым креслом, которое предназначалось для отсутствовавшего Картера.

В результате удалось провести только один тур дебатов менее чем за неделю до выборов — 28 октября.

Претенденты встретились в Кливленде, штат Огайо, в музыкальном зале Центра съездов. Посредником (модератором) выступал известный журналист, политический комментатор и актер Говард Смит, который умело направлял прения. Он легко преодолел затруднение, возникшее в связи с тем, что было не очень ясно, как обращаться к кандидату Рейгану. К Картеру обращение было понятным: «Мистер президент». Рейган же не занимал никакого официального поста. Смит вышел из положения, вспомнив старую американскую традицию называть тех, кто проиграл какие-либо выборы, тем титулом, на который этот кандидат претендовал (в результате до XX века любого кандидата в президенты, который, возможно, не набрал и одного процента голосов, до конца жизни называли «мистер президент»!). Смит обратился к Рейгану «мистер губернатор», хотя тот уже долгое время не был губернатором Калифорнии.

К экранам прильнула вся Америка, возбужденная острым накалом предвыборной борьбы и кризисным состоянием страны, которое ощущалось повсеместно. Дебаты транслировались по всем телевизионным каналам и, по данным статистиков, собрали наибольшую аудиторию за последние десять лет.

По настоянию Картера представители Рейгана согласились поставить в центр дискуссии международные вопросы, прежде всего контроль за соблюдением договоров по вопросам ядерного оружия. С другой стороны, с большим трудом удалось добиться согласия Картера на рассмотрение вопроса об американских заложниках в Тегеране.

Сами дебаты разочаровали зрителей. У одних создалось впечатление, что Рейган уже чувствовал себя победителем и держался чуть ли не

высокомерно по отношению к еще действовавшему президенту; другие, преимущественно те, кто относился к кандидату республиканцев недружественно, высказывали предположение, что Рейган просто устал от избирательной кампании в силу своего возраста.

Пресса всей страны отмечала, что на ряд вопросов Картера Рейган просто не давал ответов. Когда Картер, например, стал критиковать позицию Рейгана по вопросам социального обеспечения, заявляя (без должных оснований), что тот собирается вообще ликвидировать бесплатную медицинскую страховку для пожилых и неимущих, соперник глубоко вздохнул и, укоризненно покачав головой, произнес только одну фразу: «Опять вы за свое!»^{[17]{292}}

Картер рассчитывал привлечь симпатии избирателей на свою сторону, когда заявил, что якобы спросил свою двенадцатилетнюю дочь Эми, какой вопрос сейчас самый главный, и она ответила: «Контроль над ядерным оружием». Однако эти слова, приписанные ребенку, вызвали шквал насмешек над президентом в республиканской прессе, оценившей их как искусственные, лживые, не свойственные детям. Появилась даже карикатура, изображавшая Картера с дочерью, сидящей у него на коленях и задающей вопросы: «А как с экономикой?», «А как с заложниками?»^{293}

Рейган в свою очередь завершил дебаты, поставив перед американцами серию вопросов: «Вы живете лучше, чем четыре года назад? Легче ли вам пойти в магазин и купить вещи, которые вам нужны, чем четыре года назад? Увеличилась или уменьшилась безработица в стране по сравнению с тем, что было четыре года назад? Так же уважают Америку в мире, как это было раньше? Чувствуете ли вы, что ваша безопасность так же надежна, как это было четыре года назад?» Считая ответы на эти вопросы очевидными, Рейган закончил дебаты, выразив уверенность, что избиратели предпочтут «новый выбор»^{294}.

Победа

Дебаты действительно не могли изменить уже четко определившегося соотношения сил. Важным индикатором этого соотношения являлось то, что сторонниками Рейгана внезапно объявляли себя группы и течения, еще недавно находившиеся в противоположном лагере. Так, получивший известность во время уотергейтского скандала прокурор Леон Джаворски, расследовавший это дело и проявивший непримиримость к попыткам

повлиять на него в пользу Никсона, а в первой половине 1980 года заявлявший, что Рейган — экстремист, вскоре резко изменил свою позицию. В сентябре он стал инициатором создания организации «Демократы за Рейгана». Эта организация явно копировала другую — «Демократы за Эйзенхауэра», в которой в свое время активно участвовал сам Рейган. Раскол Демократической партии из-за этого не произошел, но сам факт, что некоторые в прошлом активные ее члены высказались за кандидата соперничавшей партии, был весьма показательным.

Возможно, еще более важным стал тот факт, что в поддержку Рейгана высказался один из наиболее влиятельных конгрессменов Демократической партии — сенатор от штата Миннесота Юджин Маккарти, который в 1968 году выдвигался на пост президента, причем считался левым и проводил свою кампанию под лозунгом немедленного прекращения участия США в войне во Вьетнаме. В 1970-е годы Маккарти перестал выступать как демократ, стал независимым сенатором, но по-прежнему считался левым. В 1980 году, однако, будучи крайне разочарованным политикой Картера («Он наихудший президент из всех, которые у нас когда-либо были»^{295}, — заявил он однажды), Маккарти перешел на сторону кандидата от Республиканской партии, вначале в одиночку, а затем поддержав организацию «Демократы за Рейгана».

Все это предопределило исход голосования 4 ноября. За Рейгана было подано 43,9 миллиона голосов (50,1 процента), за Картера — 35,5 миллиона (41 процент). Разница была значительной, но не сокрушительным поражением Картера. Совершенно иной была картина результатов по штатам. Картеру удалось опередить соперника только в шести штатах и в столице, Рейган победил в сорока четырех штатах. В коллегии выборщиков кандидат республиканцев получил 489 мест, кандидат демократов — 49. Это был единственный случай в XX веке, когда президент, баллотировавшийся на второй срок, провалился.

Избранный президентом почти в 70 лет, Рональд Рейган был не намерен менять свои привычки и тем более перетруждать себя. Когда через несколько дней он ворчливо сказал одному из помощников, что его разбудили слишком рано, что он не выспался, а тот ответил, что вскоре придется подниматься еще раньше, Рейган прочитал ему целую лекцию о продолжительности рабочего дня. Он объяснил, что работу президента нельзя мерить количеством часов, которые тот проведет в Овальном кабинете Белого дома. «Покажите мне чиновника, который работает сверх положенного времени, — говорил он, — и я докажу вам, что он плохой

чиновник»^{296}.

Как видим, личные чувства здесь тесно переплетались с уже глубоко усвоенной истиной, что чиновничество понапрасну тратит значительную часть своего рабочего времени, находя себе никчемные занятия только для того, чтобы оправдать свое существование, что от сокращения аппарата дело государственного управления только выиграет.

Два с половиной месяца между выборами и вступлением в должность были посвящены завершению подбора кандидатов на высшие посты в исполнительной власти, то есть той работе, которая была в значительной мере проведена во время избирательной кампании.

В соответствии со сложившейся уже традицией инаугурация нового президента состоялась 20 января следующего за выборами года. Как и полагалось, Рейган с супругой подъехал к Белому дому, который последний день занимал Картер, и, выпив по чашке кофе, оба президента — передающий полномочия и их принимающий — отправились на Капитолийский холм, где в западном крыле здания Конгресса происходила торжественная процедура вступления в должность.

Машина медленно двигалась по центральной улице Вашингтона. По обеим ее сторонам, а также на огромном открытом пространстве под холмом собрались толпы людей, в том числе приехавших со всех концов страны, чтобы наблюдать за торжеством.

Продолжавшееся 10–15 минут путешествие к Капитолию Рейган использовал для того, чтобы в очередной, теперь уже последний раз попытаться поиздеваться над Картером, уже без какой-либо политической нужды, просто чтобы унижить бывшего противника. Рональд заговорил о том, как поступал Джек Уорнер (напомним: один из владельцев крупнейшей кинофирмы в Голливуде, в свое время работодатель актера Рейгана) в ситуации, которую считал для себя неловкой, — рассказывал разные истории об известных актерах. Картер слушал молча и только после того, как машина остановилась и оба направились к подиуму, спросил своего помощника: «А кто такой Джек Уорнер?»^{297} Получилось, что трюк Рейгана сработал в полной мере.

Ровно в полдень Рейган принес клятву верности американскому народу и Конституции США, которую принял председатель Верховного суда Уоррен Бергер. Затем в соответствии с традицией произнес непродолжительную речь, обращенную не только к присутствующим, но и ко всему народу Соединенных Штатов^{298}. Ее, как и все торжество, передавали все телевизионные каналы и радиостанции страны.

Речь Рейгана на этот раз не была обычным набором торжественных фраз и общих обещаний, которыми, как правило, характеризовались инаугурационные выступления. Ему исключительно важно было подчеркнуть единство нации, руководя которой, он намеревался проводить крупные государственные мероприятия.

Поэтому он начал выступление с благодарности Картеру: «Я хотел бы, чтобы наши сограждане знали, как много вы сделали, чтобы сохранить наши традиции. Своим благородным сотрудничеством во время переходного процесса вы продемонстрировали наблюдающему миру, что мы являемся единой нацией, объединенной в сохранении политической системы, гарантирующей в наибольшей степени индивидуальную свободу, и я благодарю вас и наш народ за помощь в сохранении преемственности, которая является основой нашей республики».

Подчеркнув, что именно индивидуальная свобода является основой уникальной американской политической системы, Рейган обеспечил себе мостик для перехода к постановке тех задач, которые он был намерен осуществить.

Однако для этого необходимо было хотя бы кратко охарактеризовать нынешнее состояние страны, и Рейган остановился на нем, заострив те действительные проблемы, которые стояли перед Соединенными Штатами в последние годы. Речь шла об инфляции, падении производства, закрытии предприятий, безработице, низких зарплатах рабочих и низких доходах мелкого и среднего бизнеса и, главное, о налогах, которые съедают значительную часть доходов людей. Так что конкретная картина жизни американцев в немалой степени противоречила торжественным вступительным словам об индивидуальных свободах и заслугах бывшего президента — если не формально, то по существу. Сохранять такое налоговое бремя, которое существует в стране, означает гарантировать огромные социальные, культурные, политические и экономические потрясения.

Необходимо действовать, и действовать немедленно, буквально нагнетал тревогу президент. «Мы собираемся начать действовать, и действовать сегодня» — эти слова становились лейтмотивом инаугурационного выступления.

От экономических, в частности налоговых, проблем Рейган перешел к политическим, связав их в единый узел. Он убеждал, что в современных условиях правительство не может способствовать решению существующих проблем — само правительство представляет собой проблему. Он протестовал против утверждений о том, что общество стало слишком

сложным, чтобы им можно было руководить путем самоуправления, что необходима некая элитная группа, которая должна стоять выше, чем управление во имя народа самим народом.

Впрочем, аргументация противоположного свойства выглядела не очень убедительно: «Если никто из нас не в состоянии управлять самим собой, тогда кто из нас обладает такими свойствами, чтобы управлять другими?» На поставленный вопрос ответ не давался. Вместо этого президент соглашался с тем, что общенациональное правительство, несомненно, должно существовать. «Решение, которое мы ищем, должно быть справедливым, ни одна группа не может платить более высокую цену». Это было, пожалуй, единственное место в выступлении, где проявилась неопределенность, свидетельствовавшая, что решение о реорганизации управления все еще найдено не было.

Рейган предлагал провести своего рода «инвентаризацию». Он не давал определенного ответа на вопрос, в чем конкретно она должна состоять, но некоторые исходные положения в речи все же были. Он говорил: «Наше правительство не должно иметь больше власти, чем та, которая предоставлена ему народом. Настало время проверить и пересмотреть рост правительства, которое проявляет признаки, что оно выросло за пределы, которые предоставлены ему народом». И продолжал: «Мое намерение состоит в том, чтобы сократить размеры и влияние федеральных властей и потребовать признания различия между властью, предоставленной федеральному правительству, и властью, зарезервированной для штатов, для народа. Все мы нуждаемся в напоминании: не федеральное правительство создает штаты, штаты создают федеральное правительство».

Чтобы его все же не поняли превратно, Рейган оговаривал, что у него нет намерения вообще ликвидировать федеральные власти, что он собирается заставить их работать — вместе с народом, не «над народом»: «Правительство может и должно предоставлять возможности, а не душить их, поощрять производство, а не подавлять его».

Новый президент торжественно заявил: «Мы — слишком великая нация, чтобы ограничивать себя мелкими мечтаниями. Мы не обречены на неизбежный закат, как мечтают некоторые. Я не верю в судьбу, которая нас ожидает, независимо от того, как мы поступаем. Я верю в судьбу только в том случае, если мы действительно ничего не будем делать. Так что со всей созидательной энергией, которой мы располагаем, давайте начнем эру национального обновления. Давайте обновим нашу решимость, наше мужество, нашу силу. Давайте обновим нашу веру и наши надежды. Мы

имеем право на героическую мечту».

Эти положения являлись главным содержанием инаугурационной речи, в которой, в отличие от всех предыдущих выступлений такого рода, ничего не говорилось о внешней политике США, о холодной войне, о договорах и соглашениях с СССР и месте страны в НАТО и мировом сообществе.

Это отнюдь не означало, что Рейган пренебрегал внешнеполитической проблематикой. Вскоре мы убедимся, что это было отнюдь не так.

Глава 8

ПЕРВЫЕ ШАГИ У ВЛАСТИ

Разрешение «посольского кризиса»

Крайняя осторожность Рейгана в освещении внешнеполитических проблем в инаугурационной речи объяснялась особенностями текущего момента.

Как раз в дни, предшествовавшие инаугурации, шли к успешному завершению переговоры об освобождении американских заложников в Тегеране, которые проводились в режиме секретности. Если бы в своей инаугурационной речи Рейган заговорил о международных делах, то непременно должен был затронуть тему о судьбе американцев, все еще томившихся в плену мусульманских экстремистов. Но ничего по этому вопросу Рональд сказать просто не мог: любое упоминание «посольского кризиса» могло внести серьезную путаницу в переговоры или даже сорвать их.

Рейган надеялся, что заложники будут освобождены до инаугурации, возможно — в ее ходе. Ему немедленно доложили бы об этом, и в таком случае инаугурационные торжества наполнились бы новым смыслом. Этого, однако, не произошло.

И все же давно ожидаемое событие свершилось. Заложники были освобождены именно в день инаугурации, примерно через час после речи Рейгана.

В связи с важностью этого события, ставшего своего рода символом возрождения национальной гордости, расскажем о нем чуть подробнее, в основном используя документы, собранные французскими кинодокументалистами, по которым в 2014 году Аудиовизуальным институтом Франции был снят документальный фильм «Архивы раскрывают тайны. 1981 год. Освобождение американских заложников в Иране»^{299}.

Как мы уже знаем, переговоры об освобождении заложников в течение длительного времени велись при посредстве правительственных органов и спецслужб Великобритании и Алжира. После неоднократных отказов диктатора Ирана аятоллы Хомейни вступать в какие бы то ни было сделки

(эти отказы, как оказалось, носили характер торга) его представители в конце концов согласились на разбойничий выкуп. Картер был вынужден дать согласие на выплату Ирану 2,9 миллиарда долларов из государственного резерва США. Естественно, сделка, являвшаяся фактической капитуляцией властей США во имя спасения жизней сограждан и наносившая удар по престижу Америки, держалась в тайне в течение трех десятилетий и была раскрыта только несколько лет назад — по истечении срока секретного хранения соответствующей документации.

Деньги поступили в Иран через британских и алжирских посредников 19 января 1981 года. Картер надеялся, что заложники будут освобождены еще в часы его президентства, однако освобождение произошло только 20 января, когда уже была завершена процедура инаугурации. Рейгана информировали об этом, когда он направлялся к своей машине.

Для Рейгана это было действительно торжеством. Сын Майкл рассказывает, что, собираясь на череду инаугурационных балов, облачившись в смокинг с белым галстуком-бабочкой и проверив, как он выглядит перед зеркалом, отец обернулся к членам семьи, подпрыгнул, щелкнув каблуками, словно был юношей, а не пожилым джентльменом, и воскликнул: «Я — президент Соединенных Штатов!»^[300]

Через два часа на первом торжественном обеде новый президент прежде всего подошел к микрофону и заявил: «Мне сообщили новость: самолеты с заложниками на борту покинули воздушное пространство Ирана и теперь свободны от этой страны». Краткое заявление было встречено бурей аплодисментов. Журналисты бросились к телефонам, чтобы сообщить сенсацию в газеты и на телевизионные каналы.

С промежуточными техническими посадками на территории Греции и Алжира два самолета, на которых находились 52 освобожденных заложника, завершили свой полет на американском военном аэродроме в районе Франкфурта-на-Майне. Их встречало огромное количество журналистов. На самолетах виднелись надписи «Добро пожаловать на свободу!».

Бывшие заложники были помещены на несколько дней в военный госпиталь, где прошли курс реабилитации и были допрошены сотрудниками ЦРУ и ФБР. Было зафиксировано, что иранские экстремисты при покровительстве властей этой страны обращались с заложниками жестоко: избивали их, связывали, отвратительно кормили.

21 января Рейган на один день прилетел во Франкфурт для встречи с освобожденными согражданами, но основную встречу приберег для приема в Вашингтоне, куда бывшие заложники, теперь уже одетые в

торжественные военные и гражданские мундиры ведомства государственного департамента, прибыли через неделю.

27 января состоялся прием освобожденных заложников и их родных в Белом доме. Рейган, выступивший с торжественной речью, заявил: «Пусть террористы знают, что при повторении их злодеяний нашим ответом будет быстрое и полновесное возмездие». Этим он подчеркивал, что внешнюю политику будет проводить жестко и энергично. Речь на приеме практически стала внешнеполитическим завершением инаугурационного выступления. Так даже то достижение, которое было осуществлено фактически при администрации Картера, легло в копилку нового американского президента.

Новый президент торжественно праздновал свое вступление в высшую должность. Ему было необходимо продемонстрировать не только радость по поводу освобождения заложников, но и свою тесную связь с деловой Америкой, крупнейшими предпринимателями и банкирами, наиболее популярными представителями художественного мира. Важно было показать, что несмотря на свой солидный возраст он здоров, бодр, полон сил, способен достойно выдержать нелегкую нагрузку не только инаугурации, но и полутора десятков балов, проходивших вечером 20 января.

Один из них даже состоялся в Музее авиации и космонавтики, который был создан в 1966 году и за несколько лет до рассматриваемых событий переехал в новое огромное помещение в самом центре столицы, непосредственно под Капитолийским холмом. Инаугурационный бал в этом музее стал свидетельством того, что Рейган не собирается пренебрегать внешнеполитическими делами, намерен бросить «космический вызов» Советскому Союзу.

Четыре года назад торжества по поводу вступления на президентский пост Картера обошлись в 3,4 миллиона долларов, а нынешние балы стоили 19,4 миллиона^{301}. Надо, правда, отметить, что разница не была столь уж огромной, так как инфляция за эти четыре года сильно подскочила. Во всяком случае, данные Гливса Витни, директора Центра президентских исследований университета в Гранд-Вэлли, свидетельствуют, что стоимость торжеств Рейгана значительно превышала все предыдущие инаугурации^{302}.

Разумеется, средства на них поступали не из государственного бюджета. Ни одного доллара ни прямым, ни косвенным способом Рейган не мог взять и по политическим, и по личным, принципиальным соображениям. Деньги на пышные балы поступали в виде пожертвований

и, главное, от продажи билетов, каждый из которых стоил тысячи долларов.

Новые кадры

Однако от торжеств пора было переходить к реальным политическим шагам, направленным на достаточно четко определенные изменения во внутренней жизни и менее определенные — во внешней политике.

Вместе с тем на первый план выходила качественно новая задача борьбы против международного терроризма, который все больше ассоциировался с исламским фундаментализмом. Не случайно первое заседание с участием представителей Госдепартамента, ЦРУ, ФБР, министерства обороны, которое Рейган провел 21 января, было посвящено именно этому вопросу. В этот же день Рейган встретился с руководителями Конгресса для обсуждения наиболее важных экономических проблем. Он был действительно твердо намерен начать восстановление пошатнувшегося положения США в современном мире.

Для этого было необходимо укомплектовать штат Белого дома надежными людьми. В качестве руководителя аппарата первоначально намечался Эдвин Миз, известный уже нам юрист и политолог, член «кухонного кабинета», который был одним из главных советников во время предвыборной кампании. Но, поразмыслив, президент решил назначить на весьма ответственный пост другого человека, сочтя, что Миз — слишком самостоятелен, не очень дисциплинирован и стремится толковать волю Рейгана в собственном духе, так что его конкретные действия приходилось «исправлять».

После раздумий пост главного непосредственного помощника, каковым должен быть руководитель аппарата президента, был предложен юристу и историку Джеймсу Бейкеру. Помимо того, что Бейкер был квалифицированным специалистом, Рейган счел немаловажным, что у него не было еще одного, политологического образования и соответствующих претензий не только политико-технологического, но и явно политического свойства. Кроме того, Бейкер был другом вице-президента Буша, их сблизила не только политика, но и потеря близких: от рака скончалась жена Бейкера Мэри, от лейкемии умерла дочь Буша Полин. Возникал некий мостик дружеского сотрудничества между Рейганом и Бушем, важный, если иметь в виду, что еще совсем недавно они были конкурентами при выдвижении кандидата Республиканской партии на президентский пост и, более того, Бейкер тогда активно помогал Бушу в борьбе против

Рейгана^{303}.

Бейкер когда-то был членом Демократической партии, затем беспартийным и только позже присоединился к республиканцам, но, главное, он проводил в согласии с Рейганом курс на сплочение нации, на устранение конфронтации между сторонниками обеих партий. Наиболее правые республиканцы вскоре развернули против Бейкера шумную кампанию. Видные партийные деятели Говард Филипс и Клаймер Райт пытались убедить Рейгана отстранить Бейкера от его поста. Президент, однако, давлению не поддался^{304}. Бейкер сохранял высокий административный пост в Белом доме на протяжении всего первого срока президентства Рейгана, а затем перешел на работу в правительство.

Сказанное не означает, что «кухонный кабинет» прекратил существование или сильно ослабил влияние на Рейгана. Президент по-прежнему считался с его мнением. Майкл Дивер стал заместителем руководителя администрации Белого дома, Эдвин Миз — официальным советником президента. Именно эти три человека вместе с президентом определяли конкретные действия Белого дома, по крайней мере на первых порах президентства Рейгана. Кто-то принес русское слово «тройка», и именно им стали называть этот триумvirат, оказывавший определенное влияние на президента, хотя по всем вопросам политики тот стремился найти собственные решения.

Среди прочих кадровых назначений особенно важным было назначение государственного секретаря (министра иностранных дел). Эта должность была предложена недавно ушедшему в отставку с военной службы генералу Александру Хейгу — ветерану корейской и вьетнамской войн, видному штабному работнику, который ранее являлся специальным помощником президента Никсона по военным вопросам и руководителем аппарата Белого дома, а затем командующим вооруженными силами США в Европе. Именно Никсон рекомендовал его Рейгану. Хейг считался «ястребом», и почти тотчас же после назначения начались его стычки с более умеренным министром обороны Каспаром Вайнбергером^{305}.

Более того, Хейг потребовал полной автономии Государственного департамента от Белого дома. Рейган ответил неопределенно, будучи уверен, что сохранит за собой безоговорочный контроль за внешней политикой. Хейг же воспринял слова президента о полном доверии как предоставление безусловной самостоятельности. Рейган жаловался в своих мемуарах: «Он не желал даже, чтобы я как президент был вовлечен в решение вопросов внешней политики — он рассматривал ее в качестве

только своей территории»^{306}.

Высокомерное поведение Хейга, его генеральские замашки вызывали недовольство советников президента. Дивер говорил Рейгану, что Хейг стал «раковой опухолью, которую необходимо вырезать». Довольно быстро стало ясно, что долго на посту руководителя внешней политики Хейгу не продержаться.

При предыдущих президентах значительную роль в определении комплекса вопросов внешней политики, обороны и государственной безопасности играл советник президента по национальной безопасности. Вначале этот пост у Рейгана занимал Ричард Аллен, политолог, в прошлом сотрудник Гуверовского института войны, революции и мира в городе Пало-Алто (Калифорния). Он считался разумным и умеренным советником, но пробыл в своей должности недолго — лишь год. Аллен серьезно скомпрометировал себя, организовав осенью 1981 года интервью Нэнси Рейган японскому журналу и получив за это гонорар — в общем-то незначительную сумму в тысячу долларов. История эта получила огласку, так как о ней появилась информация в том же японском журнале, началась газетная шумиха. Аллен вынужден был уйти в отставку^{307}.

Новым советником по национальной безопасности стал недоучившийся юрист Уильям Кларк, старый приятель и сотрудник Рейгана по Калифорнии. Судя по имеющимся материалам, особого влияния на президента он не оказывал, постоянно был предметом насмешек либеральных кругов в связи с тем, что часто появлялся в фермерской шляпе и ковбойских сапогах и любил играть с пистолетом, который можно было увидеть даже на его письменном столе. Долго на своем посту Кларк также не продержался. Он вступил в конфликт с Госдепартаментом, Рейган встал на сторону Госдепа. Кларк был переведен в правительство, где получил должность министра внутренних дел (пост второстепенный, связанный не с силовыми структурами, а большей частью с охраной природы и подобными делами).

Так же непродолжительное время занимали этот пост преемники Кларка. В бытность Рейгана президентом значительно больший удельный вес в решении внешнеполитических проблем имел Государственный департамент. Пост советника по нацбезопасности постепенно отошел на второй план.

Исключительно важным для проведения намечаемых мероприятий по «восстановлению величия Америки» было содействие третьей ветви государственной власти — Верховного суда. Этот орган, в обязанности

которого входило прежде всего наблюдение за тем, чтобы полностью соблюдалась Конституция США, был в состоянии заблокировать любое решение президента или даже Конгресса, просто объявив их антиконституционными. Юридические обоснования такого решения считались необходимыми, но ушлые крючкотворы всегда могли такие найти.

В принципе по поводу поддержки большинством Верховного суда его политики Рейган мог не беспокоиться. Подавляющее большинство членов суда (шесть из девяти) были назначены республиканскими президентами (на эти должности назначает президент, а затем соответствующие лица утверждаются сенатом, как уже отмечалось, пожизненно или до добровольной отставки). Но Рейган, который всячески стремился продемонстрировать, что является не партийным, а общенародным президентом, считал важным дополнить состав Верховного суда в связи с намечаемой отставкой судьи Поттера Стюарта человеком, назначение которого внесло бы вклад в копилку его популярности и явилось демонстрацией выполнения предвыборных заверений^{308}.

Во время избирательной кампании он обещал впервые ввести в Верховный суд женщину. Теперь надо было подобрать такую представительницу судейского сословия, назначение которой дало бы ему дополнительные преимущества. После долгих поисков и споров в администрации Рейгану единодушно была предложена кандидатура Сандры О'Коннор. Это была сравнительно еще молодая дама (ей в 1981 году исполнился 51 год), что, как и пол, было необычно для Верховного суда. Она окончила правовую школу Стэнфордского университета и успела пройти немалый политический путь в штате Аризона, где занимала судейские должности и была членом сената штата от Республиканской партии.

6 июля 1981 года Рейган принял О'Коннор и поставил перед ней несколько вопросов, из которых один и он сам, и вся Республиканская партия считали ключевым — о ее отношении к искусственному прерыванию беременности. Для правых республиканцев это был больной вопрос — их пропаганда твердила, что человеческая жизнь начинается в момент зачатия, что аборт — это убийство человека, что это тяжкое уголовное преступление, совершаемое как женщиной, так и тем, кто беременность прерывает.

Однако Рейган, который не занимал по этому вопросу какой-либо личной позиции, понимал, что большинство населения страны стоит за право женщины на аборт, что по этому вопросу высказался и сам

Верховный суд, принявший в 1973 году решение по делу Роу против Вейда, которое устанавливало, что право на личную жизнь, предусмотренное Конституцией США, распространяется на решение женщины сделать аборт, хотя это право должно быть сбалансировано с защитой здоровья женщины и потенциальной человеческой жизнью. В связи с этим властям штатов предоставлялось право определять сроки беременности, после которых аборт разрешался лишь в исключительных случаях^{309}.

О'Коннор заявила президенту, что лично она категорически против абортов, но как юрист считает себя обязанной строго выполнять существующее законодательство. Этот ответ был также косвенным свидетельством, что в качестве верховного судьи собеседница будет конструктивно сотрудничать с президентом. Рональд записал в дневнике: «Вызывал судью О'Коннор и сказал ей, что буду выдвигать ее в Верховный суд. Уже начались нахлобучки со стороны моих собственных сторонников... Люди говорят, что она за аборты. Она же объявила, что лично для нее аборт отвратителен. Я думаю, что она станет хорошим верховным судьей»^{310}.

Действительно, республиканские консервативные активисты энергично выступили против назначения О'Коннор верховным судьей. Исполнительный директор Национального политического комитета в защиту жизни Питер Джемма назвал ее номинацию «прямым противоречием республиканской платформе, всему тому, что говорил кандидат Рейган и даже говорит президент Рейган относительно социальных проблем». Джемма даже попытался затормозить утверждение О'Коннор, потребовав тщательной проверки всех ее действий в штате Аризона. Его усилия, однако, успехом не увенчались.

О'Коннор была номинирована Рейганом 19 августа^{311}, утверждена членом Верховного суда 25 сентября 1981 года фактически единогласно (за нее голосовали 99 сенаторов, один сенатор на заседании отсутствовал) и с тех пор до отставки в 2006 году^{312} проводила в высшем судебном органе умеренный курс, в основном соответствовавший позициям республиканцев. Во время своего второго президентского срока Рейган получил возможность назначить еще двух верховных судей, что полностью закрепило его позиции в этом органе.

В результате были сформированы все три ветви власти, которые в целом благоприятно относились к президенту и к тем новым законодательным и распорядительным инициативам и мероприятиям, которые он намечал. Особо важным был тот факт, что президент

сформировал штат Белого дома и состав правительства из ответственных и сравнительно опытных чиновников, которым он доверял и которым предоставил широкие права решать текущие дела в соответствии с его общими установками, почти не вмешиваясь в конкретику проводимых мероприятий.

Президентский стиль

и экономические наметки

Часто у простых американцев создавалось впечатление, что подчиненные просто обходят президента, принимая те или иные решения, в основном связанные с расходом крупных средств или, наоборот, сокращением пособий для малообеспеченных (то есть нарушали общие указания Рейгана об экономии, но не за счет низших слоев населения). Так, руководителя бюджетного управления Дэвида Стокмана обвиняли в уменьшении социальных пособий, министра обороны Каспара Вайнбергера — в чрезмерных военных расходах и т. п. Тот факт, что за всеми этими непопулярными решениями стоял именно президент, оставался, как правило, неизвестным журналистам, а следовательно, основной массе населения.

Это позволяло президенту на протяжении двух сроков пребывания у власти вести сравнительно комфортный образ жизни, совмещая непродолжительные совещания с сотрудниками, приемы американских и зарубежных высокопоставленных деятелей, выступления в Конгрессе и поездки по стране с отдыхом в выходные дни и регулярными отпусками.

Обычно конец недели Рейган вместе с супругой проводил в загородной резиденции Кэмп-Дэвид (Лагерь Дэвида), основанной еще Ф. Рузвельтом и названной Д. Эйзенхауэром по имени своего внука. Расположенная в лесистогорной местности соседнего штата Мэриленд резиденция давала возможность насладиться свежим воздухом и отдохнуть от государственных забот. Как видно из дневниковых записей, Рональд особенно любил проводить время у киноэкрана, причем сохранял традиционные, консервативные вкусы. Ему не нравились сцены убийств, грубые реплики, откровенный секс. По поводу фильма «Офицер и джентльмен» он записал в дневнике: «В общем хорошая история, испорченная сценами наготы, языком и сексом»^{313}.

Нередко время отдыха вместе с ним проводили близкие сотрудники, члены «кухонного кабинета», а также деятели искусств, главным образом певцы Фрэнк Синатра и Тони Беннетт, пианист и композитор, автор известных шлягеров Берт Бакарак, а также старые знакомые по Голливуду, в основном актеры средней руки, большинство которых уже ушли на пенсию.

Более длительные отпуска Рейган проводил на своем ранчо в Калифорнии, занимаясь физической работой на свежем воздухе — подстригая кусты и даже выкорчевывая засохшие деревья. Он признавался, что в эти дни просыпался поздно и «ненавидел» понедельники, потому что надо было возвращаться в Вашингтон, в Белый дом. Но все это были минутные настроения, так как Рональд оставался «политическим животным» даже во время отдыха, тщательно следил за событиями, за собственной репутацией и намечал новые планы, разумеется, в самой общей форме.

Он интересовался новейшей историей, но не читал серьезных работ, а просматривал документальные и художественные фильмы по истории, не особенно заботясь о степени их приближения к истине. Рональд, однако, «для себя» отмечал в дневнике низкое качество некоторых документальных лент. Посмотрев фильм о войне в Корее 1950–1953 годов, посвященный высадке американских войск в районе Инчона (фильм так и назывался — «Инчон»), что заставило северокорейскую армию отступить вплоть до китайской границы, он с оттенком сарказма отметил в дневнике, что американцы в нем показаны как «хорошие парни», а коммунисты как «сплошные злодеи»^{314}.

Это, однако, не означает, что Рейган старался уклониться от исполнения своих прямых обязанностей. Он исправно занимался ими, но так, как сам их понимал. Он считал, что, являясь избранным представителем нации, он прежде всего должен общаться с населением Соединенных Штатов как личность, как человек, которому доверен высший государственный пост. Именно в связи с этим Рональд обращал особое внимание на стиль и манеры, которых следует придерживаться, обращаясь к разным социальным, профессиональным, этническим, религиозным, территориальным и прочим группам. Часть своих выступлений он писал сам (в президентском архиве сохранились многие рукописные черновики его обращений к населению). В других случаях тексты готовили помощники, но Рейган затем работал над ними, придавая им собственный колорит (помощники старались следовать его манере, но все же их тексты далеко не всегда удовлетворяли президента). Дж. Вейсберг с полным

основанием пишет: «Он неизменно улучшал проекты своих спичрайтеров при помощи более живого и обыденного языка, великолепного чувства юмора и своих человеческих анекдотических историй. Никто не был в состоянии полностью уловить особый голос Рейгана. Когда вы читаете то, что было написано самим Рейганом, вы как бы слышите его голос»^{315}.

В некоторых случаях, но нечасто, Рейган прибегал к личному вмешательству в какую-нибудь житейскую ситуацию, создавая себе этим дополнительную популярность. Сам он с удовольствием описывал такого рода случаи в своем дневнике. В конце 1982 года он, например, рассказывал, что прочитал в газете о героическом поступке молодого безработного негра по фамилии Эндрюз, который спас человека, упавшего в метрополитене на рельсы. Рейган позвонил юноше, а затем сделал еще один звонок — в компанию, в которую тот безуспешно пытался устроиться на работу. «Я спросил, читали ли они эту историю. Они прочитали. Эндрюз получил работу»^{316}.

В дневнике можно встретить и другие истории, связанные с конкретными человеческими судьбами. Несколько раз такой рассказ завершался выводом: «У меня появился новый друг». Можно предположить, что Рейган был более или менее искренен в подобных заявлениях. Но в то же время это были ярко выраженные политические и популистские действия, рассчитанные на прессу, на публику, на то, что о них станет известно всей стране, на то, что «новые друзья» появятся в огромном количестве. Действительно, новые друзья появлялись в большом числе, и это свидетельствовало о росте популярности Рейгана.

Уже в первые дни после вступления в высшую должность советники предложили Рейгану на первые три месяца президентства (или на «сто дней», которые, как традиционно считалось в США, позволяют определить, насколько успешно новый президент справляется со своими обязанностями) сосредоточить внимание на определении программы экономического оздоровления страны. Комплекс первоочередных мер был намечен в Белом доме.

Вечером 18 февраля Рейган впервые появился в Конгрессе в качестве действующего президента. На объединенном заседании двух палат, на котором председательствовали спикер палаты представителей Т. О'Нейл и вице-президент Буш (он по должности являлся председателем сената), Рейган выступил с докладом о неотложных мерах в области экономики. Он назвал свое выступление «О программе экономического возрождения»^{317}. Программа была рассчитана на четыре года, представлена в виде

документа, экземпляры которого после выступления получили все конгрессмены. Это был обширный документ объемом в 280 страниц^{318}.

Рейган начал выступление, сославшись на свою инаугурационную речь, в которой клялся восстановить экономику, характеристикой плачевного состояния хозяйственной жизни нации. «Все мы являемся свидетелями страшной инфляции, которая впервые за 60 лет достигла двухзначных цифр за последние два года. Плата за займы достигла абсурдного уровня более чем в 20 процентов и более 15 процентов для тех, кто занимает деньги, чтобы купить дом. По всей стране можно увидеть только что построенные дома, которые остаются пустыми из-за роста стоимости ипотек».

По данным президента, почти семь миллионов американцев остаются безработными. «Это люди, которые стремятся быть полезными. Но с каждым месяцем их отчаяние становится все глубже. Угроза увольнения и безработицы висит над миллионами, а те, кто работает, — в отчаянии из-за неспособности справиться с инфляцией». Склонный к образности президент заявил, что государственный долг, составляющий около триллиона долларов, можно представить в виде башни из тысячедолларовых купюр высотой в 67 миль (около 108 километров), то есть почти космической высоты. Темп роста производительности труда в США, который некогда был самым высоким в мире, стал, по словам Рейгана, одним из самых низких среди развитых стран.

От этой мрачной картины докладчик, однако, быстро перешел к позитиву: «В нашей власти изменить эту картину, и мы можем действовать, сохраняя надежду. Неизменны наши внутренние силы. Не пострадали наши человеческие, технологические, природные ресурсы, на которых строится экономика».

Представленный Конгрессу план предусматривал резкое сокращение государственных расходов, уменьшение налогов на 20–30 процентов, упрощение или даже отмену элементов правительственного регулирования, которые администрация считала «непродуктивными или контрпродуктивными», принятие мер по повышению курса доллара. По расчетам Рейгана и его помощников, осуществление этой программы должно было создать примерно 13 миллионов новых рабочих мест и предотвратить дальнейшее развитие инфляции. Предложено было сократить бюджет на 1982 год, внесенный еще Картером, на 41,4 миллиарда долларов, что, согласно заявлению Рейгана, можно было сделать «без вредных последствий для законных обязательств правительства в отношении всех тех, кто нуждается в нашей помощи».

В то же время Рейган обратился к Конгрессу с предложением существенно увеличить военные расходы страны.

В докладе содержались многочисленные конкретные предложения по реализации поставленных в нем задач: ликвидации некоторых правительственных департаментов (в частности, департамента экономического развития), более жестком контроле над предоставлением государственной помощи нуждающимся, чтобы сократить злоупотребления или даже покончить с ними, и т. д.

Так зарождалось то важное явление в хозяйственном и социальном развитии Соединенных Штатов, которое, напомним, вскоре получит название рейганомики. На том, как реализовывались ее планы, мы остановимся ниже.

Покушение

Вскоре произошло событие, которое вновь подтвердило, что за политическими, религиозными, нравственными и прочими разногласиями, обычно происходившими в обстановке относительной терпимости, кроются силы, несущие непосредственную угрозу жизни наиболее ответственных деятелей, прежде всего президентов. Это было крайне негативное продолжение достоинств американской демократии. Вся страна еще помнила трагическую гибель президента Джона Кеннеди и кандидата в президенты Роберта Кеннеди. Известно было и о покушениях на жизнь президента Ф. Рузвельта, о том, как он чудом избежал гибели. При этом, как ни удивительно звучит сказанное, покушения на жизни президентов обычно не имели политической окраски, а если имели, то очень слабую.

Между тем в начале президентства Рейгана его штаб не придавал особого значения охране жизни президента, который пришел к власти под весьма неординарными лозунгами.

30 марта 1981 года в вашингтонской гостинице «Хилтон» Рейган встретился с представителями профсоюза строителей и торговцев строительными конструкциями, входившего в мощное объединение Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов (АФТ-КПП), которые проводили свою национальную конференцию^{319}. За обедом президент выступил с обоснованием своих хозяйственных планов и заверил присутствовавших, что от их реализации рабочий класс не только не пострадает, но получит значительные преимущества. Рональд был в прекрасном настроении, строил из себя

разбитного парня, подчеркивал, что он — единственный американский президент, который был ранее профсоюзным работником и продолжал сохранять членство в АФТ-КПП. Присутствовавшим нравился такой стиль общения, они часто смеялись.

Впрочем, президент не ограничился хозяйственными вопросами, преподносимыми в полушутливой форме. Он подчеркнул, что Америка зависит от труда рабочих, что она должна достойно вознаграждать этот труд, что без этого невозможно ее будущее, но лидеры страны (имелись в виду, естественно, бывшие лидеры) забыли, что «мы строим эту великую нацию на базе этики достойного вознаграждения труда, а не на основе его наказания».

На все новых примерах Рональд многократно повторял отдельные базовые положения своей стратегии: «В этом городе слишком много людей, которые считают, что деньги принадлежат правительству. Это не так. Это ваши деньги. Это деньги ваших сыновей и дочерей, на которые они собираются купить новые дома. Это деньги ваших родителей, чтобы они могли достойно жить на пенсии. И если мы, в нашей администрации, ничего другого не сделаем, мы должны хотя бы убедить этот город, что власть, деньги и ответственность в нашей стране принадлежат народу, а не зданиям из шлакоблочного бетона в Вашингтоне».

Рейган связал вопросы внутренней политики с международными делами, прежде всего с американо-советскими отношениями и положением в странах восточного блока. Он говорил об огромном советском военно-стратегическом потенциале, о мужественных выступлениях польских рабочих за свои права и интересы, которые, по существу дела, являлись выступлениями против тоталитарной системы во всем блоке. Этим президент обосновывал необходимость увеличения американских военных расходов — единственной области государственной деятельности, которая требовала не сокращения, а наращивания бюджетных поступлений^{320}.

Встреча завершилась весьма дружелюбно. Присутствовавшие подходили к Рейгану, обменивались с ним шутливыми репликами, обнимались с ним. Вся эта церемония фиксировалась множеством журналистов и телеоператоров.

В превосходном настроении примерно в 2 часа 30 минут дня Рейган вышел из здания отеля и направился к своей машине. На улице в это время было много прохожих, которые останавливались, увидев своего президента. Щелкали кино-и фотоаппараты. Ни в этот раз, ни ранее никто и не думал о том, что, когда столь высокое должностное лицо выходит из здания, пространство вокруг должно быть свободно. В Америке 1980-х

годов осуществить это без решительных протестов было просто невозможно.

В этот момент раздались выстрелы. Стрелял 26-летний Джон Хинкли, студент Йельского университета, считавший себя начинающим писателем, но пока ничего не опубликовавший. Одержимый страстной любовью к юной, но уже известной актрисе Джоди Фостер и, естественно, отвергнутый ею^[18] молодой человек надумал привлечь внимание актрисы поступком, подобным тому, что привел к пресловутой славе Герострата. Он решил убить президента США. Начал он с попыток совершить покушение на Картера. Однако удобного случая не представилось, и Картер благополучно покинул свой пост. Все свое внимание Хинкли перенес на Рейгана^{321}.

Узнав из газет расписание президента (такие сообщения печатались во многих газетах, становясь как бы путеводителем для злоумышленников), Хинкли накануне приехал в Вашингтон, написал письмо Джоди Фостер о том, что, возможно, он сегодня убьет Рейгана, вероятно, будет после этого застрелен на месте, но надеется произвести на нее впечатление «грандиозным размахом своего поступка».

Хинкли поджидал Рейгана у отеля. Увидев его, он выпустил в него из своего револьвера всю обойму — шесть пуль.

Стрелять несчастный полупомешанный не умел, руки его дрожали. Первая пуля попала в голову недавно назначенному пресс-секретарю Белого дома Джеймсу Брейди^{[19]{322}}, который ранее активно участвовал в избирательной кампании, отвечая за связи с прессой, вторая — в спину полицейскому, наблюдавшему за порядком, третья никого не задела, четвертая ранила в грудь агента Секретной службы Т. Маккарти, пятая застряла в двери президентского лимузина. Наконец, последняя пуля, срикошетив от бронированной стенки лимузина, пробила Рейгану грудь и застряла в легком.

На месте покушения возникла паника, но агенты Секретной службы быстро пришли в себя и приняли необходимые меры, чтобы предотвратить возможные новые нападения. По оценке очевидцев, наибольшую выдержку и профессионализм проявил агент Секретной службы Джерри Парр, который прикрыл собой президента.

Хинкли схватили, причем он стал спрашивать у сотрудников Секретной службы, отложат ли из-за его поступка церемонию вручения премии «Оскар», намеченную на этот день (ее действительно перенесли на следующий день). Рейгана подхватили на руки и усадили в машину, даже

не поняв, что он ранен. На место происшествия было вызвано подкрепление, пока же агенты, вооруженные ручным пулеметом и пистолетами, сгруппировались для отражения нового нападения^{323}.

Автомобиль Рейгана на предельной скорости направился в госпиталь Университета имени Джорджа Вашингтона. Это была счастливая случайность. По инструкции президента в случае ранения должны были везти в военный госпиталь, находившийся на значительном расстоянии, в пригороде столицы Бетесде. Если бы машина отправилась туда, Рейган мог умереть по дороге. В университетский госпиталь поехали только для проверки здоровья президента. Лишь когда Рональд начал кашлять кровью, стало понятно, что он ранен. Сначала он, почувствовав боль в груди, решил, что охранник, спасая его жизнь, перестарался и, возможно, сломал ему ребро.

В госпитале, куда в общей суматохе толком не сообщили, с кем именно произошел несчастный случай, не было подготовлено все необходимое, даже носилки подали с опозданием. Рональд держался мужественно, отказался лечь на носилки и сам пошел в приемное отделение чрезвычайной медицинской помощи. Но вдруг пожаловался на затрудненное дыхание и, потеряв сознание, упал.

Дежурный врач стал расспрашивать сопровождавшего Рейгана, его друга и помощника Эдвина Миза, по какому адресу проживает пострадавший. Только когда едва сдерживавший негодование Миз произнес: «Пенсильвания 1600» (почтовый адрес Белого дома), медики поняли, с кем имеют дело.

Теперь уже вся больница была поставлена на ноги. Немедленно была проведена операция по извлечению пули. Еще до начала операции Рональд, придя в себя и узнав, что ему предстоит, полушутливо спросил готовившегося к операции хирурга, республиканец ли он. Последовал уместный ответ: «Сегодня мы все республиканцы».

Вначале врачи серьезно опасались за жизнь президента, у которого было очень низкое кровяное давление. Тревога медиков сохранялась и во время операции. Доктор Бенджамин Аарон вспоминал: «В груди было много крови, в основном запекшейся, может быть, литр или больше. Входное отверстие в легком, из которого шла темная-темная кровь, было очень большим. Наибольшее кровотечение было в правой стороне, недалеко от легочной артерии... Мы могли только контролировать кровотечение. Больше пока не могли сделать ничего»^{324}.

Однако операция, проведенная быстро и успешно, спасла Рональду

жизнь. Несмотря на весьма солидный возраст и большую потерю крови, он быстро пошел на поправку и вскоре возобновил исполнение своих обязанностей.

В первые часы всеобщей растерянности произошел курьезный случай. Государственный секретарь А. Хейг, забыв предусмотренные конституцией процедуры, объявил, что в связи с болезнью Рейгана берет на себя президентские полномочия и «контролирует ситуацию», хотя это была прерогатива вице-президента, который находился вне Вашингтона — почти на другом конце страны, в штате Техас. Получив тревожную информацию, он немедленно вылетел в столицу.

Оплошность была быстро исправлена, но пресса ухватилась за этот случай. Некоторые печатные органы даже преувеличили смысл события, заявив, что Хейг задумал осуществить военный переворот. И хотя ничего подобного отставной генерал не замышлял, его поведение почти все политики сочли опрометчивым^{325}. После этого Рейган быстро стал терять доверие к Хейгу, а летом 1982 года его сменил более прагматичный, более подходящий для дипломатической службы Джордж Шульц.

Федеральное бюро расследований провело следствие по делу о покушении на президента. На основании заключения медиков было констатировано, что покушавшийся не отдавал отчета в своих действиях. Хинкли был признан умалишенным и провел следующие 35 лет своей жизни в соответствующем медицинском учреждении. Он был освобожден в 2016 году в связи с тем, что медики, а затем суд признали, что он не представляет опасности для окружающих. Ему была предоставлена возможность поселиться в родном штате Виргиния при ограничении передвижения и регулярном осмотре психиатрами^{326}.

Сотрудники ФБР тщательно допросили всех, кто сопровождал Рейгана во время посещения отеля «Хилтон»^{327} (список допрошенных сохранился в архиве Рейгана^{328}). В числе допрошенных оказалась и актриса Джоди Фостер, которая никакого отношения к случившемуся не имела^{329}.

Едва придя в себя, Рональд в свойственной ему манере пытался шутить, хорошо понимая, что его остроты попадут в прессу и будут истолкованы в его пользу. В то же время его поведение, безусловно, свидетельствовало о мужестве, оптимизме и позитивном настрое. Он спросил сестру, щупавшую ему пульс: «Кто это держит мою руку? А если Нэнси об этом узнает?» Самой же Нэнси, примчавшейся в госпиталь, сказал, едва отойдя от наркоза: «Дорогая, извини меня, я забыл пригнуться!» Однако не всё было так гладко: несколько раз он впадал в

полубессознательное состояние, не осознавал, где находится, почти сразу после операции у него началась пневмония, крайне опасная в его возрасте.

Однако врачи давали оптимистичные прогнозы. Деннис О'Лири — доктор, отвечавший за связь с прессой, после встречи с представителями Белого дома заявил журналистам далеко не в полном соответствии с реальностью: «Состояние президента было вполне стабильным на всем протяжении лечения... Серьезная опасность ни на один миг не грозила ему»^{330}.

Но на здоровье Рейгана последствия ранения, похоже, сказывались в течение всей оставшейся жизни. У него возникли проблемы со слухом, а младший сын Рональд отмечал, что временами у отца стали замечаться краткие периоды, когда он терял память и забывал знакомые лица.

Порой это замечали и другие. Однажды на приеме в честь мэров крупных городов Рейган встретился в зале с прекрасно известным ему министром Сэмюэлем Пирсом, руководившим жилищным строительством и развитием городов. Этот единственный в кабинете министр-афроамериканец поклонился и приветливо улыбнулся президенту, который в ответ произнес: «Здравствуйте, господин мэр. Как дела в вашем городе?» В этом случае, как, по всей видимости, и в других, Рейган понял свою ошибку буквально через мгновение. Сев на свое место в зале заседаний, он принес извинения: «Я здороваюсь с таким количеством мэров, что назвал мэром министра моего собственного правительства». Пирс в ответ рассмеялся, и его поддержали все присутствовавшие^{331}...

Впрочем, другие свидетели, включая старшего сына Майкла, решительно отвергают, что у Рейгана уже в это время стали возникать серьезные проблемы с памятью. Майкл свидетельствует, что, выписавшись из госпиталя, отец под руководством инструктора выработал для себя систему физических упражнений, чтобы как можно скорее возвратиться к нормальному состоянию. Отец даже хвастал, что его грудные мышцы стали крепче, чем до ранения^{332}.

После покушения руководство Секретной службы приняло меры по значительному усилению охраны президента и других высших руководителей администрации. Тщательно проверялись места, где предполагалось появление Рейгана, охрана старалась не допускать его появления на открытых, хорошо просматриваемых местах, в ряде случаев его обязывали надевать бронежилет, который он именовал «железной рубашкой». По требованию охраны Рональд прекратил воскресные посещения церкви, что делал на протяжении многих лет.

Почти через год после покушения на приеме в Белом доме в честь иностранных послов Нэнси Рейган жаловалась сидевшему рядом с ней советскому послу А. Ф. Добрынину (он был в это время дуайеном, то есть старейшиной, дипломатического корпуса): «Мы фактически узники в Белом доме... особенно после покушения на президента. Охрана следит за каждым нашим шагом. Я не могу даже посещать музеи и магазины. Единственная у нас отдушина, это когда мы приезжаем на калифорнийское ранчо, там можно перемещаться, не натываясь на охрану. Вместе с тем... со всем этим приходится мириться, так как в стране немало сумасшедших, которые готовы повторить покушение на президента»^{333}.

Первый космический челнок

и рост рейтинга президента

Президент крайне сожалел, что из-за ранения не смог присутствовать на весьма важном мероприятии — встрече астронавтов Джона Янга и Роберта Криспена, которые впервые вернулись на Землю с космической орбиты не в спускаемой кабине, совершающей посадку на воду, а в аппарате «Спейс шаттл» {*Space Shuttle* — «космический челнок») — своего рода космическом корабле многоразового использования. Это было очередное крупнейшее достижение программы освоения космоса.

Первый полет космоплана «Колумбия» был запланирован на 1979 год, но из-за различных технических проблем был отложен. Так Рейгану повезло в очередной раз: триумфальное первое возвращение астронавтов на космическом челноке состоялось именно в начале его правления. «Колумбия» стартовала в воскресенье, 12 апреля, когда в СССР праздновался День космонавтики в честь первого космического полета Ю. А. Гагарина. Как всегда в таких случаях, полетом руководило Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА). Сама дата полета, заранее согласованная с президентом, явно была выбрана для того, чтобы продемонстрировать, насколько в области космонавтики Соединенные Штаты обогнали первоначально лидировавший СССР.

Перед полетом Янгу напомнили, что баки «Колумбии» заполнены топливом, количество которого вдвое превышает необходимое для возвращения. По всей Америке передавали его ответную реплику:

«Правильно, совсем не хотелось бы оказаться без керосина на полпути».

Полет завершился успешно. За 32 минуты спуска 88-тонная «Колумбия» прошла свыше семи тысяч километров. Янг идеально точно посадил корабль в предусмотренном месте — на дно высохшего озера в районе военно-воздушной базы «Эдвард» под Лос-Анджелесом — факт, особенно приятный Рейгану. «Как чудесно оказаться в Калифорнии!»^[334] — таковы были первые слова Криспена, обращенные к окружившим «Колумбию» специалистам и журналистам.

Выздоровливавший Рейган внимательно следил за подготовкой к полету, его ходом и возвращением астронавтов.

Исследование космического пространства находилось в центре внимания Рональда еще до его вступления в должность. Он установил тесную связь с администрацией НАСА, где была образована специальная группа, представитель которой входил в команду по переходу власти от Картера к новому президенту^[335]. Это был единственный случай в новейшей истории США, когда избранный президент занялся планированием исследований космоса еще до вступления в должность.

В приветствии президента астронавтам и всему коллективу НАСА говорилось: «Предела нашим ожиданиям не существует. Мы сможем добраться до любой, самой дальней звезды»^[336].

Исследования космоса интересовали нового президента далеко не только в связи с тем, что его страна добивалась новых научных прорывов, тем самым укрепляя престиж как Соединенных Штатов, так и их президента. Газета «Нью-Йорк таймс», которая первой опубликовала приветствие Рейгана астронавтам, не без основания выделяла информацию своих корреспондентов из Москвы о том, что в советских кругах отмечается особое значение осуществленного полета с военной точки зрения, важного «не столько для исследований и академических организаций, сколько для Пентагона».

Действительно, Рейган все серьезнее задумывался над проблемами использования космического пространства для создания систем, которые смогут обеспечить не только неуязвимость территории США для советского ракетно-ядерного оружия, но и надежное военное превосходство его страны над СССР.

После возвращения в Белый дом Рейган 26 апреля в присутствии журналистов встретился с сотрудниками своего аппарата и министрами. На встрече, естественно, первый вопрос был о том, как он оценивает покушение на его жизнь. Журналисты ожидали, что Рейган будет повторять

обычные истории о заговоре террористов, о коммунистических происках, но он удивил присутствующих, сказав, что единственной мыслью, засевшей в его сознании, была: «Нэнси, прости, я забыл пригнуться!»^{337} Это парадоксальное заявление главы государства произвело неизгладимое впечатление на всю Америку, обеспечив ему небывалый рост популярности.

Первое официальное выступление президента после ранения состоялось на совместном заседании обеих палат Конгресса 28 апреля, то есть менее чем через месяц^{338}. За эти дни его рейтинг резко подскочил: в конце марта его поддерживали 48 процентов опрошенных, теперь — 73 процента^{339}. Это была рекордная цифра с начала проведения подобных опросов. Президента встретили бурными аплодисментами. Впервые за много лет главу администрации от правящей партии стоя приветствовали аплодисментами и депутаты-оппозиционеры. Так происшедшее способствовало дальнейшему укреплению исполнительной власти.

Свою речь президент начал с шутки, встреченной громким смехом всего зала заседаний палаты представителей: «Вы что, хотите вызвать меня на бис?» «У меня нет слов, чтобы выразить благодарность за эти приветствия», — продолжал оратор и далее говорил в столь же шутливом тоне, даже с оттенком черного юмора: «Ради такого приема можно было подставить себя под пулю».

Речь, как и первое выступление в Конгрессе, была посвящена проблемам экономики, вернее — уточненной программе экономического оздоровления страны.

Рейган сначала выразил благодарность за сочувствие и поддержку после событий 30 марта от своего имени, от имени своей жены, а также от имени других пострадавших, а затем опроверг высказываемое в последнее время мнение, что покушение было связано с тем, что американское общество «страдает затяжной болезнью», обладает некими порочными чертами, корни которых кроются в основе самой системы. Он, как всегда, не анализировал проблему по существу и по-прежнему прибегал к ярким историям, то ли действительно имевшим место, то ли выдуманым им самим или его помощниками.

На этот раз он рассказал о письме от одного школьника, который, узнав о его предстоявшем выступлении, написал: «Я надеюсь, что вы чувствуете себя достаточно хорошо, но, может быть, вам придется выступать в пижаме?» — а в конце письма добавил: «Если вам надо будет выступать в пижаме, я предупреждаю вас, чтобы вы этого не делали».

Вновь раздавшийся смех свидетельствовал, что депутаты обеих партий слушали президента с неослабевающим вниманием. Рейгану исключительно важна была проявленная на заседании межпартийная солидарность — явление весьма редкое в американской практике.

По существу речь была посвящена двум главным вопросам — установлению строгого контроля за государственными расходами и инфляцией, а также сокращению налогов.

Объективная картина, которую обрисовал оратор, по-прежнему не была радостной. «Я хотел бы, — говорил Рейган, — чтобы наша экономика выздоравливала так же быстро, как это произошло со мной». Однако и инфляция, и высокие государственные расходы сохранялись. За первые три месяца нового президентства никаких изменений в экономике не произошло. За последние полгода стоимость жилья возросла на 15 процентов и в такой же степени сократилась покупка новых домов, за тот же период обанкротились свыше шести тысяч бизнесов, средняя почасовая заработная плата составляла меньше шести долларов, а безработными к весне 1981 года оставались около восьми миллионов человек.

Рейган полностью поддержал проект закона, внесенный на рассмотрение обеих палат на межпартийной основе членами палаты представителей Филом Грэмом из Техаса и Делом Латтой из Огайо. Закон предусматривал сокращение налогов при некоторой несбалансированности государственного бюджета, то есть при увеличении размеров внутренних займов и росте государственного долга. Этому предложению противостоял проект, внесенный членами бюджетного комитета палаты представителей, который предполагал в принципе сохранить прежний уровень налогов, но зато незначительно сократить государственный долг.

Значительная часть выступления была посвящена последнему достижению американской космонавтики — приземлению Роберта Криспена и Джона Янга на космическом челноке «Колумбия», о чем уже шла речь. Рейган говорил по этому поводу: «Последняя экспедиция с участием людей была почти шесть лет тому назад, и я вспоминаю, как мы ожидали этого нового дня через годы, как все мы возлагали надежды на техническую точность наших людей и наших машин. Каждое потрясающее достижение становилось общим местом, пока перед нами не вставали новые вызовы. При помощи космического челнока мы вновь проверили уровень нашего всестороннего развития, совершив прыжок из прошлого в обещания и неопределенности будущего... Космический челнок не только доказал наши технические возможности. Он еще более поднял уровень наших ожиданий. Он заставил нас вновь мечтать».

Прочитав поэтa Карла Сэндберга о том, что американская республика — это именно народная мечта, Рейган завершил свою речь на деловой ноте: «Нам необходимо действовать. Время для действий пришло».

Спикер палаты представителей, демократ из Бостона Томас (Тип) О'Нейл, являвшийся парламентарием еще с 1952 года и переживший правление шести президентов, фактически признал новую американскую политическую реальность, вынуждавшую представителей Демократической партии стремиться к согласию с новым президентом. Он говорил: «Президент стал героем. Мы просто не можем спорить с человеком, который столь популярен, как он»^{340}.

Правда, весьма скоро О'Нейл вновь возглавил довольно острую оппозицию Рейгану, имея в виду, что в сенате большинство принадлежало республиканцам, то есть сторонникам президента. Отношения между Рейганом и демократическим большинством палаты представителей, его лидером О'Нейлом оставались неоднозначными на протяжении почти всех семи лет, когда Рейган и О'Нейл вынуждены были одновременно и конфликтовать, и сотрудничать (О'Нейл ушел в отставку в 1987 году).

С одной стороны, известен целый ряд весьма нелестных высказываний О'Нейла о Рейгане. В отличие (но не вопреки) от того, что было им сказано после ранения президента, спикер как-то заявил, что Рейган — «самый невежественный человек, который когда-либо занимал Белый дом». В другой раз спикер обозвал Рейгана «улыбающимся Гербертом Гувером» (напомним, что Г. Гувер был президентом США, когда в 1929 году началась Великая депрессия — самый страшный в истории США экономический кризис). Повторяли также его слова, что нынешний президент — «глава клики, приветствующей эгоистов», что все его президентство — «это одна огромная вечеринка для богачей»^{341}.

Как это ни странно, Рейган почти никогда не отвечал спикеру аналогичными выпадами. Более того, между ними вроде бы сохранялись добрые личные отношения, что, между прочим, лишний раз свидетельствует, насколько беспринципным и довольно грязным делом является любая политическая деятельность. Рейган в своих мемуарах отмечал, что с О'Нейлом они были добрыми друзьями «после шести часов вечера». В свою очередь, на вопрос Рейгана по поводу выпадов спикера против него О'Нейл в том же циничном духе отвечал, что это было «до шести часов вечера, и все это было политикой»^{342}. Рональд однажды пошутил, что получил поздравительную открытку без подписи, но понял,

что она от спикера, потому что на ней было изображено «кровооточащее сердце» — на такое способен, мол, был только спикер^{343}.

Глава 9

РЕЙГАНОМИКА

Новые подходы

Мы уже упоминали, что во время избирательной кампании и после вступления в должность президента Рейган особое внимание уделял проблемам выхода из того застойного состояния американской экономики, которое он в своих оценках подчас излишне драматически заострял, но которое в 1970-е годы действительно было не из лучших. Отмечалось нами и то выражение, которое поначалу казалось случайным, но постепенно вошло в обиход для обозначения комплекса мер, принятых администрацией Рейгана, чтобы сложившуюся ситуацию исправить и сохранить ведущее положение США в мировой хозяйственной системе. Речь идет о «рейганомике», причем в этом вначале искусственном слове, которое брали в кавычки, последние вскоре отпали, и слово превратилось в экономическое понятие.

О том, что собой представляла рейганомика, какова была ее теоретическая база, как она проводилась в жизнь, что собой представляли те деятели, которые по поручению президента стремились провести в жизнь его хозяйственную политику, каковы были противоречия и пороки этой политики и, наконец, каковы были ее результаты, следует рассказать подробнее. При этом мы попытаемся изложить теоретические аспекты как можно проще и приводить лишь минимум цифр, хотя совсем без них обойтись невозможно.

Рейган слабо разбирался в сложных теоретико-экономических построениях, считал их абстракциями, подчас не основанными на обычном здравом смысле. Однако он понимал, что проводить экономические мероприятия следует с учетом авторитетных экспертных оценок, а это означало необходимость считаться с теорией, со всеми сложностями и ловушками, которые на каждом шагу подстерегали любую попытку простого решения.

Основой рейганомики являлась теория предложения. Согласно ей, экономический рост может быть существенно стимулирован путем снижения всевозможных барьеров для производства любых видов

продукции и предложения их в качестве товаров и услуг. Иначе говоря, при сохранении определенного государственного регулирования и налогов как на производителей, так и на тех, кто реализует товары (без того и другого не могут существовать никакое общество и никакое государство), регулирование и прежде всего налоги необходимо сводить к разумному минимуму. Только в этом случае потребитель получит максимум товаров и услуг по меньшей цене, производство и потребление будут расти, будет повышаться занятость и стимулироваться всеобщее благосостояние.

Сторонники теории предложения утверждали, что снижение налоговых ставок в действительности приведет не к снижению сборов налогов, а к их увеличению в результате расширения производства^{344}.

Теория предложения основывалась на идее классической политической экономии о том, что залогом хозяйственного процветания общества является производство и предложение, которые порождают спрос и потребление. При этом часто упоминали так называемый закон Сэя^[20], гласивший: «Продукт создается не раньше того момента, когда он может быть обменен на другие продукты, стоимость которых полностью покрывает его цену»^{345}. Это, однако, были ссылки на весьма отдаленный в хронологическом отношении авторитет. Реальными же основоположниками теории предложения стали американские экономисты Роберт Манделл и Артур Лаффер.

Именно ими, особенно Лаффером, был выдвинут постулат о взаимосвязи ставок и поступлений налогов, который был графически продемонстрирован в кривой Лаффера и сводился к двум основным положениям: снижение налоговых ставок оказывает стимулирующее воздействие на производство; сокращение бюджетных доходов при уменьшении налогов носит временный характер. В теоретическом отношении построения этих экономистов были безупречными, однако последующий анализ и, главное, реальные статистические данные показали, что уменьшение налогов не приводит к существенному повышению уровня их сборов даже в длительной перспективе, но в то же время увеличивает социальное расслоение и ведет на практике к сжатию социальных гарантий.

В любом случае прямой зависимости между уровнем налогов и жизненным уровнем населения не существует. По данным на 1999 год, в Швеции при налоговой нагрузке на валовой внутренний продукт в 51 процент средний уровень доходов составлял 25,7 тысячи долларов, в США соответственно при 31,8 процента — 28 тысяч долларов, в Испании при

35,8 процента — 14,3 тысячи долларов, а в Мексике при 39,3 процента — 3,6 тысячи долларов^{346}. Становилось очевидным, что существуют и другие факторы, делающие кривую Лаффера и подобные ей выкладки весьма условным инструментом хозяйственного управления.

Но в начале 1980-х годов эти и другие противоречия и недостатки теории отнюдь не были столь наглядными. Лаффер был привлечен в кабинет Рейгана в качестве официального советника, и многие конкретные решения осуществлялись по его рекомендациям. Этот видный ученый так описывал основы своеобразной «экономической философии» Рейгана, которую сам в значительной степени ему внушил: «Когда вы налагаете на что-то налоги, вы получаете от этого меньше, а когда вы субсидируете что-то, вы от этого получаете больше. Представьте, что мы устанавливаем налоги на тех, кто ускоряет работу, и этим заставляем их прекратить ускорение... А затем мы это дело продолжаем и начинаем устанавливать налоги на людей работающих, особенно на людей, работающих очень продуктивно и зарабатывающих много денег. Что же, мы делаем это, чтобы остановить их работу или остановить их от того, чтобы быть производительными?»^{347}

Основными целями экономической политики администрации Рейгана являлись рационализация производства, его концентрация без создания фактических монополий, технологическая перестройка, снижение государственного долга и резкое уменьшение налогов, а как результат — существенное сокращение инфляции и безработицы. Президент негодовал по поводу того, что в его стране наказывают повышенными налогами трудолюбивых и талантливых и поощряют бездельников и безответственных людей, оказывая им материальную помощь.

Как уже отмечалось, и Рейган неоднократно об этом говорил, важнейшим инструментом реализации поставленных задач являлось сокращение налогов в соответствии с теорией и рекомендациями А. Лаффера. Проведенное вскоре после прихода Рейгана к власти новое налоговое законодательство сокращало максимальный налог на прибыль с 46 до 34 процентов, а максимальную налоговую ставку на недвижимость и незаработанный доход (в частности, наследство) — с 70 до 50 процентов. Еще более значительными были меры по уменьшению обычного подоходного налога. Вместо сложной шкалы, в которой максимальная ставка составляла 50 процентов, были введены всего две ставки: 15 процентов — для доходов ниже 30 тысяч долларов в год и 28 процентов — для доходов, превышавших этот уровень. Проведенные мероприятия были

выгодны высшему классу и способствовали более активному вовлечению его капиталов в производство и потребление самого разного рода товаров и услуг. В то же время они значительно повышали статус и доходы среднего класса, составлявшего основу американского общества.

Следующим важным элементом рейганомики являлось стремление сократить государственный бюджет. В одном из выступлений по телевидению и радио в начале 1981 года Рейган заявил: «Мы можем читать лекции нашим детям до тех пор, пока не потеряем голос и дыхание. Но мы можем сократить их излишества, просто сократив средства, которые мы им предоставляем»^{348}.

Однако при попытках реализации этого курса Рейган натолкнулся на сопротивление административных органов, руководители и сотрудники которых просто не желали терять удобные и хорошо оплачиваемые места: занимая их, они могли прекрасно существовать в столице и других центрах, не неся особой ответственности и не затрачивая чрезмерных усилий. В результате сам Рейган вынужден был пойти на уступки, согласившись действовать по простейшей схеме — путем сокращения тех статей бюджета, которые были связаны с реализацией социальных программ, в частности направленных на борьбу с бедностью.

Формально сжатие этих программ не должно было привести к ущемлению дотаций на жилье, продуктовые талоны (фудстемпы), прямую денежную помощь беднейшим слоям населения. Имелись в виду лишь самая тщательная проверка степени нуждаемости и ликвидация злоупотреблений. Однако это само по себе вело к расширению бюрократического аппарата и в то же время к произвольным решениям чиновников, многие из которых предпочитали просто сокращать или отменять пособия, вместо того чтобы проводить кропотливую работу по определению действительной степени нуждаемости конкретных лиц и семей.

Так возникал тот замкнутый круг, полностью преодолеть который Рейган так и не сумел, хотя в значительной степени оказался в состоянии его прорвать.

Попытки практической реализации

Первый рейгановский закон о государственном бюджете Конгресс принял в конце июня 1981 года. Через месяц был проведен закон о налогах. За оба закона голосовали не только республиканцы, но и значительная

часть демократов в обеих палатах. Фактически они были приняты на межпартийной основе. Так, за закон о налогах голосовали 48 демократов — членов палаты представителей. В сенате же при участии всех его членов (100 человек) за закон голосовали 89, а против — 11. 13 августа Рейган подписал закон, который (в совокупности с законом о госбюджете) сократил внутренние расходы на 39 миллиардов долларов, это привело к тому, что с государственного содержания были сняты около 400 тысяч человек и еще 279 тысячам дотации были сокращены. Около миллиона жителей страны были лишены продуктовых талонов (фудстемпов)^{349}. Не менее двух третей тех, кто лишился государственной помощи, были людьми полностью работоспособными, но теперь вынуждены были искать работу и трудоустраиваться на самые низкооплачиваемые должности, чтобы прокормить себя и свои семьи. Именно это предопределило тот факт, что население встретило проведенную реформу относительно спокойно, хотя из среды малочисленных левых партий, а также крайне левых демократов раздавались вопли возмущения.

Демократической партией была предпринята попытка развернуть в прессе кампанию против президента. Его обвиняли в том, что он жесток, что не заботится о своем народе, в частности о детях. Самой наглядной иллюстрацией, приводимой во многих газетных материалах, было переведение министерством сельского хозяйства соуса кетчуп из перечня подлив в перечень овощей, чтобы удешевить бесплатные завтраки, которые получали нуждавшиеся школьники. Однако начатая кампания скоро заглохла, так как разжечь недовольство низов подобными дешевыми приемами не удавалось.

Биограф с полным основанием отмечает, что Рейган рассматривал бедняков как личности, а не как социальную категорию^{350}. В Белый дом поступали многочисленные письма от людей, которые считали себя несправедливо обделенными государственной помощью или обиженными чиновниками по самым разнообразным поводам. Президент требовал, чтобы на каждое письмо был дан подробный обоснованный ответ с предварительной проверкой изложенных в нем фактов. Почти каждый день он отводил определенное время на то, чтобы лично продиктовать ответы. Иногда на это уходили часы. Бывали случаи, когда растроганный Рональд вкладывал в письмо денежный чек. Естественно, такие случаи получали широкую огласку, о них узнавали соседи, подчас население всего поселка или города. Было немало случаев, когда чеки президента не предъявлялись к оплате, а становились семейной реликвией, что, между прочим, было

свидетельством далеко не полной обоснованности всех жалоб, поступавших на президентское имя.

Подобные факты в свою очередь свидетельствовали, что реальная нуждаемость в США, которые оставались в основном страной среднего класса, была не так высока, как ее представляли крайне левые силы и политические противники рейгановского курса.

Разумеется, таких случаев в масштабе всей страны, в том, что касалось материальных нужд населения, было крайне мало. Рассказы о них значительно преувеличивали их действительный масштаб. В дело включалась сочувствовавшая Рейгану пресса. Так что его действия в связи с сокращением государственной помощи по социальному страхованию активно использовались в пропагандистских целях если не для еще большей популяризации Рейгана как «народного президента», то, во всяком случае, для сохранения его позитивного образа. В свою очередь, Рейган призывал состоятельных людей проявлять свойственную американцам благотворительность и оказывать помощь бедным в трудные для национальной экономики времена.

Важным элементом социальной политики стало разделение функций федерального правительства, штатов и местных общин. На долю федерального правительства оставалась только медицинская помощь беднейшему населению. Все остальные статьи соцобеспечения передавались властям штатов и более мелких административных единиц. В то же время для помощи федеральным властям был создан единый общенациональный фонд, который должен был действовать на протяжении ближайших четырех лет.

Еще одной составной частью рейганомики была программа дерегулирования (фактически не прекращения, а лишь некоторого ослабления регулирования) предпринимательской деятельности со стороны государства. Она была направлена в первую очередь на ослабление все более усиливавшегося в последние десятилетия бюрократического давления на частный бизнес. Теперь, в частности, ослаблялся контроль за ценами и за уровнем заработной платы, прежде всего минимальной. Были смягчены требования к степени очистки воды и воздуха промышленными предприятиями, что вызвало особо резкую критику со стороны защитников окружающей среды.

Немалую роль в осуществлении мероприятий рейганомики играла монетарная политика. Руководивший ею министр финансов Пол Волкер был «унаследован» Рейганом от Картера. С большим трудом согласившийся сохранить прежнего министра на своем посту, Рейган не раз

затем выражал удовлетворение этим своим решением. Вместе со своим ближайшим помощником — руководителем бюджетного управления Дэвидом Стокманом (это управление находилось при министерстве, но подчинялось как министру, так и непосредственно президенту) Волкер, получивший блестящее экономическое образование в Гарвардском университете, а затем в Лондонской школе экономики, проводил жесткий курс на сдерживание денежной эмиссии, что, с одной стороны, вело к умеренному повышению цен, с другой — к резкому сокращению инфляции.

Пик инфляции пришелся на 1980 год, когда она составила рекордную цифру — 14,5 процента. В следующие годы инфляция неуклонно сокращалась и в 1983 году составляла 3 процента. По настоянию Волкера и при полном согласии Рейгана федеральным банкам, их отделениям на местах, региональным банкам была предоставлена значительно бóльшая самостоятельность, хотя Волкер использовал различные инструменты, включая личное влияние через своих знакомых финансистов, чтобы убедить банкиров проводить курс на повышение учетных ставок, на увеличение стоимости займов и т. п. Говоря словами позднейшего исследователя, «даже наиболее влиятельные председатели [банков] вынуждены были «волкеризировать» свои учреждения»^{351}.

Однако усилия Волкера были бы недостаточными, если бы его не поддерживал талантливый и влиятельный молодой полуподчиненный Дэвид Стокман. Получивший экономическое (и параллельно теологическое) образование в Гарвардском университете и участвовавший в студенческие годы в выступлениях «новых левых», даже провозглашавший своей целью христианский коммунизм, Стокман, получив специальное образование и окунувшись в реальную действительность, резко поправел и вступил на политическую стезю. В 31 год он был избран в палату представителей, став самым молодым конгрессменом за всю историю США. Он ушел из Конгресса в 1981 году, приняв предложение возглавить бюджетное управление.

Совместными усилиями Волкера и Стокмана, а также их административного аппарата в жарких и порой непримиримых дискуссиях с конгрессменами власти добивались стабилизации финансов. Однако уменьшить дефицит бюджета не удавалось. Постоянно возникали все новые финансовые дыры, которые приходилось затыкать, не прибегая к ускоренной эмиссии денег. В результате за первый финансовый год президентства Рейгана (финансовый год в США начинается 1 октября) бюджетный дефицит не только не сократился, а увеличился с 900

миллиардов долларов до триллиона^{352}.

В следующие годы дефицит государственных финансов, несмотря на все усилия руководителей ведомств, продолжал расти. Это была одна из главных неудач рейганомии. Небезынтересно отметить, что один из основных проводников монетарной части этого экономического курса, Стокман, человек противоречивый, уже в конце 1981 года начал разочаровываться в нем, в результате чего в декабре 1981 года появилось его сенсационное интервью журналисту Уильяму Грейдеру. В нем Стокман признавался, что все чиновники, занимавшиеся бюджетными вопросами, действовали наугад, что никто из них «не понимал, что означают в действительности все эти цифры», что он и его сотрудники находились под влиянием «розовой мечты» о ежегодном экономическом росте на столько-то процентов, и вообще, что американская экономика «дала течь»^{353}.

Рейган вначале был крайне недоволен поведением руководителя бюджетного управления и прислушивался к тем помощникам, которые требовали его увольнения. Однако он был вынужден признать: в том, что говорил Стокман журналисту, было немало правды. Рональд записал в дневнике: «Может быть, и правда, что Дэвид — ренегат, но скорее всего его обвиняют те, кого он всегда считал своими хорошими друзьями»^{354}. С руководителем бюджетного управления произошло объяснение за обедом, и президент признал, что никакой вины за ним нет.

Более того, к концу первого года новой администрации Рейган стал признавать, что простых решений в финансово-бюджетных и налоговых делах не существует. Его энергично убеждал в этом тот же Стокман. 8 декабря в дневнике президента появилась новая запись: «Стремясь сбалансировать бюджет, мы постоянно сталкиваемся с бюджетным дефицитом»^{355}. Готовя проект бюджета на следующий финансовый год, Стокман и другие сотрудники смогли убедить президента в необходимости реального повышения некоторых налогов, хотя в документах это повышение тщательно маскировалось, буквально мимикрировалось с использованием описательной терминологии. Подписывая закон о бюджете в конце 1982 года, Рейган даже заявил: «Я думаю, будет ошибочно говорить об этом как о каком-то повышении налогов». И продолжал, поняв, что надо как-то объяснить реальное увеличение налогов: «Это — всего лишь регулирование после сокращения налогов в прошлом году»^{356}.

В действительности увеличивавшаяся инфляция, рост военных расходов, невозможность существенно сократить государственный аппарат вели к тому, что в следующие годы в администрации о сокращении налогов

просто забыли.

Налоговая реформа 1986 года

Вновь вопрос о налогах был поставлен администрацией только в 1986 году, то есть тогда, когда Рейган включился в свою вторую избирательную кампанию. Связано это было с тем, что в предыдущие три года экономическая ситуация в стране по некоторым показателям вновь ухудшилась. В 1983 году дефицит федерального бюджета составил свыше 200 миллиардов долларов, что в три раза превысило соответствующий показатель 1980 года. Увеличились и долги правительства, составившие около 1,4 триллиона долларов против 900 миллиардов в 1980 году. Стремясь преодолеть финансовые трудности, администрация в 1984–1985 годах провела через Конгресс два закона, которые несколько улучшили ситуацию. Законы о сокращении дефицита и о сбалансированном бюджете, правда, не привели к ликвидации дефицита бюджета и государственного долга, но остановили увеличение и одного, и другого опасных отрицательных показателей.

Это позволило Рейгану в конце 1985 года вновь поставить вопрос о сокращении налогов и об упорядочении налоговой политики в целом. Администрацией Белого дома, бюджетным управлением и несколькими членами Конгресса (в их числе были как республиканцы, так и демократы) был подготовлен проект закона о налоговой реформе, внесенный на рассмотрение палаты представителей демократом Ричардом Гефардтом (штат Миссури), а в верхнюю палату — сенатором Уильямом Брэдли, также представителем Демократической партии (штат Нью-Джерси). Тот факт, что в обеих палатах формальными инициаторами нового законодательства являлись члены оппозиционной партии, должен был свидетельствовать, что обе партии (по крайней мере большинство их парламентариев) разделяют президентские опасения по поводу проблем с налогами.

Законопроект быстро прошел через палату представителей и был утвержден уже 17 декабря. В сенате прения продолжались почти полгода, в проект были внесены изменения, не затрагивавшие его существа. Зато он был утвержден 24 июня 1986 года почти единогласно (из ста сенаторов против голосовали трое). Согласно процедуре закон Гефардта — Брэдли, как его стали называть, был вновь направлен в палату представителей, одобрен ею и окончательно принят на совместном заседании двух палат. Он был подписан Рейганом 22 октября 1986 года.

Президент считал новый проект исключительно важным результатом своей политики оздоровления экономической ситуации в стране. Процедуру подписания он превратил в торжественный акт. На южной лужайке Белого дома были собраны представители обеих палат Конгресса во главе со спикером палаты представителей О'Нейлом и вице-президентом Бушем (напомним, что он по должности руководил сенатом), лидерами большинства и меньшинства, высшие правительственные чиновники, сотрудники президентского аппарата и прессы.

Перед подписанием закона Рейган выступил с речью, в которой ссылаясь на одного из основателей Соединенных Штатов Томаса Джефферсона, который в 1801 году говорил, что если Америка хочет стать великой страной, то ей необходимо только ограниченное правительство. Будучи в основном удовлетворенным содержанием нового закона, президент все же дал понять, что ожидает от законодателей новых мер по ограничению федеральной власти: «Несмотря на все экономические преимущества этой реформы, я надеюсь, что потом этот момент будет отмечен в истории как нечто большее: как возврат к первым принципам отцов-основателей»^[357].

Рейган, однако, явно опасался, что бюрократия найдет возможность обойти новый закон при помощи разного рода уловок и исключений. Он говорил: «Теперь, когда мы пришли к этому результату, мы не можем позволить, чтобы налоговая реформа была опрокинута манипуляциями с отдельными налогами. Мы должны восстановить уверенность в нашем налоговом кодексе и в нашей экономике. Я буду сопротивляться всеми своими силами любым попыткам фактического повышения уровня налогов, которые платит американский народ, и надеюсь, что все присутствующие здесь присоединятся ко мне, с тем чтобы сделать постоянным исторический прогресс в области налоговой реформы».

Реформа налоговой системы 1986 года явилась наиболее действенным элементом рейганомии. Был разработан новый налоговый кодекс, положения которого вводились в действие в два этапа: с 1 января 1987-го и с 1 января 1988 года. Наиболее значительные новации касались подоходного налога и налога на прибыль. На втором этапе вместо существовавшей ранее крайне сложной системы подоходного обложения (в течение 1987 года временно действовали уже только четыре ставки — от 11 до 33,5 процента) были сохранены всего лишь две ставки — 15 и 28 процентов. Правда, в 1988 году на наиболее высокие доходы была введена так называемая «экстраставка» — 33 процента. Одновременно был введен необлагаемый минимум в две тысячи долларов месячного дохода, а

американцы с доходами до пяти тысяч долларов, престарелые и инвалиды получили скидки в уплате налогов.

В среднем подоходный налог был снижен на 6,5 процента. Примерно шесть миллионов американцев вообще освобождались от уплаты подоходного налога. Наибольшие сокращения пришлись на семьи с низкими доходами. Изменения во взимании налогов с корпораций в основном сводились к закрытию или, по крайней мере, значительному сокращению лазеек для уменьшения выплат государству. Ранее подвергавшиеся повышенному налогу крупные наследства и дарения теперь были приравнены к обычным доходам.

Правда, сам Рейган вопреки своим торжественным обязательствам в 1987 и 1988 годах соглашался на незначительные увеличения налогов на продажи отдельных товаров (в частности, на телефонное обслуживание, спиртные напитки и табачные изделия).

Однако в целом сказанное свидетельствует, что те критики рейганомии, которые полагают, что она значительно ухудшила положение малообеспеченных слоев населения, не учитывают реальных результатов налоговой реформы 1986 года^[358].

В целом реформа 1986 года и введенный ею налоговый кодекс сохранялись в США до конца XX века, однако затем были существенно изменены новым законодательством в сторону увеличения налогов. И только в настоящее время президент Дональд Трамп предпринимает в целом позитивные усилия по восстановлению умеренной шкалы налогов, встречая при этом ожесточенное сопротивление со стороны Демократической партии и ее представительства в Конгрессе.

Трудности и результаты

И все же далеко не все предложения Рейгана, связанные с взаимоотношениями между государством и социально-экономической сферой, находили поддержку Конгресса и на местах. В начале второго года своего пребывания на высшем посту он попытался ввести в действие курс, который широковещательно обозначил как «новый федерализм».

Собственно говоря, принципиально ничего нового для самого Рональда в этом плане не было, так как речь шла о давно им рекламируемом расширении полномочий штатов. В традиционном ежегодном послании Конгрессу о положении страны (январь 1982 года) речь шла о передаче в распоряжение штатов программ социального

обеспечения (пособий по старости, болезни, безработице, распределения фудстемпов). Поддержки новые предложения президента не получили ни у губернаторов штатов, ни в Конгрессе, и он был вынужден отказаться от них.

Значительная часть населения восприняла лозунг «нового федерализма» также с подозрением. Многие видели в этом курс на ослабление государства, тенденцию сепаратизма, чуть ли не угрозу для самого существования США как единого государственного организма. Это наряду с сохранявшимися экономическими трудностями вело к существенному снижению авторитета Рейгана. На протяжении 1982 года рейтинг президента резко падал: с 68 процентов в мае 1981 года до 35 процентов в январе 1983 года^{359}.

Отчасти это отразилось на результатах промежуточных выборов 1982 года. Промежуточными в США называют выборы, проходящие через два года после президентских, когда одновременно избираются палата представителей и одна треть сената. На промежуточных же выборах избираются те же органы власти, кроме президента. Если в 1982 году республиканцы сохранили контроль за сенатом (они получили те же 64 места из 100, что и в прошлом составе), то в палате представителей демократическое большинство укрепилось: демократы получили дополнительно 26 мест и теперь имели 61 процент голосов, то есть квалифицированное абсолютное большинство, достаточное даже для импичмента президента.

Впрочем, дальнейшие инициативы вновь укрепили массовую поддержку Белого дома.

Но дело было далеко не только в инициативах. Действовали объективные законы экономического цикла: с конца 1982 года вначале робко, а затем все более твердо стали проявляться признаки экономического оживления и подъема, резко сократился темп развития инфляции, стало расти доверие бизнеса к государству и его экономической политике. А это влекло за собой экономический рост, который лишь частично был связан с рейганомикой, но в массовом сознании приписывался прежде всего именно ей.

В целом результаты экономической политики Рейгана за первые четыре года его президентства были противоречивыми. Некоторые позитивные результаты рейганомика Соединенным Штатам безусловно принесла. Наибольший эффект, хотя и не столь внушительный, как ожидался, был получен в борьбе против инфляции и безработицы. Правда, после 1983 года, когда были достигнуты минимальные инфляционные

цифры, темп инфляции вновь стал несколько повышаться (к концу первого рейгановского срока он составил 4,5 процента), но это была вполне допустимая цифра, отнюдь не угрожавшая развитию экономики. Примерно на таком же уровне инфляция сохранилась и в следующие годы.

Что же касается безработицы, то вначале она росла, достигнув в ноябре 1982 года послевоенного рекорда в 10,8 процента рабочей силы. Однако в следующие годы началось ее неуклонное снижение (сократилась она к концу первого президентского срока до 6,7 процента)^{360}. Всего за годы правления Рейгана было создано 19 миллионов новых рабочих мест. Снижение кредитных ставок привело к тому, что резко увеличились покупки населением домов и автомобилей.

В то же время снижение налогов и другие мероприятия властей не привели к ожидаемому резкому инвестиционному росту. Темпы развития экономики оставались примерно теми же, какими были в предыдущие годы. Уровень климата доверия, столь необходимого для капиталовложений, в США не вырос. В то же время сокращение государственных расходов, прежде всего в области социального обеспечения, не могло компенсировать резкого увеличения военных расходов страны, в частности связанного с поиском новых систем современного ракетно-ядерного вооружения, способного добиться качественного превосходства над СССР. За первые четыре года правления Рейгана ежегодные военные расходы выросли на 43 процента, а за все годы его пребывания у власти более чем вдвое (с 134 до 282 миллиардов долларов)^{361}.

Фактически после переизбрания Рейгана в 1984 году рейганомика начала сворачиваться (за исключением сферы налогов, о чем мы уже говорили). Более того, новый руководитель финансового ведомства Алан Гринспен включил «печатный станок», что вело к новым и новым внутренним государственным займам и сокращению частных инвестиций^{362}.

Но все же с 1983 года начался семилетний период неуклонного экономического роста американской экономики. За этот период валовой национальный продукт вырос в денежном исчислении на 36 процентов, средний семейный доход увеличился на 12 процентов^{363}.

Тем не менее главным результатом экономической политики Рейгана следует считать не столько цифры достижений или просчетов, а тот факт, что он смог убедить значительную часть американцев низшего и среднего классов поменьше верить в способность правительства решать их

проблемы за них самих, отказываясь или сокращая собственные хозяйственные инициативы.

К сожалению, последующие администрации США преуспели в противоположном: вера в общество всеобщего благосостояния, в обеспеченную жизнь каждого американца, во всё новые программы социального обеспечения вела к резкому увеличению числа людей, находящихся на полном содержании государства, порождая появление и расширение новой социально-экономической и демографической категории — паразитического общественного класса, живущего на государственные пособия и не прилагающего усилий к тому, чтобы освободиться от этой зависимости и заняться производительным трудом.

Но все эти итоговые подсчеты и последствия были, однако, в отдаленном будущем. Пока же, в период правления Рейгана, речь шла о взаимном препирательстве между президентом и Конгрессом, в котором по-прежнему преобладали демократы. Развернулся и продолжался торг, в котором стороны обвиняли друг друга в пренебрежении интересами широких слоев населения, преимущественно бедных. Сколько-нибудь значительного единства не было и в рядах самих республиканцев, даже в правительстве. В то время как Стокман прилагал все силы для соблюдения или даже превышения запланированной экономии бюджетных средств, министерство обороны, которое давно уже именовали Пентагоном по названию огромного пятиугольного здания на окраине Вашингтона (уже на территории штата Виргиния), требовало ассигнования дополнительных средств на военные расходы.

Это соответствовало взглядам и намерениям Рейгана, который назначил на пост министра обороны своего давнего сотрудника и единомышленника Каспара Вайнбергера.

Окончивший правовую школу (факультет) в Гарвардском университете, К. Вайнбергер, родившийся в Сан-Франциско, возвратился в родную Калифорнию, где активно занялся политикой как республиканец. Он занимал различные должности в местном управлении, одно время являлся руководителем партийной организации штата. Когда Рейган был губернатором, Вайнбергер стал его близким сотрудником, возглавив наиболее важную комиссию губернаторства, контролировавшую экономику штата и организационные дела администрации. В начале 1968 года Рейган назначил его директором финансового управления, руководя которым Вайнбергер точно выполнял все указания своего шефа. Именно Рейган рекомендовал его на работу в федеральном правительстве. Он переехал в Вашингтон в 1970 году и возглавил Федеральную торговую комиссию в

администрации Р. Никсона^[364].

Вайнбергер являлся не просто сторонником курса Рейгана на укрепление обороноспособности США, усиление военной мощи и, следовательно, увеличение бюджетных военных расходов. Он выступал в качестве инициатора ряда проектов в этой области, которую президент считал одним из важнейших направлений государственной деятельности.

Отношения труда и капитала.

Некоторые итоги

С мероприятиями в области экономического развития, с проблемами финансов теснейшим образом были связаны трудовые отношения.

Рейган многократно заявлял, что его администрация ни в коем случае не является «антирабочей», антипрофсоюзной. Основное профсоюзное объединение страны — АФТ-КПП, являясь мощной организацией, стоявшей на позициях защиты непосредственных интересов наемных работников, категорически отвергало какую-либо политическую вовлеченность, — поэтому взаимоотношения между президентской администрацией и профсоюзами в основном развивались на основе сотрудничества. Рейган напоминал профчиновникам, что сам он когда-то был администратором союза, иногда сознательно опуская, каким именно союзом он руководил. Между тем профессиональное объединение актеров кино при сходстве некоторых задач с другими союзами все же резко отличалось от профсоюзов, допустим, сталеваров или электриков.

Сдержанно относясь к забастовкам в частном секторе, которые с каждым годом происходили все реже и не были массовыми, президент в то же время стоял на жесткой позиции, что наемные работники, занятые в сфере обслуживания, тем более оплачиваемые федеральными властями или штатами, не имеют права на забастовку, так как такого рода выступления нарушают общественный порядок и безопасность.

Уже в 1981 году произошел первый и наиболее серьезный конфликт Рейгана с организацией наемных работников за все время его президентства. Речь шла о забастовке авиационных диспетчеров, которая администрацией была признана незаконной.

Правда, вначале взаимоотношения Рейгана с Профессиональной организацией авиационных диспетчеров, созданной в 1968 году,

развивались благоприятно. Рейган как бы позабыл, что в 1970-х годах этот профсоюз провел ряд успешных выступлений. Большинство из них носили характер «итальянской забастовки», то есть контролеры начинали «работать по правилам», соблюдая далекие от реальной жизни должностные инструкции: двигались нарочито медленнее, чем обычно, соблюдали каждый микроскопический пункт служебных положений, тысячами отказывались выходить на работу «по болезни» и пр. ^{365}

На выборах 1980 года организация диспетчеров поддержала республиканского кандидата. Связано это было с попытками администрации Картера заставить союз отказаться от своей тактики путем ряда судебных дел, которые диспетчеры в основном выиграли. В свою очередь Рейган, заинтересованный в поддержке немногочисленного, но влиятельного союза, осторожно высказался тогда за улучшение условий труда авиадиспетчеров ^{366}.

В 1981 году, однако, истек срок контракта министерства транспорта с организацией диспетчеров по вопросам трудовых отношений, в частности заработной платы.

Во время переговоров с Федеральной администрацией авиации, являвшейся составной частью министерства транспорта, но обладавшей широкими полномочиями в области гражданских авиационных перевозок, организация диспетчеров, надеясь на поддержку президента, выдвинула весьма амбициозные требования — не только повышения заработной платы и значительного улучшения условий работы (в частности, предоставления удобных отдельных помещений каждому диспетчеру), но и введения 32-часовой (четырехдневной) рабочей недели. Помимо этого союз требовал, чтобы диспетчеры были исключены из разряда федеральных государственных служащих, которые, согласно положениям закона Тафта — Хартли 1947 года, не имели права на забастовку.

Население США внимательно следило за ходом напряженных переговоров, в которых президент сразу же резко осудил претензии диспетчеров. Это было для них явной неожиданностью, однако отступить было поздно. Получив решительный отказ по всем пунктам требований и узнав о намерении властей подписать контракт на прежних условиях, союз решил прибегнуть к забастовке, которая по законодательству считалась «нелегальной».

Стачка была начата в семь часов утра 3 августа 1981 года. Воздушные перевозки в стране были парализованы. В условиях, когда авиационное сообщение становилось основным видом транспорта на огромной

территории США, а международные воздушные перевозки — обыденным делом, это был поистине тяжкий кризисный момент с точки зрения как экономики, так и общественных отношений. Подавляющая часть населения страны независимо от материального положения была искренне возмущена безответственным поведением авиационных диспетчеров и их профсоюза.

Пользуясь массовой социальной поддержкой, Рейган этим же утром объявил стачку «угрозой для национальной безопасности» и потребовал немедленного возвращения диспетчеров на рабочие места. Однако примерно из 13 тысяч диспетчеров на следующий день на работу вышли всего около 1300 человек. В аэропортах скапливались огромные массы пассажиров, простаивали грузы, в том числе скоропортящиеся продукты. В этих условиях президент через несколько часов выступил с заявлением, в котором, в частности, говорилось: «Позвольте мне зачитать торжественную клятву, произнесенную каждым из этих служащих, принятое под присягой обязательство, которое они дали, прежде чем приступить к своей работе: «Я не буду принимать участие ни в одной стачке, направленной против правительства Соединенных Штатов или любого его учреждения, и не буду участвовать в таковых, пока нахожусь на службе государства Соединенных Штатов или любого его учреждения»^[367].

На этот раз президент потребовал возвращения диспетчеров на рабочие места в течение 48 часов и объявил, что те из них, кто и на этот раз не выполнит его распоряжение, будут немедленно уволены и переданы в руки правосудия как нарушившие свою клятву перед государством, что уголовному преследованию будет подвергнуто и профессиональное объединение, организовавшее «нелегальную забастовку».

Одновременно Рейган потребовал от министра транспорта Дрю Льюиса, который находился рядом с ним во время его выступления, чтобы тот договорился с военными властями о замене бастующих диспетчерами, находившимися в подчинении Пентагона.

При помощи фактических штрейкбрехеров, которые не могли не подчиниться воинским приказам, уже на следующий день удалось восстановить около половины авиатранспортных маршрутов.

Выполняя свою угрозу, 5 августа президент своим исполнительным распоряжением уволил с работы 11 тысяч 345 бастовавших контролеров, одновременно навсегда запретив принимать их на государственную службу.

Диспетчерская служба в течение трех лет испытывала серьезные трудности в связи с необходимостью подобрать и подготовить новых квалифицированных работников. Тем временем в октябре 1981 года Профессиональная организация авиационных диспетчеров была распущена

решением федеральной администрации по трудовым отношениям. Решение было обжаловано, однако высшие административные органы и суд подтвердили роспуск^{368}. Только в 1987 году была образована новая профессиональная организация — Национальная ассоциация авиационных диспетчеров, а Рейган в конце своего второго президентского срока особым распоряжением предоставил ранее уволенным диспетчерам возможность формального восстановления на работе и ухода на пенсию.

Современные исследователи и публицисты с полным основанием высоко оценивают решительное поведение президента в схватке с профсоюзом авиадиспетчеров. В тридцатую годовщину того памятного события профессор Джорджтаунского университета в Вашингтоне Джозеф Маккартни, подготовивший специальное исследование о драматических событиях 1981 года, писал в газете «Нью-Йорк таймс», что своими действиями Рейган «не только преобразовал свое президентство, но придал новый вид мировому трудовому рынку... Он показал не только наемным работникам федерации, но и советским лидерам, каким жестким он может быть. Между 1962 и 1981 годами произошли 39 нелегальных прекращений работы федеральными служащими, но ни одно значительное выступление подобного рода не произошло после увольнения Рейганом забастовщиков из организации диспетчеров. В то же время его жесткое поведение произвело впечатление на СССР, укрепив его позиции в переговорах, которые он позже вел с Михаилом Горбачевым»^{369}.

Влияние событий 1981 года на переговоры с СССР через несколько лет сомнительно, но их воздействие наряду с другими факторами на взаимоотношения труда и капитала, труда и государства в США безусловно. Поведение Рейгана в конфликте авиадиспетчеров с государством, быстрое преодоление связанного с конфликтом начинавшегося экономического и социального коллапса значительно повысили авторитет президента, которого поддержали самые широкие слои населения и даже другие профсоюзы АФТ-КПП, не проявившие в данном случае цеховой солидарности.

На протяжении первого президентского срока Рейган все более превращался в своего рода символическую фигуру. Он многократно выступал на публике, произносил речи перед Конгрессом, общался с журналистами, чуть ли не играл роль, подобную тем, в каких предстал перед зрителями в боевиках своей кинематографической молодости. По не лишенному оснований определению Р. Ривза, он становился не двигателем своего штаба, а высшим должностным лицом, в основном от штаба

зависимым^{370}. Это было действительно так, но ведь сам штат администрации подбирали по указаниям президента, и именно он утверждал его состав и вносимые изменения. Так что скорее в силе была взаимозависимость.

В том обширном бюрократическом аппарате, который состоял из работников Белого дома, министров и руководителей других ведомств вместе с их многочисленным служебным составом и продолжал расширяться, несмотря на обещания Рейгана его неуклонно сокращать, прежде всего выделялась руководящая тройка: Джеймс Бейкер, Майкл Дивер и Эдвин Миз. С ними проводились совещания почти каждое утро и нередко еще раз во второй половине дня. Лишь в случае необходимости к ним присоединялись руководители ведомств, в основном министерства финансов и бюджетного управления. Хотя четко сформулированных обязанностей у каждого из этих помощников не было, постепенно между ними сложилось определенное разделение труда.

Бейкер (он официально до 1985 года продолжал занимать должность руководителя аппарата Белого дома) в основном ведал назначениями на наиболее ответственные государственные должности и взаимоотношениями президента по горизонтали и вертикали — с Конгрессом, прессой, партиями, администрацией штатов и наиболее крупных городов. В обязанности Дивера входили главным образом повестка дня и облик самого президента. Он разрабатывал почасовое расписание Рейгана, следил за его выполнением, вносил в него необходимые оперативные изменения, а также заботился о «правильном» общественном восприятии президента, его поведения, его семьи, в частности первой леди. Нэнси, в свою очередь, считалась с мнением Дивера, рассматривая его как друга семьи. Наконец, Миз занимался связями Белого дома с отдельными министерствами и ведомствами, кабинетом министров в целом, намечал вопросы, которые следовало обсудить с министрами и другими высшими чиновниками.

Рейган, как правило, чутко прислушивался к мнению своих советников, в то же время считая, что встречи с ними необходимы только для того, чтобы «на людях» проверить то или иное свое решение. Как свидетельствует анализ и рукописи, и сокращенной публикации президентского дневника, проведенный Дж. Вейсбергом (рукопись дневника составляет пять объемистых томов; она хранится в Архиве Библиотеки Рейгана), Рейган исправно заносил в него все сведения, связанные с его личными делами и здоровьем. Вейсберг насчитал 80 записей о стрижке, 21 — о посещении дантиста. В дневнике была масса

записей о просмотренных фильмах и впечатлении от них, о качестве пищи, подаваемой в Белом доме, о верховых прогулках с рассказом о любимых лошадях^{371}.

Значительно меньше в дневнике записей о тех делах, которые находились в центре внимания президента. Впрочем, подчас он признавал, что то или иное решение принималось под давлением «тройки» или кого-то из ее членов. Но и в этих случаях Рейган был убежден, что хотя и пошел навстречу мнению советников, он скорее всего и сам бы принял аналогичное решение. Так он высказался, например, когда именно по требованию «тройки» был освобожден со своего поста государственный секретарь Хейг, который не только допустил промах после ранения президента (об этом шла речь выше), но и вообще проявлял стремление к слишком самостоятельным решениям^{372}.

После переизбрания Рейгана в 1984 году в группе высших советников были проведены некоторые изменения. Руководителем аппарата Белого дома стал Дональд Риган, опытный экономист с гарвардским образованием, который перед этим служил в финансовом ведомстве.

Риган прилагал максимум усилий, чтобы привлечь к выработке решений экспертное сообщество. В ряде случаев это удавалось, но далеко не всегда. Более того, руководитель аппарата явно конфликтовал с первой леди, коль в своих воспоминаниях с негодованием писал, что Нэнси Рейган пользовалась услугами астролога Джоан Квигли, с которой была знакома еще с голливудских времен и советы которой очень часто оказывали влияние на решения президента. Риган писал — безусловно, с некоторым преувеличением (не называя имя астролога, которое было раскрыто позже): «Буквально каждое важное действие и решение, которое принимал Рейган в то время, когда я был руководителем администрации Белого дома, предварительно согласовывалось с женщиной из Сан-Франциско, которая составляла гороскопы, чтобы убедиться, что расположение планет благоприятствовало осуществлению данного предприятия»^{373}.

По-видимому, то ли планеты почти всегда располагались нужным образом, то ли с их размещением администрация не очень считалась, но решения, которые принимал Рейган во время второго президентского срока, носили, как правило, сравнительно выверенный характер.

Глава 10

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДЕЛА

Главный противник в холодной войне

Порой казалось, что первые четыре года пребывания в Белом доме Рейган почти исключительно посвятил внутренней, прежде всего экономической, политике. Но это было далеко не так. Международные дела, в первую очередь связанные с продолжавшейся холодной войной, со взаимоотношениями с СССР, неизбежно оставались в центре внимания Белого дома.

Уже на первой пресс-конференции (29 января 1981 года)^{374} после вступления в должность новый президент весьма жестко отозвался о той системе, которая существовала в Советском Союзе — главном геополитическом и социальном противнике США. Журналист агентства Эй-би-си Сэм Дональдсон задал вопрос: «Мистер президент, в чем вы видите долговременные намерения Советского Союза? Не думаете ли вы, в частности, что Кремль стремится к мировому господству, что это приведет к продолжению холодной войны, или вы считаете, что при определенных обстоятельствах возможна разрядка?»

Ответ Рейгана звучал недвусмысленно. Его целесообразно привести полностью, так как он четко определил характер политики Соединенных Штатов в духе холодной войны до тех пор, пока в Советском Союзе не начнутся действительно серьезные внутренние перемены:

«Что ж, до сих пор разрядка была улицей с односторонним движением, которую Советский Союз использовал для того, чтобы проводить свои идеи. Мне не нужно думать, чтобы ответить на вопрос, в чем состоят их намерения; сами они их повторяют. Я не знаю ни одного руководителя Советского Союза со времени революции, включая нынешнее руководство, которое не повторяло бы многократно на различных коммунистических съездах, что они сохраняют решимость добиться своей цели — осуществления коммунистической революции и создания всемирного социалистического или коммунистического государства.

Поскольку они не только говорят, но и делают для этого все возможное и поскольку публично и открыто объявляют, что единственная мораль,

которую они признают, — та, что способствует их делу, то есть они сохраняют за собой право совершать любые преступления, лгать, вводить в заблуждение, чтобы этого достигнуть, а мы оперируем иной системой стандартов; я думаю, что, делая с ними любые дела, даже связанные с разрядкой, мы должны иметь сказанное в виду».

В этих словах было немало пропагандистской риторики, и освещали они скорее не ту реальную внешнюю политику, которую проводило брежневское руководство СССР в начале 1980-х годов, а ленинский курс и линию Сталина примерно до середины 1930-х годов. Рейган воспринимал как данность не действительное стремление советского руководства к сохранению полного господства в своей геополитической сфере с перспективой незначительного ее расширения за счет стран третьего мира, а коммунистическую мифологию, которую проповедовали в СССР на протяжении всех лет советского тоталитаризма — от его зарождения до заката.

Он не учитывал, что само руководство СССР, и Л. И. Брежнев прежде всего, сохраняя тоталитарную систему, находившуюся в состоянии кризиса, сознавало опасность превращения холодной войны в ракетно-ядерную катастрофу и действительно стремилось к относительно мирному сосуществованию с Соединенными Штатами. На помощь коммунистическим руководителям приходили высказывания Ленина и других «основоположников», что революции в той или иной стране могут совершиться только тогда, когда для них созреют внутренние условия.

Не слишком разбиравшийся во всех этих тонкостях и в то же время полагавшийся скорее на собственные ощущения, а не на компетентное мнение экспертов, Рейган продолжал проявлять полное незнание советских реалий. Он повторял вымышленные «цитаты» из «Николая Ленина», которые почерпнул, скорее всего, из не очень грамотных антикоммунистических брошюр крайне правого Общества Джона Берча, опасаясь контактов с этим обществом, но отнюдь не брезгуя использовать его продукцию.

В то же время Рейган не отвергал полностью возможность развития отношений с СССР в той или иной форме. На той же пресс-конференции ему был задан вопрос, не собирается ли он отменить введенное в марте 1980 года его предшественником эмбарго на экспорт американского зерна в СССР (в числе других ограничений, последовавших вслед за введением советских войск в Афганистан). Определенного ответа президент не дал, но возможность этого не исключил. Действительно, уже в апреле 1981 года зерновое эмбарго было отменено, советские закупки зерновых продуктов в

Соединенных Штатах были возобновлены. Сам факт того, что огромные валютные средства советское руководство вынуждено было теперь затрачивать на покупку заокеанского хлеба, свидетельствовал о тяжелейшем кризисном состоянии советской КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОЙ системы.

До введения эмбарго советские закупки зерна за рубежом составляли 15–16 миллионов тонн в год. После снятия эмбарго зерновой импорт из года в год увеличивался. В 1982 году он составил 29,4 миллиона тонн, в 1983 году — 33,9, в 1965-м — 45,6 миллиона тонн. При этом около половины поставок приходилось на долю США^{375}. Для аграрного сектора страны, для американского фермерства огромный советский рынок создавал весьма благоприятные экономические условия.

В определенной степени закупки зерна ставили СССР в зависимость от импорта. Это, однако, никак не меняло общего вектора советско-американских отношений, которые с приходом Рейгана в Белый дом стали резко ухудшаться.

Собственно говоря, процесс разрядки напряженности, происходивший в 1960-е — первой половине 1970-х годов, подошел к концу еще при Картере, который довольно энергично, хотя, естественно, только на словах, выступал за права человека в СССР, против преследования диссидентов, судебных процессов над ними. При этом, однако, в полной мере сохранялись действовавшие договоренности и, что было особенно важно, контакты в Вашингтоне между Государственным департаментом и послом СССР в США Анатолием Федоровичем Добрыниным, опытным дипломатом, стремившимся к сохранению разрядки. Летом 1979 года в Вене состоялась встреча Картера и Брежнева, на которой в дополнение к первому договору об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) был подписан новый договор ОСВ-2, расширявший и уточнявший положения первого. Договор устанавливал равное для США и СССР число стратегических ядерных вооружений всех типов (не более 2400 единиц). Договор ОСВ-2 так и не был ратифицирован в связи с тем, что еще при администрации Картера советско-американские отношения вновь резко ухудшились, в основном в связи с вмешательством СССР во внутренние дела Афганистана и введением на территорию этой страны советских войск.

Еще в марте 1979 года, перед началом избирательной кампании, Рейган через посредников передал Добрынину, что намерен посетить СССР и хотел бы встретиться с Брежневым и председателем Совета министров СССР А. Н. Косыгиным или, в крайнем случае, с одним из них. Добрынин

воспринимал Рейгана как представителя крайне правого крыла Республиканской партии и ответил на вопрос вопросом: не является ли намерение Рейгана предвыборным ходом, «не станет ли он, возвратившись из Москвы, с удвоенной энергией выступать против СССР, ссылаясь на то, что теперь, мол, он уже побывал там и может говорить «со знанием дела»^{376}.

От имени Рейгана послу было передано, что «будущий президент» (в том, что он станет таковым, у него сомнений не было) стремится сам разобраться во взаимоотношениях, что он желает расширить свою избирательную базу и, возможно, поддержит новые соглашения с СССР о контроле над оружием массового уничтожения.

Можно полагать, что только в самом начале избирательной кампании Рональд не исключал возможности разрядки, чтобы противопоставить себя Картеру и в области внешней политики. Холодное отношение советского представителя было, видимо, лишь дополнительным аргументом к тому, что от планов смягчения взаимоотношений он отказался, отменив одновременно и намечавшийся визит.

Непосредственно после выборов и даже в начале пребывания Рейгана в Белом доме сохранялась, однако, некоторая надежда на возможность развития более или менее конструктивных отношений между Рейганом и советскими руководителями, в частности Брежневым. Об этом свидетельствовала беседа Добрынина с бывшим президентом Р. Никсоном, который приехал в Вашингтон из Нью-Йорка на прием по случаю празднования годовщины Октябрьской революции.

Добрынин вспоминал, что Никсон «попросил, чтобы сказанное им в доверительной форме было доведено до сведения Брежнева. По словам Никсона, он очень хорошо и давно знает Рейгана как человека весьма консервативных и антикоммунистических взглядов. Верно, что он сторонник «сильной Америки». Но он вместе с тем достаточно разумный, а главное — прагматически мыслящий политический деятель. Никсон выразил уверенность, что в конечном счете у советского руководства с Рейганом установятся отношения не хуже тех, которые были при нем. Правда, на это потребуется немалое время, возможно несколько лет, но важно, чтобы советское руководство не теряло из виду указанную выше перспективу и не вступало с ним раньше времени в ненужную полемику вокруг Кубы или какой-то другой проблемы, так как Рейгана может «заносить» в публичных выступлениях»^{377}.

То ли Рейган еще колебался, то ли Никсон выражал скорее не его

мнение, а свое собственное, но в ближайшей перспективе его предположения не подтвердились. Тем не менее в высшем советском руководстве живо обсуждались возможности отношений при новом президенте. 17 ноября Ю. В. Андропов, курировавший в то время в ЦК КПСС внешнюю политику, и министр иностранных дел А. А. Громыко направили в Политбюро записку самого общего характера, предлагая меры, само собой разумеющиеся и без их послания: установить неофициальные связи с окружением Рейгана, изучить взгляды лиц из его администрации на внешние проблемы, особенно отношения с СССР. Добрынин без какой-либо иронии, весьма серьезно изложил этот документ^[378], хотя было совершенно ясно, что ни о чем другом, кроме как о полной неосведомленности советской стороны о намерениях нового президента, он не свидетельствовал.

Между тем с приходом Рейгана в Белый дом разрядке напряженности постепенно, но довольно быстро пришел конец. Существовал целый ряд причин этого, которые анализируются специалистами в области международных отношений. По мнению подавляющего большинства авторов, главная причина состояла в том, что разрядка дипломатическая не сопровождалась разрядкой политической, а последняя была невозможна при сохранении в СССР тоталитарной системы, находившейся в состоянии кризиса и разложения, но еще сохранявшейся. Отсюда вытекала установка на идеологическую конфронтацию с Западом, крайне подозрительное отношение к СССР и его действиям на Западе, в частности в США, продолжавшиеся разведывательные и подрывные действия обеих сторон в различных районах земного шара.

К этому, разумеется, добавлялись личные факторы, не игравшие решающей роли в длительной перспективе, но оказывавшие немалое влияние на конкретный ход событий. Установки Рональда Рейгана, несомненно, не способствовали разрядке напряженности в реальных условиях первой половины 1980-х годов.

Новое обострение отношений

С первых дней пребывания Рейгана в Белом доме государственные секретари А. Хейг, а затем несколько более мягко и осторожно его преемник Дж. Шульц убеждали президента, что, несмотря на существование нескольких соглашений и договоров по ограничению ракетно-ядерного оружия, СССР стремится нарушить баланс в области

стратегических вооружений и этим поставить под угрозу безопасность США. Президенту предоставлялись данные, свидетельствовавшие о создании в СССР новых систем ракетно-ядерного оружия, в частности межконтинентальной баллистической ракеты, получившей в классификации НАТО название SS-18 Satan («Сатана»). Ее считали носителем самых крупных ядерных боеголовок в мире, превышавших мощность атомных бомб, сброшенных на японские города в 1945 году, в тысячу раз. Рейгана информировали, что ракета «Сатана» (в советской классификации она называлась Р-36-М2 «Воевода») может преодолеть расстояние до 16 тысяч километров, что одна такая ракета может стереть с лица земли почти все восточное побережье США, все мегаполисы от Нью-Йорка до Вашингтона^{[21]{379}}.

Хотя не столько руководители Госдепартамента, сколько военные эксперты убеждали президента, что между обеими сверхдержавами сохраняется паритет в области наиболее мощных систем стратегических вооружений, сам он склонялся к мнению, что наиболее вероятный противник все же имеет определенное преимущество^{380}.

Одновременно Рейган стремился «прощупать» главного противника. С этой целью он лично написал и передал 25 апреля Добрынину в рукописном виде письмо Л. И. Брежневу, начатое еще в госпитале после ранения и завершённое во время выздоровления в президентской резиденции. Сам Рейган чуть позже рассказывал, что он в этом письме напоминал Брежневу о встречах с ним в калифорнийском городке Сан-Клементе во время президентства Никсона, когда состоялись плодотворные для обеих сторон переговоры и был подписан ряд взаимно выгодных документов^{381}.

По словам же Добрынина, «он [Рейган] ссылался, в частности, на период сразу после Второй мировой войны, когда у СССР не было еще атомной бомбы, а вся страна была разрушена войной. США не воспользовались тогда своим превосходством, когда их никто не мог бы остановить, чтобы захватить чужие территории. На этом фоне последующая советская политика, в изложении президента, выглядела иной. Если бы изменилась политика СССР, то обе страны могли бы вместе взаимодействовать»^{382}. Иначе говоря, Рейган требовал от советского руководства в тех условиях совершенно невыполнимого — полного изменения официального коммунистического внешнеполитического курса.

Через месяц поступил ответ Брежнева, одобренный Политбюро. Советский лидер в свойственном в то время официальной советской

международной переписке миролюбивом тоне жаловался, что Рейган, как ему кажется, не отказывается от антисоветского курса. В письме, составленном от имени Брежнева, говорилось далее: «Мы хотим иного — хотим мира, сотрудничества, чувства взаимного доверия и благожелательности между СССР и США. Мы предлагаем сейчас США и другим западным странам честные конструктивные переговоры, поиск решений практически по всем существующим между нами вопросам — и о сдерживании гонки вооружений, и о ликвидации опаснейших очагов напряженности в различных районах мира, и о мерах укрепления доверия». Одновременно предлагалось провести «хорошо подготовленную» встречу на высшем уровне^{383}.

По существу дела, и письмо Рейгана, и ответ Брежнева носили общий характер, не способствовали созданию атмосферы доверия^{[22]{384}}. В Москве даже не обратили внимания, что американский президент попытался вопреки своим политическим установкам вступить в письменный диалог с высшим советским коммунистом. Ответной реакции на это не последовало, в чем, разумеется, была вина не столько самого Брежнева, сколько его советчиков. Диалог не получился.

Постепенно, но неуклонно президент США стал все чаще критиковать политику советского руководства как внутри страны, так и на международной арене, особенно во время приемов в Белом доме послов стран, с которыми у руководства СССР отношения были не из лучших.

Правда, вскоре после появления новой американской администрации А. Ф. Добрынин оказался старейшим иностранным послом в США и по традиции был избран дуайеном дипломатического корпуса, что несколько замедлило внешнее проявление усиления напряженности. Однако таковое становилось все более ясным для всех тех, кто хотя бы в незначительной степени был в состоянии оценивать реалии международной политики.

Явной демонстрацией недоброжелательного отношения к советскому руководству стал следующий факт. В сентябре 1981 года министр иностранных дел СССР А. А. Громыко прибыл на очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН, но вопреки традиции не получил приглашения посетить Белый дом, хотя Брежнев поручил ему лично передать Рейгану мнение руководителей СССР о его политике. Сделать это советский министр оказался не в состоянии^{385}. Рейгану были направлены новые письма Брежнева с выражением недовольства антисоветскими акциями американской стороны.

В результате Рейган поставил перед своей администрацией и прежде

всего перед блоком высших учреждений, отвечавших за национальную безопасность, а также государственной пропагандистской системой и Государственным департаментом несколько взаимосвязанных задач:

в соответствии с планами, которые он давно вынашивал, разработать и создать такой комплекс стратегических вооружений, который обеспечил бы надежное прикрытие всей территории США от возможного ядерного удара;

создать видимость, что Соединенные Штаты уже обладают решающим преимуществом перед СССР в ракетно-ядерной области;

втянуть СССР в длительную и крайне дорогостоящую гонку стратегических вооружений, которая, учитывая огромные технологические преимущества США, как можно более быстрыми темпами углубляла бы кризисное состояние советской экономики, вела к резкому сокращению расходов на образование, здравоохранение, социальное обеспечение, способствовала появлению и развитию настроений недовольства в советском обществе и, как общий результат, имела разрушительные последствия для всей советской социально-экономической, а следовательно, и политической системы;

продемонстрировать не только СССР и его сателлитам, но и всему остальному миру, что США не намерены строить отношения с СССР на основе разностороннего сотрудничества, а возвращаются к политике с позиции силы, хотя таковая политика была далеко не полностью основана на реальном соотношении ракетно-ядерных потенциалов, в известной мере носила показной, а следовательно, авантюрный характер.

В качестве первых практических мер по укреплению военного могущества США Рейганом была одобрена программа строительства ста мощных бомбардировщиков Б-1 и ста межконтинентальных баллистических ракет класса МХ, создания военных самолетов, недоступных для наземного обнаружения (система самолетов-«невидимок» «Стелс»), и мощных атомных подводных лодок класса «Огайо».

В марте 1982 года Рейган одобрил новую стратегическую доктрину США. Хотя она обозначалась как «совершенно секретный» документ, были приложены усилия, чтобы советская разведка, представители которой были известны спецслужбам, как можно скорее получила этот документ во всей его полноте. В нем говорилось: «Если разрядка потерпит провал и произойдет стратегическая ядерная война с СССР, Соединенные Штаты должны добиться решающего преимущества и заставить Советский Союз стремиться к скорейшему прекращению военных действий на условиях, благоприятных Соединенным Штатам»^{386}. При этом Рейган не исключал возможности «ограниченной ядерной войны» против СССР, о чем даже

упомянул на нескольких пресс-конференциях.

Дело дошло до того, что в «Правде» (и, разумеется, во всех остальных советских газетах) был опубликован ответ Брежнева на «вопрос корреспондента» — по существу дела, заявление советского Политбюро, выдержанное не просто в духе холодной войны, а скорее даже в духе сталинского ее этапа:

«Вопрос. Недавно президент Рейган заявил, что СССР, судя, дескать, по разговорам его руководителей «между собой», считает возможной победу в ядерной войне. Этим он пытался обосновать свой курс на форсированное наращивание ядерного арсенала США. Что Вы могли бы сказать по поводу упомянутого заявления американского президента?

Ответ. Оставляя на совести г-на Рейгана ссылку на то, будто ему известно, о чем говорят между собой советские руководители, по существу вопроса скажу следующее: начинать ядерную войну в надежде выйти из нее победителем может только тот, кто решил совершить самоубийство. Какой бы мощью ни обладал, какой бы способ развязывания ядерной войны ни избрал, он не добьется своих целей. Возмездие последует неотвратимо»^{387}.

Против сферы советского влияния

Одновременно командование вооруженных сил США и ЦРУ по распоряжению Рейгана начало серию подрывных операций против советского влияния и агентуры в Африке, Латинской Америке и других районах земного шара, попутно с этим всячески поощряя выступления против советского господства и местных коммунистических властителей в странах Восточной Европы, в частности в Польше. По этому поводу в советской прессе стали публиковаться откровенно антиамериканские и антирейгановские материалы, характер которых четко был представлен в энциклопедическом томе «СССР», где говорилось: «В США была развернута оголтелая антипольская и антисоветская кампания в связи с введением в Польше военного положения. СССР решительно осудил грубое вмешательство США во внутренние дела Польши, заявил, что экономические «санкции» в отношении Польши, а также СССР, объявленные правительством Р. Рейгана (декабрь), ведут к дальнейшему ухудшению советско-американских отношений»^{388}.

В связи с введением в декабре 1981 года военного положения в

Польше, где развернулось массовое рабочее движение против системы тоталитаризма, последовал новый обмен письмами между Рейганом и Брежневым, на этот раз выдержанными в весьма острых тонах.

В конце декабря 1981 года администрация Рейгана ввела санкции против СССР, впрочем, относительно мягкие, оставлявшие приоткрытую дверь для возможных дальнейших переговоров. Были приостановлены рейсы в США самолетов «Аэрофлота», прекращены работа советской закупочной комиссии в Нью-Йорке и выдача лицензий на поставки электронно-вычислительных машин (сферы, тогда находившейся в самом зачаточном состоянии), прерваны переговоры о сотрудничестве в космическом пространстве и др.

В течение первого года пребывания в Белом доме Рейган перестал колебаться, и линия конфронтации возобладала в полной мере, хотя происходило это постепенно, рывками, с незначительными поворотами в обратную сторону, что в какой-то степени было связано с эмоциональным характером самого президента.

Некую смесь эмоций и пропагандистского расчета можно было уловить в выступлении Рейгана 18 ноября, которое вначале было воспринято как сенсация, направленная на действительное ограничение вооружений. Президент выступил в национальном пресс-клубе только перед избранными журналистами, но это выступление транслировалось всеми основными теле-и радиоканалами, а затем широко комментировалось.

Если отбросить обычные словесные украшения, столь характерные для выступлений Рейгана (его спичрайтеры и консультанты за прошедшие десять месяцев хорошо овладели искусством писать тексты в соответствии со стилем Рейгана, но он неизменно продолжал вносить в свои речи немалую долю спонтанности), то дело сводилось к тому, что вскоре получило название «нулевой вариант» вооружений в Европе. Рейган заявлял, что США готовы отказаться от размещения в Европе новых ракетных систем среднего радиуса действия «Першинг-2», а также крылатых ракет наземного базирования (также среднего радиуса), если СССР демонтирует несколько типов ракет различных классов. В основном, правда, имелись в виду ракеты СС-20 (согласно американской классификации), уже размещенные на пусковых установках в странах Восточной Европы и в западных районах СССР. Так как это было одностороннее предложение и речь шла отнюдь не о равных условиях: обмен уже готовых к запуску ракет на те, которые еще только предстояло привезти в Европу, отказ от учета ракетных сил Великобритании и

Франции, как будто их не существовало вообще, то уже вскоре стало ясно, что предложение носит откровенно пропагандистский характер и было заранее рассчитано на отказ.

Именно так и произошло. В высшем советском руководстве американское предложение сразу вызвало отрицательную реакцию, его стали трактовать как стремление США добиться односторонних преимуществ для НАТО. Правда, А. Ф. Добрынин рассуждал через много лет о том, что целесообразнее было бы принять американские предложения, что через несколько лет о них действительно вспомнили в окружении М. С. Горбачева^{389}. Однако эти соображения представляются висящими в воздухе, так как основаны на оценке возможных перспектив спустя много лет после того, как данные действия могли произойти, а не на реалиях того времени, когда принимались решения. А. Ф. Добрынин признает, что из бесед с ним американских высокопоставленных деятелей вытекало: «Рейган поставил себе целью ускоренными темпами наращивать военную мощь Америки и американское ядерное присутствие в Европе. Сама мысль «договориться с русскими безбожниками — коммунистами» ему претит. Даже если бы советская сторона сейчас и согласилась с пресловутым «нулевым вариантом»... президент все равно нашел бы повод отказаться от собственного предложения только из-за того, чтобы добиться развертывания американских ракет в Западной Европе»^{390}.

Биограф Рейгана Дж. Вейсберг полагает, что несбыточные предложения о «нулевом варианте» отражали позицию тех советников Рейгана, которые вообще не верили в возможность сокращения вооружений (фамилии таких автор не называет), тогда как сам президент искренне стремился к решению этой острейшей проблемы^{391}. Свою позицию автор не обосновывает. Между тем уже приведенные нами данные показывают, что каких-либо разногласий между сотрудниками Белого дома и президентом не было, что чиновники послушно и компетентно выполняли те задания, которые перед ними ставились высшим должностным лицом.

В поисках решений о взаимоотношениях с СССР, прежде всего в том, что касалось проблемы вооружений, президент, с одной стороны, искренне стремился найти какие-то подходы к их достижению, но, с другой — крайне опасался обманов с советской стороны, сохранения действительного или кажущегося советского превосходства. Одновременно он опасался упреков внутри страны в том, что проводит недостаточно жесткий политический курс, не выполняет своих обещаний твердо

противостоять безбожному коммунизму. Отсюда и предложения, подобные «нулевому варианту», которые были скорее рассчитаны на внутреннюю аудиторию, на американского обывателя, нежели на реальное достижение результата.

Рейган сопровождал свои предложения обычной риторикой по поводу мира: «Нет никаких оснований, чтобы люди в любой части света жили в обстановке постоянной боязни войны или в ее сфере. Я верю, что настало время для всех наций действовать в духе ответственности и не ставить под угрозу другие государства. Я верю, что настало время двигаться к контролю за вооружениями и к решению критически важных региональных споров за столом переговоров».

При этом, однако, особое внимание обращалось на так называемую «третью корзину» (третий раздел) заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанного в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975 года. Этот раздел предусматривал налаживание контактов между людьми, правдивой информации, сотрудничества в области культуры. Советская сторона, подписав заключительный акт в целом, по-своему трактовала этот раздел, фактически отказываясь его исполнять и подвергая преследованию участников диссидентского движения, которые настаивали на его последовательном выполнении.

Особенно наглядно новый курс американского руководства был продемонстрирован в том, как Госдепартамент поставил «на должное место» посла СССР в Вашингтоне А. Ф. Добрынина, которому ранее были предоставлены бесспорные привилегии.

Началось с того, что после назначения А. Хейга государственным секретарем Добрынин перед официальным визитом вежливости новому госсекретарю договорился о личной встрече для выяснения взаимных позиций и претензий. Когда автомобиль посла подъехал к секретному гаражу Госдепа, водителю было указано следовать на общую парковку. Добрынина, обычно доброжелательного, но на этот раз рассерженного, окружили заранее оповещенные журналисты, направив на него кинокамеры и задавая на ходу массу каверзных вопросов, на которые посол не отвечал [\[392\]](#).

Раздражение по отношению к Хейгу, действия которого полностью вытекали из позиции президента, Добрынин сохранил на много лет, что отразилось в характеристике этого деятеля в его мемуарах: «Я неплохо знал Хейга еще по его работе в никсоновском Белом доме и не считал, что это был лучший выбор на пост госсекретаря США. Хейг был по характеру задиристый человек, склонный к конфронтационной манере беседы, а не к

поиску возможных договоренностей. Для него все было или черное, или белое — полутонов он не признавал. Категоричность его суждений, видимо, объяснялась тем, что он был профессиональным военным. Атмосфера конфронтации была для него более привычным состоянием, чем неопределенность, связанная с ослаблением напряженности или с неясными перспективами затяжных переговоров»^{393}.

В следующем году, когда Хейг был заменен Шульцем, взаимоотношения Госдепартамента с советским послом несколько лет не улучшались. Более того, по распоряжению Шульца, опять-таки согласованному с Рейганом, была ликвидирована прямая линия связи посольства с госсекретарем («горячая линия»), так как ее сочли бесполезной, а «в худшем случае представлявшей риск с точки зрения шпионажа»^{394}.

Однако эти и подобные им факты составляли не сущность, а внешнее проявление того, что подчас называли «второй холодной войной» (начавшейся со времени вторжения советских войск в Афганистан в 1979 году, то есть еще до прихода к власти Рейгана), но, по существу дела, это был лишь новый этап не прекращавшегося единого процесса конфронтации между США и СССР как двумя сверхдержавами с противоположными системами, контролировавшими свои сферы господства и влияния на земном шаре и стремившимися по крайней мере их сохранить, а в благоприятном случае — расширить.

При этом в оценке американо-советских отношений Рейган оставался в известной мере человеком наивным. Он представлял советскую систему как нечто единое, монолитное, не понимал, что тоталитаризм находился в состоянии разложения, что в самом окружении Брежнева могут быть люди с различными оценками международной действительности, своего рода «ястребы» и «голуби». Когда же оказывалось, что подобные люди возникали перед ним, он искренне удивлялся. В мемуарах Рейгана появилась, например, благоприятная запись о советском после и его жене: «Все, что мы о них слышали, действительно верно — это во всех отношениях приятная пара. Настолько приятная, что я удивляюсь, как они в состоянии ужиться с советской системой. По правде говоря, он и его жена — очень приятные люди, которые вот уже сорок лет женаты и, кажется, очень любят друг друга»^{395}.

По мнению Добрынина, Рейган принял близко к сердцу смерть Л. И. Брежнева, направил в Москву на похороны авторитетную делегацию во главе с вице-президентом Бушем, посетил посольство СССР и оставил

запись в траурной книге, причем так волновался, что дважды написал какое-то слово^{396}.

Это, однако, были лишь свойственные Рональду эмоции, а действительность от них принципиально отличалась.

Устойчивое противостояние

Приход к власти в СССР бывшего руководителя КГБ Ю. И. Андропова, который считал Рейгана опасным для интересов советской верхушки деятелем, тогда как Рейган, в свою очередь, относился к Андропову именно как к шефу карательных служб страны с тоталитарной системой, принципиальных изменений в советско-американские отношения не внес. Биограф отмечает, что Андропов «постоянно говорил о возможности внезапного нападения со стороны Соединенных Штатов и НАТО и, похоже, сам в это верил»^{397}.

Еще в начале июня 1982 года состоялся визит Рейгана в Великобританию и ФРГ (включая Западный Берлин). Британия считалась главным союзником США и выступала в роли почти равного их партнера. Такие отношения закреплялись тем, что правительство этой страны возглавляла лидер Консервативной партии Маргарет Тэтчер, взгляды которой (как и других руководителей этой партии) были очень близки позициям Рейгана и его администрации.

Рейган познакомился с Тэтчер в 1975 году, когда она возглавила свою партию, находившуюся тогда в оппозиции правительству лейбористов. Новые встречи последовали во время двух посещений Тэтчер Вашингтона в 1981 году.

Во время первой поездки Рональда в Лондон предполагавшаяся краткая встреча переросла в долгую и интересную для обоих беседу, выявившую близость взглядов, прежде всего по внутренним проблемам. Тэтчер была первым зарубежным лидером, приехавшим в Вашингтон после того, как Рейган стал президентом. В ее честь был устроен радушный прием.

По словам позднейшего лидера консерваторов и премьера Великобритании Дэвида Кэмерона, тогда «Рейган не только лично присутствовал на всех этих мероприятиях, он обнял ее за плечо, чтобы показать: «Мы делаем одно дело, и мы правы». Для нее это было началом прекрасной дружбы, как, я думаю, для него тоже»^{398}.

Теперь, выступая в британском парламенте 8 июня 1982 года, президент призвал страны Запада к «крестовому походу» против коммунизма, подтвердив свои прежние заявления об агрессивности СССР^{399}. Вся его речь, в которой говорилось и о Берлинской стене, возведенной по совместному решению советских лидеров и коммунистических боссов ГДР, и о выступлениях польских рабочих за свободу профсоюзов и в конечном итоге за независимость своей страны, и о прозорливости сэра Уинстона Черчилля, в 1946 году пришедшего к выводу, что над Восточной Европой навис «железный занавес», была выдержана в духе конфронтации.

Президент США говорил: «Звучит иронией, но Карл Маркс был прав. Мы ныне являемся свидетелями великого революционного кризиса, кризиса, в котором требования экономического характера вступают в непосредственное противоречие с политическим строем. Но кризис происходит не на свободном немарксистском Западе, а на родине марксизма-ленинизма, в Советском Союзе. Именно Советский Союз движется против волн истории, отрицая человеческие права и человеческое достоинство своих граждан».

Рейган выразил уверенность, что «марш свободы и демократии» под руководством Соединенных Штатов и Британии «оттеснит марксизм-ленинизм на свалку истории». По форме это было заявление об идеологическом противоборстве, но, учитывая политические реалии, означало выражение надежды, что в обозримом будущем рухнет та система, которая существовала в СССР. Это, однако, не была оценка, основанная на каких-либо реальных фактах, а благое пожелание, в которое вряд ли тогда хотя бы в малой степени верил сам Рейган.

В то же время Рейган дал санкцию на возобновление подрывных операций против СССР, которые были прекращены в 1975 году после сенсационных расследований комитета конгрессмена Фрэнка Черча, раскрывших в основном ряд попыток убийства американскими агентами кубинского лидера Фиделя Кастро.

Рейган многократно встречался с Уильямом Кейси, членом Республиканской партии, одним из руководителей избирательной кампании 1980 года, затем участвовавшим в формировании нового кабинета, которого президент сразу же после прихода к власти назначил начальником Центрального разведывательного управления.

По свидетельству ряда источников, Рейган сознательно пошел на предоставление Кейси значительной автономии, которую тот требовал в качестве условия, чтобы занять свой пост. О Кейси говорили, что он

возвращает времена «дикого Билла», имея в виду Уильяма Донована, которого в свое время Ф. Рузвельт назначил руководителем спецслужб, являвшихся предшественниками ЦРУ, организованного в 1947 году. Кейси действительно считал Донована образцом для себя. Оказалось, что и сам Рейган восхищался этим деятелем, что еще более сблизило президента и директора ЦРУ^{400}. Рейгану рекомендовали посмертно объявить Донована почетным директором ЦРУ, но на это президент все же не пошел^{401}.

Президент ввел Кейси в состав правительства (ранее директор ЦРУ в кабинет министров не входил)^{402}. В этом качестве Кейси с согласия, а в ряде случаев по требованию Рейгана совершал многочисленные зарубежные поездки, устанавливая личные связи с разведывательными органами многих стран, в том числе стран Западной Европы (среди них, между прочим, был и центр католической религии — крохотное государство Ватикан), Пакистана, Саудовской Аравии, Египта и др.^{403}

Рейган был недоволен тем, что в соответствии с законом о свободе информации, принятым при президенте Л. Джонсоне в 1966 году, ЦРУ вынуждено было приступить к рассекречиванию и предоставлению общественности значительной части своей документации. Помимо того, что это рассекречивание, несмотря на ряд ограничений, могло привести к попаданию сведений о тайных операциях в нежелательные руки, сам факт публикации многих документов выводил ЦРУ из некоего «сакрального» положения, превращал это внушавшее страх ведомство «плаща и кинжала» в почти обычное государственное учреждение. Исполнительным распоряжением от 1982 года Рейган ограничил действие закона, введя целый ряд дополнительных изъятий из предоставляемой общественности информации^{404}.

Между прочим, уже знакомый нам крайне правый деятель Республиканской партии Б. Голдуотер, приветствуя ограничения, введенные Рейганом, в специальном письме президенту (1983 год) требовал новых изъятий и фактической отмены закона о свободе информации, «освобождения разведывательного сообщества» от действия этого закона, противоречившего, по его мнению, интересам нации^{405}. Пойти на это Рейган отказался.

Имеются непроверенные сведения, что Рейган дал согласие на запрос Кейси осуществить взрыв на советском транссибирском газопроводе в качестве своего рода пробной операции, проверки, насколько подобные акции способны подорвать СССР изнутри. По данным американских авторов, взрыв на газопроводе Уренгой — Сургут — Челябинск произошел

летом 1982 года в результате внедрения в управление газопроводом зараженных вирусом элементов, что рассматривается в литературе как первый эпизод тайной войны в виртуальном пространстве при помощи кибернетического вируса^{406}. Операция, по сведениям этих же авторов, была проведена при посредстве офицера КГБ В. И. Ветрова, завербованного французскими спецслужбами, а затем переданного ЦРУ под кодовым именем «Фарвелл» (*farewell* — прощание)^{[23]{407}}.

В СССР о взрыве мощной силы никакой информации не было, да и не могло быть, ибо цензура (Главное управление по охране государственной и военной тайны в печати, которое для публики маскировалось под названием Главлит) категорически запрещала любые сообщения такого рода. Однако и в постсоветской литературе факт взрыва на газопроводе отрицается, причем приводятся технические данные в пользу того, что аварий было немало, но не больше, чем в аналогичных широтах США или Канады. Это объяснялось сложными условиями укладки труб в болотистых местностях. Помимо сказанного, специалисты утверждают, и это главное, что в первой половине 1980-х годов управление газопроводами в СССР осуществлялось вручную, а электронная техника управления появилась значительно позже^{408}.

Можно полагать, что операция на названном газопроводе действительно планировалась, но по ряду причин, прежде всего технического характера, реализовать ее не удалось. В то же время вся эта история была ярким свидетельством того, как неквалифицированно работали американские разведывательные службы, если они не знали даже, насколько продвинута в СССР техническая кибернетика, как управляется система газовых коммуникаций.

Других фактов прямых диверсий против СССР не было (да и названная диверсия, как мы отметили, за пределы подготовки выйти не смогла).

Показателем того, что США энергично поддерживали и проводили тайные операции против СССР, был прием в Белом доме несколько позже, 21 июля 1987 года, бывшего резидента советской разведки в Лондоне О. А. Гордиевского, который был завербован британскими спецслужбами, а затем передан для использования ЦРУ. Гордиевский сообщил британским и американским органам ценные сведения о советской разведке, что привело к высылке из США большой группы московских дипломатов. Он был награжден орденом Великобритании, а в СССР заочно приговорен к смертной казни. Многочисленные сделанные тогда фотографии президента

Рейгана с советским двойным агентом было решено не публиковать, но сам факт приема стал широко известен прессе и рассматривался как своего рода символ противостояния^{[24]{409}}.

Конфронтация на периферии мира

Главными регионами конфронтации в первое президентство Рейгана были развивавшиеся страны, причем особое опасение в администрации вызывала ситуация в Латинской Америке, прежде всего в странах перешейка, соединяющего Северную Америку с Южной.

Именно этому была посвящена так называемая «доктрина Рейгана». Мы обозначаем ее как так называемую, да еще берем в кавычки по той причине, что никакой четко сформулированной доктрины (последовательного изложения намечаемой программы действий по определенному кругу проблем) не существовало. Сам термин был впервые употреблен в 1985 году, тогда как соответствующий курс проводился с самого начала пребывания Рейгана у власти.

Названный термин придумали журналисты. В качестве первого, кто его употребил в 1985 году, называют Чарлза Краутхэммера, опубликовавшего соответствующую статью в журнале «Тайм»^{410}. «Доктрина Рейгана» противопоставлялась тому, что в США обозначалось как «доктрина Брежнева» или «доктрина ограниченного суверенитета». Под ней подразумевалось право СССР вмешиваться в дела стран Восточной Европы, чтобы обеспечить сохранение в них тоталитарных систем и тесное сотрудничество с СССР на базе подчинения курсу его руководства. Аналитики связывали «доктрину Брежнева» с его выступлением на съезде Польской объединенной рабочей партии в 1968 году. Брежнев говорил: «Когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом, — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран»^{411}. Именно «доктриной Брежнева» западные политологи объясняли вторжение советских войск вместе с армиями других стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года для подавления утопической попытки создать в этой стране «социализм с

человеческим лицом».

В противоположность «доктрине Брежнева» под «доктриной Рейгана», которая фактически действовала с 1981 года, подразумевался отказ от предыдущей политики «сдерживания» СССР и переход к активным действиям по поддержке сил и движений, выступавших за свержение просоветских, коммунистических и прокоммунистических режимов в странах Европы (в частности, в Польше) и в странах третьего мира, в частности в тех государствах, где в данное время шли военные действия. Наиболее опасным с этой точки зрения считалось положение в Никарагуа.

Существовавшее в этой стране левое правительство, которое пыталось проводить социальные реформы, в окружении американского президента называли коммунистической властью, хотя к реальным коммунистическим или социалистическим преобразованиям оно отнюдь не стремилось. Белому дому было важно другое: никарагуанские власти нарушали американскую континентальную солидарность, возлагали надежды на помощь и поддержку СССР. По мнению Хейга, у советских лидеров был в наличии «горячий список» стран Латинской Америки, где намечались государственные перевороты, ориентированные на советскую поддержку. В обоснование своего курса на свержение левого правительства в Никарагуа и недопущение прихода к власти аналогичных сил в других латиноамериканских странах, Рейган несколько раз цитировал слова, якобы принадлежавшие Ленину, но на самом деле являвшиеся фальшивкой: «Как только мы завладеем Латинской Америкой, нам не надо будет овладевать Соединенными Штатами, последним бастионом капитализма, потому что они сами упадут в наши протянутые руки подобно перезревшему фрукту»^{[25]{412}}.

В отстаивании необходимости оказывать помощь борцам против левого правительства в Никарагуа Рейган, обычно высоко отзывавшийся о президенте Дж. Кеннеди, критиковал его за то, что тот отказался оказать помощь попытке вторжения на Кубу вооруженных отрядов эмигрантов в 1961 году^[413]. При этом Рейган в соответствии с поступавшими ему тенденциозными материалами из центральноамериканской республики явно преувеличивал как ужасы, происходившие там, насилие и злоупотребления властей, так и моральные ценности никарагуанских «контрас» — вооруженных противников режима, которые были наследниками того самого Анастасио Сомосы, который единолично правил страной с 1936 года, был убит, после чего диктатуру до ее свержения в 1979 году осуществлял его сын.

После прихода к власти Сандинистского фронта национального освобождения, названного так по имени убитого в 1936 году национального лидера Аугусто Сандино, и образования правительства во главе с его лидером Даниэлем Ортегой его противники, получившие теперь прозвище «контрас», бежали в соседние страны — Гондурас и Коста-Рику, откуда совершали налеты на Никарагуа. Жертвами становились преимущественно мирные жители, в основном поддерживавшие сандинистов. С 1982 года отряды противников сандинистского режима начали создавать базы внутри страны, опираясь в основном на зажиточных крестьян и другие недовольные слои населения, а также индейские племена. Недовольных было немало: значительная часть крестьянских хозяйств была почти разорена экспроприациями, а индейцы роптали из-за принудительных переселений в новые поселки, нарушавших привычный быт.

Численность «контрас» постепенно достигла 15–20 тысяч человек. Без каких-либо оснований Рейган, ставший по геополитическим причинам на сторону «контрас», чуть позже, 1 марта 1985 года, назвал их «моральным эквивалентом наших отцов-основателей»^[414].

С другой стороны, правительство Ортеги в 1979 году установило дипломатические отношения с СССР. Советские лидеры рассматривали Никарагуа как новый оплот их влияния на Американском континенте. Начались поставки советского вооружения, причем в долг, который, как это было ясно, никогда не будет возвращен. После визита Даниэля Ортеги в Москву в 1982 году СССР и Куба осуществили программу перевооружения никарагуанской армии, снабжая ее бронетехникой, артиллерией и военной авиацией. С 1978 по 1990 год в Никарагуа побывали 688 советских военнослужащих, в основном инструкторов. Время от времени они участвовали в боевых действиях^[415].

По распоряжению Рейгана ЦРУ предприняло попытки разными способами преградить путь поставкам советского вооружения в Никарагуа (главным образом организуя налеты «контрас» на пункты складирования полученного оружия). Одновременно на военную поддержку отрядов «контрас» Вашингтон ежегодно затрачивал до 100 миллионов долларов^[416].

В американском истеблишменте развернулась довольно острая борьба, связанная с отношением к событиям в Никарагуа и в целом к Центральной Америке. Ряд деятелей Демократической партии выступили с критикой действий ЦРУ, приводя данные об участии его сотрудников в карательных

экспедициях и о содействии нарушению прав человека в этом регионе. Получив сведения о том, что сотрудники ЦРУ осуществляют разностороннюю подготовку отрядов «контрас», в том числе по захвату заложников, репрессиям против мирного населения, поддерживающего сандинистов, демократы потребовали расследования этих фактов в Конгрессе.

На рассмотрение конгрессменов были внесены три проекта резолюций, инициированных Эдвардом Боулендом, председателем комитета палаты представителей по разведке, демократом от штата Массачусетс. Все три документа были оформлены как поправки или дополнения к другим законопроектам. Юридически дело было разыграно так, что президенту трудно было придаться к ним, и он был вынужден, несмотря на нескрываемое недовольство, их подписать^{417}.

Нельзя сказать, что эти документы были особенно жесткими по отношению к действиям президента и его спецслужб. Составлены они были хитро, запрещая исполнительной власти оказывать прямую помощь «контрас» в свержении правительства Никарагуа, но допуская ее для других целей. Как будто все цели «контрас» в конечном итоге не сводились к свержению сандинистского правительства!

Правда, последнее «дополнение Боуленда», весьма неохотно подписанное Рейганом 12 октября 1984 года, носило более общий характер. В нем говорилось: «Никакие фонды, предоставляемые Центральному разведывательному управлению, министерству обороны или другому ведомству или структуре Соединенных Штатов, участвующему в разведывательной деятельности, не могут быть предоставлены или израсходованы на цели, которые имели бы результатом прямую или косвенную поддержку или полувоенные операции в Никарагуа, проводимые каким-либо государством, группой, организацией, движением или отдельным лицом»^{418}.

В какой-то степени и эту резолюцию ЦРУ находило возможность обходить. Но все же в значительной мере открытая поддержка «контрас» путем крупного американского финансирования была лимитирована. Рейгану, Кейси и их помощникам приходилось теперь искать новые обходные пути. К какой запутанной афере это в конце концов привело и как осложнила эта афера положение администрации и лично президента, мы расскажем ниже, рассматривая особенности внешней политики в период второго президентства Рейгана, в частности историю, получившую название дело «Иран-контрас».

Другими регионами, в которых с наибольшей силой развертывался конфликт влияний США и СССР, являлись Афганистан и Ангола.

В официальных советских заявлениях вступившие на территорию Афганистана советские войска именовались «ограниченным контингентом», причем какова была численность «ограниченных войск», нигде не сообщалось. Рейган полагал, что ответ его предшественника на советское вторжение в Афганистан в декабре 1979 года был недостаточным. Тогда Картер ввел сравнительно небольшие санкции, удовлетворившись в основном запретом на экспорт зерна в СССР и бойкотом летних Олимпийских игр 1980 года в Москве.

Рейган, правда, умышленно игнорировал тот факт, что Картер еще за полгода до советского вторжения санкционировал финансирование антиправительственных сил в Афганистане — отрядов моджахедов («борцов за веру»), которые ставили целью свержение просоветского режима. Рейган не мог не знать, что Картера предупреждали о почти неизбежном военном противодействии со стороны СССР. Тогдашний помощник Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский через много лет вспоминал: «Согласно официальной исторической версии, помощь ЦРУ моджахедам началась в 1980 году, то есть после того, как Советская армия вторглась в Афганистан 24 декабря 1979 года. Но реальность, державшаяся в секрете до сегодняшнего дня, совсем другая: на самом деле президент Картер подписал первую директиву о тайной помощи противникам просоветского режима в Кабуле 3 июля 1979 года. В тот же день я написал докладную записку президенту, в которой объяснил, что эта помощь повлечет за собой советское военное вмешательство». Бжезинский сообщал Картеру: «У нас теперь есть возможность предоставить СССР его собственную вьетнамскую войну»^[419].

Рейган, однако, действительно значительно расширил поддержку отрядов моджахедов, в частности отдав распоряжение о поставке им ракет «Стингер» («Жало») — переносных, управляемых вручную зенитно-ракетных комплексов, незадолго перед этим созданных компанией «Дженерал Дайнемикс» и принятых на вооружение в США в 1981 году. Правда, первое боевое применение этих ракет произошло только в 1986 году, но решения о поставках были проведены на всех уровнях уже в конце первого президентства Рейгана. «Стингеры» были способны поражать воздушные цели, находящиеся на высоте до четырех километров. Они начали сбивать советские самолеты и вертолеты, а позже принуждали их подниматься на значительно большую высоту, что лишало их возможности точно поражать наземные цели.

Так началось то, что историк Джон Кули назвал «американской любовной аферой с исламом»^{420}. Расходы США на поддержку моджахедов неуклонно росли. В середине 1980-х годов они составляли около 700 миллионов долларов в год, которые предназначались главным образом на поставку моджахедам современного вооружения, боеприпасов, средств связи и т. д. Годовые поставки составляли в среднем 65 тысяч тонн. Общие расходы США на тайные операции во время афганской войны 1979–1989 годов составили около трех миллиардов долларов^{421}.

И Рейгану, и руководству ЦРУ моджахеда с их мусульманскими средневековыми идеалами были чужды. Кули так писал об афганских повстанцах, воевавших против кабульского режима и «шурави» (советских): «Фактически все они были мусульманами. Они страстно верили, что Бог приказал им сражаться с его врагами, безбожными коммунистами и вторгшимися иностранцами — русскими. Наградой на земле для них являлись слава и щедрая плата. Для тех же, кто окажется жертвой, награда будет предусмотрена на Небесах»^{422}.

Наряду с более общими причинами, приведшими к выводу советских войск из Афганистана в начале 1989 года (СССР находился уже накануне развала), некоторую роль сыграла американская помощь повстанцам. В то же время это событие крайне осложнило положение в Афганистане, что привело к новой войне, начавшейся в 2001 году, в которой США оказались на стороне центрального правительства, а их военные контингенты приняли участие в военных действиях против наследников моджахедов — талибов («учащихся медресе») — членов террористической мусульманской организации Талибан, правившей Афганистаном во второй половине 90-х годов XX — начале XXI века, свергнутой в 2001 году, но по наши дни контролирующей значительную часть этой страны. Поддерживая в свое время моджахедов, Рейган и его администрация невольно для себя ковали ту силу, против которой с переменным успехом продолжается борьба по наши дни.

Геополитические интересы США сталкивались с советско-кубинским влиянием и на Африканском континенте, главным образом в государстве Ангола, расположенном в юго-западной части континента.

После обретения Анголой независимости от Португалии в 1975 году здесь развернулась сложнейшая по расстановке сил и характеристике участников гражданская война, сочетавшаяся с личностными амбициями и корыстными интересами, окрашенная идеологическим и догматическим противоборством^{423}.

На одной стороне стояло Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), близкое к коммунистическому движению и придерживавшееся марксистской ориентации, которое пришло к власти в 1975 году. Против однопартийной власти МПЛА выступили две другие организации, которые ранее вместе с МПЛА участвовали в антиколониальном движении, — Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА), стоявший на консервативных позициях и выступавший за сохранение племенного устройства страны, а также Национальный союз за полную независимость Анголы (УНИТА), который трансформировался с леворадикальных позиций резко вправо и оказался на крайнем антикоммунистическом фланге политического спектра.

Именно лидер УНИТА Жонаш Савимби, прошедший путь от поддержки идеологии маоизма до признания ценностей западной демократии, но многократно выступавший с заявлениями, противоречившими друг другу, фактически стал лидером антиправительственной вооруженной борьбы, личным противником прокоммунистического президента Анголы Агостиньо Нето.

В условиях развернувшейся жестокой и кровопролитной гражданской войны, которая началась еще до провозглашения независимости, Нето запросил помощи у СССР и Кубы. В Анголу были направлены кубинские войска под видом отрядов добровольцев, советские власти послали военных специалистов и начали поставки вооружения. К берегам Анголы были направлены военные корабли СССР.

В этих условиях в ход военного противостояния вмешались и Соединенные Штаты. Рейган объявил, что реальным союзником Соединенных Штатов является Савимби, который несколько раз приезжал в США и был принят в Белом доме. В свою очередь, Майкл Джонс, видный предприниматель, связанный с Белым домом, побывал в тайной штаб-квартире Савимби и заверил его в поддержке США. По каналам ЦРУ в Анголу стало прибывать американское оружие. После приема этого ангольского деятеля в 1986 году президент заявил, что «победы УНИТА электрифицируют весь мир»^{424}. Но в действительности ни одна сторона не была в состоянии добиться решающих побед. Гражданская война в Анголе завершилась только в начале 2000-х годов на компромиссной базе.

Важным регионом противостояния с СССР Рейган считал Восточную Европу, особенно Польшу, которую по праву рассматривали в качестве «самого беспокойного барака в социалистическом лагере»^{425}. Президент и его советники отлично понимали, что тоталитарную систему в Польше

сильно ослабляла католическая вера, которой продолжала придерживаться подавляющая часть населения этой страны.

В связи с этим немалые надежды на подрыв коммунистической власти в Польше возлагались на Ватикан, с которым Рейган установил подчеркнуто теплые отношения. В 1979 году он впервые побывал в этом микроскопическом государстве, занимающем небольшую территорию внутри столицы Италии и одновременно обладающем религиозной властью над католиками всего мира. Еще до избрания президентом Рейган был принят папой Иоанном Павлом II, непосредственно перед этим вступившим на ватиканский престол. Хотя содержание их беседы не было оглашено, можно не сомневаться, что речь шла, в частности, о Польше и путях разрушения «безбожного режима». Вскоре состоялся и визит папы, в прошлом Кароля Войтылы, польского священника, на его родину.

Некоторые авторы придают чрезвычайно большое значение этому визиту. Дж. Гэддис пишет: «Когда Иоанн Павел II поцеловал землю в Варшавском аэропорту, он начал процесс, при помощи которого коммунизм и в Польше, и в других странах — фактически повсеместно — пришел к концу»^{426}. Эти слова серьезного американского историка следует воспринимать, на наш взгляд, не более как сомнительную метафору.

Однако в популярной литературе и особенно в высказываниях религиозно ориентированных католических авторов, а порой даже в исследовательских изданиях Гэддис цитируется в буквальном смысле^{427}. На самом деле визит папы римского был лишь одним из многих факторов, свидетельствовавших о разложении коммунистической системы в Польше, точно так же, как разнообразные другие факторы подрывали основы тоталитарной системы в других странах Восточной Европы и в самом СССР.

Но для Польши появление на ее территории Иоанна Павла II было событием знаковым. На улицах Варшавы и других городов его встречали миллионы людей с криками и лозунгами «Мы хотим Бога!»^{428}. Существуют сведения, что Ю. В. Андропов, являвшийся в то время председателем КГБ СССР, в специальном письме тогдашнему первому секретарю Польской объединенной рабочей партии Э. Тереку обвинил Ватикан в «создании нового типа конфронтации с коммунистическим движением», в отказе от прежней линии на сотрудничество с СССР^{429}. В то же время в исторической литературе высказываются трезвые оценки, что основная польская оппозиционная организация «Солидарность», руководимая Лехом Валенсой, которая постепенно перерастала из

профсоюзного движения в политическую партию и только в 1989 году была признана таковой, в значительной мере вдохновляясь поддержкой Ватикана и католической верой, играла весьма ограниченную роль на международной арене^{430}.

В то же время Рейган в стремлении углубить кризис коммунистической системы в Польше пришел к выводу о необходимости тесного сотрудничества с Ватиканом. Он пошел на демонстративные жесты разного уровня. Когда в июне 1982 года Иоанн Павел II впервые посетил США, Рейган оказался первым президентом, поцеловавшим «священное кольцо» на руке папы римского, хотя сам был протестантом. В связи с этим вспоминали, что даже Джон Кеннеди, потомственный католик, ограничился рукопожатием с папой, чтобы в общественных кругах не возникло подозрение, будто его приверженность религии выше, чем верность американской конституции^{431}. Более важным фактом явилось установление дипломатических отношений высшего уровня между США и Ватиканом^[26].

После непродолжительных переговоров в 1984 году было объявлено об обмене посольствами и о назначении чрезвычайных и полномочных послов обоих государств соответственно в Вашингтоне и Ватикане. Было договорено о сотрудничестве в области соблюдения прав человека, взаимопонимания между религиозными конфессиями, в предотвращении и прекращении международных конфликтов, а также в области охраны природы^{432}.

Таковы были официальные основы взаимоотношений, провозглашенные Рейганом и Иоанном Павлом II, но в основе их лежало именно «сотрудничество в области прав человека», под которым подразумевалось, прежде всего, взаимодействие в подрыве коммунистического господства в Польше и, по возможности, в других странах. Как видно из интенсивной переписки между Рейганом и папой, они обменивались мыслями о способах подрыва коммунистической системы, о положении в Польше. Той же цели служил ряд визитов в Ватикан директора ЦРУ Кейси и его ближайших сотрудников^{433}.

Подводя итог двусторонним отношениям между президентом США и папой римским и их влиянию на события в Польше, А. Перрон пишет: «Рейган и Иоанн Павел II установили рабочие взаимоотношения, которые фиксировались на реструктуризации управления в Польше, но не ограничивались ими. Папа обладал бóльшим влиянием в изменении польской политической ситуации, осуществив свою первую поездку

именно в Польшу за год до того, как Рейган стал президентом. Тем не менее политические взаимоотношения были взаимовыгодными... Факты свидетельствуют, что Иоанн Павел II смог оказать драматическое воздействие на польскую политику без американской помощи, но сотрудничество с Соединенными Штатами ускорило коллапс режима, поддерживаемого Советами. Прежде чем коммунистическое правительство ослабило свое давление на «Солидарность», согласившись на полусвободные выборы в 1989 году, профсоюзное движение смогло выжить благодаря тайной международной сети, которую создали Рейган и папа»^{434}.

Разумеется, утверждения автора по поводу «тайной международной сети» остаются пока умозрительными. Соответствующая документация продолжает находиться в строго засекреченных архивных фондах. Но само интенсивное сотрудничество директора ЦРУ Кейси с администрацией Ватикана может быть косвенным свидетельством, что некие негласные усилия в указанном направлении предпринимались.

В то же время, будучи практическим политиком, далеким от религиозно-философских абстракций, Рейган при встречах с папой лишь вежливо выслушивал его длинные этические разглагольствования. Журналисты обратили даже внимание на то, что во время встречи с папой в 1982 году Рональд задремал. Этот эпизод промелькнул на телевидении^{435}.

Глава 11

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ОБОРОННАЯ ИНИЦИАТИВА

Антиядерное движение

Проводя курс на противостояние с СССР, выдвигая предложения, связанные с развитием оружия не просто массового, а всеобщего уничтожения, фактически заморозив переговоры о сокращении вооружений, которые на протяжении длительного времени проходили в Женеве между делегациями США и СССР, Рейган вынужден был учитывать массовое антиядерное движение, которое развернулось в Западной Европе, а затем охватило и Соединенные Штаты.

В советской и иной коммунистической пропаганде эти выступления преподносились как борьба против агрессивного американского империализма, против политики Рейгана как главного носителя зловещих военных планов. При этом особое внимание обращалось на участие в этих выступлениях левых сил, особенно компартий. На деле, однако, такого рода выступления, особенно значительные в Великобритании, ФРГ, Греции, Франции, Италии, в основном носили спонтанный характер. Особо активное участие в них принимала молодежь, прежде всего так называемые «новые левые», преимущественно провозглашавшие свою аполитичность и в то же время выражавшие страх за себя и своих близких в случае ядерной войны. При этом обращалось особое внимание, что наиболее вероятным сценарием ядерной войны явилось бы уничтожение западноевропейских центров, в то время как США скорее всего остались бы вне опасности. При весьма слабой реальности и демагогичности такой аргументации она оказывала немалое воздействие на население.

Широкую известность получила блокада американской военной базы Гринэм Коммон в графстве Беркшир в Великобритании (около 90 километров от Лондона), начатая в 1981 году и продолжавшаяся до 2000 года. На этой базе было размещено около 160 крылатых ракет средней дальности, способных нести ядерное оружие. Инициатором движения стала организация «Женщины за мир». Пиком антиядерной акции явились

события лета 1983 года, когда около семидесяти тысяч человек окружили базу живой цепью, ложились на землю перед установками, перевозившими ракеты, приковывали себя наручниками к воротам и т. п. ^{436} База была закрыта в 1992 году, а затем на ее месте был разбит парк развлечений.

До этого, однако, впереди было много лет. Тогда же подобные акции стали проводиться в различных местах Великобритании, а затем и в ряде других стран Западной Европы.

Движение получило значительно более слабый отклик в США. Но все же и здесь произошел ряд антиядерных уличных выступлений. Наиболее значительным был митинг в Центральном парке Нью-Йорка 13 июня 1982 года. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» писал по этому поводу, подчеркивая мирный и не связанный только с левыми силами характер выступления: «Многолюдный парад и митинг, организованные коалицией групп, выступающих за мир, собрали вместе пацифистов и анархистов, детей и буддистских монахов, римско-католических епископов и лидеров коммунистической партии, университетских студентов и членов профсоюзов» ^{437}. В печати особо подчеркивалось, что в этой демонстрации и других акциях против ядерной опасности принимала участие дочь президента Рейгана Патрисия.

Развернувшееся движение, которое охватило не только главные города, но и провинцию, побудило сенаторов демократа Э. Кеннеди и республиканца-прогрессиста М. Хэтфилда выступить с соответствующим законодательным предложением. Инициатором его стал представитель знаменитого в США семейства. Побывав в 1983 году в родном штате Массачусетс и встретившись с активистами движения за замораживание ядерного оружия, Эдвард Кеннеди считал, что это движение может превратиться в реальную политическую силу, и заявил о его поддержке. Совместно с Марком Хэтфилдом, в свое время побывавшим в Хиросиме в качестве рядового солдата американской армии, Эдвард внес проект резолюции, который, правда, был отвергнут сенатом, но для ее принятия не хватило всего лишь одного голоса. Средства массовой информации активно обсуждали внесенные предложения.

Вместе с Хэтфилдом Э. Кеннеди подготовил книгу по проблемам ядерного вооружения ^{438}. Основная идея работы состояла в том, что СССР и США обладают достаточными ядерными арсеналами, чтобы не только уничтожить друг друга, но и разрушить всю земную цивилизацию. Какие бы то ни было аналогии между разрушениями Второй мировой войны и тем, что может произойти в результате ядерных конфликтов в современных

условиях, неуместны, убеждали авторы. Около 47 тысяч ядерных боеприпасов, накопленных, по их подсчетам, к этому времени, каждый из которых мощнее, иные в тысячи раз, бомб, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, должны служить зловещим предупреждением тем, кто не исключает возможности ядерной войны, писали Кеннеди и Хэтфилд^{439}. Эти суждения известных политика и политолога воспринимались как косвенный выпад против президента, тем более весомый, что один из них был однопартийцем последнего.

Гонорар за книгу был использован для проведения в Вашингтоне форума американских и советских физиков-ядерщиков и специалистов других профессий, на котором молодой советский ученый Владимир Валентинович Александров^{[27]{440}}, американский астрофизик Карл Саган и другие изложили свою концепцию «ядерной зимы»: в случае развязывания термоядерной войны температура на всей планете понизится до арктической в результате резкого повышения количества отраженных солнечных лучей, вследствие этого человечество исчезнет или, в лучшем случае, деградирует до уровня доисторической эпохи^{441}.

Вслед за этим был образован Комитет избирателей за замораживание ядерного оружия, который призвал на предстоявших в 1984 году выборах голосовать только за тех кандидатов, которые активно выступают за эффективные меры по прекращению термоядерной гонки^{442}.

Президент Рейган прилагал все силы, чтобы представить движение за ядерное разоружение как пропагандистскую акцию, инспирированную советской агентурой. В выступлении в Орландо 8 марта 1983 года он назвал его «очень опасным обманом» (это была та самая речь, в которой он назвал СССР «империей зла», о чем мы расскажем ниже)^{443}.

Президент, однако, понимал, что на самом деле ни Э. Кеннеди, ни М. Хэтфилда, ни К. Сагана к советским агентам причислить никак невозможно, так же как и его собственную дочь. В этих нелегких для себя условиях Рейган после долгих колебаний решил, наконец, выступить с нетривиальным ответом, который вынашивал в течение ряда лет.

Нетривиальный ответ антиядерным выступлениям

Уже в начале своего пребывания у власти президент поставил перед своими советниками, а через них — перед учеными и инженерами задачу разработки систем, которые должны были обеспечить решающее

преимущество США в холодной войне против СССР.

Вначале военные и гражданские специалисты в области стратегии и вооружений ограничивались самыми общими рассуждениями, которые вошли в секретные директивы, подписанные Рейганом. Наиболее значительной из них была директива № 75, утвержденная президентом 17 января 1983 года: она намечала план экономической дестабилизации советской экономики. В литературе этот документ без необходимых оснований подчас называют «стратегическим планом победы в холодной войне»^{444}. Должных оснований для этого нет, так как план носил самый общий и приблизительный характер.

Но более перспективные усилия направлялись в иную сторону. 23 марта 1983 года, после двухлетней работы военных экспертов, политиков, ученых, Рейган объявил о «стратегической оборонной инициативе» Соединенных Штатов, которую сокращенно именовали СОИ, а в пропагандистских целях стали и в американских оппозиционных кругах, и во враждебных Рейгану кругах за рубежом, в частности в СССР, называть программой «звездных войн».

Президент тем вечером из Овального кабинета Белого дома выступил с обращением к нации, которое было названо «Об обороне и национальной безопасности» и транслировалось всеми основными теле- и радиокомпаниями^{445}.

Имея в виду представленный им на рассмотрение Конгресса очередной проект бюджета, который уже претерпел значительные сокращения в комиссиях высшего органа власти, президент предупреждал, что дальнейшие сокращения расходов на оборону могут привести к катастрофическим для страны последствиям. От этих алармистских предсказаний Рейган перешел к несколько более спокойным, но не менее решительным предупреждениям: «Соединенные Штаты не начнут войну. Мы никогда не будем агрессором. Мы сохраняем нашу силу с целью защиты против агрессии — чтобы обеспечить свободу и мир. С самого начала атомной эры мы стремимся сократить риск войны путем поддержания строгой системы отпора и соблюдения подлинного контроля над вооружениями... Мы поддерживаем мир благодаря нашей силе; слабость означает только приглашение к агрессии».

Отметив, что новая мировая война не является неизбежной, и высказав мнение, что СССР не готовится к таковой, Рейган, в немалом противоречии с только что сказанным, стал буквально сыпать цифрами, не всегда проверенными, но явно преследовавшими цель внушить страх широкой

аудитории перед советской военной мощью. Вот лишь небольшая выдержка из этого обращения к нации: «С 1974 года Соединенные Штаты создали 3050 тактических военных самолетов. Советский Союз создал вдвое больше. Если говорить о наступательных подводных лодках, то Соединенные Штаты создали 27, а Советский Союз — 61. Мы произвели 11 тысяч 200 бронированных машин, включая танки. Советский Союз произвел 54 тысячи — почти в пять раз больше. Наконец, что касается артиллерии: мы создали 950 артиллерийских и ракетных пусковых установок, тогда как Советы произвели более чем 13 тысяч — соотношение 14 к одному».

Речь шла о советском сателлите неподалеку от берегов США — Кубе, о создании левого правительства в крохотном островном государстве Гренада как угрозе безопасности США в связи с вероятным использованием этих территорий Советским Союзом и даже о подавлении свободолюбивого народа Польши как проявлении насильственных действий советского руководства.

Все сказанное являлось своего рода вступлением к главному, о чем пошла речь в самом конце обращения: «Америка обладает ныне технологиями, позволяющими добиться значительного повышения эффективности нашего обычного, неядерного вооружения. Энергично развивая эти новые технологии, мы можем значительно сократить возможность любого соблазна для Советского Союза атаковать Соединенные Штаты или их союзников... Я отлично сознаю, что оборонные системы имеют пределы и порождают определенные проблемы и сомнения. В сочетании с наступательными системами они могут рассматриваться как поощряющие агрессивную политику, а этого никто из нас не желает. Однако, твердо имея в виду эти соображения, я призываю научное сообщество нашей страны, тех, кто дал нам ядерное оружие, использовать свой великий талант на дело мира для человечества, дать нам средства для того, чтобы сделать ядерное оружие бессильным и излишним».

Рейган сообщил, наконец, что он дал указание о развертывании долговременных исследовательских работ и практических программ с целью значительного сокращения опасности ядерной войны: «У нас будут риски, а результаты потребуют времени. Но я верю, что мы сможем это осуществить. Переступая через этот порог, я прошу ваших молитв и вашей поддержки». Сразу после выступления несмотря на позднее время президент провел совещание с сотрудниками своей администрации, членами правительства, высшими военными руководителями, на котором

поставил задачу срочной разработки практических планов, вытекавших из его инициативы.

Вначале высшие военные встретили задания президента сдержанно, если не сказать отрицательно. В значительной степени сказывалось и чувство обиды, так как именно чины Пентагона были в числе тех, кто снабдил Рейгана обоснованием «стратегической оборонной инициативы», но о намерении президента огласить эту программу их информировали только накануне вечером. Не высказали непосредственного одобрения и руководители других стран НАТО, которых вообще предварительно не познакомили с намерениями Рейгана. В союзных столицах СОИ трактовалась некоторыми аналитиками как стремление США защитить только свою территорию, оставив союзников на произвол судьбы.

Однако в течение короткого времени настроения как в американском руководстве, так и в столицах западноевропейских стран изменились в пользу предложения Рейгана и его аргументации. И в политическом, и в военно-техническом, и в моральном отношении план давал ответы на многие острые вопросы. Он в значительной степени делал беспочвенным движение за замораживание ядерного оружия, предлагал некий, пусть неопределенный, но все же выход из перспективы взаимно гарантированного уничтожения и «ядерной зимы».

Как видим, на словах американская программа, которую почти тотчас окрестили «планом звездных войн», была миролюбивой. Однако в советском руководстве понимали, что ее реализация, весьма дорогостоящая, требовала во много раз более рискованных и напряженных ответных усилий, что просто не по силам экономике СССР.

С самого момента выдвижения идеи СОИ ведущие советские деятели оценили ее не как путь к миру, а как средство нанести первый удар по территории СССР, не опасаясь ответного удара. Об этом, в частности, сравнительно подробно писал советский посол А. Ф. Добрынин^{446}.

На этом фоне чуть ли не издевательством прозвучало сделанное менее чем через неделю заявление Рейгана, что на том этапе, когда программа будет переведена в практическую плоскость, американская сторона будет готова поделиться ее секретами с другими странами, в том числе и с СССР. На пресс-конференции 29 марта президент заявил: «По моему мнению, если оборонительное оружие будет создано и развито, это сократит пользу баллистических ракет и, возможно, сделает их вообще излишними. В этом случае президент Соединенных Штатов (Рейган не сказал о себе, так как понимал, что завершение работ вряд ли произойдет в то время, когда он останется хозяином Белого дома. — Г. Ч., Л. Д.) сможет сказать: «Теперь

мы имеем средства отпора — ракеты, мы имели их и раньше, но теперь многое изменилось». И он сможет действовать по различным направлениям. Он сможет дать это самое оборонительное оружие им, чтобы доказать, что нет нужды больше сохранять эти ракеты. Или, имея такую оборону, сможет сказать: «Я хочу покончить со всеми моими ракетами. Покончите и вы с вашими»^{447}.

Замысел этого заявления состоял в том, что Советскому Союзу было сложно и в экономическом, и в техническом отношении создать соответствующие оборонительные системы, даже если бы он располагал их рабочими чертежами.

Некоторые авторы полагают, что, выдвигая стратегическую оборонную инициативу, которую правильнее было бы именовать инициативой в области оборонительной стратегии, Рейган действовал импульсивно, не проведя предварительных консультаций с экспертами и вообще с научным сообществом^{448}.

Это утверждение соответствует действительности далеко не полностью. По поручению Рейгана на протяжении примерно двух лет его советники консультировались с представителями ученого мира, прежде всего с физиками, занимавшимися проблемами ядерного оружия и средствами его доставки. Горячую поддержку намерения Рейгана нашли у крупнейшего физика, виднейшего создателя водородной бомбы Эдварда Теллера, который в это время являлся руководителем Ливерморской национальной лаборатории двойного подчинения (министерству энергетики США и Калифорнийскому университету).

Лаборатория Теллера рассматривалась как «главная организация для решения проблем национальной безопасности»^{449}. Теллер стал настолько ревностным сторонником СОИ, что в некоторых кругах именно его считали автором этой идеи, хотя, по существу дела, идея носила коллективный характер. Во всяком случае, авторитет Теллера был исключительно важен для проведения этого дорогостоящего комплекса в жизнь.

Рейган неоднократно принимал Теллера. 11 февраля 1983 года президент вместе с членами Объединенного комитета начальников штабов посетил лабораторию Теллера, который продемонстрировал созданное им лазерное устройство, дальнейшее развитие которого способно было, по мнению ученого, уничтожить в космическом пространстве ракеты, направленные на США. Увиденное произвело большое впечатление на Рейгана и генералов. Председатель Объединенного комитета генерал армии Джон Весси задал Рейгану вопрос: «Не лучше ли защитить американский

народ, чем мстить за него?»^{450}

Этот риторический вопрос вполне соответствовал настроению самого Рейгана, который записал в дневнике: «Мы должны сказать миру, что стремимся защитить наш народ, а не мстить за него; что мы собираемся выработать программу исследований, чтобы создать оборонительное оружие, которое сделает ядерное оружие излишним»^{451}.

Поддержка Теллера и высших военных, как и одобрительные оценки других ученых убедили Рейгана в правильности его инициативы. В следующие месяцы Теллер несколько раз выступал в комиссиях Конгресса, убеждая в целесообразности щедрого финансирования «программы звездных войн». Хотя Теллер был отнюдь не молод (ему, родившемуся в 1908 году, шел уже восьмой десяток), он непосредственно включился в разработку компонентов СОИ. Вместе с коллегами он продолжал интенсивную работу по совершенствованию лазерной системы, основанной на ядерном заряде и способной одним ударом поразить серию ракетных боеголовок^{452}.

Выдающийся физик был автором и других идей. Он считал возможным создание ядерных боеголовок, которые сами бы зарывались в землю, находили и уничтожали командные центры противника и убежища руководителей враждебных государств. Эта идея, как и некоторые другие, не получила развития, однако на начальном этапе разработки вооружений совершенно нового типа рассматривалась в числе других вариантов^{453}. Так что выдвижение СОИ отнюдь не исключало дальнейшего развития ядерного оружия, и Рейган отчетливо это сознавал. Осознавал он и то, что развитие современной военной и космической техники в огромной степени способствует активизации исследований и практических разработок в гражданских областях, общему прогрессу его страны.

Некоторые авторы в противоположность П. Летуа, отстаивавшего личную инициативу Рейгана, стремятся доказать, что президент фактически не имел отношения к разработке СОИ, что он жил в мире риторики, что реальные аспекты практического создания первых элементов СОИ проходили мимо него^{454}. Как мы уже видели, и эта точка зрения не имеет под собой достаточно серьезных оснований. Как глава государства Рейган, выступив инициатором СОИ, настойчиво стремился к достижению практических результатов в максимально короткие сроки.

Президент, правда, не исключал возможности добиться улучшения отношений с СССР. Об этом свидетельствовал негласный прием им незадолго до выдвижения СОИ, 15 февраля 1983 года, советского посла

Добрынина, которому было заявлено, что он, Рейган, лично стремится установить деловые отношения с новым советским лидером Андроповым^[455]. Но дальше самых общих разговоров ни эта беседа, ни последовавшие вскоре действия обеих сторон не пошли...

Уничтожение южнокорейского самолета

и дальнейшее обострение напряженности

1 сентября 1983 года советской стороной был сбит южнокорейский пассажирский самолет, следовавший из Анкориджа на Аляске в Сеул, сбившийся с курса и оказавшийся над советской территорией в районе Камчатки и острова Сахалин. Гибель 269 человек, находившихся на его борту, сбивчивые объяснения официальных лиц СССР (сначала факт уничтожения самолета просто отрицался^[28], а затем распространилась версия, что был сбит шпионский самолет^{[29]{456}}) подлили немало масла в огонь антисоветских настроений в США и странах Западной Европы.

Рейган 5 сентября выступил по этому поводу с обращением к нации^[457]. Он назвал советские действия «актом варварства, порожденным обществом, которое безответственно пренебрегает правами личности и ценностью человеческой жизни, постоянно стремится расширить свое господство над другими нациями». Более того, он выразил опасение, что этими действиями Советский Союз стремится запугать Соединенные Штаты. По предложению президента Конгресс принял резолюцию с осуждением действий СССР, в которой особенно подчеркивалось, что на борту самолета находились 62 американца, в том числе член палаты представителей от штата Джорджия Лоренс Макдоналд, который к тому же был председателем крайне консервативного Общества Джона Берча.

В последующие годы стали одна за другой выходить книги, посвященные этому трагическому событию, как правило, не основанные на достоверных источниках и содержавшие произвольные оценки и выводы. Среди них было даже издание, излагавшее фантастическую версию, что «советы» намеренно сбили самолет с курса, чтобы уничтожить его и этим обострить отношения с Соединенными Штатами^[458]. В одной из книг выдвигалась версия, что самолет, выполнявший рейс KE007, на самом деле был разведывательным, вел наблюдение за советскими военными

сооружениями на Дальнем Востоке, что Рейган и его ближайшее окружение либо знали об этом, либо получили информацию сразу после того, как самолет рухнул в океан^{459}. За пределы более или менее правдоподобной беллетристики аргументы здесь не выходят.

Значительно более взвешенную трактовку событиям представил известный историк и политолог. Даллин (сын известного российского меньшевика-эмигранта Д. Ю. Далина)^{{30}{460}}. В его работе трагедия самолета связана с рядом ошибок, а не со злонамеренным решением уничтожить пассажирский самолет. Даллин, однако, не исключал возможность использования южнокорейского самолета как своего рода прикрытия для другого, американского самолета, выполнявшего разведывательную миссию^{461}.

Выводы Даллина в основном были подтверждены расследованиями, которые проводились Международной организацией гражданской авиации (ИКАО), в частности, после предоставления ей в 1993 году по распоряжению президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина всех материалов «черных ящиков» погибшего самолета и всех записей переговоров советских должностных лиц, связанных с этим делом.

Расследование установило, что самолет летел под управлением автопилота, что пилоты были совершенно спокойны, не знали об отклонении самолета от заданного курса и не видели советских самолетов-перехватчиков. По всей видимости, автопилот был изначально неправильно настроен или испортился позже, а экипаж самолета не проверял данных, что, безусловно, свидетельствовало о его безответственности или недостаточной компетентности.

Относительно же ответственности советской стороны расследование пришло к заключению, что командование советских военно-воздушных сил решило, что имеет дело с американским самолетом-разведчиком, но не провело необходимого расследования и отдало приказ об уничтожении самолета, который уже выходил из воздушного пространства СССР. В действиях советской стороны содержалось серьезное нарушение служебных обязанностей. Приказ об уничтожении самолета отдал командующий войсками Дальневосточного военного округа генерал армии И. М. Третьяк^{462}.

Между тем в ответ на выступление Рейгана в Советском Союзе была развернута невиданная после сталинских времен антиамериканская пропаганда, причем в центре обвинений находился сам президент. Дело доходило до того, что Рейгана сравнивали с Гитлером. Тяжело болевший

Андропов, которому оставалось жить последние месяцы, в свою очередь поддавшись этой волне, выступил с заявлением (точнее говоря, это заявление было опубликовано от его имени), что взаимоотношения СССР и США не пойдут на улучшение до тех пор, пока у власти находится Рейган. В заявлении говорилось: «Если у кого-то и были иллюзии насчет возможности эволюции в лучшую сторону политики теперешней американской администрации, то события последнего времени окончательно их развеяли. Ради достижения своих имперских целей она заходит так далеко, что нельзя не усомниться, существуют ли у Вашингтона какие-то тормоза, чтобы не перейти черту, перед которой должен остановиться любой мыслящий человек»^{463}.

Политбюро ЦК КПСС приняло решение образовать комиссию по координации внешнеполитической пропаганды и контрпропаганды под председательством Андропова. Решили регулярно собирать в ЦК руководителей газет, радио и телевидения, а также ведущих политических обозревателей «для ориентировки по ведущим вопросам»^{464}. Руководство СССР всерьез готовилось к противостоянию с Рейганом. Незадолго до смерти, находясь в больнице, Андропов продолжал прежнюю линию. Он говорил дипломату О. А. Гриневскому: «Американцы хотят нарушить сложившийся стратегический паритет и создать возможность первого парализующего удара»^{465}.

Опасные события происходили одно за другим.

На рассвете 23 октября грузовики с взрывчаткой протаранили помещения американского и французского контингентов миротворческих сил, размещенных в районе аэропорта столицы Ливана Бейрута в связи с продолжавшейся в Ливане гражданской войной. Произошли мощные взрывы, в результате которых погибли 241 американский и 58 французских военнослужащих, а также несколько гражданских лиц и оба террориста-смертника, находившиеся за рулем машин. По многим признакам было ясно, что взрывы осуществлены мусульманскими террористическими организациями^{466}. Тем не менее в американских средствах массовой информации и это кровавое событие приписывалось советской агентуре.

Прошло всего лишь два дня, и по распоряжению Рейгана 25 октября была начата операция американских вооруженных сил против крохотного островного государства в Карибском архипелаге Гренада с численностью населения около десяти тысяч человек.

На этом острове в предыдущие годы происходили частые смены власти, государственные перевороты. Пришедший к власти в 1979 году

левый лидер Морис Бишоп объявил об опоре на СССР и Кубу и начал перевооружение своей армии, которая, несмотря на свою микроскопичность, стала бесспорной боевой силой, превышавшей войска соседних, более крупных островных государств^{467}.

В США выражалась тревога, что «вирус марксизма» продолжит свое распространение. В апреле 1982 года Рейган на встрече с руководителями нескольких карибских государств обвинил Бишопу именно в этом^{468}. Через год президент объявил о введении бойкота Гренады и призвал американцев отказаться от посещения этого острова. Недалеко от гренадских территориальных вод были проведены американские военно-морские учения.

Подозрения в США еще более усилились, когда в Гренаде началось строительство крупного аэропорта по контракту с британской фирмой, но силами кубинских рабочих. Рейган несколько раз повторил, что под видом международного аэропорта в Гренаде сооружается советско-кубинская военная база, представляющая опасность для США^{469}.

В этих условиях Бишоп проявил колебания, выступил с заявлениями о стремлении улучшить отношения с Соединенными Штатами. Ответом был государственный переворот в середине октября 1983 года, осуществленный леворадикальными элементами, которые обвинили Бишопу в предательстве и арестовали его. Последовали вооруженное освобождение Бишопу его сторонниками, новый захват заговорщиками и расстрел. Ориентация сформированного заговорщиками Революционного военного совета на Кубу и СССР стала еще более очевидной.

Учитывая все эти обстоятельства, Рейган после недолгих размышлений решил осуществить вторжение американских войск на остров под предлогом защиты примерно шестисот студентов из США, находившихся там в это время^{{31}{470}}. Операции было дано кодовое имя «Вспышка ярости», носившее пропагандистский характер и в то же время явно отражавшее умонастроение президента.

25 октября американские вооруженные силы начали интервенцию. Сопротивление гренадской армии, а также кубинцев продолжалось не более двух суток, несмотря на отсутствие у сил вторжения разведывательной информации и даже оперативных карт. Двигались они по картам из путеводителей, причем давным-давно устаревших.

К вечеру 26 октября сопротивление прекратилось. Подавляющее большинство населения, как показали последовавшие опросы, выразило удовлетворение происшедшим. Жителей меньше всего волновали

мировоззренческие и прочие абстрактные вопросы. Они устали от переворотов и социалистических экспериментов правительства Бишопа. Американцы вели себя по отношению к мирному населению добросердечно. При этом военным служащим была передана личная просьба президента о корректном поведении.

Вечером 27 октября Рейган выступил по радио и телевидению, связав события в Ливане и Гренаде в один узел^{471}. Ситуация в Ливане была включена президентом в этот комплекс через присутствие в соседней Сирии советских военных советников и общую ориентацию руководства этой страны на советское влияние — Рейган указал на стремление сирийских властей превратить Ливан в часть своего государства. Но главное, чему было посвящено выступление, — это стремление обосновать вторжение американских войск в Гренаду.

Рейган не мог не отметить, что речь идет о крохотном островке — его площадь была почти такой же, как одного сравнительно небольшого города — столицы США. Кратко описав события последних лет и особенно последних дней в этой стране, вроде бы мимоходом обратив внимание на кубинское и предполагаемое советское присутствие, он объявил, что американское вторжение было предпринято с чисто гуманитарной целью — взять под защиту граждан США, прежде всего группу находившихся на острове американских студентов, что только по призыву правительств других стран Карибского бассейна американцы взяли на себя функцию «восстановить порядок и демократию» в этой стране. Затем последовали «страшилки», которые у Рейгана были в ходу довольно часто: кубинцев на острове оказалось гораздо больше, чем объявлялось ранее и чем предполагалось; было установлено, что они — не строители местного аэропорта, а военнослужащие, и т. п. Рейган пообещал вывести американские войска из Гренады как можно скорее.

Под конец он приберег одну из историй, как обычно примитивно патриотическую, но именно такую сентиментальную, какая должна была не просто понравиться большинству американцев, но и оправдать в их глазах само вторжение.

Правда, на этот раз он изложил очередную историю не от своего имени, а от имени командовавшего войсками вторжения в Гренаду генерала Пола Келли. Последний якобы посетил госпиталь, где находился тяжелораненый морской пехотинец, который почти ослеп и был не в состоянии говорить. Поняв, что перед ним генерал высокого ранга, он попросил бумагу и написал на ней лозунг морской пехоты: «Всегда оставайся верным». «У генерала Келли, — продолжал президент, —

репутация очень рассудительного генерала и весьма жесткого морского пехотинца. Но он заплакал, когда увидел эти слова, и кто может осудить его за это?»

Можно полагать, что вместе с генералом и президентом плакали сердобольные американки, а их мужья хмурили брови, ибо плакать им было не к лицу...

Как обычно, в этом выступлении при всей его легковесности для людей рассудительных и образованных проявилось важнейшее качество Рональда как государственного деятеля — способность контактировать на равных с миллионами американцев, легко добиваясь их сочувствия, а следовательно, и понимания того дела, которое он в данном случае стремился обосновать.

Рейгану, впрочем, и этого показалось мало. Он просто не мог не завершить свое патетическое выступление словами о том, как целовали родную землю спасенные на Гренаде американские студенты, как только самолет, на борту которого они находились, приземлился на территории США.

Естественно, за пределами США, не только в СССР и шедших за ним странах, но также в Западной Европе, это выступление было воспринято как резкое усиление тенденции к американскому доминированию в зарубежном мире.

В то же время исследовательские разработки и крупные научные открытия, связанные с подготовкой США к возможной крупномасштабной или даже мировой войне, служили, как это всегда бывает в такого рода случаях, и мирным целям. Почти каждое изобретение или открытие рано или поздно оказывается полезным, переходит в руки гражданского общества, а те, кто пользуется им, в большинстве случаев просто забывают или вообще не подозревают о его происхождении.

Может быть, наиболее ярким примером может служить создание в США развернутой Системы глобального позиционирования (*Global Positioning System (GPS)* — Джи-пи-эс), позволяющей с высокой точностью (до одного метра) определить местонахождение на Земле любого объекта и наиболее благоприятный маршрут движения по направлению к нему. Эта система была изобретена учеными и начала внедряться при помощи искусственных спутников Земли по заказу министерства обороны США.

Правда, первый спутник, созданный для этой цели, был выведен на орбиту еще в 1978 году, но практическое функционирование системы стало возможным только после того, как администрация Рейгана добилась выделения средств на запуск ряда спутников (в настоящее время действуют

24 таких космических аппарата).

Узнав от ученых, как работает Джи-пи-эс, президент принял решение о возможности ликвидировать секретный характер системы и предоставить ее для использования в мирных целях. 16 сентября 1983 года Рейган подписал исполнительное распоряжение о передаче системы для использования гражданским обществом во всем мире^{472}. Распоряжение предусматривало публикацию материалов о системе в открытой научной печати.

В настоящее время Джи-пи-эс используется, в частности, миллионами водителей автомобилей во всех странах, которые за сравнительно небольшую плату приобретают соответствующие портативные устройства, своеобразные навигаторы, указывающие маршрут по заданному адресу. Но лишь очень немногие из них знают, что такую возможность они получили по инициативе президента Рональда Рейгана.

Перспективы СОИ и новые тенденции

Происшедшая трагедия с южнокорейским самолетом и ее последствия, а также события в Бейруте и операция в Гренаде еще более усилили напряженность холодной войны и явились новым стимулом для президента в развертывании работ, связанных с СОИ.

Как вскоре было установлено, необходима была долгосрочная программа научно-исследовательских, опытно-конструкторских и инженерно-технических разработок, практического тестирования сложнейших систем. Речь шла о создании национальной программы противоракетной обороны с многочисленными элементами космического базирования, которые исключили бы или крайне ограничили возможность поражения наземных (а также морских) целей из космоса. Намечалось развертывание над территорией США и океанским пространством нескольких эшелонов ударных космических боевых сил, способных перехватывать и уничтожать межконтинентальные баллистические ракеты, а также их боевые блоки (боеголовки) на различных участках полета.

Следствием выступления со стратегической оборонной инициативой, промежуточным этапом на военно-политическом пути к созданию эффективной системы «звездных войн», которые в США рассматривались как оборонительные, а советским руководством — минимум как несбыточные или как планы на весьма отдаленное будущее, а максимум — как серьезная угроза безопасности СССР, подготовка прикрытия

американской территории для нанесения по СССР ракетно-ядерного удара, стали командно-штабные учения под кодовым названием «Опытный лучник», которые были намечены на осень 1983 года по линии НАТО и согласованы Рейганом с главами государств и правительств европейских союзников по блоку.

Учения демонстративно начались 7 ноября, в день главного советского праздника. Продолжались они пять дней. Были проверены принципиально новые секретные коды для коммуникаций, инструментарий для предотвращения прослушивания переговоров. Предусматривалось именно в эти дни осуществить тайную транспортировку в Западную Европу новых американских ракет средней дальности «Першинг-2» (осуществить это не удалось, так как логистические системы не справились со своевременной подготовкой перевозки: ракеты были доставлены через две недели после окончания учений)^{473}.

Но главное, что особенно понравилось Рейгану: участие в учениях приняли главы государств и правительств. Рейган, видимо, вспомнил свои актерские времена и в течение всех пяти дней в основном самозабвенно играл роль верховного главнокомандующего. Он был таковым по конституции, но, по существу дела, лишь формально, фактически передоверяя решение военных вопросов министру обороны и объединенному комитету начальников штабов. Теперь же он в основном выслушивал рапорты и принимал псевдвоенные решения. Он (как и другие главы государств) заблаговременно утвердил сценарий подготовки и проведения операции, который был строго секретным документом и стал доступен для исследователей лишь в наше время^{474}.

Согласно сценарию, который был известен только единицам, «оранжевые» (предполагаемый противник, то есть СССР) совершали нападение на «голубых» (страны НАТО) 6 ноября. Основные силы «голубых» вступали в военные действия на следующий день. «Оранжевые» начинали химическую атаку, которая значительно ухудшала положение противника, а в конце первого дня учений начиналось применение ядерного оружия.

Итог учений сценарием не рассматривался. Все находилось в зависимости от характера принимаемых решений и действий на различных уровнях, согласования этих действий между главами государств и правительств и их военными руководителями и т. д.

Рейган никак не предполагал, что в советском руководстве учения примут за начало подлинной ядерной войны против СССР. Но среди

высокопоставленных советских деятелей явно были таковые, особенно в руководстве КГБ. Советские разведчики, находившиеся на Западе, в частности ведший двойную игру и являвшийся тайным агентом американских спецслужб О. А. Гордиевский, руководивший в Лондоне советской резидентурой, пытался довести до сведения своего руководства, что речь, безусловно, идет только о военной игре. Ему, однако, было сделано внушение в том смысле, что разведка должна сообщать факты, а не выражать собственное мнение^{475}.

Некоторые авторы считают, что во время учений «Опытный лучник» мир приблизился к ядерной войне почти так же вплотную, как во время кубинского кризиса 1962 года^{476}.

На впечатлительного Рейгана учения оказали глубокое воздействие, но не в том смысле, как полагали некоторые, действительно настроенные на войну американские военные. Ему докладывали и в ходе учений, и непосредственно после них, что в СССР крайне опасаются американского ядерного удара, что часть советских лидеров воспринимает учения как начало мировой войны, инициированной американской стороной^{477}.

Правда, министры и советники в основном докладывали ему, что Андропов и другие коммунистические лидеры не верят, что США собираются совершить нападение на СССР, точно так же, как не намерены сами начинать войну. На это, в частности, указывал Дж. Шульц в своих мемуарах: «Несмотря на «военную тревогу», я действительно не верил, что Советы предполагают военное столкновение с нами»^{478}. Шульц, политик опытный и знающий, высказывал даже предположение, что распространяемые в Вашингтоне слухи о том, что США готовятся нанести превентивный ядерный удар по СССР, ставили целью поссорить Рейгана с руководителями западноевропейских государств, настроенных в пользу мирного сосуществования с СССР. Любопытно, что противоположную точку зрения высказывали именно руководители силовых ведомств.

Так, Роберт Гейтс, в то время заместитель директора ЦРУ, позже писал, что советские лидеры с их особым, «асимметричным образом мышления, по всей видимости, верили, что во время «Опытного лучника-83» было возможно американское нападение»^{479}.

Президент прислушивался к обеим точкам зрения со всеми их многочисленными нюансами, но больше доверял собственным чувствам и настроениям. А таковые не просто часто менялись в зависимости от характера поступавших донесений, но чуть ли не раздваивались. При этом, однако, общим направлением чувств и размышлений все больше

становились отвращение и ненависть к самой мысли о возможности ядерной войны.

10 октября Рональд посмотрел фантастический телевизионный фильм «На следующий день», в котором рассказывалось о ядерной атаке на американский город Канзас и о том, какие ужасы там происходили после атаки. В своем дневнике он записал, что фильм произвел на него такое впечатление, что он «впал в депрессию»^{480}.

Незадолго до учений, в конце октября, Рейган посетил проходившее в Пентагоне совещание высших воинских чинов по вопросам возможной ядерной войны. Согласно мнению министра обороны Вайнбергера, президент «проявил глубочайшее отвращение к самой идее ядерной войны... Эти военные игры напоминают ужасные фантастические события, которые сопровождают такой сценарий»^{481}. Как видно, Рейган все еще находился под впечатлением фильма, просмотренного за три недели перед этим. Сам же Рейган в своих воспоминаниях, объединяя это посещение и то, что он наблюдал в так называемом «ситуационном зале» Белого дома (специальном подземном помещении, созданном еще при Франклине Рузвельте во время Второй мировой войны), откуда он руководил учениями, писал, что это был для него «самый отрезвляющий опыт»^{482}.

В тех же воспоминаниях Рейган констатировал: «Три года научили меня некоторым удивительным вещам относительно русских. Многие лица на вершине советской иерархии действительно боялись Америки и американцев. Наверное, это не должно было меня удивлять, но это было не так. Во время первых моих лет в Вашингтоне многие из нас, в администрации, считали само собой разумеющимся, что русские, подобно нам, считают немислимым, что Соединенные Штаты могут нанести против них первый удар. Но чем бóльшим был мой опыт общения с советскими лидерами и руководителями других государств, которые знали их, тем больше я начинал осознавать, что многие советские официальные лица боялись нас не только как противоположную сторону, но и как агрессоров, которые способны обрушить на них ядерное оружие в качестве первого удара. Но если дело было именно в этом, я тем более стремился к личным встречам с советским лидером, чтобы убедить его, что мы не покушаемся на Советский Союз и что русским нечего нас бояться»^{483}.

Сходной точки зрения придерживался Добрынин: «Что касается ядерной войны, то советское руководство и высшее военное командование считались с такой возможностью. Они были убеждены, что большой военный конфликт между СССР и США, если он произойдет, неизбежно

приведет к применению ядерного оружия... Надо сказать, что президентство Рейгана вызвало у нашего руководства, в частности лично у Андропова и Устинова^[32], впечатление и даже убеждение в том, что новая администрация США активно готовится к возможности ядерной войны»^{484}.

Подобные настроения распространяла среди населения СССР вся тоталитарная пропагандистская машина, одновременно убеждая в том, что руководство страны, как и весь советский народ, мечтает о мире, что в общем-то соответствовало действительности. В результате возникали широко распространенные опасения, что поджигатель войны Рейган может начать неспровоцированную ядерную войну против СССР. Такого рода настроения отражал широко циркулировавший анекдот того времени: на вопрос, будет ли новая мировая война, звучал ответ: «Будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется».

В мае 1981 года Политбюро приняло решение о проведении широкомасштабной разведывательной операции под названием «Ракетно-ядерное нападение» (РЯН), в которой были задействованы все советские резидентуры за рубежом. Программа была инициирована Андроповым, являвшимся в то время председателем КГБ СССР, и имела побочной целью укрепление власти самого Андропова, что сыграло определенную роль в том, что после смерти Брежнева именно он стал генеральным секретарем ЦК КПСС^{485}.

Программа РЯН была настолько секретной, что даже посол Добрынин не был информирован о ней и узнал об этой программе случайно от резидента советской разведки в Вашингтоне, который проговорился, не ведая, что тот не осведомлен^{486}. Только после смерти Андропова в феврале 1984 года операция РЯН без официальной отмены была фактически заморожена.

Между тем еще при жизни Андропова возникли, казалось бы, новые проблески в перспективе хотя бы некоторого улучшения отношений. Судя по дневнику американского президента, он искренне стремился к этому. Одна из записей гласила, что он «еще более, чем раньше, стремится оказаться в одной комнате наедине с советским лидером и попытаться убедить его, что мы не собираемся нападать на Советский Союз и что русским не следует нас бояться»^{487}.

На том, чтобы добиваться снижения градуса напряженности во взаимоотношениях с СССР, настаивали и некоторые советники Белого дома, особенно энергично выступал за это госсекретарь Шульц.

Как в свое время в контактах с Брежневым, Рейган — чтобы подчеркнуть внешне неофициальный и личный характер своих действий — написал письмо Андропову от руки. Оно было вложено в запечатанный конверт и передано 21 июля 1983 года через советское посольство. Андропов ответил тем же. Его письмо Рейгану от 1 августа (напечатанное на пишущей машинке, но с припиской от руки в конце) было получено в посольстве и тотчас передано в Белый дом. Письма, естественно, были секретными, но не для дипломатов высшего звена из обеих стран.

По оценке Добрынина, первое письмо «было типичное рейгановское послание, внешне достаточно доброжелательное, без его обычных публичных выпадов, но не содержащее каких-либо новых компромиссных предложений по решению важных проблем». Рональд продолжал мыслить в самых общих категориях, высказывал благие пожелания: «Если мы сможем договориться об общем, контролируемом сокращении числа ядерных вооружений, которые у нас имеются, не станет ли это первым шагом к ликвидации всего подобного оружия? Каким благословением было бы это для обоих народов, представителями которых мы являемся!»

Аналогичный характер носил и ответ. В нем перечислялись основные вопросы разногласий, а в заключение говорилось: «Я буду приветствовать предметный и откровенный обмен мнениями с Вами по этому и другим вопросам. Согласен, чтобы он осуществился, когда это будет диктоваться интересами дела, доверительным образом. Со своей стороны предложил бы это делать через советского посла в Вашингтоне и лицо, которое Вы сочтете необходимым выделить». От руки было дописано: «Искренне надеюсь, господин президент, что Вы серьезно обдумаете высказанные мною соображения и сможете откликнуться на них в конструктивном духе»^{488}.

При всем общем характере эта переписка свидетельствовала, что Рейган считал необходимым несколько понизить градус противостояния. Об этом же свидетельствовала и сугубо личная документация. В апреле 1983 года Рейган писал в дневнике: «Некоторые из членов Национального] с[овета] безопасности] занимают слишком жесткую линию и не думают, что надо найти какой-то подход к Советам. Я считаю, что также стою на жесткой линии и никогда не пойду на умиротворение, но я хотел бы попытаться посмотреть, не возникнет ли лучший мир, если бы они на деле показали, что хотят наладить дела со свободным миром»^{489}.

За месяц и одну неделю до смерти Андропова американский журнал «Тайм» признал его вместе с президентом США Рейганом «людьми

года»^[490]. Значительной частью наблюдателей в разных странах эта акция была отмечена как свидетельство вероятного предстоящего смягчения отношений между обоими государствами.

Рейган ни в коей мере не отказался от крайне негативной оценки советской социально-политической системы, общих внешнеполитических намерений коммунистического руководства. Однако все более приходил к выводу, что в руководстве СССР не стремятся к войне с США, что существуют реальные возможности добиться значительного улучшения взаимоотношений на основе преодоления страха друг перед другом.

В результате еще до того, как в СССР начались глубочайшие изменения, приведшие к его распаду, у американского президента стали вызревать настроения в пользу отказа от установки на «ограниченную ядерную войну», хотя и при полном сохранении планов стратегической оборонной инициативы и глубочайшем неприятии советского режима, решительно не соответствовавшего его понятиям о демократическом государственном устройстве.

Тем не менее непосредственно после учений «Опытный лучник» Рейган лично отобрал нескольких сотрудников из служб национальной безопасности и поручил им выработку предположительных мер по нормализации отношений с СССР^[491]. Характер его мышления, ничуть не смягчившиеся настроения осуждения советской системы в сочетании с несколько новым подходом во взаимоотношениях видны из следующей дневниковой записи: «Я чувствую, что Советы настолько оборонительно настроены, буквально параноидально боятся нападения, что, ни в коей мере не становясь мягче в их оценке, мы должны сказать им, что никто не намерен делать ничего подобного. Какого черта они ожидают того, чего никто здесь совершенно не желает?»^[492]

16 января 1984 года Рейган сделал свои новые настроения и намерения достоянием публики. На следующий день в Стокгольме открывалась конференция 35 государств по вопросам сокращения вооружений (в ней участвовали как США, так и СССР), и Рейган из Белого дома по телевидению и радио обратился не только к американскому народу, но и (что было необычным) к другим нациям. Свое выступление он посвятил исключительно советско-американским отношениям, что было обозначено в его названии^[493]. Над этой президентской речью помимо обычных сотрудников трудились также госсекретарь Шульц и считавшийся перспективным экспертом по СССР Джек Мэтлок.

Рейган выразил уверенность, что в течение последних лет положение

начинает изменяться коренным образом. Это, считал он, укрепляет всеобщий мир, так как советское руководство не может недооценивать изменяющееся соотношение сил. Такого рода логический ход позволил президенту предположить возможность мирного решения спорных проблем путем переговоров. «Если Соединенные Штаты и Советский Союз смогут должным образом использовать возможности достижения мира, мы должны сделать все возможное, чтобы найти области общих интересов и опираться на них».

Предлагалось предпринять попытки сближения в трех важных областях: сокращение, а затем устранение использования силы в решении региональных споров (на Ближнем Востоке, в Афганистане, Юго-Восточной Азии и др.), причем особое внимание обращалось на Афганистан, где, по словам президента, происходило прямое «советское вторжение»; добиться перехода от затяжных переговоров к конкретным результатам в сокращении вооруженных сил и вооружений, прежде всего ядерного оружия; добиваться создания рабочих отношений и взаимопонимания. «Нам надо пройти длинный путь, но мы полны решимости пытаться и пытаться вновь. Мы должны начать с малого, но должны начать».

Уделяя особое внимание этому третьему направлению в улучшении взаимоотношений с СССР, Рейган, по существу дела, возлагал казавшиеся в то время несбыточные надежды на глубокие изменения в советском режиме: «Уважение прав отдельных граждан укрепляет взаимопонимание; отрицание таковых прав вредит ему. Расширяющиеся контакты и свободный обмен информацией повышают уровень доверия; стремление оторвать свой народ от остального мира снижает его; мирная торговля помогает этому, тогда как организованная кража промышленных секретов безусловно вредит этому процессу».

Стремление определить намеченный курс как двухпартийный, поддерживаемый большинством американского народа, выразилось в том, что Рейган цитировал слова президента от Демократической партии Джона Кеннеди, что при всех различиях существуют общие интересы, которые позволяют разрешить имеющиеся противоречия.

Рейган завершил выступление словами, которые вряд ли содержались в подготовленном для него тексте. Как часто поступал и ранее, он придал выступлению явно личностный оттенок, перейдя на «язык простых людей»: «Предположим на минуту, что Иван и Аня оказались в зале ожидания или под навесом в дождливую погоду или во время шторма вместе с Джимом и Салли, что между ними не существовало языкового

барьера и они смогли познакомиться. Что ж, они будут обсуждать различия между их правительствами? Может быть, они обменяются мнениями о своих детях и о том, как зарабатывают себе на жизнь? Прежде чем расстаться, они, наверное, коснутся своих планов и увлечений, будущего своих детей или как им свести концы с концами. А когда они расстанутся, может быть, Аня скажет Ивану: «А Салли очень милая. Она учится музыке». А Джим скажет Салли, что Иван похож на его босса. А может быть, они решат как-нибудь вместе поужинать. В любом случае они докажут, что не желают войны».

Слова Рейгана по поводу «третьей корзины» взаимоотношений между странами с различными социально-политическими системами казались тогда не более чем пропагандистским изыском, не имевшим реальной почвы для осуществления в обозримом будущем. Ни сам он, ни опытные политологи не могли предположить, что находившаяся в состоянии кризиса уже в течение трех десятилетий (со времени смерти Сталина) советская тоталитарная система начнет стремительно разрушаться уже через несколько лет. Рейган отнюдь не был пророком. Когда он говорил о будущем, которого желал бы, это были просто мечтания, не основанные ни на каком расчете, или, скорее всего, чисто пропагандистские ухищрения. События следующих лет, связанные с демократическими преобразованиями в СССР, а затем и с разрушением тоталитарной империи, были для него неожиданностью, приятным сюрпризом.

Надежды и разочарования

Рейган, не колеблясь, подписал 30 мая 1985 года секретную директиву № 172, напечатанную в девяти экземплярах, в которой давались указания о практическом развертывании стратегической оборонной инициативы и, главное, содержались обоснования ее необходимости, аргументация для ее представления американской публике и дипломатическому корпусу. «Совершенно необходимо, — говорилось в документе, — чтобы все, кто намерен выступать от имени Соединенных Штатов, представляли логичную и точную картину сущности и целей нашей программы». Директива исходила из того, что СССР остается основной угрозой безопасности Соединенных Штатов^{494}.

В то же время лед во взаимных контактах между советскими и американскими официальными лицами начинал медленно таять. Показателем этого стало восстановление по распоряжению президента

«горячей линии» между Госдепартаментом и посольством СССР, прерванной двумя годами ранее^{495}. Америка, по убеждению Рейгана, настолько восстановила свои силы к этому времени, что могла возобновить переговоры с СССР на равных, невзирая на идеологические и политические разногласия и различие социальных систем.

Нельзя не отметить, что в ряде работ американских авторов, главным образом журналистов, существенно переоценивается роль внешней политики США в первой половине 1980-х годов и роль самого Рональда Рейгана в коллапсе СССР и его распаде, а также в преодолении холодной войны и переходе к нормальным межгосударственным отношениям между США и СССР на последнем этапе его существования. Эту мысль энергично проводит Питер Швейцер, что вытекает даже из названий его работ^{496}.

Книги Швейцера подверглись заслуженной критике со стороны квалифицированных историков, которые со всей очевидностью показали, что существовал целый ряд внутренних и внешних факторов, обусловивших завершение кризиса тоталитарной системы в СССР распадом государства. Стивен Эмброс, автор исследовательских трудов об американских президентах, в частности о Д. Эйзенхауэре, с полным основанием пишет: «В действительности было намного больше причин коллапса СССР, чем признает Швейцер; и в любом случае трудно принимать всерьез книгу, так плохо написанную, как эта^[33]. Швейцер вкладывает свои слова в уста людей и мысли в их голову»^{497}.

Отношение Рейгана к СССР и его руководителям, намерения американского президента по отношению к основному военно-политическому противнику Соединенных Штатов на протяжении всего послевоенного периода были несравненно сложнее. Личные инициативы Рейгана, вся его политика отнюдь не играли решающей роли в крахе советского Левиафана. Один из авторов этой книги попытался в свое время проследить основные причины распада СССР в специальной статье^{498}.

Коротко говоря, к падению СССР привели не планы Рейгана или зловещие интриги американских спецслужб (такой подход встречается и в российской литературе^{499}), а жесткие закономерности общественного развития: утопический характер планов коммунистической социальной инженерии; ускоренная экономическая недееспособность; возрождение конкурентной хозяйственной системы в теневой форме; разложение номенклатуры и имитация трудовой деятельности в низах; отход союзников и друзей; прорыв информационной блокады благодаря появлению

новейших технологий, в частности в связи с созданием электронных вычислительных машин; усложнение национальных, республиканских и территориальных проблем; коррупция в партийно-государственном аппарате. Поражение в оружейном соперничестве, в частности в связи со стратегической оборонной инициативой Рейгана, было лишь одним из факторов, ускоривших разрушение советской тоталитарной системы, но не существенной, тем более не главной причиной этого основного социально-политического взрыва конца XX века.

Забегая вперед отметим, что Рейган был, естественно, весьма удовлетворен распадом СССР, хотя он, как и другие политики и политологи, никак не мог предвидеть, к каким катастрофическим последствиям приведет этот взрыв всемирно-исторического масштаба.

Никаких значимых изменений в отношениях между США и СССР не произошло и после того, как генеральным секретарем после смерти Андропова стал К. У. Черненко, которого даже весьма сдержанный и «правильный» с коммунистической точки зрения Добрынин называет человеком бездарным^{500}. По всей видимости, разведывательные службы США, американские журналисты в Москве и прочие деятели, имевшие отношение к контактам с СССР, в первое время краткого правления Черненко не улавливали, что собой представлял этот партийный бюрократ. Будучи убежденным, что политический курс Советского Союза почти целиком зависит от того лица, которое возглавляет коммунистическую иерархию, Рейган надеялся, что сможет наладить с Черненко более плодотворный контакт, нежели с его предшественником. Президент записал в дневнике: «У меня какое-то внутреннее чувство, что я смогу поговорить с ним о наших проблемах с глазу на глаз и посмотреть, смогу ли убедить его, что Советы материально выиграли бы, если бы присоединились к семье наций»^{501}.

Следуя уже складывавшейся традиции, он послал Черненко написанное от руки предложение о встрече, заверяя, что у США нет каких-либо агрессивных намерений по отношению к СССР. Ответ, написанный от имени очередного генсека, был выдержан в самых общих словах, но они показались президенту обнадеживающими. На тексте переведенного для него советского письма он сделал надпись: «Я думаю, это требует нашего хорошо обдуманного ответа, причем не рутинного признания, оставляющего статус-кво таким, каким он есть». Последовало новое рукописное послание в Москву, в общем повторявшее предыдущее, но написанное более конкретно: «Я хотел бы, чтобы вы знали, что ни у меня,

ни у американского народа нет никаких наступательных намерений по отношению к вам или советскому народу»^{502}.

Реального улучшения отношений, однако, не произошло. От встречи на высшем уровне советское руководство отказалось, поставив в качестве ее предварительного условия вывод американских ракет средней дальности из Европы. Было объявлено, что СССР намерен бойкотировать летние Олимпийские игры 1984 года в Лос-Анджелесе в качестве ответа на бойкот западными державами предыдущих игр в Москве.

Рейган был глубоко разочарован. Он считал себя уязвленным в самых лучших своих чувствах и был убежден, что его искренние мирные намерения наталкиваются на злую волю советской бюрократии. Он даже позволил себе опасную шутку. 11 августа 1984 года он выступал с одним из очередных обращений к нации и вместо обычного счета цифр в качестве проверки работы микрофонов заявил: «Я рад объявить, что сегодня я подписал закон, который навсегда ставит Россию вне закона. Через пять минут мы начнем ее бомбить».

Разумеется, эти страшные слова, являвшиеся злобным выплеском настроения, не пошли в эфир. Но если бы случайно они оказались в эфире и их услышала вся страна, можно себе представить, какая паника возникла бы в Америке и во всем мире! Этого не произошло, но через сотрудников Белого дома слова Рейгана просочились в народ и, безусловно, усилили самые мрачные его опасения^{503}. «Шуточка» Рейгана достигла и СССР, и в советской печати, естественно, появились резкие отклики. Было опубликовано даже заявление Телеграфного агентства Советского Союза: «ТАСС уполномочен заявить, что в Советском Союзе с осуждением относятся к беспрецедентно враждебному выпадку президента США. Подобное поведение несовместимо с высокой ответственностью, которую несут руководители государств, прежде всего обладающих ядерным оружием, за судьбы собственных народов, за судьбы человечества»^{{34}{504}}. В газете «Правда» была опубликована статья Ю. Жукова под весьма характерным заголовком «Ядерная «шутка» президента»^{505}.

И все же когда в Нью-Йорк на очередную сессию Генеральной Ассамблеи ООН прилетел советский министр иностранных дел Громыко, он был приглашен в Белый дом. Посол Добрынин полагал, что министру был оказан прием скорее на уровне главы правительства, чем руководителя внешнеполитического ведомства. Его фотографировали вместе с президентом в Овальном кабинете. Когда к присутствующим вышла Нэнси Рейган, Громыко заговорил с ней:

«— Ваш муж за мир или за войну?

— За мир, — ответила она.

— Вы в этом уверены? — переспросил Громыко.

— Да, уверена, — сказала Нэнси Рейган.

— Почему же тогда он не принимает наших предложений? — заметил Громыко.

— Каких предложений? — переспросила г-жа Рейган. В этот момент их прервали. Потом, уже перед самым ланчем, Громыко сказал ей:

— Вы по ночам на ушко напоминайте президенту о мире.

— О, конечно. Но я буду также шепотом говорить об этом и вам, — ответила она»^{506}.

Нэнси Рейган оказалась, таким образом, достойным дипломатическим партнером советского министра.

После официальной беседы президент попросил его, владевшего английским языком, остаться на пару минут в Овальном кабинете для «нескольких слов один на один». Немного помявшись, он сказал Громыко, что хорошо было бы уничтожить ядерное оружие полностью, чтобы оно не существовало вообще. Министр ответил общими словами^{507}...

Отказываться от ядерного оружия советское руководство не собиралось. Более того, как раз в эти годы в СССР шла разработка воздушно-космического военного корабля принципиально нового класса: под руководством выдающегося конструктора Г. Е. Лозино-Лозинского создавалась система МАКС (Многоцелевая аэрокосмическая система), основным элементом которой был космический бомбардировщик-истребитель «Спираль» с экипажем на борту, способный уничтожать как космические и воздушные, так и наземные цели при помощи ядерного оружия^{508}.

Работа по созданию «Спирали» не была завершена. Когда же в СССР развернулись перестроечные процессы, а затем начался распад государства, работы над этим проектом были свернуты. Но до этих событий было еще несколько лет, и в середине 1980-х годов высшее советское руководство к неофициальным предложениям Рейгана о полном ядерном разоружении всерьез не отнеслось. Такой же была реакция на подобные его заявления и со стороны военно-промышленного комплекса Соединенных Штатов.

Глава 12

ВЫБОРЫ 1984 ГОДА

Решение баллотироваться

В предыдущих главах мы уже затрагивали вопросы, связанные со вторым сроком президентства Рейгана. Но касались мы их в силу того, что они были связаны с проведением мероприятий первого президентства, и разрывать живую ткань изложения мы считали нецелесообразным. Возвратимся теперь немного назад и расскажем, как Рейган вторично занял высший исполнительный пост.

Первые четыре года были для президента серьезной школой.

Выборы 1984 года стали очередным триумфом Рейгана, как и его вице-президента Буша, который, будучи известным и опытным государственным деятелем, держался в тени, не вмешивался в политические решения, демонстративно повторял журналистам, что он лишь выполняет конкретные поручения президента.

Вначале в окружении Рейгана некоторые близкие сотрудники, а главное его супруга, высказывали мнение, что ему не следует выставлять свою кандидатуру на второй срок. Нэнси очень боялась нового покушения. Кроме того, отмечалось, что покушение 1981 года и крайне сложные годы первого президентства отрицательно повлияли на здоровье Рейгана. У него ухудшилась память, появились затруднения со слухом, он стал быстро уставать. Явно болезненный характер носили повторения Рональдом одних и тех же сюжетов, часто почти одними и теми же словами. В то же время очевидцы почти единодушно отмечали, что Рейган, который нередко расслаблялся, умел в нужный момент жестко себя контролировать, говорить с прежней яркостью и простонародным юмором, который так нравился публике.

Уже в начале января 1984 года стало ясно, что Рейган намерен вновь вступить в предвыборную борьбу: стали поступать сведения, что он формирует свой предвыборный штаб, который получил название Комитет Рейган — Буш 1984.

В воскресенье 29 января он выступил по радио и телевидению, чтобы сообщить народу США, что в свои 73 года (до дня рождения оставалась

неделя) намерен еще на четыре года посвятить себя служению нации на высшем государственном посту, причем сообщил об этом и от имени вице-президента Буша^{509}.

Именно с этого он и начал свое краткое выступление из Овального кабинета Белого дома: «Я принял трудное решение: я буду стремиться к переизбранию».

В основном речь была посвящена тому, какой была страна в 1970-е годы и как она изменилась за последнее четырехлетие. Рейган говорил: «Когда я впервые обратился к вам отсюда, наша национальная оборона была угрожающе слабой, мы перенесли унижение в Иране, а наша родина просто плыла по течению, вероятно потому, что здесь, в Вашингтоне, не верили в смелость и силу характера нашего народа. Но, что было хуже всего, мы находились на грани экономического коллапса в течение ряда лет в результате государственной политики чрезмерного и оскорбительного налогового обложения».

А затем следовали просто ошеломляющие цифры, свидетельствующие, как изменилась Америка за последние три года. Далеко не все они были статистически выверенными, но использовались умело, так что выглядели более чем правдоподобно. Рейган делал вывод, что Америка завершила «долгую ночь национальных бедствий» и теперь «поднимается на ноги». Прямо не говорилось, что именно привело к такому возрождению, но каждому слушателю и зрителю становилось ясно, что имеется в виду прежде всего правильное руководство страной со стороны президента.

Разумеется, обращения к прошлому, даже ближайшему, было недостаточно, чтобы идти на новые выборы. Позитивная программа была сформулирована достаточно четко: «Наша работа не завершена. Нам еще придется изрядно потрудиться, чтобы победить безработицу, добиться контроля над государственными расходами, вернуть автономию штатам, сохранить мир и найти место для Бога в наших школах».

В таких же — патриотических и оптимистических — тонах строилась вся избирательная кампания.

Первичные выборы в Республиканской партии в 1984 году проводились, однако, по существу дела, были формальными, так как во всех штатах неизменно голосовали за Рейгана. Фактически оппозиционных ему кандидатов республиканцы не выставляли.

Правда, о намерении бороться за Белый дом объявил бывший губернатор штата Миннесота, опытный политик Гарольд Стассен. Но он отлично понимал, что на реальное выдвижение рассчитывать не

приходится, и включился в праймериз в нескольких штатах только для того, чтобы напомнить о себе американцам. Вскоре Стассен объявил о снятии своей кандидатуры, и Рейган оказался единственным претендентом. По итогам первичных выборов за Рейгана было подано 6,5 миллиона голосов (98,7 процента), за Стассена (несмотря на то что он снял свою кандидатуру) — 12,7 тысячи (0,2 процента), за случайно выдвинутых кандидатов — 55,4 тысячи (менее одного процента) голосов.

20—23 августа на съезде республиканцев в Далласе (штат Техас) результаты голосования были уникальными во всей истории Соединенных Штатов. Из 2235 делегатов в первом и единственном туре за Рейгана голосовали 2233 человека. Два делегата воздержались, против не было подано ни одного голоса. Почти такие же результаты дало голосование по выдвижению на должность вице-президента: Буш получил 2231 голос (кроме двух воздержавшихся, еще двое голосовали за двух других лиц, получивших по одному голосу).

Особенности кампании

Было, однако, ясно, что сами выборы, то есть состязание между основными партиями, будут проходить в более сложной обстановке.

Демократы вначале выдвинули восемь кандидатов. Из них наиболее известным был бывший вице-президент в администрации Картера Уолтер Мондейл. Среди других кандидатов заслуживает внимания сенатор от штата Огайо Джон Гленн, в прошлом храбрый летчик и один из первых американских астронавтов: 20 февраля 1962 года он третьим в мире человеком после Ю. А. Гагарина и Г. А. Титова совершил орбитальный космический полет и стал национальным героем США. На первичных выборах, однако, Гленн, как и другие кандидаты, уступил место несравненно более опытному Мондейлу. Вначале считалось, что в выборах примет участие Эдвард Кеннеди, но тот отказался участвовать в гонке и даже не включился в праймериз. Мондейл пытался заручиться дополнительными голосами, выдвинув кандидатом в вице-президенты члена палаты представителей Джеральдин Ферраро — первую женщину, претендовавшую на этот пост.

В свои 73 года Рейган был старейшим в истории кандидатом на президентский пост в США. Предвыборная борьба проходила главным образом по вопросам внутренней политики. Мондейл резко критиковал «несправедливости» экономических мероприятий Рейгана в предыдущие

годы, заявлял о необходимости ликвидировать бюджетный дефицит. В выступлении на съезде Демократической партии он неосторожно заявил: «Давайте скажем правду. Мистер Рейган повысит налоги. То же самое сделаю и я. Но он вам не скажет этого, а я уже сказал»^{510}. Так Мондейл попытался представить Рейгана лицемером, а себя — честным и открытым политическим деятелем. Однако избиратели услышали в его словах, напечатанных почти во всех газетах и переданных по телевидению, главное — намерение повысить налоги, и это, по оценкам многих наблюдателей, лишило кандидата демократов немало голосов.

Пресса Демократической партии распространяла слухи, что престарелый Рейган в случае избрания не выдержит нагрузки и очень скоро уйдет в отставку, передав власть вице-президенту Бушу. Эти слухи были настолько упорными, что посол СССР Добрынин во время встречи с Бушем напрямую задал ему вопрос по этому поводу. Буш ответил: «В Вашингтоне скорее произойдет землетрясение, чем добровольный уход Рейгана, ибо он очень любит пост президента и все атрибуты власти»^{511}.

Штаб Рейгана и он сам апеллировали не столько к разуму, сколько к эмоциям избирателей. При этом особое внимание, учитывая возраст президента и одновременно кандидата на переизбрание, обращалось на агитацию среди молодежи. Выступая в городе Хэммонте, штат Нью-Джерси, Рональд признался, что любит песни рок-музыканта и поэта Брюса Спрингстина, уроженца этого штата, который считался кумиром молодежи и обладал массой всевозможных премий^{512}.

Рейган говорил, явно стремясь обеспечить себе поддержку молодых американцев: «Все, что мы сделали, и все, что мы намерены сделать, направлено на то, чтобы превратить Америку в еще более свободную страну. Будущее Америки зависит от тысяч мечтаний, которые наполняют ваши сердца, будущее Америки — в призыве к надежде в песнях человека, которым восхищаются многие молодые американцы, — Брюса Спрингстина из Нью-Джерси. Именно в том, чтобы помочь вам воплотить эти мечты в жизнь, и состоит моя работа».

Правда, сам Спрингстин, человек амбициозный и независимый, через день, во время своего концерта в Питсбурге, несколько чванливо и барственно произнес: «Ну, недавно президент упомянул мое имя в своей речи, и я удивился: какой из моих альбомов ему понравился. Вы не знаете? Не думаю, что это альбом «Небраска» и что он его слышал»^{513}.

Штаб Рейгана на эти не очень уважительные замечания не реагировал. Песня Спрингстина «Рожденный в США», носившая патриотический

характер и осуждавшая пренебрежительное отношение к ветеранам вьетнамской войны, даже стала своеобразным гимном рейгановской кампании. Она была написана в 1984 году и вошла в альбом под тем же названием, который многократно переиздавался. Песню не раз включали в список лучших песен мира, и именно это использовал Рейган. Он, казалось, имел основание использовать эту песню, которая многими воспринималась как осуждение вьетнамской войны: ведь она была развязана при президенте-демократе Джонсоне, а прекращена при республиканце Никсоне. Рональд, когда-то исполнявший песни в фильмах, теперь сам напевал слова Спрингстина:

*Born down in a dead man's town
The first kick I took was when I hit the ground
End up like a dog that's beat too much
Till you spend half your life covering up.
Born in the USA,
Born in the USA.
Got in a little hometown jam,
So they put a rifle in my hand
Sent me off to a foreign land
Go and kill the yellow man.
Born in the USA,
Born in the USA...
Down of the shadow of the penitentiary
Out by the gas fire of the refinery
I'm ten years burning down the road
Now here to run ain't got nowhere to go.
Born in the USA,
Born in the USA^[514].*

*Я родился и вырос в далекой глуши,
Где впервые упал от удара судьбы,
Был забит до покорства собачьей души —
Мне подохнуть теперь, так как жил без борьбы
Рожденный в США,
Рожденный в США.
В городке, где я жил, забрили меня:
Я с винтовкой солдат — не человек,
Был отправлен за море, туда, где резня,*

*Желтокожих валить, как лес дровосек,
Рожденный в США,
Рожденный в США.
Я вернулся домой — уже в прошлом война.
На заводе, как ээку, мне горбатиться снова?
Как в тюрьме, моей жизни копейка цена.
Так куда ж мне? Куда? — Не понять это слово
Рожденному в США,
Рожденному в США^[35].*

Тот факт, что Рейган с особой настойчивостью обращается к молодежи, был ярко продемонстрирован в самом начале выборной кампании, еще в марте 1984 года, когда он использовал широко разрекламированную переписку с учеником начальной школы в Вашингтоне афроамериканцем Рудольфом Ли-Хайнесом, который выиграл конкурс по чтению и писанию писем без помощи взрослых. Рейган специально посетил школу, где учился этот мальчик, выступил перед учениками, а затем объявил, что в качестве награды вступает с Рудольфом в личную переписку. Затем действительно началась переписка, в ходе которой мальчуган спрашивал президента о его актерской работе, о том, как поддерживать дружбу с ровесниками, и даже как кататься на лошади. Вот отрывок из одного письма, адресованного Рудольфу: «Мне было приятно получить твое письмо и узнать о твоих неплохих оценках. Продолжай в том же духе. Ты знаешь, у нас с тобой есть что-то общее: я тоже не отличался хорошими оценками по естествознанию, но, как и ты, я пытался с этим справиться. Мы вместе должны этого добиться»^[515].

Избирательная кампания Рейгана не отличалась какими бы то ни было находками, пропагандистскими и рекламными изобретениями. Отмечался, правда, успех двух кратких телевизионных передач, оплаченных штабом Рейгана на правах рекламы. Обе передачи были подготовлены и сняты видным специалистом по рекламе Холлом Райни, он же читал дикторский текст.

Одна из крохотных передач, получившая известность как «Медведь в лесу» (по первому предложению текста), была посвящена внешнеполитической позиции Рейгана, основанной на достижении мира с позиции силы Соединенных Штатов^[516]. В ролике огромный медведь, под которым подразумевался СССР, бродил по лесу, причем сопроводительный

текст разъяснял, что медведь может быть очень опасен и что всегда надо быть подготовленным к встрече с ним в лесной чаще. В финале появлялся человек с ружьем, и медведь отступал. Ролик завершался сценой с портретом Рональда и текстом: «Президент Рейган готов к миру».

Прямо не упоминая Мондейла, выступавшего против увеличения военных расходов, за сохранение с СССР отношений мирного сосуществования и отказ от взаимных угроз, рекламный фильм давал понять, что Рейган лучше, чем его соперник, подготовлен к тому, чтобы во всеоружии встретить угрозу своей стране. Политтехнолог Ричард Виртлин, придумавший эту рекламу, получил заслуженное одобрение в экспертном сообществе, которое специально отмечало значение этого рекламного фильма для укрепления внешнеполитической предвыборной платформы республиканцев^{517}.

Неменьшим успехом пользовался второй рекламноагитационный ролик, который авторы называли «Более гордые, более сильные, самые лучшие», но в итоге он получил популярное наименование «Снова утро в Америке» и по первым словам текста, и как символ обновления нации, осуществляемого под руководством Рейгана^{518}.

Если первая передача касалась темы, затрагивавшей каждого американца, но все же воспринималась как нечто сравнительно абстрактное, то вторая была обращена к гражданам низкого и среднего достатка. На экране демонстрировались радостные, уверенные в себе люди, причем преобладала молодежь, а за кадрами слышался спокойный и полный оптимизма голос диктора. Вот полный текст этой нехитрой, но оказавшейся очень убедительной передачи: «Снова утро в Америке. Сегодня на работу пойдут больше мужчин и женщин, чем когда-либо раньше в истории нашей страны. Учитывая, что проценты за долги по сравнению с 1989 годом упали вдвое, почти две тысячи семей сегодня купят новые дома — больше, чем за прошедшие четыре года. Сегодня вступят в брак шесть с половиной тысяч юношей и девушек, а так как инфляция сократилась более чем вдвое по сравнению с тем, что было четыре года назад, они с уверенностью будут смотреть в будущее. В Америке снова утро, и под руководством президента Рейгана наша страна становится более гордой и более сильной, становится лучше. Почему же мы хотим возвратиться туда, где были всего четыре года назад?»

Вторая передача в значительно большей степени, чем первая, склонила массу избирателей к поддержке Рейгана. Она получила ряд премий в области рекламы и агитации и была высоко оценена политиками и

политологами. Известный республиканский стратег Дэн Шнур так оценил эту работу Райни: «Большинство политических реклам бьет зрителей прямо по голове, тогда как его работа производит столь же сильное впечатление, но в менее конфронтационном и более гладком стиле»^{519}. Журнал «Тайм» через три десятилетия отнес эту рекламную передачу к десяти самым выдающимся рекламам во всей истории США. «Смысл был простой, патриотический и вдохновенный. Трудно было посмотреть это видео и не поддержать кандидата; вот почему это была одна из самых мощных рекламных кампаний во все времена»^{520}.

Полемика с Мондейлом и вторая победа

Рейган дважды встретился с Мондейлом в телевизионных дебатах. Организатором диспутов являлась «Организация женщин-избирательниц», а первую встречу проводила (уже в четвертый раз за свою профессиональную карьеру) журналистка программы «Новости Эй-би-си» Барбара Уолтерс, которая стала уже мастером-«модератором» такого рода столкновений. Во встрече участвовали также журналисты, которые задавали вопросы кандидатам.

Первая встреча состоялась 7 октября в Центре искусств города Луисвилл, штат Кентукки^{521}.

Во время дебатов Рейгану пришлось нелегко как по объективным, так и субъективным причинам. Главная проблема состояла в том, что, имея в виду намеченную вторую встречу, на первой внимание было сосредоточено на внутренних, главным образом экономических проблемах, которые во время первого президентства Рональда разрешить не удалось. На весьма ехидные вопросы Мондейла, а также журналистов Рейган отвечал, как всегда, в самой общей форме. Экономические неудачи он относил к объективным обстоятельствам, ошибок и просчетов администрации не признавал, утверждал, что на второй свой срок обладает единым планом хозяйственного возрождения страны.

Согласно регламенту перед встречей был брошен простейший «жребий первенства»: монета дала право Мондейлу первому ставить вопрос и первому выступить с подведением итогов. Это дало ему некоторые преимущества, которые, впрочем, многими были признаны кажущимися.

Кроме того, Рейган, видимо, понадеялся на свою память и опытность.

Скорее всего к дебатам он серьезно не готовился. Сказалась и предвыборная усталость: при всей энергии и боевом настрое республиканского кандидата не следовало сбрасывать со счетов его возраст.

Поэтому некоторые его ответы звучали невпопад, и почти все они давались без конкретных примеров, к которым он был обычно склонен, а также почти без цифр. Кроме того, Рональд допустил несколько мелких неточностей, за которые ухватились оппоненты. Он произнес «здесь, в Вашингтоне», хотя дебаты происходили в другом городе. Военскую униформу назвал просто одеждой, причем употребил слово *wardrobe*, которым обычно обозначают платяной шкаф, а по отношению к одежде употребляют только в просторечье (по аналогии с русским словом «гардероб»). Все это были мелочи, на которые разумные люди не обратили внимания, но их было достаточно для откровенно враждебных комментаторов, чтобы позволить себе намеки на состояние рассудка кандидата и даже на старческий маразм.

Касаясь личных свойств действующего президента, Мондейл по-прежнему утверждал, что тот проявляет качества не столько государственного руководителя, сколько шоумена, и даже сорвал одобрителные аплодисменты аудитории. Ведущая была вынуждена попросить присутствующих не выражать своего отношения к происходящему, не отнимать дорогое время. Основная часть дебатов прошла примерно вничью, никого не убедив в преимуществах того или иного кандидата.

Правда, заключительное слово Рейган произнес с блеском. Вероятно, основные тезисы этой заключительной речи были подготовлены заранее, но Рейган произнес ее как бы экспромтом, взволнованно, с присущим ему ораторским и актерским искусством. Он поставил вопрос: стало ли лучше жить рядовым американцам за последние четыре года, и дал на него положительный, подкрепленный наконец-то рядом цифр ответ. Однако позволил себе расширить этот вопрос, говоря: «Я обещал новое начало. Так что мы действительно стоим только вначале. Если бы дело было завершено, я дважды подумал бы, следует ли стремиться к переизбранию». Подкрепив свои слова цифрами намечаемых экономических мероприятий, сохранения и расширения помощи тем, кто действительно в ней нуждался, Рейган завершил речь словами: «Я думаю, что мы возвращаем американскому народу свойственный ему дух. Я думаю, что он сохраняет оптимизм и патриотизм. Мы можем повторить слова Томаса Пейна^[36]: «В наших силах снова начать строить этот мир».

На этом фоне заключительное слово Мондейла прозвучало сухо и

фактически попыткой лишь опровергнуть слова Рейгана о том, что американцы укрепили свое социальное положение. Мондейл избрал не лучшую тактику: он оборонялся, а не наступал.

В любом случае решающего преимущества по итогам первых дебатов Рейган не получил. В политических кругах открыто говорили, что президент слишком стар для второго срока, что он далеко не всегда отвечает по существу на поставленные вопросы, особенно когда речь заходит о налоговом обложении и других актуальных хозяйственных проблемах. Рон, наблюдавший за деятельностью отца, через годы признавался журналистам, что первые дебаты произвели на него тягостное впечатление: «У меня буквально болело сердце, когда он с огромным трудом пробивал себе дорогу, отвечая на вопросы, шаря в своих заметках, необычно для него теряя слова. Он выглядел усталым и растерянным». Более того, Рон заподозрил, что уже тогда у его отца появились признаки болезни Альцгеймера, которой он страдал в последние годы жизни^{522}. По этому поводу между ним и другим сыном, Майклом, разгорелась острая полемика.

По всей видимости, мнение Рона не соответствовало действительности. Он явно преувеличивал болезненное состояние отца. Президент скорее всего просто почил на лаврах и считал, что дебаты с Мондейлом будут выиграны легко, чего на самом деле не произошло.

Поэтому, утя опыт первой встречи (напомним, что перед выборами 1980 года был только один тур дебатов кандидатов в президенты), ко второй он готовился тщательно. Она состоялась вечером 21 октября в Канзас-Сити, штат Миссури, в музыкальном зале Центра съездов^{523} в присутствии журналистов и представителей разных слоев населения, делегированных общественными организациями, вел дебаты журналист Эдвин Ньюман.

На этот раз основное внимание было сосредоточено на международных проблемах, хотя ставились и другие вопросы, в том числе и нелегкий для Рейгана вопрос о его возрасте.

Журналисты требовали от Рейгана разъяснить положение в Центральной Америке, в частности в Никарагуа, где продолжалась кровопролитная гражданская война и где Центральное разведывательное управление оказывало прямую помощь «контрас», то есть силам, которые вели борьбу против власти Сандинистского фронта национального освобождения и его правительства во главе с популярным национальным лидером Даниэлем Ортегой.

Тайные действия американских спецслужб в Никарагуа с точки зрения международного права были незаконными, являлись вмешательством во внутренние дела независимой страны. Журналисты стремились выпытать у Рейгана, насколько глубоко американцы вовлечены в центральноамериканские дела, связанные с гражданской войной: участвуют ли они в политических убийствах, убийствах мирных жителей, в пытках заключенных и т. п. При этом использовалась некая брошюра, обнаруженная журналистами в Никарагуа, авторство которой, по-видимому, принадлежало сотрудникам ЦРУ. В ней содержались инструкции по использованию уголовных преступников, подготовке политических убийств и других акций, которые Мондейл характеризовал как террористические.

Естественно, Рейган не давал прямых ответов на подобные вопросы, уклонялся от них, однако сформулировал сравнительно четкую программу действий своего правительства в этом регионе: военная помощь «нашим друзьям», подвергаемым преследованиям; программа экономического содействия и гражданских прав для стран региона, в частности Никарагуа; дипломатические усилия с целью стабилизации и достижения мира в Центральной Америке.

Любопытно, что это была единственная международная проблема, по которой позиции Рейгана и Мондейла если не совпадали, то были близки. Разумеется, обо всем говорилось в самой общей форме, но она вполне удовлетворила и присутствовавших на диспуте, и основную часть американцев, следивших за дебатами по телевидению. Что же касается пресловутой инструкции, интересовавшей журналистов, то Рейган пренебрежительно назвал ее «учебным пособием», состряпанным самими никарагуанскими «контрас».

Основное внимание было сосредоточено на советско-американских отношениях. Президент повторил свою оценку советского режима как «империи зла». Впервые это выражение было употреблено им во время выступления в Орландо (штат Флорида) 8 марта 1983 года. Тогда речь была произнесена на собрании евангелистов, в Белом доме не готовилась и не рассматривалась как серьезное мероприятие, а само определение было дано скорее всего спонтанно. Однако оно было подхвачено прессой, не только в США, но и во многих других странах, вызвало гневную реакцию в Москве, а само выступление вошло в историю как «речь об империи зла». Под таким названием она хранится в архиве^{524}.

Любопытно отметить, что советские диссиденты, которые имели возможность ознакомиться с рейгановским «определением» советской

системы (разумеется, не в первоисточнике, а в контрпропагандистских советских изданиях), были глубоко удовлетворены тем, как высказался американский лидер. Один из них, Анатолий (Натан) Щаранский, находившийся в заключении, услышал о «вражеском выезде» от лагерного надзирателя. Щаранский вспоминал: «Это был ярчайший, славный день... Это был конец ленинской «великой октябрьской большевистской революции» и начало новой революции, революции свободы — рейгановской революции»^{[37]{525}}.

Рейган, безусловно, был знаком с понятием «тоталитаризм», но, во-первых, как и большинство наблюдателей того времени, да и позже (вплоть до наших дней), ошибочно относил его к способу управления, а не к системе. Во-вторых, он считал такой термин слишком сложным для массового восприятия. Поэтому употребил выражение, которое казалось ему наиболее близким по смыслу к тому, что он разумел под тоталитаризмом.

При этом он так до конца и не понял всеохватывающего объема тоталитарной системы, в частности места единственной партии и ее лидера (или лидеров) в качестве лиц, осуществляющих и воплощающих партийное единовластие. Крохотный эпизод, связанный с перемещением посла СССР в США А. Ф. Добрынина в партийный аппарат, на пост секретаря ЦК по международным делам, ярко, на наш взгляд, об этом свидетельствует. Когда Рейгану доложили об этом, он с удивлением спросил у госсекретаря Шульца: «А разве он коммунист?» (сам Шульц поведал об этом Добрынину)^{526}.

Мы отвлеклись от основной линии повествования, к которой теперь возвратимся.

В целом тон высказываний Рейгана в полемике с Мондейлом касательно отношений с СССР был сравнительно миролюбивым. Рейган говорил в соответствии с теми установками, которые были выработаны им совместно с советниками и которые разговорчивые американские деятели передали советскому послу: «Решили остановиться на следующей формуле: избиратель должен знать в принципе известную (антисоветскую) позицию Рейгана, но президент не должен делать или говорить ничего такого, что могло бы побудить избирателей считать его «поджигателем войны», то есть снизить тон, но не вселять особых надежд на важные договоренности с СССР»^{527}.

Как мы уже знаем, президент смягчил свою риторику по отношению к СССР уже в 1983 году. Но теперь, пожалуй, впервые после прихода к

власти Рейган четко высказался в пользу мирного сосуществования двух сверхдержав. Ссылаясь на свою недавнюю беседу с министром иностранных дел СССР А. А. Громыко, он говорил: «Нам не нравится их система. Они не любят нашу. Но мы не собираемся менять их систему, а им лучше не пытаться изменить нашу. Но мы можем либо разрушить весь мир, либо сохранить его. И я безусловно высказался в том смысле, что в наших общих интересах избежать конфликта, попытаться спасти мир и ликвидировать ядерное оружие. Я думаю, что между нами установилось несколько лучшее взаимопонимание».

В то же время Рейганом была решительно осуждена политика односторонних уступок, как он ее оценивал, со стороны предыдущих администраций США, существовавших до 1980 года. Президент весьма туманно поведал о своих планах создать такую систему защиты территории США, что «для них (то есть советского руководства. — Г. Ч., Л. Д.) очень дорого бы обошлось, если бы у них созрела идея агрессии против нас». Ключевое выражение «очень дорого» явно имело двойной смысл: в оценке финансовых и прочих расходов на преодоление американской системы безопасности и в смысле возмездия, которое неизбежно последовало бы в случае попытки удара.

Внимание американской и мировой аудитории, однако, привлек только второй смысл. О первом, то есть о стремлении экономически обескровить СССР в конкуренции по созданию крайне дорогостоящих и технически совершенных систем обороны, вынудить его идти на переговоры и, главное, способствовать дестабилизации внутреннего положения в СССР, пока всерьез не задумывались. «Я только думал, когда занял свой пост, что наступило время начать реальные переговоры по поводу Советского Союза и с Советским Союзом. И мы привлекли к этому их внимание».

В ходе дебатов был поставлен и ряд других вопросов международного характера, на которые Рейган давал более или менее удовлетворительные ответы. Однако, как и ожидалось, одному из журналистов, Генри Троухитту, дипломатическому корреспонденту газеты «Сан» (Балтимор), ловко удалось в связи с международной проблематикой коснуться вопроса о возрасте президента. Вот как прозвучали вопрос и ответ на него:

«Троухитт. Мистер президент, я хотел бы поднять вопрос, на который намекают уже две или три недели и который особенно касается условий национальной безопасности. Вы уже самый старый президент в [американской] истории. Некоторые в вашем штабе говорят, что вы очень устали после вашей последней встречи с мистером Мондейлом. Я вспоминаю, что президент Кеннеди во время кубинского ракетного кризиса

в течение нескольких дней практически не спал. Вы не сомневаетесь, что сможете работать в таком же режиме?»

«Президент. Совершенно нет. И я хотел бы, мистер Троухитт, чтобы вы знали: хотя я не делаю возраст проблемой в этой кампании, но не собираюсь эксплуатировать в политических целях юность и неопытность моего оппонента. (Смех и аплодисменты.) Если у меня есть время, я добавил бы, мистер Троухитт, что Сенека или Цицерон, я не помню, кто именно, сказал: «Если бы старейшие не исправляли ошибок юных, не существовало бы государства».

Иначе говоря, Рейган не дал ответа на поставленный вопрос, но то, что он сказал и как он это сказал, вызвало восторг присутствующих и сняло проблему с повестки дня. Сам Мондейл, невольно рассмеявшись реплике соперника, позже явно переоценивал ее значение: «Вы видели, что я улыбался. Но думаю, если подойти к делу серьезно, вы могли бы увидеть на моих глазах слезы, потому что я понял: он меня победил. Этим вечером моя кампания действительно завершилась»^{528}.

При этом он даже не обратил внимания, что Рейган умудрился дважды его унижить: во-первых, он отнюдь не был юнцом — ему шел пятьдесят шестой год, у него была седая голова; во-вторых, его никак нельзя было назвать политическим новичком — ведь он успел даже побывать вице-президентом, не говоря уже о других высоких должностях, которые он занимал.

Конечно, дело было не только в реплике Рейгана по поводу юности и старости. Кстати, ссылка на Сенеку или Цицерона была совершенно произвольной, ни у того, ни у другого не было такого рода высказываний, хотя нечто подобное можно было найти у многих древних мудрецов. Рональда отнюдь не интересовала точность цитаты — ему важно было произвести впечатление, и это ему удалось. В совокупности со всем, что было сказано 21 октября, он действительно был признан победителем дебатов. А это во многом предопределило итоги выборов.

Президентские выборы состоялись 6 ноября. Рейган добился блестящей победы. За него проголосовали большинство избирателей в сорока девяти штатах из пятидесяти (Мондейл победил только в своем родном штате Миннесота и федеральном округе Колумбия, то есть в центральной части столицы страны Вашингтона). Это обеспечило Рейгану 525 голосов выборщиков (из 538). Соотношение поданных голосов было несравненно скромнее (Мондейл собрал 40,6 процента), но и оно было весьма внушительным: почти две трети избирателей высказались в поддержку Рейгана. Он получил возможность проводить свою политику

еще в течение четырех лет.

Мондейл, проиграв выборы, занялся юридической практикой, позднее несколько лет был послом в Японии.

Глава 13

ВНУТРЕННИЙ КУРС ВТОРОГО ПРЕЗИДЕНТСТВА

Новые решения, новые успехи,

новые просчеты

Второй президентский срок Рейгана ознаменовался определенными успехами в проведении внутривластного курса на оздоровление экономики и социальной сферы, улучшением отношений с Советским Союзом, в котором после «пятилетки пышных похорон» (рассказывали, что после смерти К. У. Черненко Рейган в сердцах бросил своей жене: «Как я могу иметь дело с русскими, если они один за другим умирают у меня на глазах»^{[38][529]}) к руководству пришла команда реформаторов, стремившихся, по крайней мере на словах, перейти к социализму с человеческим лицом. Эта команда, руководимая М. С. Горбачевым, по всей видимости, искренне стремилась к глубоким политическим и социальным переменам, не осознавая того факта, что ее усилия носили утопический характер, что любые попытки глубоко трансформировать тоталитарную систему неизбежно вели к ее гибели.

В то же время внешнеполитический курс группы Горбачева, в которую входили А. Н. Яковлев, Э. А. Шеварднадзе, В. А. Медведев и некоторые другие деятели (сравнительно недолгое время в эту команду входил и Б. Н. Ельцин), был направлен на полный отказ от холодной войны, на достижение реальных договоренностей с Соединенными Штатами и их союзниками по основным вопросам мирового развития. После определенных колебаний команда Горбачева отказалась и от диктата по отношению к руководству стран Восточной Европы, последствием чего стали быстрый распад советского блока государств и крах военно-политической Организации Варшавского договора.

Рональд Рейган оказался весьма чуток к тем сигналам, которые поступали к нему из Москвы, и к той информации, которую сообщала ему американская разведывательная служба. В июне 1985 года он получил

доклад ЦРУ о первых ста днях пребывания Горбачева на посту генерального секретаря ЦК КПСС^{530}. Доклад начинался оптимистически: «За первые 100 дней своего правления Горбачев проявил себя как наиболее агрессивный и решительный советский лидер со времен Хрущева. Он продемонстрировал готовность идти на противоречивые и даже непопулярные меры, в частности, по антиалкогольной кампании или отказу от прежней практики не критиковать действия своих коллег на заседаниях Политбюро». Эти общие положения иллюстрировались примерами. А далее было сказано: «Горбачев уже проявил значительную активность в области внешней политики... Следует в ближайшем будущем ожидать существенного усиления его личной роли в дипломатических усилиях СССР».

Доклад многократно обсуждался с советниками и помощниками и сыграл определенную роль в оценке Рейганом перспектив развития отношений с СССР. Содержавшиеся в нем оценки подтверждались и последующими данными, которые предоставляла Рейгану разведка^{531}.

Достижения администрации Рейгана, однако, не исключали и сугубо ошибочных решений. В некоторых же случаях действовало старинное правило: наши недостатки являются продолжением наших достоинств. Касалось это как внутренних, так и международных дел.

Пренебрежительно отзываясь о вашингтонских и прочих бюрократах, настаивая на сокращении сферы государственного регулирования, президент иногда пренебрегал вопросами чиновничьей этики, не обращал внимания на то, что его подчиненные в ряде случаев злоупотребляли властью, причем подчас в интересах собственной выгоды.

Такого рода казусы возникали в тех областях, в которых совершался переход от жесткого государственного регулирования к более или менее свободному предпринимательству. В отдельных случаях крайне отрицательные последствия принятого решения наблюдались не сразу, имели отложенный результат.

Пожалуй, наиболее ярким примером такого ошибочного решения, полностью вписывавшегося, однако, в «дерегуляционную» стратегию Рейгана, был закон 1982 года о депозитарных учреждениях, принятый еще во время первого президентства, но сыгравший во всей полноте свою негативную роль после 1985 года. Этот закон, проект которого был разработан советниками Рейгана и одобрен им, имел длинное название и весьма сложное, запутанное содержание. Однако, если пренебречь мудреными финансово-юридическими формулировками, которые, скорее

всего, не были понятны большинству конгрессменов, сущность предложения состояла в том, чтобы резко сократить, а по существу дела, отменить государственное вмешательство в дела частных финансовых учреждений в той части, которая связана с предоставлением займов на строительство жилых домов.

Учитывая конкуренцию, соперничество между крупными банками, возможность появления в результате «дерегуляции» новых рискованных финансовых институтов, проект в то же время брал под защиту заемщиков, предоставляя им гарантии материальной безопасности со стороны федерального правительства.

Администрация президента договорилась о внесении законопроекта на двухпартийной основе членами палаты представителей демократом Фернандом Сент-Джерменом из штата Род-Айленд и сенатором-республиканцем Джейком Гарном из штата Юта. Хотя в обеих палатах высказывались опасения, что злоупотребления со стороны местных банков, освобожденных от государственного контроля, могут поставить под угрозу государственные финансы, закон Гарна — Сент-Джермена был принят подавляющим большинством голосов в обеих палатах 15 октября 1982 года. Подписывая закон, Рейган выразил не только удовлетворение, но и недовольство, что дерегуляционные мероприятия не распространены на другие области финансовой деятельности. На торжественной церемонии в Розовом саду Белого дома (в такой обстановке подписывались только самые важные законодательные акты, к которым этот закон явно не относился) президент заявил: «Я вполне одобряю эту инициативу и в то же время надеюсь, что Конгресс рассмотрит другие предложения по более разносторонней дерегуляции, которые предлагает администрация»^[532].

Оказалось, что закон Гарна — Сент-Джермена, нарушив установившиеся уже в течение длительного времени правила выделения займов и кредитов под строительство домов, привел к массе авантюрных финансовых проектов, рассчитанных на быстрое получение прибыли, и к тому, что государство вынуждено было реализовывать принятые на себя обязательства по возмещению убытков пострадавших финансовых учреждений, строительных фирм и простых потребителей. К счастью для Рейгана, серьезные негативные последствия всей этой, мягко говоря, не до конца продуманной схемы проявились в последние годы его власти и особенно уже при его преемнике Джордже Буше, когда федеральные власти вынуждены были выплатить пострадавшим огромную сумму — около 124 миллиардов долларов^[533]. Весь этот комплекс действий администрации

Буша специалисты определяют как крупнейшую в истории Соединенных Штатов государственную акцию по финансовому спасению экономики^{534}.

В некоторых случаях, отстаивая, согласно указаниям Рейгана, сокращение государственного вмешательства в дела частного бизнеса, ответственные государственные чиновники сами оказывались замешанными в тех или иных сомнительных аферах или даже взяточничестве.

Вначале в прессе, а затем и в судебном порядке во всевозможных нарушениях существовавшего законодательства были обвинены ближайшие помощники министра жилищного строительства и городского развития Сэмюэля Пирса. В махинациях подозревали и самого министра. Однако Пирс, единственный афроамериканец в правительстве Рейгана, сохранил свой пост на протяжении обоих президентских сроков.

К рассматриваемому периоду в США уже в полной мере сложилось юридическое и в основном общественно-политическое и бытовое равноправие черных с белыми. Привлечение Пирса к суду или хотя бы увольнение его из кабинета министров в этих условиях могло трактоваться как проявление расовой дискриминации. Рейган, весьма чувствительно относившийся к расовому вопросу, предпочитал закрывать глаза на безобразия, происходившие в министерстве Пирса. Кроме того, Пирс отличался таким послушанием, такой, по крайней мере внешней, исполнительностью по отношению к инициативам президента, что коллеги прозвали его «молчаливый Сэм»^{535}. Рейган мог быть удовлетворен: за время его президентства, то есть за то время, когда министерством городского строительства руководил Пирс, расходы государства в данной области были сокращены вдвое^{536}.

Но когда Рейган ушел в отставку, а вместе с ним министерского поста лишился Пирс, разразился скандал: бывший высокопоставленный чиновник был вызван на расследование, проводимое комиссиями Конгресса, по обвинениям в пренебрежении прямыми обязанностями, злоупотреблении властью и политическом фаворитизме. Хотя первоначально представленные сведения, что сам он был замешан во взяточничестве, не подтвердились и он не был привлечен к суду, было начато уголовное преследование ряда его ближайших сотрудников, включая его персональную помощницу и интимно близкую к нему Дебору Гор-Дин, к тому же родственницу известного политического семейства Альберта Гора-старшего и его сына, который позже станет вице-президентом США. Дебора Гор-Дин и другие обвиняемые были уличены в

получении незаконных подарков, сокрытии доходов, сообщении ложных сведений, будучи приведенными к присяге, и т. д. Приговоры, однако, были мягкими, что было связано, по всей видимости, с нежеланием судей компрометировать недавно ушедшего в отставку Рейгана. Дебора Гор-Дин, например, была приговорена к штрафу и годичному пребыванию под домашним арестом^{537}.

Порой финансово-экономические скандалы, связанные с деятелями, в той или иной мере имевшими отношение к Рейгану, приобретали просто анекдотический характер. Пожалуй, наиболее показательным был случай с предпринимателем средней руки, собственником фабрики детских колясок в нью-йоркском районе Южный Бронкс Джоном Мариоттой, который претенциозно назвал свое предприятие корпорацией «Ведтех», что можно перевести как «техника (или технология) для супругов». По происхождению пуэрториканец, хваставший тем, что добился успеха в самом Нью-Йорке, Мариотта осмелился написать о своих заслугах в области бизнеса Рейгану и получил ответ, в котором президент назвал предпринимателя «героем 80-х годов». Находясь в Нью-Йорке в марте 1984 года, куда он приехал в основном в связи со сбором средств на предвыборную кампанию, Рейган даже посетил предприятие Мариотты, а затем, выступая в отеле «Уолдорф-Астория», поставил его в пример другим бизнесменам за то, что тот создал рабочие места для многих безработных, в первую очередь для иммигрантов^{538}.

Вооружившись поддержкой президента, нечистый на руку предприниматель вступил в переговоры с министерством обороны, ссылаясь на преимущества, которые по закону полагались малому бизнесу, да еще принадлежащему представителю национального меньшинства. Мариотта представил свое предприятие как высокотехнологичное, используя свидетельства нескольких правовых фирм, собственникам которых он дал взятки. В результате его колясочная фабрика «превратилась» в завод по производству небольших маневренных автомобилей, в которых оказался «заинтересован» Пентагон. Вначале был заключен контракт на 32 миллиона долларов по производству таковых машин для министерства обороны, а затем дополнительно новый контракт — теперь уже на 250 миллионов долларов.

Долго скрывать преступления владельца фиктивного завода, продукцию которого ждали, но так и не дождались в вооруженных силах, оказалось невозможно. В 1988 году в следственные органы поступил ряд доносов, и по делу Мариотты было начато расследование Конгресса,

которое признало его виновным в обмане государственных органов, уклонении от уплаты налогов и других преступлениях. Мариотта и прочие виновные были арестованы и осуждены на длительные сроки.

Попутно Конгресс вынес порицание члену «кухонного кабинета» Э. Мизу, который в это время занимал пост министра юстиции, за халатность в расследовании этого дела. Вначале не исключалось даже, что Миз также будет привлечен к суду, однако достаточных оснований для этого не нашлось. Близкий друг Рейгана вынужден был, однако, уйти в отставку.

Вся эта история была настолько нелепой, с такими бюрократическими злоупотреблениями, которые администрация Рейгана оказалась не в состоянии преодолеть, что вызвала большой общественный резонанс. Ей даже были посвящены несколько книг, которые вышли одна за другой^{539}.

В связи с делом «Ведтеха» за уголовные преступления были осуждены около двух десятков лиц, так или иначе связанных с политикой. Как и другие судебные скандалы, возникшие в связи со злоупотреблением властью, дело «Ведтеха» свидетельствовало, что существенно преодолеть бюрократический произвол администрация Рейгана, несмотря на все усилия, оказалась не в состоянии.

Вторая инаугурация и кадровые изменения

Как мы видели, итоги первого президентства Рейгана были в целом успешными, но далеко не во всех областях. Внести принципиальные изменения в характер государственного управления страной он не смог. Второй президентский срок был полон торжественных заявлений по поводу величия страны, ее достижений, патриотических клятв, но значительно скромнее по реальному содержанию обещаний и тем более по их выполнению.

Об этом свидетельствовала уже инаугурационная речь, произнесенная, вопреки существовавшей традиции, 21-го, а не 20 января 1985 года. Связано это было с тем, что 20 января было воскресным, выходным днем, и Рейган объявил, что не вправе лишать отдыха своих сограждан. В этот день была произнесена своеобразная «домашняя» инаугурационная речь в фойе Белого дома, которая, правда, транслировалась по телевидению и радио.

Процедура следующего дня также была необычной. В Вашингтоне в этот день была необычайно холодная и ветреная погода, и торжественные мероприятия на открытом воздухе оказались невозможными. В результате все происходило в закрытой ротонде Капитолия, где председатель

Верховного суда Уоррен Бергер привел Рейгана к присяге, после чего тот повторил, дополнив и изменив, свою речь, произнесенную накануне^{540}.

Рейган обращался к гражданам Соединенных Штатов как к «особой породе» людей, отличающихся от всех остальных наций. Он клялся сделать все, что в его силах, чтобы сохранить этот последний (именно так и было сказано: «последний»! — Г. Ч., Л. Д.) и величайший бастион свободы.

Обещаний внести серьезные изменения в государственно-законодательную систему страны на этот раз не прозвучало. Речь шла о тех делах, которые были запланированы и начаты во время первого срока, но по тем или иным причинам не доведены до конца. Особое внимание Рейган обращал на завершение работы по реорганизации налоговой системы и экономии государственных средств. Он обещал объявить антиконституционной практику, когда федеральное правительство тратит средств больше, чем получает их. Но на вопрос, каким путем он собирается это осуществить — путем проведения соответствующего закона или как-то иначе, — ответ дан не был.

Связывая внутреннюю и внешнюю политику, Рейган стремился разъяснить, что сокращение расходов на обеспечение национальной безопасности возможно лишь путем переговоров с СССР не только о прекращении гонки ядерных вооружений, но и о их сокращении, а в перспективе — и полной ликвидации ядерного оружия. «Теперь уже в течение десятилетий мы и Советы живем под угрозой гарантированного взаимного уничтожения; если одна из сторон решится прибегнуть к использованию ядерного оружия, вторая сможет ответить тем же и уничтожить ту, которая это начала. Существует ли логика и мораль во мнении, что если одна сторона угрожает убить десять миллионов наших людей, то нашим единственным ответом должна быть угроза убить десять миллионов их людей?»

Именно в связи с этим Рейган говорил об «исследовательской программе» создания оборонительного щита, способного уничтожать ядерные ракеты, прежде чем они достигнут своих целей. Он возвращался, таким образом, к все той же программе СОИ, которая была им выдвинута за два года до этого: «Она не сможет убивать людей, она будет разрушать оружие. Она не милитаризирует Космос, она поможет демилитаризировать арсеналы на Земле». Выражалась надежда, что Советский Союз согласится на переговоры, которые позволили бы избавить мир от угрозы ядерного уничтожения.

Рейган вступал в свой второй президентский срок умудренный опытом первого президентства, уверенный, что сможет выдержать все трудности

предстоявших четырех лет.

Никаких особо значительных изменений ни в аппарате Белого дома, ни в правительстве проведено не было. Рональд стремился теперь к более спокойному, стабильному правлению. Он, однако, считал крайне необходимым продолжать непосредственное общение с населением, главным образом не в поездках по стране, а посредством выступлений по телевидению. Радио постепенно отходило на второй план. Появления же на телевизионных экранах становились более частыми: зрители должны были видеть, что имеют дело с прежним Рейганом — энергичным, красноречивым, полным эмоций и юмора, замечательным рассказчиком трогательных патриотических историй и в то же время ответственным и строгим государственным деятелем, своего рода добрым, но и требовательным отцом нации. Его популярность по-прежнему оставалась высокой, политические просчеты население ему то ли прощало, то ли списывало на объективные, порой чрезвычайные обстоятельства или на нерадивых помощников.

В условиях, когда Рейган поддерживал свой авторитет и сохранял прочную исполнительную власть, исключительно важным было для него иметь такого спичрайтера, который был бы его «вторым я». Если во время первого президентства сотрудники, готовившие для него тексты выступлений, часто менялись, а нередко Рональд почти полностью переписывал текст выступления и затем, уже находясь перед микрофоном, вставлял в него неожиданные, в общем удачные пассажи, то теперь делать это ему становилось все труднее.

Как и во многих других делах, больших и малых, Рейгану и на этот раз повезло.

Во время избирательной кампании 1984 года в штаб Рейгана была привлечена 34-летняя журналистка Маргарет Нунэн (более известная по прозвищу Пегги).

Ранее она работала на Си-би-эс и других телевизионных каналах, преподавала журналистику в Нью-Йоркском университете. Рейган поручил ей подготовить проект выступления на встрече с ветеранами, участвовавшими в высадке в Нормандии в 1944 году. Встреча проводилась в июне 1984 года в честь сорокалетия этой крупнейшей операции Второй мировой войны.

Текст Нунэн Рейгану показался настолько близким его образу мыслей, что он почти не внес в него поправок. Высокий стиль в совокупности с простотой изложения, народные словечки и разговорный жаргон — все эти особенности рейгановской лексики Пегги уловила настолько точно, что

Рейгану даже показалось, будто он сам продиктовал этот текст, а затем об этом забыл. Главное, что ему понравилось, это такое возвышение патриотического чувства, что оно, по словам социолога Хью Текло, превращалось в «гражданскую религию»^{541}.

В исключительно высокой оценке этой речи Рейган не был одинок. Считая ее автором самого президента, слушатели по всей стране утирали слезы, гордясь за своих сыновей, которые проявили чудеса храбрости на далеком французском берегу в районе местечка Поэнт-дю-Ок (речь была названа «Парни в Поэнт-дю-Ок»). Позже университеты штатов Медисон и Техас провели совместное исследование, которое показало, что эта речь оказалась на 58-м месте в числе нескольких тысяч президентских речей, произнесенных в XX столетии. Правда, некоторые другие речи Рейгана заняли более высокие места, но и это место было весьма почетным^{542}.

Сразу после инаугурации Пегги Нунэн была включена в штат Белого дома и стала основным автором подавляющего большинства выступлений Рейгана. Он, правда, и теперь вносил в тексты изменения, но по сравнению с предыдущими речами они были незначительными.

Именно Нунэн была автором знаменитой траурной речи Рейгана, последовавшей после взрыва космического корабля «Челленджер» через 73 секунды после старта 28 января 1986 года на высоте около 15 километров.

Это была катастрофа, за которой наблюдали тысячи зрителей на мысе Канаверал в штате Флорида и миллионы людей по телевидению. Погибли все семь членов экипажа, находившиеся в «Шаттле», предназначенном к самостоятельному возвращению на Землю после завершения экспедиции.

Рейган был в числе тех, кто наблюдал за стартом. Находился он в своем кабинете в Белом доме. Немедленно после катастрофы была организована президентская комиссия по расследованию (комиссия Роджерса, названная по имени ее председателя Уильяма Роджерса, в прошлом министра юстиции в правительстве Эйзенхауэра и государственного секретаря при Никсоне).

Исполнительное распоряжение президента о создании комиссии было издано 3 февраля 1986 года. В комиссию вошли ученые, представители промышленности, производившей космическую технику, военных ведомств и астронавты. Рейган поручил комиссии установить причины катастрофы и «выработать рекомендации для исправления ситуации или других действий, основанных на раскрытиях и решениях комиссии»^{543}.

После нескольких месяцев работы комиссия опубликовала итоговый доклад, в котором указывалось на серьезные недостатки в конструкции

ускорителей космического корабля, безответственность некоторых сотрудников НАСА, недопустимость закрытости и «корпоративной этики» в деятельности НАСА и в целом в исследовательской и конструкторской работе. Доклад был утвержден президентом, который считал необходимым объективно и правдиво сообщить гражданам причины происшедшей катастрофы, с тем чтобы не допустить подобного в дальнейшем^[544].

Президент выступил с обращением к нации 28 января. Вначале текст писала Пегги Нунэн, а затем Рейган работал с ней вдвоем и, наконец, сам дорабатывал эту речь. Это, возможно, был единственный случай, когда в текст не вносились никакие коррективы во время самого выступления^[545].

Президент напомнил, что именно на этот день был запланирован его традиционный ежегодный доклад Конгрессу «О положении страны», однако планы изменились: 28 января стал днем скорби и памяти.

Теплые слова были сказаны о каждом из семи погибших астронавтов. С глубоким чувством президент обращался к их семьям: «Мы не в состоянии нести, как приходится вам, всю тяжесть этой трагедии. Но мы также чувствуем глубину потери, и мы постоянно думаем о вас. Ваши любимые были храбрыми и талантливыми людьми, и у них была эта особая благодать, тот особый дух, который провозглашает: «Дай мне вызов, и я встречу его с радостью». Всем слушателям была понятна символическая аналогия: вызов по-английски — *challenge*, а погибший космический челнок назывался *Challenger* — «Бросающий вызов».

Речь была завершена словами: «Мы никогда не забудем их, никогда не забудем то последнее мгновение, когда мы их видели, то утро, когда они готовились к полету, прощались и соскользнули с угрюмой поверхности Земли, чтобы коснуться лица Бога». Последние слова были чуть измененной цитатой из стихотворения канадского поэта Джона Мэйджи о погибших авиаторах. Мэйджи участвовал во Второй мировой войне в военно-воздушных силах своей страны и посвятил ряд произведений своим братьям по оружию. Он погиб в 1941 году.

В уже упомянутом исследовании лучших политических выступлений XX века эта речь Рейгана заняла 18-е место^[39].

Вскоре после вторичного вступления на президентский пост Рейган провел некоторые изменения в правительстве. Он назначил своих ближайших помощников, членов «кухонного кабинета» Бейкера и Миза на посты соответственно министра финансов и министра юстиции. Постоянным представителем США в ООН вместо Джейн Киркпатрик стал Вернон Уолтерс, являвшийся ранее военным и профессиональным

разведчиком, заместителем директора ЦРУ.

Рейган в начале своего первого срока назначил Киркпатрик на второй по значению американский внешнеполитический пост и потому, что стремился продемонстрировать продвижение женщин на ответственные должности, и в связи с тем, что ценил ее серьезные работы по вопросам международных отношений и социологическим проблемам. На него произвела впечатление, в частности, ее книга «Диктатура и двойные стандарты»^{546}, в которой содержался призыв поддерживать авторитарные режимы, если они строят свою политику на базе сотрудничества с Соединенными Штатами, и высказывалось убеждение, что традиционные диктатуры являются для США менее опасными, чем новые самовластные режимы, выдвигающие в качестве своих обоснований идеологические мотивы. Однако Киркпатрик до 1985 года была членом Демократической партии, и Рейган доверял ей не в полной мере. Он несколько свободнее вздохнул, когда весной 1985 года она заявила, что намерена возвратиться к научно-педагогической деятельности, и ушла в отставку.

Уолтерс не был столь ярким дипломатом, как Киркпатрик, но, являясь верным сторонником Рейгана и дисциплинированным членом Республиканской партии, послушно выполнял все указания президента и госсекретаря Шульца.

Президент перевел бывшего министра финансов Дональда Ригана на работу в Белый дом, сделав его руководителем аппарата. При этом Риган постепенно укреплял свое положение одного из ближайших советников президента. В отличие от предыдущих руководителей аппарата, занимавшихся в основном организационными делами, он с согласия Рейгана включался в обсуждение внешней политики и военных проблем, сопровождал его в зарубежных поездках.

В связи с этим постепенно возникло соперничество между ним и советником президента по национальной безопасности с 1983 года Робертом Макфарлейном. В прошлом советник был офицером морской пехоты, воевал во Вьетнаме, затем получил высшее образование в области международных отношений и теперь стремился оказывать единоличное влияние на Рейгана, в частности по вопросу создания космических объектов стратегической оборонной инициативы.

Слишком активные помощники Рейгана раздражали. В декабре 1985 года Макфарлейн был отправлен в отставку, его сменил вице-адмирал Джон Пойндекстер, который не имел политических амбиций, что вполне устраивало президента и его ближайшее окружение.

Судебные органы и проблемы дискриминации

Важным направлением формирования государственных органов во время второго президентства Рейгана было назначение судей. Согласно законодательству, президенту были предоставлены в этой области широкие права. Им назначались не только члены Верховного суда, но также судьи Апелляционного суда США и окружных судов (имевших право принимать прецедентные решения, то есть такие, которым обязаны были следовать все судебные учреждения страны).

Особенно важным было закрепить влияние Республиканской партии и личное влияние в высшем судебном органе страны, являющемся третьим органом власти наряду с Конгрессом и постом президента. Как мы уже знаем, в начале первого президентства Рейган впервые назначил членом Верховного суда женщину — Сандру О'Коннор, полностью поддерживавшую его политический курс.

Объективные обстоятельства дали Рейгану возможность во второй половине 1980-х годов продолжить формирование Верховного суда, все более прочно закрепляя в нем преобладание членов Республиканской партии.

В августе 1986 года открылась вакансия в Верховном суде (в связи с отставкой его председателя Уоррена Бергера), и президент назначил на пост члена суда своего сторонника Антонина Скалиа — судью Апелляционного суда США в округе Колумбия (то есть в столице страны). Занимавший перед этим различные должности в судебной системе, Скалиа проявил себя как умеренный консерватор, стремившийся надежно проводить президентские решения в пределах своей компетенции. Кроме того, этим назначением удовлетворялись амбиции итальянской общины США, представители которой не раз жаловались, что их не допускают в судебные органы страны. Наконец, Скалиа был сравнительно молод — ему исполнилось 50 лет, и президент надеялся, что новый судья прослужит долго.

Скалиа был приглашен в Белый дом и с благодарностью принял назначение. Без сколько-нибудь серьезных помех он был утвержден сенатом: помогли его дружеские связи с некоторыми его членами из числа демократов. Американцы с интересом наблюдали, как на заседание по его утверждению Скалиа явился в сопровождении почти всего своего семейства — жены и девяти детей (внуков он не привел)^{547}.

С чисто юридической точки зрения Скалиа заменил не ушедшего в отставку Бергера, а судью Уильяма Ренквиста, который теперь был утвержден председателем Верховного суда.

Между прочим, легкое прохождение Скалиа в Конгрессе отчасти было связано с тем, что против утверждения Ренквиста в сенатских комитетах были некоторые демократы, обвинявшие его в том, что в прошлом он позволял себе высказывания о необходимости ограничить право голоса некоторых групп населения^{548}. Ренквист был утвержден, но с большим трудом. Сенаторы просто сочли нецелесообразным и неэтичным начинать новую битву в связи с утверждением Скалиа.

На посту члена Верховного суда, который он занимал в течение 30 лет — до своей смерти в 2016 году, Скалиа твердо проводил установки Республиканской партии, вполне оправдав надежды, которые возлагал на него Рейган. Судья неоднократно выступал за полное соблюдение принципа разделения властей, расширение прав штатов и сокращение функций федерального правительства, за подлинное равенство рас (в частности, против так называемой «обратной дискриминации», то есть необоснованного предоставления преимуществ афроамериканцам).

Еще одним назначенцем Рейгана являлся Энтони Кеннеди, юрист из Калифорнии, который, будучи профессором конституционного права Тихоокеанского университета, сотрудничал с Рональдом еще в то время, когда он был губернатором штата, в частности готовя для него материалы, касавшиеся налоговой политики^{549}.

В отличие от Скалиа Кеннеди занимал в Верховном суде сугубо консервативные позиции. Он выступал за расширение прав полиции, в частности в борьбе против распространения наркотиков, за ограничение прав женщин на аборт, за сохранение смертной казни в качестве высшей меры наказания и т. д.^{550}

И в период исполнения президентских функций, и после отставки Рейган не раз выражал удовлетворение деятельностью всех троих верховных судей.

Пользуясь своим правом назначать судей в другие органы третьей власти, Рейган смог несколько повернуть вспять ту либерально-демократическую, в значительной степени демагогическую волну, которая была характерна для 1960—1970-х годов. Тогда в ходу были не только рассуждения, но и важные судебные решения, касавшиеся проведения так называемой «позитивной деятельности» (*affirmative action*). Под таковой формально понимался комплекс мероприятий в национальном масштабе с

целью достичь в Соединенных Штатах практического равенства рас, национальностей и других групп.

Однако на практике и в результате давления соответствующих заинтересованных групп, и по бюрократическому произволу, и просто вследствие неразберихи и боязни «что-то нарушить» или вызвать «чье-либо недовольство» позитивная деятельность во многих случаях превращалась в «обратную дискриминацию», то есть в ограничение прав ранее господствовавшего большинства (белого населения, мужчин по сравнению с женщинами и т. п.).

Если вначале «позитивную деятельность» поддерживало подавляющее большинство политиков, в том числе и консервативного толка, то постепенно против нее стали раздаваться все более громкие голоса даже из числа представителей тех групп, которым предоставлялись привилегии. Именно в 1980-е годы стали говорить об «обратной дискриминации» как о практике, при которой дискриминации подвергаются члены групп большинства в пользу ранее дискриминированных категорий населения^{551}.

Оппоненты подчеркивали, что широко внедрявшаяся практика скорее всего окажется контрпродуктивной, порочной, будет поощрять посредственность, некомпетентность и лень, что она приводит к тому, что места в учебных заведениях, в государственных учреждениях и в экономике предоставляются не наиболее пригодным к работе на данной должности или к обучению по данной специальности, а на основе признаков, не имеющих никакого отношения к данной области^{552}. Становилось ясно, что в массе случаев в практическом проведении «позитивной деятельности» преобладает порочная практика.

Не желая утрачивать поддержку соответствующих групп населения, в частности все более активных организаций афроамериканцев, Рейган не выступал открыто против «обратной дискриминации», против неправового толкования расширения прав меньшинств. В этом вопросе он действовал косвенно, в основном через судебную систему, назначая на соответствующие должности тех лиц, которые, по его мнению, будут проводить более справедливый курс.

Всего за время своей власти, главным образом после переизбрания, Рейган провел назначение 83 судей в апелляционные суды США и 290 судей в окружные суды (суды более низкого уровня не находились в его компетенции). Шесть судей были назначены в Суд международной торговли. Всего, таким образом, Рейган подписал 379 судейских

назначений — больше, чем какой-либо другой президент США^{553}.

Разумеется, президент лично не занимался подбором судей. Он на первый взгляд просто подписывал соответствующие распоряжения. Но подбор кандидатур осуществлялся в соответствии с его личными установками и требованиями «кухонного кабинета», прежде всего министра юстиции Эдвина Миза. Обращает на себя внимание, что большинство назначенных судей принадлежали к Федералистскому обществу (полное название организации «Федералистское общество для изучения права и общественной политики»).

По словам политического аналитика А. Теркел, «Федералистское общество являлось одной из наиболее мощных и уникальных организаций на консервативной орбите»^{554}. Основанная в 1982 году профессорами и студентами юридических школ Гарвардского, Йельского и Чикагского университетов организация быстро выросла и охватила всю страну. Ее членами стали министры правительства Рейгана, ряд членов Верховного суда и другие официальные лица. Устав организации определял в качестве ее задач осуществление реформы правовой системы Соединенных Штатов в соответствии с первоначальной интерпретацией конституции страны, суверенитет отдельных штатов и отказ от финансового регулирования. Федералистское общество отстаивало принцип, что «государство существует для того, чтобы охранять свободу, а разделение властей является основой конституции и подчеркивает право и долг юстиции указывать, в чем состоит закон, а не каким он должен быть»^{555}. Эти суждения носили настолько общий характер, что в них можно было вложить чуть ли не любое содержание, но трактовались они в сугубо консервативном смысле.

Во всяком случае, Рейган обеспечил себе почти полную поддержку высшего эшелона правовой системы страны.

Проблемы иммиграции

и социального обеспечения

Вторая половина 1980-х годов была временем новых важных законодательных инициатив Белого дома, которые обычно фигурировали в качестве предложений отдельных членов палаты представителей и сената, в той или иной степени связанных с президентом.

Важнейшим из этих мероприятий была налоговая реформа, которую мы уже рассмотрели в рамках «рейганомики». Наряду с ней важное значение не только для хозяйственного развития страны, но также для определенного социального умиротворения и упорядочения жизни широких слоев населения имели законодательные акты, связанные с проблемами иммиграции и социального обеспечения.

Стремление переселиться в Соединенные Штаты из значительно менее благополучных регионов мира существовало на протяжении столетий. Непосредственно после Второй мировой войны таковыми были все остальные страны мира. После реализации плана Маршалла в конце 1940-х — начале 1950-х годов резко улучшилась ситуация в Западной Европе, но в остальных районах мира сохранялось стремление любыми путями попасть в Северную Америку.

Высокие численные показатели иммиграции, право на временный въезд в США (с правом на трудоустройство или без него), отсутствие жесткого контроля над гражданским населением со стороны административных властей и контроля за трудоустройством в частном секторе, фактическая открытость южной границы США (на границе с Мексикой существовали контрольно-пропускные пункты только на главных дорогах, на многих участках граница обозначалась лишь веревкой, натянутой между невысокими столбиками) — все это вело к тому, что в стране непрерывно росла численность нелегальных иммигрантов. Это были люди, въехавшие в Соединенные Штаты вполне законно, но оставшиеся в стране после истечения положенного срока, а также сумевшие пересечь южную границу без соответствующих документов.

Если на протяжении первых послевоенных трех с половиной десятилетий проблема нелегальной иммиграции существенно не тревожила власти, а предприниматели пользовались случаем, чтобы нанять дешевую рабочую силу, то с середины 1970-х годов, когда экономика США оказалась в застое, а безработица резко возросла, она стала все больше волновать административные органы и законодателей, не говоря уже о населении.

Точное количество нелегальных иммигрантов никто не знал, но Служба иммиграции и натурализации США в 1986 году подсчитала, что примерно четыре миллиона нелегальных иммигрантов хотели бы приобрести статус законных жителей США, хотя не менее половины из них получили бы по различным причинам отказы^{556}.

Можно полагать, что это были сугубо оценочные данные. Ясно было, что провести статистические подсчеты невозможно, да и в том случае, если бы приблизительные данные удалось собрать, никто не мог бы определить,

какая часть иммигрантов действительно стремится приобрести легальный статус, ибо для такой попытки надо было прежде всего «расшифроваться».

Иначе говоря, ликвидировать или хотя бы сократить нелегальную иммиграцию не представлялось возможным. Рейган это отлично понимал. Поэтому вместе с членами Конгресса он стремился хотя бы к более или менее значительному паллиативу.

В то же время, в значительной степени основываясь на собственных наблюдениях в период губернаторства в Калифорнии, Рейган полагал, что в ряде случаев не следует заниматься бюрократической волокитой, связанной с выдачей разрешений на переселение в США и предоставление права на неквалифицированную работу для тех, кто нелегально перебрался из Мексики, в основном чтобы работать на фермерских полях. Когда об этом зашел разговор во время предвыборных дебатов с Мондейлом, он заявил: «Я считаю необходимым предоставить амнистию тем, кто пустил здесь свои корни и живет здесь, хотя, возможно, когда-то давно они въехали в страну нелегально».

Почти сразу после второго избрания Рейган вступил в контакт с подкомитетами по иммиграции палаты представителей и сената, договорившись с ними о подготовке специального законодательного акта. Председатели обоих подкомитетов — демократ Романо Маззоли из штата Кентукки и республиканец Элан Симпсон из штата Вайоминг — несколько раз посещали Белый дом, информируя президента о ходе работы. Иначе говоря, документ готовился на межпартийной основе, что для Рейгана, многократно провозглашавшего, что он является представителем не партии, а всей нации, было особенно важно. Закон об иммиграционной реформе и контроле, известный как закон Симпсона — Маззоли, был утвержден Конгрессом 6 ноября 1986 года и в этот же день подписан президентом^{557}.

Важнейшие положения нового закона состояли в следующем. Работодатели были обязаны проверять статус всех работников-иммигрантов; прием на работу нелегальных иммигрантов считался уголовным преступлением; разрешался въезд в южные штаты страны без документов лицам, которые могли быть заняты только на сезонных сельскохозяйственных работах, по окончании их обязывали покидать страну; право жительства в США предоставлялось тем нелегальным иммигрантам, которые въехали в страну до 1 января 1982 года и находились здесь постоянно при условии, что они не совершали преступлений, платят соответствующие штрафы и налоги и обладают минимальным знанием английского языка, истории и характера управления

США.

По этому поводу Рейган заявил, подписывая закон: «Легализационные положения этого акта ставят целью улучшить жизнь людей, занятых в хозяйстве, тех, кто теперь не должен держаться в тени, не имея доступа ко многим благам свободного и открытого общества». Как обычно, президент был весьма оптимистичен, придавая подписываемому закону расширенный смысл: «Закон является продуктом одного из самых продолжительных и сложных законодательных мероприятий в недавней истории. Он стал действительно результатом усилий обеих партий, нынешней администрации и сторонников иммигрантской реформы в Конгрессе, обеих партий, работающих вместе, чтобы осуществить эту исключительно важную реформу. Будущие поколения американцев будут благодарны за наши усилия сохранить гуманный контроль за нашими границами и таким образом сберечь ценность одного из наиболее священных достояний нашего народа — американское гражданство»^{558}.

Закон сыграл определенную роль в сокращении нелегальной иммиграции. В соответствии с законом право на жительство получили около 3,2 миллиона нелегальных иммигрантов^{559}. Он имел своим результатом некоторое сокращение преступности (по различным данным, на три — пять процентов), главным образом за счет уменьшения числа мелких преступлений, связанных с нарушением права собственности (квартирные кражи и т. п.)^{560}. Однако этот закон не привел к значительному сокращению нелегальной иммиграции, которая в годы после президентства Рейгана вновь начала быстро расти, достигнув к середине второго десятилетия XXI века, по сугубо приблизительным подсчетам, 12–13 миллионов человек.

Эта проблема остается одной из сложнейших для Соединенных Штатов. Не случайно администрация президента Дональда Трампа возобновила энергичные усилия по достижению реальных мер сокращения нелегальной иммиграции, вплоть до создания стены на границе с Мексикой. Эти усилия, однако, встречают жесткое противодействие со стороны деятелей Демократической партии и различных подлинно и псевдолиберальных организаций, догматически продолжающих провозглашать, что Америка — это страна иммигрантов, и проблема реального разрешения не находит.

Во время избирательных кампаний Рейган не раз говорил о необходимости изменить систему социального обеспечения, установить более строгие законные рамки для получения помощи от федерального

правительства и штатов. Он предупреждал, что бюджетные сокращения должны повлиять на прекращение или хотя бы на сокращение помощи тем лицам и семьям, которые способны работать, не попадая в зависимость от государства. Указания, которые он на протяжении своего второго президентского срока давал бюджетным и другим финансовым ведомствам, в то же время состояли в том, что те, кто действительно нуждался, должны были продолжать получать помощь в полном объеме.

В своем послании Конгрессу «О положении страны», с которым он выступил 3 февраля 1985 года, президент заявил, что готовит план, как «освободить бедных от государственной зависимости», и признавал: «В этой культуре социального обеспечения разрушение семьи, основной базы общества, достигло критического уровня: нищета женщин, брошенные на произвол судьбы дети, ужасные преступления и загнивающие школы»^{561}.

15 февраля Рейган, находясь на своем ранчо в Калифорнии, выступил по радио и телевидению с заявлением о необходимости провести реформу социального обеспечения. Он сообщил, что поручил министру юстиции Мизу образовать рабочую группу для изучения вопроса, как воздействуют различные государственные программы на американские семьи, особенно на бедные, с тем чтобы разработать план освобождения американцев от «трагедии социального обеспечения», сделать их в этом смысле независимыми от государства^{562}.

Однако об этих своих заявлениях Рейган почти тотчас забыл, так как никакой новый план выдвинут не был. Президент все более убеждался, что сколько-нибудь широкую систему мер по сокращению зависимости бедной части населения от государственной помощи провести невозможно без серьезных социальных потрясений, которых он крайне опасался. В 1986 году по основной программе помощи (за исключением помощи неимущим по старости, которая была наиболее крупной и по числу получателей, и по финансовым расходам) — денежной помощи необеспеченным родителям на содержание детей — пособия получали 3,7 миллиона семей (в 1981 году — 3,9 миллиона). Иначе говоря, несмотря на усиление контроля и стремление исключить из программы тех, кто вошел в нее необоснованно, почти все, кто пытался остаться в ней, находили для этого законные, полузаконные и просто обходящие закон пути и средства. В то же время попытки сократить расходы неизменно терпели провал: за 1985 год федеральные расходы на эту программу увеличились с 7,8 триллиона долларов до 9 триллионов^{563}.

К Рейгану многократно обращались с предложениями провести

отдельный закон о расширении государственной помощи низкооплачиваемой или неимущей части населения в оплате жилья. Еще со времен президента Линдона Джонсона действовали программы такой помощи и неимущим предоставлялось право поселиться в специальных убежищах, не внося никакой платы или оплачивая лишь незначительную часть получаемых услуг, поэтому Рейган обычно отделялся от таких требований примерами, которые свидетельствовали, что никаких мер в этой области он предпринимать не собирается. 9 января 1988 года он заявил, что количество бездомных в США сильно преувеличено. Их не миллионы, как пишут некоторые публицисты, а примерно 300 тысяч человек, и они вполне могут быть устроены в соответствующие приюты.

В то же время президент не совсем к месту привел в пример некую девушку из Нью-Йорка, которую полиция пыталась «лишить» жилья, состоявшего из пары картонных коробок, и поместить в приют. «Она отправилась в суд и в полном смысле слова боролась за свое конституционное право жить на улице в картонной коробке»^{564}.

Единственной мерой, связанной с помощью бездомным, было принятие в июле 1987 года закона Маккини — Венто, который свел воедино многочисленные федеральные программы, в известной мере сократив путаницу и злоупотребления. Согласно закону создавался специальный орган по надзору за расходованием средств по оказанию помощи бездомным. Подписывая закон 22 июля, Рейган подчеркнул, что оказывать помощь должны прежде всего не государственные органы, а частные благотворительные организации и религиозные объединения^{565}.

Существенных изменений в положении наиболее бедной части населения в правление Рейгана не произошло. Он не решался сократить федеральную помощь неимущим, несмотря на то, что многократно говорил об этом.

Администрация президента призывала штаты взять на себя заботы по обучению и трудоустройству граждан, находящихся на попечении государства. На протяжении 1980-х годов подавляющее большинство штатов (по подсчетам специалистов — 40 штатов) выработали программы перевода трудоспособного населения на работу по найму, освобождая государство и штаты от части расходов на социальное обеспечение. В самом конце президентства Рейгана был наконец принят закон о помощи нуждающимся семьям, который предписывал всем штатам разработать и начать осуществление соответствующих программ, рассчитанных на период до 1990 года.

Предусматривалось начать соответствующее обучение профессиям, обучение на рабочих местах, интенсивное устройство на работу. Эта очередная инициатива осталась, однако, почти безуспешной, так как штаты не обладали для ее выполнения соответствующими средствами. К 1993 году только пятая часть граждан, подлежавших обязательному трудоустройству, была включена в соответствующие программы^{566}.

Меры по экологии

Внутренняя политика Рейгана включала далеко не только меры в области экономики, иммиграции и социального обеспечения.

К началу и особенно к середине 1980-х годов в США развернулось широкое движение в пользу принятия жестких мер по охране окружающей среды. Создавалась масса добровольческих организаций, выступавших с заявлениями, порой истерического характера, о неминуемой гибели цивилизации, если не будут приняты соответствующие федеральные законы.

В то же время со стороны предпринимателей раздавались не менее энергичные голоса протеста против расходования огромных средств на разного рода очистительные и прочие сооружения. При этом бизнес опирался на казавшиеся столь же внушительными научные исследования, доказывавшие, что сведения об угрозе человечеству со стороны его собственной промышленной, транспортной и прочей деятельности сильно преувеличены и во многих случаях фальсифицированы.

В выступлениях той и другой стороны имелись как определенные основания, так и крайние преувеличения.

Рейган весьма скептически относился к инициативам по усилению ограничительных и даже репрессивных мер, связанных с загрязнением атмосферы, считая их скорее политическим нажимом, нежели проявлением действительной заботы о человечестве. В этом смысле он выражал согласие с многочисленными докладами, которые получал от фонда «Наследие» — консервативной общественной и исследовательской организации, основанной в 1973 году, но ставшей особенно влиятельной именно в годы правления Рейгана. «Наследие» часто называли «мозговым трестом» президента. Фактически признавая эту оценку, сам Рейган считал «Наследие» «живой силой» в достижении успехов его администрации^{567}. Вопреки рьяным сторонникам сохранения в неприкосновенности все новых

и новых зон, в которых должно было быть запрещено всякое предпринимательство, Рейган считался с позицией «Наследия» и других подобных организаций и отдельных лиц (группа конгрессменов-республиканцев даже прислала ему свой меморандум, в котором требовала не допустить «экономического Дюнкерка»^[40] в результате излишних мер по охране природы). Президент считал, что система существующих охраняемых природных объектов, в частности национальных парков, достаточна и не требует сколько-нибудь значительного расширения. Между прочим, имея в виду позицию Дэвида Стокмана, который был инициатором только что названного меморандума конгрессменов, Рейган назначил его руководителем Управления администрации и бюджета в своем штабе.

Права этого управления были значительно расширены: все учреждения, которые были связаны с охраной природных объектов, с 1985 года обязывались предоставлять ежегодные отчеты, причем в большинстве случаев по требованию управления меры по регулированию хозяйственной деятельности в связи с экологическими проблемами сокращались или даже фактически сводились к нулю^[568].

Своего рода символом негативного отношения Рейгана к излишествам в области экологии был демонтаж солнечных батарей, установленных на крыше западного крыла Белого дома при его предшественнике. Картер в свое время пытался этим продемонстрировать личное участие в охране природной среды. Это, разумеется, была чисто пропагандистская шумиха, ибо реальной экономии эта несчастная батарея не давала. Точно так же тот факт, что ее убрали при Рейгане, был актом демонстративным. Остается добавить, что солнечную батарею вновь поставили на крыше резиденции президента при Бараке Обаме^[569]. Его преемник Дональд Трамп, занятый более важными проблемами, пока о ее демонтаже распоряжений не давал, хотя согласился с доводами тех, кто считает, что стоимость солнечных батарей на крышах выше, чем энергетическая экономия от их использования^[570]. Так что в этом вопросе политические игры явно преобладают над реальными делами.

Исследовательница проблемы глобального потепления Н. Голдстайн дает следующую оценку: «Политическая философия Рейгана рассматривала свободный рынок в качестве наилучшего арбитра того, что хорошо для страны. Он полагал, что корпоративные интересы двигают страну в правильном направлении»^[571]. Это мнение несколько формализовано, оно не учитывает определенной политики Рейгана в данной области, представляет его полным сторонником стихийного рынка,

но в целом недалеко от истины.

Против наркомании и СПИДа

Немаловажным элементом социальной политики Рейгана стала энергичная борьба с наркоманией, на которую ранее почти не обращалось внимания и которая стала весьма опасной, особенно в трущобах крупных городов.

В 1960-е годы употребление наркотиков превратилось в США в своего рода символ молодежной непокорности властям, своего рода кредо движения «новых левых» — почти в той же степени, как свободное сексуальное поведение вплоть до совершения половых актов на публике. Попытки разъяснить смертоносный вред наркотиков и тем более карательные меры против наркодельцов воспринимались либеральной общественностью чуть ли не как покушение на американские свободы. Правда, в начале 1970-х годов президент Р. Никсон попытался объявить «войну наркотикам», но существенного эффекта меры его администрации не имели, в основном оставшись на декларативном уровне.

В период власти Д. Картера сохранялось прежнее положение. Более того, были проведены законодательные меры по ослаблению преследований за распространение наркотиков, в частности декриминализовано применение марихуаны, которая была объявлена не наносящей вред здоровью ее потребителей.

Вскоре после того как Рейган стал хозяином Белого дома, он объявил, что одной из главных задач его президентства будет подлинная война против наркомании. При этом сочетались организационно-пропагандистские и репрессивные меры.

Организатором общественно-политической кампании против наркомании стала первая леди. Нэнси Рейган, безусловно, с подачи своего супруга и его советников, стала инициатором движения под лозунгом «Только скажи «нет!»». К участию в кампании были привлечены известные медики, журналисты, юристы. Впервые в истории Соединенных Штатов значительная часть населения стала рассматривать не только ввоз, продажу и вообще распространение наркотиков, но также наркоманию как серьезное преступление и нарушение общественной морали, даже нравственно-правовых основ США.

Нэнси рассказывала, что еще в 1980 году посетила Дей-топ-Виллидж в Нью-Йорке — общественную организацию, ведущую борьбу против

наркомании, но не пользовавшуюся особым влиянием, и была потрясена, узнав, что значительная часть местных школьников, не только юношей, но и девушек, употребляет наркотики^{572}. По согласованию с супругом Нэнси активно занялась этой проблемой.

Сам же лозунг возник случайно во время посещения первой леди одной из школ в Окленде (Калифорния). На вопрос школьницы, как поступить, если ей предложат наркотик, Нэнси сразу ответила: «Только скажи «нет!»^{573}. Эта простая фраза так понравилась слушателям и была настолько растиражирована прессой, что почти сразу по всей стране стали формироваться клубы под этим лозунгом, которые охватывали как школьников, так и их родителей, а также специалистов различного профиля, считавших наркоманию тягчайшим бичом. За короткий срок было образовано около пяти тысяч клубов^{574}.

К участию в кампании против наркомании были привлечены и другие организации, в частности герл-скауты Соединенных Штатов, Национальная федерация родителей и т. д.

По существу дела, невозможно определить, какую конкретную роль в борьбе против наркомании сыграло названное движение. Когда Нэнси Рейган однажды задали об этом вопрос, она, уклонившись от прямого ответа, заявила: «Если удалось спасти хотя бы одного ребенка, это уже важно»^{575}. Подавая пример своей активностью, Нэнси совершила ряд поездок по территории страны, выступая не только в школах, но и на городских собраниях, перед жителями небольших поселков, в церквях и других религиозных учреждениях, в центрах реабилитации наркоманов — не только в США, но и в других странах Америки и Европы. Подсчитали, что в этих поездках, не считая самолетных рейсов, она преодолела расстояние свыше 400 тысяч километров^{576}.

Борьбе против наркомании был придан международный масштаб. В октябре 1985 года на конференцию, посвященную этой проблеме, в Белый дом были приглашены супруги руководителей тридцати государств. Среди участниц были представительницы как европейских стран, так и жены азиатских и африканских лидеров. Помимо привлечения внимания мировой общественности к необходимости развернуть энергичную борьбу против наркомании конференция явно ставила задачу показать ведущую роль Соединенных Штатов в этом движении, что было признано всеми участницами. Жена премьер-министра Греции Маргарет Папандреу заявила журналистам об исключительной важности того, что борьбу против наркомании возглавляет Нэнси Рейган^{577}.

Безусловным успехом администрации Рейгана явилось приглашение секретариата Организации Объединенных Наций, чтобы первая леди обратилась к ООН с этой проблемой. Это был единственный случай в истории организации, когда супруга главы государства обращалась к всемирному сообществу от своего имени, хотя, по существу дела, это было обращение правительства США. Именно в этом смысле наблюдатели отмечали значение обращения Н. Рейган, которое, однако, прошло для общественности почти незамеченным.

Куда больший резонанс имели многочисленные телевизионные выступления, а также несколько отчасти документальных, отчасти игровых фильмов, в которых участвовала Нэнси, вспомнив свою актерскую профессию. Наиболее удачным, по мнению профессионалов и зрителей, был телевизионный фильм «Остановить сумасшествие» (1985), в котором помимо самой Нэнси играли известные актеры Клаудия Уэллс, Уитни Хьюстон, Арнольд Шварценеггер.

14 сентября 1986 года президент и первая леди обратились по телевидению к нации, объявив «крестовый поход» против наркотиков^{578}. Чтобы подчеркнуть непринужденность, своего рода «интимность» обращения, Рональд и Нэнси во время выступлений находились не в официальном помещении, а в жилых покоях, на что сразу же было обращено внимание в начале выступления Рейгана.

Отметив достижения своей администрации во внутренних делах и в международной политике, Рейган признал, что Соединенным Штатам не удалось пока добиться существенных результатов в борьбе против наркомании. Наркотики, говорил он, «угрожают нашим ценностям и подрывают наши институты. Они убивают наших детей». Речь шла об огромных средствах, выделяемых на борьбу с наркоманией, о деятельности федеральных и штатных агентств в этой области, об уголовном преследовании дилеров и наркоманов, грубо нарушающих законодательство. А вместе с тем в выступлении признавалось, что принимаемые меры недостаточно эффективны. Не удалось остановить транспортировку в США кокаина, который регулярно получали от четырех до пяти миллионов человек. Потребителями героина являлись не менее полумиллиона американцев. Почти одна десятая жителей США регулярно курила марихуану.

Особо опасным было то, что основными потребителями наркотиков являлись молодые люди в возрасте 18–25 лет. Президент признал, что появилась новая «эпидемия»: курение (наряду с инъекциями) кокаина,

которое даже получило обыденное название «крэк» (crack^[41]), подчас ведущее к смертельному исходу. Под этим названием имелся в виду также кокаин в плитках, обычно используемый для курения.

Рейган отдал должное усилиям супруги, ее инициативам и многочисленным выступлениям: «Ее личные наблюдения и усилия дали ей возможность настолько глубоко проникнуть в сущность дела, что я хотел бы, чтобы она вместе со мной заняла ваше время в этот вечер». Затем Нэнси поделилась своими впечатлениями и опытом, чтобы призвать всех зрителей и слушателей к подлинному «крестовому походу» в рамках движения «Только скажи «нет!»».

Однако не только покончить с наркоманией, но даже значительно сократить потребление наркотиков путем проповедей и других форм общественной активности было невозможно. Президент и его окружение считали необходимым принять эффективные меры уголовного преследования, подвести под борьбу с наркотиками соответствующую законодательную базу.

Летом 1986 года на рассмотрение Конгресса был внесен проект закона об уголовной ответственности не только за продажу и распространение, но и за хранение наркотиков, причем даже в малых дозах. Иначе говоря, уголовному преследованию могли подвергаться теперь лица, употреблявшие наркотики. Рассматривая в качестве особо опасного вида наркотических средств пресловутый «крэк», законопроект вводил уголовную ответственность за хранение пяти и более граммов этого вещества и наказание в виде пяти лет тюремного заключения без права досрочного освобождения.

Закон против злоупотребления наркотиками (он имел длинное наименование, но получил известность именно под таким сокращенным названием) был принят 27 октября 1986 года^[579].

В окончательной версии закона наказания были существенно увеличены: за хранение наркотиков — не менее пяти и не более сорока лет заключения, а в особо опасных случаях — пожизненный срок. Соответствующие наказания вводились за ввоз наркотиков, за их изготовление и продажу. Особо подчеркивалось, что не допускается освобождение осужденных под залог или досрочное освобождение. Вводились также высокие штрафы для нарушителей.

Закон был принят Конгрессом в обстановке острых общественных баталий. Некоторые представители администрации на местах считали его недостаточно строгим. Дело дошло даже до того, что начальник полиции

Лос-Анджелеса Дэрил Гейтс публично заявил, что наркоманов следует просто убивать, в лучшем случае приговаривать к смертной казни или пожизненному заключению. Противники закона, главным образом из числа леволиберальных общественников, а также социалистов, рассматривали его как одно из проявлений укрепления в США президентской власти за счет законодательных и судебных органов и как свидетельство наступления корпоративной элиты на рядовую массу населения, особенно афроамериканцев.

18 ноября 1988 года был принят новый закон, направленный на борьбу с наркоманией, ставший дополнением акта 1986 года. Именно в качестве дополнения он и был оформлен. В основном речь шла о дальнейшем ужесточении наказаний за распространение и хранение кокаина, в частности для лиц, которые ранее были осуждены по обвинениям, связанным с наркотиками. Более жесткими становились и наказания за распространение наркотиков. Согласно закону создавалось Национальное управление по контролю за наркотическими средствами, которому предоставлялись весьма широкие права, вплоть до контроля за другими ведомствами во всем, что касалось возможного использования наркотических средств в незаконных целях. Выделялись значительные дополнительные средства (6,5 миллиарда долларов) на меры, связанные с реализацией нового законодательства.

Уже после принятия первого закона по борьбе с наркоманией и особенно на основе закона 1988 года в стране началась буквально охота за теми, кто хоть в какой-то степени был причастен к этой чуме конца XX века. Разумеется, суд оставался независимым от исполнительной власти, но настроения Белого дома передавались судьям, как и другим американским гражданам, тем более полиции, которая являлась элементом исполнительной власти.

В результате число арестов и осуждений за преступления, связанные с наркотиками, резко подскочило. На протяжении 1980-х годов (до 1989-го) общее число арестов увеличилось на 28 процентов, тогда как за «наркотические преступления» — на 126 процентов^{580}. За десятилетие с 1980 года численность заключенных в США, осужденных за ненасильственные преступления, увеличилась в восемь раз, приблизительно с 50 тысяч до 400 тысяч человек^{581}.

Пенитенциарная система США не была приспособлена к такому количеству заключенных. В результате власти штатов стали заключать соглашения с отдельными фирмами о создании частных учреждений по

содержанию заключенных.

Частный сектор принимал участие в обслуживании тюрем и раньше (снабжение пищевыми продуктами, медицинская помощь и пр.). Теперь же речь шла о полной передаче отдельных мест заключения в частные руки. Созданная в 1984 году Исправительная корпорация Америки получила контракт на создание и содержание тюрьмы в городе Гамильтон, штат Теннесси, а в 1985 году с этой же корпорацией был заключен договор о передаче в ее руки всей тюремной системы штата. В следующие годы подобная практика стала распространяться и на другие штаты^[582].

Как сторонники жестких мер, в основном последователи Рейгана, так и их противники (среди них преобладали деятели Демократической партии) обращали внимание на существенные социальные и расовые отличия в среде выявленных, арестованных и осужденных наркоманов. Но трактовались эти отличия совершенно по-разному. Иначе говоря, вокруг борьбы против наркотиков развернулась подлинная политическая война.

Действительно, среди наркоманов, особенно среди тех, кто употреблял тяжелые наркотики, в частности плиточный кокаин, преобладали жители городских трущоб и афроамериканцы. Республиканцы и в целом сторонники Рейгана объясняли это тем, что «крэк», более сильный наркотик, производящий самое разрушительное воздействие на организм человека, стоил дешевле, чем другие средства «расслабления». Именно поэтому он в основном употреблялся в бедных кварталах и в большей мере чернокожими, чем белыми. Это был факт, с которым следовало считаться, не допуская снисхождения по социальным и подобным мотивам.

Противники Рейгана объявляли его расистом, ставленником крупного капитала, врагом трудящихся, а в качестве «сокрушительного примера» приводили преследование бедных и чернокожих, доведенных до отчаяния и прибегающих к наркотикам. Подобная агитация оказывала определенное воздействие на население. Сентиментальные истории о женщинах-наркоманках, которые становились проститутками и обрекали себя на быструю гибель, а также о детях-наркоманах использовались в политической борьбе, причем одни и те же истории вели к противоположным выводам в зависимости от политической позиции авторов.

Вначале журналом «Тайм», а затем и другими печатными органами «крэк» был объявлен главной проблемой 1986 года^[583]. Опросы показывали, что в начале 1980-х годов только от двух до шести процентов граждан США считали наркоманию национальной проблемой номер один.

К концу же десятилетия доля людей, ставивших эту проблему на первое место, составила 64 процента^{584}.

В какой-то мере пропагандистские и административно-юридические меры администрации Рейгана привели к сокращению употребления наркотиков, хотя достоверных количественных данных по этому поводу нам обнаружить не удалось. В то же время проблема наркомании в США остается острой по наши дни. Она, безусловно, продолжает быть одной из главных бед постиндустриального общества. В войне против наркотиков Рейган не потерпел поражения, но и не добился победы.

Именно в первые годы пребывания Рейгана на посту президента в США появилась и стала распространяться, прежде всего в таких группах риска, как наркоманы, проститутки, а также люди нетрадиционной сексуальной ориентации, непонятная болезнь, которая в конце концов приводила к смерти заболевшего. Впервые симптомы нового заболевания были описаны в 1981 году при обследованиях в клиниках Лос-Анджелеса и Нью-Йорка нескольких мужчин-гомосексуалистов.

Сущность болезни в первые месяцы определяли по-разному и соответственно давали ей различные наименования. В результате проведенных исследований в сентябре 1982 года американские медики стали называть болезнь синдромом приобретенного иммунодефицита (СПИД). Был обнаружен вирус, передаваемый через кровь при половом акте, беременности, переливании крови и т. п. и резко снижающий способность организма к сопротивлению инфекциям, что в конце концов вело к смертельному исходу.

По данным Всемирной организации здравоохранения, к июню 1985 года СПИД получил распространение во многих странах, причем наибольшее количество заболевших было зарегистрировано в США. На конец 1987 года из 72,5 тысячи зарегистрированных во всем мире заболеваний СПИДом 54,4 тысячи приходилось на США^{{42}{585}}.

В публикациях авторов, враждебно настроенных к Рейгану, нередко встречаются резкие упреки в его адрес. Ему даже приписывается высказывание, что СПИД — это болезнь развращенных людей, Божья кара за их прегрешения. Это не соответствует истине, таких слов президента США в имеющихся источниках обнаружить невозможно.

Уже в 1984 году администрация США объявила СПИД проблемой номер один американского здравоохранения. Правда, во время избирательной кампании этого года Рональд избегал упоминаний о новой страшной болезни хотя бы в силу того, что такого рода слова звучали бы

противовесом его в целом оптимистическому настрою.

Однако получаемые все новые сведения показывали, что речь идет о жесткой очевидности. На пресс-конференции 17 сентября 1985 года Рейган признал, что его страна столкнулась с новой и опасной для всей нации проблемой, пути решения которой пока не найдены. Рейган заявил: «Это — один из высших приоритетов для нас, и в течение последних четырех лет, включая бюджет на 1986 год, мы выделяем более чем полмиллиарда долларов на исследования по СПИДу в дополнение к тому, что, как я уверен, делают различные медицинские группы... Нет сомнений в серьезности этой проблемы, и мы должны найти способ решить ее»^{586}.

Прежде всего, именно проблеме СПИДа была посвящена встреча Рейгана с сотрудниками министерства здравоохранения и социальных служб 5 февраля 1986 года. Посетив это министерство, он вновь повторил, что найти средство для излечения людей от СПИДа считает высшим приоритетом для американских медиков. Он сообщил, что поручил генеральному хирургу США Эверетту Куну специально заняться этой проблемой.

На первый взгляд такое назначение казалось не вполне логичным. Высказывалось мнение, что решение проблемы должен возглавить специалист совершенно другого профиля, например вирусолог. Но Рейган знал профессиональные качества Куна и понимал, что тот вполне соответствует поставленным перед ним задачам.

Кун был не только выдающимся врачом-практиком, но и великолепным организатором. Он подготовил развернутый доклад с предложениями по исследованию СПИДа, созданию необходимых медицинских препаратов, способствующих предотвращению и лечению заболевания, распространению информации о способах предохранения от него.

Под руководством хирурга была проведена соответствующая работа по подробному информированию о СПИДе каждой американской семьи. Брошюра о СПИДе за его подписью была напечатана тиражом 107 миллионов экземпляров и разослана бесплатно всем гражданам США. В ней в предельно популярной форме рассказывалось, в каких случаях можно заразиться СПИДом и как просто добиться, чтобы болезнь не получила распространения. В отличие от других изданий, перепечатка которых запрещалась, в брошюре было указано, что репродукция ее содержания поощряется государством^{587}. Брошюра Куна сообщала откровенную информацию об особой опасности незащищенного секса, нетривиальных

половых актов и такой же сексуальной ориентации. Главный хирург вел разговор с населением своей страны словно с отдельным пациентом.

Кун предложил ввести сексуальное образование в школах, начиная с третьего класса, а в старших классах информировать учеников о безопасном сексе, использовании контрацептивов и т. п. Его инициатива встретила негодование некоторых религиозных кругов, однако получила полную поддержку президента, которого он публично призывал возглавить поход против СПИДа^{588}. В Национальной медицинской библиотеке США, находящейся в пригороде Вашингтона Бетесде (штат Мэриленд), хранится архив доктора Куна, специальный раздел которого посвящен его нелегкой борьбе за то, чтобы защитить нацию от СПИДа. Здесь, в частности, хранятся десятки его выступлений перед самыми различными аудиториями, в том числе перед больными СПИДом, с конкретными рекомендациями^{589}.

Нельзя сказать, что Рейган уделял борьбе с новым заболеванием повышенное внимание, которого требовали от него некоторые либеральные круги. Но и обвинять его в пренебрежении этой проблемой было бы несправедливо.

Проблемы искусства и просвещения

Рейган, в прошлом актер, и после завершения актерской карьеры был связан с искусством своей профсоюзной деятельностью. Художественная общественность Соединенных Штатов возлагала немалые надежды, что новый президент будет энергично способствовать художественному творчеству, отдельным организациям и деятелям искусства.

В значительной степени им пришлось разочароваться. Возможно, потому, что он был занят глобальными внутренними и международными проблемами, а отчасти из опасения, что его содействие искусству будет негативно воспринято как политическими противниками, так и собственной партией, Рейган подчеркнуто относился к художественной области как второстепенной, которой сам практически не занимается, считая, что к этой сфере деятельности администрация прямого отношения не имеет.

Осторожность Рейгана выразилась, в частности, в его попытке ликвидировать юридически независимое государственное агентство «Национальный вклад в искусство» (National Endowment for the Arts),

существовавшее с середины 1960-х годов.

Это агентство, руководство которого назначалось президентом, но действовало совершенно самостоятельно, обладало сравнительно небольшим бюджетом, из которого выделяло гранты на художественные проекты в 160–180 миллионов долларов ежегодно. Деятели искусства жаловались, что государственное финансирование художественного творчества при помощи этих грантов, а также других мероприятий, связанных с поощрением творцов духовных ценностей, носит поистине нищенский характер. Современный художник Вильям Паухайд отмечает, что один только аукцион Кристи в Нью-Йорке собирал и собирает средства порядка миллиарда долларов. Если бы для такого рода аукционов был установлен налог два процента, то этого бы с избытком хватило, чтобы увеличить средства, выделяемые на гранты, по крайней мере вдвое в течение двух суток^{590}.

Рейган, однако, был убежден, что даже те весьма скромные средства, которые по федеральному бюджету выделялись на гранты для деятелей искусства, представляли собой государственное вмешательство в художественную сферу, и считал целесообразным вообще исключить из бюджета эту статью расходов (одновременно хотя бы в микроскопической доле сэкономив государственные средства), распустив соответствующее агентство.

Советники, однако, его вначале уговорили продемонстрировать свое негативное отношение к государственному финансированию искусства, сократив расходы агентства вдвое, а затем вообще отказаться от каких-либо мер в этой области, оставив все как было. Средства «Национального вклада в искусство», составлявшие в 1981 году около 160 миллионов долларов, выделяемых на гранты, в 1982 году были сокращены до 143,5 миллиона долларов, однако в следующие годы немного увеличились, впрочем, едва покрывая инфляцию, и в 1989 году составили чуть более 169 миллионов долларов^{591}.

Председателем агентства Рейган в 1981 году назначил известного историка Фрэнсиса Ходсолла. Вначале это назначение было с удивлением и даже раздражением воспринято деятелями искусства, так как Ходсолл никакого отношения к художественному творчеству вроде бы не имел^{592}. Однако вскоре отношение к нему изменилось, и не только потому, что Ходсолл оказался тонким ценителем художественного творчества и стремился оказывать посильную поддержку его создателям, но и в связи с тем, что он занимал совершенно независимую позицию в отстаивании

интересов тех, кого считал подлинно талантливыми и перспективными. Он занимал свою должность до 1989 года.

Именно Ходсолл выступил инициатором создания Президентского комитета по искусству и гуманитарным проблемам, на что Рейган согласился с огромным трудом. Комитет был образован исполнительным распоряжением президента от 15 июня 1982 года^{593}. Согласно распоряжению комитет должен был проводить исследования и определять политику правительства в гуманитарных областях, поддерживать в этих областях программы как федеральные, так и международные, использовать гуманитарные силы в целях всестороннего оживления американского общества и развития его творческих сил, укрепления демократии, образования и воспитания молодого поколения.

Основным учреждением, связанным с комитетом, являлось агентство «Национальный вклад в искусство».

Агентство, однако, продолжало влачить жалкое существование, но все же при частичном дополнительном финансировании из частных источников выделяло небольшие гранты на художественные проекты, а также награждало отдельных деятелей. Помимо этого именно агентство определяло, кто из них заслуживает считавшейся весьма почетной Национальной медали искусства, которую ежегодно вручал президент.

Впервые эту награду Рейган вручил оперной певице Фредерике фон Стейд, художнику Фрэнку Стелле, скульптору Майе Лин, архитектору Филипу Джонсону, актеру и драматургу Луису Вэлдезу, израильскому дирижеру и виолончелисту Пинхасу Зукерману, польскому поэту-иммигранту, профессору Калифорнийского университета, лауреату Нобелевской премии Чеславу Милошу. Медаль была вручена также представителям нескольких художественных и благотворительных организаций.

В следующие годы Рейган продолжил вручение этих наград. Лауреатами становились писатели, композиторы, музыканты, актеры, режиссеры, певцы, танцоры, художники, архитекторы, музейные работники, художественные критики, а также покровители искусства — организации и отдельные лица. Каждый раз при вручении наград Рейган выступал с теплым приветствием, стремясь продемонстрировать сердечное отношение к творческим людям и загладить то неприятное впечатление, которое произвели его усилия по ликвидации государственного финансирования искусства.

Тем не менее в кругах представителей художественной интеллигенции сохранилась обида на бывшего собрата, который, по их мнению, не уделял

должного внимания ни развитию искусства, ни художественному воспитанию населения. Рейгану действительно было не до этого.

Несколько большее внимание уделялось проблемам просвещения.

Первые доклады о положении начального, среднего и даже высшего образования, которые поступали президенту, не были утешительными. Для анализа состояния дел в этой области и определения мер по его улучшению он в октябре 1981 года образовал национальную комиссию по совершенствованию образования. Во главе комиссии был поставлен известный политолог, президент университета штата Юта Дэвид Гарднер. В состав ее входили известные ученые, в том числе лауреат Нобелевской премии по химии Гленн Сиборг.

Заключительный доклад комиссии, представленный министерству просвещения в апреле 1983 года и названный «Нация на грани риска»^[594], содержал просто катастрофические данные.

Результаты стандартизованных проверок знаний выпускников средних школ в начале 1980-х годов были ниже уровня 1963 года на 40 процентов по математике и на 50 процентов по английскому языку. Более того, 13 процентов девушек и юношей, достигших семнадцати лет, признавались вообще неграмотными, то есть не умеющими читать и писать, причем в докладе высказывалось подозрение, что в некоторых территориальных единицах грамотными считались даже те, кто был в состоянии только поставить свою подпись. Еще худшими были результаты у представителей национальных меньшинств: неграмотными были признаны 40 процентов лиц, достигших семнадцати лет. Подавляющее большинство обследованных выпускников средней школы были не в состоянии решить элементарные арифметические задачи.

В семи из девятнадцати стандартных международных тестов, проводившихся в индустриально развитых странах, Соединенные Штаты оказывались на последнем месте.

Школы и администрация общеобразовательной системы просто переводили в следующий класс учеников независимо от уровня их знаний. При этом на протяжении двух десятилетий, анализ которых и проводился, расходы на общее образование росли ежегодно.

26 апреля 1983 года министр просвещения Террел Белл вручил Рейгану экземпляр брошюры, содержащей доклад комиссии, и кратко ознакомил президента с ее основными выводами. В этот же день состоялась встреча Рейгана с членами комиссии, и в их присутствии президент обратился к нации с речью по радио и телевидению о состоянии

народного образования в Соединенных Штатах^[595].

Рейган откровенно поделился с соотечественниками шокирующими данными. Впрочем, шокирующими они были для значительной части слушателей, но не для самого президента. Он рассказал, что на протяжении всех лет, когда был калифорнийским губернатором, встречался в конце учебного года со старшеклассниками из европейских стран, которые приезжали в США по обмену. Он просил их сравнить обучение в их родных странах с американским. Всегда в этих случаях сначала возникала заминка, затем девушки и юноши начинали смущенно улыбаться и, наконец, вся эта немая сцена переходила в оглушительный хохот. Собеседники признавались, что по сравнению с годами обучения на родине они в Америке просто отдыхали в течение всего времени обучения.

Президент выразил полное согласие с выводом комиссии о необходимости проведения в США серьезной реформы общего образования. Основным направлением этой реформы должно было стать значительное сокращение роли федерации в образовательном процессе, расширение самостоятельности штатов и общин, педагогических коллективов, общественных образовательных институций, коллективных и отдельных благотворителей.

Рейган полагал, что основную роль в образовании нового поколения должны играть родители, а не государство. При этом он, естественно, загнал себя в угол: невозможно было объяснить, как родители бедных, тем более неблагополучных семей могут оказать позитивное влияние на развитие образования. В своем стремлении сократить бюрократизм в образовательной сфере Рейган чрезмерно увлекся, дойдя даже до парадокса и предложив вообще упразднить федеральное министерство просвещения. От этой идеи он, впрочем, вскоре отказался.

В то же время образование рассматривалось Рейганом в широком смысле как важнейший инструмент национального, прежде всего экономического, развития. Он говорил: «Мы вступаем в новую эру, и образование в ней носит ключевой характер. Точно так же, как встает солнце, растет промышленность и приносит нам технологические преимущества, предоставляя нам новые возможности. Не будем бояться будущего, встретим его и заставим работать на нас, улучшая преподавание естественных наук и математики, проводя переобучение наших рабочих, поощряя непрерывное обучение, перестраивая наши предприятия и стимулируя инвестиции в новые области.

Рональд не был бы самим собой, если бы в конце этой далеко не радостной речи не смягчил интонации, завершив ее так, что

присутствовавшие педагоги и ученые искренне рассмеялись: «Что же касается меня, то, как вы знаете, ситуация является отчаянной, потому что через годы после того, как я окончил Юрика-колледж, я возвратился в эту школу и там получил почетную степень, только осложнившую мое чувство вины, которую я носил в себе в течение двадцати пяти лет, потому что первая степень, полученная мною, носит всего лишь почетный характер».

Призвав к проведению реформы образования, Рейган, естественно, не мог не думать над тем, в чем конкретно она должна была состоять. Он считал главной задачей обратить внимание на квалификацию и личные качества учителей. Выступая в университете Сетон-Холл (штат Нью-Джерси) 21 мая 1983 года (здесь ему была присуждена почетная степень доктора права), он предложил вводить дополнительную оплату лучшим преподавателям «за выдающееся выполнение своего долга». Президент выразил уверенность, что должное руководство школами, верность своему делу, дисциплина, эффективное использование времени — все это может быть достигнуто без значительных дополнительных средств, путем лишь небольшого увеличения помощи со стороны штатов и местных органов^{596}.

Естественно, учительские организации, прежде всего наиболее значительная из них — Американская федерация учителей, входившая в основное профсоюзное объединение АФТ-КПП, — одобрили его инициативу.

Это была важная, но не основная инициатива. Главное состояло в том, что, объявив войну неграмотности и низкому уровню образования, объявив эти пороки подлинной бедой Америки, угрожающей не просто ее достоинству и ведущему месту в мире, но самому ее существованию, Рейган способствовал мобилизации низовой, общинной инициативы, а вслед за этим — инициативы штатов. В ряде из них, в частности в Пенсильвании, где губернатор-республиканец Ричард Тернберг выдвинул программу «поворота волны» в области образования, наметив конкретные мероприятия, за несколько лет резко повысился уровень успеваемости в школах.

Вскоре между штатами было развернуто соревнование по многим показателям народного образования. Администрация каждого штата, их губернаторы считали почетным для себя занять место во главе соответствующего списка. Такая конкуренция была теснейшим образом связана с введением стандартизированных тестов и экзаменов, с инициативой которых выступил вначале министр просвещения Т. Белл, а затем идею развил его преемник Уильям Беннетт^{597}. Без стандартизации

соревнование между штатами было невозможно. Рейган признал необходимость сохранения федерального министерства просвещения и более не возвращался к этому вопросу.

Рейган демонстрировал, что сохраняет свое внимание к образовательной области, регулярно обращаясь по соответствующим вопросам к населению страны в выступлениях по радио и телевидению. Обычно эти выступления адресовались как родителям, так и детям.

В качестве примера рассмотрим лишь одно такое выступление Рейгана — от 24 августа 1985 года^{598}.

Он в очередной раз заявил, что считает одной из главных своих задач резкое улучшение просвещения растущего поколения, и подчеркнул, что эта задача решается «не бюрократами в далеком городе Вашингтоне», а учителями, школьными администраторами и родителями, работающими сообща, чтобы добиться самого высокого уровня знаний: «Когда речь идет об образовании, именно в классе, а не в Вашингтоне происходит подлинное действие».

В то же время Рейган счел необходимым отдать должное тому самому министерству просвещения, о котором так пренебрежительно высказался совсем недавно. Сделано это было, правда, в своеобразной форме. Президент сообщил, что министр Беннетт намерен в ближайшие недели провести несколько уроков в начальных, неполных средних и средних школах в различных частях страны. «Министра Беннетта уважают не только за его преподавательскую деятельность, отдают ему должное не только за искусство обучения. Он должен что-то почерпнуть для себя в этом опыте. Я вспомнил свои школьные годы, вспомнил, как нелегко было с нами временным учителям, заменявшим постоянных, и предупредил Билла, что он может накачать неприятностей на свою голову. Но он ответил мне, что умеет находить общий язык с трудно управляемыми группами [людей], например с Конгрессом. Тем не менее я прошу детей, которые могут оказаться в его классе, сделать мне одолжение: отнеситесь к нему снисходительно».

После этих полушутливых, но наполненных определенным смыслом сентенций, в которых проскальзывала не просто снисходительность к министру, а явное пренебрежение, Рейган перешел к более серьезным вопросам.

Он остановился на недавних исследованиях общественного мнения, проведенных Институтом Гэллага и показавших, что подавляющее большинство американцев требуют от школы выполнения двух главных задач: научить детей правильно говорить и писать, а также «основам того,

что правильно и что неверно».

Разумеется, Рейган, как и сотрудники Института Гэллапа, в самой постановке вопросов явно упрощал задачи общеобразовательной школы, но он обращался к рядовым американцам и стремился формулировать перед ними наиболее понятно необходимость тесно сочетать задачи обучения и воспитания граждан. Положение о «ценности нейтрального образования» Рейган объявлял противоречивым понятием по самой постановке вопроса. Он гордо констатировал, что по всей стране «картина образования» улучшается. При этом дело было не только в более глубоких знаниях, проявленных учениками во время проверок. «Более важно, что гордость общественности и ее вовлеченность в школьные дела продолжают расти».

Повторялась прежняя убежденность в решающей роли привлечения родителей к школьным делам: «Мое обращение к родителям простое: наша школьная система существует для того, чтобы служить вам; продолжайте заниматься ею. Чем больше будут участвовать родители в школьных делах и обучении своих детей, тем лучшим и даже блестящим будет будущее нашей страны».

Подобными были и другие обращения президента к нации по вопросам образования. Каждый раз он подчеркивал первенство местной инициативы и вторичную роль бюрократии, хотя, как правило, не отказывал ей в праве определять общие параметры школьной системы.

В американской исторической литературе и биографических работах о Рейгане нередко пишут о проведенной им реформе среднего образования. На самом деле реформы как некоего комплекса новых мероприятий, которые внедрялись бы по всей стране, не было. Скорее, можно вести речь о переориентации образовательного механизма на местный уровень и штаты, о стремлении к большей вовлеченности родителей в школьные дела, о привлечении к делу просвещения частных благотворительных средств и предоставлении широких возможностей дополнить государственное образование частной школой, прежде всего создаваемой и финансируемой религиозными организациями.

Эти усилия в целом дали позитивные результаты. Отказавшись от намерения ликвидировать министерство просвещения и сократить федеральные расходы на общее образование по крайней мере вдвое, Рейган и его администрация сохранили прежнее финансирование, но смогли привлечь к образовательному делу значительно более широкую общественность.

В то же время существовавшие ранее проблемы, связанные с низким уровнем подготовки учителей в значительной части общественных школ,

упрощенными программами по большинству дисциплин в этих школах, переводом в следующие классы учеников, не проявивших достаточных знаний, сохранялись.

Американская государственная образовательная система сильно уступала по качеству обучения школе, финансируемой и организуемой частными, прежде всего религиозными организациями. Проблемы совершенствования среднего образования остаются в Соединенных Штатах актуальными и в наши дни, о чем свидетельствуют многочисленные исследования [{599}](#).

Глава 14

ОТКАЗ ОТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Зарождение нового подхода

Второе президентство Рейгана решающим образом отличалось от первого в области внешней политики, прежде всего в том, что было связано со взаимоотношениями между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Собственно говоря, изменения назревали уже в конце первого президентства, когда в СССР один за другим менялись первые лица, а сам Рейган все больше осознавал бесперспективность термоядерной войны.

Взаимоотношения осложняли усиливавшиеся на протяжении предыдущих лет репрессии против участников диссидентского движения в СССР. Само возникновение этого движения, участие в нем весьма авторитетных деятелей, особенно академика А. Д. Сахарова и его жены Е. Г. Боннэр, являлось свидетельством все более углублявшегося кризиса тоталитарной системы. Ссылка Сахарова в город Горький, неудачные попытки лишить его академического звания, отказ выпустить Боннэр на лечение за рубеж — все эти факты волновали Рейгана как человека, являвшегося защитником подлинно демократического устройства общества, и в то же время препятствовали ему сделать новые шаги навстречу СССР в переговорах по ядерно-ракетным проблемам, так как таковые меры явно были бы восприняты в американском обществе как уступки «империи зла».

Рейган пытался урегулировать хотя бы некоторые частные вопросы путем закулисных переговоров с советским послом Добрыниным. В мае 1984 года президент лично позвонил послу. Добрынин вспоминал: «Он сказал, что хотел бы обратиться к Черненко с личной и конфиденциальной просьбой разрешить Боннэр выехать на лечение за границу. По американским данным, состояние ее здоровья очень плохое. Не дай бог, если она сейчас умрет. Тогда и без того трудные отношения, существующие между нашими странами, скатились бы до самого низкого уровня из-за неизбежного возмущения американской общественности»^{600}. Добрынин послал специальную телеграмму в Москву, рекомендуя удовлетворить обращение президента, но никакой реакции не последовало.

Более того, появившиеся в середине 1984 года заявления Рейгана о намерении активизировать исследовательские работы в области стратегической оборонной инициативы вызвали ответную, в основном пропагандистскую реакцию в СССР.

Последовала серия заявлений правительства СССР о намерении США осуществить милитаризацию космоса. Советским министерством иностранных дел были подготовлены негласные письма от имени Черненко на имя Рейгана с призывом «одуматься» и отказаться от дестабилизации обстановки. На них следовали вежливые, но твердые ответы, в которых подчеркивались исключительно оборонительный характер намечаемых мер, отказ от использования в них ядерных сил и готовность поделиться научными результатами с советской стороной^{601}. При этом в переписке не было ни слова о том, что американская СОИ неминуемо влечет за собой аналогичные ответные действия СССР, которые при общепризнанном научно-техническом превосходстве США ведут к расходованию во много раз больших материальных средств, чем в США, и попросту разоряют Советский Союз.

Стремясь предотвратить развертывание практических работ в США по СОИ, правительство СССР 29 июня 1984 года обратилось к американской стороне с предложением начать переговоры о предотвращении милитаризации космического пространства^{602}. По поручению Рейгана Госдепартамент сообщил посольству СССР, что президент «изучает» этот вопрос, что у него сохраняются серьезные сомнения в целесообразности таких переговоров ввиду отсутствия надежных средств контроля. В письме на имя Черненко от 27 июля Рейган дал согласие начать предварительные переговоры в Вене, но пока только для выяснения основных пунктов разногласий между сторонами.

Совершенно очевидно, что речь шла о фактически бесплодных встречах, никак не препятствовавших развертыванию работ в области СОИ. При этом с американской стороны, явно по инициативе Рейгана, выражались всяческие уверения в благих намерениях, или, как говорилось в письме от 27 июля, которым Рейган завершил этот этап переписки с Черненко: «Я проинструктировал государственного секретаря Шульца продолжать наши усилия. Если ваша сторона подойдет к этой задаче с доброй волей и серьезными намерениями, которые лежат в основе моего подхода, я уверен, что мы сможем послужить интересам обеих наших стран».

Советский МИД и те партийно-государственные руководители,

которые в отличие от Черненко понимали бесплодность попыток убедить США отказаться от СОИ, избрали тактику показного контрнаступления. На заседании Политбюро в конце июля было принято решение: «С тем, чтобы пресечь дальнейшие попытки Вашингтона вести пропагандистскую игру вокруг его готовности к переговорам с СССР по космосу, считать целесообразным, дав надлежащий ответ на письмо Рейгана... вслед за этим опубликовать краткое заявление ТАСС, в котором раскрыть действительную позицию США, делающую невозможным начало переговоров»^{603}.

Именно на советской стороне лежала вина за то, что эти переговоры так и не начались. Впрочем, фактически к этим переговорам не была готова и американская сторона, которая ни в малейшей мере не собиралась отказываться от исследований и практических разработок в области СОИ, ставшей любимым детищем президента.

24 сентября 1984 года Рейган выступил с получасовой речью на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке^{604}. Значительная часть выступления была посвящена взаимоотношениям с СССР. Выдержана она была в предельно мирных тонах. Президент призывал возобновить переговоры о сокращении вооружений, которые велись на протяжении ряда лет в Женеве, но были прерваны: «Я верю, что такие переговоры могут создать новый климат в политическом взаимопонимании, такой климат, который позволил бы избежать кризисов и установить реальный контроль за вооружениями. Полезно было бы провести и встречу на высшем уровне. Но она должна быть хорошо подготовлена». Рейгану, вероятно, очень трудно было удержаться от провозглашения перед мировым сообществом своей стратегической оборонной инициативы, но он сделал это: ни слова о СОИ сказано не было.

Речь носила взвешенный характер, но состояние холодной войны продолжалось.

Решающим фактором в коренном изменении советско-американских отношений стало, как выяснилось позже, появление в марте 1985 года нового советского лидера М. С. Горбачева, который пока отличался в глазах американского президента от прежних партаппаратчиков по крайней мере тем, что имел высшее юридическое образование, полученное в Московском университете, был сравнительно молод и, судя по первым его шагам, намеревался проводить более или менее ответственную внутреннюю политику.

Когда умер К. У. Черненко, Рейган в очередной раз направил на

похороны официальную американскую делегацию во главе с вице-президентом Бушем, а в личном письме новому советскому лидеру М. С. Горбачеву от 11 марта пригласил его посетить Соединенные Штаты и убеждал, что ни его страна, ни лично сам президент не намерены причинить никакого ущерба Советскому Союзу. В письме говорилось: «В связи с тем, что вы взяли на себя новые обязанности, я хотел бы воспользоваться этой возможностью и подчеркнуть свою надежду, что мы можем в предстоящие месяцы и годы развить более стабильные и конструктивные отношения между нашими двумя странами. У нас много различий, и мы должны развивать [взаимоотношения] таким образом, чтобы принимать во внимание как различия, так и общие интересы, стремясь разрешить проблемы и создать новые измерения доверия и уверенности. История возложила на нас очень тяжелую ответственность за сохранение и укрепление мира, и я убежден, что у нас имеются новые возможности, чтобы это осуществить»^{605}.

24 марта Горбачев ответил значительно более обширным письмом^{606}. Он позитивно оценил «краткие беседы» с вице-президентом Бушем и госсекретарем Шульцем в Москве, состоявшиеся после похорон Черненко, как и начавшуюся собственную переписку с американским президентом. После общих рассуждений о сосуществовании государств с различными социальными системами, не касаясь конкретных вопросов расхождений, Горбачев отметил, что первейшая задача состоит «в начале дела таким образом, чтобы мы сами и другие могли увидеть и почувствовать, что обе страны не стремятся к углублению различий и заострению враждебности, а наоборот, проводят свою политику, видя перспективу оживления ситуации и мирного и спокойного развития».

Горбачев несколько раз возвращался к вопросу о необходимости установить отношения доверия между США и СССР, между руководством обеих стран, что, как он считал, позволит перейти к разрешению конкретных проблем, крупных и мелких. В заключительной части звучали многообещающие слова: «Я надеюсь, мистер президент, что вы почувствуете из этого письма, что советское руководство, включая лично меня, намерено действовать энергично, чтобы найти общие пути для улучшения отношений между нашими странами».

Выражая благодарность за приглашение в Вашингтон, Горбачев отметил, что к вопросу о времени и месте встречи необходимо будет вернуться позже, с тем чтобы таковая увенчалась важными договоренностями.

В Вашингтоне ответ Горбачева был оценен как свидетельство возможности нового тура плодотворных переговоров. Правда, раздавались голоса, что новый советский генсек является почти точной копией предыдущих. В этом Рейгана стремились убедить министр обороны Каспар Вайнбергер и директор ЦРУ Уильям Кейси. Однако президент счел, что в письме из Москвы звучат явно новые интонации.

В этом его убеждал также государственный секретарь. Шульц обратился к Рейгану со специальным меморандумом, в котором анализировал это письмо. «Письмо Горбачева отличается своим неполемическим тоном, — указывал Шульц и продолжал: — В действительности его сообщение свидетельствует, что мы должны как сбавить тон публичной риторики, так и заняться делом спокойно, избегая «углубления наших разногласий» и «заострения враждебности»^{607}. Как видим, Шульц, убеждая Рейгана в необходимости согласиться с новыми подходами, цитировал письмо самого Горбачева как свидетельство стремления к реальным мирным достижениям.

О том, что Рейган в значительно большей степени склонялся к позиции госсекретаря, который отнюдь не был «голубем», как его подчас называли политические противники и соперники, но стремился к взвешенным решениям, а не к оценкам министра обороны и директора ЦРУ, свидетельствовали записи этих дней в дневнике. Одна из них гласила: «Кэп [Вайнбергер] и Билл [Кейси] придерживаются иного мнения, чем Джордж [Шульц]... В действительности именно Джордж проводит мою политику. Мне надо встретиться с Кэпом и Биллом и объяснить им это. Это будет не очень приятно, но это надо сделать»^{608}.

Биограф Рейгана Вейсберг и историк холодной войны Джеймс Мэнн отмечают, что в этот переломный для президента период значительное влияние на него оказывала историк и литературовед Сьюзан Мэсси^{609}.

Действительно, учитывая, что проблема предотвращения ядерной войны связана прежде всего с взаимоотношениями с СССР, Рейган, который и раньше проявлял интерес к огромной, оторванной от западного мира державе, основному противнику Соединенных Штатов на мировой арене, единственному государству, столкновение с которым могло привести к всемирной катастрофе, искал теперь человека, непосредственно не связанного с политикой и хорошо знавшего СССР, который мог бы не просто углубить его знание и понимание восточного гиганта, но сделать это неформально, с пониманием тонкостей проблемы. В результате этих поисков он познакомился со Сьюзан Мэсси.

Сьюзан была дочерью швейцарского дипломата Мориса Рорбаха, являвшегося генеральным консулом в Филадельфии. Она родилась в Нью-Йорке, получила образование в США, а затем училась в парижской Сорбонне, где совершенствовала свои знания истории, политики и культуры России. Она вышла замуж за историка Роберта Мэсси, который также был специалистом по России, и оказывала ему помощь в подготовке работы о последнем российском императоре, которая стала бестселлером и основой художественного фильма «Николай и Александра» (за нее вместе с другими работами автор получил Пулитцеровскую премию)^{610}.

В следующие годы Сьюзан несколько раз посещала СССР, была потрясена красотами Ленинграда, познакомилась с рядом писателей, в том числе Иосифом Бродским, в связи с чем у нее потом возникали затруднения с получением новых виз. Результатом творческих усилий явился ряд книг, в том числе яркая популярная работа «Страна Жар-птицы: краса былой России»^{611}.

Прочитав эту книгу, Рейган пригласил автора на беседу в Белый дом. Сьюзан произвела на него настолько благоприятное впечатление, что он предложил ей стать неофициальным консультантом по советским делам, не расставаясь с основной ее работой в то время — сотрудницы Российского исследовательского центра Гарвардского университета.

Во время регулярных встреч с Рейганом Мэсси знакомила его не только с элементами российской истории и культуры, но и с бытом страны, с советскими анекдотами, прежде всего политическими, с привычками, пословицами и поговорками. Именно она сообщила президенту поговорку «Доверяй, но проверяй», которую Рейган затем неоднократно использовал во время встреч с М. С. Горбачевым. С легкой руки Мэсси, а затем Рейгана эта поговорка вошла в американский политический лексикон. Сама Мэсси вспоминала, что говорила Рейгану: «Русские любят поговорки. Было бы хорошо, если бы вы знали некоторые из них. Вы актер — вы можете запомнить их очень быстро»^{612}.

Вначале на встречи с Мэсси приглашались советники президента, но вскоре Рональд предпочел беседы наедине. Когда позже руководителю штата Белого дома в 1985–1987 годах Дональду Ригану задали вопрос, присутствовал ли он на этих встречах, он ответил: «Нет, они всегда были приватными и происходили на втором этаже, в жилом секторе Белого дома»^{613}.

Во время одной из последовавших встреч между Рейганом и Горбачевым, услышав поговорку «Доверяй, но проверяй», сказанную

президентом по-русски, разумеется с акцентом, советский лидер несколько ехидно заметил: «Вы повторяете это много раз», на что американский президент ответил просто: «Она мне нравится»^{614}. Сказано это было безусловно искренне. Помимо лежавшего на поверхности политического смысла поговорка пришлась по душе бывшему актеру своей краткостью и ритмичностью. Историки международных отношений сходны во мнении, что использование поговорки и только что упомянутый обмен репликами явно способствовали созданию более непринужденной атмосферы на переговорах высшего уровня. Именно так: «Доверяй, но проверяй» назвала С. Мэсси свою книгу воспоминаний о встречах с Рейганом^{615}.

Мы, однако, вновь несколько забежали вперед. Пока же необходимо отметить, что Рейган высоко ценил Сьюзан Мэсси и свое общение с ней. Он записал в дневнике: «Она — величайший исследователь русского народа из всех, кого я знаю. Она убеждена, что русские пройдут через духовное возрождение и полностью порвут с коммунизмом»^{616}. Сказано и записано это было за пять с лишним лет до того, как в результате подлинно революционных изменений прекратил существование СССР, а Россия с огромными трудностями, ценой страданий народа и грабительского накопления капитала вступила на путь рыночных отношений.

Со своей стороны, Мэсси полагала и многократно упоминала об этом в своих мемуарах, что Рейган был единственным политиком из всех, кого она знала, кто интересовался, о чем думают не только кремлевские деятели, но и простые люди России.

Надежды и трудности первых контактов

Первые впечатления, что с Горбачевым можно по крайней мере попытаться завязать переговоры, хотя и не рассчитывать на результат в относительно близком времени, подкреплялись новой информацией. В СССР происходило невиданное: новый генсек, приехав в свою первую «служебную командировку» в Ленинград, вышел на улицу (на первый взгляд без охраны) и беседовал с прохожими. Его стали показывать по телевидению вместе с супругой Раисой Максимовной, которая не была похожа на жен бывших советских лидеров, скромно, но модно одевалась, охотно общалась с прессой и, по слухам, ранее была преподавателем вуза, в котором читала что-то вроде философии. Вспоминали и недавнюю поездку Горбачева в Великобританию вместе с женой, и его непринужденные

беседы с премьер-министром Маргарет Тэтчер, после которой она заявила журналисту: «Я осторожно оптимистична. Мне понравился мистер Горбачев. Мы можем вместе заниматься делом»^{617}. В феврале 1985 года, то есть незадолго до того, как Горбачев стал генеральным секретарем, Тэтчер посетила США с официальным визитом. Она выступила 20 февраля на совместном заседании обеих палат Конгресса, выразив, в частности, убеждение, что лишь твердая политика администрации Рейгана и военная мощь Запада могут заставить Советский Союз возобновить реальные переговоры о сокращении ракетно-ядерных вооружений^{618}. О Горбачеве «железная леди» в публичной речи не упомянула. Но в беседе с президентом в его загородной резиденции Кэмп-Дэвид она высоко оценила нового советского лидера как личность, правда, предупредив Рейгана, что «чем более очарователен противник, тем более он опасен»^{619}.

Поездка Горбачева в Великобританию была с раздражением встречена кремлевскими старцами, особенно Громыко. Он позволил себе в частных разговорах ворчать, что Горбачев слишком рекламировал себя, а советским послам в странах Запада, сообщавшим о благоприятных откликах на поездку Горбачева, в том числе послу в США, сделал внушение. Добрынин комментировал: «Горбачев быстро узнал обо всем этом и, похоже, надолго запомнил»^{620}.

Рейган с интересом, надеждой и в то же время с некоторым опасением следил за внутренней политикой Горбачева, за его экспериментами, в том числе теми, которые явно были обречены на неудачу. В Америке помнили о «сухом законе» 1920-х годов и о том, какие беды, прежде всего в связи с ростом преступности, он принес стране, отнюдь не покончив с алкоголизмом, а только сделав его несравненно более дорогостоящим и опасным. Американское руководство явно опасалось, что антиалкогольные меры, которые начал осуществлять Горбачев в мае 1985 года, могут привести не только к массовому недовольству, но и к отстранению Горбачева от власти, к возвращению власти в СССР в руки крайних консерваторов. Сокращение производства водки, уничтожение виноградников, огромные очереди за спиртным, резкое расширение самогонварения, гибель людей от употребления псевдоалкогольной продукции, усиливавшееся массовое недовольство — все это свидетельствовало о расшатывании политической ситуации в стране. Недовольство очень скоро распространилось на самого Горбачева, которого стали называть «минеральным секретарем»^{621}. Появились даже соответствующие частушки, например:

*На недельку, до второго,
Закопаем Горбачева.
Откопаем Брежнева —
Будем пить по-прежнему.*

Осознав грозящую нешуточную опасность, советское руководство фактически свернуло антиалкогольную кампанию уже через полтора-два года после ее начала. Ситуация в стране продолжала расшатываться, но уже вне непосредственной связи с антиалкогольной кампанией.

Своего рода сигналом к возможности урегулирования взаимоотношений для американского руководства, прежде всего для Рейгана, стали изменения в высшей советской элите, прежде всего отстранение уже в июле 1985 года Громыко с поста министра иностранных дел и замена его выходцем из Грузии Э. А. Шеварднадзе. Хотя Шеварднадзе являлся ранее первым секретарем ЦК компартии этой республики и был известен весьма угодливыми выступлениями, адресованными Брежневу, отмечалось также его стремление развернуть действительную борьбу против коррупции в закавказской республике, а после прихода в МИД с немалым интересом читали его заявление: «Мне придется трудно на фоне авторитета Андрея Андреевича [Громыко]. По сравнению с ним, крейсером внешней политики, я всего лишь лодка. Но с мотором!» Почти сразу после своего нового назначения Шеварднадзе решительно выступил за «деидеологизацию» внешней политики СССР. Вскоре последовали новые сведения о том, что в СССР появился министр иностранных дел, который является соратником Горбачева в проведении политики «нового внешнеполитического мышления».

Несколько позже, в сентябре 1987 года, состоялся первый визит Шеварднадзе в США. В результате переговоров с Шульцем были достигнуты первые конкретные результаты: министры договорились о проведении переговоров по ограничению, а затем и прекращению ядерных испытаний. Было договорено о подписании соглашения о создании центров по сокращению ядерной опасности. Само это соглашение было подписано в Женеве 15 сентября того же года.

Идея создания национальных центров по предотвращению конфликтных ситуаций была выдвинута учеными Джорджтаунского университета, находящегося фактически в Вашингтоне (хотя и за пределами федерального округа Колумбия, который юридически считается столицей США), а затем поддержана советским МИДом после прихода

Шеварднадзе. Первоначально на центры возлагались только функции заблаговременного уведомления о пусках ракет за пределы национальных территорий. Но уже в тексте соглашения предусматривалась возможность их использования для осуществления будущих соглашений в области контроля над вооружениями^{622}.

Шеварднадзе был принят Рейганом и произвел на него весьма благоприятное впечатление. Более того, что не менее важно, новый советский министр произвел хорошее впечатление на американскую публику, которая уже привыкла к застегнутому на все пуговицы советскому министру Громыко, получившему прозвище «мистер нет». Когда на пресс-конференции молодая и хорошенькая американская журналистка спросила Шеварднадзе, как он собирается провести ближайшие выходные дни, тот, не задумываясь, ответил вопросом: «А какие у вас предложения?» К тому же госсекретарь Шульц поведал, что получил в подарок от Шеварднадзе кавказский кинжал. Министр сопроводил подарок словами: «Ну вот, я разоружился, теперь ваша очередь»^{623}.

Это была не первая встреча Рейгана с советским министром иностранных дел. Они встречались уже в октябре 1985 года в Нью-Йорке во время сессии ООН, и в декабре того же года в Женеве, где происходила первая встреча президента и генерального секретаря. Шеварднадзе тогда выступал в качестве второго лица, и особого внимания Рейган на него не обратил.

Встрече в Женеве предшествовала развернувшаяся переписка между Рейганом и Горбачевым, следовавшая за первым обменом посланиями, которые уже тогда показались многообещающими. Советский посол в Вашингтоне отмечал: «Значительную роль также сыграли возросший при Горбачеве динамизм советской внешней политики и заметное улучшение ее пропагандистского обеспечения, выдвижение в 1985 году новых крупных инициатив по ограничению гонки вооружений, общая активизация советской дипломатии. Важное значение имела интенсивная работа с американской администрацией на всех уровнях — личная переписка Горбачева с Рейганом, встречи и беседы Шеварднадзе с президентом и госсекретарем»^{624}. Постепенно во взаимоотношениях возникали новые нотки, что проявилось в возобновлении прерванного ранее воздушного сообщения между США и СССР и в открытии генеральных консульств обеих стран соответственно в Киеве и Нью-Йорке.

В то же время новый советский генсек действовал вынужденно осторожно, так как в Политбюро преобладали консерваторы, и «новое

мышление» необходимо было внедрять микроскопическими дозами.

Чуть приоткрытую дверь для возможных новых переговоров и договоренностей могли вновь захлопнуть неожиданно всплывавшие сведения о фактах, которые давно уже были известны, но не выдвигались на первый план, а приберегались для удобного случая. Таким фактом на этот раз оказалась история с Красноярской радиолокационной станцией. Это был секретный военный объект, зашифрованный в СССР под названием «Енисейск-15», — система раннего оповещения о ракетном нападении, существование которой противоречило советско-американскому договору 1972 года о противоракетной обороне, согласно которому подобные системы могли располагаться только в районе столицы и по периметру государственной границы.

Построена эта система была в конце 1970-х — начале 1980-х годов, а в 1983 году она была обнаружена разведкой США. По этому поводу госсекретарь Шульц выразил протест послу Добрынину, потребовав закрытия системы. Тогда, однако, в США сочли целесообразным не оглашать полученные данные, чтобы не нагнетать ситуацию. Информация об этой системе даже не была доведена до сведения Рейгана. Добрынин же получил инструкцию отстаивать версию, что станция носит не военный характер, а является звеном в исследовании космического пространства. Сам же Добрынин выдвигал версию, что советское руководство знало о характере Красноярской РЛС, но скрывало это даже от послов, и что он не лгал, отстаивая данную версию^[625]. Можно, однако, высказать убеждение, что опытный посол отлично понимал истинный характер объекта, но действовал, разумеется, в пределах того, что было ему разрешено.

Теперь же, вопреки позиции Шульца, министерство обороны США и ЦРУ предоставили подробную информацию президенту. Рейган был возмущен «вероломством» советской стороны. Возникла угроза если не срыва, то осложнения предстоявших переговоров.

Стремясь сгладить ситуацию, Горбачев и Шеварднадзе решили допустить для инспекции системы группу американских специалистов. Решение вопроса о судьбе Красноярской РЛС, таким образом, откладывалось, и этот вопрос перестал быть камнем преткновения для подготовки встречи на высшем уровне^{[43][626]}.

Вскоре после прихода к власти Горбачева состоялся пленум ЦК КПСС, на который отправился Добрынин, входивший в высший партийный орган. Во время одного из перерывов Горбачев пригласил посла для разговора наедине. Генсека особенно интересовала личность Рейгана. Добрынин

вспоминал: «Я отметил, что в течение первых четырех лет президентства Рейган откровенно демонстрировал свое враждебное, конфронтационное отношение к Советскому Союзу. Он и действовал в этом направлении, хотя и избегал ситуаций, чреватых военными столкновениями с нами. Он был категорически против возвращения к временам разрядки начала 70-х годов... Однако в последние год-полтора у него стали проглядывать, правда, довольно туманно и весьма неустойчиво, черты прагматизма и даже некоторой заинтересованности в установлении с СССР каких-то контактов, вплоть до самого высокого уровня... Мой опыт личных бесед с ним, сказал я, вместе с тем показывает, что с ним можно разговаривать»^{627}.

Последовала серия писем Горбачева Рейгану и Рейгана Горбачеву, в которых стороны, отстаивая некоторые устаревшие позиции, все же соглашались на встречу в ближайшем будущем, причем каждая предлагала в качестве места личных переговоров свою столицу^{628}.

При этом у Горбачева были свои предвзятые идеи, которые ему, по всей видимости, были внушены прежним руководством МИДа, прежде всего Громыко. Главной из них было стремление сорвать программу космической обороны США, почти любой ценой договориться с Рейганом об отказе от СОИ, соглашаясь на максимальные уступки СССР в других областях взаимоотношений.

Горбачев даже объявил, что СССР в одностороннем порядке решил заморозить размещение советских ракет средней дальности на территории входивших в «социалистический лагерь» государств Восточной Европы. Можно полагать также, что такое намерение, при всей низкой степени реальности, было продиктовано рациональными доводами советников, что соревнования с Соединенными Штатами в области космической обороны СССР не выдержит ни по финансовым, ни по научно-техническим соображениям.

Рейган же упорно держался за свою космическую программу в значительной мере по тем же причинам, по которым Горбачев стремился ее сорвать. Не вполне отражая замыслы обоих лидеров, Добрынин констатировал: «Столкновение этих двух противоположных идей фикс стало во многом определять характер всех последующих советско-американских переговоров по проблемам стратегической безопасности. При этом оба руководителя, и Рейган, и Горбачев, были столь глубоко вовлечены в споры вокруг СОИ, что, по существу, преувеличивали ее реальные возможности»^{629}.

Что же касается Рейгана, то он продолжал, по крайней мере на

публике, отводить СОИ ключевую роль в осуществлении своей мечты о полной ликвидации ядерного оружия. Видимо, есть некоторые основания считать, что такой подход был в какой-то степени искренним для весьма эмоционального президента. В то же время он, безусловно, видел в том, что в СССР, и не только в нем, называли планом «звездных войн», мощное орудие давления на руководство СССР и пропагандистского обеспечения американской позиции на предстоявших переговорах.

Рейган повторял свое предложение о готовности передавать СССР все технические данные, касающиеся практических достижений в области стратегической обороны с использованием космического пространства, отлично понимая, что в условиях все более углублявшегося социально-экономического и политического кризиса в Советском Союзе реально использовать эти данные будет весьма затруднительно, если не невозможно. Он писал Горбачеву 30 апреля 1985 года: «Мы верим, что важно проверить технические возможности оборонительных систем, которые могут в конечном итоге дать всем нам более надежные средства защиты наших народов, нежели те, которыми мы обладаем в настоящее время, и двинуться вперед к всеобщей ликвидации ядерного оружия в качестве цели, с необходимостью достижения которой все мы согласны».

Президент предупреждал генерального секретаря, что пока существует ядерное оружие, сохраняется и опасность всемирной катастрофы, в чем, разумеется, был убежден и Горбачев. Однако подобные уговоры с американской стороны свидетельствовали, что президент не намерен поступаться своими замыслами касательно СОИ. Он писал Горбачеву в том же письме от 30 апреля: «Я должен задать вам вопрос, как мы вообще сможем достичь этой благородной цели, если нации не в состоянии защитить себя против неопределенности, если все ядерное оружие не будет устранено из мировых арсеналов. Жизнь не дает нам никаких гарантий против каких-то будущих сумасшедших, в руках которых будет находиться ядерное оружие».

Вместе с тем Рейган постоянно давал понять советскому лидеру, что до тех пор, пока СОИ не переведена в практическую плоскость, США намерены сохранять по крайней мере ядерный паритет с СССР, а при возможности даже вырваться вперед. 10 июня он выступил с обширным заявлением, что намерен соблюдать существующие договоры и соглашения по вопросам вооружений «в той мере, в какой СССР также будет проявлять аналогичную сдержанность». В то же время он сообщил, что оставляет открытым вопрос о строительстве новых атомных подводных лодок¹⁶³⁰. В этот же день президент направил Конгрессу секретный доклад

американских разведывательных служб, в котором приводились факты нарушений Советским Союзом существующих общих документов в области вооружений^{631}.

Оба документа были нервно встречены в советской верхушке. На следующий день появился ответ, правда, оформленный в виде заявления ТАСС, что несколько снижало уровень его авторитетности. В нем говорилось: «Сказанное президентом свидетельствует со всей очевидностью, что администрация США приняла решение вести и дальше дело к разрушению договорной системы, сдерживающей гонку ядерных вооружений»^{632}.

Помощник Горбачева А. С. Черняев записал в дневнике: «Вчера я читал письмо Рейгана Горбачеву (ответ на письмо Горбачева от 24 марта). Нахально и умно составлен текст. Его команда цинично отстаивает свои интересы. Но дело не в этом, а в том, что мы на фоне этого письма выглядим слабо. Потому что Горбачев идет еще по проторенной Громыко дорожке (и упускает из рук внешнюю политику)... Мы недальновидно завязались на космических исследованиях, требуя прекращения их... И здесь они нас загоняют в тупик. Горбачев лично теперь zaangażировался на этом требовании... Поймал нас Рейган и на нелепом намеке о неприемлемости «двух языков» в отношениях друг с другом: один — для пропаганды, другой — для внутреннего пользования, например, в переписке Президент — Генсек. Ведь вы же, парирует Рейган, всегда были за идеологическую борьбу!»^{633}

Но все же дело шло к встрече на высшем уровне. Ни та, ни другая сторона не согласилась на проведение конференции в своих столицах. Отвергнуты были и некоторые другие города. Тогда Рейган предложил встретиться в Женеве 19–20 ноября, и на этот раз предложение было принято Москвой. Договорились не определять повестку дня, а сделать предметом бесед «общие проблемы». 3 июля сообщение о предстоящем саммите было опубликовано в Вашингтоне, а на следующий день — в Москве^{634}.

Именно в преддверии встречи на высшем уровне Горбачев устранил с внешнеполитической арены раздражавшего его Громыко, переводя его с соблюдением формальных процедур на должность председателя Президиума Верховного Совета СССР, которая в новых условиях становилась второстепенной.

Важной особенностью женевской встречи было то, что она была созвана спонтанно, без существенной предварительной подготовки и тем более без заранее согласованных документов. Речь шла о том, что Рейган стремился поскорее познакомиться с новым, необычным советским лидером, а Горбачев в неменьшей мере торопился засвидетельствовать американцам свою добрую волю и предотвратить «милитаризацию космоса».

Подготовка Рейгана к встрече в основном сводилась к его стремлению лучше «понять русскую душу», для чего он ежедневно просматривал популярные книги об СССР, а также подготовляемые для него Госдепартаментом краткие обзорные материалы, часто встречался и беседовал со Сьюзан Мэсси. По требованию президента для него был составлен ряд справок о личности Горбачева и его взглядах на самые разнообразные вопросы не только международных отношений, но и внутренней политики, об отношении к культурным процессам и даже о взаимоотношениях в его семье. Рейган встречался также с официальными лицами, по тем или иным делам побывавшими в СССР, и стремился на основе бесед с ними выработать свое впечатление о новых руководителях совсем еще недавней «империи зла», которая теперь начинала превращаться в партнера по переговорам.

27 сентября Рейгану было передано очередное послание Горбачева, которое по непонятным причинам было датировано еще 12 сентября и получено не по обычным дипломатическим каналам, а привезено Шеварднадзе, прибывшим на сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

В письме выражалась надежда, что предстоящая встреча в Женеве будет способствовать тому, что взаимоотношения между СССР и США станут стабильными и конструктивными. «Наша встреча может послужить хорошим катализатором в этом отношении. Представляется, что мы в самом деле можем достичь ясного взаимопонимания о недопустимости ядерной войны, о том, что в такой войне не будет победителей, и мы можем решительно высказаться против стремления к военному превосходству». Горбачев призывал к переговорам о прекращении гонки вооружений на Земле и предотвращении ее в космическом пространстве.

Переходя же к конкретике, советский лидер выдвигал на первый план полный запрет космических вооружений и только затем предлагал сократить наполовину ядерные вооружения, способные достичь территории другой стороны. Одновременно высказывалась возможность заключения соглашения о ракетах средней дальности.

Безусловно, по согласованию с Горбачевым Шеварднадзе на сессии

Генассамблеи огласил советские предложения, которые еще не обсуждались. Это вызвало недовольство американской стороны, хотя и не привело к срыву встречи в верхах, провести которую стремились и Рейган, и Горбачев.

12 октября Рейган посвятил очередное обращение к нации предстоявшей встрече и позиции США по вопросам ограничения вооружений^{635}. Он по-прежнему считал (или скорее делал вид, будто так считает), что США отстают от СССР в области стратегических вооружений, что необходимо восстановить равновесие. Заявления советских лидеров по поводу милитаризации космоса он назвал «опасным обманом», так как, по данным американской разведки, СССР уже обладает самой мощной в мире системой защиты от ядерного нападения. Рейган говорил: «Мы должны ответить тремя способами: во-первых, путем модернизации наших собственных стратегических сил, от которых зависит сдерживание; во-вторых, реализуя нашу инициативу по достижению соглашения с Советами в Женеве о равноценном и проверяемом сокращении наступательных ядерных вооружений; в-третьих, путем исследования возможностей неядерной обороны, чтобы защитить Соединенные Штаты и наших союзников от атаки». Именно обоснованию необходимости СОИ и была посвящена основная часть выступления.

Можно полагать, что этой речью Рейган проводил своего рода проверку нового советского руководства «на прочность»: сохранит ли оно в условиях жесткой позиции США по СОИ свое намерение встречаться в Женеве. В конце выступления было сказано: «Чем скорее Советский Союз обнародует свою собственную стратегическую оборонительную доктрину и присоединится к нам в реальном диалоге по сокращению риска войны, тем лучше будет для всего мира».

Хотя на это выступление Горбачев прямо не ответил, по линии советского посольства в сотрудничестве с Госдепартаментом продолжалась ускоренная техническая подготовка встречи. По-прежнему было совершенно не понятно, как пойдут на ней дискуссии и будут ли подписаны какие-либо документы.

В начале ноября в Москву приехали Шульц и Макфарлейн, а вместе с ними и Добрынин. Последний констатировал, что Горбачев «был заметно раздражен тем обстоятельством, что до встречи с Рейганом оставалось всего две недели, но никакой ясности об основных ее вопросах и о возможном исходе не было. «От американцев слышны лишь общие рассуждения», суммировал он свое недовольство»^{636}. Никаких, однако,

изменений в американской позиции не последовало. Становилось ясно, что женевская встреча будет носить в основном ознакомительный характер. Доложившему о встрече в Москве Шульцу Рейган заявил, что было бы хорошо договориться в Женеве о визите Горбачева в Вашингтон в следующем году, а затем сам президент отправится в Москву, где он, по его словам, давно уже хотел побывать.

Рейган и Горбачев прилетели в Женеву 18 ноября 1985 года. Подчас считают, что для американской стороны полной неожиданностью явилось то, что вместе с Горбачевым появилась его жена Раиса Максимовна. Но это не так. Видимо, Рональд был предупрежден об этом и взял с собой Нэнси.

На следующий день начались переговоры.

Оба политика нервничали, хорошо понимая и важность их первой встречи, на которую возлагались немалые надежды, и фактическую неподготовленность переговоров, отсутствие предварительно согласованных документов, даже проекта коммюнике.

Переговоры проводились как в полном составе делегаций, так и, главным образом, один на один, с участием только переводчиков.

При этом по всеобщему признанию, в том числе советской стороны, Рейган проявил блистательную способность быстро сориентироваться и произвести самое благоприятное впечатление.

Первая встреча лидеров происходила в американском представительстве. День выдался на удивление холодным и ветреным, что было необычно для швейцарского города. Горбачев вышел из машины одетым по-осеннему — в пальто, с шарфом на шее и в шляпе. Увидев его, выходящий из здания Рейган мгновенно сориентировался: он сбросил пальто на руки кому-то из сопровождавших и вышел навстречу Горбачеву в одном костюме, что немедленно было отмечено прессой. Защелкали кино-и фотоаппараты, запечатлевшие 74-летнего американского президента моложавым и здоровым, явно выглядевшим лучше, чем тепло одетый Горбачев. Впрочем, сам Михаил Сергеевич понял свой промах и во время ответного визита вышел встречать Рейгана без верхней одежды.

Оказалось, что Рейган все же лучше Горбачева подготовился к встрече. Беседы начались в специально выделенном для этого властями Швейцарии официальном помещении^[637]. Внезапно Рейган предложил совершить прогулку по берегу Женевского озера и в ходе нее продолжить беседу. Это был заранее запланированный жест, рассчитанный на то, что собеседник расслабится и пойдет на какие-то, хотя бы минимальные, уступки.

Все было подготовлено заранее. В небольшом павильоне на берегу озера лидеров ожидал горящий камин, располагавший к непринужденной

беседе. Во время этого первого разговора с глазу на глаз американский президент вручил советскому лидеру меморандум с предложениями, учитывавшими и те, которые перед этим вносил сам Горбачев.

Горбачев произвел на Рейгана двойственное впечатление. Президент вскоре написал старому знакомому по Голливуду, бывшему актеру Джорджу Мэрфи, ставшему сенатором-республиканцем от Калифорнии: «Он твердо верит в свою систему, как и она [Раиса Горбачева], и он верит пропаганде, которую они плетут против нас. В то же время он практик и знает, что его экономика — в больном состоянии. Я думаю, что наше дело — в том, чтобы ему показать, что ему и им всем было бы лучше заключить какие-то практические соглашения, не пытаясь повернуть его на наш путь мышления»^{638}.

На Рейгана произвело впечатление, что Горбачев не просто непринужденно с ним общался, а даже повторил некоторые анекдоты, которые рассматривались президентом как антисоветские и которые, как оказалось, знал советский лидер. Среди них, например, был такой. «У нас свобода слова, — говорит американец, — я могу зайти в Овальный кабинет Белого дома, стукнуть по столу и сказать: — Господин президент, мне не нравится, как вы управляете Америкой!» Русский говорит в ответ: «Я тоже могу прийти в Кремль к генеральному секретарю и сказать, что мне не нравится, как президент Рейган управляет своей страной». Оба лидера дружно смеялись.

Более того, Горбачев поделился «секретом», что в детстве мать читала ему Библию. Рейган был поражен этим, как и тем фактом, что в ходе разговора коммунистический безбожник произнес «слава богу». Рональд воспринял эти слова не как своего рода междометие, каким оно на самом деле являлось, а как намек, что Горбачев втайне сохранял христианскую веру. Этим своим «открытием» он позже даже поделился со Сьюзан Мэсси, которая разъяснила ему его ошибку^{639}.

Документ, представленный президентом, был кратким, и генсек тут же с ним ознакомился. В нем содержалось предложение сократить на 50 процентов наступательные стратегические вооружения (это было повторением предложения Горбачева, внесенного ранее), договориться о промежуточном соглашении по поводу сокращения ракет средней дальности в Европе, предполагая в дальнейшем их полную ликвидацию. При этом документ Рейгана не упоминал, что же будет с британскими и французскими ракетами средней дальности. И вообще обходил вопрос о СОИ.

Горбачев отметил оба эти факта, подчеркнув необходимость решения вопроса и о ракетах западноевропейских стран. Но главная дискуссия развернулась, как и следовало предполагать, вокруг того, что Рейган считал надежной гарантией предотвращения ядерной войны, а Горбачев, наоборот, программой «звездных войн». Повторное заявление Рейгана, что США готовы делиться с СССР всеми открытиями и технологиями, связанными с СОИ, Горбачев пропустил мимо ушей, точнее говоря, сделал вид, что пропустил. Не добившись и тени согласия, оба руководителя решили вопрос пока не заострять и тут же договорились о проведении двух следующих встреч — в Вашингтоне и в Москве.

20 ноября в присутствии членов делегаций продолжались дискуссии — главным образом по космическим вооружениям. Оба руководителя с жаром отстаивали верность своих позиций (Рейган затронул также, правда, кратко и в неагрессивной форме, вопрос о нарушении прав человека в СССР). В конце заседания Горбачев и Рейган произнесли очень сходные по смыслу заключительные слова, отметив сохранявшиеся разногласия, но подчеркнув искренность каждой стороны и готовность продолжать переговоры.

В течение почти всей следующей ночи министры и эксперты работали над текстом итогового документа. Несмотря на острые споры, итоговое заявление в конце концов оказалось приемлемым для обеих сторон. В нем признавалось, что в ядерной войне не может быть победителей, содержались заверения о готовности отказаться от стремления к военному превосходству. Западная общественность высоко оценила положение документа о намерении «решать гуманитарные вопросы в духе сотрудничества». Во второй раз советский руководитель поставил свою подпись под документом, в котором речь шла о правах человека (первый раз такое положение содержалось в Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, который подписал Л. И. Брежнев, отнюдь не собираясь в полной мере выполнять этот пункт).

Иной тон во взаимоотношениях между США и СССР был отмечен Рейганом, который после подписания совместного коммюнике обеими руками пожал руку Горбачева и заявил: «Могу поспорить, что сторонники жесткой линии в обеих наших странах истекают кровью, когда мы жмем руки друг другу»^[640].

В отличие от супруга, которому Горбачев понравился, Нэнси позже отзывалась о Раисе Горбачевой недоброжелательно: она показалась первой леди «сухой и педантичной»; во время личной встречи Раиса, по словам Нэнси, не давала ей вставить ни одного слова, была «дидактичной», как все

преподаватели марксистской философии^{641}.

После женевской встречи продолжалась переписка, которая постепенно становилась менее официальной и все более располагала к взаимным договоренностям.

Инициативу проявил Рейган. 28 ноября он написал Горбачеву довольно длинное письмо от руки. Это была уже привычка президента подчеркивать особую доверительность своих текстов тем, что они не печатались на машинке (не важно, что в переведенном виде они вручались адресату напечатанными). Рейган соглашался, что беседы в Женеве были откровенными, что, несмотря на разногласия (опять подчеркивались вопросы о СОИ и некоторые региональные конфликты), по важнейшему вопросу — о необходимости мирных отношений между обеими странами — существует полное единомыслие. Горбачев официально приглашался нанести визит в США во второй половине 1986 года.

24 декабря 1985 года Горбачев писал Рейгану: «Я хотел бы, чтобы вы рассматривали это письмо как продолжение наших бесед у камина». «Я придаю особое значение тому факту, — говорилось далее в письме, — что мы оказались способными превзойти серьезный психологический барьер, который в течение долгого времени препятствовал диалогу, достойному лидерам СССР и США».

В переписке с обеих сторон выдвигались предложения, которые были изначально утопичными. Но тот факт, что эта утопия не только разделялась, но подчас и усиливалась встречной стороной, свидетельствовал, в свою очередь, о сближении позиций. В январе Горбачев предложил Рейгану, чтобы оба государства полностью ликвидировали свое ядерное вооружение до 2000 года. На это президент ответил: «Зачем ждать до 2000 года?»

В нескольких письмах Рейган ставил практические вопросы относительно прав человека в СССР, в частности о воссоединении семей. Горбачев обещал с этим разобраться, что действительно было сделано. Преодолевая бюрократическую волокиту, новый советский генсек постепенно раздвигал «железный занавес», в частности в тех делах, которые касались рядовых граждан. А это, с точки зрения американского президента, да и подавляющей части общественности США, было не менее важным, чем ядерная проблема^{642}.

Совершенно невиданным для той поры, когда в СССР еще сохранялись основы тоталитарной системы, была договоренность о выступлениях руководителей обеих стран с новогодними обращениями к населению стран, которые еще считались противниками, а не партнерами. 1

января 1986 года по центральному советскому телевидению было передано выступление Рейгана, а американские телеканалы включили в свои передачи выступление Горбачева.

Разумеется, в такого рода обращениях не было и не могло быть каких-либо конкретных предложений. Оба лидера произносили общие слова в пользу мира. Но сам этот уникальный факт был особо важен для СССР, так как впервые в прямом советском эфире выступил не просто руководитель иностранного государства, а тот, кто еще так недавно называл СССР «империей зла». Оба обращения были записаны на пленку заранее (выступление Рейгана еще 28 декабря в Лос-Анджелесе) и сопровождались закадровым переводом.

Рейган говорил: «Настало время для раздумий и надежды. Оглядываясь на только что завершившийся год и на год, который только начался, я хочу поделиться с вами своими надеждами на мир, процветание и добрую волю, которая присуща американскому и советскому народам. Только месяц назад генеральный секретарь Горбачев и я встретились в первый раз в Женеве. Наша цель состояла в том, чтобы начать новую главу во взаимоотношениях между нашими странами и попытаться сократить подозрения и недоверие между нами... Я сказал мистеру Горбачеву о нашем глубоком желании мира и о том, что американский народ не желает причинить советскому народу никакого вреда»^{643}.

В свою очередь Горбачев говорил: «Я вижу доброе предзнаменование в том, как мы начинаем новый год, объявленный Годом мира. Мы начинаем его с обмена прямыми обращениями — президента Рейгана к советскому народу и моего — к вам. В этом, на мой взгляд, есть вселяющая надежду примета перемен, пусть небольших, но все же перемен к лучшему в наших отношениях... Сегодня волей истории на наши две страны возложена огромная ответственность перед народами своих стран, народами всех государств за сохранение самой жизни на Земле... Давайте возьмем на себя задачу покончить с нависшей над человечеством угрозой. Не будем перекладывать это дело на плечи наших детей»^{644}.

Рейкьявик

Ядерная проблема вновь вышла на первый план совершенно внезапно, когда в конце апреля 1986 года произошла страшная катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции под Киевом. Хотя масштабы

разрушений и опасности для человечества, которые вначале оценивались специалистами как угрожающие жизни на большей части Европы, оказались локальными, мысли о реальном ограничении ядерного оружия вышли на первый план как в шедшем к распаду СССР, так и в остальном мире.

В то же время все более ухудшалось экономическое положение СССР. Еще осенью 1985 года власти Саудовской Аравии объявили о резком увеличении добычи и переработки нефти, что привело к резкому падению цен на нефтепродукты на мировом рынке. К весне 1986 года цена на сырую нефть упала с тридцати с лишним долларов за баррель^[44] менее чем до десяти долларов. Примерно в такой же пропорции обрушились цены на советские нефтяные поставки Западу. Оказалось, что внешнеторговым организациям СССР нечем платить за ввозимое зерно и другие товары, в частности остро необходимые военному ведомству. Жизненно важные для населения товары, прежде всего продовольствие, один за другим исчезали с рынка.

Все эти события, ведя, с одной стороны, к все большему обострению социально-политического положения в СССР, недовольству населения, возникновению реальных оппозиционных течений, назреванию раскола в КПСС, с другой — стимулировали руководство СССР к шагам навстречу договоренностям с Соединенными Штатами. В этом виделся один из важнейших путей для того, чтобы облегчить положение экономики.

15 сентября Горбачев обратился к Рейгану с письмом, в котором было дано согласие на устранение советских и американских ракет средней дальности из европейских стран без учета французского и британского ракетного потенциала и в то же время выражались опасения в связи с американскими работами по СОИ. Предлагая теперь не полностью отказаться от этих работ, а ограничить их минимум на 15 лет «лабораторными исследованиями», советский генсек считал целесообразным до поездки в Вашингтон организовать промежуточную встречу с президентом где-то на полпути между обеими странами, например в Британии или Исландии.

По совету Шульца Рейган согласился на встречу в следующем месяце в столице Исландии Рейкьявике.

Пути к взаимопониманию и даже некоторому взаимному сближению отнюдь не были гладкими. В обеих странах значительное влияние сохраняли консервативные догматические силы, да и сами высшие руководители отнюдь не избавились от шаблонов предыдущих лет. Обе стороны стремились продемонстрировать свои сильные стороны и в

определенной мере унизить противоположную сторону. При этом преимущества, вытекавшие из функционирования рыночных отношений и демократического устройства, явно были на стороне США и президента Рейгана. Возникали вроде бы мелкие инциденты, которые могли затормозить вроде бы начавшийся процесс разрядки напряженности.

Рейган дал согласие на проведение операции по задержанию в Нью-Йорке советского физика, сотрудника Секретариата ООН по науке и технике Геннадия Захарова, которого подозревали в сборе секретной информации и попытках завербовать американских граждан. 23 августа Захаров был арестован на станции метрополитена в нью-йоркском районе Квинс в момент передачи ему разведывательной информации о реактивных двигателях, используемых в американской военной авиации, в обмен на тысячу долларов и почти сразу признался в шпионской деятельности^{645}. В ответ 30 августа в Москве был арестован американский журналист Николас Данилофф, потомок русских дворян, среди которых были декабристы и генералы императорской армии. У Данилоффа обнаружили среди прочих материалов некий конверт с надписью «Совершенно секретно»^{646}. Консервативная пресса США и официальные советские печатные органы — с явного одобрения Горбачева — подняли шумиху по поводу этого шпионского скандала, который в обычных условиях явился бы ординарным делом, регулируемым соответствующими ведомствами путем переговоров.

Было совершенно ясно, что Данилофф арестован именно для того, чтобы использовать его в качестве разменной монеты в деле Захарова.

По всей видимости, американцы не ожидали столь острой реакции советской стороны. Вновь пришлось вмешаться Рейгану, который в это время находился в отпуске на своем ранчо в Калифорнии. Правда, вначале в правительственной верхушке шли споры. Данилофф пишет в воспоминаниях: «Пресс-секретарь Белого дома Ларри Спике публично заявил, что подготовка саммита Рейган — Горбачев будет продолжаться, несмотря на мой арест. В дальнейшем администрация разделилась на два лагеря. Сторонники жесткой линии в Совете национальной безопасности, министерстве юстиции и Конгрессе требовали суда над Захаровым и моего освобождения без всяких условий. Джек Мэтлок, работавший тогда в Совете национальной безопасности и позднее ставший послом в Москве, представил эту позицию государственному секретарю Джорджу Шульцу, который ее отверг. Президент Рейган и высшие должностные лица Госдепартамента вполне отдавали себе отчет в том, что я арестован с целью

добиться освобождения Захарова путем переговоров»^{647}.

По распоряжениям президента и генсека почти немедленно были начаты переговоры в Вене на встрече не только дипломатов, но и представителей КГБ и ЦРУ. Взаимные претензии по поводу арестов предъявлялись в переписке между Шульцем и Шеварднадзе и даже между Рейганом и Горбачевым. Президент заверил генсека, что у Данилоффа «нет никаких связей с правительством Соединенных Штатов». Однако Горбачев счел это заверение неосновательным, что Рейган воспринял как личную обиду.

Однако после недолгих переговоров были найдены соответствующие юридические ухищрения (Захаров заявил, что не будет оспаривать обвинения, и был выдворен из США, а Данилофф помилован Президиумом Верховного Совета СССР)^{648}.

29 августа оба фигуранта вылетели в свои страны, а на следующий день было объявлено, что встреча Рейгана и Горбачева состоится в Рейкьявике 11–12 октября.

Консерваторы в США резко критиковали достигнутую сделку, но в то же время понимали, что она была необходима, чтобы открыть возможность дальнейших переговоров. Тем более это осознал президент, который отметил необходимость ее в своем дневнике, добавив: «Их человек — шпион, схваченный за руку, а Данилофф — заложник», и продолжал: «Ответ Горбачева на мое письмо был заносчивым. Он отверг мое заявление, что Данилофф не является шпионом. Я чертовски взбешен. Все это мы уже проходили. Мы арестовываем шпиона, Советы хватают первого попавшегося американца, придумывают обвинение и требуют обмена»^{649}.

При этом Рейган продолжал свое наступление по вопросу о правах человека в СССР, а Горбачев все более сознавал, что надо менять всю систему. Именно в этих условиях советская сторона дала согласие на выезд на Запад известного диссидента Юрия Орлова с женой, а несколько других диссидентов были отпущены за рубеж для лечения^{650}.

Еще до освобождения арестованных по обвинению в шпионаже Рейган пригласил в Белый дом жену Данилоффа Рут, показал ей список лиц, выезда которых требовала американская сторона, и спросил, не желает ли она добавить какие-либо имена (вписано было имя генетика Д. М. Гольдфарба). Первыми в списке Рейгана значились имена академика А. Д. Сахарова и его жены Е. Г. Боннэр^{651}. Право на выезд за рубеж они не получили, но вскоре после этого Сахаров был освобожден из ссылки, которую он отбывал в Горьком, возвратился в Москву и возобновил

активную общественную деятельность за коренную перестройку социальных отношений в СССР^[45].

О том, насколько детально Рейган и его помощники готовились к предстоящей встрече, свидетельствует обширный машинописный том, подготовленный в Белом доме и предназначенный для журналистов. В него вошли детальные сведения о внешней политике США, об Исландии и СССР, о первой встрече президента с генеральным секретарем, о проблеме прав человека, региональных и двусторонних проблемах и особенно о вопросах безопасности и контроля за вооружениями. К сборнику Рейган написал специальное предисловие, в котором предупреждал: «Эта встреча предоставит возможность личной, детальной и искренней дискуссии, чтобы подготовить встречу на высшем уровне в Соединенных Штатах. Переговоры в Рейкьявике будут частными, конфиденциальными и не предполагают подписания каких-либо соглашений»^{652}.

Рейган и Горбачев прилетели в Рейкьявик, город, находящийся на полпути между Москвой и Вашингтоном, с намерениями перевести процесс разрядки в практическую плоскость, но на условиях, которых продолжала придерживаться каждая сторона. Переговоры проходили в особняке на окраине города, в тихом месте. Журналисты были допущены только на итоговые пресс-конференции обоих лидеров.

На протяжении двух дней состоялось шесть встреч.

Горбачев по-прежнему, соглашаясь на пятидесятипроцентное сокращение стратегических ракет и полное устранение советских и американских ракет средней дальности с территорий других европейских стран, добивался обязательства Рейгана не выводить СОВМР за пределы лабораторных исследований в течение десяти лет (ранее назывался срок 15 лет, но существенной разницы между этими отдаленными сроками, разумеется, не было).

Рейган, действовавший по принципу «доверяй, но проверяй», который он, как уже упоминалось, не раз повторял Горбачеву, поддерживал только двустороннее соглашение: сокращение стратегических вооружений и устранение ракет средней дальности из стран Европы при условии развития стратегической оборонной инициативы в полном объеме. Он, однако, по-прежнему далеко не полностью доверял советской стороне, особенно в связи с недавним шпионским скандалом. После встречи он писал М. Тэтчер: «Русские не хотят воевать, они хотят одержать победу, угрожая ядерным оружием»^{653}. Самому же Горбачеву Рейган говорил, что заключение договора по стратегическим наступательным вооружениям при

замораживании американской оборонительной программы «требуется исключительного уровня доверия», которого пока нет, и «поэтому мы не можем принять вашу позицию».

Один из советников Рейгана по вопросам безопасности, Мартин Андерсон, присутствовавший на переговорах, утверждает, что президент прямо заявил советскому генеральному секретарю, что американцы полностью обанкротят советскую экономику при помощи СОИ, если СССР не пойдет на компромисс. «Я был с Рейганом, — рассказывал Андерсон, — и он действительно вел себя грубо. За закрытыми дверями Рейган просто припирал Горбачева к стенке»^{654}. Вряд ли эта оценка соответствовала действительности полностью, но тот факт, что в морально-политическом отношении СОИ использовалась в качестве орудия давления, безусловен.

В ходе встречи выдвигались и более кардинальные предложения — о полном уничтожении стратегических вооружений, включая те, что размещены на бомбардировщиках и атомных подводных лодках. Но все дело упиралось в одно обстоятельство: то, что в США именовали СОИ, в СССР по-прежнему называли «звездными войнами». Тот грандиозный прорыв, на который надеялись (по крайней мере, внешне) обе стороны, не произошел.

Встреча завершилась на первый взгляд безуспешно. Никакого соглашения, никакого договора или другого подобного документа подписано не было. Заключительная драматическая сцена представлена в протоколе последней встречи следующим образом: «*Рейган*. Встреча закончена. Пошли, Джордж [*обращение к Шульцу*]. *Горбачев*. Не можем ли мы сделать что-то еще? *Рейган*. Уже слишком поздно». Затем Рейган добавил: «Я думаю, что вы просто не хотите достичь соглашения. Я не знаю, когда нам представится другой шанс, подобный этому, и скоро ли мы вновь встретимся»^{655}.

Добрынин вспоминал: «Оба лидера закончили свою безрезультатную встречу поздно — в полночь. Они покинули здание вместе, шли молча. Остановились у стоявшего недалеко президентского автомобиля, чтобы попрощаться. Получилось так, что я оказался поблизости и выполнил поэтому роль переводчика... Горбачев, который еле скрывал горечь большого разочарования, сказал: «Господин президент, вы упустили уникальный шанс войти в историю в качестве великого президента, который открыл дорогу ядерному разоружению». Рейган угрюмо ответил: «Это относится к нам обоим». По дороге в аэропорт Рейган долгое время молчал. Его «начальник штаба» Дон Риган ехал с ним и позже рассказал

мне, что Рейган прервал наконец молчание словами: «Дон, мы с Горбачевым были так близки к соглашению. Просто стыдно». Он показал при этом двумя пальцами расстояние в полдюйма. «Президент был потрясен таким исходом встречи», — добавил Рейган^{656}.

Это были пессимистические ремарки. Однако оба лидера наряду с разочарованием чувствовали внутреннее удовлетворение тем, что их позиции во время встреч сблизилась.

Рейган говорил своим советникам, что он покидал Рейкьявик, сознавая, насколько близко они с Горбачевым подошли к цели устранения угрозы ядерного разрушения. Горбачев же на обратном пути говорил своему помощнику А. С. Черняеву (тот записал его слова), что он «даже более оптимистичен после Рейкьявика, что он понимает внутренние проблемы Рейгана и что президент США не вполне свободен в принятии решений». Он воспринимает Рейкьявик как значительно новый этап в процессе разоружения — от ограничения до полного уничтожения^{657}.

Судя по поведению Рейгана непосредственно после возвращения на родину, он сожалел о том, что поставил под сомнение возможность новой встречи в ближайшем будущем.

Он размышлял, и советники, особенно госсекретарь Шульц, поддерживали его, намекая, что, возможно, он поставил перед собой две слишком грандиозные и труднодостижимые, по крайней мере в ближайшей перспективе, цели: полное уничтожение ядерного оружия и создание неядерного щита над территорией США и союзных государств.

Рейгану становилось все более ясно, что США и СССР просто не могут осуществить ядерное разоружение, так как обе страны теперь не были монополистами в обладании этим катастрофическим оружием. Было очевидно, что, ведя общие разговоры о полном ядерном разоружении, советское руководство не пойдет на него практически в условиях, когда ядерным оружием обладал Китай, отношения с которым оставались весьма напряженными. И СССР, и США должны были учитывать наличие ядерного оружия у Великобритании и Франции, а также предполагаемое владение им Индией, Пакистаном и Израилем. Ядерное оружие расплодилось по миру, и с этим необходимо было считаться. Для президента Рейгана становилось все более очевидным, что другие страны не пойдут на поводу у США и СССР, что они будут всеми силами цепляться за оружие массового уничтожения, которое для них являлось мощнейшим средством самосохранения на региональном уровне и защиты собственных интересов на уровне мировом. Ведущие государственные деятели понимали, что им

придется считаться с этой новой, крайне опасной в международном плане тенденцией.

Рейган понимал, что полное ядерное разоружение представляет собой неразрешимую цель, что необходимо ставить более умеренные и практически реализуемые задачи. Такого рода мысли свойственны были и Горбачеву вместе с его окружением, часть которого вообще недоверчиво и критически относилась к «новому мышлению» в мировой политике со стороны партийного лидера и явно не доверяла его политическому курсу. Видимо, непосредственно антигорбачевский и антиперестроечный заговор пока не планировался, но в СССР дело шло именно к этому.

В то же время перспективы реального создания надежного «оборонительного щита» были весьма неопределенными. Работы в этом направлении действительно не выходили за пределы лабораторных экспериментов. Размышления по этому поводу, докладные записки, которые подготовлялись дипломатами и военными обеих стран, убеждали, что вопросы, связанные с сокращением и ликвидацией стратегических и «средних» баллистических ракет, следует разделить один от другого.

Дальнейшие контакты

и Берлинская стена

После Рейкьявика переписка между Рейганом и Горбачевым почти прервалась на несколько месяцев. В советском руководстве никак не могли найти пути, чтобы возобновить диалог. Консервативные силы, прежде всего в высших военных кругах, продолжали убеждать Горбачева и Шеварднадзе в необходимости увязывать любое согласие на сокращение вооружений с американскими уступками по СОИ. Горбачев все больше включался в проблемы внутренней «перестройки», надеясь сохранить в СССР то, что называли «социализмом с человеческим лицом». Рейган в эти месяцы оказался замешанным в серьезном внутреннем скандале, связанном с международными делами, который получил название «Иран-контрас», или «Ирангейт» (о нем будет рассказано ниже).

Рейган попытался возобновить прямые контакты, обратившись к Горбачеву с письмом от 10 апреля 1987 года, в котором сообщал, что направляет в Москву госсекретаря Шульца для возобновления переговоров с Шеварднадзе по вопросам ядерных вооружений. Письмо было выдержано

в самых примирительных тонах: «Прошло долгое время после того, как у нас были прямые контакты. Я доволен, что визит министра Шульца в Москву дает нам возможность возобновить наш прямой диалог. Я вспоминаю, как в Женеве мы сидели перед камином и говорили, что находимся в уникальном положении. Совместно мы можем изменить будущий курс мировых событий». Рейган не упоминал неудачу в Рейкьявике, зато позитивно оценил изменения с правами человека, происходившие в СССР. Дружественность и непосредственность письму придавал и привет от Нэнси Михаилу и Раисе^{658}.

Любопытно, что это письмо было направлено как раз после того, как произошел очередной инцидент. В начале апреля американцы раскрыли, что советская разведка якобы получила доступ к посольству США в Москве через одного из охранников — морского пехотинца, которого соблазнила некая дама, являвшаяся агентом КГБ. Вначале охочая до сенсаций американская пресса раздула этот случай до чрезвычайности. Появились даже сведения, что указанная дама не просто посещала посольство, но побывала даже в шифровальном помещении. Позже вся эта история оказалась практически мыльным пузырем. Никаких иных фактов, кроме того, что сержант Клейтон Лоунтри находился в интимной связи с агентессой КГБ, вместе с ней участвовал в сексуальных оргиях на некой подмосковной даче и выболтал ей некоторые третьестепенные сведения о внутренней жизни посольства, выявлено не было. Любвеобильный сержант был отозван в США и предан суду^{659}.

Хотя вся эта история на деле оказалась мелким эпизодом, министерство обороны США попыталось при ее помощи воспрепятствовать возобновлению переговоров Рейгана с Горбачевым. Вайнбергер даже сообщил президенту совершенно недостоверные сведения, правда, с оговоркой, что это лишь «в высокой степени вероятно», о попадании в руки Советов данных о ходе работ по СОИ. Рейгану вместе с Шульцем оставалось только посмеяться над незадачливым министром, так как он сам несколько раз заявлял о готовности поделиться с советской стороной разработками в этой области.

Президент просто не обратил внимания на этот инцидент, о чем свидетельствовал тот факт, что в письме от 10 апреля о нем вообще не упоминалось^{{46}{660}}. Ничего не говорится о нем и в дневнике Рейгана.

Ответное письмо было написано только 18 июля, и в нем шла речь в основном о региональном конфликте — войне между Ираном и Ираком, которую Горбачев оценивал как бессмысленное кровопролитие. В то же

время президенту давалось понять, что советская сторона готова к дальнейшим переговорам^{661}.

Затем последовали переписка и переговоры делегаций по конкретным вопросам сокращения вооружений, которые дали возможность назначить наконец встречу в Вашингтоне. Важнейшим результатом предварительных переговоров был отказ советской стороны обуславливать возможный договор требованием о недопущении перевода СОИ в практическую плоскость. В Москве сделали вид, что просто позабыли о «звездных войнах».

Между тем, ведя закулисные переговоры и готовясь к новой встрече с Горбачевым, Рейган не прекращал публичного, пропагандистского наступления на советские позиции, в частности связанные с блоком СССР и странами Восточной Европы, оформленным как Варшавский договор стран социалистического лагеря и имевшим «объединенные вооруженные силы», которые на практике не существовали и эфемерным свидетельством которых являлась лишь стандартизация вооружений. Фактически же «социалистический лагерь» в Европе прикрывали Вооруженные силы СССР, и в целом этот лагерь держался лишь под крылом советского руководства.

Видя, что в руководстве СССР все более доминирует «новое мышление» и что ему приходится основное внимание сосредоточивать именно на внутренних делах, на растущем экономическом, социальном и политическом кризисе в Советском Союзе и зависимых от него странах, Рейган избрал в качестве пропагандистского удара тот участок, который считал наиболее уязвимым.

Таковым являлось, по его мнению, положение в Берлине. Этот город был с 1961 года разделен железобетонной стеной, воздвигнутой по советской инициативе с согласия восточногерманского коммунистического руководства, которую на Западе именовали «стеной позора» (впервые это выражение было употреблено лидером Социал-демократической партии ФРГ Вилли Брандтом^{662}).

Берлинская стена рассматривалась на Западе как зловещий символ всей системы тоталитаризма. Пока существует эта «стена позора», была убеждена общественность, о реальном повороте СССР и подвластных ему стран к демократическим ценностям говорить невозможно.

Именно в этих условиях Рейган принял приглашение на обратном пути из Венеции (здесь в начале июня 1987 года проходила встреча глав государств стран НАТО) остановиться в Западном Берлине, где

праздновалось 750-летие основания города. 12 июня президент посетил старое здание рейхстага, а вслед за этим осмотрел Берлинскую стену и соседние кварталы столицы ГДР, принял участие в юбилейных торжествах, встретился с руководителями Западной Германии и Западного Берлина^{663}.

Но главным событием этого дня стала речь, произнесенная у Бранденбургских ворот, рядом с которыми в стене между Западным и Восточным Берлином находился пропускной пункт под названием «Чарли». Огромная толпа встретила американского президента аплодисментами.

Вплотную подойдя к стене, Рейган назвал полосу земли перед ней с западной стороны «смертельной» и продолжил: «Мы должны найти способ, чтобы обрушить эту штуку»^{664}.

Некоторые сотрудники администрации уговаривали Рейгана избегать в своей речи громких призывов, которые могли бы привести к охлаждению в начавших налаживаться отношениях с СССР. Рональд, однако, с ними не посчитался. Есть данные, что, перед тем как подняться на трибуну, американский президент вступил в разговор с несколькими берлинцами. Некая женщина по имени Ингеборг Элз сказала ему: «Если этот человек Горбачев серьезен в своих разговорах о гласности и перестройке, он мог бы доказать это, избавившись от стены». Ряд авторов полагают, что именно эти слова побудили Рейгана включить в свою речь слова, ставшие знаменитыми^{665}.

Президент заявил: «Мы слышим из Москвы о новой политике реформ и гласности. Некоторые политические заключенные были освобождены. Определенные иностранные радиопередачи новостей больше не глушатся. Некоторым экономическим предприятиям разрешили работать с большей свободой от госконтроля.

Является ли это началом глубоких изменений в Советском государстве? Или же это символические жесты, которые должны породить ложные надежды на Западе и укрепить советскую систему, не изменяя ее? Мы приветствуем перестройку и гласность, поскольку полагаем, что мир и безопасность идут вместе, что прогресс человеческой свободы может принести только мир во всем мире. И Советы могут сделать один безошибочный ход, который станет символом свободы и мира. Генеральный секретарь Горбачев, если вы стремитесь к миру, если вы стремитесь к процветанию для Советского Союза и Восточной Европы, если вы стремитесь к либерализации, приезжайте сюда, к этим воротам, мистер Горбачев, откройте эти ворота. Мистер Горбачев, снесите эту

стену!»^{666}

Речь Рейгана стала знаменательным событием. Она воспринималась различными кругами по-разному, но в целом весьма положительно. Это, разумеется, был театральный, но весьма уместный и своевременный жест, соответствовавший не только настроениям, господствовавшим на Западе, но и зревшим в СССР тенденциям «нового политического мышления». В СССР эту речь предпочли подробно не комментировать, хотя ТАСС опубликовало краткое заявление, в котором осудило ее как «провокационную»^{667}. Член Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии Г. Шабовски на вопрос о заявлении Рейгана ответил одним словом: «Абсурд»^{668}. Федеральный канцлер Западной Германии Гельмут Коль говорил, что никогда не забудет, как стоял рядом с Рейганом, когда тот бросил вызов Горбачеву, чтобы именно он разрушил Берлинскую стену^{669}. В США речь рассматривалась правыми кругами как решительное осуждение «железного занавеса», либералами — как выражение надежды на согласованное восстановление единства Европейского континента.

В любом случае берлинская речь укрепила репутацию американского президента как надежного союзника западноевропейских партнеров и сторонника объединения континента на основе устранения состояния холодной войны.

Вашингтон и Москва

Тем временем между США и СССР продолжались негласные переговоры по ядерно-ракетным проблемам, предшествовавшие визиту Горбачева в США по приглашению Рейгана. Компромисс был достигнут во время визита в Вашингтон Шеварднадзе в сентябре 1987 года. Стороны договорились включить в договор пункт о ликвидации ракет не только средней, но и меньшей дальности, разработать единую классификацию всех видов ликвидируемых ракет, предусмотреть ликвидацию нового вида советских ракет, известных как СС-23. Американцы обязывались уничтожить не только ранее существовавшие ракеты договоренных типов, но также крылатые ракеты «Томагавк» и ракеты «Ланс-2» с нейтронными боезарядами (поражавшими в первую очередь живую силу и вооружение, но имевшими ограниченное воздействие на окружающую среду). Всего предусматривалось уничтожить 2611 ракет.

Согласие Рейгана на подписание договора об уничтожении ракет двух классов — первая в истории взаимоотношений между США и СССР договоренность о полной ликвидации определенных видов вооружений — была особенно важной в связи с тем, что советская сторона отказалась от каких-либо требований, связанных с СОИ.

Тем не менее в некоторых авторитетных кругах США проект договора подвергали острой критике, в том числе деятели Республиканской партии^{670}.

Все же, как оказалось, подавляющее большинство членов палаты представителей и сенаторов поддержали проект, что предопределило успех миссии Горбачева.

Более того, согласно проведенным опросам, основная часть американцев считала улучшение отношений с СССР главным успехом политики Рейгана, причем именно подготовленный договор, проект которого в отличие от многих других ранее подготовленных документов был опубликован, рассматривался как основное достижение обеих сторон. Опрос, проведенный газетой «Нью-Йорк таймс» совместно с новостными агентствами 20–24 ноября 1987 года, показал, что экономическую политику Рейгана одобряло 38 процентов населения, общий характер внешней политики — 45 процентов, а характер взаимоотношений Рейгана с советским руководством, и Горбачевым в частности, поддерживали 63 процента американцев, что являлось необычно высоким показателем^{671}.

Регулярные доклады ЦРУ, которые получал Рейган, свидетельствовали о глубочайших внутренних изменениях в СССР. Особое внимание обращалось на отпор консервативным силам, который, явно по команде Горбачева, давал центральный партийный орган «Правда», на фактическое осуждение генсеком «доктрины Брежнева», на предложения о радикальной реформе КПСС, но в то же время и на значительное влияние в высших советских кругах антиперестроечных сил^{672}.

Рейган рассчитывал использовать визит Горбачева для дальнейшего укрепления своих внешнеполитических позиций в американском обществе. Он предлагал советскому руководителю оставаться в США не менее недели, совершить поездку по стране, подобно тому как когда-то сделал один из его предшественников Н. С. Хрущев, и обещал, что будет находиться вместе с ним на протяжении всей поездки, хотя путешествовать особенно не любил.

Однако внутренняя обстановка в СССР, усиливавшаяся напряженность в обществе сопровождались такими скандалами, которые не дали

возможности Горбачеву прохладиться в путешествиях по американским просторам — даже в сопровождении такого приятного собеседника, как американский президент. Скандалы были разного рода, но все они свидетельствовали о все более углублявшемся кризисе советской тоталитарной системы. Важнейшими из них были выступление члена Политбюро Б. Н. Ельцина с непоследовательной, но все же вполне определенной критикой Горбачева и приземление на Красной площади крохотного западногерманского спортивного самолета, пилотируемого любителем, которого не засекали соответствующие советские службы (последовали многочисленные увольнения вплоть до отставки министра обороны С. Л. Соколова, который был против широкой трактовки подготавливавшегося советско-американского договора).

Визит Горбачева в Вашингтон продолжался три дня. За неделю с лишним до этого в прессе было оповещено: «Советский руководитель и президент Рейган намерены 8 декабря подписать договор, ликвидирующий национальные ракеты близкого и среднего радиуса действия». В то же время сообщалось о продолжавшихся дискуссиях по поводу сокращения стратегических ядерных вооружений^[673].

Горбачев прилетел в Вашингтон вечером 7 декабря. В 10 часов 30 минут утра на следующий день он был принят в Белом доме, где состоялись переговоры с Рейганом и его советниками по вопросам стратегических вооружений и дальнейшего развития отношений между обеими странами. При этом Рейган вновь затронул проблему прав человека в СССР, отметив прогресс в этой области и необходимость дальнейшего расширения свобод личности по примеру стран Запада. После перерыва беседы продолжались в личном кабинете президента, находящемся рядом с официальным Овальным кабинетом, что должно было свидетельствовать о неформальном и дружеском характере контактов. Речь шла о перспективах сокращения обычных вооружений, создании надежных систем против использования химического оружия в вооруженных конфликтах.

На следующий день, 9 декабря, в 1 час 45 минут по местному времени Рейган и Горбачев подписали договор о ликвидации ракет среднего и меньшего радиуса действия. Он был ратифицирован высшими органами власти обеих стран через несколько месяцев (сенат США ратифицировал договор 83 голосами против пяти) и вступил в силу 1 июня 1988 года.

Согласно договору ликвидации подлежали как ракеты, способные нести ядерное оружие, так и другие виды ракет ближней (500—1000 километров) и средней (1000—5500 километров) дальности. Договор, однако, не распространялся на ракеты морского базирования. Всего во

исполнение договора обеими сторонами было уничтожено 2692 ракеты (на несколько десятков больше, чем предполагалось), что означало существенное сокращение ракетно-ядерного потенциала обеих стран^{674}.

В этот день и 10 декабря продолжались переговоры по различным вопросам, после чего в честь Горбачева и его жены (Раиса Максимовна сопровождала супруга почти во всех зарубежных поездках) Рейган устроил торжественный обед. Во время приема в концертном зале Белого дома выступил знаменитый пианист Ван Клиберн.

Как и в преддверии визита, так и после его завершения американская, в частности вашингтонская, публика принимала Горбачева предельно дружески, как человека, который вместе с президентом Рейганом совершил кардинальный поворот от холодной войны чуть ли не к дружеским отношениям между обеими странами. Об этом свидетельствовало несколько совместных появлений Рейгана и Горбачева на улицах Вашингтона. Жители города встречали их восторженно.

В ходе бесед Рейган вел себя решительно и самоуверенно. Он сознавал, что советский руководитель пошел на значительную уступку, согласившись отложить свои прежние требования об отсрочке практических разработок в области СОИ, как бы забыв о существовании этой проблемы вообще. Рейган даже позволял себе рассказывать в присутствии Горбачева сомнительные анекдоты о советской действительности, которые выслушивались без какого бы то ни было недовольства. Повторялась и излюбленная фраза «доверяй, но проверяй».

Президент рассчитывал перевести в практическую плоскость свои предварительные предложения о сокращении межконтинентальных стратегических ракет. Однако вопрос еще не был проработан военными экспертами и дипломатами и за пределы благих пожеланий с обеих сторон дело не пошло.

Уговоры Рейгана, чтобы Горбачев продлил свой визит и вместе с ним посетил ряд районов США, приняты во внимание не были, несмотря на то, что президент повторял их несколько раз. Рейган писал в своих мемуарах: «Одна из моих задач как президента состояла в том, чтобы уговорить Михаила Горбачева совершить поездку по стране... Мы полетели бы над соседними районами, и я рассказал бы ему, что здесь живут рабочие — в домах с лужайками и задними дворами, вероятно со второй машиной или катером возле дверей... Я даже мечтал о том, чтобы посадить вертолет в какой-нибудь из этих местностей и пригласить Горбачева пройтись вместе со мной по улице. Я сказал бы: «Выберите любой дом, какой хотите, мы постучим в дверь и спросим людей, как они живут и что думают о нашей

системе»^{675}.

Подтвердив Рейгану свое приглашение посетить в 1988 году СССР, Горбачев 10 декабря отбыл на родину.

Действительно, четвертая встреча на высшем уровне состоялась в мае 1988 года. Она была приурочена к ратификации договора по ракетам средней и меньшей дальности.

Рейган с супругой, Шульцем и другими министрами и помощниками прилетел в Москву 29 мая и пробыл в СССР до 3 июня. Его визит был в полном смысле символом прекращения холодной войны, хотя в ходе пребывания американского президента в Москве и Ленинграде в некоторых случаях (далеко не всегда) публике не давали возможности приблизиться к нему. Видимо, именно после протестов Рейгана советские спецслужбы перестали блокировать маршрут, хотя и опасались возможных инцидентов. Но ничего, к счастью, не произошло.

Во время визита Рейган и Горбачев обменялись ратификационными грамотами к договору о сокращении ракет средней и меньшей дальности, которые перед этим публично подписали. Были подписаны соглашение о предварительном уведомлении о запусках межконтинентальных баллистических ракет и ракет с подводных лодок, а также ряд других межгосударственных соглашений (о студенческом обмене, о рыболовстве в прибрежных водах и др.).

Рейган вместе с Горбачевым совершил прогулки по Кремлю, Красной площади и Старому Арбату. Существуют разные версии по поводу того, при каких именно обстоятельствах президент США публично заявил, что более не считает СССР «империей зла».

Переводчик Горбачева П. Р. Палажченко вспоминал, и его рассказ представляется достоверным: «Я помню этот эпизод. После Красной площади Рейган и Горбачев вернулись в Кремль и подошли к Царь-пушке. Горбачев сказал Рейгану, что пушка ни разу не стреляла (так ли это — я не проверял). У пушки стояла группа корреспондентов, наших и американских. Вопрос об «империи зла» задал кто-то из американцев, у наших тогда еще духу не хватило бы на такое. Рейган сказал примерно следующее: «Когда я это говорил, я так считал. Но сейчас Советский Союз изменился и изменения продолжаются. Я думаю, это хорошо для Советского Союза и для всего мира, и я больше не называю Советский Союз «империей зла». Он был откровенным и «органичным» человеком и говорил, как всегда, искренне. Я перевел его слова Горбачеву. Реакции, насколько помню, не было, но я считаю этот ответ Рейгана важнейшим итогом визита. Правда, через пару лет у нас фразу об «империи зла» стали

употреблять некоторые товарищи из числа бывших преподавателей научного коммунизма и партсекретарей. Судьба их сложилась по-разному. Некоторые и сейчас процветают»^{676}.

Вполне возможно, впрочем, что вопросы по поводу «империи зла» — выражения, ставшего своего рода штампом, демонстрировавшим негативную оценку советского режима, Рейгану задавали на московских улицах несколько раз. Каждый раз он отвечал в одном и том же духе, хотя и разными словами.

Рейган встретился с бывшими диссидентами, которые выразили удовлетворение процессами демократизации, происходившими в СССР, но требовали углубления этих процессов, создания в стране открытого общества (распада СССР тогда никто предположить еще не мог). Политические оппоненты режима, а также представители еврейской общины, которым все еще препятствовали в выезде на постоянное жительство в Израиль (всего около ста человек), были приняты Рейганом в американском посольстве и получили заверения, что он будет всячески способствовать дальнейшим позитивным процессам в СССР.

На один день Нэнси вылетела в Ленинград, который, как она говорила, произвел на нее потрясающее впечатление.

Во время нескольких встреч с Горбачевым Рейган призывал его ввести в СССР свободу религии и настойчиво повторял, что Берлинская стена должна быть снесена. Этот вопрос был своего рода символом взаимоотношений для американского президента. Он вспоминал: «Я говорил, что американцы были воодушевлены изменениями, происходившими в Советском Союзе... И среди всех изменений, которые совершил Горбачев... разве не было бы наилучшей мыслью разрушить Берлинскую стену?.. Ее ликвидация рассматривалась бы как жест, символизирующий, что Советский Союз желает присоединиться к широкой общности наций»^{677}.

Когда зашла речь об Афганистане, на Рейгана произвело впечатление заявление Горбачева о намерении СССР в ближайшее время вывести оттуда советские войска.

Важным событием визита была лекция Рейгана в Московском университете по экономическим вопросам. Она состоялась 31 мая в актовом зале МГУ, продолжалась примерно 30 минут, но столько же времени президент отвечал на вопросы студентов и преподавателей^{678}.

Выступление было начато на русском языке: Рейган пожелал студентам успеха на предстоявшей экзаменационной сессии. Естественно,

основным содержанием или, точнее, отправным пунктом лекции было обоснование преимуществ рынка, максимально освобожденного от государственных ограничений.

Но американский президент был политиком, и, естественно, экономические соображения постоянно перерастали в его выступлении в мысли о необходимости всесторонне открытого общества как предпосылки его процветания. Он говорил о давних контактах русских с американцами, цитировал роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и популярную песню «Хотят ли русские войны» Э. С. Колмановского на слова Е. А. Евтушенко.

Он горячо одобрял те преобразования, которые проводило и намечало новое советское руководство во главе с Горбачевым, хотя предупреждал: «Я знаю, что в вашем обществе есть люди, которые боятся, что эти изменения принесут только разрушения и отрыв от прошлого, которые боятся самой надежды на будущее — подчас они доверяют своей вере». Тем не менее он выражал твердую надежду, что «великолепные новые звуки открытости будут расти, заполняя собой все окружающее пространство, ведя к взаимопониманию, дружбе и миру».

На вопросы и ответы было отведено только 15 минут, так как, по словам ректора МГУ А. А. Логунова, который вел собрание, на большее у президента не было времени. Однако вторая часть встречи продолжалась вдвое дольше. Из характера вопросов создается впечатление, что они не были заранее подготовлены и распределены между своего рода актерами, игравшими роль заинтересованных студентов. Задавались вопросы самые различные: и касавшиеся перспектив заключения договора о сокращении стратегических вооружений, и региональных конфликтов, и судьбы советских солдат, пропавших без вести в Афганистане, и даже студенческой молодости самого Рейгана. Кто-то задал вопрос, не собирается ли Рональд сохранить свой пост на третий срок (непонятно, знал ли задавший вопрос, что Конституция США категорически запрещает это). Правда, сам вопрос вызвал смех аудитории, но Рейган ответил на него вполне серьезно, довольно подробно разъяснив незыблемость конституционного устройства своей страны, и в то же время пошутил, что после того, как обед завершится, не следует петь и танцевать. Эти его слова вновь вызвали смех присутствующих.

Рейган явно произвел весьма благоприятное впечатление. Он так вспоминал об одной из своих встреч в Москве: «Наверное, самым глубоким впечатлением, вынесенным мной во время этой и других встреч с советскими гражданами, было то, что они в целом ничем не отличались от людей, которых я видел всю свою жизнь на бесчисленных улицах

Америки»^{679}.

19 июня 1988 года помощник Горбачева Черняев записал в дневнике: «Большого, чем то, что в нашей и их печати, не придумаешь. Но — с моего угла: М. С. [Горбачев] угадал возможность воздействовать на эмоции Рейгана. И сделал точно... Тот увидел, что мы не «империя зла», а обыкновенные люди, к тому же — с богатейшей историей и... такая машина, которую не запугаешь и не прельстишь. И это работает. Рейган до сих пор только и говорит со своими, как он ходил по Красной площади и по Арбату. Прислал М. С. личное письмо: «Михаилу от Рона»^{680}.

Это была не последняя встреча президента Рейгана и генсека Горбачева. Предстояли еще две встречи.

В начале декабря 1988 года генсек прилетел в Нью-Йорк, где 7 декабря выступил на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Он заявил об одностороннем значительном сокращении советских вооруженных сил и выводе основной их части с территории Восточной Европы. Как оказалось, это было важной предпосылкой последовавших вскоре бурных революционных процессов в этих странах и приходу к власти в них сил, в основном ориентированных на свободный рынок, западные ценности и те государства, которые ранее рассматривались как противники социалистического лагеря. В восточноевропейских странах, все более отходивших от влияния СССР, развернулись массовые движения, возникали новые партии, происходили бурные демонстрации, разрушались коммунистические режимы. Все это привело к распаду Варшавского договора. Горбачев объявил в ООН, что использование силы или угрозы силой больше не может быть инструментом внешней политики. Он призвал к переходу от экономики вооружений к экономике разоружения^{681}. Черняев записал: «Я внутренне был уверен, что речь произведет впечатление. Но такого все-таки не ожидал. Час набитый зал не шелохнулся. А потом взорвался в овациях. И долго не отпускал М. С. Ему пришлось вставать и кланяться, как на сцене»^{682}.

Рейган, являвшийся в это время, согласно американскому лексикону, «хромой уткой» (в ноябре 1988 года президентом США был избран Джордж Буш, и Рональду оставалось всего полтора месяца до передачи власти новому президенту), специально приехал в Нью-Йорк для встречи с Горбачевым и обедал с ним (и с Бушем) на острове Говернорс. Беседа прошла под впечатлением триумфа Горбачева в ООН. Трое высоких собеседников согласились в том, что холодная война окончена, что наступает время сотрудничества и мира.

Никто из них не мог предвидеть те сложные и противоречивые события, которые охватили многие страны и мир в целом на протяжении последнего десятилетия XX века и особенно в начале века нынешнего, события, свидетельствующие, что спокойствие на планете Земля скорее всего никогда не наступит.

Последняя встреча Рейгана и Горбачева происходила уже тогда, когда Рональд стал частным лицом.

Глава 15

ДЕЛО «ИРАН-КОНТРАС»

Поддержка никарагуанских «контрас»

и препятствия ей

Во второе президентство Рейгана, особенно в последние его годы, ему пришлось пережить один из самых сложных моментов политической карьеры, получивший название дело «Иран-контрас». Произошел один из наиболее крупных скандалов в современной истории США, который едва не привел к открытому общественному осуждению внешней политики Рейгана, хотя и не грозил ему импичментом^{[47]{683}}. И все же по аналогии с «Уотергейтским делом», приведшим к отставке Р. Никсона, эту историю подчас называли «Ирангейт».

Рассматривая внешнюю политику Рейгана в период его первого президентства, мы уже рассказывали о тех усилиях, которые прилагала его администрация, чтобы подавить или по крайней мере заблокировать в пределах одной небольшой страны, не давая распространиться ее влиянию на другие регионы Латинской Америки, так называемую сандинистскую революцию в Никарагуа.

Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО), пришедший к власти в Никарагуа, действительно был организацией левого характера. Эта политическая партия, однако, была не коммунистической, а национально-революционной, стремилась поддерживать дружеские отношения с Кубой — в основном для получения от нее материальной помощи, а через нее — и помощи СССР. Однако сандинисты и их лидер Даниэль Ортега не собирались проводить в Никарагуа государственно-«социалистические» преобразования и тем более строить тоталитарную систему.

Между тем Рейган видел события в Центральной Америке совершенно в ином свете. Крайне опасаясь перехода части Латинской Америки под непосредственное советское влияние или тем более в военно-политический блок под господством СССР, он «дул на воду», сильно преувеличивая, причем, по всей видимости, совершенно искренне, степень советского

влияния в Никарагуа. При этом он не различал оттенков, которые явно проявлялись в социально-политической системе этой страны. Он как-то записал в дневнике после заседания Совета национальной безопасности, на котором обсуждались меры противодействия сандинистам и помощи ведущим против них вооруженную борьбу «контрас»: «Нет никакого сомнения, что вся Центральная Ам[ерика] является целью коммунистического захвата»^{684}.

Президент всецело доверял директору ЦРУ Уильяму Кейси, который считался мастером тайных операций и планировал разнообразные и сложные комбинации, чтобы свергнуть режим сандинистов и восстановить во всей Центральной Америке порядок, соответствовавший представлениям консервативной части североамериканского истеблишмента.

Однако для проведения этих операций, для содержания «контрас», снабжения их оружием, создания тайных каналов связи, помощи правительствам соседних стран и даже подкупа их коррумпированных деятелей требовались огромные финансовые средства.

Между тем в американских высших кругах, прежде всего в Конгрессе и руководстве Демократической партии, со времен неудачной операции против Кубы в 1961 году и последовавших за ней таких же неудачных попыток подорвать режим Кастро изнутри, в том числе при помощи убийства самого диктатора, утвердилось подозрительное отношение к тайным операциям ЦРУ и тем более к бесконтрольному их финансированию.

В Соединенных Штатах еще хорошо помнили о сенсационных расследованиях сенатского комитета по проверке разведывательной деятельности, созданного в 1975 году под председательством члена Демократической партии Фрэнка Черча. Этот комитет опубликовал 14 томов докладов и документов, содержащих огромную информацию о тайных действиях спецслужб, прежде всего касавшихся организации убийств зарубежных политических деятелей^{685}. Среди материалов комитета Черча преобладали свидетельства о подготовке операций по устранению Кастро и других кубинских руководящих деятелей.

Еще более свежими были в памяти факты, связанные с «Уотергейтским делом» президента Ричарда Никсона, направленным против Демократической партии во время подготовки президентских выборов 1972 года. Тогда, правда, ЦРУ было замешано в меньшей степени, но в общественном мнении любые тайные операции отождествлялись либо

с ЦРУ, либо с ФБР.

В этих условиях руки Кейси в операциях по «наведению порядка» в Центральной Америке были в определенной степени связаны. Тем не менее с благословения Рейгана ЦРУ продолжало набор никарагуанских «контрас», стремившихся к изменению режима в своей стране вооруженным путем, и их подготовку в специальных лагерях, созданных в соседнем Гондурасе.

Еще в 1982 году сведения об этом, правда, весьма неопределенные, были переданы представителям Демократической партии в Конгрессе. Демократы в данном случае оценивали события в Никарагуа несколько более трезво, чем Рейган и его сторонники, не считали режим сандинистов коммунистическим и не видели необходимости в его свержении. Их в то же время беспокоило бесконтрольное расходование бюджетных средств на нужды ЦРУ, уклонение Кейси от отчетов перед законодателями. Немаловажными и, возможно, решающими были расчеты использовать ситуацию против республиканцев во время предстоявших выборных кампаний.

В этих условиях со второй половины 1982-го по 1984 год в Конгресс были внесены несколько законодательных предложений по вопросам, связанным с Никарагуа. Инициаторами их были демократы, однако действовать им надо было осторожно, так как их партия находилась в обеих законодательных палатах в меньшинстве. Вначале, правда, член палаты представителей Томас Харкин внес законопроект о полном запрещении финансирования никарагуанских «контрас» и прекращении выделения других средств на операции в этой стране. Проект был отвергнут, и в этих условиях демократы стали действовать обходными путями.

Ссылаясь на то, что ЦРУ отказывается дать адекватный отчет о своих действиях в Центральной Америке, что подрывало авторитет законодательной власти, и на то, что американская общественность недовольна расходом крупных средств на цели, не соответствующие интересам большинства американцев, демократам удалось привлечь на свою сторону некоторых представителей Республиканской партии.

В этих условиях член палаты представителей от штата Массачусетс демократ Эдвард Боланд смог разработать такой проект закона, который удовлетворил не только его однопартийцев, но и некоторых республиканцев. В результате в качестве дополнения к закону о бюджете на 1982/83 хозяйственный год было принято предложение Боланда, запрещающее разведывательным учреждениям США финансировать никарагуанских «контрас».

Рейгана, однако, информировали, что «поправку Боланда», как стали именовать принятый документ, можно легко обойти, формально не нарушая законодательства. Дело в том, что наряду с ЦРУ, то есть организацией, которая теперь никак не могла давать средства «контрас», были и другие учреждения и органы, юридически не относившиеся к «разведывательному сообществу». Это был, прежде всего, Совет национальной безопасности — совещательный орган при президенте, которому предоставлялись значительные финансовые средства. Первую «поправку Боланда» удалось в результате легко обойти.

В этих условиях в 1983 и 1984 годах по инициативе того же Боланда были внесены новые предложения, утвержденные Конгрессом, которые, не оговаривая, о каких учреждениях США идет речь, вообще запрещали финансирование военных или полувоенных операций против правительства Никарагуа^{686}.

Принятая 12 октября 1984 года поправка к закону о бюджете на следующий год гласила: «Никакие фонды, доступные Центральному разведывательному управлению, министерству обороны или любому другому агентству или организации Соединенных Штатов, участвующих в разведывательной деятельности, не могут быть израсходованы на цели, которые имели бы своим результатом поддержку, прямую или косвенную, военных или полувоенных операций в Никарагуа, ведомых любой нацией, группой, организацией, движением или отдельными лицами»^{687}.

В результате официальные лазейки для продолжения тайных операций в Никарагуа при использовании средств государственного бюджета США были закрыты.

В этих условиях советник Рейгана по национальной безопасности Роберт Макфарлейн проявил инициативу сбора частных пожертвований на помощь «контрас», причем в качестве таковых выступали не только богатые приверженцы президента, но и иностранцы, в частности из Израиля, Саудовской Аравии и Китайской республики на Тайване. Практически организация этого «донорства», как его называли, была поручена одному из заместителей МакФарлейна подполковнику морской пехоты Оливеру Норту.

На собранные средства, к которым, по всей видимости, ввиду их нехватки добавлялись и деньги из секретных фондов министерства обороны и других ведомств, в начале 1984 года с согласия Рейгана (документально это согласие зафиксировано не было, но такая операция просто не могла быть осуществлена без санкции президента) военно-

морские силы минировали несколько портов Никарагуа. Когда в Конгресс поступили сведения об этом, началась первая фаза скандала. Депутаты-демократы требовали тщательного расследования и наказания виновных.

Рейган вел себя во всей этой истории хитро и дипломатично. Уроки «Уотергейтского дела» были им усвоены в полной мере. Он не произносил ни одного «крамольного» слова в Овальном кабинете и других помещениях Белого дома, где его указания могли бы быть услышаны нежелательными людьми или записаны на пленку (как это было с Никсоном). По всей видимости, и указания Рейгана ограничивались односложным согласием на ту или иную операцию или же отказом в столь же краткой форме. Во всяком случае, повода не только для вопроса об импичменте, но и для прямых упреков в адрес президента с формально-юридической точки зрения не было, хотя все сведущие лица отлично понимали, что дела, связанные с подрывными операциями в Никарагуа, просто не могли проводиться без его согласия.

На слушания в обе палаты Конгресса был вызван директор ЦРУ Кейси, который ввел в заблуждение депутатов, заявив, что его ведомство никакого отношения к минированию портов не имеет. Попытки руководителя демократической фракции в палате представителей Томаса О'Нейла выявить связь Кейси и тем более Рейгана с нарушением резолюций законодателей и обвинить их в «презрении к Конгрессу» или хотя бы в «неуважении Конгресса» оказались неудачными.

В результате близость между Рейганом и О'Нейлом в вопросах внешней политики была нарушена. Рейган считал даже (по крайней мере, так он написал в своих воспоминаниях), что О'Нейл содействовал блокированию помощи «контрас» в качестве его «личной вендетты президенту». Рейган возмущался, что О'Нейл «возглавил крестовый поход, чтобы заблокировать нашу программу в Центральной Америке»^[688].

В результате в декабре 1985 года ушел в отставку (фактически был уволен) Макфарлейн. Его сменил другой военно-морской офицер, служивший в Совете национальной безопасности, — Джон Пойндекстер. Последний был учеником Макфарлейна, проводил его (по существу дела, рейгановский) курс, сохранив на прежнем посту Оливера Норта.

Этот подполковник оказался весьма находчивым и в то же время скользким типом. И в этот период, и особенно через многие годы, когда Рейгана уже не было в живых, он стремился выставить себя не просто честным патриотом, а человеком самоотверженным, который приносил в жертву не только личную репутацию, но и собственную жизнь, чтобы выполнить волю президента и защитить его от возможных неприятностей,

связанных с взаимоотношениями с Конгрессом и нарушением законодательства. Можно, однако, полагать, что Рейган не был непосредственно связан с Нортсом, не принимал его и не давал ему прямых указаний, что все откровения Нортса по этому поводу были вымыслом. Слишком мелкой фигурой был этот офицер, чтобы получать прямые задания от главы исполнительной власти.

Да и сам патриотизм Нортса был немалым преувеличением. Как показало позднейшее судебное расследование, весьма крупные суммы, поступавшие либо наличными, либо на секретные банковские счета, терялись или даже расхищались. Нортс никак не мог объяснить, куда делись десять миллионов долларов, пожертвованных султаном Брунея на помощь спецслужбам Соединенных Штатов. В то же время отставной авиационный генерал Ричард Си-корд, являвшийся порученцем Нортса (в политике бывают такие казусы, когда генерал выполняет поручения подполковника), на деньги, полученные им в виде пожертвований, купил личный самолет. Сам же Нортс использовал аналогичные средства, чтобы превратить свой дом в штате Виргиния в своего рода крепость, оснащенную всеми новинками оборонительной техники. Когда же вездесущие журналисты обнаружили это и Нортс был вынужден объясняться, он заявил, что его преследуют, что ему угрожают сотрудники ФБР^{689}.

Правда, основная часть средств действительно шла никарагуанским «контрас», но этих средств было явно недостаточно, чтобы эффективно бороться против сандинистского правительства.

Иранские экстремисты на сцене

На проблему помощи «контрас» наложились другие внешнеполитические осложнения, с которыми столкнулась администрация Рейгана в начале второго его президентства.

Речь шла о террористических атаках, предпринятых арабскими экстремистскими организациями против Израиля и попутно против граждан других стран, в частности США. Именно в этот период начала проявлять себя созданная по инициативе иранских мусульманских лидеров на территории Ливана организация Хезболла («Партия Аллаха»), выступавшая за создание в Ливане исламского государства по иранскому образцу^{690}. В качестве одного из основных средств осуществления задач, поставленных перед Хезболлой иранским руководством, были

террористические атаки и шантаж при помощи захвата заложников. 14 июня 1985 года террористами был захвачен американский самолет, совершавший рейс из Каира в Сан-Диего. Захват произошел на участке пути из Афин в Рим, террористы требовали освободить свыше семисот мусульманских террористов, находившихся в заключении в израильских тюрьмах. Экипаж заставили изменить маршрут, и самолет приземлился в Бейруте. Чтобы показать серьезность своих намерений, террористы убили одного из американских пассажиров и выбросили его тело за борт. Пассажиры были высажены из самолета, их избивали и угрожали казнить.

Последовало вмешательство американской стороны. Рейган не выступил с фактическим ультиматумом правительству Ливана, угрожая нанести военный удар по Бейруту, как призывали его некоторые деятели^{691}. Он, однако, жестко заявил, что ни на какие переговоры власти США не пойдут. Он призвал «религиозных и политических лидеров Ливана положить конец преступлению во имя Бога, которому они молятся»^{692}.

Хотя американский президент отверг возможность нанесения удара по «трусобам Бейрута, в которых укрывались шиитские террористы», было ясно, что он считал правительство Ливана сопричастным к преступлению. В результате лидеры Хезболлы, которая стремилась утвердиться в Ливане как легальная организация, вынуждены были выполнить требование правительства этой страны и освободить заложников^{693}.

В то же время в Бейруте в руках все той же Хезболлы оставались несколько (по разведывательным данным, их было скорее всего семеро, хотя точное число оставалось под сомнением) американцев, захваченных во время внутренних беспорядков в ливанской столице.

Рейган считал лично для себя оскорбительным и недопустимым для собственного авторитета и положения его страны факты преследований, унижений и угрозы жизни его соотечественникам, даже в условиях, что их оставались единицы. Госсекретарь Шульц вспоминал: «Все это просто сводило его с ума. В Ливане оставались заложники, американцев мучили, и он ничего не мог с этим поделать, а ведь он был президентом»^{694}.

Рейган действительно относился к тем американским деятелям, которые считали защиту граждан своей страны, даже находившихся за рубежом, одной из главных своих задач. Возникшие именно в его время случаи радикального мусульманского терроризма, с которыми он никак не мог справиться, обеспечив надежную охрану и защиту своих сограждан, заставляли его напряженно, подчас чуть ли не истерично, искать пути

решения этой крайне сложной проблемы.

Публично Рейган, как мы уже видели, был тверд и решителен: с террористами в переговоры вступать невозможно, их надо беспощадно уничтожать. О том, что он будет придерживаться решения, принятого еще при Картере, об эмбарго на поставки оружия Тегерану, которое поддержали остальные члены НАТО, Рейган заявлял неоднократно. То же самое относилось и к террористическим организациям, связанным с иранскими исламистами, в частности к Хезболле. Но на практике это неизбежно вело бы к гибели американских граждан. Пока число жертв было невелико, но советники убеждали Рейгана, и он сам приходил к пессимистическим выводам, что террористические акты и захват заложников будут продолжаться, что придется вступать в переговоры с убийцами, соглашаться на выкуп заложников.

Между тем иранский исламистский режим, возникший в результате свержения шаха Мохаммеда Реза Пехлеви в начале 1979 года, унаследовал от него американские вооружения, которые США продавали Ирану до переворота. США были тогда для этой страны основным поставщиком вооружения, которое постепенно изнашивалось, требовало замены или, по крайней мере, ремонта с использованием запасных частей опять-таки американского производства^{695}. Потребность Ирана в новом вооружении, а также в запасных частях особенно увеличилась после того, как в сентябре 1980 года началась война с соседним Ираком. У нас нет возможности, да и необходимости останавливаться на этой войне, которая с обеих сторон велась под мусульманскими лозунгами и напоминала средневековую резню, только творимую сравнительно современным оружием.

В начале лета 1981 года Рейган распорядился об изучении секретными службами вопроса о том, как выполняется оружейное эмбарго, наложенное на Иран. Созданная рабочая группа предоставила ему в июле того же года совершенно секретный доклад о слабой эффективности эмбарго, так как Иран мог покупать американское оружие у тех стран, которые к эмбарго не присоединились, и одновременно начать закупки советского вооружения, что могло сравнительно скоро привести к переходу этой страны в советскую сферу влияния^{696}. В то же время иранский исламистский режим, который открыто стремился к созданию мощного мусульманского теократического государства на Ближнем и Среднем Востоке, продолжал восприниматься высшими американскими политиками как враждебный интересам США в этом регионе.

В 1983 году администрация Рейгана предприняла усилия, чтобы

убедить ряд стран, продававших оружие Ирану, в том числе американское, присоединиться к эмбарго, однако специальных посланников, приезжавших в соответствующие столицы, встречали любезными улыбками, но на договоренности с ними не шли^{697}.

Именно в этих условиях весной 1985 года президенту сообщили о предложении израильского государственного деятеля Давида Кимхи, заместителя директора «Моссада», генерального директора министерства иностранных дел (фактически заместителя министра), который был известен как видный разведчик и мастер многоходовых нелегальных операций. Предложение состояло в том, что США могут получить помощь со стороны «умеренных» деятелей Ирана в освобождении заложников, которых удерживала Хезболла в Ливане, если согласятся негласно продать этой стране при посредничестве Израиля небольшие партии оружия, в частности легкие противотанковые ракеты^{698}.

Информация о предложении Кимхи была передана президенту в необычных обстоятельствах.

В начале 1985 года у Рейгана были обнаружены полипы в кишечнике, грозившие перерасти в злокачественную опухоль, потребовалась операция. Она была успешно проведена 4 января в Военно-морском медицинском центре. Затем потребовалась новая операция: биопсия показала, что один из полипов действительно является небольшим злокачественным новообразованием. 12 июля была проведена вторая операция — удалена часть толстой кишки. Оптимистичный Рейган был настолько уверен в успешности обеих операций, что вопреки существовавшей традиции на время болезни не передал власть вице-президенту. Оба раза Соединенные Штаты в течение нескольких часов юридически и фактически оставались без действующего президента.

Именно после второй операции, едва Рональд отошел от наркоза, Макфарлейн сообщил ему о возможной сделке. Было ясно, что сделка, которая с самого начала планировалась как тайная операция, с политической, моральной и тем более юридической точки зрения опасна, так как нарушает одновременно несколько национальных и международных норм, в частности договоренность США со странами НАТО об эмбарго на поставки оружия в Иран и закон 1947 года о контроле над экспортом оружия, который обязывал президента уведомлять Конгресс о каждом факте поставок оружия за рубеж через третьи страны.

Макфарлейн, посетивший Рейгана в госпитале, предупредил его, что проведение подобной операции будет «скорее всего» носить незаконный

характер. Но факт, что она будет незаконной и нелегальной, был ясен с самого начала, ни о какой «вероятности» и речи быть не могло. Помощник президента явно старался облегчить Рейгану возможность сформулировать решение, не выходя за пределы допустимого.

Ответ был вполне определенным, хотя носил такой характер, что прямо обвинить Рейгана в нарушении закона и международной договоренности было невозможно: «Я хотел бы, чтобы мы нашли путь для осуществления этого»^{699}.

Нет сомнений, что Рейган находился в полном сознании и четко формулировал свои пожелания. Встречающиеся подчас в литературе мнения^{700}, что президент дал согласие на незаконную, фактически преступную операцию, еще не выйдя из полубессознательного состояния, явно не соответствуют действительности. Рейган обдуманно и сознательно одобрил эту операцию, но в такой благовидной форме, что упрекнуть его в незаконной деятельности было невозможно. Он добавил к тому, что сказал Макфарлейну: «Думаю, что не смогу себе простить, если мы не попытаемся» (что именно сделать, сказано не было).

Еще до операции, перенесенной Рейганом, Макфарлейн направил ведомствам, связанным с обеспечением безопасности США, директиву, в которой не было ссылок на решение президента, но которая без его ведома вряд ли могла появиться на свет. В ней говорилось: «В Иране происходит динамичная политическая эволюция. Нестабильность, вызванная давлением иракско-иранской войны, ухудшение состояния экономики и сам факт того, что режим находится в состоянии войны, создают возможности для крупных изменений в Иране. Советский Союз имеет бóльшие преимущества, чем США, в благоприятном для себя использовании любой борьбы за власть, которая ведет к изменениям в иранском режиме... США должны способствовать тому, чтобы наши западные союзники и друзья оказали помощь Ирану в импорте оборудования, чтобы сократить для него привлекательность советской помощи... Это включает в себя снабжение ограниченным военным оборудованием»^{701}.

Если несколькими неделями раньше речь шла о поставках оружия из других стран, то теперь Рейган дал согласие на снабжение Ирана американским вооружением непосредственно. Ряд влиятельных деятелей администрации были против фактического вступления в негласные отношения с иранским режимом и тем более с наиболее воинственной и фанатичной частью его приверженцев, которые в чисто маскировочных целях именовались «умеренными». Министр обороны К. Вайнбергер

написал записку: «Все это совершенно абсурдно, чтобы комментировать. Это все равно что пригласить Каддафи в Вашингтон для приятельской беседы»^{[48]{702}}.

Не столь эмоционально, но вполне определенно против сделки с Ираном во имя спасения американских заложников высказался госсекретарь Шульц. В беседах с президентом наедине 18 июля и 6 августа 1985 года Шульц предупреждал его, что администрация просто «попадает в капкан проблемы: оружие за заложников», что из этого капкана выбраться будет нелегко^{703}.

В то же время директор ЦРУ Кейси полностью поддержал план Макфарлейна, который смог убедить Рейгана в его перспективности. Поставки американского оружия Ирану при посредстве Израиля были согласованы с премьер-министром этой страны Шимоном Пересом^{704}.

Однако и израильские официальные лица не желали быть запятнанными сделкой с иранским режимом. Был найден посредник — бывший иранский оружейный дилер Манучер Горбанифар (по кличке Горба), который в свою очередь привлек некую тайную контрабандную сеть для практической реализации сделки. Сотрудничавшие с этим лицом агенты ЦРУ, выдавшие виды, описывали Горбу как «совершенно отвратительную» и «предельно аморальную» личность^{705}. От его услуг вскоре отказались, установив, что он поставляет ЦРУ недостоверную информацию.

Поставки оружия Ирану

Так все более оправдывались предупреждения многоопытного и осторожного Шульца об опасности всей этой сделки. Рейган, однако, был буквально ослеплен задачей освобождения всех заложников и был готов развернуть и продолжать опасную операцию. При этом Макфарлейн, Кейси и другие сторонники сомнительной сделки убеждали его, что сохранение контактов с «умеренными» иранскими деятелями в конце концов приведет к освобождению оставшихся в плену Хезболлы американцев (в противном же случае они будут убиты). Более того, они убеждали президента, что поддержка «умеренных» может привести их к власти в Иране, к ликвидации или, по крайней мере, значительному смягчению исламского теократического репрессивного режима.

Говоря об «умеренных» иранских деятелях, американские

руководители имели в виду группу Али Акбара Рафсанджани, который с 1990 года являлся председателем Исламского консультативного совета Ирана и считался склонным к улучшению отношений с Западом^{706}. Макфарлейн убеждал президента, что этот деятель сможет оказать влияние на Хезболлу и она освободит заложников, а в дальнейшем, придя к полной власти после смерти престарелого Хомейни, пойдет на улучшение отношений с США и даже вновь включит Иран в американскую сферу влияния. Как показало будущее, советник по национальной безопасности в очередной раз ошибся. Возможно, он не знал, что в самом иранском руководстве Рафсанджани прозвали «акулой» несмотря на кажущуюся мягкость в общении и определенное обаяние^{707}.

Так начались поставки в Иран американских противотанковых ракет. Точнее говоря, ракеты продавали власти Израиля, а США затем возмещали их Израилю, поставляя новые ракетные комплексы вместо отправленных в Иран. В связи с тем, что в Иран отправлялись устаревшие ракеты, а взамен Израиль получал новые, причем по льготным ценам, тайная сделка была, безусловно, выгодна Израилю, который все более становился главным союзником США на Ближнем Востоке.

Первая партия оружия (96 противотанковых ракет) была доставлена в Иран уже 20 августа 1985 года. Вслед за этим 14 сентября исламская республика получила еще 408 таких же ракет, 24 ноября — 18 противовоздушных ракет^{708}. Всего с августа 1985-го по октябрь 1986 года властям Ирана было передано восемь партий противотанковых и противовоздушных ракет и запасных частей к ним.

Полагая, что поставки оружия приведут не только к освобождению заложников, но и к значительно более серьезным результатам, Рейган дал согласие на тайную поездку Макфарлейна в сопровождении Норты и группы экспертов в Тегеран для прямых переговоров с иранскими деятелями. Видные американские чиновники летели по подложным паспортам как ирландские туристы. Однако факт предстоявшего визита, организованного по линии ЦРУ и состоявшегося в конце лета или в начале осени 1985 года, был доведен до ведома иранских властей. Американцы повезли с собой подарки: 357 пистолетов системы Магнум, Библию с рукописной дарственной надписью Рейгана и шоколадный торт, изготовленный в форме ключа, который должен был символизировать будущее открытие Ирана западному миру^{709}.

Как оказалось, все эти авансы, означавшие фактическое заискивание перед исламскими фундаменталистами, были напрасными. Последние

принимали оружие как должное, но вступать в переговоры с американскими представителями на высоком уровне отказывались. Советнику президента сообщили, что аятоллы слишком заняты религиозными делами и побеседовать с ними не в состоянии. Пистолеты и Библия были приняты с сухой благодарностью, а символический торт нагло съели «стражи исламской революции», охранявшие аэропорт, куда прибыли американцы. Пробыв в Тегеране три дня, Макфарлейн и Норт возвратились в Вашингтон несолоно хлебавши^{710}.

Вскоре после этого, в декабре 1985 года, Макфарлейн ушел в отставку, объявив, что крайне переутомлен и намерен заняться сугубо семейными делами. Его преемник вице-адмирал Пойндекстер продолжал руководить тайными операциями, обещая Ирану новые оружейные поставки, но фактически свел их к минимуму.

С точки зрения тех непосредственных целей, которые были поставлены американским руководством, результаты были незначительными: в августе 1985 года был освобожден один из американских заложников — Бенджамин Вейр. Естественно, причины его освобождения общественности не сообщались.

Рейган незадолго до этого выписался из госпиталя и направлялся на отдых в Калифорнию. Ему сообщили об освобождении заложника на борту самолета. Президент связался с Вейром по телефону, поздравил его и заявил, что не успокоится до тех пор, пока не будут освобождены остальные заложники (предполагалось, что у Хезболлы осталось шесть американцев). Вскоре состоялась встреча Рейгана с семьями как освобожденного Вейра, так и тех, кто оставался в руках террористов. Президент сообщил во время встречи, что на каждом заседании Совета национальной безопасности требует сообщать ему информацию о том, какие меры предпринимают соответствующие службы для освобождения оставшихся у Хезболлы заложников^{711}.

Это заявление, а также ряд высказываний Рейгана в выступлениях по телевидению были восприняты членами Совета национальной безопасности и прежде всего Макфарлейном как стимул к дальнейшим контактам с иранскими деятелями, в частности с офицерами Армии охраны исламской революции — полувоенной экстремистской организации фанатиков-исламистов, которые, стремясь получить хотя бы какое-то американское вооружение, клялись, что заставят Хезболлу освободить заложников, однако никаких практических усилий к этому не предпринимали.

Рейган вполне сознавал, что иранские деятели, которых он и его подчиненные считали некими тайными партнерами, на деле оказывались просто мошенниками, водившими американскую сторону за нос. Но он все же рассчитывал, что новыми поставками небольших партий оружия, а главное обещаниями их продолжить он сможет побудить иранцев в конце концов заставить Хезболлу освободить заложников.

Показалось, что такой поворот возможен, когда в Ливане 26 июля 1986 года был освобожден еще один американец — священник Лоуренс Дженко, руководитель Католической службы помощи в этой стране^[712]. На этот раз торжественного пропагандистского шума не было. Становилось ясным, что за освобождение оставшихся заложников придется заплатить немалую цену.

Тайная продажа оружия в Иран была продолжена. В дополнение к противотанковым ракетам в Иран при посредничестве Израиля стали поставляться в небольшом количестве противовоздушные ракеты «Хок», правда, тоже устаревшие и предназначенные только для поражения самолетов, летящих на низкой высоте.

Документальных доказательств, что президент сознательно шел на прямое нарушение законов страны и ее международных обязательств, не существует. При позднейших попытках расследования этой крайне запутанной истории следователи, при всем желании хоть в чем-нибудь обвинить Рейгана, сталкивались с отсутствием юридически обоснованных доказательств. В то же время сама логика этой истории, ситуация, при которой президент обязался перед своими согражданами во что бы то ни стало добиться освобождения заложников, а также некоторые свидетельства, которые не имели юридической силы, но для историков могут служить определенным доказательством, свидетельствуют, что Рейган просто не мог не быть в курсе этого дела на каждом его этапе, что его помощники просто не могли предпринимать те или иные действия без ведома президента.

Так, министр обороны К. Вайнбергер 7 декабря 1985 года записал, что Рейган был в курсе возможной передачи заложников при помощи Ирана, а также продажи противотанковых и противовоздушных ракет «умеренным элементам» Ирана. Вайнбергер отмечал, что Рейган говорил: «Я могу нести ответственность по поводу обвинений в незаконных действиях, но не в состоянии ответить на обвинения, что большой и сильный президент Рейган упустил возможность освободить заложников». Вайнбергер отмечал в своей записи, что он «строго предупредил» президента о незаконности операции по продаже Ирану американских ракет, но тот лишь отмахнулся и

прервал встречу, так как ему предстояло выступление по радио^{713}.

Остальные пятеро заложников были убиты боевиками Хезболлы. «Советы» иранских деятелей по их освобождению были таковы, что, по существу дела, означали поощрение расправы.

Вся операция была организована американской и израильской сторонами настолько плохо, что может войти в учебники истории тайных операций как образец того, как *не следует* их проводить.

Скандал

Все же какие-то деньги за оружие, причем на счета подставных организаций, поступали, и в кругах ЦРУ и Совета национальной безопасности возникла идея использовать их на поддержку никарагуанских «контрас».

Как уже отмечалось, вооруженные противники сандинистских властей получали определенные средства из американских частных фондов, и это не было нарушением поправок Боланда, так как последние запрещали выделять «контрас» только американские бюджетные средства. Однако поступавшие средства были недостаточны для того, чтобы «контрас» смогли нанести существенный удар по властям Никарагуа.

Инициатором передачи денег, полученных от продажи американских ракет и запасных частей Ирану, антиправительственному подполью в Никарагуа выступил О. Норт. Позже он заявил, что написал по этому поводу несколько меморандумов президенту, который их одобрил. Это, однако, не было доказано. Сохранился только один меморандум от 4 апреля 1986 года, причем неизвестно, дошел ли он до Рейгана. В любом случае речь шла о средствах, вырученных от продажи американского оружия, то есть государственной собственности. Следовательно, это были бюджетные средства, полностью подпадавшие под запрет, наложенный Конгрессом.

Согласно имеющимся исследованиям, передать «контрас» удалось сравнительно небольшую сумму — 3,8 миллиона долларов^{714}. На эти деньги покупалось вооружение, теперь уже для «контрас», которое переправлялось в Гондурас через фирму под названием Стэнфордская технологическая торговая группа. Непосредственной транспортировкой руководил отставной генерал-майор авиации Ричард Сикорд, ранее участвовавший в операциях во Вьетнаме и Лаосе и поддерживавший тесную связь с ЦРУ^{715}.

Вся эта история вышла на поверхность очень скоро, в октябре 1986 года, когда самолет, которым управлял нанятый Сикордом пилот, был сбит над территорией Никарагуа. Катапультировавшийся летчик оказался в плену, у него была обнаружена записная книжка с номерами телефонов американских секретных служб. Позже Сикорд был вызван на допрос в специально созданную комиссию Конгресса во главе с независимым юристом Лоуренсом Уолшем, всячески изворачивался, был уличен в получении крупной денежной суммы от спецслужб. Однако прямых оснований для привлечения его к уголовной ответственности комиссия Уолша не нашла, и Сикорд был оставлен в покое^{716}.

В любом случае незаконное финансирование никарагуанских «контрас» правительством Рейгана уже переставало быть тайной. Сложилось так, что почти одновременно с этим стали появляться сведения и об иранской афере властей. Ливанская еженедельная газета «Аль Шираа» 3 ноября 1986 года опубликовала сенсационную статью, автор которой проявил завидную информированность, хотя допускал и неточности, вполне объяснимые и простибельные в такого рода материале. В статье говорилось, что США поставляют запасные части для американских реактивных самолетов, которые находятся в собственности иранских властей, надеясь на помощь в освобождении заложников, находящихся в Ливане, что советник президента Макфарлейн и другие официальные лица США недавно побывали в Тегеране, где встречались с представителями правительства, которые просили продолжить поставку вооружений. Не было ясно, откуда журналист получил информацию. Так как редакция газеты была близка к властям Сирии, многие комментаторы высказывали предположение, что сведения были получены именно из этого источника, видимо, для того, чтобы осложнить отношения между США и Ираном, укрепив сирийское влияние в этой стране.

Так зародился и затем с головокружительной скоростью стал разворачиваться скандал. Было ясно, что политические противники вполне могут обвинить Рейгана в нарушении закона и поставить вопрос об импичменте, что ему необходимо срочно позаботиться о своей репутации.

Это было тем более важно, что «акулы пера» тотчас позаботились о том, чтобы дополнить небылицами ту информацию, которая соответствовала действительности. Назывались порты то Италии, то Испании, откуда якобы в восточном направлении шли корабли с американским вооружением, предназначенным для Ирана. Рейгана обвиняли чуть ли не в предательстве национальных интересов и раздувании военного пожара на Ближнем Востоке.

Попав в совершенно новую, неблагоприятную ситуацию, Рейган оказался к ней не подготовлен. Сказывались, по всей видимости, различные факторы: уверенность в правильности своей линии; в целом успешная реализация всех основных мероприятий, прежде всего в области оборонной и внешней политики; уверенность после выборов 1984 года в том, что подавляющее большинство американцев поддерживают его курс и его лично; весьма пожилой возраст, при котором все труднее было адекватно реагировать на быстро изменяющуюся ситуацию.

13 ноября Рейган выступил по телевидению и радио^{717}. Вся его речь была посвящена тому, чтобы свести на нет всевозможные сообщения, в основном действительно ложные, о поставках американского вооружения Ирану. Президент не отрицал полностью те факты, что его сотрудники поддерживали секретные связи с иранскими деятелями. Он признал, что в течение последних полутора лет представители США «предпринимали секретные дипломатические инициативы по отношению к Ирану». Их целью являлось, говорил Рейган, положить конец кровавой ирано-иракской войне, восстановить мир в регионе, добиться освобождения американских заложников. Вскользь было сказано и о том, что он, президент, утвердил поставку Ирану «небольшого количества оборонительных систем», что это, мол, был сигнал иранским властям, что США готовы перейти от полной враждебности к Тегерану к «новым отношениям».

Слово «новым» было крайне неопределенным, как, впрочем, и вся речь. Какого рода вооружения поставлялись Ирану, сказано не было, но Рейган явно лукавил, заявив, что все, что было послано Тегерану, могло легко вместиться в один грузовой самолет. В речи ни слова не было сказано о финансовой поддержке и поставках оружия никарагуанским «контрас» за счет вырученных средств от сделки с Ираном, лишь мельком было упомянуто, что правительство США стоит на стороне борцов против тирании в Никарагуа.

Выступление завершалось не очень уверенным, но все же, казалось, обнадеживающим призывом к американцам принять «правильное решение», как они делали в прошлом. «Я не могу гарантировать результат. Но, как и раньше, я прошу вашей поддержки, так как верю, что вы разделяете надежды на мир на Среднем Востоке, на освобождение всех заложников и на мир, свободный от терроризма. Конечно, в этом деле существуют риски, но еще больший риск последует, если мы не будем действовать. Надо быть терпеливыми и понятливыми; надо продолжать сопротивление тем, кто совершает террористические акты; надо продолжать сотрудничество с теми, кто стремится избавить мир от этого

бедствия».

Фактически из контекста выступления Рейгана следовало, что иранские фанатики-фундаменталисты, стоявшие у власти, относились к тем, кто выступал против терроризма. Президент на этот раз явно говорил не совсем то, что желательно было от него услышать американцам. Он был безусловно растерян и почти не скрывал этого.

В то же время не соответствуют истине утверждения некоторых авторов, в том числе и серьезного исследователя биографии Рейгана Дж. Вейсберга, что президент вообще отрицал отправку оружия Тегерану^{718}. Этот факт, как мы только что видели, им признавался даже в речи, обращенной к американцам, хотя и сильно преуменьшался.

Через неделю, 19 ноября, состоялась очередная пресс-конференция, которую президент открыл довольно длинным вступлением, посвященным все той же проблеме — поставкам оружия Ирану^{719}. Рейган теперь признавал, что его решение было «глубоко противоречивым», что даже те, кто его поддерживал, считали ошибкой поставлять Ирану вооружение. Хотя Рейган повторял, что был убежден в правильности своего решения, эти слова свидетельствовали о фактическом признании нереальности использования тайных контактов с иранскими лидерами во имя освобождения заложников и тем более для скорейшего завершения войны. Президент сообщил об отмене своего решения о поставке вооружений Ирану.

Последовала масса вопросов, причем журналисты, ободренные явной нерешительностью президента, не стеснялись в выражениях. От Рейгана требовали объяснить, почему он долгое время обманывал Конгресс, его обвиняли в лживом отрицании непосредственной связи между поставками оружия и освобождением заложников, спрашивали, сознает ли он, что доверие к нему резко упало, что он проявлял и проявляет двуличие. Некоторые вопросы, например представителя компании Си-би-эс Уильяма Плента, по существу были обвинительными речами.

Кое-кто из журналистов, явно в угоду президенту, попытался задавать и другие вопросы, в частности об отношениях США и СССР, и Рейган под смех присутствующих заявил, что с удовольствием перешел бы к новой теме. Однако пресса вновь и вновь возвращалась к иранскому сюжету, а Рейган все чаще отказывался отвечать на вопросы, заявляя, что они ставят под угрозу жизнь американских заложников. Таким нехитрым способом он пытался уклониться от ответов. В нескольких случаях над Рейганом просто смеялись. Слышались и обвинения в некомпетентности, в частности когда

он заявил, что противотанковые ракеты, которые поставлялись Ирану (он был вынужден крайне неохотно признать этот факт), — всего лишь небольшие устройства, которые запускают «с плеча». Журналисты тут же разъяснили президенту, что речь идет о ракетах класса «земля — земля», запускает которые со специальной установки целое подразделение.

Это была, пожалуй, первая пресс-конференция, на которой Рейган попросту растерялся, оказался не в состоянии противостоять напору возмущенной общественности. Немаловажно отметить, что это было еще до того, как в стране стало широко известно о прямом нарушении законодательства о запрещении использовать государственные средства для оказания помощи никарагуанским «контрас». Как отмечает Дж. Вейсберг, эта пресс-конференция стала для Рейгана просто катастрофической^{720}. Впрочем, за ней последовали новые, не менее опасные для президента встречи с журналистами, свидетельствовавшие, что последние годы его пребывания у власти оказались омрачены самим фактом открытости американского общества, невозможностью или крайней затруднительностью скрыть что-либо важное от опытных журналистов, которые, в свою очередь, оказывают большое влияние на основную массу населения.

Расследования и отставки

Слухи множились, сотрудников аппарата Белого дома и министров обвиняли в растрате государственных средств, в коррупции, и Рейган принял решение провести внутреннее расследование. По его заданию министр юстиции Миз распорядился срочно проанализировать юридическую и финансовую стороны оружейной сделки с Ираном. Уже в двадцатых числах ноября 1986 года комиссия Миза установила, что из 30 миллионов долларов, которые заплатили иранцы, оприходовано было только 12 миллионов. Куда подевались остальные 18 миллионов, было непонятно. Можно, однако, предположить, что отсутствие четкой документации привело к тому, что часть этих средств была похищена.

Неизвестно, легче ли стало Рейгану, когда советник по национальной безопасности Пойндекстер представил ему меморандум О. Норта на имя Макфарлейна, что средства, получаемые от сделки с Ираном, должны, по крайней мере частично, предоставляться на нужды никарагуанских «контрас» и что сам Рейган ранее одобрил этот меморандум. В меморандуме вполне четко говорилось, что в том случае, если Конгресс

отвергнет план финансовой помощи «войне, которую ведут противники» никарагуанского режима, должны быть найдены другие «доноры», преимущественно за рубежом^{721}. Пойндекстер также напомнил, что Норт по поручению Рейгана в конце марта — начале апреля 1985 года вносил в свой меморандум уточнения, которые более определенно указывали на привлечение различных денежных средств в помощь никарагуанским противникам режима, ведущим вооруженную борьбу.

Тем временем стали поступать неопровержимые факты, что некоторая часть средств от сделки с Ираном действительно направлялась на поддержку антиправительственных сил Никарагуа. 25 ноября была созвана очередная пресс-конференция, на которой Рейган это признал^{722}.

Судя по дневнику президента, он действительно не был посвящен в детали. Но в то же время ему было исключительно выгодно не вникать в подробности явно незаконных операций. Накануне пресс-конференции Рональд записал в дневнике: «Норт не говорил мне об этом. Хуже того, Джон П[ойндекстер] узнал об этом, а мне ничего не сказал. Это может привести к их отставке»^{723}.

Действительно, уже на следующий день после пресс-конференции от имени президента было объявлено об увольнении подполковника Норты и «добровольной» отставке вице-адмирала Пойндекстера. Становилось ясно, что Рейган не собирается брать под защиту своих близких помощников, что он готов практически предать их, передав в руки правосудия, чтобы сохранить свое реноме и, возможно, избежать импичмента. Рейган явно не собирался следовать по тому пути, который чуть было не привел к импичменту Р. Никсона.

Сознавая, что ему предстоит трудное время, и пытаясь хотя бы как-то облегчить свою участь, О. Норт всю ночь, согласно данным Дж. Вейсберга, вместе со своей секретаршей Фон Холл уничтожал компрометирующие его бумаги, которых в служебном кабинете оказалось немало. Некоторые важные бумаги Холл вынесла из здания, спрятав их под одеждой^{724}.

В отношении Пойндекстера Рейган был очень осторожен: тот владел обширной секретной информацией, которую президент предпочитал не оглашать. Собрав аппарат Белого дома и ряд министров в полуподвальном ситуационном зале резиденции (здесь еще со времен Второй мировой войны проводились наиболее важные совещания), президент сообщил, что его помощник по национальной безопасности не несет ответственности за происшедшее, так как «не был полностью информирован о сущности деятельности, предпринятой в связи с этой инициативой». Примерно то же

было повторено вновь созванным избранным журналистам в зале для пресс-конференций.

Вся достаточно грязная история была изложена вначале в краткой форме Рейганом, а затем более подробно министром юстиции Э. Мизом так, будто именно вашингтонская администрация была инициатором раскрытия незаконных сделок, которые совершались за спиной высшей исполнительной власти. Миз, в частности, «разъяснил» прессе, что согласно расследованию, проводимому назначенными им экспертами, Норт являлся единственным правительственным чиновником, который был полностью в курсе дела передачи государственных средств «контрас», воюющих «против марксистского сандинистского правительства в Никарагуа».

Совершенно очевидно, что сама эта формулировка, приписывавшая сандинистам «марксистский» характер, была избрана администрацией для того, чтобы как можно больше смягчить возможные удары по власти Рейгана. В условиях еще продолжавшейся холодной войны незаконные операции против «марксистского», то есть советского, влияния оказывались в глазах значительной части наблюдателей оправданными и затрудняли преследование тех, кто эти операции совершал. Что же касается Пойндекстера, то Миз несколько уточнил крайне неопределенную формулировку Рейгана, заявив, что первый «что-то знал о происходящем», но не информировал президента.

Сообщения об этой истории под крупными заголовками появились в американских газетах на следующий день, а затем облетели мировую прессу^{725}.

Практически отказавшись от публичной поддержки своих помощников, Рейган в то же время явно сочувствовал им. Выяснив через спецслужбы, что Норт покинул Вашингтон и на первое время укрылся в некоем мотеле в штате Виргиния, Рональд лично позвонил ему, поблагодарил за службу и даже назвал героем. Вполне естественно, что при первой же возможности Норт сообщил об этом прессе^{726}. Своим звонком президент, безусловно, стремился блокировать негативные высказывания Норты о нем лично на следствии, которое, как понимал Рейган, почти неизбежно.

Стремясь создать впечатление максимальной объективности, Рейган назначил новую комиссию по расследованию под руководством бывшего сенатора Джона Тауэра. Одновременно министр юстиции Миз по своей инициативе создал еще одну группу по расследованию этого дела, которую

возглавил юрист Лоуренс Уолш. Оба руководителя следствия считались людьми объективными, и Рейган очень надеялся, что они вынесут ему своего рода «оправдательный приговор». Судьба бывших подчиненных интересовала его в меньшей степени, однако от того, как повернется их дело, в какой-то мере зависела и его собственная участь.

Комиссия Тауэра была назначена Рейганом 1 декабря 1986 года. Ее руководитель, бывший сенатор-республиканец от штата Техас, был человеком надежным, как и члены комиссии: бывший госсекретарь Эдмунд Маски и бывший советник по национальной безопасности Brent Скоукрофт.

Тауэр во время предвыборной кампании 1980 года не поддерживал Рейгана, а позже выступал против его стратегической оборонной инициативы. Хотя затем он и выполнял некоторые поручения президента, в частности во время переговоров с СССР, но рассматривался как деятель, который не будет покрывать ни самого президента, ни его подчиненных. Основным заданием, которое получил Тауэр, была проверка законности действий членов Совета национальной безопасности по вопросам, связанным с поставками оружия Ирану и снабжения денежными средствами и другой помощью никарагуанских противников сандинистов.

Работала комиссия недолго, но с формальной точки зрения весьма эффективно. Были опрошены около восьмидесяти свидетелей, в том числе и сам президент.

Уже 26 февраля 1987 года комиссия представила свой довольно обширный (около двухсот страниц) доклад. Экземпляр доклада руководитель комиссии вручил президенту. Во вводной части доклада указывалось, что комиссия была образована президентом, чтобы «выявить все факты», касающиеся обеих проблем: продажи оружия Ирану и снабжения им «контрас»^{727}. Факты оказались, мягко говоря, весьма скромными. Основной упрек был сделан в адрес директора ЦРУ Кейси и только в том, что он не предупредил президента о рискованности операций и не известил об этом Конгресс, как это полагалось по закону. Президента деликатно упрекнули в ненадлежащем стиле управления и недостаточном внимании к деталям проводимой политики^{728}.

Иначе говоря, Рейган и тем более его непосредственные подчиненные, как благоразумно отправленные в отставку, так и действующие, вроде бы могли вздохнуть свободнее.

Но, как оказалось, оснований для этого не было.

Хотя комиссия независимого судьи Лоуренса Уолша, которая начала

работу 19 декабря 1986 года, и была образована рейгановским министерством юстиции, но оказалось, что этот деятель и привлеченные им сотрудники не собираются щадить подчиненных президента, хотя к самому Рейгану отнеслись сравнительно лояльно. В Национальном архиве Соединенных Штатов сохранилась огромная документация комиссии Уолша, которая работала до 1993 года^{729}. Заключительный доклад комиссии был опубликован отдельной книгой^{730}.

Уолш привлек к расследованию опытных юристов и следователей, образовал три центра следствия (в Вашингтоне, Нью-Йорке и Оклахома-Сити). В связи с тем, что депутаты Конгресса от Республиканской партии, также создавшие комиссию по расследованию, намеревались объявить иммунитет бывшим советникам по национальной безопасности и членам их аппарата, Уолш усилил следовательскую работу. В результате была доказана вина в нарушении законодательства США нескольких десятков политических деятелей и чиновников, причем степень нарушений целым рядом этих лиц была такова, что они подлежали судебному преследованию в уголовном порядке.

По представлению комиссии Уолша 16 марта 1988 года было начато уголовное дело против 23 основных виновников, главными среди которых были министр обороны К. Вайнбергер, бывшие помощники президента по национальной безопасности Р. Макфарлейн и Дж. Пойндекстер, О. Норт, отставной генерал Р. Сикорд, один из посредников в поставках оружия Ирану А. Хахим.

Правда, арестованы были только некоторые второстепенные обвиняемые по этому скандальному делу. Главные обвиняемые использовали американскую судебную систему, дающую право многократных обжалований обвинений — до тех пор, пока наследник Рейгана в Белом доме Джордж Буш не объявил о их помиловании. О. Норт, человек, в наибольшей степени изобличенный в противоправных действиях, избежал наказания, вступив в «сделку со следствием», дал подробные признательные показания, затем выступил в комиссии Конгресса по расследованию с детальным изложением фактов незаконных операций и получил иммунитет со стороны высшего законодательного органа. Макфарлейн пытался покончить жизнь самоубийством, но был выведен из состояния комы.

Активисты Демократической партии, как и всевозможные противники секретных государственных служб злорадно ожидали, что главным обвиняемым станет директор ЦРУ Кейси. Однако за день до того, как

Кейси должен был давать показания, он был госпитализирован в связи с сильными головными болями. Медицинское обследование показало, что у него рак головного мозга в последней стадии. Кейси скончался через несколько месяцев.

В средствах массовой информации живейшим образом обсуждалась вина (или невиновность) президента. Однако в разгар расследования Рейган в очередной раз заболел. В январе 1987 года он перенес операцию по удалению предстательной железы. Опухоль оказалась доброкачественной. Однако сказывался возраст, и период выздоровления на этот раз оказался более долгим. Как и ранее, президентских полномочий он Бушу не передавал, однако от контактов с прессой всячески уклонялся и временно прекратил пресс-конференции.

Все же на вопросы комиссий Тауэра и Уолша Рейган был вынужден отвечать. Тауэр и члены его комиссии встречались с президентом дважды. В первый раз Рональд заявил, что утвердил поставки оружия Ирану в 1985 году. Перед второй встречей он проконсультировался со своими помощниками, в частности с руководителем аппарата Белого дома с февраля 1987 года Говардом Бейкером, бывшим республиканским сенатором от штата Теннесси, который имел репутацию «великого примирителя»^{731}.

По его совету Рейган изменил показания. Когда комиссия явилась к нему повторно, он, отвечая на главный вопрос, прочитал заранее подготовленный текст, в котором говорилось, что он ничего не знал до 1986 года. Вслед за этим Рейган направил комиссии Тауэра письмо (а его копию — комиссии Уолша), в котором вновь изменил показания: «Единственный честный ответ состоит в том, что несмотря на все усилия, я не смог вспомнить, одобрил ли я замену израильских материалов в августе 1985 года»^{732}.

Можно полагать, что это была просто игра, которой Рейган пользовался в удобных для него случаях неоднократно: все же президенту было уже 76 лет, и обвинить его в сознательной «забывчивости» было уже нелегко. В результате обе комиссии просто оставили президента в покое. Не только не был поставлен вопрос об импичменте, но, как мы уже отмечали, и упреки в его адрес были несущественными.

После доклада комиссии Тауэра, который Рейган счел для себя весьма благоприятным, 4 марта он выступил по телевидению^{733}. Речь производила странное впечатление своей противоречивостью и непоследовательностью. Президент пытался убедить сограждан, что, как и

раньше, говорит им только правду, но тут же признавал, что это не всегда соответствовало действительности: «Несколько месяцев назад я говорил американскому народу, что не занимался продажей оружия, чтобы освободить заложников. Мое сердце и мои лучшие намерения продолжают говорить мне, что это правда, но факты свидетельствуют, что это не так. Как докладывает комиссия Тауэра, то, что начиналось как стратегическое открытие Ирана, превратилось в своем применении в нечто гнилое, в торговлю оружием за заложников. Это превратилось, вопреки моим намерениям, в политику администрации... Произошло это по многим причинам, но это не освобождает от ответственности. Это была ошибка. Я предпринял инициативу по Ирану, чтобы установить отношения с теми, кто мог стать руководителями в правительстве после Хомейни».

Итак, президент оправдывал свои решения и действия и одновременно признавал их ошибочными. Выступление свидетельствовало о его глубокой растерянности, он впервые почувствовал уязвимость своей власти. Ему, безусловно, было крайне досадно, что это происходит в конце его пребывания на президентском посту, когда он уже чувствовал тяжесть прожитых лет, усталость и задумывался о наследии, которое оставит американцам. Он все еще бодрился, старался вести самый активный образ жизни, вникать во все административные дела. Рональд Рейган прилагал все усилия, чтобы завершить свое вторичное президентство подобно старым голливудским фильмам: счастливым концом — хеппи-эндом.

Глава 16

КОНЕЦ ПРЕЗИДЕНТСТВА И ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

«Хромая утка»

К концу второго президентского срока Рональд Рейган действительно сильно постарел, и, самое главное, — у него стала сильно ухудшаться память, он плохо помнил события самого недавнего времени. Своему лечащему врачу Лоуренсу Муру он говорил с некоторым оттенком иронии: «Я должен был сказать вам три вещи. Первая: у меня появилась некоторая тревога по поводу моей памяти. Остальные две я позабыл»^[734].

В определенном смысле, как, например, в связи со скандалом «Иран-контрас», действительное ухудшение памяти президентом подчас достаточно ловко использовалось.

В то же время восприятие окружающей действительности у Рейгана несколько притупилось. Прежней остроты оценок у него уже не было. В этих условиях значительно увеличилось влияние на него супруги. Мнение и подчас субъективные оценки Нэнси становились весомыми при принятии кадровых решений. Именно по ее настоянию был отправлен в отставку руководитель аппарата Белого дома Дональд Риган, который, как она считала, должным образом не защищал президента от нападков в связи с ирано-никарагуанским скандалом. На самом деле, как свидетельствуют источники, Риган возражал против бесцеремонного вмешательства Нэнси в государственные дела. Их окончательная ссора произошла, скорее всего, после того, как Нэнси пожаловалась мужу, что в ответ на ее очередное пожелание, высказанное по телефону, Риган просто положил трубку, ничего ей не ответив. Так, после двухлетнего верного служения шефу на посту руководителя аппарата, за что его даже прозвали премьер-министром Рейгана, Риган был заменен Говардом Бейкером.

Сам же Риган объяснял свои «разногласия» (правильнее было бы сказать — ссору) с первой леди тем, что она общалась с некой дамой-астрологом из Сан-Франциско. Ее имя не называлось, но позже журналисты установили, что речь шла о Джоан Квигли, которая давала

политические рекомендации Нэнси, а та передавала их своему супругу. Впрочем, сам Риган, раздосадованный несправедливой отставкой, явно преувеличивал, сообщая: «Действительно, каждое крупное намерение или решение, которые принимали Рейганы (обратим внимание, что супруга выступала здесь на равных с президентом. — Г. Ч., Л. Д.) во время моей работы руководителем аппарата Белого дома, предварительно согласовывались с женщиной из Сан-Франциско, которая составляла гороскопы, чтобы убедиться, что расположение планет благоприятно для данного предприятия»^{735}.

Джоан Квигли, астролог и писательница, автор двух книг по астрологии, в 1990 году выпустила сенсационные мемуары, в которых всячески превозносила себя за участие в принятии государственных решений, о чем свидетельствовало даже само название ее произведения — «Что говорит Джоан? Мои семь лет в качестве астролога Белого дома у Нэнси и Рональда Рейган»^{736}.

Если же возвратиться к последним годам пребывания Рейгана в Белом доме, то необходимо отметить, что это было время, когда авторитет президента действительно стал падать. Менее чем за полгода, с октября 1986-го по март 1987 года, его рейтинг упал на 20 процентов — с 63 до 43 процентов. Рональд был вынужден написать в мемуарах: «Впервые в жизни люди мне не доверяли»^{737}.

В последние полтора года президентства наряду с явными успехами внешней политики Рейгана преследовали политические и личные неудачи.

В октябре 1987 года сенат отказался утвердить президентского кандидата Роберта Борка на место в Верховном суде, ставшее вакантным после отставки умеренного судьи-центриста Льюиса Пауэлла. Сам Борк также ранее не считался крайним, но было известно, что он посещает Белый дом и явно будет благосклонно относиться к мероприятиям Рейгана. Демократы и некоторые республиканцы в сенате решили дать бой президенту, фактически выразить ему недоверие, отказавшись утвердить его ставленника. Сразу же после выдвижения сенатор-демократ Эдвард Кеннеди, пользовавшийся не столько личным авторитетом, сколько авторитетом своего клана, выступил с сенатской трибуны с громогласным заявлением, которое транслировалось по телевидению. Вопреки известным фактам Кеннеди провозглашал: «Америка Роберта Борка — это страна, в которой женщин заставляют делать тайные аборты, черные должны обедать за особыми столами, грубые полицейские могут врывать в дома граждан после полуночи, школьникам нельзя преподавать теорию

эволюции, писатели и художники должны подвергаться цензуре по прихоти правительства, а двери федеральных судов должны быть закрыты для миллионов граждан»^{738}.

Все эти сколь патетические, столь и несправедливые речи произносились в адрес Борка, но предназначались президенту и означали, по существу дела, начало очередной избирательной кампании, борьбы демократов за устранение из Белого дома соперников-республиканцев.

Кампания против Борка была настолько острой и озлобленной, что журналисты даже придумали новый глагол *to bork*, имевший явно иронический смысл, который стал обозначать «преследовать», «изничтожать». Слово это, правда, не вошло в академические словари, но в обыденном лексиконе стало довольно популярным.

Если учесть, что перед этим Рейган уже выдвигал в Верховный суд члена федерального апелляционного суда Дугласа Гинсбурга, который даже не дошел до сената и снял свою кандидатуру, когда в прессе появились сведения, что в молодые годы он курил марихуану (это было ударом для Рейгана и особенно для его жены, развернувших ранее массированную кампанию против наркомании), то становилось ясно, что в вопросе о кандидатах в Верховный суд президент потерпел двойное поражение.

Ему пришлось в конце концов согласиться на выдвижение в высший судебный орган явного либерала Энтони Кеннеди, который был известен как ярый поборник права женщин на аборт, что считалось недопустимым для сторонников Республиканской партии. Добившись своего, сенаторы проголосовали за Энтони Кеннеди, явно унизив президента, вынужденного пойти у них на поводу.

Октябрь 1987 года стал для Рейгана крайне напряженным еще и потому, что в этом месяце произошло стремительное падение курса ценных бумаг на фондовом рынке, вызванное различными экономическими причинами, но приписывалось оно политическими противниками несостоятельности «рейганомики», определялось как крах всей хозяйственной политики президента.

День 19 октября 1987 года вошел в социально-экономическую историю США как «черный понедельник». За один этот день основной экономический и финансовый индекс страны (индекс Доу-Джонса, в обиходе — Доу-Джонс) упал почти на четверть — на 22,6 процента. Что же произошло?

Последующие исследования и оценки опровергли доводы рейгановских противников. Было доказано, что, несмотря на всю парадоксальность, биржевой крах произошел как раз на фоне и в

значительной степени по причине того, что в предыдущие годы экономика страны двигалась вперед, то есть рейганомика давала в основном положительные результаты.

У рядовых граждан, не только мелких и средних предпринимателей, но и у тех, кто прямого отношения к экономике не имел (чиновники, работники медицины и образования, лица свободных профессий и т. п.), появлялись дополнительные средства, которые они могли вкладывать в акции и другие ценные бумаги, причем курс их на рынке постоянно колебался. В этих условиях чуть более значительное колебание в отрицательную сторону могло вызвать панику, массовый сбыт ценных бумаг, что практически неизбежно вело к их обесцениванию и биржевому краху. Все эти исследования, между прочим, поставили под серьезное сомнение некоторые не только политико-экономические догмы, но и теории других гуманитарных отраслей, например теорию рыночного равновесия, теорию рационального поведения людей и т. п.

Как было широко известно, индекс Доу-Джонса с 1982 года в основном рос, причем за 1985–1987 годы увеличился почти вдвое. Реальное развитие экономики не поспевало за ростом курса ценных бумаг. В этих условиях события, в какой-то мере случайные, привели к массовой продаже акций, скупке и перепродаже их спекулятивными биржевыми дельцами, общей тревоге, которая и вызвала падение Доу-Джонса и, как результат, обеднение, а в некоторых случаях разорение ряда компаний.

Эксперты указывали на ряд таких факторов: финансовые органы Западной Германии несколько усложнили покупку американских финансовых документов; в Японии было усложнено налоговое законодательство, что привело к сокращению покупок ценных бумаг США; министр финансов США Джеймс Бейкер выступил по телевидению с осторожным предупреждением, что не следует слишком увлекаться игрой на финансовом рынке, а это привело к противоположному результату.

Сыграло свою роль и несовершенство современной электронной техники. Компьютеры, которые во все большей степени использовались во всех крупных финансовых операциях, не были еще достаточно мощными. Они просто не успевали обрабатывать новые данные и зачастую даже выходили из строя. Принтеры не успевали печатать новые финансовые требования вкладчиков, информация в среднем выдавалась с опозданием примерно на час, а за это время у паникующих вкладчиков возникали новые запросы, которые биржа не успевала обрабатывать. В результате возникла серьезная финансовая путаница. В середине дня 19 октября Комиссия по ценным бумагам США объявила, что, вероятно, возникнет

необходимость временно приостановить работу фондовой биржи, а это вызвало уже настоящую панику.

В этих условиях рейганомика, а конкретнее говоря, ее финансовая составляющая, которая сохраняла возможность государственного вмешательства в кризисных ситуациях, проявила свою жизнеспособность. Государство в лице Федеральной резервной системы (ФРС), занимавшейся операциями с долларами, располагало значительными финансовыми ресурсами.

В полной мере сказалась важность существования ФРС, то есть фактически центрального государственного банка, располагавшего функциями контроля над всей банковской системой страны. По инициативе председателя ФРС Алана Гринспена, занявшего свой пост за два месяца до рассматриваемых событий и проявившего уверенность и жесткость в принятии и проведении судьбоносных для экономики решений, было объявлено о широкомасштабном выкупе облигаций и акций, что позволило в течение нескольких дней практически стабилизировать денежный рынок и предотвратить перерастание денежного кризиса в экономический. «Черный понедельник» 1987 года в результате не оказался подобным «черному четвергу» в октябре 1929 года, который дал старт Великой депрессии 1929–1933 годов.

В течение нескольких дней после «черного понедельника» Доу-Джонс продолжал падать, но уже незначительно, а затем рынок стабилизировался. Экономика Соединенных Штатов не только выжила. Оказалось, что существуют определенные рычаги, позволяющие преодолеть внезапные и острые финансовые и вытекающие из них общеэкономические катастрофы, которые возникают зачастую в результате комплекса случайных причин и могут перерасти во всеобщий обвал, если не предпринять адекватных мер.

Все это стало ясно, однако, позже, пока же Рональд Рейган, узнававший новости о «черном понедельнике» не быстрее, чем все остальные американцы, просто растерялся, не знал, что предпринять и следует ли вообще предпринимать какие-либо государственные меры. В том, что президент не отреагировал на происшедшее событие в очередном обращении к нации, многие журналисты увидели или безразличие, или некомпетентность в финансовых вопросах.

Действительно, в конкретных вопросах микроэкономики президент отнюдь не был знатоком. Он явно не желал становиться посмешищем для журналистов и специалистов. От его имени Белый дом сообщил, что президент воздержится от комментариев по поводу «черного понедельника», чтобы не создавать еще большего беспокойства.

Комментаторы сочли это решение разумным^{739}.

Не очень понимавший тонкости экономики и тем более финансов, Рейган значительно лучше разбирался в людях. Он с интересом читал разработки нештатного сотрудника ЦРУ финансового эксперта Алана Гринспена, который отвечал за сбор статистических данных по СССР и давал, по мнению президента, вполне объективные оценки. Рейган заинтересовался Гринспеном. Президенту доложили, что небольшая консультационная фирма, которую Гринспен возглавлял, отличалась точностью и доказательностью финансовых оценок и прогнозов. Проникшись доверием к этому финансисту, Рейган 2 июня номинировал Гринспена, а 11 августа 1987 года сенат утвердил его председателем совета управляющих, то есть руководителем ФРС.

Если учесть, что произошло это, когда фондовый рынок переживал значительные колебания, то можно считать, что решение это оказалось точным и своевременным, в значительной мере предотвратившим экономическую катастрофу. Гринспен продержался на посту руководителя основного финансового инструмента правительства США до 2006 года, оставив этот пост накануне своего восьмидесятилетнего юбилея и вошел в историю как крупнейший руководитель мощной системы регулирования денежного рынка.

Жесткий сторонник свободной, либеральной экономики (хотя и умеренный консерватор в политике), Рональд Рейган, как оказалось, был в состоянии поступиться догмами, когда речь шла о практической целесообразности.

Финансово-экономическая встряска в октябре 1987 года была для Рональда Рейгана особенно тяжелой, потому что фактически совпала с сугубо личными переживаниями: у его жены был обнаружен рак молочных желез. Опухоли не были большими, и обнаружить их удалось только при помощи сравнительно нового способа — маммографии. Операция прошла успешно. Сама Нэнси, а вместе с ней и ее супруг использовали операцию в морально-политических целях.

По их решению, сведения о болезни и операции первой леди передавались прессе, которая внимательно следила за тем, что происходило в президентской семье. Рейганы использовали успешное удаление злокачественной опухоли для пропаганды маммографии. В специальном сообщении медицинской службы Белого дома говорилось: «Врачи не в состоянии обнаружить раковую опухоль методом пальпации, если диаметром она меньше одного сантиметра. Подсчитано, что требуется примерно пять лет, чтобы опухоль выросла от одной клетки до такого

размера. Но врачи могут обнаружить и меньшие опухоли благодаря маммографии».

Газеты сообщили, что Рональд находился в палате своей жены, когда она пришла в себя после наркоза. Записаны были его первые слова: «Дорогая, мы не можем потанцевать, но давай хотя бы подержимся за руки»^{740}. Это, безусловно, было выражением подлинных чувств уже весьма пожилого президента, но в то же время и своеобразная акция, направленная на пропаганду современной медицинской технологии.

Впрочем, сотрудники больницы заметили, что Рональд, находясь во время операции в комнате для посетителей, вдруг потерял самообладание и заплакал, как ребенок^{741}.

Серьезные биографы сходятся во мнении, что Нэнси Рейган не обладала глубоким умом. Она интересовалась политиками как личностями, охотно общалась с ними, но сознательно отходила в сторону, когда речь заходила о материях, которые были выше ее понимания. Рональда это вполне устраивало, и, по общему мнению родных и близких, а также объективных биографов, их связывали прочные семейные узы в течение всей совместной жизни.

Уход из Белого дома

Тем временем завершался срок второго президентства Рональда Рейгана. В 1988 году новым президентом США был избран его вице-президент Джордж Буш, который на протяжении восьми лет был молчаливым помощником Рейгана, однако исправно учился у него политическому руководству, политическому поведению и мастерству. Уходя на покой, Рональд был удовлетворен, что передает страну в руки своего верного последователя.

11 января 1989 года Рейган выступил с прощальным обращением к нации, которое транслировалось по телевидению и радио^{742}. Это было не только прощание с Белым домом, с Вашингтоном, со своими согражданами. Это была попытка своеобразного и сравнительно подробного отчета о том, что было сделано за последние восемь лет, — о том, что он, не боясь этого слова, называл «рейгановской революцией». «Я принимаю этот термин, — говорил он, — но для меня все это было подобно крупному открытию: я заново открывал для себя наши национальные ценности, наш здравый смысл».

Разумеется, никакой революции Рейган не осуществил, но гордился, что и во внутренней, и во внешней политике он и его помощники сделали немало. Правда, судя по тексту выступления, Рональд почти сразу отклонился от делового тона и перешел на лирические интонации: как грустно и вместе с тем радостно ему расставаться с Белым домом и Вашингтоном. Он говорил: «Одна из сторон президентства состоит в том, что он всегда в каком-то смысле находится в стороне от окружающего мира. Он проводит много времени в быстро движущейся машине, смотрит на людей сквозь тонированные стекла... и не в состоянии ответить на приветствия. А как много раз я хотел остановиться, выбраться из-за этих стекол и пообщаться с вами. Что ж. Может быть, я смогу сделать нечто подобное теперь... Люди говорят, что расставание — это сладкая печаль. Сладкая часть — это Калифорния, и ранчо, и свобода. Печаль — это прощание и необходимость покинуть это прекрасное место».

Безусловно, центральное место в прощальном обращении занимали слова о том, что постоянно находилось в центре внимания Рейгана — губернатора, президента, политика: убежденность в исключительности американской нации. Торжественным и вместе с тем печальным голосом киноактера, так до конца и не расставшегося со своей первой профессией, он произносил: «В последние несколько дней, когда я смотрел из окна наверх, я думал о «сияющем городе на холме». Эта фраза принадлежит Джону Уинтропу^[49], который написал ее, представляя себе Америку. То, что ему представлялось, — важно, потому что он был первым пилигримом, первым человеком свободы. Он путешествовал на том, что теперь мы назвали бы маленьким деревянным корабликом, и, подобно другим пилигримам, он стремился иметь свой дом. Я говорил о сияющем городе всю свою политическую жизнь, но я не знаю, смогу ли передать то, что я чувствовал, когда говорил об этом. Однако в моем сознании это был высокий, гордый город, построенный на скалах, выдерживающих волны океана, силу ветров, благословенный Господом и населенный людьми всякого рода, живущими в гармонии и мире. И если у города есть стены, то в этих стенах есть и ворота, открытые каждому человеку с доброй волей. Вот как я себе представлял его и представляю сейчас».

Рейган завершал свою прощальную речь словами о том, что его «сияющий город» выдержал все бури, стал более процветающим, более безопасным, чем восемь лет назад: «Он прочно стоит на гранитной вершине, и его слава столь же прочна, несмотря на любые штормы. И он остается подлинным маяком, магнитом для всех, кто стремится к свободе, для всех пилигримов из потерянных мест, для всех, кто стремится сквозь

тému к своему родному дому».

При всей очевидной выпренности, даже вычурности, это было достойное прощание со своими избирателями, со своим народом.

20 января 1989 года, после инаугурации Джорджа Буша, Рейганы совершили последний полет на самолете номер один американского военно-воздушного флота, то есть на президентском лайнере. Новый президент предоставил перешедший ему по наследству самолет для перелета Рональда и Нэнси через всю страну — в Калифорнию, которую они считали своим родным штатом.

Рейганы поселились в Бел-Эйр, спокойном пригороде Лос-Анджелеса. Довольно большое, но скромно, в соответствии со вкусом Рональда, оборудованное поместье, было куплено в складчину группой богатых друзей президента в конце 1986 года, то есть примерно за два года до его ухода на покой, за 2,5 миллиона долларов^{743}. Согласно документам двухэтажный дом с окружающими постройками, садом и плавательным бассейном был предоставлен Рейгану в аренду с правом покупки по номиналу. В 1989 году Рейган оформил поместье в свою собственность^{744}. Он сохранил и свое ранчо, на котором предполагал проводить жаркие летние месяцы.

Бывший президент внимательно следил за работой своего преемника, за политическими событиями, особенно за тем, что происходило в СССР, а затем — как произошел распад, как исчезло с карты Земли это могущественное государство, основной противник, ставший в горбачевские годы партнером США на международной арене. Однако от практической политики Рейган отошел почти полностью.

Мемуары и Библиотека

Сразу после переезда в Калифорнию бывший президент занялся подготовкой новой книги мемуаров и созданием Библиотеки Рональда Рейгана — комплексного архивного и музейного учреждения с библиотекой, подобного тому, которые организовывались действующими или отставными президентами со времен Франклина Рузвельта.

В работе над мемуарами помогал, фактически став реальным автором книги (в США, напомним, таких лиц называют *ghostwriter*, то есть автор-призрак), историк, писатель и журналист Роберт Линдсей, еще не имевший опыта работы над мемуарами, но, как заверили Рональда друзья,

обладавший бойким пером: он опубликовал ряд детективных романов (позже Линдсей напишет текст мемуаров актера и режиссера Марлона Брандо, но на этот раз будет обозначен как соавтор)^{745}.

Книга была подготовлена очень быстро и опубликована в 1990 году. В том же году она была включена редакцией газеты «Нью-Йорк таймс» в число бестселлеров.

Солидная работа (свыше 700 страниц) содержала описание жизни Рейгана с того времени, как он помнил себя, и вплоть до завершения президентской деятельности. О своей личной жизни Рональд почти не рассказывал. Он лишь упомянул о первом браке, отметив, что из этого «ничего не вышло», хотя в браке появились двое «великолепных детей» (не было даже упомянуто, что сын Майкл был приемным). Точно так же почти ничего не было сказано о втором браке, хотя он продолжался уже более полувека. Общую оценку, однако, встретить можно: «Иногда я думаю, что моя жизнь началась только тогда, когда я встретил Нэнси».

Естественно, основная часть книги посвящена восьмилетнему президентству. Для освещения этого периода характерны особенности, обычно присущие воспоминаниям, но у Рейгана они явно проявлялись четче, чем в большинстве произведений такого рода. Он, например, вообще не упоминал некоторые эпизоды, которые, по всей видимости, считал для себя провальными или показывавшими его слабость. Но те стороны своей политической деятельности, которые он считал удачными (большинство из них таковыми действительно являлись), Рейган описывал в самых возвышенных тонах, подчас существенно преувеличивая свою роль. Среди таковых сюжетов особенно выделяются рейганомика и завершение холодной войны.

Мемуарист признавал, что некоторые намеченные его администрацией хозяйственные мероприятия в полной мере реализовать не удалось, однако причины этого относил не к недостаточной обоснованности или даже ошибочности таковых, а только к сопротивлению догматиков из Конгресса, которых волновали только их собственные интересы.

Что же касается холодной войны и ее преодоления, прежде всего в переговорах с советским лидером М. С. Горбачевым, то Рейган только в самых общих чертах, не вдаваясь в причины и сущность явлений, упоминал о глубочайших внутренних процессах, происходивших в СССР, о роли этих процессов в появлении в СССР «нового политического мышления» и вытекающих из него действий. В результате получалось, что исторический внешнеполитический поворот к мирному советско-американскому сотрудничеству произошел только благодаря активности

двоих политических деятелей — Горбачева и самого Рейгана, причем своим действиям бывший президент отводил решающую роль.

Особенно нелегко было Рейгану описывать события, связанные со скандалом «Иран-контрас». Вышел он из положения, однако, нехитрым способом — полностью отрицая личное участие в принятии решений, связанных с этим делом. Несмотря на массу опубликованных документальных свидетельств его личного участия, он формулировал существо дела так, будто лично не имел к нему никакого отношения. В этом смысле любопытна цитата из его книги: «Макфарлейн, Пойндекстер, Кейси и, я полагаю, Норт знали, как глубоки были мои чувства по поводу необходимости, чтобы «контрас» сохранились как демократическая сила сопротивления в Никарагуа. Вероятно, это знание привело их к секретной поддержке «контрас», и они не сочли необходимым докладывать мне об этом... Даже сейчас мы не имеем ответа на все вопросы». И все же, чтобы сохранить хорошую мину, Рейган заключал: «В качестве президента я стоял во главе всего, так что я нес общую ответственность»^[746].

И все же воспоминания Рейгана давали яркое представление о характере его мышления, мотивах его действий, об оценке им в допрезидентские и президентские годы основных явлений «американской жизни», как и была названа его книга. Рейган предстает на ее страницах как человек одновременно простой и властный, прошедший политический путь от поддержки либеральных (в политическом отношении) реформ Ф. Рузвельта к умеренному консерватизму и экономическому либерализму^[50]. Этот экономический либерализм Рейгана при формальном сходстве терминологии был противоположен либерализму политическому, свойственному Демократической партии. Он был проявлением присущей Республиканской партии политической опоры на традицию максимально возможного свободного рынка и сдерживания государственного вмешательства, прежде всего в хозяйственные дела, но также и во все остальные области жизни американцев.

Все эти стороны социально-экономического и политического мышления Рейгана выпукло проявляются на всем протяжении его интересной книги, представляющей собой ценный источник сведений для изучения не только его биографии (не случайно на протяжении нашего рассказа мы многократно обращались к ней), но и новейшей истории США в целом.

При всей противоречивости политической жизни Соединенных Штатов, острых конфликтах между двумя основными партиями страны

мемуары Рейгана, носившие выраженный партийный характер, в основном получили положительную оценку не только в специальных исторических изданиях, но и почти во всей прессе, рассчитанной на массового читателя.

Разумеется, во всех этих рецензиях не упоминалось имя Р. Линдсея. А его роль была немаловажной: Рейгану в его годы уже трудно было самому писать текст, перо, прежде такое послушное, подчас просто выскальзывало из рук. Но рассказчиком Рональд по-прежнему был отличным, как и в молодости. Он рассказывал Линдсею свою историю, тот исправно стенографировал, а затем, по возможности исправив фактические и хронологические неточности, читал Рейгану написанный текст. Вдвоем они что-то исправляли, добавляли и утверждали окончательный вариант той или иной главы.

Работая над мемуарами, Рейган одновременно занимался созданием своей Библиотеки.

К концу 1980-х годов в США существовали уже девять президентских библиотек: Герберта Гувера, Франклина Рузвельта, Гарри Трумэна, Дуайта Эйзенхауэра, Джона Кеннеди, Линдона Джонсона, Ричарда Никсона, Джеральда Форда, Джимми Картера. В этой области был, таким образом, накоплен немалый опыт. Так что Рейгану и тем, кто ему помогал, приходилось задумываться не столько над содержанием и характером своего учреждения, сколько над тем, чтобы обеспечить ему оригинальность и, следовательно, привлекательность для посетителей.

Собственно говоря, Рейган и его друзья задумывались о необходимости создания Библиотеки уже не один год. Еще в 1984 году было подписано соглашение с руководством Стэнфордского университета в Калифорнии, что это памятное учреждение — рейгановская библиотека — будет создано на территории его кампуса в городе Пало-Алто, неподалеку от Сан-Франциско.

Однако вскоре в университетских кругах возникли сомнения. Формально они связывались с тем, что предполагалось создать очень крупное учреждение, которое заняло бы значительную университетскую площадь, и наряду с собственно Библиотекой намечалось организовать Центр общественных отношений, в котором исследователи работали бы над политологическими и управленческими проблемами, в той или иной степени связанными с Рейганом и его президентством^{747}.

В левых кругах преподавателей и студентов Стэнфорда возникли энергичные протесты против создания на территории учебного заведения, находящегося вне политики, центра, который будет носить не просто политический, а к тому же консервативный характер. Вначале

администрация университета попыталась смягчить противоречия, поставив условие, что Центр общественных отношений должен находиться под руководством университета, но от этого от имени президента решительно отказался руководивший переговорами старый друг и сотрудник Рейгана, в свое время член его «кухонного кабинета» и министр Э. Миз, ведущий переговоры.

Одним из аргументов Миза было то, что в Пало-Алто на территории университета уже находится крупное независимое научное учреждение — Гуверовский институт войны, революции и мира, основанный в 1919 году 31-м президентом США, принадлежавшим к Республиканской партии. Рейган и его представитель Миз соглашались на компромисс: создание общего руководства Библиотеки и Гуверовского института, однако от этого отказался университет^{748}.

Разумеется, дело было не в формальностях. Само имя Рейгана было «красной тряпкой» для леваков из университета, в котором постоянно напоминали о репрессивных действиях Рейгана против бунтовавшего студенчества в период, когда он был калифорнийским губернатором. После переговоров, которые продолжались почти три года, соглашение с университетом было аннулировано.

Образованный специально для создания Библиотеки фонд подыскал другое место — на холме, в районе городка Сими-Вэлли, который считается частью Большого Лос-Анджелеса и находится примерно в 50 километрах к северу от его центра. Сам Рональд и его близкие сочли место очень удачным. Оно было подобно тому самому «сияющему городу на холме», о котором Рейган говорил в своих выступлениях, отождествляя с этим городом всю страну.

Строительство Библиотеки началось в 1988 году, а 4 ноября 1991 года состоялось ее торжественное открытие. На празднество впервые приехали, помимо самого Рейгана, три бывших президента — Никсон, Форд и Картер и действующий президент Буш. Пресса восторженно отмечала, что это был единственный случай в истории Соединенных Штатов, когда пять президентов страны собрались вместе.

Все бывшие и действующий президент выступили на торжестве, после чего Буш предоставил слово Рейгану^{749}.

Это не было его последнее публичное выступление, но звучало оно как своего рода прощание. Он поблагодарил создателей Библиотеки и участников торжества, весь народ, служению которому он посвятил всю свою жизнь. Трогательно звучали слова благодарности Нэнси: «Я не знаю,

как рассказать, что она означает для меня, кроме одного: не могу представить свою жизнь без нее».

Выступление, безусловно, готовилось под влиянием недавно вышедшей книги воспоминаний и было своего рода ее конспектом, так как упоминались все наиболее значительные периоды и события, составившие политическую биографию Рейгана.

Соответственно позитивному настрою, характерному для Рейгана на протяжении многих десятилетий, эта речь была выдержана подобным же образом. Он говорил: «В свои 80 лет — я предпочитаю называть их 41-й годовщиной моего 39-летия (смех) — я видел то, что люди делают друг для друга и что они могут друг для друга сделать. Я видел войну и мир, обилие и голод, депрессию и процветание, болезни и здоровье. Я видел глубину страданий и вершины триумфа. И я в глубине своего сердца понимаю, что человек — хорошее существо, что справедливость непременно побеждает и что всегда есть достойная цель для каждой жизни».

Как и все остальные президентские библиотеки, это научно-просветительное учреждение было создано исключительно на частные пожертвования, которыми распорядился специально созданный Фонд президента Рейгана. На то время это было крупнейшее учреждение такого рода, стоимость которого составляла приблизительно 60 миллионов долларов^{750}.

Библиотека Рейгана стала самой большой не только по площади, но и по количеству посетителей.

В соответствии с законодательством США она находится в двойном подчинении — Фонда учредителей и Национальной администрации архивов и документации, являющейся федеральным административным учреждением. Главным достоянием Библиотеки является документальная база — свыше 50 миллионов листов оригинальных материалов, созданных самим Рейганом, членами его семьи и представителями администрации Белого дома под его непосредственным руководством. Наряду с этим в архивной части хранятся материалы Рейгана — губернатора Калифорнии и в сравнительно небольшом объеме более ранние документы. Важной частью коллекции являются видеоматериалы — свыше полутора миллионов фотографий и тысячи документальных кинофильмов и других записей^{751}.

Важной особенностью Библиотеки Рейгана по сравнению с другими учреждениями такого рода являются экспонаты на открытом воздухе, наиболее важные из которых, по мнению специалистов, — фрагмент

Берлинской стены с надписями и рисунками, сделанными во время ее разрушения, и самолет президента в качестве верховного главнокомандующего — «Военно-воздушные силы США № 1» — тот самый «Боинг-707», которым пользовались президенты начиная с Джеральда Форда и завершая Джорджем Бушем и который в 1991 году был заменен новым самолетом — «Боингом-747». Для экспонирования президентского самолета на территории Библиотеки был построен специальный павильон.

Помимо самолета в павильоне представлены и другие средства передвижения Рейгана, включая его парадный лимузин, на котором он направлялся на обе инаугурации.

Собственно говоря, и фрагмент стены, и самолет, и некоторые другие экспонаты являются фрагментом музейной части Библиотеки. Она состоит из постоянной экспозиции и тематических выставок, которые периодически сменяются. Экспозиция музея отражает деятельность Рейгана в хронологической последовательности. Среди наиболее важных и интересных объемных памятников, представленных в ней, можно отметить полномасштабное воспроизведение Овального кабинета Белого дома, автомобиль «форд-мустанг», который Рейган использовал, когда являлся губернатором Калифорнии, стол из Ситуационного зала президентской резиденции, за которым обычно сидел Рейган.

Временные выставки посвящаются самым разным сюжетам. Всеобщий интерес, например, привлекла выставка «Стиль первой леди» (2007–2008), на которой была представлена одежда Нэнси Рейган^{752}.

Библиотека проводит разнообразную исследовательскую и просветительскую работу. На базе ее документального фонда созданы десятки научных работ и популярных изданий, посвященных не только жизни и деятельности Рейгана и истории США периода его активной работы, но также другим проблемам, всевозможные сведения по которым можно почерпнуть из ее документации.

Осенью 2008 года в Библиотеке Рейгана произошла немалая неприятность. При плановой ревизии, проводимой Национальной администрацией архивов и документации, было обнаружено исчезновение около 80 тысяч тех материалов, которые в архивном деле и в других специальных исторических дисциплинах называют «артефактами»^{753}. К ним относят любые первоисточники прошлого, начиная с каждого листа архивной документации и завершая крупными, объемными памятниками старины. Предположительно, произошла кража документов (впрочем,

существенно важных среди них не было) по заданию каких-то «любителей» с преступными наклонностями.

Между руководством Библиотеки и Администрацией архивов возникла острая дискуссия: каждая из сторон выдвигала обвинения в пренебрежении своими обязанностями (архивное руководство полагало, что в Библиотеке недостаточно надежна охрана документации; руководство Библиотеки и совет директоров Фонда Рейгана считали, что архивные чиновники не обеспечили Библиотеку должными средствами для обеспечения надежной охраны фондов)^{754}.

Как часто бывает в подобных случаях, споры ни к чему не привели. Однако после этого в Библиотеке при помощи Архивного управления была начата масштабная работа по компьютерной инвентаризации материалов, что, в частности, привело к значительному упрощению работы исследователей с ними, в том числе по системе «онлайн».

Контакты постпрезидентских лет

Покинув президентский пост, Рейган в основном ушел в частную жизнь. Однако этот уход был относителен. Он продолжал общаться с американскими политиками, в первую очередь с деятелями Республиканской партии, которые навещали его как в городском доме, так и на ранчо Дель Сиело.

Там же он обычно общался с иностранными руководителями, действовавшими и отставными. В начале лета 1990 года находившийся в США президент СССР М. С. Горбачев вместе с женой посетил Рейганов на их ранчо. Рейган преподнес Горбачеву ковбойскую шляпу, которую тот надел задом наперед, но с удовольствием признал свою ошибку, когда Майкл Рейган осмелился ему на это указать. Во время полета на западное побережье Горбачев заметил границы между участками обрабатываемой земли и спросил Рейгана, как осуществляется земельное размежевание собственников. В присущей ему манере Рональд ответил поучительно: «На каждом участке стоит дом фермера, и семья фермера владеет домом и фермой — точно так же, как я владею своим домом и своим ранчо»^{755}.

Встреча завершилась в Сан-Франциско. Горбачев вспоминал: «Нас с Раисой Максимовной ждала встреча с Рональдом Рейганом и Нэнси. Вспоминали встречи в Вашингтоне и Москве, с которых начинались поиски улучшения отношений между СССР и США. Я вручил Рейгану

памятную медаль и почетную грамоту Армянской ССР за помощь в ликвидации последствий землетрясения. Перед тем как расстаться, мы вышли на балкон, и нашему взору открылся великолепный вид на город — радостный, живой белый город Святого Франциска»^{756}.

В весьма пожилом возрасте поездки по стране и тем более за рубеж Рейган предпринимал редко. Вскоре после ухода на покой он побывал в Мексике. Там он решил совершить верховую прогулку по горам. Лошадь оступилась, Рональд упал и ударился головой. В ближайшей больнице ему пришлось сделать небольшую операцию по удалению черепной гематомы^{757}.

Иногда он выступал перед различными аудиториями с чем-то средним между тематическими лекциями и воспоминаниями. Выступления собирали много слушателей, проводились в самых крупных залах, были платными (за каждое из них Рональд получал 30–50 тысяч долларов, которые в основном передавал на нужды Библиотеки)^{758}. В пригороде Лос-Анджелеса Сенчури Сити, деловом и культурном центре Калифорнии, для Рейгана было оборудовано небольшое служебное помещение, которое он регулярно посещал до конца 1989 года^{759}.

В октябре 1989 года Рейган побывал в Японии, где также выступил с циклом лекций, дал интервью телевидению и встретился с императором Акихито. Гонорар Рейгана составил внушительную сумму — два миллиона долларов^{760}. Сведений о том, на что были направлены эти средства, нет. Поездка, однако, оказалась очень утомительной, и больше «рабочих поездок» Рейган не предпринимал.

Правда, в июне 1989-го и декабре 1992 года Рональд вместе с Нэнси побывал в Великобритании, где встретился с королевой Елизаветой и членами правительства. Королева присвоила ему звание почетного рыцаря. Здесь состоялось только одно выступление — лекция в Оксфордском университете 4 декабря 1992 года. Носила она самый общий характер и продолжалась всего около 30 минут. В разных формах повторялось, что после падения коммунизма в СССР и распада бывшей «империи зла» на планете сохраняется немало «дурного», против которого следует вести непреклонную борьбу, а во главе последней должны по-прежнему оставаться Соединенные Штаты^{761}.

В сентябре 1990 года Рональд и Нэнси совершили десятидневную поездку по европейским странам. Они побывали в Западной Германии и Берлине, Польше, Италии (включая Ватикан) и СССР. В Москве состоялись встречи с Горбачевым и Б. Н. Ельциным, проявлявшим все блыбие

властные устремления в пределах Российской Федерации.

Пожалуй, единственным крупным политическим выступлением последних лет была речь на предвыборном национальном съезде Республиканской партии летом 1992 года. Это было последнее публичное выступление Рейгана. Съезд в Хьюстоне (штат Техас) состоялся для выдвижения кандидата в президенты, каковым стал действующий президент Джордж Буш.

Рейган как почетный участник съезда выступил в день его открытия 17 августа и произнес скорее торжественно-парадную, нежели деловую речь^{762}. Он выглядел моложе своих лет, скорее всего потому, что его волосы с аккуратным пробором были темно-каштановыми, удачная краска скрывала седину. Рональд говорил спокойно, свободно, казалось, что и на 82-м году жизни он сохраняет прежнюю энергию. Как и ранее, он не утратил актерских качеств, и никто не догадывался, насколько подорвано его здоровье.

Он выступал как частное лицо, но бурные аплодисменты прерывали чуть ли не каждую его фразу. Он вновь вспоминал прошедшие годы, говорил о том, что был свидетелем и рождения, и смерти коммунизма в СССР, свидетелем двух мировых войн. Он говорил об «американском столетии», о своей нации, которая «всегда остается юной» и лучшие дни которой еще впереди.

Последний раз Рейган появился на публичном собрании 27 апреля 1994 года, когда хоронили Ричарда Никсона.

Политические противники, однако, продолжали его люто ненавидеть. Дело не ограничивалось нападками на него в прессе, вплоть до того, что Рейгана называли «тефлоновым президентом» (в политической практике так стали называть деятелей, которые сохраняют высокий рейтинг, несмотря на допускаемые ими крупные просчеты).

13 апреля 1992 года в Лас-Вегасе в тот момент, когда Рейган принимал награду Национальной ассоциации радиовещания — Хрустального орла, сорокалетний Пол Спрингер набросился, собственно говоря, не на Рейгана, а на награду и разбил ее. Осколки разлетелись в разные стороны, Рейган получил несколько царапин. Спрингер объяснил, что нападение было им совершено в знак протеста против предстоящего на следующий день подземного ядерного испытания в пустыне Невада — в штате, где находится Лас-Вегас^{763}, и что он не ставил своей целью навредить Рейгану. Пол Спрингер был приговорен к незначительному наказанию за хулиганство^{764}.

В феврале 1990 года, за два с половиной года до выступления на республиканском съезде, Рейган был официально вызван на заседание комиссии Конгресса, который продолжал расследование скандала «Иран-контрас». У него затребовали его дневники, относящиеся к соответствующему периоду. Заседания проходили в Лос-Анджелесе. На все вопросы Рейган отвечал, что не помнит ничего из того, что произошло.

Весьма недовольные конгрессмены продолжали настаивать. Бывший президент не жаловался на ухудшившуюся память, а объяснил свою забывчивость тем, что в течение восьми лет в среднем принимал по 80 человек в день и что, по подсчетам статистиков, за его президентство накопилось около пятидесяти миллионов листов документов, связанных с его деятельностью. В результате все обошлось приобщением выдержек из дневников к делу. Обычно материалы такого рода допросов публиковались крайне скупо, так как значительная их часть считалась секретной. На этот раз протокол оказался настолько бессодержательным, что был передан прессе без каких-либо изъятий. Ничего крамольного в дневниках обнаружено не было^{765}.

В июле 1992 года была предпринята еще одна попытка допросить бывшего президента по тому же делу. Повторилась почти прежняя история. Однако на этот раз Рейган, как говорили очевидцы, даже не смог вспомнить фамилию генерала, который в то время был председателем Объединенного комитета начальников штабов родов войск. Становилось ясно, что он не пытается ввести следователей в заблуждение, как полагали ранее, что потеря памяти действительно имеет место. Кто-то подсчитал, что за время допроса Рейган 124 раза произнес: «Я не помню»^{766}.

В результате комиссия пришла к выводу о бессмысленности дальнейшего привлечения бывшего президента к расследованию. Хотя некоторые прежние политические противники утверждали, что Рейган притворяется потерявшим память, что он лжет и заслуживает быть привлеченным к ответственности, ни один серьезный юрист или политик о его уголовной ответственности не помышлял. Это было тем более обоснованно, что дальнейший анализ дневников показал, что, одобрив помощь «контрас» в принципе, чего Рейган и не скрывал, подробностей он действительно не знал. Особое внимание обращали на запись от 24 ноября 1986 года: «Норт не говорил мне об этом. Хуже того, Джон [Пойндекстер] узнал об этом и мне не сказал»^{767}.

Рейгана оставили в покое.

В это время Нэнси, другие родственники и близкие Рональда уже не

сомневались, что его забывчивость — следствие не возраста, а серьезной болезни.

Десять лет угасания

В 2015 году в американском медицинском журнале была опубликована статья специалистов из университета штата Аризона, в которой на основании ответов на вопросы во время пресс-конференций Рейгана и Буша-старшего был сделан вывод, что болезненное состояние ума начало медленно развиваться у Рейгана еще в то время, когда он был президентом. По словам ученых, их исследование проводилось отнюдь не с целью доказать, что страной руководил человек, страдавший слабоумием. Авторы пришли к выводу, что в период президентства болезнь Рейгана только начиналась и стала прогрессировать лишь после его отставки. Цель статьи состояла в выявлении признаков зарождения деменции (старческого слабоумия) с целью назначения лечения, замедляющего болезненный процесс^{768}.

Но, так или иначе, признаки болезни в начале 1990-х годов были налицо.

В течение нескольких лет проводились периодические проверки. В 1993 году в клинике Майо — крупнейшем медицинском исследовательском центре, расположенном в городе Рочестер (штат Миннесота), был поставлен предварительный, а через год окончательный диагноз: Рональд Рейган страдает болезнью Альцгеймера.

5 ноября 1994 года, получив неутешительный диагноз, Рейган, находясь еще полностью в здравом уме, написал от руки прощальное письмо американскому народу, оригинал которого сохранился^{769}. Вот его полный текст:

«Мои сограждане американцы!

Недавно мне сказали, что я — один из миллионов американцев, которые поражены болезнью Альцгеймера.

Узнав об этом, Нэнси и я должны были решить: оставить эту новость нашим частным делом или сделать ее известной всем.

В прошлом у Нэнси оперировали рак груди, и я тоже пережил операцию рака. Мы решили, что нашей открытостью сможем усилить общественную сознательность. Мы будем рады, что в результате больше людей пройдут проверку на ранних стадиях и смогут возвратиться к

нормальной здоровой жизни. Поэтому мы считаем необходимым поговорить об этом с вами. Открывая вам наши сердца, мы надеемся, что это приведет к лучшему осознанию положения и, вероятно, будет способствовать более ясному пониманию со стороны каждого человека, каждой семьи, которые оказались в подобной ситуации. В данный момент я чувствую себя вполне хорошо. Я намерен провести остаток лет, которые Бог даровал мне на этой земле, занимаясь своими обычными делами. Я буду продолжать путешествие по жизни со своей любимой Нэнси и со своей семьей. Я планирую больше бывать на свежем воздухе и общаться со своими друзьями и единомышленниками.

К сожалению, по мере того как болезнь Альцгеймера прогрессирует, на семью все чаще ложится тяжкая ноша. Мое единственное желание — оградить Нэнси от болезненного опыта. Я уверен: когда наступит время, с вашей помощью она встретит его с верой и храбростью.

В заключение позвольте мне поблагодарить вас, американский народ, за великую честь, которую вы оказали мне, позволив служить вам в качестве президента. Когда бы Господь ни призвал меня в свой дом, я покину этот мир с глубочайшей любовью к нашей стране и вечной верой в ее будущее.

Я начинаю путь, который приведет к закату моей жизни. Я знаю: у американцев впереди всегда будет яркий рассвет.

Спасибо, друзья мои. Да благословит вас Бог.

Искренне

Рональд Рейган».

Через несколько лет Нэнси Рейган на вопрос журналиста об обстоятельствах появления этого письма ответила просто: «Он пошел в библиотеку, и я была с ним, он сел за стол и написал его»^{770}

Письмо Рейгана было опубликовано в большинстве американских газет. Между прочим, газета «Нью-Йорк таймс» в комментарии отметила, что тогдашний президент, представитель Демократической партии Билл Клинтон, выступая на собрании демократов в городе Аламида в Калифорнии, поведал, внешне сочувственно, а на самом деле с явным злорадством, что не так давно встречался с Рейганом, во время разговора тот запнулся и, помолчав, произнес, что забыл, о чем собирался сказать^{771}.

Наступил продолжавшийся десять лет период постепенного угасания. Рональд, однако, стремился вести по возможности активный образ жизни. Он гулял по паркам вблизи своего дома и по набережной Тихого океана (в

сопровождении сотрудников Секретной службы), посещал свою Библиотеку и даже иногда играл в гольф.

13 января 2001 года в своем доме в Бел-Эйр слабеющий Рональд, поднявшись утром с постели, неловко повернулся, упал на пол и сломал бедро^{772}. Его немедленно на «скорой помощи» отправили в больницу Сент-Джонс в городе Санта-Моника, пользовавшуюся хорошей репутацией, где на следующий день провели успешную операцию по совмещению костей.

Нэнси была рядом с Рональдом в больничной палате все дни. Через неделю его выписали, но в течение месяца проводили очень болезненные физиотерапевтические процедуры, которые способствовали восстановлению подвижности бедра, но ухудшали общее физическое состояние Рейгана.

6 февраля 2001 года Рейгану исполнилось 90 лет. Пока это не был рекордный возраст для бывшего президента: ранее его преодолел один только Герберт Гувер, причем всего лишь на два месяца. Рейган встретил юбилей в кругу семьи и был тронут огромным числом поздравлений от американских и зарубежных деятелей. Вскоре рекорд был превзойден: Рональд Рейган стал бывшим президентом США, прошедшим самый долгий жизненный путь.

Жил он теперь замкнуто, перестал появляться на людях. Журналисты вначале пытались проникнуть в Бел-Эйр, но постепенно поняли тщетность своих устремлений и прекратили беспокоить Рейганов. Нэнси иногда соглашалась встретиться с корреспондентами, но только не дома. Интервью ее были краткими и носили самый общий характер. Однажды она согласилась принять весьма популярного интервьюера телекомпании Си-эн-эн Ларри Кинга, отличавшегося способностью выуживать у собеседников самые откровенные сведения.

Но и с ним Нэнси вела себя предельно сдержанно. Она лишь в общих словах описала состояние своего супруга и заявила, что с Рональдом встречаются только родные, что «Ронни хочет, чтобы его помнили таким, каким он был раньше». На каждые пятьдесят слов интервьюера Нэнси отвечала лишь пятью или десятью, а иногда произносила только «да» или «нет». Кинг вынужден был с досадой отметить: «Вы не жалобщик по своей природе»^{773}.

Рейгана часто навещали его дети, которых он подчас не узнавал. Пэтти писала: «Я пыталась заглянуть отцу в глаза и проникнуть сквозь мрак Альцгеймера своими словами, своими извинениями, надеясь, что в глубине

сердца он слышит и понимает меня»^{774}. Дочь надеялась на память сердца, которая часто бывает сильнее памяти разума. Но надежды становились все более тщетными.

Рональд Рейган скончался в своем доме 5 июня 2004 года на 94-м году жизни. Находившаяся у его изголовья Нэнси отказалась сообщать какие-либо подробности последних месяцев его жизни. Она заявила только: «Долгий путь Ронни достиг той точки, в которой я не могу быть рядом с ним».

От имени вдовы и всей семьи для печати было передано заявление: «Моя семья и я извещаем мир, что президент Рейган умер после десяти лет болезни Альцгеймера в возрасте 93 лет. Мы высоко оценим молитвы за него»^{775}. Известно, что за несколько дней до смерти у Рейгана на фоне болезни Альцгеймера развилось воспаление легких^{776}.

День похорон 12 июня был объявлен в США днем национального траура. Со всех концов мира шли соболезнования вдове и всем близким покойного президента. М. С. Горбачев заявил в эфире радиостанции «Эхо Москвы», что «без президента Рейгана перестройки в СССР могло бы и не случиться»^{777}. Аналогично его словам звучала оценка бывшего премьер-министра Великобритании М. Тэтчер, которая сочла его величайшей заслугой «завершение холодной войны за свободу без единого выстрела». Она продолжала: «То, что он добился столь многого в весьма непростых условиях, да еще с таким чувством юмора и человечным отношением к людям, делает Рональда Рейгана настоящим американским героем»^{778}.

И Тэтчер, и Горбачев прилетели в США на похороны Рейгана. Прощание проходило вначале в его президентской библиотеке, затем в здании Капитолия и в Национальном соборе в Вашингтоне, после чего гроб с телом был возвращен в Калифорнию. Именно на территории Библиотеки 12 июня завершилось более чем недельное прощание, после чего тело Рональда Рейгана было предано земле.

После смерти своего супруга Нэнси Рейган, которой исполнилось уже 83 года, продолжала общественную деятельность, в частности в благотворительных обществах, занимавшихся медицинскими проблемами. Она поддерживала исследования в области стволовых клеток, так как эти исследования были направлены на поиск медикаментозных и других средств борьбы против болезни Альцгеймера. В 2011 году она, согласно социологическому опросу, проведенному авторитетным агентством «Ангус Рейд», была признана самой влиятельной первой леди США^{779}. Скончалась Нэнси 6 марта 2016 года и была похоронена рядом со своим

супругом.

Внук Рональда Рейгана Камерон ведет беспорядочный образ жизни в Калифорнии, иногда подвергается непродолжительным арестам за непристойное поведение. Внучка Эшли стала учительницей в начальной школе и о своем деде вспоминает редко.

Однако память о Рональде Рейгане как о выдающемся государственном деятеле Америка чтит. Его именем названы столичный аэропорт, одно из крупнейших административных зданий в центре Вашингтона и мощный современный атомный авианосец. Американский режиссер Роберт Аккерман в 2003 году выпустил художественный фильм «Рейганы», посвященный в основном голливудскому периоду жизни Рональда и Нэнси (в российском прокате фильм шел под названием «Семья президента»). Почитание памяти Рейгана ежегодно проводится в день его рождения в президентской библиотеке в Сими-Вэлли. В ряде городов США поставлены памятники и скульптурные группы, посвященные Рейгану.

Есть такие скульптуры и в городах других стран, в том числе в Москве. Скульптурная композиция «Рейган — Горбачев» была открыта на территории музея «Дом Бурганова» 3 июля 2017 года, ее автор — выдающийся российский скульптор Александр Николаевич Бурганов. Скульптура изображает Рейгана и Горбачева, пожимающих друг другу руки.

Политические баталии в США середины второго десятилетия XXI века в значительной степени напоминают те схватки, которые происходили в стране во времена Рейгана. Ожесточенные нападки на внутреннюю политику и внешнеполитический курс президента Дональда Трампа в основном со стороны его оппонентов из руководства Демократической партии и стремление проигнорировать серьезные позитивные сдвиги в жизни страны, в частности в экономической области, которые произошли уже на первом году его исполнительной власти, свидетельствуют о верности весьма пессимистического вывода, что главный урок истории состоит в том, что она ничему не учит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Президентство Рейгана и все его жизненные и политические перипетии были значительными явлениями в современной истории Соединенных Штатов. Он прошел нелегкий путь и в личностном, и в политическом развитии. На его общественную карьеру глубокое влияние оказала артистическая деятельность: в голливудских фильмах он играл практически самого себя — обыкновенного парня из американской глубинки, особенно не задумывающегося над мировыми проблемами.

Эти качества он в значительной мере сохранил, вступив на политическое поприще — и в качестве профсоюзного активиста, перешедшего с проружельтовских либеральных позиций на позиции умеренно консервативные, и на посту губернатора Калифорнии, и в качестве президента страны. Журналист Л. Кэннон, многократно встречавшийся с ним в разных его качествах, писал: «Актерство было не периодом в жизни Рейгана, а его существом. Он провел тридцать лет в Голливуде и не перестал быть актером, когда его покинул»^[780].

Определенная простота, если не сказать примитивизм, мышления, нежелание, если не сказать неумение, различать оттенки при твердой вере в собственную правоту сочетались у него с идеями, поражающими воображение, которые он подчас черпал из художественных произведений, даже из кинофильмов, а также из бесед с политиками, политологами, учеными, многим из которых он безусловно доверял.

Рейган умел артистически общаться с людьми разных взглядов и поколений. Он не боялся признаться в отсутствии или недостаточности знаний, и эта его откровенность внушала доверие не только однопартийцам, но и многим представителям Демократической партии. Свидетельство этому — целый ряд законов, фактически проведенных Белым домом, но принятых на межпартийной основе.

Некоторые его идеи президентского периода казались противоречивыми. Таковым было, прежде всего, сочетание искреннего стремления к ядерному разоружению с не рассчитанной на близкое будущее стратегической оборонной инициативой, которую не только в международном лагере, но и многие в США считали программой «звездных войн».

Рейган был инициатором важных хозяйственно-социальных реформ, которые привели к выходу США из длительного экономического застоя,

способствовали стимулированию предпринимательской деятельности среднего и крупного бизнеса, оздоровлению налоговой системы, всего того, что уже современники называли рейганомикой.

С его именем многие представители общественной мысли США и широкие круги населения связывают прекращение холодной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом. При этом далеко не всегда обращается внимание на то, что этому гигантскому международному достижению в неменьшей степени способствовали те качественные перемены, которые происходили в СССР, поэтому говорить о победе Запада в холодной войне по меньшей мере крайне неточно.

Используя американскую поговорку, можно сказать, что Рейган оказался на своем посту в нужное время, что ему удивительно повезло. Но ведь этим временем надо было соответствующим образом воспользоваться, и в этом отношении президент в основном оказался на высоте положения, считаясь с собственными чувствами, инстинктом и воображением и в то же время прислушиваясь к тем неортодоксальным советникам, которые приходили к выводу, что в СССР действительно у руководства оказались люди, считавшиеся с объективным ходом исторического развития и перешедшие от попыток косметического ремонта системы к глубоким нетривиальным переменам.

Во многом успехам Рейгана способствовали уверенный и оптимистичный стиль поведения, умение договариваться с общественно значимыми фигурами как внутри страны, так и на международной арене, устанавливая с ними не просто официально толерантные контакты, а доверительные, а во многих случаях и дружеские отношения.

Даже такой критически настроенный по отношению к нему деятель, как советский посол Добрынин, вынужден был сдержанно констатировать: «Фактически его сила заключалась в умении (сознательно или инстинктивно) соединять несовместимое, во внешней простоте подходов, в убежденности в правильности своих взглядов, пусть порой ошибочных или несостоятельных, в его упорной, даже упрямой решимости их осуществить»^{781}.

Рейгана часто называли и продолжают называть «великим коммуникатором». Действительно, его политическое влияние, многие успехи как в области внутренней политики, так и в международных делах были связаны не только и даже не столько с тем, что он намечал некую эффективную линию и последовательно проводил ее в жизнь, преодолевая все препятствия, стоявшие на его пути. Он в большей степени добивался своих целей, а иногда и отказывался от поставленных задач благодаря

удачному стечению обстоятельств. Но при этом сохранял такое влияние на население своей страны, которым после Второй мировой войны не пользовался ни один из американских президентов.

Решающую роль при этом играл его способ общения с населением. Рейган нечасто выступал на публике, лишь изредка совершал длительные поездки по стране, за исключением предвыборных кампаний. Но он постоянно напоминал о своем присутствии всему населению Соединенных Штатов, регулярно появляясь на телеэкранах, подчас почти каждый день, иногда даже по несколько раз в день. Например, в сентябре 1984 года он не появлялся на публике только 16-го и 30-го числа. Впрочем, это было время бурных предвыборных дебатов, но и в другие годы президент Рейган обычно выступал два-три раза в неделю.

Дело было, разумеется, не столько в частоте выступлений, сколько в их характере, в их стиле. Он разговаривал с народом не как государственный руководитель, своего рода «отец нации», а как обычный американец, которому доверено определенное дело и который исправно докладывает о нем на простом, понятном для людей всех социальных слоев языке, вставляя в свои выступления поучительные истории, своего рода притчи, рассказы о конкретных людях, героях или злодеях, иногда вымышленные, иногда правдивые.

Президентство Рейгана вошло в историю как один из весьма значительных этапов в современной истории Соединенных Штатов, а сам он — как яркая и своеобразная личность.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОНАЛЬДА РЕЙГАНА

1911, 6 февраля — в городе Тампико (штат Иллинойс) родился Рональд Уилсон Рейган.

1918, сентябрь — поступил в школу.

1924, сентябрь — перешел в старшие классы («высшую школу»).

1926, июнь — окончил школу.

1927, весна — начал работать спасателем на водных станциях реки Рок.

1928, сентябрь — поступил в колледж городка Юрика (штат Иллинойс).

1932, июнь — окончил колледж по специальности «экономика и социология».

Осень — начал работать на радиостанции в Девенпорте (штат Айова) в качестве спортивного, а затем политического комментатора.

1935, 27 февраля — зачислен в армейский резерв рядовым.

1937, 1 июня — от имени Рейгана подписан контракт на съемки в качестве актера с кинофирмой братьев Уорнер в Голливуде.

7 июня — переехал в Голливуд для участия в киносъемках.

Осень — на экраны вышли первые два фильма с участием Рейгана.

1940, 24 января — бракосочетание Рейгана и актрисы Джейн Уайман.

1941, 4 января — у четы Рейган родилась дочь Морин.

Сентябрь — Рейган стал информатором Федерального бюро расследований.

1942, март — призван в армию.

Апрель — направлен в команду, готовившую агитационно-пропагандистские фильмы.

1943, 14 января — получил воинское звание старшего лейтенанта.

22 июля — получил звание капитана.

1945, март — Рейган с женой усыновили новорожденного мальчика по имени Майкл.

Сентябрь (по другим сведениям — декабрь) — Рейган демобилизован из армии.

1947, январь — избран председателем Гильдии киноактеров.

1948, *май* — завершился брак Рейгана и Джейн Уайман.

1949, *март* — Рейган избран председателем Совета кинопромышленности.

28 *июня* — бракоразводный процесс Рейгана и Уайман.

1952, 4 *марта* — бракосочетание Рейгана и Нэнси Дэвис.

21 *октября* — родилась дочь Нэнси и Рональда Патрисия (Пэтти).

1954, 26 *сентября* — Рейган начал работу на телеканале компании «Дженерал электрик».

1958, 20 *мая* — родился сын Рональд (Рон).

1960, *август* — Рейган вступил в организацию «Демократы за Никсона», фактически присоединившись к Республиканской партии.

1962, *начало года* — объявил о переходе в Республиканскую партию.

Конец марта — уволен из компании «Дженерал электрик».

1964, 27 *октября* — выступил с речью «Время избирать» в поддержку кандидата в президенты от Республиканской партии Б. Голдуотера.

1966, 8 *ноября* — Рейган избран губернатором Калифорнии.

1967, 2 *января* — вступил на пост губернатора.

5 *января* — выступил с инаугурационной речью в качестве губернатора.

Конец января — по настоянию Рейгана был смещен президент Калифорнийского университета в Беркли К. Керр, обвиненный в снисходительности к студенческому движению. 15 *июня* — Рейган подписал закон штата Калифорния о разрешении «терапевтических абортов».

1968, *февраль* — Рейган впервые выдвинул свою кандидатуру на пост президента.

8 *августа* — потерпел поражение на съезде Республиканской партии в Майами-Бич; кандидатом в президенты был выдвинут Р. Никсон.

1969, *середина мая* — с санкции Рейгана, введшего в университетском кампусе чрезвычайное положение, произошло кровавое подавление студенческих беспорядков в Беркли.

1975, 15 *февраля* — Рейган выступил на конференции Консервативного политического альянса с речью, оцененной как намерение вступить в борьбу за высшую исполнительную власть.

Середина июля — образован предвыборный комитет «Граждане за Рейгана».

26 *сентября* — Рейган выступил в Чикаго с речью под названием «Пусть управляет народ».

20 *ноября* — объявил о намерении участвовать в президентских

выборах 1976 года.

1976, 18 августа — потерпел поражение на съезде Республиканской партии в Канзас-Сити; кандидатом в президенты был намечен Дж. Форд.

19 августа — выступил на съезде Республиканской партии с речью, получившей название «Сияющий город на холме».

1978, 6 июня — на референдуме в Калифорнии была одобрена внесенная Рейганом поправка к конституции штата, предусматривавшая снижение налогов.

1979, 13 ноября — Рейган объявил о вступлении в борьбу за пост президента на очередных выборах.

1980, 17 июля — выдвинут кандидатом в президенты на съезде Республиканской партии в Детройте.

28 октября — состоялись предвыборные дебаты между Рейганом и Картером.

4 ноября — Рейган избран президентом США.

1981, 20 января — инаугурация нового президента; освобождение американских заложников в Тегеране, окончание «посольского кризиса».

27 января — прием в Белом доме в честь освобожденных заложников.

29 января — первая пресс-конференция Рейгана, посвященная разоблачению советских лидеров как «преступных лжецов» и организаторов международных беспорядков.

5 февраля — Рейган выступил с телевизионным обращением к нации по финансово-экономическим вопросам.

18 февраля — выступил в Конгрессе с докладом «О программе экономического возрождения».

30 марта — покушение на жизнь Рейгана.

31 марта — после операции Рейган возобновил исполнение президентских обязанностей, находясь в госпитале.

11 апреля — выписан из госпиталя.

5 августа — издал исполнительное распоряжение об увольнении бастовавших контролеров авиаперевозок.

13 августа — подписал закон о налогах.

29 декабря — ввел санкции против СССР в связи с террористическими мероприятиями правительства В. Ярузельского в Польше.

1982, март — одобрил новую стратегическую доктрину США.

31 мая — объявил о предстоящем проведении в Женеве американо-советских переговоров по вопросам, связанным с ракетно-ядерным оружием.

3 сентября — подписал принятый Конгрессом закон о налогах.

13 октября — подписал закон о переподготовке рабочей силы с целью сокращения безработицы.

1983, 17 января — подписал секретную директиву № 75, намечавшую план экономической дестабилизации СССР.

8 марта — выступил с речью в Орландо (штат Флорида), в которой назвал СССР «империей зла».

23 марта — объявил о своей стратегической оборонной инициативе (СОИ).

5 сентября — выступил с обращением к нации по поводу уничтожения над территорией СССР южнокорейского пассажирского самолета.

25 октября — по распоряжению Рейгана было начато вторжение американских войск в островное государство Гренада.

1984, 16 января — выступил по телевидению и радио с речью о необходимости улучшения отношений между США и СССР.

29 января — сообщил о намерении баллотироваться на второй президентский срок.

9 мая — в телевизионном выступлении призвал к поддержке никарагуанских «контрас» как борцов против коммунизма.

23 августа — на съезде Республиканской партии в Далласе (штат Техас) выдвинут кандидатом в президенты.

24 сентября — выступил на заседании сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

7 октября — первые дебаты с У. Мондейлом.

12 октября — подписал «дополнение Боуланда» к резолюции Конгресса, запрещавшее прямое финансирование и иную государственную помощь никарагуанским «контрас».

21 октября — вторые дебаты с У. Мондейлом.

6 ноября — повторно избран президентом.

1985, 4 января — операция по удалению полипов из кишечника.

20, 21 января — выступил с инаугурационными речами в Белом доме и Капитолии.

Апрель — журналисты сообщили о существовании «доктрины Рейгана» в качестве противовеса «доктрине Брежнева».

30 мая — Рейган подписал секретную директиву о развертывании стратегической оборонной инициативы.

12 июля — удаление злокачественной опухоли из кишечника.

13 июля — дал согласие на поставку вооружения Ирану.

19–21 ноября — переговоры с М. С. Горбачевым в Женеве.

1986, 3 февраля — издал распоряжение о расследовании причин

гибели космического корабля «Челленджер».

5 февраля — посетил министерство здравоохранения для обсуждения проблемы борьбы против СПИДа.

11–12 октября — встреча с Горбачевым в Рейкьявике (Исландия).

22 октября — подписал закон о новой налоговой реформе.

3 ноября — опубликованы первые данные о поставках американского оружия Ирану.

6 ноября — подписал закон об иммиграционной реформе.

13 ноября — выступил по телевидению и радио с речью о поставках американского вооружения Ирану.

1 декабря — назначил комиссию во главе с сенатором Д. Тауэром для расследования вопроса о поставках оружия Ирану.

1987, 12 июня — выступил на митинге в Западном Берлине с призывом к разрушению Берлинской стены.

22 июля — подписал закон о помощи бездомным.

19 октября — «черный понедельник» — резкое падение индекса Доу-Джонса.

7–10 декабря — визит М. С. Горбачева в США, переговоры с Р. Рейганом.

9 декабря — Рейган и Горбачев подписали договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

1988, 29 мая — 3 июня — визит Рейгана в Москву.

6 июня — по возвращении в США выступил с заявлением о реальных изменениях в СССР и возникновении атмосферы сотрудничества в двусторонних отношениях.

9 ноября — принял избранного президента Дж. Буша и обсудил с ним вопрос о передаче власти.

1989, 11 января — выступил по телевидению и радио с прощальным обращением к нации.

20 января — присутствовал на инаугурации президента Буша, затем вылетел в Калифорнию.

Июнь — посетил Великобританию, выступил с лекцией, встретился с руководителями правительства, был удостоен королевой Елизаветой II звания почетного рыцаря.

1991, 4 ноября — открытие Библиотеки Рональда Рейгана.

1992, 17 августа — речь на национальном съезде Республиканской партии в Хьюстоне (штат Техас) — последнее публичное выступление.

1994, 5 ноября — Рейган собственноручно написал прощальное письмо американскому народу.

2001, 13 января — перенес операцию в связи с переломом бедра.

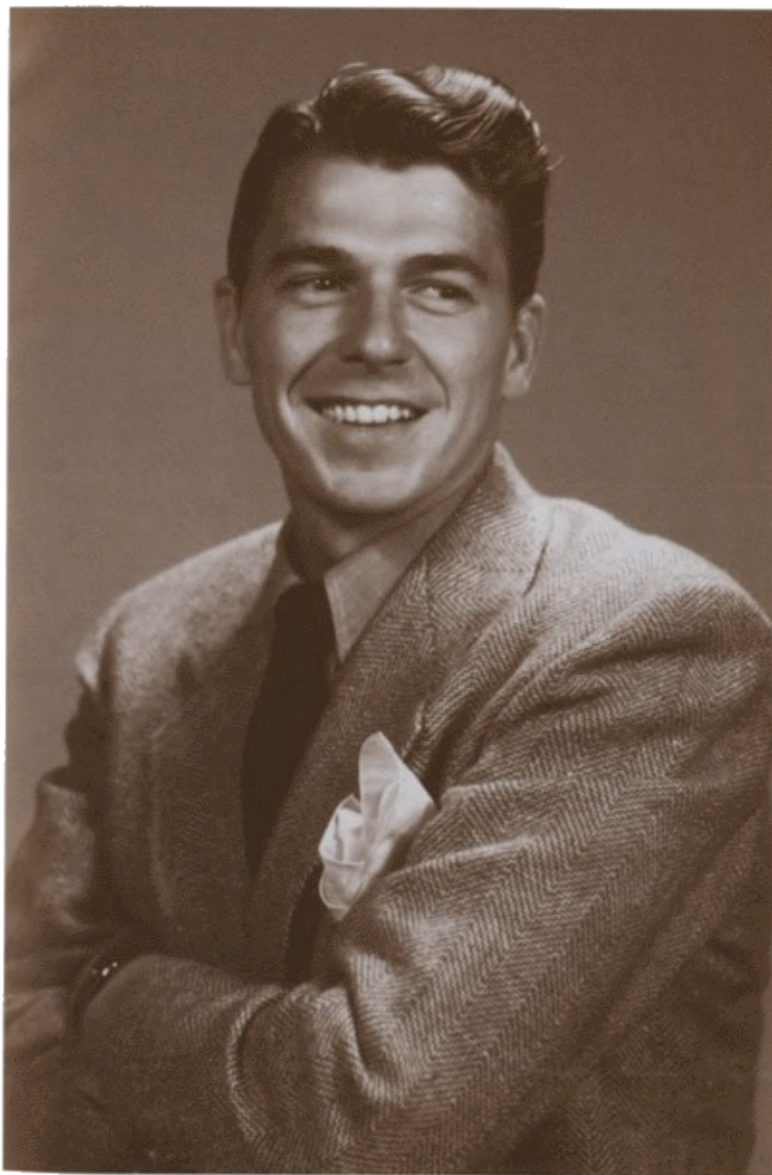
8 августа — скончалась старшая дочь Рейгана Морин.

2004, 5 июня — скончался Рональд Рейган.

12 июня — похоронен на территории его президентской библиотеки.

2016, 6 марта — скончалась Нэнси Рейган.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Ronald Reagan

С родителями и старшим братом. 1916 г.

Рональд — спасатель на реке Рок. 1927 г.

Работа радиоведущим

С первой женой Джейн Уайман и дочерью Морин. 1942 г.

Джек Уорнер

Рейган в фильме «Любовь в воздухе». 1937 г.

Рональд Рейган и Джейн Уайман в фильме «Братец крыса. Продолжение». 1940 г.

Рейган (в центре) в фильме «Кингс Роу». 1942 г.

Младший лейтенант Рейган во время Второй мировой войны

Роль в пропагандистском фильме военного времени

Рейган свидетельствует в Комиссии по антиамериканской деятельности. 1947 г.

Свадьба Рейгана и Нэнси Дэвис. 4 марта 1952 г.

Рональд и Нэнси с единственными гостями на своей свадьбе — известным актером Уильямом Холденом и его женой Ардис

Рональд и Нэнси на отдыхе. 1964 г.

С женой и детьми Роном и Патрисией

На ранчо за работой

С женой, детьми и собакой Пого. 1976 г.

Приносит клятву в качестве губернатора штата Калифорния

Рейган принимает номинацию Республиканской партии. 1980 г.

Президент и первая леди перед инаугурационным балом.

20 января 1981 г.

Рейган приносит клятву верности конституции и народу США.

20 января 1981 г.

Президент спорт

Первое заседание правительства

Рейган отмечает семидесятилетие

Хаос после покушения на жизнь Рейгана. 1981 г.

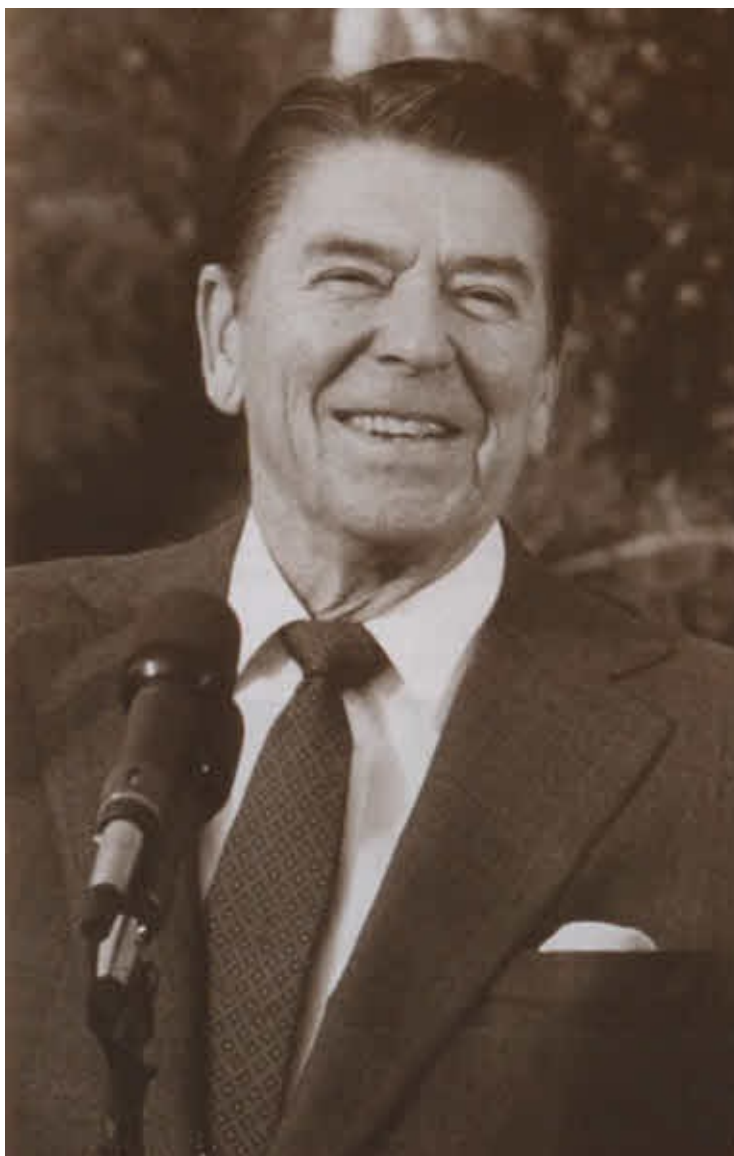
На борту президентского самолета

Старт космического челнока

Подготовка очередного выступления

Рональд Уилсон Рейган. 40-й президент США

Советник по национальной безопасности

Джон Пойндекстер

Министр обороны

Каспар Вейнбергер

Нэнси Рейган провозглашает

войну против наркомании

Директор ЦРУ

Уильям Кейси

Рейган объявил о своем намерении переизбираться на второй президентский срок

Первые дебаты Рейгана и Мондейла. 1984 г.

Официальный портрет президента. 1985 г.

На конной прогулке с королевой Великобритании Елизаветой II

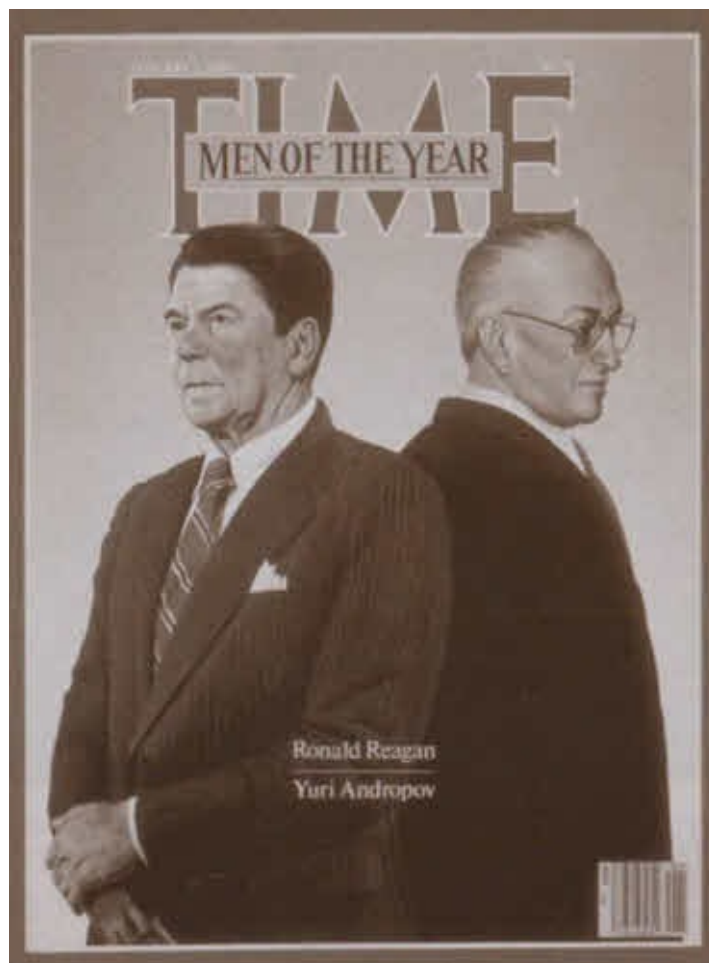
С Маргарет Тэтчер в ее резиденции

С римским папой Иоанном Павлом II

Рейган принимает бежавшего на Запад резидента советской разведки в Лондоне О. Гордиевского

Журнал «Тайм» объявил Рейгана и Андропова людьми года. 1983 г.

Рейган в посольстве СССР делает запись в книге соболезнований по случаю смерти Ю. В. Андропова

Рейган и Горбачев беседуют у камина.

Женева, ноябрь 1985 г.

Встреча в Рейкьявике.

1986 г.

Рейган у Берлинской стены произносит свою знаменитую речь.

12 июня 1987 г.

Рейган и Горбачев на фоне фрагмента Берлинской стены. 1992 г.

Встреча Горбачева в Белом доме.

Декабрь 1987 г.

Прием в Белом доме в честь супругов Горбачевых

Прогулка по лужайкам Белого дома

Рейган и Горбачев подписывают договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности

С Горбачевым перед собором Василия Блаженного в Москве. 1988 г.

Рейган с женой на одной из улиц Москвы

Лекция в Московском университете

Никарагуанские контрас

Рейган принимает доклад комиссии Тауэра по делу «Иран-контрас»

С женой перед уходом с президентского поста

Вход в Библиотеку Рональда Рейгана

Ronald Reagan

RONALD REAGAN

Nov. 5, 1994

My Fellow Americans,

I have recently been told that I am one of the millions of Americans who will be afflicted with Alzheimer's Disease.

Upon learning this news, Nancy & I had to decide whether as private citizens we would keep this a private matter or whether we would make this news known in a public way.

In the past Nancy suffered from breast cancer and I had my cancer surgeries. We found through our open disclosure we were able to raise public awareness. We were happy that as a result many more people underwent testing.

They were treated in early stages and able to return to normal, healthy lives.

So now, we feel it is important to share it with you. In opening our hearts, we hope this might prompt greater awareness of this condition. Perhaps it will encourage a deeper understanding of the individuals and families who are affected by it.

At the moment I feel just fine. I intend to live the remainder of the years God gives me on this earth doing the things I have always done. I will continue to share life's journey with my beloved Nancy and my family. I plan to enjoy the great outdoors and stay in touch with my friends and supporters.

Письмо Рейгана к нации с информацией о том, что он страдает болезнью Альцгеймера

Могила Рональда Рейгана

ЛИТЕРАТУРА

На русском языке

Варивончик И. В. Динамика и особенности становления среднего класса в США: Рейгановская революция // США — Канада: Экономика, политика, культура. 2010. № 12.

Гарбузов В. Н. Александр Хейг, или Три карьеры одного генерала. М.: Наука, 2004.

Гарбузов В. Н. Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008.

Иванян Э. А. Рональд Рейган — хроника жизни и времени. М.: Мысль, 1991.

Никонов В. А. Афера «Иран-контрас». М.: Изд-во Московского ун-та, 1987.

Никонов В. А. Республиканцы: от Никсона к Рейгану. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988.

Овчинников Р. С. Зигзаги внешней политики США: От Никсона до Рейгана. М.: Политиздат, 1986.

Пидлуцкий А. Рональд Рейган: Человек, победивший империю зла. Киев: Зеркало недели, 2005.

Рейган Р. Жизнь по-американски. М.: Новости, 1992.

Рейган Р. Откровенно говоря: Избранные речи. М.: Новости, 1990.

Фурсенко А. А. Критическое десятилетие Америки: 60-е годы. Л.: Наука, 1974.

На английском языке

Actor, Ideologue, Politician: The Public Speeches of Ronald Reagan. Westport, CT: Greenwood Press, 1993.

Benze J. Nancy Reagan: On the White House Stage. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2005.

Brands H. Reagan: The Life. New York: Doubleday, 2015.

Burch Ph. Reagan, Bush and Right-Wing Politics: Elites, Think Tanks, Power, and Policy. Greenwich: JAI Press, 1998.

Byrne M. Iran-Contra: Reagan's Scandal and the Unchecked Abuse of

Presidential Power. Lawrence: University Press of Kansas, 2014.

Cannon L. Governor Reagan: His Rise to Power. New York: Public Affairs, 2003.

Cannon L. President Reagan: The Role of a Lifetime. New York: Public Affairs, 2000.

Cannon L. Reagan. New York: Putnam's Sons, 1982.

Cannon L. Ronnie and Jesse: A Political Odyssey. Garden City, NY: Doubleday, 1969.

Craig Sh. Rendezvous with Destiny: Ronald Reagan and the Campaign that Changed America. Wilmington, Delaware: ISI Books, 2009.

Davis P. The Way I See It. New York: Putnam's Sons, 1992.

Draper Th. A Very Thin Line: The Iran-Contra Affair. New York: Hill and Wang, 1991.

Edwards A. Early Reagan: The Rise to Power. New York: Morrow, 1987.

Evans Th. The Education of Ronald Reagan: The General Electric Years and the Untold Story of His Conversion to Conservatism. New York: Columbia University Press, 2008.

Fischer B. The Reagan Reversal: Foreign Policy and the End of the Cold War. Columbia: University of Missouri Press, 2000.

FitzGerald F. Way Out There in the Blue: Reagan, Star Wars, and the End of the Cold War. New York: Simon and Schuster, 2000.

Haig A. Caveat, Realism, Reagan, and Foreign Policy. London: Macmillan, 1984.

Kombluh P, Byrne M. The Iran-Contra Scandal: A Declassified History. New York: New Press, 1993.

Leadership in the Reagan Presidency. Eleven Intimate Perspectives. Lanham, MD: University Press of America, 1993.

Lettow P. Ronald Reagan and His Quest to Abolish Nuclear Weapons. New York: Random House, 2005.

Mann J. The Rebellion of Ronald Reagan: A History of the End of the Cold War. New York: Penguin Group, 2009.

Massie S. Trust but Verify: Reagan, Russia, and Me. Rockland, ME: Maine Authors Publishing, 2013.

Moldea D. Dark Victory: Ronald Reagan, MCA, and the Mob. New York: Viking, 1986.

Morgan I. Reagan: American Icon. New York: Tauris, 2016.

Morris E. Dutch. New York: Random House, 1999.

Pemberton W. Exit with Honor: The Life and Presidency of Ronald Reagan. New York: Routledge, 1998.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. West Palm Beach, FL: Humanix Books, 2016.

Reagan M. Twice Adapted: An Important Social Commentator Speaks to the Cultural Ailments Threatening America Today. New York: B Books, 2004.

Reagan N. My Turn. New York: Random House. 1989.

Reagan R. Abortion and the Conscience of the Nation. Nashville: Thomas Nelson, 1984.

Reagan R. An American Life: The Autobiography. New York: Simon and Schuster, 1990.

Reagan R. Diaries. New York: HarperCollins, 2007.

Reagan R. Speaking My Mind: Selected Speeches. New York: Simon and Schuster, 1989.

Reagan R. Where's the Rest of Me? New York: Duell, Sloan, Pearce, 1965.

Reagan R. My Father at 100. New York: Viking, 2011.

Reeves R. President Reagan: The Triumph of Imagination. New York: Simon and Schuster, 2005.

Rosenfeld S. Subversives: The FBI's War on Student Radicals, and Reagan's Rise to Power. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2012.

Skinner K., Anderson A., Anderson M. Reagan: A Life in Letters. New York: Free Press, 2003.

Skinner K., de Mesquita B., Kudelia S., Rice C. The Strategy of Campaigning: Lessons from Ronald Reagan and Boris Yeltsin. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2010.

Smith W. Law and Justice in the Reagan Administration: The Memoirs of an Attorney General. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1991.

Stanley T. Kennedy vs Carter: The 1980 Battle for the Democratic Party's Soul. Lawrence: University Press of Kansas, 2010.

Stockman D. The Triumph of Politics: Why the Reagan Revolution Failed. New York: Harper and Row, 1986.

The Reagan Presidency: Pragmatic Conservatism and Its Legacies. Ed. by W. Brownee and H. Graham. Lawrence: University Press of Kansas, 2003.

Tygiel J. Ronald Reagan and the Triumph of American Conservatism. New York: Parson Education, 2005.

Vaisse J. Neoconservatism: The Biography of a Movement. Cambridge: Harvard University Press, 2010.

Vaughn S. Ronald Reagan in Hollywood: Movies and Politics. New York: Cambridge University Press, 1994.

Wayne S. Road to the The White House. New York: St. Martin's Press, 1984.

Weisberg J. Ronald Reagan. New York: Times Books, 2016.

Wills G. Reagan's America: Innocents at Home. New York: Doubleday, 1987.

Yager E. Ronald Reagan's Journey: Democrat to Republican, Lanham: Rowman & Littlefield, 2006.

INFO

Чернявский Г. И., Дубова Л. Л.
Ч-49 Рейган / Георгий Чернявский, Лариса Дубова. — М.:
Молодая гвардия, 2018. — 479[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных
людей: сер. биогр.; вып. 1742).

ISBN 978-5-235-04141-7

УДК 94(7) "19" (092)
ББК 63.3(7Сое)63

знак информационной продукции 16+

Чернявский Георгий Иосифович,
Дубова Лариса Леонидовна
РЕЙГАН

Редактор *Е. В. Смирнова*
Художественный редактор *А В. Никитин*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 29.03.2018. Подписано в печать 15.05.2018.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 25,2+1,68 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1807440.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Суцевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-
mail: dsel@gvardiya.ru

ARVATO BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета в ООО

«Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,
ул. Свободы, 97

comments

Комментарии

Schweikart L., Allen M. A Patriot's History of the United States: From Columbus's Great Discovery to the War on Terror. New York: Sentinel, 2004. P. XIV.

Weisberg J. Ronald Reagan. New York: Times Books, 2016.

A Companion to Ronald Reagan / Ed. by A. Johns. Chichester, West Sussex: John Wiley and Sons, 2015.

Cannon L. Ronnie and Jesse: A Political Odyssey. Garden City, NY: Doubleday, 1969; *ibid.* Reagan. New York: Putnam's Sons, 1982; *ibid.* President Reagan: The Role of a Lifetime. New York: Public Affairs, 2000; *ibid.* Governor Reagan: His Rise to Power. New York: Public Affairs, 2003.

Kelley K. Nancy Reagan, the Unauthorized Biography. New York: Simon and Schuster, 1991. Рецензент одной из самых распространенных газет писал по поводу одного из позднейших изданий этой книги, что она многократно «повторяет обвинения без каких-либо попыток их проверить» (*Kelley K. Critical Book on Bushes Sparks Firestorm I I USA Today.* 2004. Sept. 13).

Иванян Э. А. Рональд Рейган — хроника жизни и времени. М.: Мысль, 1991.

Там же. С. 382.

Гарбузов В. Н. Революция Рональда Рейгана. М.: Наука, 2008;
Овчинников Р. С. Зигзаги внешней политики США. От Никсона до Рейгана. М.: Политиздат, 1986; *Никонов В. А.* Афера «Иран-контрас». М.: Изд-во Моск, ун-та, 1987; *Никонов В. А.* Республиканцы: от Никсона к Рейгану. М.: Изд-во Моск, ун-та, 1988; *Варивончик И. В.* Динамика и особенности становления среднего класса в США: Рейгановская революция // США — Канада: Экономика, политика, культура. 2010. № 12 и др.

Пидлуцкий А. Рональд Рейган: Человек, победивший империю зла.
Киев: Зеркало недели, 2005.

Reagan R. Diaries. New York: Harper Collins, 2007.

Bakalis A. Library Gets First Look at Reagan Diarirs // Ventura County Star. 2007. May 20.

Reagan R. An American Life: The Autobiography. New York: Simon and Schuster, 1990. Мемуары переведены на русский язык (Рейган Р. Жизнь по-американски. М.: Новости, 1992).

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. West Pain Bach, FL: Humanix Books, 2016. P. 131.

[https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/09/29/74022-razgovory-ob-obektivnosti-i-oskorblenii-istoricheskoy-pravdy-smeshny?utm_source=push.](https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/09/29/74022-razgovory-ob-obektivnosti-i-oskorblenii-istoricheskoy-pravdy-smeshny?utm_source=push)

Сарнов Б. Скуки не было: Первая книга воспоминаний. М.: Аграф, 2004. С. 102.

Рейган Р. Откровенно говоря: Избранные речи. М.: Новости, 1990. С. 397.

Roman Catholicism // http://www.statemaster.com/red/graph/peo_rom_cat_per_of_cat-people-roman-catholicism-percentage-catholics&int=-l&id=IL.

Vaughn S. Ronald Reagan in Hollywood: Movies and Politics. New York: Cambridge University Press, 1994. P. 57.

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D0%B3%D0%B0%D0%BD,_%D0%A0%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B4.

Yager E. Ronald Reagan's Journey: Democrat to Republican, Lanham: Rowman & Littlefield, 2006. P. 63, 64; The New York Times. 1996. Dec. 13.

Ronald Reagan Presidential Library (далее — RRPL). Ronald Wilson Reagan is Bom in Tampico, Illinois.

Reagan R. An American Life. P. 21.

RRPL. R. Reagan Speeches. Televised Campaign Address. A Vital Economy: Jobs, Growth, and Progress for Americans. 1980. Oct. 24.

Интервью Р. Рейгана журналисту Лу Кэннону // *Cannon L. Reagan*. New York: Putnam's Sons, 1982. P. 22.

Reagan R. Where's the Rest of Me? New York: Duell, Sloan, Pearce, 1965.
P. 24.

Cannon L. Op. cit. P. 22, 23; *Davis P.* The Way I See It. New York: Putnam's Sons, 1992. P. 12.

Cannon L. Governor Reagan: His Rise to Power. New York: Public Affairs, 2003. P. 14.

Reagan R. Where's the Rest of Me? P. 37.

Davis P. The Way I See It. New York: Putnam's Sons, 1992. P. 12.

New York Times Book Review. 1977. Aug. 30.

Reagan N. My Turn. New York: Random House. 1989. P. 106.

Reagan M. Lesson My Father Taught Me. P. 132.

*Cannon L. Actor, Governor, President, Icon // The Washington Post. 2004.
June 6.*

Reagan R. Where's the Rest of Me? P. 15.

Griswold J. Young Reagan's Reading // New York Times Book Review.
1981. Aug. 30.

Интервью Л. Кеннона с Р. Рейганом // *Cannon L. Reagan*. P. 26.

Reagan R. Where's the Rest of Me? P. 12.

Reagan R. An American Life. P. 36.

Баррер С. Осторожно, спорт! О вреде бега, фитнеса и других физических нагрузок. М.: Альпина Паблицер, 2015. С. 128.

См., например, его интервью известному спортивному журналисту Марку Шилдсу: *Shields M. President Reagan's Wide World of Sports // Inside Sports. 1981. March 31.*

Edwards A. Early Reagan: The Rise to Power. New York: Morrow, 1987. P. 63.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 71.

Perry J. Reagan's Roots//Wall Street Journal. 1980. Oct. 8.

Motion Picture. 1939. Dec. P. 85.

Reagan R. Where's the Rest of Me? P. 28.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 144.

Adams H. History of Eureka College, 1855–1982. Eureka, IL: Board of Trustees of Eureka College, 1982; *Callary E.* Place Names of Illinois. Champaign: University of Illinois Press, 2009. P. 116.

Cannon L. Reagan. P. 31.

Reagan R. An American Life. P. 48.

Motion Picture. 1939. Dec. P. 85.

Morris E. Dutch. New York: Random House, 1999. P. 100.

Weisberg J. Op. cit. P. 15.

Reagan R. Where's the Rest of Me? P. 13.

Reagan R. An American Life. P. 48.

Eliot M. The Next Voice You Hear // USA Today. 2008. Aug. 8.

Morris E. Op. cit. P. 121.

Time. 1984. Nov. 19.

Edwards A. Op. cit. P. 149.

Reeves R. President Reagan: The Triumph of Imagination. New York: Simon and Schuster, 2005. P. 207.

Иванян Э. А. Указ. соч. С. 24.

Рейган Р Откровенно говоря. С. 193.

Vaughn S. Op. cit. P. 79.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 45.

D'Souzo D. Ronald Reagan: How an Ordinary Man Became an Extraordinary Leader. New York: Free Press, 1997. P. 51.

Jane Wyman filmography // https://en.wikipedia.org/wiki/Jane_Wyman.

Sperber M. Shake Down the Thunder: The Creation of Notre Dame Football. Bloomington: Indiana University Press, 2002. P. 112.

Morsberger R. Slavery and «The Santa Fe Trail», or John Brown on Hollywood's Sour Apple Tree // *American Studies*. 1977. № 2. P. 87–98.

Fox Will Show the «Juke Girl» // The Spokesman-Review. 1942. June 12.

Friedrich O. City of Nets: a Portrait of Hollywood in the 1940s. Los Angeles: University of California Press, 1997. P. 86–89.

Reagan R. How to Make Yourself Important // Phi Play. 1942. Aug. P. 44.

University of California at Berkeley. Bancroft Library. Oral History Office.
Dunckel E. Ronald Reagan and the General Electric Theater, 1954–1955.

Sbardellati J. Reagan's Early Years from Dixon to Hollywood // A Companion to Ronald Reagan. P. 12.

Железный А., Шемета Л. Песенная летопись Великой Отечественной войны. Американская солдатская песня // Русский текст С. Болотина, Т. Сикорской // <http://www.e-reading.club/book.php?book=1020559>.

Library of Congress. 2011 National Film Registry. 2011. Dec. 28.

Vaughn S. Op. cit. P. 231.

Подробнее см.: *Чернявский Г., Дубова Л.* Трумэн. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 229–232.

Cieply M. Hollywood Labor Fight Looms as Money for Benefits Wanes // The New York Times. 2012. Nov. 27.

Dunne G. Hollywood Labor Dispute: A Study in Immorality. Los Angeles: Conference Publishing Co., 1950.

Э. А. Иванян допускает неточность, утверждая, что это произошло в ноябре 1947 года (*Иванян Э. А. Указ. соч. С. 75*).

Ross S. *Hollywood Left and Right: How Movie Stars Shaped American Politics*. New York: Oxford University Press, 2011.

Cannon L. Reagan. P. 66.

Siegel D. A Siegel Film: An Autobiography. New York: Faber and Faber, 1993. P. 245.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 43, 44.

Reagan R. Speaking My Mind: Selected Speeches. New York: Simon and Schuster, 1989. P. 14.

О политических взглядах Полинга см.: *Полинг Л. Не бывать войне!* М.: Изд-во иностранной литературы, 1960; *Полинг Л., Икеда Д. Вся жизнь в борьбе за мир:* Диалог. М.: Изд-во Моск, ун-та, 2004.

Wills G. Reagan's America: Innocents at Home. New York: Doubleday, 1987. P. 291, 292.

Reagan Acted as Informant for FBI // San Jose Mercury News. 1985. Aug.
25.

Rosenfeld S. Subversives: The FBI's War on Student Radicals, and Reagan's Rise to Power. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2012. Книга Розенфельда содержит сотни рассекреченных документов из архивов ФБР.

Reagan R. An American Life. P. 111, 112.

Vaughn S. Op. cit. P. 154, 168.

Weisberg J. Op. cit. P. 27.

Cummings R. Radio Free Europe's «Crusade for Freedom»: Rallying Americans behind Cold War Broadcasting. 1950–1960. Jefferson, NC: McFarland, 2009. P. 41, 53, 54, 95.

См.: Чернявский Г. «Маккартизм» в США и «большой террор» в СССР: Нелепость сопоставления // Чернявский Г. Новые притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2005. С. 228–262.

New York Public Library. Manuscript and Archive Division. Orvil Dryfoos Collection. R. Reagan to O. Dryfoos. 1962. Oct. 16.

Подробнее см.: *Васильев А. А. Черная жемчужина русского балета: Тамара Туманова // Этюды о моде и стиле. М.: Глагол, 2007.*

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 2.

Reagan M. Twice Adapted: An Important Social Commentator Speaks to the Cultural Ailments Threatening America Today. New York: B Books, 2004.

Cannon L. Governor Reagan. P. 74.

Cannon L. Reagan. P. 64.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 4.

Weisberg J. Op. cit. P. 29.

Kelley K. Op. cit. P. 78.

Жизненному пути Нэнси Дэвис (Рейган) посвящены несколько работ. Наиболее значительные: *Benze J. Nancy Reagan: On the White House Stage*. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2005; *Loizeau P. M. Nancy Reagan in Perspective*. New York: Nova Publishers, 2005.

Cannon L. Governor Reagan. P. 79.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 91.

Cannon L. President Reagan: The Role of a Lifetime. New York: Public Affairs, 2000. P. 192.

<http://www.cnn.com/2001/ALLPOLITICS/stories/02/05/reagan.lkl.trans>.

Davis P. Op. cit. P. 43.

Reagan R. Diaries. P. 6.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 9, 10, 16 etc.

Reagan M. On the Outside Looking In. New York: Zebra Books, 1989. P. 10.

The New York Times. 1999. Aug. 13.

Рейган Р Откровенно говоря. С. 20.

Actor, Ideologue, Politician: The Public Speeches of Ronald Reagan.
Westport, CT: Greenwood Press, 1993. P. 6.

Noble D. Forces of Production: A Social History of Industrial Automation. New York: Alfred A. Knopf, 1984. P. 5, 6; *Чернявский Г, Дубова Л.* Трумэн. С. 220, 221.

Weisberg J. Op. cit. P. 31.

Actor, Ideologue, Politician. P. 8.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 72.

Las Vegas Sun. 2016. March 6.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 4, 5.

Ibid. P. 23.

Ibid. P. 27, 28.

Reagan R. An American Life. P. 129.

Weisberg J. Op. cit. P. 35.

Reagan R. An American Life. P. 128.

Encyclopedia of Television. New York: Routledge, 2013. P. 970.

Chambers W. Witness. New York: Random House, 1952.

Hazlitt H. Economics in One Lesson. New York: Harper and Brothers, 1946.

Hayek E-A. The Road to Serfdom. Chicago: Univesity of Chicago Press, 1944.

Boulware L. The Truth about Boulwarism: Trying to Do Right Voluntarily. Washington, DC: Bureau of National Affairs, 1969.0 влиянии идей булваризма на Рейгана подробнее см.: *Evans Th.* The Education of Ronald Reagan: The General Electric Years and the Untold Story of His Conversion to Conservatism. New York: Columbia University Press, 2008.

Чернявский Г., Дубова Л. Эйзенхауэр. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 311, 312.

Reagan R. An American Life. P. 129.

University of California at Berkeley. Bancroft Library. Oral History Office.
Dunckel E. Ronald Reagan and the General Electric Theater, 1954–1955.

The Best Commencement Speeches // <https://www.google.com/search?q=jq63FZu4abrbCbEBLZpaqnUdxBcmttTnobunJKkrfeaToh88Ex711nTufKUPL3oxP6MnsltUHWOrK5FEgJFLt9psYCewEVF5s%2FIj9ED19QFeKGibP%2F+IW06XOydMy8bC&enablesearch=true>.

Weisberg J. Op. cit. P. 38.

Actor, Ideologue, Politician. P. 19.

Ibid. P. 28.

Reagan R. An American Life. P. 135, 136.

Иванян Э. А. Указ. соч. С. 97.

Горкина Т. И. Комплексное преобразование долины реки Теннесси // НГ — Сценарии. 1998. № 9.

Reagan R. Where's the Rest of Me? P. 306.

Herting J. The Great Price Conspiracy. Washington, DC: Robert B. Luce, 1962.

Moldea D. Dark Victory: Ronald Reagan, MCA, and the Mob. New York: Viking, 1986. P. 193, 194.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 115.

RRPL. General Electric Folder. J. Stanford Smith' Letter. 1962. March 30.

Ibid. J. Stanford Smith' Letter. 1962. Apr. 25.

*Allen J. Maureen Reagan, 60, Dies of Cancer // Los Angeles Times. 2001.
Aug. 9.*

Reagan M. On the Outside Looking In. P. 96.

Reagan R. My Father at 100. New York: Viking, 2011.

Hohmann J. Mike Reagan Calls Brother, Ron Reagan, an Embarrassment//Politico. 2011. Jan. 15.

New American. 2017. March 6.

Davis P. The Way I See It: An Autobiography. New York: Putnam, 1992.

Komblum J. Reagan Daughter's New Leaf // USA Today. 2004. Nov. 16.

Davis P., The Way I See It: An Autobiography. New York: Putnam, 1992. P. 150.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 94.

RRPL. White House Diary. 1981. May 18.

Подробнее см.: *Дубова Л., Чернявский Г. Клан Кеннеди. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 567–583.*

Геевский И. А. США: Негритянская проблема: Политика Вашингтона в негритянском вопросе. М.: Наука, 1973. С. 196–202.

См. детальную четырехтомную биографию Л. Джонсона: *Caro R.* The Years of Lyndon Johnson. New York: Viking Books, 1982, 1990, 2002, 2012. Vol. 1–4.

Цит. по: Фурсенко А. А. Критическое десятилетие Америки: 60-е годы.
Л.: Наука, 1974. С. 74, 75.

Polsky A. The Eisenhower Presidency: Lessons for the Twenty-First Century. Lanham, MD: Lexington Books, 2015. P. 33, 296.

A Time for Choosing: The Speeches of Ronald Reagan, 1961–1982. Chicago: Regnery, 1983. P. 41–57. Речь многократно публиковалась и другими издательствами.

Иванян Э. А. Указ. соч. С. 20.

Broder D. The Republican Establishment: The Present and Future of GOP. New York: Harper and Row, 1967. P. 253.

RRPL. Ronald Reagan Major Speeches. 1964–1989. A Time for Choosing. Televised Campaign Address for Goldwater Presidential Campaign. 1964. Oct. 27.

Leip D. 1964 Presidential Election Results: Dave Leip's Atlas of US Presidential Elections // <https://uselectionatlas.org/>.

Cannon L. Ronnie and Jesse. P. 74.

Rarick E. California Rising: The Life and Times of Pat Brown. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2005. P. 152, 153.

Douglass J. The California Idea and American Higher Education. Stanford, CA: Stanford University Press, 2000.

Reagan R. An American Life. P. 150.

Иванян Э. А. Указ. соч. С. 103, 125.

Stone B. The John Birch Society: A Profile // *Journal of Politics*. 1974. No. 1. P. 184–197.

Pemberton W. Exit with Honor: The Life and Presidency of Ronald Reagan. New York: Routledge, 1998. P. 69.

Murray W., Sinnreich R. Successful Strategies: Triumphant in War and Peace from Antiquity to the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 412.

Reagan M., Denney J. The New Reagan Revolution: How Ronald Reagan's Principles Can Restore America's Greatness. 2010. P. 111.

Kengor P. That Wall // National Review. 2007. June 12.

Cannon L. Governor Reagan. P. 157.

Cohen R., Reginald Z. eds. The Free Speech Movement: Reflections on Berkeley in the 1960s. Berkeley, CA: University of California Press, 2002;
Cloke K. Democracy and Revolution in Law and Politics: The Origin of Civil Liberties Protest Movements in Berkeley: From TASC and SLATE to FSM (1957–1965). Ph. D. Dissertation. Los Angeles: University of California, 1980.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 29.

Anderson T, Lee E. The 1966 Election in California // *The Western Political Quarterly.* 1970. No. 2. P. 535–554.

Weisberg J. Op. cit. P. 46.

Kahn J. Ronald Reagan Launched Political Career Using the Berkeley Campus as a Target // UC Berkeley News. 2004. June 8.

Ambinder M. When Ronald Reagan (Sort of) Fought of the Dignity of Gays
// The Week. 2013. Jan. 24.

Reeves R. Op. cit. P. 117.

Hays C. Holmes Tuttle in «Kitchen Cabinet» // The New York Times. 1989.
June 17.

https://en.wikipedia.org/wiki/Holmes_Tuttlehttps://en.wikipedia.org/wiki/Holmes_Tuttle

<http://www.heritage.org/about-heritage/staff/leadership/departments/thomas-a-roe-institute-for-economic-policy-studies><http://www.heritage.org/about-heritage/staff/leadership/departments/thomas-a-roe-institute-for-economic-policy-studies>.

The Guardian. 2003. March 19.

Kirkpatrick D. The 2004 Campaign: The Conservatives. Club of the Most Powerful Gathers in Strictest Privacy // New York Times. 2004. Aug. 28.

Cannon L. Governor Reagan. P. 592.

<http://carmellife.com/justin-dart-reagans-kitchen-cabinet-2>
<http://carmellife.com/justin-dart-reagans-kitchen-cabinet-2>.

Los Angeles Times. 2009. Dec. 7.

См. мемуары У. Смита с кратким предисловием Р. Рейгана: *Smith W. Law and Justice in the Reagan Administration: The Memoirs of an Attorney General*. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1991.

Cm.: *Kenger P* The Judge: William P. Clark, Ronald Reagan's Top Hand. San Francisco: Ignatius Press, 2007.

RRPL. Desk Files. Interview to Iuri Zhukov.

Жуков Ю. Воскрешение динозавра // Правда. 1975. 11 апреля.

Kahn J. Ronald Reagan Launched Political Career Using the Berkeley Campus as a Target // News Center. 2004. June 8.

См.: *Kellner D.* Herbert Marcuse and the Crisis of Marxism. London: Macmillan, 1984; *The Great Refusal: Herbert Marcuse and Contemporary Social Movements.* Philadelphia: Temple University Press, 2017.

<http://www.goodreads.com/quotes/64662-a-hippie-is-someo-ne-who-looks-like-tarzan-walks-like>.

Rosenfeld S. Op. cit.

The Times Machine Archive. Frank J. Priol. Carnegie Study Author. 1970.
Dec. 4.

Cannon L. President Reagan. P. 113.

The Free Speech Movement: Reflections on Berkeley in the 1960s.
Berkeley, CA: University of California Press. P. 427.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 150.

<https://presidentialcampaignselectionsreference.wordpress.com/overviews/20th-century/1968-overview>.

Weisberg J. Op. cit. P. 49.

Leadership in the Reagan Presidency. Part 2. Eleven Intimate Perspectives.
Lanham, MD: University Press of America, 1993. P. 155.

Reagan R. Abortion and the Conscience of the Nation. Nashville: Thomas Nelson, 1984.

RRPL. Governor's Office (далее — GO). 1967–1975. Series 1. Subseries B.

Cannon L. Governor Reagan. P. 296 etc.

Reagan R. Reflections on the Failure of Proposition No. 1: On Spending and the Nature of Government // National Review. 1973. Dec. 7.

Weisberg J. Op. cit. P. 52.

Истории «Уотергейтского дела» посвящена огромная американская литература, из которой серьезной и объективной является только малая часть. Наиболее подробно см.: *Colodny L., Gettlin R. Silent Coup: The Removal of a President.* New York: St. Martin's Press, 1991; *Emery E. Watergate: The Corruption of American Politics and the Fall of Richard Nixon.* New York: Times Books, 1994; *Genovese M. The Watergate Crisis.* Westport, CT: Greenwood, 1999.

Schlesinger A. Imperial Presidency. Boston: Houghton Mifflin, 1973.

RRPL. GO. Press-Conferences. Press-Conference. 1974. June 11.

Ibid. June 28.

Ibid. Aug. 27.

218

RRPL. GO. Box P 16. Press Releases. 1974. October.

Kalb M. It's Called the Vietnam Syndrome, and It's Back. Washington, DC: Brookings Institution, 2013; *Jacobsen K.* Afghanistan and the Vietnam Syndrome // Economic and Political Weekly. 2001. No. 36.

RRPL. Pre-Presidential Speeches. Speech to Second Conservative Political Action Conference. 1975. Febr. 15.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 129.

RRPL. Pre-Presidential Speeches. Let the People Rule. Executives Club. McCormick Place. Chicago. 1975. Sept. 26.

Cannon L. Reagan. P. 202.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 105.

<https://www.rottentomatoes.com/m/macarthur><https://www.rottentomatoes.com/m/macarthur>.

RRPL. Pre-Presidential Speeches. Announcement for Presidential Candidacy. 1975. Nov. 20.

Witcover J. Marathon: the Pursuit of the Presidency, 1972–1976. New York: Viking, 1977. P. 373.

Подробнее см.: *Hellerstein J., Hellerstein W. State and Local Taxation: Cases and Materials*. St. Paul: West Academic, 2001.

FBLA. 15-379-4. Presidential Candidate Ronald Reagan. 1976. March 31
etc.

Cannon L. Reagan. P. 206.

«Welfare Queen» Becomes Issue in Reagan Campaign // The New York Times. 1976. Febr. 15.

The Welfare Queen // Slate. 2013. Dec. 19.

Подробный анализ проблемы см.: *Weart S. Nuclear Fear: A History of Images*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 106, 107.

New York Magazine. 1980. July 21.

Посев. 1982. № 15. С. 57, 58.

Chicago Tribune. 1976. Aug. 18.

Instant Replay: How Ford Won It // Time. 1976. Aug. 30. P. 16.

https://en.wikipedia.org/wiki/1976_Republican_National_Conventionhttps://en.wikipedia.org/wiki/1976_Republican_National_Convention.

Barreaoux T. Reagan's Post-Defeat Acceptance Speech in 1976 // The Washington Post. 2016. Apr. 26.

RRPL. Pre-Presidential Speeches. A Shining City on a Hill: Reagan's Impromptu Concession Speech. 1976. Aug. 19.

Bergen P Holy War, Inc.: Inside the Secret World of Osama bin Laden.
New York: Simon and Schuster, 2001. P. 68.

Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996. С. 485.

Yergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. New York: Simon and Schuster, 1991. P. 140 *etc.*

Наиболее полно и объективно президентство Картера со всеми его благими намерениями и неудачами рассмотрено в книгах: *Boyte P* Jimmy Carter: A Comprehensive Biography: From Plains to Post-Presidency. New York: Scribner, 1997; *Kaufman B*. The Presidency of James Earl Carter Jr. Lawrence: University Press of Kansas, 1993.

Jackson B. Bunny Goes Bugs: Rabbit Attacks President // The Washington Post. 1979. Aug. 30; Jimmy Carter Rabbit Incident // https://en.wikipedia.org/wiki/Jimmy_Carter_rabbit_incidenthttps://en.wikipedia.org/wiki/Jimmy_Carter_rabbit_incident.

Weisberg J. Op. cit. P. 57.

Shultz G. Foreword // *Reagan in His Own Hand* /Ed. by K. Skinner and others. New York: Simon and Schuster, 2002. P.

Reagan in His Own Hand. P. 15.

Ibid. P. 34.

[http://mikesalwaysright.blogspot.com/2004/11/quotes-from-ronald-reagan.](http://mikesalwaysright.blogspot.com/2004/11/quotes-from-ronald-reagan)

Добрынин А, Ф. Указ. соч. С. 547.

Reagan in His Own Hand. P. 31.

Штурман Д., Тиктин С. Советский Союз в зеркале политического анекдота. London: Overseas Publications, 1985.

Weisberg J. Op. cit. P. 59.

Kirkpatrick J. Dictatorships and Double Standards // Commentary. 1979.
No. 5.

Vaisse J. Neoconservatism: The Biography of a Movement. Cambridge: Harvard University Press, 2010.

Anderson M. Revolution. San-Diego, CA: Harcourt Brace Jovanovich, 1988. P. 83.

Heurlin B., Rynning S., Eds. Missile Defence: International, Regional and National Implications. London: Routledge, 2005.

Beilenson L. The Treaty Trap. Washington, DC: Public Affairs Press, 1969.

Beilenson L. Survival and Peace in the Nuclear Age. Chicago: Regnery, 1980.

RRPL. Address at Commencement Exercises at the United States Military Academy. 1981. May 27.

The New York Times. 1978. Dec. 13.

Ibid. 1979. June 14.

Congressional Record. 96th Congress. 1st Session. Washington, DC:
Government Printing Office, 1979. P. 15475.

Подробнее см.: *Дубова Л., Чернявский Г.* Клан Кеннеди. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 656–662.

Stanley T. Kennedy vs. Carter: The 1980 Battle for the Democratic Party's Soul. Lawrence: University Press of Kansas, 2010.

Moin B. Khomeini: Life of the Ayatollah. New York: St. Martin's Press, 2000. P. 221–226.

<http://manythingsconsidered.com/politics-is-motion>.

Подробнее см.: *Reagan M. Lessons My Father Taught Me*. P. 49.

Mangu-Ward K. Kerry on Reagan // Tricky Politics. 2010. March 11.

Gfroerer J. Powerful as Truth: William Loeb and 35 Years of New Hampshire. Concord, NH: Company Video, 2001. P. 114.

Stahl L. Reporting Live. New York: Touchstone, 1999. P. 113.

Thomas H. Thanks for the Memories, Mr. President: Wit and Wisdom from the Front Row at the White House. New York: Scribners, 2003. P. 128.

Интересные воспоминания об этих переговорах оставил участвовавший в них советник Рейгана по вопросам внешней политики Р. Аллен (*Allen R. How the Bush Dynasty Almost Wasn't // Hoover Digest. Research and Opinion on Public Policy. 200. No. 4 // <https://web.archive.org/web/20080706011738/http://www.hoover.org/publications/digest/3492521.html>*).

RRPL. Address Accepting the Presidential Nomination at the Republican National Convention in Detroit. 1980. July 17.

The New York Times. 1980. Sept. 28.

Wayne S. Road to the White House. New York: St. Martin's Press, 1984. P. 210.

Это, в частности, многократно показывают политологи, проводшие сравнительное исследование избирательных кампаний Рейгана и Б. Н. Ельцина (*Skinner K., de Mesquita B., Kudelia S., Rice C. The Strategy of Campaigning: Lessons from Ronald Reagan and Boris Yeltsin. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2010*).

Frum D. How We Got Here: The 70s. New York: Basic Books, 2000. P. 161.

Williams D. Jerry Falwell's Sunbelt Politics: The Regional Origins of the Moral Majority // *Journal of Policy History*. 2010. № 2. P. 125–147.

Carter J. White House Diary. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010.
P. 469.

Billy Graham: an Appreciation // Baptist History and Heritage. 2006. June 22.

The New York Times. 1980. Aug. 4.

RRPL. Labor Day Speech at Liberty State Park, Jersey City, New Jersey.
1980. Sept. 1.

Carter J. Op. cit. P. 461, 462.

<https://www.cbsnews.com/news/here-we-go-again-544188>
<https://www.cbsnews.com/news/here-we-go-again-544188/>

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 481.

Широкорад А. Операция «Орлиный коготь» // Военное обозрение.
2013. 6 декабря.

Carter J. Op. cit. P. 469.

Craig Sh. Rendezvous with Destiny: Ronald Reagan and the Campaign that Changed America. Wilmington, Delaware: ISI Books, 2009. P. 478.

The New York Times. 1980. Oct. 29.

https://en.wikipedia.org/wiki/United_States_presidential_election,_1980.

RRPL. The Carter-Reagan Presidential Debate. 1980. Oct. 28.

Hitchens Ch. Peanut Envy: The Latest Absurdities to Emerge from Jimmy Carter's Big, Smug Mouth // Slate Magazine. 2007. May 21.

296

<http://www.azquotes.com/quote/1337138>.

Reeves R. Op. cit. P. 2.

RRPL. Inaugural Address. 1981. Jan. 20.

Фильм доступен в Интернете: [http://dok911ru.com/doku-mentalnie-filmi/1810-arhivnye-tayny-1981 — god-osvobozhdenie-amerikanskih-zalozhnikov-v-irane-2014.html](http://dok911ru.com/doku-mentalnie-filmi/1810-arhivnye-tayny-1981---god-osvobozhdenie-amerikanskih-zalozhnikov-v-irane-2014.html).

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 111.

Weisberg J. Op. cit. P. 68.

<http://askgleaves.blogspot.com/2005/01/cost-of-inaugurations.html>.

Baker J. Work Hard, Study... and Keep Out of Politics! New York: Putnam's Sons, 2006. P. 122.

Gailey Ph., Weaver W. «Briefing» // The New York Times. 1982. June 5.

См.: *Гарбузов В. Н.* Александр Хейг, или Три карьеры одного генерала.
М.: Наука, 2004.

Reagan R. An American Life. P. 270.

The New York Times. 1981. Nov. 15; *Burch Ph.* Reagan, Bush and Right-Wing Politics: Elites, Think Tanks, Power and Policy. Greenwich: JAI Press, 1998. P. 19.

RRPL. Supreme Court Justices. 1981–1989.

Garrow D. Liberty and Sexuality: The Right to Privacy and the Making of Roe v. Wade. New York: Macmillan, 1994.

Reagan R. Diaries. P. 35.

National Archives of the United States (далее — NAUS). Records of the United States Senate. President Ronald Reagan's Nomination of Sandra Day O'Connor to Be Associate Justice of the Supreme Court of the United State. 1981. August 19. RG 46.

RRPL. Supreme Court Justices. 1981–1989.

Reagan R. Diaries. P. 98.

Ibid. P. 69.

Weisberg J. Op. cit. P. 83.

Reagan R. Diaries. P. 121.

RRPL. Speeches. Address Before a Joint Session of the Congress on the Program for Economic Recovery. 1981. Febr. 18.

America's New Beginning: A Program for Economic Recovery.
Washington, DC: The White House, Office of the Press Secretary, 1981.

Э. А. Иванян ошибся, утверждая, что Рейган выступал перед делегатами всего объединения АФТ-КПП (*Иванян Э. А. Указ. соч. С. 272*).

RRPL. Speeches. Remarks at the National Conference of the Building and Construction Trades Department, AFL-CIO. 1981. March 30.

Детальные сведения о подготовке покушения и действиях Хинкли со схемами и фотографиями содержатся в объемистом досье, составленном в ФБР по результатам расследования этого дела: Federal Bureau of Investigations Archives. Washington Field Office. Prosecutive Report. Attempted Assassination of Ronald Reagan.

Cohn V. James Brady and His Odyssey // The Washington Post. 1981. Nov. 23; *Purdum T.* Remembering James S. Brady // The Washington Post. 2014. Aug. 4.

FBLA. Washington Field Office. Prosecutive Report. Attempted Assassination of Ronald Reagan; The Washington Post. 1981. Apr. 1; The New York Times. 1981. Aprl. 2, 4.

FBLA. Washington Field Office. Prosecutive Report. Attempted Assassination of Ronald Reagan; RRPL. Ronald Reagan: Chronology of the Shooting.

Baker J. Op. cit. P. 146.

John Hinckley Jr. to Begin Living Full-Time in Virginia Sept. 10. Associated Press. September 01, 2016 // <http://www.foxnews.com/us/2016/09/01/john-hinckley-jr-to-begin-living-full-time-in-virginia-sept-10.html>.

FBLA. Washington Field Office. Prosecutive Report. Attempted Assassination of Ronald Reagan.

RRPL. Press Conference and Press Releases — Assassination Attempt 1–3.

The New York Times. 1982. May 1.

Cannon L. President Reagan. P. 203.

331

The New York Times. 1981. June 19.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 32.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 524.

The New York Times. 1981. Apr. 15.

Rensselaer Polytechnic Institute. Institute Archives and Special Collections.
Collection Number 1987-12. George M. Low Papers. Reagan Transition Team
Papers.

The New York Times. 1981. Apr. 15.

Reagan Given Ovation On Returning to Offices // New York Times. 1981.
Apr. 25.

RRPL. Speeches. Address Before a Joint Session of the Congress on the Program for Economic Recovery. 1981. Apr. 28.

Langer G. Reagan's Ratings: Great Communicator's Appeal Is Greater in Retrospect // ABC News. 2004. June 7 // <http://abcnews.go.com/us><http://abcnews.go.com/us>.

O'Neil Th. Jr. Frenemies: A Love Story // The New York Times. 2012. Oct.
5. Любопытно название этой книги, которое можно перевести как «Врузья», то есть одновременно враги и друзья.

Tolchin M. Thomas P. O'Neill Jr., a Democratic Power in the House for Decades, Dies at 81 // The New York Times. 1994. Jan. 7.

Reagan R. An American Life. P. 250.

Об этом и многих других фактах, связанных с отношениями Рейгана и О'Нейла, см.: *Farrell J. Tip O'Neill and the Democratic Century*. Boston: Little, Brown and Co, 2001.

Wanniski J. The Way the World Works: How Economies Fail — and Succeed. New York: Basic Books, 1978.

Say J.-B. A Treatise on Political Economy; Or the Production Distribution and Consumption of Wealth. New York: Batoche Books Kitchener, 2001, P. 136–139.

https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%9B%D0%B0%D1%84%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B0.

*Bodnar J. Economist: We're Taxing the Wrong Things // Kiplinder. 2015.
May 7.*

RRPL. Speeches. 1981. Address to the Nation on the Economy. 1981. Febr.
5.

The Reagan Presidency: Pragmatic Conservatism and Its Legacies. Ed. by W. Brownee and H. Graham. Lawrence: University Press of Kansas, 2003. P. 211.

Weisberg J. Op. cit. P. 74.

Hutchenson M. To Treat the Fed as Volcker Did // The New York Times.
2008. Nov. 4.

Office of Management and Budget: Historical Tables. Washington, DC: Government Printing Office, 2016. Table 1.1.

Greider W. The Education of David Stockman // *The Atlantic Monthly*.
1981. Dec.

Reagan R. Diaries. P. 48.

Ibid. P. 53.

Weisberg J. Op. cit. P. 76.

RRPL. Speeches. Remarks on Signing the Tax Reform Act of 1986. 1986.
Oct. 22.

Налоговой реформе 1986 года и отдельным ее аспектам, позитивным и отрицательным сторонам посвящена обширная специальная литература. Наиболее значительными и сравнительно популярными следует считать: General Explanation of the Tax Reform Act of 1986. Washington, DC: Government Printing Office, 1987; *Birnbaum J., Murray A.* Showdown at Gucci Gulch: Lawmakers, Lobbyists, and the Unlikely Triumph of Tax Reform. New York: Vintage Books, 1988; *Pechman J.* Tax Reform: The Rich and the Poor. Washington, DC: Brookings Institution, 1989; *Do Taxes Matter? The Impact of the Tax Reform Act of 1986* / Ed. by J. Slemrod. Cambridge, Mass: MIT Press, 1990; *Berkman M.* The State Roots of National Politics: Congress and the Tax Agenda, 1978–1986. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1993.

Weisberg J. Op. cit. P. 76, 77.

Coleman D. Unemployment Rates by Presidents. 1948–2016 // <https://historyinpieces.com/research/us-unemployment-rates-pre-sident%20>.

361

https://studme.org/19921015/politekonomiya/reyganomika_tseli_metody_rezultaty.

Roberts P The Real Reagan Record // National Review. 2004. June 10.

<http://www.nationalreview.com/article/447336/reagan-tax-cuts-beneficial-effects-ignored-new-york-times>

Niesen M. The Little Old Lady Has Teeth: The US Federal Trade Commission and the Advertising Industry. 1970–1973 // *Advertising and Society Review*. 2012. No. 4.

Nolan M. Fundamentals of Air Traffic Control. Pacific Grove, CA: Brooks and Cole, 1999.

Beik M. Labor Relations. Westport, Connecticut: Greenwood Publishing Group, 2005. P. 249–257.

RRPL. Speeches. Remarks and a Question-and-Answer Session with Reporters on the Air Traffic Controllers Strike. 1981. Aug. 3.

The New York Times. 1981. Nov. 5.

McCartin J. The Strike That Busted Unions // The New York Times. 2011.
Aug. 2.

Reeves R. Op. cit. P. 13.

Weisberg J. Op. cit. P. 81.

Stockman D. The Triumph of Politics: Why the Reagan Revolution Failed. New York: Harper and Row, 1986. P. 291.

Regan D. For the Record: From Wall Street to Washington. San Diego: Harcourt Trade Publishers, 1988. P. 3–5, 68.

RRPL. News Conferences. News Conference. 1981. Jan. 29.

Леонов А. Зерновой диктат // Столетие. Интернет-журнал. 2012. 10 июля // <https://www.searchencrypt.com/search?eq=CTaiAsx83hzFxFxNioizQI6L89p2puSbFgdGmO%2F%2Fx6RuxklxT2uWaWivcMUhFk%2F%2BoSydnRGyz9iBCfdsdPR69Hmqk7rxipTr9u5eRt snVleOeqLjqlUrlVynukb41H2elq%2B44qdkT8hyKrKtSZAoYx9tUD GT 11 PmzbZP%2FYwhXvfc3do 1 rB6IjBGV%2B01 KzSrfgBuPncr%2F tbO 13nMp0eLAyFxbjjRQCILL%2FhtgXFojKZiCzfQm8Gqly4OKX % 2B9FIZkJ6GVY471E%2Fn%2FtQyeLvFhKcXAfs8EwNmkbriLUKUi8 ixWE4xQ7fQfAw2kGD%2FjO9179JJ7NXVX9EFbKdZbxRf6njNwa CiPMHxyeTHP7drYIC3I6%2B4%2BFfAqxda4bdl5Algg7C2FFp%2F fSLjtQvVxbtPHItxJ7n9InwldF99aZcIG%2FxNYyu50mkapg%2BCVi YfHFF%2FAGsO>.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 431.

Там же. С. 482.

Там же. С. 483.

Paul Craig Roberts Rages: «Are You Ready To Die?» // Zero Hedge. 2017. May 13., (Чернявский Г. Превратности судьбы, или Как советские спецслужбы невольно помогли одной карьере // Чернявский Г. Новые притчи о Правде и Лжи. С. 343, 344).

Garthoff R. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington, DC: Brooking Institution Press, 1994. P. 41.

RRPL. Speeches. Remarks to Members of the National Press Club on Arms Reduction and Nuclear Weapons. 1981. Nov. 18.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 512.

Там же. С. 513.

Иванян Э. А. Указ. соч. С. 297–299.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 519.

National Military Strategy of the United States. Washington, DC: Department of Defense, 1992. P. 5.

387

Правда. 1981. 21 октября.

Союз Советских Социалистических Республик. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 45.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 521, 522.

Там же. С. 522.

Weisberg J. Op. cit. P. 100.

Haig A. Caveat, Realism, Reagan, and Foreign Policy. London: Macmillan, 1984. P. 101.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 502.

Shultz G. Turmoil and Triumph: My Years as Secretary of State. New York: Scribner's Sons, 1993. P. 117.

Reagan R. An American Life. P. 551.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 535.

Млечин Л. Андропов: Последняя надежда режима. СПб.: Пальмира, 2017. С. 577.

О'Салливан Дж. Тэтчер и Рейган: Феномен дружбы // Радио Свобода.
2013. 9 апреля // <https://www.svoboda.org/a/24952679.html>.

RRPL. Speeches. Address to Members of the British Parliament. 1982. June 8.

Turner S. Bum before Reading: Presidents, CIA Directors, and Secret Intelligence. New York: Hyperion, 2005. P. 189.

401

Central Intelligence Agency Archives (далее — CLAA). CIA-RDP87M00539-5R002404030010.

Ibid. CLA-RDP83M00914R001900200003-1.

Webb G. Dark Alliance: The CIA, the Contras, and the Crack Cocaine Explosion. New York: Seven Stories Press, 1998. P. 74.

Theoharis A. A Culture of Secrecy: The Government Versus the People's Right to Know. Kansas: University Press of Kansas. 1998. P. 27.

CLAA. CLA-RDP85M00363R001002080015-9. Любопытно, что подлинник этого письма оказался в Архиве ЦРУ. Видимо, туда он был передан по распоряжению Рейгана, решившего, что этим он продемонстрирует свое благорасположение к «разведывательному сообществу».

Reed Th. *At the Abyss: An Insider's History of the Cold War.* New York: Precigio Press, 2004. P. 269.

См.: *Лекарев С., Крамар В.* Полковник Ветров, он же агент Farewell // Независимое военное обозрение. 2004. № 15.

Впервые этот тезис выдвинул видный специалист по теории взрывов В. Д. Захматов, а затем его выводы дополнялись другими специалистами (*Захматов В. Д. Техника многоплановой защиты. М.: ИПМ АН СССР, 1991; Троянский конь из конюшни ЦРУ И Труд. 2004. 4 марта*).

См., например: CIAA. CIA-RDP91B00874R000100240013-2.pdf 336.2 KB; CIA-RDP91-00587R000200890018-6.pdf 123.17 KB и др.

Crauthammer Ch. The Reagan Doctrine // Time. 1985. Apr.

Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи: В 2 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 2. С. 329.

Reagan R. An American Life. P. 474. (*Meyer K.* Editorial Notebook: The Elusive Lenin // The New York Times. 1985. Oct. 8).

На это, в частности, обращал внимание в интервью калифорнийской газете бывший пресс-секретарь Белого дома Ларри Спикс (*Horstman B. Bay of Pigs Press Strategy Ruled Out for Reagan // Los Angeles Times. 1990. Jan. 8*).

Reagan Terms Nicaraguan Rebels «Moral Equal of Founding Fathers» //
The New York Times. 1985. March 2.

Советские военные специалисты в Никарагуа // <http://www.checklist.ru/article/3896%20>.

Dillon S. Comandos: The CIA and Nicaragua's Contra Rebels. New York: H. Holt, 1991. P. 45.

Fisher L. How Tightly Can Congress Draw the Purse Strings? // American Journal of International Law. 1989. No. 4. P. 758–766.

Congressional Research Service. Congressional Use of Funding Cutoffs Since 1970 Involving U. S. Military Forces and Overseas Deployments. 2001. Jan. 10. P. 6.

Interview with Zbigniew Brzezinski // *Le Nouvel Observateur*. 1998. Jan. 15. P. 76. Примерно о том же рассказывал Бжезинский на научных семинарах в Университете имени Джонса Гопкинса (Балтимор), профессором которого он был в последние годы своей жизни (2014–2015). В семинарах принимал участие один из авторов этой книги.

Cooley J. Unholy Wars: Afghanistan, America and International Terrorism.
Virginia: Pluto Press, 1999. P. XIV.

421

GWU. NSA. 2003. May 12.

Cooley J. Op. cit. P. 14.

Laidi Z. The Superpowers and Africa: The Constraints of a Rivalry: 1960–1990. Chicago: University of Chicago Press, 1990; *Хазанов А. М.* Агостиньо Нето: Биографический очерк. М.: Наука, 1985.

Aaronovitch D. The Terrible Legacy of the Reagan Years // The Guardian.
2004. June 7.

Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Индрик, 2000. С. 173.

Gaddis J. The Cold War: A New History. New York: Penguin, 2005. P. 193.

См., например: *Shirley C. Another President, Another Pope* // US News. 2015. Sept. 24.

Подробно о роли Ватикана в разложении тоталитарной системы в Польше см.: *Perrone A. Pope John Paul II's Role in the Collapse of Poland's Communist Regime: Examining a Religious Leader's Impact on International Relations. Honors Thesis: University of Connecticut, 2012.*

Bernstein C., Politi M. His Holiness. New York: Doubleday, 1996. P. 388.

Brown A. The Rise and Fall of Communism. New York: Harper Collins, 2009. P. 436, 437.

Another President, Another Pope // <https://www.usnews.com/opinion/articles/2015/09/24/ronald-reagan-pope-john-paul-ii-and-the-alliance-that-won-the-cold-war>.

NAUS. US Department of State. Bureau of European and Eurasian Affairs.
U. S. Relations with the Holy See. Fact Sheet.

Weigel G. The President and the Pope // National Review. 2004. June.

Perrone A. Op. cit. P. 44.

Reeves R. Op. cit. P. 107.

Cortright D. Peace: A History of Movements and Ideas. London: Cambridge University Press, 2008. P. 147; *Shepherd L.* Gender Matters in Global Politics. New York: Routledge, 2010. P. 3—14.

437

The New York Times. 1982. June 13.

Kennedy E., Hatfield M. Freeze: How You Can Help Prevent Nuclear War.
New York: Bantam Books, 1982.

Ibid. P. 67.

См., например: *Смолин Г.* Кто убрал пророков «ядерной зимы»? // *Гудок.* 2003. 10 июля.

441

Christian Science Monitor. 1983. Dec. 14.

University of Missouri (St. Louis). Western Historical Manuscript Collection. National Nuclear Weapons Freeze Campaign Records. 1980–1986. Box 2. Folder 23. Congressional Voting Records. 1983. March — 1984. Febr.

RRPL. Speeches. Evil Empire Speech. 1983. March 8.

Murray W., Sinnreich R. Successful Strategies: Triumphant in War and Peace from Antiquity to the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 412.

RRPL. Speeches. Address to the Nation on Defense and National Security.
1983. March 23.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 559, 560.

RRPL. News Conferences. News Conference. 1983. March 29.

Lettow P. Ronald Reagan and His Quest to Abolish Nuclear Weapons. New York: Random House, 2005. P. 247 etc.

<https://www.llnl.gov/missions>.

Reeves R. Op. cit. P. 142.

Reagan R. Diaries. P. 130.

О роли Теллера в инициативе и разработке СОИ см.: *Goodchild P* Edward Teller, the Real Dr. Strangelove. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004.

Саган К. Мир, полный демонов: Наука — как свеча во тьме. М.: Альпина, 2014. С. 348, 349.

См., например: *FitzGerald F. Way Out There in the Blue: Reagan, Star Wars, and the End of the Cold War*. New York: Simon and Schuster, 2000. P. 16, 17.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 544–547.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 567, 568.

RRPL. Speeches. President Reagan's Address to the Nation on the Soviet Attack on a Korean Airliner. 1983. Sept. 5.

St. John J. Day of the Cobra: The True Story of KAL Flight 007. Nashville, TN: Thomas Nelson, 1984.

Clubb O. KAL Flight 007: The Hidden Story. New York: Permanent Press, 1985.

Dallin A. Black Box: KAL 007 and the Superpowers. Berkeley: University of California Press, 1985.

Ibid. P. 56.

Мухин Ю. И., Брюн М. Третья мировая над Сахалином, или Кто сбил южнокорейский лайнер? М.: Алгоритм, 2008.

463

Правда. 1983. 29 сентября.

Млечин Л. Указ. соч. С. 585.

Там же. С. 594.

Martin D., Walcott J. Best Laid Plans: The Inside Story of America's War against Terrorism. New York: Harper and Row, 1988. P. 125–130.

Russell L., Mendez A. Grenada 1983. London: Osprey, 1985.

The New York Times. 1982. Apr. 9.

Ibid. 1983. March 26.

Parisi A. Students's Reflect on Grenada Invasion // The New York Times.
1983. Nov. 6.

RRPL. Speeches. Address to the Nation on Events in Lebanon and Grenada. 1983. Oct. 27.

RRPL. Executive Orders. Executive Order 1983. Sept. 16.

White A. Symbols of War: Pershing II and Cruise Missiles in Europe. London: Merlin Press, 1983. P. 25–29.

GWU. NSA. Able Archer Exercise Scenario. Declassified.

Andrew Ch., Gordievsky O. KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. New York: 1992. P. 600.

Fischer B. The Reagan Reversal: Foreign Policy and the End of the Cold War. Columbia: University of Missouri Press, 2000. P. 123, 131.

GWU. NSA. Briefing Book No. 428. Parts 1–3; Able Archer 83: The Secret History of the NATO Exercise That Almost Triggered Nuclear War.

Shultz G. Turmoil and Triumph. P. 464.

Gates R. From the Shadow: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War. New York: Simon and Schuster, 1997. P. 273.

Reagan R Diary. P. 185, 186.

Fischer B. Op. cit. P. 120–122.

Reagan R. An American Life. P. 585.

Ibid. P. 588, 589.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 550.

GWU. NSA. The Vicious Circle of Intelligence.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 560, 561.

Reagan R. Diaries. P. 259.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 564, 565.

Reagan R. Diaries. P. 142.

490

Time. 1984. Jan. 2.

Fischer B. Op. cit. P. 137.

Reagan R. Diaries. P. 199.

RRPL. Speeches. Address to the Nation and Other Countries on United States-Soviet Relations. 1984. Jan. 16.

RRPL. National Security Decisions. Directive No. 172. Presenting the Strategic Defense Initiative.

Garthoff R. Op. cit. P. 142–144.

Schweizer P. Victory: The Reagan's Administration's Secret Strategy That Hastened the Collapse of the Soviet Union. New York: Atlantic Monthly Press, 1994; Reagan's War: The Epic Story of His Forty-Year Struggle and Final Triumph over Communism. New York: Random House, 2002.

Foreign Affairs. 1994. July — August. P. 168.

Чернявский Г. Падение Левиафана: Почему рухнул советский тоталитарный режим // *Чернявский Г.* Притчи о Правде и Лжи. Харьков: Око, 2003. С. 517–549. Автор статьи считает необходимым отметить, что в ее названии имеется неточность: речь идет не о режиме, а о тоталитарной системе.

См., например: *Мяло К. Г.* Россия и последние войны XX века (1989–2000): К истории падения «сверхдержавы». М.: Вече, 2002.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 581.

501

Reagan R. Diaries. P. 220.

502

RRPL. Executive Secretariat NSC. Box 39.

De Groot M. Ronald Reagan's 10 Best Quotes // Desert News (Utah).
2011. Febr. 7.

Правда. 1984, 16 августа. (Как Рональд Рейган напугал СССР, пошутив 11 августа 1984 года? // Аргументы и факты. 2014. 11 августа. См. Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 591.

505

Правда. 1984. 16 августа.

Time. 1985. Jan. *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 593.

Clines E Reagan Meeting Gromyko. Asks for Closer Ties // The New York Times. 1984. Sept. 24; *Добрынин А. Ф.* Указ. соч. С. 593, 594.

Балашев А. Витки «Спирали» и повороты судьбы // Наше наследие.
2007. № 81.

RRPL. Speeches. Address to the Nation Announcing the Reagan — Bush Candidacies for Reelection. 1984. Jan. 29.

Raines H. Party Nominates Rep. Ferraro; Mondale, in Acceptance, Vows Fair Policies and Deficit Cut // The New York Times. 1984, July 20.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 596.

Спрингстину посвящена обширная литература. Наиболее значительной представляется сравнительно недавняя документальная работа: *Burger J, Springsteen on Springsteen: Interviews, Speeches, and Encounters*. Chicago: Chicago Review Press, 2013.

RRPL. Speeches. Remarks at a Reagan-Bush Rally in Hammonton, New Jersey. 1984. Sept. 19.

https://en.wikipedia.org/wiki/B0m_in_the_U.S.A.

Skinner K., Anderson A., Anderson M. Reagan: A Life in Letters. New York: Free Press, 2003. P. 747, 748.

516

С передачей можно ознакомиться в Интернете: <https://www.youtube.com/watch?v=NpwdcmjBgNA>.

Washington Talk: Briefing; Denial from Pollster // The New York Times.
1987. Apr. 28.

518

Передача в Интернете: <https://www.youtube.com/watch?v=EU-IBF8nwSY>.

RaineJ. Creating Reagan's Image: S. F. Ad Man Riney Helped Secure Him a Second Term // SF Gate. 2004. June 9.

520

Time. 2014. Dec. 2.

RRPL. The First Reagan-Mondale Presidential Debate. 1984. Oct. 7.

Ronald Reagan Had Alzheimer's While President, Says Son // The Guardian. 2011. Jan. 17.

RRPL. The Second Reagan-Mondale Presidential Debate. 1984. Oct.

RRPL. Speeches. Evil Empire Speech. 1983. March 8.

Sharansky N. The View from the Gulag // The Weekly Standard. 2004. June 21.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 637.

Добрынин А. Ф, Указ. соч. С. 578.

Mondale W. 1984: There You Go Again... Again // Debating Our Destiny Transcript. PBS Newshour (Interview). Interview with J. Lehrer. 2000. Dec. [12//https://web.archive.org/web/20001212070100/http://www.pbs.org/newshour/debatingourdestiny/dod/1984-broad](https://web.archive.org/web/20001212070100/http://www.pbs.org/newshour/debatingourdestiny/dod/1984-broad).

Dowd M. Where's the Rest of Him? // The New York Times. 1990. Nov. 18.

530

GWU. NSA. FBI Files. 1985. June. C05332240.

531

CIAA. CIA-RDP91-00587R000100580011-8; CIA-RDP87T00
434R000300260017-9 *etc.*

RRPL. Speeches. Remarks on Signing the Gam — St. Germain Depository Institutions Act of 1982. 1982. Oct. 15.

Barth J., Trimbat S., Yago G. The Savings and Loan Crisis: Lessons from a Regulatory Failure. New York: Milken Institute, 1994. P. 58, 59.

Murdock E. The Due-On-Sale Controversy: Beneficial Effects of the Gam
— St. Germain Depository Institution Act of 1982 // Duke Law Journal. 1984.
No. 121. P. 121–140; *Murray J.* Enforceability of Mortgage Due-On-Sale
Clauses // https://www.americanbar.org/content/dam/aba/publishing/rpte_report/2015/2-March/enforceability_of_mortgage.authcheckdam.authcheckdam.

Riley M. Silent Sam Speaks Up // Time. 1989. Sept. 18.

The New York Times. 2016. Dec. 6.

Romano L. The Tangled Saga of Debora Gore Dean // The Washington Post. 1988. Aug. 7.

RRPL. Speeches. Remarks at a New York Republican Party Fundraising Dinner. 1984. March 6.

Sternberg W. Feeding Frenzy: The Inside Story of Wedtech. New York: Henry Holt and Co, 1989; *Traub J.* Too Good to Be True: The Outrageous Story of Wedtech. New York: Doubleday, 1990; *Thompson M.* Feeding the Beast: How Wedtech Became the Most Corrupt Little Company in America. New York: Scribner, 1990.

RRPL. Speeches. Second Inaugural Address. 1985. Monday. January 21.

Hecla H. Ronald Reagan and the American Public Philosophy: Pragmatic Conservatism and Its Legacies // *The Reagan Presidency*. P. 17–37.

<http://www.americanrhetoric.com/top100speechesall.html>.

RRPL. Executive Orders. Executive Order 12546. Presidential Commission on the Space Shuttle Challenger Accident. 1986. Febr. 3.

Report of the Presidential Commission on the Space Shuttle Challenger Accident. Washington, DC: Government Printing Office, 1986.

RRPL. Speeches. Explosion of the Space Shuttle Challenger. Address to the Nation. 1986. Jan. 28.

Kirkpatrick J. Dictatorships and Double Standards: Rationalism and Reason in Politics. New York: Simon and Schuster, 1982.

Biskupic J. American Original: the Life and Constitution of Supreme Court Justice Antonin Scalia. New York: Sarah Crichton Books, 2009. P. 104–109.

The Milwaukee Journal. 1986. Aug. 5.

Tomlins Ch. The United States Supreme Court. New York: Houghton Mifflin, 2005. P. 492.

Colucci F. Justice Kennedy's Jurisprudence: The Full and Necessary Meaning of Liberty. Lawrence: University Press of Kansas, 2009.

Eastland T. Ending Affirmative Action: The Case for Colorblind Justice. New York: Basic Books, 1996.

Borowski S. Affirmative Action and Reverse Discrimination: Walking the Fine Line. Insight into Diversity. Washington, DC: Potomac Publishing, 2012.

Federal Judicial Center. Biographical Directory of Federal Judges, 1789-Present//<https://web.archive.org/web/20160730115701/http://www.gc.gov/public/home.nsf/hisj>.

Terkel A. The Federalist Society: Where Are They Now? // Politics. 2010.
Nov. 18.

The Federalist Society for Law and Public Policy Studies: Our Purpose // <https://fedsoc.org/aboutus>.

Branigin W. U. S. Migrant Law Falls Hard on Jobless in Central Mexico //
The Washington Post. 1987. March 3.

99th Congress. Public Law 99-608. 1986. Nov. 6. Washington, DC.:
Government Printing Office, 1987. P. 3359.

RRPL. Speeches. Statement on Signing the Immigration Reform and Control Act of 1986. 1986. Nov. 6.

Massey D. Categorically Unequal: The American Stratification System. New York: Russel Sage Foundation, 2007. P. 143–145.

Baker S. Effects of Immigrant Legalization on Crime // American Economic Review. 2015. No. 5. P. 210–213.

RRPL. State of the Union Message. 1986. Febr. 3.

Ibid. Speeches. Address to the Nation on Welfare Reform. 1986. Febr. 15.

Whitman D. The Key to Welfare Reform // *The Atlantic Monthly*. 1987.
June.

Morris E. Op. cit. P. 645, 646.

RRPL. Speeches. Statement on Signing the Stewart B. McKinney Homeless Assistance Act. 1987. July 22.

<http://law.jrank.Org/pages/1266/Welfare-BRIEF-HISTORY-WELFARE-REFORM.html>.

Blasko A. Reagan and Heritage: A Unique Partnership // Contemporary Conservatism. 2004. June 7.

Eccleston Ch. Global Environmental Policy: Concepts, Principles, and Practice. Boca Raton, FL: CRC Press, 2010. P. 238.

<https://www.bloomberg.com/news/articles/2010-10-05/solar-panels-on-white-house-roof-removed-by-reagan-to-return-under-obama>.

Pyle Th. The High Cost of Rooftop Solar Subsidies // The Hill. 2016. Oct. 7.

Goldstein N. Global Warming. New York: Facts on File, 2009. P. 170.

RRPL. Mrs. Reagan's Crusade.

Loizeau P.-M. Nancy Reagan: The Woman Behind the Man. New York: Nova Publishers, 1984. P. 104, 105.

Benze J. Nancy Reagan: On the White House Stage. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2005. P. 62.

Ibid. P. 65.

National First Ladies Library. First Lady Biography: Nancy Reagan // <http://www.firstladies.org/biographies/firstladies.aspx?bio-graphy=41>.

Fein E. First Ladies at Meeting on Drug Abuse // The New York Times.
1985. Oct. 22.

RRPL. Speeches. «Just Say No» Address to the Nation. 1986. Sept. 14.

99th Congress. Public Law 99-570. Washington, DC. Government Printing Office, 1987. P. 3207.

McVey A. The 1989 NCCD Prison Population Forecast: the Impact of the War on Drugs. San Francisco: National Council on Crime and Delinquency, 1989.

Gaston H. Race, Morality, and Law: The Lingering Effects of the War on Drugs // https://www.huffingtonpost.com/herron-keyon-gaston/race-morality-and-law-the_b_6544286.html.

Bates E. Private Prisons // The Nation. 1998. Jan. 5. P. 13.

Alexander M. The New Jim Crow: Mass Incarceration in the Age of Colorblindness. New York: The New Press, 2010. P. 51.

<http://www.thehouseilivein.org/get-involved/drug-warhistory/>.

Andrew Ch., Gordievsky O. Instructions from the Center: Top Secret Files on KGB Foreign Operations. 1975–1985. London: Hodde and Stoughton, 1991. P. 589. *Boghardt Th.* Operation Infektion: Soviet Bloc Intelligence and Its AIDS Disinformation Campaign // *Studies in Intelligence*. 2009. No. 4. P. 1–24.

RRPL. News Conferences. News Conference. 1985. Sept. 17.

Understanding AIDS: A Message from the Surgeon General. HHS
Publication No. (CDC) HHS-88-8404.

San Francisco Chronicle. 1987. March 5.

US National Library of Medicine. The C. Everett Koon Papers. AIDS, the Surgeon General, and the Politics of Public Health.

Ulby N. In Pricey Cities, Being A Bohemian Starving Artist Gets Old. 2014. May 15//<https://www.npr.org/2014/05/15/312779821/in-pricey-cities-being-a-bohemian-starving-artist-gets-old-fast%20>.

Honan W. Book Discloses that Reagan Planned to Kill National Endowment for Arts // The New York Times. 1988. May 15.

Hall C. Hodsoll's Surprise // Milwaukee Journal. 1981. Dec. 14. P. 14.

NAUS. 47 FR 26119. 3 CFR. 1982. Executive Order 12367. President's Committee on the Arts and the Humanities.

A Nation at Risk: The Imperative for Educational Reform. A Report to the Nation and the Secretary of Education, United States Department of Education, by the National Commission on Excellence in Education. April 1983. Washington: Government Printing Office, 1963.

RRPL. Speeches. Remarks on Receiving the Final Report of the National Commission on Excellence in Education. 1983. Apr. 26.

RRPL. Address at Commencement Exercises at Seton Hall University in South Orange, New Jersey. 1983. May 21.

Strauss V. Ronald Reagan's Impact on Education Today // The Washington Post. 2011. Febr. 6.

RRPL. Speeches. Radio Address to the Nation on Education. 1985. Aug. 24.

См., например: *Cavelti G.* The Consequences of the Educational Policies and Program of the Reagan Administration // <http://docs.lib.purdue.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1370&context=eandc>.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 598.

601

RRPL. R. Reagan to K. U. Chernenko. 1984. July 2, 18, 26, 27; K. U. Chernenko to R. Reagan. 1984. June 6, July 7, 31.

602

Правда. 1984. 29 июня.

603

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 590, 591.

RRPL. Presidential Speeches. Address to the 39th Session of the United Nations General Assembly in New York. 1984. Sept. 24.

RRPL. R. Reagan to M. S. Gorbachev. 1985. March 11.

Ibid. M. S. Gorbachev to R. Reagan. 1985. March 24.

607

NAUS. Department of State. Head of State Files. Box 39. Secretary Gorbachev.

Reagan R. Diaries. P. 277.

Weisberg J. Op. cit. P. 121; *Mann J.* The Rebellion of Ronald Reagan: A History of the End of the Cold War. New York: Penguin Group, 2009. P. 67.

Massie R. Nicholas and Alexandra: An Intimate Account of the Last of the Romanovs and the Fall of Imperial Russia. New York, Athenum, 1967.

Massie S. Land of the Firebird: The Beauty of Old Russia. New York: Simon and Schuster, 1980.

612

Suzanne Massie Speaking on the 22nd Episode of the Television Documentary Cold War (TV series) // [https://en.wikipedia.org/wiki/ T rust,_but_verify](https://en.wikipedia.org/wiki/T_rust,_but_verify).

Mann J. The Lady Who Warmed Up the Cold War // <https://www.thedailybeast.com/the-lady-who-warmed-up-the-cold-war%20>.

Sipler D. Reagan and Gorbachev Sign Missile Treaty and Vow to Work for Greater Reductions // The New York Times. 1987. Dec. 9.

Massie S. Trust but Verify: Reagan, Russia and Me. Rockland, ME: Maine Authors Publishing, 2013.

Reagan R. Diaries. P. 412.

617

Margaret ThatcherTV Interview for BBC. 1984. Dec 17. Thatcher Archive
// <https://www.margarethatcher.org/document/105592>.

Weintraub B. Thatcher Speaks before Congress and Backs Reagan // The New York Times. 1985. Febr. 21.

Wilson J. The Triumph of Improvisation: Gorbachev's Adaptability, Reagan's Engagement, and the End of the Cold War. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2014. P. 89.

620

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 612.

Большаков Н. Антиалкогольная кампания в СССР // Дилетант. 2016. 18 марта.

Борисов А. По пути уменьшения опасности // Российское военное обозрение. 2007. № 12.

623

Оболенский И. Последняя тайна Белого Лиса // Совершенно секретно.
2014. 15 июля.

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 600, 601.

625

Там же. С. 605.

Морозов В. Всевидящее око России // Независимое военное обозрение.
2000. 14 апреля.

627

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 611, 612.

RRPL. Letters between President Reagan and General Secretaries. White House Staff Files. Reagan to Gorbachev. Apr. 4, 30, May 11, Oct. 22, 31, Nov. 1, 28, Dec. 7; Gorbachev to Reagan. Apr. 4, June 10, 22, Sept. 12, Oct. 12, Dec. 5.

629

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 603.

RRPL. Statement on Soviet and United States Compliance with Arms Control Agreements. 1985. June 10.

Ibid. Message to the Congress Transmitting a Report on Soviet and United States Compliance with Arms Control Agreements. 1985. June 10.

632

Правда. 1985. 11 июня.

Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы.
М.: РОССПЭН, 2010. С. 624, 625.

634

Правда. 1985. 4 июля.

RRPL. Speeches. Radio Address to the Nation on Soviet Strategic Defense Programs. 1985. Oct. 12.

636

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 623.

637

Детальные протоколы женевской встречи (именно протоколы, а не стенограммы) хранятся в Библиотеке Р. Рейгана: RRPL. Matlock MSS. Box 92137.

Diggins J. Ronald Reagan: Fate, Freedom, and the Making of History. New York: Norton and Co, 2007. P. 392.

639

Massie S. Trust but Verify. P 62.

640

Newsweek. 1985. Dec. 2.

Reagan N. Op. cit. P. 339–349.

RRPL. Letters between President Reagan and General Secretaries. Reagan to Gorbachev. 1985. Nov. 28, Dec. 7, 26. 1986. Febr. 16, 22; Gorbachev to Reagan. 1985. Dec. 24, 1986. Jan. 11, 14, Apr. 2.

RRPL. Speeches. New Year's Messages of President Reagan and Soviet General Secretary Gorbachev. 1986. Jan. 1.

644

Правда. 1986. 2 января.

Garthoff R. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington, DC: Brookings Institution, 1994. P. 281.

Абаринов В. Последний «шпион», который вернулся с холода // Совершенно секретно. 2008. № 9.

Daniloff N. Two Lives, One Russia. Boston: Houghton Mifflin, 1988. P. 147.

Об этом инциденте подробнее см.: *Млечин Л.* Ты моих выслал, я твоих выгоню // Новая газета. 2017. 29 июля.

Reagan R. Diaries. P. 437.

Меленберг А. Что теперь со «шпионами», которых обменивали много лет назад // Новая газета. 2010. 9 июля.

Daniloff N. Op. cit. P. 166.

RRPL. The Meetings of President Reagan and General Secretary Gorbachev. Reykjavik. Press.

Документы, прямо или косвенно связанные со встречей в Рейкьявике, хранятся: GWU. NSA. The Reykjavik File. Previously Secret Documents from US and Soviet Archives on the 1986 Reagan-Gorbachev Summit.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 124.

655

GWU. NSA. The Reykjavik File. Previously Secret Documents from US and Soviet Archives on the 1986 Reagan-Gorbachev Summit. Russian Transcript of Reagan-Gorbachev Summit in Reykjavik, 12 October 1986 (Afternoon).

656

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 654.

657

GWU. NSA. Gorbachev's Reflections on Reykjavik on the Flight to Moscow, 12 October 1986.

RRPL. Letters between President Reagan and General Secretaries. Reagan to Gorbachev. 1987. Apr. 10.

Kessler R. Moscow Station: How the KGB Penetrated the American Embassy. New York: Charles Scribner's Sons, 1989.

Weisberg J. Op. cit. P. 142.

661

RRPL. Letters between President Reagan and General Secretaries.
Gorbachev to Reagan. 1987. July 18.

Galant P. Geschichte der «Schandmauer» // Zeit. 1966. 20 Mai.

663

The New York Times. 1987. June 12.

Kengor P. That Wall U Review. 2007. June 12.

Robinson P. «Tear Down This Wall»: How Top Advisers Opposed Reagan's Challenge to Gorbachev — But Lost // Prologue Magazine. 2007. No. 2.

666

RRPL. Speeches. Remarks on East-West Relations at the Brandenburg Gate in West Berlin. 1987. June 12.

667

Правда. 1987. 13 июня.

USA Today. 2007. June 12.

Kalic S. Reagan's SDI Announcement and the European Reaction: Diplomacy in the Last Decade of the Cold War // *The Crisis of Ddtente in Europe: From Helsinki to Gorbachev 1975–1985.* New York: Routledge, 2008. P. 104.

Weisberg J. Op. cit. P. 142.

671

Apple R. Gorbachev a Hit with the American Public // The New York Times. 1987. Dec. 4.

672

См., например: СИАА 5166d4f999326091c6a60854.1988-04-06К

673

The New York Times. 1987. Dec. 1.

Armaments, Disarmament, and International Security. New York: Oxford University Press, 2007. P. 683.

Reagan R. An American Life. P. 715.

676

<http://ed-glezin.livejournal.com/835377.html>.

Reagan *R.* *An American Life.* P. 706, 707.

RRPL. Speeches. Remarks and a Question-and-Answer Session with the Students and Faculty at Moscow State University. 1988. May 31.

Reagan R. An American Life. P. 709.

Черняев А. С. Указ. соч. С. 755, 756.

Горбачев М. С. Годы трудных решений: 1985–1992. М.: Альфа-принт, 1993. С. 120–128

Черняев А. С. Указ. соч. С. 775, 776.

683

http://www.bbc.com/russian/international/2011/12/111201_us_irangate_25ar

Reagan R. Diaries. P. 50.

685

Church Committee Reports. Washington, DC: Government Printing Office, 1975–1976. Vol. 1-14.

Draper Th. A Very Thin Line: The Iran-Contras Affair. New York: Hill and Wang, 1991. P. 17–27.

Congressional Research Service. Congressional Use of Funding Cutoffs Since 1970 Involving US Military Forces and Overseas Deployments. January 10, 2001. Washington, DC: Government Printing Office, 2001. P. 6.

Reagan R. An American Life. P. 479.

Shanon Ph. Eight Men Are Charged with Pro-Libya Actions // The New York Times. 1988. July 21.

Сайкин Ю. Россия в силах остановить войну // Российская газета.
2006. 18 июля.

691

The New York Times. 1985. June 18, 22.

Ibid. June 19.

Hostage in a Hostage World: Hope Aboard Hijacked TWA 847. Saint Louis: Concordia Publishing House, 1985; *Ranstorp M.* Hizballah in Lebanon: The Politics of the Western Hostage Crisis. New York: St. Martin's Press, 1997.

The Miller Center. Ronald Reagan Oral History. George Shultz Interview.
2002. Dec. 18.

Kombluh P., Byrne M. The Iran-Contras Scandal: A Declassified History. New York: New Press, 1993. P. 213.

Reagan R. An American Life. P. 411.

Об этом подробно см.: *Timmerman K. Fanning the Flames: Guns, Greed, and Geopolitics in the Gulf War. New York: Times Syndication Sales, 1988.*

Kershner I. David Kimche, an Israeli Adept as Spy and Diplomat // The New York Times. 2010. March 9.

Brands H. Reagan: The Life. New York: Doubleday, 2015. P. 552.

О них свидетельствует Дж. Вейсберг (*Weisberg J. Op. cit. P. 131*).

Kombluh P., Byrne M. Op. cit. P. 213, 214.

Ibid. P. 214.

https://en.wikipedia.org/wiki/Iran%E2%80%93Contra_affair.

<https://www.jewishvirtuallibrary.org/the-iran-contra-affair>.

705

The International Spy Museum. Washington, DC. Collection «Our Man in the Middle East».

Brogan P. The Fighting Never Stopped: A Comprehensive Guide To World Conflicts Since 1945. New York: Vintage Books, 1989. P. 253.

Draper Th. Op. cit. P. 169.

The White House Crisis: Excerpts from the Tower Commission Report //
The New York Times. 1987. Febr. 27.

Gwertzman B. Mcfarlane Took Cake and Bible to Tehran, ExCIA Man Sais
// The New York Times. 1987. Jan. 11.

Byrne M. Iran-Contra: Reagan's Scandal and the Unchecked Abuse of Presidential Power. Lawrence: University Press of Kansas, 2014. P. 195.

Ibid. P. 40.

Kombluh P., Byrne M. Op. cit. P. 250.

713

NAUS. Secretary of Defense. Caspar Weinberger Diaries. 0039830-0039831.

Sobel R. Contras Aid Fundamentals: Exploring the Intricases and Issues//
Political Science Quarterly. 1995. No. 2. P. 287–306.

Сикорд довольно откровенно рассказал об этой своей деятельности в книге, написанной совместно с журналистом Джейм Вертсом: *Secord R., Wurts J. Honored and Betrayed: Irangate, Covert Affairs, and the Secret War in Laos*. New York: John Wiley and Sons, 1992.

Walsh L. Final Report of the Independent Council for Iran/ Contra Matters. Washington, DC: Division for the Purpose of Appointing Independent Council Division No. 86-6. 1993. P. 193–197.

RRPL. Speeches. Address to the Nation on the Iran Arms and Contra Aid Controversy. 1986. Nov. 13.

Weisberg J. Op. cit. P. 133.

RRPL. News Conferences. News Conference. 1986. Nov. 19.

Weisberg J. Op. cit. P. 133.

721

GWU. NSA. Briefing Book No. 210. NSC, Memorandum from Oliver L. North to Robert C. McFarlane. Fallback Plan for the Nicaraguan Resistance. 1985. March 16.

RRPL. News Conferences. News Conference. 1986. Nov. 25.

Reagan R. Diaries. P. 494.

Weisberg J. Op. cit. P. 133.

См., например: The New York Times. 1986. Nov. 26.

*Cushma J. Washington Talk; 5 Young Lawyers Who Would Be Heroes...
And a Marine Who Wears a Hero's Ribbons//The New York Times. 1987. July 7.*

727

The New York Times. 1987. Febr. 27.

The Tower Commission Report. New York: The New York Times, 1987.

729

NAUS. Records of Lawrence Walsh Relating to Iran/Contras. 1986–1993.

Final Report of the Independent Council for Iran/Contras Matters. Washington, DC: United States Court of Appeals for the District of Columbia Circuit, 1993.

Hunt A. Howard Baker, Senate Prince Showed Great Statesmanship // The Olympian. 2014. July 1.

Berisha V. (and others). Tracking Discourse Complexity Preceding Alzheimer's Disease Diagnosis: A Case Study Comparing the Press Conferences of Presidents Ronald Reagan and George Herbert Walker Bush *Journal of Alzheimer Disease*. 2015. No. 3.

RRPL. Speeches. Address to the Nation on the Iran Arms and Contra Aid Controversy. 1987. March 4.

Reeves R. Op. cit. P. 403.

Regan D. Op. cit. P. 3–5, 68.

Quigley J. What Does Joan Say?: My Seven Years as White House Astrologer to Nancy and Ronald Reagan. New York: Carol Publishing Group, 1990.

Reagan R. An American Life. P. 532.

Reston J. Kennedy and Bork // The New York Times. 1987. July 5.

739

The New York Times. 1987. Oct. 20.

Brinker N. Nancy Reagan's Breast Cancer and Her Lasting Contribution to Women's Health // Fox News Opinion. 2016. March 7.

Weisberg J. Op. cit. P. 137.

RRPL. Speeches. Farewell Speech. 1989. Jan. 11.

Tygiel J. Ronald Reagan and the Triumph of American Conservatism. New York: Pearson Education, 2005. P. 189.

744

<http://beta.latimes.com/business/realestate/hot-property/la-fi-hotprop-reagan-bel-air-house-sold-20160712-snap-story.html>.

Brando M. with Lindsey R. Songs My Mother Taught Me. New York: Random House, 1994.

Reagan R. An American Life. P. 486, 487.

747

Reagan Library at Stanford OK'd // Milwaukee Journal. 1984. Febr. 15.

Turner W. Stanford to Be the Site of the Reagan Library // The New York Times. 1984. Febr. 15.

RRPL. Speeches. Reagan Presidential Library Dedication. 1991. Nov. 4.

750

Mydans S. Elite Group to Dedicate Reagan Library // The New York Times.
1991. Nov. 1.

Hufbauer B. The Ronald Reagan Presidential Library and Museum. Simi Valley, Calif. // *Journal of American History*. 2008. No. 3. P. 786–792.

Corcoran M. The Nancy Years // Los Angeles Times. 2007. Nov. 11.

Chawkins S., Salliant C. The Talk of the Reagan Library // Los Angeles Times. 2007. Nov. 9.

Zaldivar A., Salliant C. Reagan Library Has Lost Thousands of Artifacts//Tampa Tribune. 2007. Nov. 10.

Reagan M. Lessons My Father Taught Me. P. 79. Майкл Рейган ошибается, указывая, что эта встреча происходила в августе 1991 года.

Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Т. 2. С. 190.

Tygiel J. Op. cit. P. 189.

<http://www.sparknotes.com/biography/reagan/section 10.rhtml>.

759

The New York Times. 1997. Oct. 5.

Tygiel J. Op. cit. P. 189.

761

<https://www.c-span.org/video/735586-l/arising-ashes-old-world-order>.

RRPM. Speeches. Speech of the Former President at the 1992 Republican Convention. Речь Рейгана можно послушать и увидеть в Интернете:
<https://www.youtube.com/watch?v=WxL3OUldwml>.

763

The New York Times. 1992. Apr. 16.

764

Desert News. 1992. Oct. 23.

Excerpts From Reagan's Testimony on the Iran-Contra Affair // The New York Times. 1990. Febr. 23; *Cawley J., Campbell L.* Reagan Hazy on Iran-Contras Knowledge of Diversion is Denied // Chicago Tribune. 1990. Febr. 23.

GWU. NSA. Reagn and Bush «Criminal Liability» Evaluation.

Reagan R. Diaries. P. 453.

Berisha V. (and others). Op. cit. // Journal of Alzheimer Disease. 2015. No. 3.

RRPL. Letter to American People. 1994. Dec. 5.

770

<http://www.cnn.com/2001/ALLPOLITICS/stories/02/05/reagan.lkl.trans%20>.

771

The New York Times. 1994. Nov. 6.

Ibid. 2001. Jan. 13.

773

Стенограмму интервью см.: <http://www.cnn.com/2001/ALLPOLITICS/stories/02/05/reagan.lkl.trans%20>.

Davis P. Saying No to Daddy // Town and Country. 2012. January. P. 77.

775

The Washington Post. 2004. June 6.

776

Los Angeles Times. 2004. June 6.

777

<https://regnum.ru/news/polit/273243.html>.

The Telegraph. 2004. June 7.

<http://www.city-data.com/forum/politics-other-controversies/1248112-news-nancy-reagan-first-among-first.html>.

Cannon L. Governor Reagan. P. 61.

781

Добрынин А. Ф. Указ. соч. С. 646.

notes

Примечания

1

Гекльберри Финн, или Гек, — один из главных персонажей романов Марка Твена «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна» и других.

Глостер (глостерская шхуна) — парусник из порта Глостер (Массачусетс, США), отличавшийся высокой скоростью и другими мореходными качествами, которые обеспечивали победу в морских гонках.

Перевод Л. Шустера.

В подлиннике песня начиналась словами: «Ты мигай, звезда ночная, / Где ты, кто ты, я не знаю» (перевод О. Седаковой).

5

Полное наименование этого союза значительно длиннее и занимает около трех строк.

Отметим распространенную ошибку: расследование влияния коммунистов в Голливуде многие авторы представляют как проявление маккартизма, хотя на самом деле комиссия по антиамериканской деятельности была создана и действовала только при палате представителей и никакого отношения к сенатору Джозефу Маккарти не имела.

Опубликованные в конце 2017 года в США новые рассекреченные документы по делу об убийстве Кеннеди не внесли ясности ни по одному из вопросов, связанных с этим преступлением.

Невозможно согласиться с недоказанным утверждением Э. А. Иваняна, что Рейган «как бы просил прощения за свое недостойное прошлое», за поддержку Ф. Рузвельта. На самом деле Рейган неоднократно продолжал высоко отзываться о Рузвельте, в том числе и во время своего президентства.

Бродер сравнивал речь Рейгана с выступлением известного деятеля Демократической партии популиста Д. Брайана на предвыборном съезде этой партии. Брайан защищал идею, что доллар должен обеспечиваться не золотом, а серебром, которое в США имелось в достаточном количестве. Он завершил свое выступление словами: «Не надо распинать человечество на кресте из золота».

Э. А. Иванян допустил явную ошибку, повторив неверные сведения о «тесном общении» Рейгана с этим обществом, а также что Рейган якобы в начале 1960-х годов перешел на «крайне правый фланг политического спектра», стал «правым экстремистом».

Маркузе, ставший к этому времени благодаря появлению своей работы «Одномерный человек» философом международной известности, работал в этом университете с 1965 года. На русском языке опубликован ряд трудов Г. Маркузе, но серьезных работ о его деятельности в Германии до прихода нацистов к власти, а затем в США, о его идеологии нет.

Позже, уже став президентом, Рейган опубликовал брошюру, в которой попытался объяснить свою противоречивую позицию по этому действительно сложному вопросу. Эта брошюра была его первой публикацией на президентском посту.

Это была очередная цифровая выдумка Рейгана: административные расходы всех государственных ведомств США составляли в середине 1970-х годов примерно 30 процентов налоговых сборов.

Перевод Л. Шустера.

Багс Банни — карикатурный персонаж, внешне напоминающий кролика или зайца.

Или деревня — то и другое обозначается одним английским словом — country.

Эти слова сравнительно широко вошли в американский политический лексикон для обозначения давно уже надоевшего повторения одних и тех же доводов, одних и тех же малоубедительных аргументов. При этом об авторстве явно позабыли.

Джоди Фостер тоже училась в Йельском университете и одновременно снималась в кино. Хинкли воспылал к ней страстью после того, как в фильме «Водитель такси» она сыграла малолетнюю проститутку и была за эту роль номинирована на ряд премий.

Пуля пробила голову Брейди чуть выше левого глаза. Ранение было настолько тяжелым, что в прессе даже появились сведения о его смерти. Однако удачно проведенная операция сохранила Брейди жизнь, хотя он остался тяжелым инвалидом и более был не в состоянии выполнять свои обязанности. В знак уважения к заслугам своего помощника и понимая, что тот пострадал от пули, предназначенной ему, Рейган сохранил за ним пост пресс-секретаря до конца своего пребывания в Белом доме. Его обязанности выполняли Ларри Спикере и Мартин Фицуотер, занимавшие должности «действующего пресс-секретаря» и «заместителя пресс-секретаря».

Закон был назван по имени французского экономиста конца XVIII — начала XIX века Жана Батиста Сэя.

Пусковые установки ракет «Сатана» были созданы на западной границе СССР, в частности в Западной Украине. Рядом находилось старое еврейское кладбище. Ученик и хороший знакомый одного из авторов этой книги, фотографируя для своего американского родственника это кладбище, был заподозрен в фотографировании установок ракет, подвергся аресту и был вынужден в результате эмигрировать.

Носит умозрительный характер и не соответствует реалиям попытка Э. А. Иваняна провести сопоставление характеров Рейгана и Брежнева, стремление этого автора найти между обоими деятелями «немало общего». При этом привлекаются обширные цитаты из только появившихся работ о Брежневе и Рейгане, свидетельствующие, что никакого личностного сходства между ними не было, а за признаки «общего» выдаются особенности, присущие фактически почти любым государственным руководителям. Но главное, неоправданное сопоставление личностей Рейгана и Брежнева проводится, игнорируя сущность общественно-государственных систем в обеих странах и факт брежневского культа в СССР, активно поощрявшийся самим генсеком, но становившийся все более анекдотическим.

Подполковник (затем полковник) КГБ В. И. Ветров был завербован в 1981 году. Он передал американской стороне ценные сведения о советской программе похищения западных технологий, раскрыл имена многочисленных агентов КГБ и ГРУ на Западе. Одной из важных операций, проведенных при его помощи, была подготовка взрыва на газопроводе. Он был арестован и приговорен к заключению за убийство в пьяном виде случайного человека. Однако позже связь Ветрова с западными разведывательными службами была раскрыта советскими контрразведывательными органами, и он по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР в 1985 году был расстрелян.

В рассекреченной части Архива ЦРУ имеется обширная документация, связанная с работой Гордиевского на британские и американские тайные службы.

В 1985 году корреспондент газеты «Нью-Йорк тайме» Карл Мейер занялся изучением вопроса, откуда Рейган брал «цитаты» из Ленина. Попытки обнаружить соответствующие тексты в собраниях сочинений Ленина, предпринятые совместно с сотрудниками Библиотеки Конгресса США, успехом не увенчались. Вслед за этим было высказано предположение, что они были заимствованы из какого-то киносценария. Обнаружить таковой также не удалось. В конце концов было установлено, что соответствующие «высказывания», приписываемые Ленину, содержались в брошюре Общества Джона Берча «None Dare Call It Conspiracy» («Никто не осмелится назвать это конспирацией»), опубликованной в городе Россмур (Калифорния) в 1971 году. Помня о калифорнийских связях Рейгана и его длительной работе в этом штате, автор высказал уверенность, что цитаты были заимствованы именно оттуда.

США поддерживали официальные отношения с Ватиканом в первой половине XIX века. В 1848 году состоялся обмен посольствами. Однако в 1879 году после включения Ватикана в состав Итальянского королевства отношения были прерваны, хотя взаимные визиты и переговоры происходили.

В. В. Александров таинственно исчез в Мадриде в 1985 году после научной конференции: вышел из гостиницы перед самым отлетом на родину и не вернулся. Его следы так и не были обнаружены. Разного рода рассуждения, что его убрали спецслужбы США, так как его выводы противоречили американским установкам на ограниченную ядерную войну, совершенно бездоказательны и противоречат элементарной логике: американские ученые, выдвинувшие аналогичные концепции, продолжали не просто существовать, но и отстаивать свои взгляды.

В первых сообщениях указывалось, что после предупредительных выстрелов самолет «удалился в сторону моря», но не уточнялось, удалился он горизонтально или вертикально!

Даже советский посол в США вынужден был позже признать: «У советских руководителей явно не хватало мужества и решимости сразу признать эту ошибку, заявить, что самолет был сбит над нашей территорией, и выразить свое глубокое сожаление по поводу этой трагедии». Андропов же, по словам Добрынина, осудил «тупоголовых генералов, совсем не думающих о большой политике».

Мы не ошиблись, указав фамилию отца с одной, а сына — с двумя буквами «л». Александр Далин изменил свою фамилию, удвоив букву «л», чтобы она правильно читалась по-английски (с одним «л» фамилия читалась бы Дейлин).

До настоящего времени не ясно, что собой представляли эти студенты, якобы поехавшие на Гренаду получать образование, что само по себе звучит иронией. Скорее всего, это была подрывная сила, организованная ЦРУ. Достоверные документы на этот счет, однако, до настоящего времени в открытом доступе отсутствуют.

Дмитрий Федорович Устинов в 1976–1984 годах являлся министром обороны СССР.

Имеется в виду первая из двух названных книг.

Между прочим, сравнительно недавно в газете «Аргументы и факты» появилась противоречивая заметка от редакции по поводу заявления Рейгана, в которой сначала утверждается, что микрофон был включен и слова Рейгана услышала вся страна (что не соответствует действительности), но вслед за этим автор, вроде бы позабыв о только что сказанном, отмечает: «Присутствующие в комнате помощники президента, журналисты и технический персонал, услышав эти слова, лишь засмеялись. Однако о записи стало скоро всем известно». Подобные нелепости можно обнаружить и в других российских изданиях. Повторил эту версию в своих воспоминаниях и А. Ф. Добрынин. В ряде работ муссируются сведения о том, что советские вооруженные силы были приведены в повышенную боевую готовность, что также не соответствует действительности.

Перевод Л. Шустера.

Томас Пейн (1737–1809) — англо-американский писатель, философ, публицист, один из идеологов Американской революции XVIII века.

В феврале 1986 года Щаранский был освобожден из заключения, в частности в результате просьбы Рейгана, адресованной М. С. Горбачеву. Вместе с несколькими другими бывшими заключенными его обменяли на группу разведчиков СССР, Чехословакии и ГДР, ранее арестованных американскими спецслужбами. В мае того же года он побывал в США, был принят президентом и награжден Золотой медалью Конгресса США. В упомянутых воспоминаниях Щаранский рассказывал, что его сообщение Рейгану о том, с каким восторгом его заявление об «империи зла» было встречено советскими политзаключенными, вызвало у Рейгана ответный восторг: «Он подскочил в своем кресле и стал размахивать руками, призывая тех, кто был поблизости, послушать историю Щаранского».

О том, что Черненко тяжело болен, было известно в СССР и за рубежом с первых дней его пребывания у власти. Широко была распространена грустная, но весьма ехидная шутка: «Сегодня в восемь утра, не приходя в сознание, Константин Устинович Черненко приступил к исполнению своих обязанностей».

М. Нунэн продолжала работу в качестве спичрайтера при следующем президенте Джордже Буше, а затем занялась собственной литературной деятельностью, став автором ряда публицистических книг по вопросам современной политики и журналистского мастерства. Она является лауреатом многих престижных литературных наград, в том числе Пулитцеровской премии.

В районе Дюнкерка в мае 1940 года германские войска прижали к морю британский экспедиционный корпус, который был вынужден эвакуироваться на Британские острова, оставив на побережье почти всю технику. Это была одна из наиболее крупных германских побед на начальном этапе Второй мировой войны.

В литературном английском языке слово имеет много значений, в том числе «выстрел», «треск», «трещина», «расселина».

В условиях холодной войны факт обнаружения наибольшей распространенности СПИДа в США был использован советской пропагандистской дезинформационной машиной при помощи спецслужб Восточной Германии для создания мифа о том, что вирус СПИДа был создан искусственно по заданию высших кругов США в качестве нового страшного бактериологического оружия. В сентябре 1982 года руководство КГБ СССР приняло решение о противопоставлении «агрессивной позиции» президента США Рейгана своих «активных мер». В число «активных мер» было решено включить и дезинформацию, связанную со СПИДом. На эту тему появилась даже брошюра восточногерманского профессора Якоба Сегала с соавторами «О природе и происхождении СПИДа», которые в наукообразной форме сообщали (разумеется, без каких бы то ни было доказательств), что Пентагон проводил тайные эксперименты на базе Форт-Детрик по разработке биологического оружия, где якобы располагалась совершенно секретная лаборатория «Р-4» по исследованию генов. По данным этих авторов, каким-то образом вирус вышел из-под контроля и стал источником заболевания самих американцев. На базе этой брошюры в ГДР, СССР и других странах стали появляться «разоблачительные» популярные статьи о биологических происках американского империализма, якобы одобренных президентом Рейганом. Это был один из ответов советской пропагандистской машины на тезис Рейгана об «империи зла». Проблема была детально исследована на базе архивных источников американским историком Томасом Богхардтом.

Позже советское руководство дало согласие на ликвидацию Красноярской РЛС, а Шеварднадзе признал, что ее создание нарушало договор о противоракетной обороне. Строительство системы, а затем ее демонтаж в 1990 году обошлись более чем в 450 миллионов рублей.

Баррель (от англ., *barrel* — бочка) — единица измерения сыпучих веществ и жидкостей. Один нефтяной баррель составляет около 159 литров.

24 декабря 1986 года в центральной советской печати появилось следующее примечательное «редакционное» сообщение: «Академик Сахаров обратился к советскому руководству с просьбой разрешить ему возвращение из Горького в Москву. В результате рассмотрения этой просьбы компетентными организациями, включая Академию наук СССР и административные органы, было принято решение удовлетворить эту просьбу. Одновременно Президиум Верховного Совета СССР принял решение о помиловании гражданки Боннэр. Таким образом, им обоим предоставлена возможность вернуться в Москву, а А. Д. Сахарову — и активно включиться в академическую жизнь, теперь — на московском направлении (что означало это «направление», понять было невозможно. — Г. Ч., Л. Д.) деятельности АН СССР. Утром 23 декабря А. Д. Сахаров и Е. Г. Боннэр поездом прибыли в Москву». Приведенный текст был свидетельством, что сообщение готовилось в спешке растерянными чиновниками, из чего вытекали его нелогичность и сбивчивость.

Не соответствует действительности утверждение Дж. Вейсберга, что Рейган в письме сделал «строгое замечание» Горбачеву по поводу вторжения в посольство.

Обозреватель русской службы Би-би-си В. Козловский, не отличающийся обычно глубиной и достоверностью своих публикаций, явно преувеличивает, заявляя в наше время о том, что дело едва не привело к привлечению к суду Рейгана и вице-президента Дж. Буша. Именно так: «Как Рейган и Буш ушли от суда» — и назван его материал.

Муамар Каддафи — ливийский диктатор в 1969–2011 годах. Был свергнут и казнен без суда.

Джон Уинтроп (1548–1649) — британский юрист, а затем государственный деятель английских колоний в Северной Америке. Был губернатором Колонии Массачусетского залива.

Напомним парадокс: политический и экономический либерализм — совершенно разные, противоположные категории. Политические либералы выступают за жесткий государственный контроль над экономикой. Политические консерваторы стремятся к максимальному ослаблению контроля, то есть к экономическому либерализму.